

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

L Russkaja *Mysl'*
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 Г.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Съ доставкою и пере-
сылкою во всѣ мѣста

Россіи 12 р. 6 р. 3 р. — 1 р.

За границу 14 „ 7 „ 3 „ 50 к.—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается
разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля
и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ раз-
мѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.
Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими
подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей,
при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ преж-
немъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала:—Леонтьевскій пер., 21.

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книж-
номъ магазинѣ Н. Фелу и К°. Невскій
просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

08

Р-88м 1889,,

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КНИГА XI

UNIV. OF
CALIFORNIA

62-26702

МОСКВА.

1889.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/64

70 1111
1111111111

AP50
R875
v. 10:11
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). <i>Продолженіе</i>	1
II. АСКАЛОНСКІЙ ЗЛОДѢЙ. (Изъ сирійскихъ преданій). — Н. С. Лѣскова.	18
III. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ВИНЦЕНТА БОСЯКЕВИЧА. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	70
IV. ПРОБЪЗДОМЪ. (Повѣсть). Гл. I—VIII. — П. Д. Боборыкина . . .	100
V. БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ. Романъ Осипа Шубина. Часть III, гл. XI—XVI; часть IV, гл. I—VIII. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р. <i>Продолженіе</i>	133
VI. СУЕТА МІРСКАЯ. (Разсказъ). — И. Антоновича.	194
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. — П. А. Козлова.	212
VIII. ЧТО ТАКОЕ НАУЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ? <i>Окончаніе</i> . — В. В. Лесевича	1
IX. ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ БЫВШИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ. — Л. В. Ходскаго.	18
X. ПРИКЛАДНАЯ СОЦІАЛЬНАЯ НАУКА И ТЕОРІЯ ПРОГРЕССА. (<i>Lester Ward: «Dynamic Sociology»</i>). — П. Ф. Н.	53
XI. УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ И АДВОКАТУРА ВО ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА. <i>Окончаніе</i> . — П. Н. Обнинскаго	79
XII. ГЛАДСТОНЪ. (Биографическій очеркъ). — Е. И. Конради . . .	103
XIII. СВОИМЪ ЧЕРЕДОМЪ. (Обзоръ мѣстной печати). — Г. И. Успенскаго.	136
XIV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XL. — Н. В. Шелгунова	155

857362

	Стр.
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	172
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Вопросы уголовной антропологии и парижскій уголовно-антропологическій конгрессъ.—Д. А. Дриля.	180
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый выигрышный заемъ.—Облегченія заемщикамъ дворянскаго банка.—Новыя ходатайства въ пользу дворянства.—Вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство.—Дворянство и земство по отношенію къ народной школѣ.—Дѣло объ обвалѣ дома на Кузнецкомъ мосту.—А. С. Лашкевичъ †.—А. Д. Градовскій †.—VIII съездъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.	204
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Разладъ</i> , драма В. А. Крылова; <i>Водоворотъ</i> , драма И. В. Шпагинскаго.—Театръ г-жи Абрамовой: <i>Грѣшница</i> , драма А. И. Пальма; <i>Матап</i> , комедія С. Н. Терпигорева; <i>Золотая рыбка</i> , комедія И. А. Салова и И. Г. Ге; <i>Мечты и жизнь</i> , драма г-жи Домашевской; <i>Тролодитъ</i> , комедія гг. Тарновскаго и Матернъ.—Театръ г-жи Горовой: <i>Перекати-поле</i> , комедія г. Гнѣдича.—Ан.	225
XIX. ЗАМѢТКА PRO DOMO SUA. П. Н. Милюкова.	241
XX. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Археологія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги и учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», октябрь.—«Русскій Вѣстникъ», августъ—октябрь.—«Вопросы философіи и психологіи», кн. I.—«Кіевская Старина», май—октябрь.—«Библиографъ».	467

Изъ переписки недавнихъ дѣятелей *).

(Матеріалы для исторіи русскаго общества).

(1841 г.)

Другъ! Еще тебѣ нѣсколько строкъ, предвѣстниковъ моего при-
бытія въ Петербургъ. Мы ѣдемъ въ чужіе края, если меня пустятъ.
Впрочемъ, о подробностяхъ узнаешь отъ Маріи и отъ меня по мо-
ему приѣздѣ. Во всякомъ случаѣ, я черезъ 10 или 11 дней въ Пи-
терѣ. Помогай въ хлопотахъ моей женѣ. Можетъ быть, эти обстоя-
тельства сведутъ васъ; еслибъ вы разстались друзьями, я былъ
бы счастливъ. Вотъ тебѣ моя рука: она благороднѣйшая женщи-
на — уваженіе къ ней, да! я этого требую. Теперь надо быть дѣя-
тельнымъ, поѣздка за границу будетъ вѣнцомъ освобожденія. Ко-
нечно, это путешествіе не будетъ науки ради, но поэтическое бу-
детъ навѣрное. Возстановленіе здоровья чаятельно. Словомъ, я
радъ ѣхать, радъ, какъ ребенокъ. Виновникъ моего отпуска генер.
губерн. — благородный человѣкъ. А прокуроръ... честный человѣкъ.
Дистанція огромнаго размѣра. Но прощай — до скораго свиданія.
Жму руку Наташѣ.

(Май м. 1841 года).

Вчера прибылъ поздно **) и не совсѣмъ здорово — и просналъ.
Naturgewalt! ***). Ты въ душѣ можешь отринуть всякую естествен-
ную связь, — отринуть, т. е. стать выше этой связи. Но никто не
толкнетъ тебя de facto обломать руки у индивида, съ которымъ
нѣтъ духовной связи, обрубить ноги или даже лишитъ спокойствія

*) *Русская Мысль*, кн. X.

**) Въ Петербургъ.

***) Въ языкѣ кружка это слово было въ ходу. Герценъ пишетъ въ своемъ дневникѣ
(12 іюня 1842 г.): „Я всегда проповѣдывалъ противъ Naturgewalt; но гуманность моя
идеть до того, что я прощаю ей, если только въ силу этой Naturgewalt не отрывается
человѣкъ самъ отъ всего человѣческаго“.

въ жизни. Нѣтъ; просто ты неправъ, твоя гуманность молчала, пока движеніе ума доводило до жестокости. Дай же мѣсто любви, ейсходженію, развѣ они не войдутъ въ составъ жизни духовной? Странное дѣло! Пока я ни съ кѣмъ не говорилъ, я внутренно бѣлся. Съ тѣхъ поръ, какъ сказалъ, у меня воскресло къ ней влеченіе, рѣшительно влеченіе. Я все бы ходилъ около нея, какъ около больнаго ребенка, и утѣшалъ бы ее, ласкалъ бы ее. Неужели я подь влияніемъ Naturgewalt? Можетъ быть; но я еще не знаю, благородно ли высвободиться изъ-подъ этой Naturgewalt? Не духовная жизнь замѣняетъ Naturgewalt, а другая Naturgewalt—самолюбіе. Если это Naturgewalt даетъ мнѣ радикальное положеніе, то это Naturgewalt даетъ внутреннюю жестокость, которой я не хочу ни за какія блага на свѣтѣ. Опять прихожу къ 1-му направленію: оставить судьбу постепенно рушить Naturgewalt, но не понукать ходъ вещей и не ломать индивидовъ. Ей-Богу, это мягче и человѣчнѣе. Не способенъ я ломать, да и только. Прощай! До свиданія! Если въ 12 часовъ не буду, то значить, что я сплю и что мы увидимся у Краевского, куда я приѣду въ 11-мъ часу изъ театра. Коммиссію я тебѣ не даю, самъ ее справлю.

Некого было послать. Еще припишу. Я чувствую, что я игрушка der Naturgewalten. Моя другая любовь, другая мечта — тоже Naturgewalt,—внезапная вспышка, произведенная, можетъ быть, моимъ положеніемъ — не болѣе. Странно! Но я не въ силахъ стать выше. Какъ-то я сравнивалъ себя съ Эдуардомъ изъ *Wahlverwandtschaft* — это правда. Даже положеніе подобное, хотя мое гораздо хуже, потому что неоткуда ждать удовлетворенія потребности любить. Мнѣ кажется, мнѣ предстоитъ другой выходъ: отказаться отъ личнаго блаженства и броситься in das Allgemeine.

Одно я вижу, мой вѣчный другъ, что положеніе тяжело, грустно, минуты сладкія рѣдки, даже я не всегда къ нимъ способенъ,—*aggrège pensèe* горечи мѣшаетъ полному наслажденію... даже когда я съ тобой!

Намедни я прилежъ къ ней на плечо, вспомнилъ все прежнее и записалъ эту минуту, какъ одну изъ послѣднихъ нашего распатаннаго счастья, но все же блаженную минуту.

Что дѣлать? Учи человѣка какъ хочешь,—пока внутри его не живетъ сила сдѣлать то или другое, ничему его не научишь.

Was Ihr nicht fùhlt, Ihr werdet's nie erjagen.

Такъ и я. Все не въ прокъ,—нитка тянется и не лопается; придетъ время, она лопнетъ. Пришли мнѣ два твои письма. Но, ей-Богу, мы еще не выучились смотрѣть на людей съ надлежащей

точки зрѣнія и не всегда справедливы; унижаемъ и превозносимъ больше, чѣмъ можно.

Театра нѣтъ. Я вечеромъ приду и отправимся къ Краевскому. Устиновъ и его шѣпаге еще больше заставили меня задуматься. Тутъ будутъ въ борьбѣ двѣ виѣшнія природы. Я вижу, что бракъ—пошлость. Мѣшаетъ жить полною жизнью. Не исключаю никого изъ этого положенія.

Взгляни на Байрона, и ты поймешь, что только человекъ свободный можетъ любить и блаженствовать съ полнотою.

А жалко расторгнуть что-нибудь. Все бывшее такъ мило, что съ нимъ индивиду такъ же трудно развязаться, какъ народу съ историческими преданіями.

Но я что-то спокойнѣе. Отчего—самъ не знаю. А эти дни я больше люблю ее; кажется, это было бы еще грустнѣе, а нѣтъ, у меня на душѣ легче.

Ты, можетъ, станешь гнѣваться на это письмо. Это будетъ глупо. Лучше протяни мнѣ руку, скажи, что я дитя, а, все-таки, будь моимъ вѣчнымъ другомъ.

Письмо это ярко отражаетъ душевное страданіе Огарева отъ его отношеній къ женѣ, съ которой онъ не въ силахъ былъ разорвать, и отъ отношеній къ ней его ближайшаго друга, котораго онъ все же хотѣлъ примирить съ своею женой. Временно, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ за границу, онъ въ этомъ успѣлъ. Какъ бы отвѣчая на одно изъ писемъ Огарева, Герценъ писалъ уже изъ Новгорода (23 іюля 1841 г.) другу въ Москву: «Я забылъ тебѣ сообщить, что передъ отъѣздомъ Огарева я снова помирился съ Марьей Львовной. Мы право много передъ ней виноваты: въ ней есть такіа достоинства,—mais des достоинства! Она почтеннѣйшая женщина!... (Анненковъ: «Идеалисты тридцатыхъ годовъ»; *Вѣстникъ Европы* 1883 г., апрѣль, стр. 530).

1 іюля н. с. (1841 г.) *).

Вотъ я и въ Карлсбадѣ. Лечусь. Я заглянулъ въ себя на досугъ и нехорошо мнѣ стало. Много мы говорили въ Питерѣ, и все не то. Я недоволенъ не только собой, но даже и нами. А прощанье наше было хорошо. Наше послѣднее утро было хорошо. Широкое море **) да широкая симпатія. Твою записку я долго носилъ при

*) Начиная съ этого письма, всѣ года, поставленные въ скобкахъ съ правой стороны, означены нами на основаніи хронологическихъ данныхъ, заключающихся въ письмахъ. Годы въ скобкахъ при предыдущихъ письмахъ поставлены А. И. Герценомъ.

**) Тогда обыкновенно ѣздили изъ Петербурга за границу черезъ Штетинъ моремъ.

себѣ, но выдралъ изъ нея клочекъ, который напоминалъ скорбную повѣсть, частью ложную, частью истинную и о которой ты не долженъ былъ писать въ послѣдней запискѣ; но объ этомъ и о многомъ мы поговоримъ при свиданіи. Много здѣсь мнѣ открылось, много старинныхъ, задуманныхъ истинъ опять всплыло наружу. Я бросился въ объятія общаго и вѣрю въ жизнь, какъ никогда не вѣрилъ. Много понятій уяснилось изъ міра ощущеній, мечтаній, смутныхъ идей, изъ области мысли, даже я пришелъ къ положительному, ищу die That и полонъ надежды. Пруссію я полюбилъ. Ей широкая будущность *). Общее довольство отвратитъ отъ нея бури, но успѣхъ спокойный, стройное развитіе цивилизаціи будетъ ея удѣломъ. Да здравствуетъ Германія! Въ природѣ я нашелъ еще симпатическую сторону жизни. Синія горы, тихія долины, темныя рощи еловые, тополи прямые, каштановыя деревья, — все это какое-то предчувствіе, какое-то вступленіе въ Италію. Теперь я въ Карлсбадѣ. Недѣли черезъ три поѣду въ Эмсъ, потомъ въ Веве (Швейцарія) и, наконецъ, въ Римъ и въ Неаполь. Конечно, я успѣю бросить очень поверхностный взглядъ на Европу, и только; но и это только хорошо. Въ Карлсбадѣ скучно. Соотечественники наши нигуда не годятся; англичане, которыхъ здѣсь не сочтешь, также. Филистерство въ высшей степени. Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ. Племянникъ John'a Rossel'я — юноша привлекательной наружности; мнѣ хочется съ нимъ познакомиться, но онъ, кажется, такъ молодъ и живетъ aus sich heraus, что едва ли что найду утѣшительнаго. Галаховъ **) прибылъ къ намъ слишкомъ двѣ недѣли; мы много говорили и мнѣ было хорошо. Сегодня разстались съ нимъ. Воды и образъ жизни, даже внѣ развлеченій общества, мѣшаютъ заниматься, вгоняютъ тѣло въ усталость и душу — въ апатію. Это очень скучно, а преобладаніе тѣла надъ духомъ — досадно. Я нашелъ кое-какія книги занимательныя въ Дрезденѣ. Въ Дрезденѣ все есть, не знаю, есть ли цензура, забылъ освѣδοчиться, но, судя по книгамъ, непохоже, чтобъ что было вычеркнуто. Обратясь къ вещамъ положительнымъ, я рѣшился заняться здѣсь предметомъ, для насъ довольно чуждымъ — финансами, и читаю кое-что. Историческое право, которое всюду держитъ людей въ когтяхъ, и въ этой наукѣ крѣпко царапаетъ здравый смыслъ и правосудіе. Много вещей, безъ вся-

*) Въ молодости и Герценъ видѣлъ въ Пруссіи „прогрессивное начало“ и сравнивалъ ее, какъ „получившую осядлость въ новое время“, съ Америкой и Сибирью (*Литтегольцъ*: „Идеалисти тридцатыхъ годовъ“; *Востокъ. Европы* 1883 г., мартъ, стр. 144).

**) Иванъ Павловичъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ известнымъ историкомъ русской литературы Алексѣемъ Дмитриевичемъ.

наго разумнаго основанія, вошло въ науку потому только, что существуютъ въ дѣйствительности. Нѣтъ, messieurs, не все, что дѣйствительно, разумно, но разумное должно быть дѣйствительно. Лучшая мысль современной германской философіи — die Philosophie der That. Я нашелъ реакцію противъ Гегеля. Но объ этомъ очень долго распространяться, а Гал. ѣдетъ черезъ нѣсколько часовъ.

Ну, гдѣ ты, гдѣ ты? Все ли въ туманахъ сѣвер. столицы или же въ туманахъ сѣверной провинціи? *). Гдѣ бы ты ни былъ — сила духа не должна оставлять ни на минуту. Я чувствую, что крѣпну. Я почти ничего не пишу. Среди чудесной природы стремленіе къ стихамъ, наперекоръ здравому смыслу, меня оставило, а люди въ ихъ положительномъ мірѣ занимаютъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Много мы поболтаемъ при свиданіи. Но гдѣ же увидимся? Пиши ко мнѣ въ сентябрѣ въ Неаполь *poste restante*; но не много, разумѣется. Здѣсь изъ русскихъ Брянчаниновъ и много, много. Дипломатическій корпусъ здѣсь: Pahlen, Гурьевъ, Medem (изъ Баваріи, кажется); говорятъ о пріѣздѣ Тьера, — это интересно. Но что-то не вѣрится. Всѣ эти люди имѣютъ какую-то таинственность, — газеты и люди предполагаютъ, что у нихъ совѣщаніе, а, можетъ быть, ничего этого нѣтъ, и они отдыхаютъ отъ дѣлъ. Но Европа интересна, настоящая минута интересна — будто что-то особенное должно быть.

Дай ручку, Наташа! Тебѣ надобно сказать, что я видѣлъ Рафаэлю мадонну, и если мужъ твой восхищался тою, которая въ Эрмитажѣ, то онъ ничего не понимаетъ. Что за Христа она держитъ на рукахъ! Пріѣзжай въ Дрезденъ когда-нибудь и взгляни на это дивное созданіе. Что твой Саша? такъ же ли говорить: не хочется? Будь счастлива, сестра... много дается тѣмъ, кто много любитъ умѣть. Цѣлую Сашку.

Прощайте, друзья. Больше некогда писать. Я доволенъ путешествіемъ — будетъ съ васъ этого; вы должны быть довольны, что я, все-таки, не даромъ съѣздила. Addio!

(Помѣтка Г—на:

„Съ Галах. 2 сент. 1841, Новг.“).

(11 апрѣля 1842 г.).

Вчера я перечелъ г. Малиновъ, и мнѣ захотѣлось къ тебѣ писать **). Давно я не говорилъ съ тобою, и хорошо сдѣлаю; мучи-

*) Съ 1 іюля 1841 г. Герденъ былъ уже въ Новгородѣ, гдѣ оставался до 13 іюля 1842 г.

***) *Патріархальныя нравы города Малинова* — глава изъ очерка *Записки одного молодого человека* Александра, напечатаннаго въ *Отеч. Запискахъ* 1840—41 гг. Очеркъ имѣетъ автобіографическое значеніе.

мый внутренно, одурѣлый въ какомъ-то хаотическомъ образѣ жизни,—что бы я сказала тебѣ? Теперь я одинъ *). Болѣзни заставила меня вести жизнь однообразную и спокойную, и я успѣла надумать, придти въ ясность съ самимъ собою и пишу къ тебѣ въ слѣдствіе истинной потребности. Дай руку и слушай!

Я задумался надъ Трензинскимъ **). Чтобъ создать это лицо, надо было пережить его въ себѣ. И ты его въ себѣ пережилъ—это очевидно, и я тоже. Тяжело сказать это, когда вспомнишь наше свѣтлое прошедшее. Мы развивали въ себѣ элементъ Трензинскаго на разныхъ точкахъ земнаго шара и при разныхъ обстоятельствахъ. Одно общее въ этомъ развитіи: вліяніе толпы, отъ которой душа леденеетъ. У тебя много скорбнаго столкновенія съ людьми и не было въ жизни. Соціальный интересъ—вотъ была наша точка отправленія; мы увидѣли, что онъ существуетъ въ немногихъ, что толпа неподвижна, и намъ приходится въ уныніи скрестить руки на груди и повѣсить голову, ничего не дѣлая. Горькое чувство презрѣнія должно было необходимо быть слѣдствіемъ. Потомъ мы видѣли гнетъ внѣшней жизни—*fatum* немилосердный, видѣли нѣсколькихъ благородныхъ, около насъ попадавшихъ въ могилы, другихъ еще болѣе стѣсненныхъ, чѣмъ мы сами; результатомъ было презрѣніе и къ этому *fatum*'у. У меня примѣшались совершенно личныя, горькія отношенія (это единое мое превосходство надъ тобою на этой нисходящей дорогѣ). И вотъ кажущееся равнодушіе, холодъ, который ничто иное, какъ жаръ внутренній, «колкое презрѣніе ко всѣмъ», сомнѣніе въ будущности общей и личной—вотъ что на нѣкоторое время завладѣло нами. Характеръ Трензинскаго мы пережили въ себѣ. Остановиться на немъ нельзя; это только моментъ переходящій. Мы чище и сильнѣе должны вынырнуть изъ этой горькой струи. Теперь мы,—по крайней мѣрѣ я,—еще на степени Трензинскаго. Задача жизни, кажется, разрѣшается такъ: отказаться отъ всякаго огромнаго соціального интереса и удовлетвориться въ маленькомъ кругѣ дѣйствія; не сердиться на апатію и низость, обружающую насъ, и примириться въ томъ, чтобъ, оттолкнувъ всякаго антипатичнаго человѣка, заключиться въ маленький кругъ близкихъ людей; отказаться отъ всякаго притязанія на лич-

*) М. Л. Огарева уѣхала отъ мужа изъ Теплица въ Италію,— «и не одна» (*Анненковъ*: „Идеалисты“; *Вѣстн. Европы* 1888, апр., стр. 530).

**) Трензинскій—лицо въ названнхъ *Запискахъ*—одинъ изъ опытовъ изображеній нашихъ святяковъ,—съ внутренней теплотой, человѣкъ, по его словамъ, „сторонній во всемъ, какой-то дальній родственникъ человечества“, а, между тѣмъ, посвящающій всю свою энергію благосостоянію своихъ случайно приобретенныхъ крестьянъ.

ное блаженство и удовлетвориться равнодушною независимостью. Горькое чувство, которое этотъ результатъ оставляетъ въ душѣ, долго не изгладится; долго не привыкнешь глядѣть безъ презрѣнія на всякаго человѣка, живущаго въ тѣсной рамкѣ; долго будешь смотрѣть съ горькою улыбкой на всякое движеніе еще юной души. Но это все пойдетъ *decreasing* и замолкнетъ, чтобъ дать мѣсто новому аккорду, громкому и мощному. Если наша 1-я симфонія была *die Sehnsucht*, а вторая *Desperatio*, то пусть третья будетъ примиреніе; пишу *Maestoso* на первой страницѣ и иду твердо и спокойно.

Примиреніе въ наукѣ мало значить. Больному не легче, когда онъ изъ физиологіи узнаетъ, какъ изящно создано тѣло человѣческое. Примиреніе нужно совершить въ дѣйствительной жизни. Но какъ? Совершить примиреніе въ мысли ужасно недостаточно; философія останется сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Жизнь будетъ дѣлать частые набѣги на философію, а философія, стараясь ладить, не сладитъ съ жизнью и не покорится ей,—борьба безплодная и безвыходная. Примиреніе должно совершиться *im Gemüthe*. Можетъ, это тебѣ покажется глупо, а оно такъ. Опытъ жизни разшаталъ великое дѣло—любовь. Только любовь могла стать выше обстоятельствъ, принимать горечь, не оскорбляясь и не унывая. Было ли, есть ли у насъ настолько любви? Можно ли возродить въ себѣ любовь? или это чувство произвольное? А какъ же безъ него примириться съ жизнью? Любовь долготерпѣлива,—говоритъ апостолъ. Посмотри: такъ ли Павелъ переноситъ тюрьму, пытки, какъ, наприм., ты свое изгнаніе? Ты скажешь, что вещи слишкомъ разны, что причиной изгнанія не великое дѣло и что терпѣніе тутъ не годится. Согласенъ; мы должны кричать противъ гнета, чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше. Но какъ ни финти, а, вѣдь, это изгнаніе тебя болѣе или менѣе вогнало въ уныніе. Возьми всѣ мои отношенія,—они вогнали меня въ уныніе. А уныніе есть недостатокъ любви, уныніе—самолюбіе. Не думаю, чтобъ это былъ парадоксъ. Трензинскій съ виду равнодушенъ, а внутри его огонь. Въ немъ есть любовь, но мы находимся въ апатіи. Даже то, что ты не дописываешь повѣсти, есть апатія. Враждебные элементы насъ задавили, силъ нѣтъ подняться. Гдѣ же выходъ? гдѣ примиреніе? Стало, въ насъ нѣтъ настолько любви, чтобъ вырваться изъ этого состоянія. Намъ нуженъ вѣншній толчокъ,—и любовь воскреснетъ, и, полные благороднымъ стремленіемъ, мы станемъ выше всѣхъ обстоятельствъ. Любовь примиритъ насъ съ жизнью, будетъ связью между примиреніемъ въ мысли съ примиреніемъ въ дѣйствительности, но не пассивно—изъ этого должно выйти: *die That*. И для

этого-то намъ нуженъ внѣшній толчокъ. Не знаю, какъ ты, а я это чувствую. До чего мы или я дожили! Въ какую лощину застряли, сойдя съ Воробьевыхъ горъ! Нуженъ толчокъ, чтобы мы могли дѣлать для цѣли, которая была и осталась для насъ святоусвятыхъ! Или ты думаешь, что мы въ самомъ дѣлѣ что-нибудь дѣлаемъ? Смѣшно такъ жестоко надувать себя, увѣрять, что мы статскіе совѣтники, между тѣмъ какъ мы носъ—и только *). Или въ самомъ дѣлѣ внѣшній гнетъ такъ силенъ, что нечего дѣлать? Ужь по крайней мѣрѣ вдвое противъ того, что мы дѣлаемъ—можно. Но бѣда въ томъ, что силы дѣйствовать нельзя возродить въ себѣ, потому что эта сила—любовь къ дѣлу. Мы вездѣ слишкомъ искали себя самихъ и первая неудача насъ осадила. Клевета это или нѣтъ? Да послужить единая возможность упрека тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, о которомъ я говорилъ. Нѣсколько дней я вырабатываюсь изъ безпомощной тоски и чувствую, что любовь къ дѣлу оживаетъ и становится главнымъ чувствомъ. Да не будетъ наша первая встрѣча, братъ, пуста и да не кончится однимъ счастьемъ повидаться другъ съ другомъ. Можетъ быть, моментъ, въ которомъ мы находимся, важенъ. Приступимъ къ дѣлу ближе, практичнѣе. Тутъ я отрываюсь, все еще, однако, не рѣшивъ, выйдемъ ли мы изъ душевнаго состоянія Трензинскихъ?

Кромѣ области гражданственности, хочется жить въ другихъ областяхъ жизни, хочется просто жить, хочется блаженства въ жизни. Нѣтъ вѣры въ возможность блаженства, а потребность непреодолима. Куда дѣваться съ этимъ?

Между этимъ письмомъ и слѣдующимъ—промежутокъ болѣе года. Огаревъ возвратился въ Россію, потомъ въ 1842 г., въ началѣ іюня, побывалъ у Герцена въ Новгородѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ успѣлъ помочь своему другу выхлопотать (черезъ гр. Вильгорскаго) позволеніе переселиться въ Москву, ради здоровья жены, разстроеннаго во время объявленія Герцену о второй ссылке (жена Герцена послѣ этого преждевременно родила, послѣ чего послѣдовали несчастные роды еще два раза). Изъ Петербурга Огаревъ уѣхалъ опять за границу, намѣреваясь окончательно разойтись съ женою и посѣтить Италію и Францію съ цѣлями образованія.

Слѣдующее письмо, очевидно, записка московскимъ друзьямъ, писанная на кораблѣ.

*) Намекъ на очеркъ Гоголя *Носъ*.

20 іюля (1842 г.).

- Друзья мои, я ѣду сегодня. Прощайте. Черезъ 4 часа парходъ меня увлекаетъ, и я увлекаюсь моремъ. А я здѣсь увлекался янтарною влагой—и сильно увлекался. Право. Хочешь объ закладъ? Ну, прощайте же, души мои, позвольте вамъ влѣпнуть безешку.

А дорого бы я далъ, чтобы быть въ Москвѣ. Кто помнитъ Бунцово и Воробьевы горы? Дайте мнѣ руки, спасибо за эти два дня. А есть и еще мѣста близъ Москвы. Ну, да прощайте!

(1842 г.).

(На цѣлой страницѣ большого почтового листа литографія горящаго города; подъ нею подпись:

„Der Alte Jungferstieg in Flammen,
in der Nacht am 6 May 1842“.

Подъ литографіей написано рукою Огарева: „Воткинъ! передай письмо Грановскому или Барону. Здравствуй, братъ! Что твоя лихорадка? Къ тебѣ напишу съ Рейна“).

Карлсбадъ, 19 іюля (1 августа). Давно пора бы писать къ вамъ, друзья мои, да лѣнь схватила за горло. А, вѣдь, есть и потребность, и много кое-чего рассказать. Мы такъ давно разстались, что уже я и не помню, когда это было. Въ самомъ дѣлѣ, я ѣхалъ, не зная ни чиселъ, ни дней, и, вмѣсто 2 недѣль, проѣхалъ четыре, а, можетъ быть, и больше. Путешествіемъ я былъ очень доволенъ. Встрѣчи были отрадныя. Но не могу сейчасъ говорить о нихъ: погодите—вотъ еще распишусь. Теперь скажу нѣсколько словъ о себѣ. Жизнь моя легче, чѣмъ была. Я вижу выходъ. Отнынѣ я свободно буду гулять по свѣту. Марія—благороднѣйшій человекъ въ мірѣ; мы всегда останемся друзьями *). Это твои слова, мой ученый другъ, и ты былъ правъ. Я не думаю, чтобы вамъ эти строки показались неясными. Вы, кажется, народъ догадливый. И такъ, мои отношенія обрисовались, я былъ откровененъ, сколько могъ. Во всемъ этомъ много горькаго и тяжелаго; но опредѣленность спасительна и жить хотя не радостнѣе, но легче. Теперь еще одно меня сильно тревожитъ, это какое-то внутреннее броженіе, вслѣдствіе неутомимой жизни въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Жажда наслажденія сбивается на какое-то дикое скинское своеволие. Я не могу сосредоточиться, и какая-то тоска и пустота владѣютъ мною. Въ этомъ внутреннемъ хаосѣ мелькаетъ одно свѣтлое чувство, но и отъ него становится такъ грустно, что подчасъ заплакалъ бы. Все то, что я пережилъ въ послѣднее время, когда еще былъ съ

*) Узнавъ о пріѣздѣ Огарева въ Германію, Марья Львовна поспѣшила къ нему изъ Италіи, супруги сошлись на „дружбѣ“ и поѣхали было вмѣстѣ на Рейнъ и въ Италію (о страданіяхъ Огарева въ это время см. у Анненкова, указ. соч., стр. 531—532, по письмамъ Саткина и самого Огарева).

вами, является мнѣ какимъ-то чуднымъ сномъ; я живу въ этомъ снѣ и знаю, что тутъ ничего нѣтъ дѣйствительнаго. Когда я ясно сознаю, что все это фантазія и ложь, я ужасно страдаю. Вотъ въ чемъ проходитъ мое существованіе. Но лучшія минуты — минуты творческой дѣятельности. Тутъ вся примѣсь докучныхъ постороннихъ элементовъ исчезаетъ, даже мое сновидѣніе получаетъ какую-то особенную свѣтлую дѣйствительность, и дикаго броженія нѣтъ во мнѣ, и я счастливъ. Хорошо ли, дурно ли выходитъ то, что пишу, — въ то время, когда пишу, все равно. Послѣ иногда взглянешь съ усмѣшкой на написанное и скажешь: «Фу, ты, Боже мой, какая дрянь!» Это становится досадно. Иногда я думаю, что въ дѣятельности художника много эгоизма, потому что участіе къ дѣйствительнымъ людямъ на ту минуту пропадаетъ. Но за то сколько тутъ другой высшей любви, — и когда трудъ оконченъ, какъ тепло пожмешь руку всякому, кто носитъ имя человѣка.

Въ Карлсбадѣ ужасно скучно. То ли, что прошлаго года мнѣ было здѣсь тяжело существовать, то ли, что долговременное пребываніе въ мѣстѣ мало примѣчательномъ томить, но я ненавижу Карлсбадъ, и люди мнѣ кажутся здѣсь ужасно скучны. Намедни я познакомился съ ш-ше Сухозанетъ (*Magnolia Отчественныхъ Записокъ*, если вы помните). Отвратительная, изжеманившаяся старая баба. Глаза злые. Отчего-жь у нея столько хорошаго въ стихахъ? Жаль, что нѣтъ ея стиховъ подъ рукою, — мнѣ кажется, что я отыскалъ бы слѣды женщины, которая ходитъ на ходуляхъ. Или все человѣческое можетъ храниться такъ глубоко въ душѣ, что ложь очевидная въ каждой ужимкѣ индивида ничего не доказываетъ? Это было бы утѣшительно, но невѣроятно. Я говорилъ упомянутой *Magnoli* о *Мертвыхъ душахъ*, но что она мнѣ сказала: «это, кажется, Гоголь въ первый разъ пишетъ въ прозѣ?» Я покраснѣлъ за нее. Но быть *eine hohe Dame* даетъ право не конфузиться ни отъ какихъ нелѣпостей. Познакомилъ меня съ ней кн. Одоевскій, съ которымъ мы сошлись въ Лейпцигѣ и съ которымъ мнѣ суждено не разъ встрѣтиться. Хорошій человѣкъ, но до того совращенный съ свойственнаго ему пути, что кажется пошлымъ; а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ плохъ. Съ княгиней мы въ великой пріязни. Въ ней ужасно много чего-то бабьяго, чего даже не любить и Чичиковъ. Бстати о Лейпцигѣ: городъ хоть куда, и сады, и улицы, и студенты, и не-студенты, и *café*, въ которыхъ есть *chagivagi* и не-*chagivagi*. Аула очень красивая, съ барельефами Ретчеля. Барельефы, кажется, имѣютъ намѣреніе выразить историческое развитіе чело-вѣчества. На одной сторонѣ Египеть, Греція и Римъ, на другой —

реформація и наука. Реформація—лучшій барельефъ. Лютеръ и Меланхтонъ превосходны. Но барельефы такъ высоко поставлены, что едва ли могутъ производить эффектъ, если глядѣть снизу (я смотрѣлъ съ хоровъ). Статуи тоже имѣютъ претензію выразить что-то. Вотъ онѣ: Минерва, Фемида, Вѣра и Любовь. Я расхохотался, не смотря на изящную отдѣлку каждой статуи порознь. Съ другой стороны—статуи и бюсты прусскихъ королей. Въ библіотекѣ книгъ много, но я, хотя и изъ ученыхъ, не смотрѣлъ на нихъ. А замѣчательны портреты: Лютеръ живой и мертвый (Lucus Stenach); Меланхтонъ живой и мертвый (idem). Меланхтонъ одинаковъ, задумчивый, умный и филистрезный. Лютеръ—*bon vivant*—*vivant à mort*—сохраняетъ только сардоническую улыбку, къ лицу Байронову Кайну. Это меня порадовало: духъ сомнѣнія передовой въ человѣчествѣ. Портретъ Гуса—это меланхоликъ и энтузіастъ. Портретъ Лафатера—*ein denkender* нѣмецъ. Но Готшедъ превосходенъ. Вотъ филистеръ-то! Вольтеръ пишетъ къ нему письмо (хранящееся въ библіотекѣ) и кончаетъ такъ: *à vous sans reserve*,—это мнѣ понравилось. Теперь слѣдуетъ говорить о Дрезденѣ. Это теперь будетъ черезъ нѣкоторое время. Теперь хочу гулять. Магіе сегодня больна и лежитъ. Взгляну на нее и пойду бродить.

Моя маленькая драматическая поэма подвигается. Я не вытерпѣлъ, чтобы не прочесть то, что было набросано, Василью Петр.*). Однако, я былъ въ трезвомъ видѣ, ergo—баронъ не можетъ меня упрекнуть въ неистовомъ желаніи декламировать, происходящемъ отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Я только былъ хорошо настроенъ. То утро я провелъ въ Царскомъ Селѣ. Мнѣ такъ грустно и хорошо было. Этотъ садъ и прудъ, и лебеди на прудѣ, и лицей, и воспоминаніе о немъ...

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица
Я безмятежно разцвѣталъ.

Ну, словомъ, я рѣдко бываю такъ удачно настроенъ. Этому утру я посвящу особую статейку (*geheimt*, разумѣется). Вотъ въ эту минуту, когда я къ вамъ пишу, я тоже хорошо настроенъ; а почему, чортъ знаетъ. Я бродилъ по горамъ совсѣмъ не въ превосходномъ раздумьи, а въ томъ физически-непотребномъ броженіи, которое я самъ ненавижу (и люблю *en même temps*). Пошелъ дождь и вымочилъ вашего ученаго друга. Это дало болѣе душеспасительное направленіе его мыслямъ. Потомъ нѣкое чтеніе. Жажда писать стала еще сильнѣе, и, странно, для того, чтобы хорошо писалось,

*) Ботанику.

мнѣ нужно ясно вспомнить какой-то отъѣздъ, еще два-три мгновѣнія, когда было такъ полно на душѣ. И неужели все это фантазія? Иногда я хочу вѣрить во всѣ фантазіи, закрывши глаза, — и не могу. Демонскій элементъ пересиливаетъ, сомнѣніе мучить, и мнѣ страхъ какъ тяжело. Помнишь, ученый другъ, когда я тебя звалъ Ромео? Да ты и похожъ на Ромео: ты и любишь дѣйствительно, и вѣрить можешь, и можешь вѣрить, что ты любишь. Ты почище меня будешь. А я ничему такому совершенно не могу вѣрить — и это меня мучить. Я мучусь безсиліемъ. Гамлетовская натура преобладаетъ. Чистая дрянь, эта натура! Ученый другъ находилъ въ моемъ нравѣ что-то схожее съ покойнымъ Станк. Это обида покойнику. Въ немъ (сколько я могу знать) свѣтлая сторона преобладала. Во мнѣ ничто не преобладаетъ, кромѣ хаоса, гдѣ все смѣшано. Мнѣ даже кажется, что едва ли у меня хотя одно созданіе выйдетъ ясно. А бываетъ мнѣ хорошо, только очень рѣдко. Баронъ! помнишь утро на Воробьевыхъ горахъ? — Буда я ѣду? — чортъ знаетъ. Душа моя тамъ, около васъ. Я ѣду *par acquies de conscience* передъ Европой. Бду теперь на Рейнъ, потомъ въ Италію. Магіе, вѣроятно, будетъ купаться въ Эмсѣ. А я буду бродить пѣшкомъ по замкамъ между Кельномъ и Майнцомъ и долго ли останусь — не знаю. Пишите во мнѣ въ Геную, гдѣ я буду въ началѣ нашего сентября (*poste restante*). Да пишите ради Бога; мнѣ ваши письма будутъ пища. Пишите о всемъ и всѣхъ. Баронъ! не будь очень лакониченъ, особенно насчетъ самого себя.

Августа 2 (20 іюля). Сегодня отрываюсь отъ всѣхъ личностей, жеметь, на цѣлую страницу, и перехожу къ Дрезденской Мадоннѣ. Мадонны Рафаэля составятъ для меня предметъ особаго изученія и выйдетъ статья (вмѣсто біографіи Рубенса). Мнѣ хочется показать *psychologisch*, какъ Рафаэлю уяснился идеаль Мадонны и Христа и всего ярче выразился въ Дрезденской Мадоннѣ (до сихъ поръ я такъ думаю, (не) видѣвъ Мадоннъ въ Ватиканѣ). Странное сходство замѣтно между всѣми его Мадоннами и Христами и упаси Боже думать, чтобы Мадонны были копіи съ Фарнарины. Я видѣлъ Фарнарину въ Эрмитажѣ: это страстная и сладострастная женщина, совершенная противоположность Мадоннѣ. Я увѣренъ, что Рафаэль былъ поглощенъ католическимъ ученіемъ о Св. Дѣвѣ. Онъ стремился создать женщину, въ которой бы вы ясно видѣли непорочность, незнаніе того, что съ ней совершилось, вмѣстѣ съ чувствомъ, что совершилось съ ней что-то великое, — слѣдственно, преданность Богу, любовь, полную смиренія, — словомъ все, что вы можете вообразить, руководствуясь католическимъ ученіемъ о Св. Дѣвѣ.

Въ снастью, Дрезденская Мадонна виситъ рядомъ съ маленькою Мадонной (извѣстной у насъ подъ названіемъ трехъ радостей, — жажется, Мадонна della Sedia) и, сравнивая ихъ, можно видѣть, что художникъ стремится выразить одно и то же: 1) въ лицахъ обѣихъ Мадоннъ дальнее сходство; 2) обѣ держать на рукахъ ребенка и въ этомъ положеніи вы чувствуете всю любовь матери; какъ умѣлъ Рафаэль самую эту обыкновенную позу проникнуть чувствомъ — не могу объяснить себѣ, но это такъ; 3) обѣ глядятъ не на ребенка, а куда-то неопредѣленно; 4) лицо Христа на обѣихъ картинахъ почти совершенно одно и то же, — по крайней мѣрѣ, сходство съ перваго взгляда разительное. Ergo — стремленіе къ идеалу въ продолженіе всей жизни художника очевидно. На той же стѣнѣ есть чья-то Мадонна, которая моетъ Христа въ корытѣ. Вотъ вамъ eine Schnigstracks entgegengesetzte Conception. Конечно, эта Мадонна смотритъ на ребенка съ любовью, но это просто мать, какою можетъ быть всякая женщина, даже и глухая Мавра, которая варитъ Барону кофій. А въ Мадоннѣ Рафаэля она такъ далека отъ ежедневности, что не только не вытираетъ ребенка полотенцемъ, но, поглощенная чувствомъ, неопредѣленнымъ сознаниемъ, что совершилось съ ней что-то великое, она и не глядитъ на ребенка, а смотритъ куда-то такъ же неопредѣленно, какъ чувство, которое въ ней господствуетъ. Мнѣ кажется, это великая черта художническаго постиженія; замѣтьте, что это сохранено во всѣхъ Мадоннахъ (кромѣ первыхъ, писанныхъ подъ влияніемъ Перуджино). Куда смотритъ Мадонна — не знаю; на зрителя, на народъ она не смотритъ; взоръ ея полонъ какаго-то внутренняго созерцанія; она такъ полна присутствіемъ Божества, что, можетъ, не смѣетъ взглянуть на божественнаго младенца; она не знаетъ, что такое, но все въ ней выражается Andacht. Въ какой чертѣ выражена Andacht или непорочность — нельзя указать, — это разлито во всемъ; вся фигура проникнута однимъ чувствомъ. Такъ какъ Мадонна не смотритъ на Христа, любовь материнская перенеслась естественно въ самое положеніе, въ прижатіе младенца руками. Боже мой! все это какъ-то еще темно и у меня въ сознаниі, и, можетъ быть, я выражаюсь неясно; но я могу плакать передъ этою Мадонной и это минута чудеснаго наслажденія. Христосъ — задумчивый, грустный и свыше вдохновенный ребенокъ — уставилъ свои большіе глаза на зрителя, на народъ. Это будущій пророкъ, который станетъ говорить передъ народомъ. Куда же ему и смотрѣть, какъ не на народъ? Младенецъ полонъ сознаниа, онъ уже чувствуетъ свое назначеніе. Вотъ главное, что меня поражаетъ давно; но я самъ себѣ долженъ еще уяснить это, по-

томъ проникнуть во всё мелочи. Потомъ высмотрѣть самую жизнь художника и постоянное стремленіе къ одному идеалу. Какъ надо сжиться съ своею мыслью, чтобъ воспроизводить одни и тѣ же созданія съ постепенно бѣльшимъ совершенствомъ!... Въ галереѣ я былъ съ Одоевскими. Бнязь смотритъ и чувствуетъ; иногда, слѣдуя горемычному пристрастію, ищетъ алхимиковъ; но у всякаго свой порокъ. Бнягиня несносна въ галереѣ; она все говоритъ: «прекрасно!» — и совсѣмъ не смотритъ. Впрочемъ, ее на этотъ разъ заговорилъ Тургеневъ, Александръ Ивановичъ. Я ужасно полюбилъ этого старика; его болтовня очень умна, и въ немъ добродушіе такъ мило смѣшано съ какимъ-то сумасшествіемъ, что я готовъ болтать съ нимъ 48 часовъ сряду, особенно если онъ охотникъ до рейнвейну (чего я, впрочемъ, не знаю). Между пастелями Рафаила Менгса есть головка, передъ которой я простоялъ полчаса. Сходство удивительно! и нѣтъ съ нея гравюры!...

Августа 3. Еще очень замѣчательно католическое направленіе во Франціи. Это ужъ, сударь ты мой, просто чортъ знаетъ что такое. Люди порядочные возятся съ чудесами и видѣніями и впадаютъ въ узенькій аскетизмъ. Читали ли вы *Horace G. Sande*? Кажется, повѣсть вышла хорошая безсознательно со стороны автора. Авторъ хотѣлъ выставить человѣка, какихъ наибѣлье встрѣчается во Франціи, а, между тѣмъ, выставилъ человѣка, изобилующаго вездѣ. Ногасе — это Хлестаковъ, Поздревъ и все, что вамъ угодно, но съ бѣльшимъ образованіемъ. Авторъ испортилъ конецъ желаніемъ выставить типъ француза, и Ногасе послѣ всего становится скромнымъ порядочнымъ человѣкомъ, адвокатомъ своей провинціи, и это такъ неожиданно, такъ мало данныхъ въ Ногасе'ѣ для человѣка съ тактомъ, что никакъ не приберешь, откуда это могло произойти. Я не спорю, можно было сдѣлать изъ Ногасе'а адвоката, но сохранивъ ему весь хлестаковскій характеръ, адвоката съ фразами. *M-me Sand* нападаетъ на мысль *l'art pour l'art* и оттого и бывають у нея такіе промахи. Напомни Боткину о Комаровичѣ, это — нашъ Ногасе, Хлестаковъ, Поздревъ и все, что угодно.

Еще читаю *Никласа Фогта*. Завтра ѣду на Рейнъ и отъ Майнца до Кельна исхожу всё замки. Это мнѣ сулитъ много наслажденій. Пробовалъ я трудиться надъ нѣкоторыми сагами, но никакъ не слажу. Думаю уже, не составить ли статью: *Путешествіе по Рейну*. Тутъ можетъ войти и кромѣ сагъ много интереснаго. Замѣтьте, что я пишу на листъ съ картиной гамбургскаго пожара. Это можетъ заставить васъ предположить, что я былъ въ Гамбургѣ, и предположить безошибочно: я дѣйствительно былъ въ городѣ Гамбургѣ и

не могу жаловаться на мое трехдневное пребываніе въ ономъ. Мнѣ было весело по многимъ причинамъ. А когда я думаю объ этомъ времени, я становлюсь печальнымъ. Путешествіе имѣетъ свою холодную сторону—это встрѣча на минуту. Увидишь человѣка, тепло протянешь ему руку, потомъ разъѣдешься, забудешь даже имя его (если успѣлъ спросить объ имени), и чѣмъ далѣе путешествуешь, тѣмъ больше встрѣчь, лица мѣняются въ памяти и привыкаешь встрѣчаться безъ радости и разставаться безъ печали. Я люблю женщинъ. Чортъ знаетъ, чтѣ я ищу, но интересная наружность женщины влечетъ меня болѣе, чѣмъ всякая другая встрѣча, и влечетъ какъ-то симпатически; я съ участіемъ приступаю къ знакомству и, какъ Галаховъ, стараюсь разузнать, что заключается въ этомъ существѣ. На пароходѣ ѣхали со мной двѣ дѣвицы, съ которыми я очень подружился, и мнѣ жаль, что мы разстались послѣ двухъ дней въ Гамбургѣ. На пароходѣ была одна знакомая дама, которая прославила меня поѣтомъ, и я явился передъ экипажемъ съ ореолою великаго или морскаго чудища. Это меня забавляло. Одной изъ дѣвиць написалъ я стихи, довольно плохіе; они отосланы къ Языкову*), который интересовался помянутыми дѣвицами, провожая меня въ Бронштадтъ, съ подробнымъ отчетомъ объ этомъ знакомствѣ. Странно было это провожаніе Языкова. Мнѣ такъ сдѣлалось грустно оставлять Русь, что я готовъ былъ плакать. Одно воспоминаніе преслѣдовало меня. За бутылкой рейнвейна (т.-е. за второй) я показалъ Языкову кое-какіе стихи, близкіе сердцу; потребность въ чемъ-нибудь участія такъ была сильна, что я ничего не выдумалъ лучшаго, какъ намекнуть самыми стихами о возможномъ состояніи души при отъѣздѣ. Я не раскаяваюсь въ этомъ, хотя и не одобряю; это все же малодушіе. Но эту минуту я не забуду. Такъ было тревожно, грустно и полно на душѣ. Къ тому же, Язык. симпатическій человѣкъ. На пароходѣ ѣхалъ со мной Сидоровъ, профес. Казанскаго университета. Ученый человѣкъ и вѣрнѣе свѣта ѣздилъ; немножко филистръ, но добродушенъ и съ участіемъ къ людямъ; мы съ нимъ ночи напролетъ просиживали, и я его люблю. Портеръ игралъ у насъ важную роль. Въ Гамбургѣ славныя устрицы и сигары. Лѣду нѣтъ и шампанское тепло. Въ Гамбургѣ еще было продолженіе одного *очень короткаго* знакомства съ парохода. Три дня продолжалось оно. Чортъ знаетъ, отчего я не могу ничего начать и кончить хладнокровно! Это маленькое и ласковое существо довольно сохранилось у меня въ памяти, чтобъ иногда

*) Алексій Николаевичъ.

жалѣть о немъ и съ какимъ-то печальнымъ наслажденіемъ вспоми-
нать маленькую головку съ русыми волосами. Можетъ, въ этомъ
существовѣ, при бѣльшемъ образованіи, было бы много человѣческа-
го. Кто развратилъ ее? Зачѣмъ женщина низшаго сословія такъ
мало имѣетъ значенія въ глазахъ нашихъ, что ничего не стоитъ
обезобразить цѣлое существованіе ради шутки, ради минутнаго
удовольствія? Тьфу, пропасть! *Cogro di basso!* Все, что я говорю,
и не ново, и не интересно. Простите этотъ элегическій тонъ, — мнѣ
въ самомъ дѣлѣ грустно.

Наконецъ, пора и кончить письмо. Завтра въ путь. Я радъ
оставить глухой Карлсбадъ. Съ Рейна напишу къ вамъ. Дайте ру-
ки, друзья. Мнѣ безъ васъ тяжело. Одинокое путешествіе томить.
Скоро я буду и въ дѣйствительномъ смыслѣ слова путешествовать
одиоко. Можетъ, оно будетъ и лучше. Но путешествовать съ
кѣмъ-нибудь изъ васъ—это было бы великое наслажденіе. Хочется
что-то еще сказать, да нечего. Я уже, наконецъ, въ тревогѣ отъ-
ѣзда. Стиховъ никакихъ не посылаю, потому что, кромѣ драмы,
почти ничего не писалъ, а если писалъ, то скверно. Съ Рейна при-
шлю. Музыка въ Карлсбадѣ мнѣ страхъ надоѣла. Лабицкій играетъ
тѣ же вальсы, что и въ прошломъ году, и я осужденъ слушать ихъ
ежедневно. А мнѣ ужасно хочется музыки, особенно сегодня.
Итальянской оперы хочется.

Ну, прощайте! Пишите же въ Геную, такъ чтобы въ началѣ или
къ 15 сентября н. ст. было тамъ письмо. Впрочемъ, если оно
меня и не застанетъ, то перешлется. У меня тамъ есть протакція.
Addio. Обнимаю васъ. *Marie* вамъ кланяется. Она два дня была тя-
жело больна, и изумительно. Но медицинскіе разговоры при свиданіи.
Вообще она несравненно и здоровѣе, и духомъ спокойнѣе. *Ich
mögte wieder so sagen, wie früher, aber ich kann es nicht mehr,
und ich sage es. Addio!*

Послѣ этого письма въ нашемъ собраніи оказывается довольно
длинный пробѣлъ. По всей вѣроятности, Огаревъ затруднялся пи-
сать своему ближайшему другу, угадывая, какъ онъ посмотритъ
на его примиреніе съ М. Д—ой. И другъ его узнавалъ объ Огаревѣ
изъ писемъ Сатина, отрывки изъ которыхъ приведены у Анненко-
ва. Въ *Дневникѣ* Герцена записано 2 ноября 1842 г.: «Письмо отъ
Сатина изъ Ганау. Огаревъ опять надѣлалъ глупости въ отношеніи
къ женѣ, снова сошелся съ нею, поступалъ слабо, обманывалъ,
унижался и опять сошелся послѣ всего бывшаго. Вотъ что я пи-
салъ къ Огареву: «Бѣдный, бѣдный Огаревъ, я грущу о твоемъ

положеніи, но ни слова, когда дружба истощила все, чтобы предупредить, отвратить; ей дѣло остаться вѣрною въ любви. Дай руку! какъ бы ты ни поступилъ, не хочу быть судьей твоимъ, хочу быть твоимъ другомъ; я отворачиваюсь отъ темной стороны твоей жизни и знаю всю полноту прекраснаго и высокаго, заключеннаго въ ней. У тебя широкія ворота для выхода изъ личныхъ отношеній—искусство, міръ всеобщаго; я не хочу знать жалкой борьбы, отъ которой раны, конечно, будутъ не на груди».

Изъ интересныхъ въ психологическомъ отношеніи размышлений, которыя слѣдуютъ далѣе за этимъ въ *Дневникъ*, мы приведемъ только нѣсколько строкъ: «Чѣмъ та ограниченная, неблагодарная, некрасивая, наконецъ, женщина, противоположная ему во всѣхъ смыслахъ, держитъ его въ плотизмъ? Любовью? — онъ не любитъ ея, даже не уважаетъ; абстрактною идеей брака? — онъ давно не признаетъ власть ея. Чѣмъ же? Отталкивающее ея существо такъ сильно, что все, приближающееся къ ней, ненавидитъ ее; вездѣ—на Кавказѣ, въ Москвѣ, въ Неаполѣ, въ Парижѣ—она возбуждала смѣхъ и негодованіе. Сожалѣніе и слабость, безпрѣдѣльная слабость,—вотъ что затягиваетъ цѣпь».

(Продолженіе слѣдуетъ).

АСКАЛОНСКІЙ ЗЛОДѢЙ.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦѢ.

(Изъ сирійскихъ преданій).

„Мужчина, любви котораго женщина отказывается, становится дикимъ и жестокимъ“.

Луcretій.

„Наши отдаленные предки въ припадкахъ любви не довольствовались валохами или золотомъ, какъ это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, съ которой тѣ и другіе падали мертвыми, — будь это для уничтоженія сопротивленія одной женщины или для удаленія соперника. Ихъ грубая любовь, на нашъ современный взглядъ, есть карикатура любви“.

Ц. Ломброзо.

Въ Сиріи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, сѣвернѣе Газы и южнѣе Азота, стоялъ городъ Аскалонъ, котораго нынче нѣтъ. По - еврейски онъ назывался Джора. Аскалонъ, или Джора, былъ основанъ въ глубокой древности филистимлянами, а разрушенъ турецкимъ султаномъ Салладиномъ. Въ долгій вѣкъ этого города ему привелось быть языческимъ, христіанскимъ и мусульманскимъ. Въ одинъ изъ этихъ періодовъ или, лучше сказать, въ одинъ изъ переходовъ отъ одного положенія къ другому тамъ случилось слѣдующее характерное происшествіе, отмѣченное отчасти въ писаніяхъ Евсевія изъ Аскалона.

I.

Въ то время, какъ въ Аскалонѣ устанавливалось христіанство, жилъ тамъ одинъ богатый купецъ - корабельщикъ, по имени Фалалей. Онъ узналъ объ ученіи Христовомъ въ чужихъ краяхъ и захотѣлъ ему слѣдовать, но не хорошо его понялъ, — жена же его, по имени Тенія, еще оставалась въ язычествѣ. Оба супруга были

въ цвѣтущей порѣ жизни: Фалалей имѣлъ тридцать пять лѣтъ, а жена его Тенія двадцать четыре года. Фалалей былъ отважный и искусный мореходецъ, а Тенія обладала замѣчательною женскою красотою и превосходною кротостью добраго характера. Ласковое обхожденіе Теніи съ людьми дѣлало эту женщину пріятною для всѣхъ, кто ее зналъ, и всѣ аскалонскіе гражданае, которымъ было извѣстно это супружество, считали ихъ за людей, достойныхъ уваженія, и, притомъ, почитали Фалалея-морехода человѣкомъ необыкновенно счастливымъ черезъ то, что онъ имѣлъ жену, исполненную всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ изяществъ.

Тенія происходила изъ семейства, которое пользовалось почетною извѣстностью: отецъ ея, Полифронъ, былъ языческій жрецъ, имѣвшій хорошія познанія въ наукахъ и непреклонный нравъ, повинувся которому, незадолго передъ этимъ сдѣлался жертвою переходныхъ порядковъ при царѣ Іустиніанѣ и женѣ его Теодорѣ. Тенія получила въ домѣ отца хорошее воспитаніе и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житья въ обществѣ, при хорошихъ достаткахъ: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала пріятнымъ искусствомъ прекрасно пѣть и играть на многострунной арфѣ. При этомъ ей также не чуждъ былъ даръ стихотворства: она могла очень быстро слагать въ умѣ своемъ тѣ самыя пѣсни, которыя пѣла.

По красотѣ и по стройности жены корабельщика, а равно какъ и по пріятности ея нрава и обхожденія ей не было равной въ Аскалонѣ и всѣ называли ее здѣсь не иначе, какъ «изящная Тенія».

Супруги жили въ полномъ между собою согласіи, въ наследственномъ домѣ, при которомъ былъ обширный садъ съ фруктовыми деревьями: садъ этотъ, доходившій до самаго берега моря, давалъ въ знойные дни тѣнь и прохладу. Семья у Фалалея и Теніи была не велика: они имѣли только двухъ маленькихъ дѣтей — сына, по имени Витта, и дочь, которую звали Вирина. Еще съ ними же вмѣстѣ въ одномъ домѣ жила мать Фалалея, старая вдова, по имени Пуплія, которая посѣщала съ своимъ мужемъ Византію и Римъ, и подобно сыну тоже приняла христіанство, но плохо его понимала.

Домъ Фалалея и Теніи былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Аскалонѣ. Онъ былъ просторенъ и свѣтелъ и содержался въ отиѣнной чистотѣ. Въ глубинѣ отиѣннаго двора былъ помостъ изъ пахучаго дерева, гдѣ въ самый пеклый зной мирно и тихо играли Виттъ и Вирина подъ надзоромъ бабы ихъ Пупліи. Весь дворъ окружали рѣзныя колонны изъ того же пахучаго дерева; рѣзныя двери были украшены жемчугомъ и бирюзой, а окна завѣшаны пур-

пуромъ и индѣйскими вышивками, а по срединѣ билъ фонтанъ прозрачной и свѣжей воды. Но главное богатство Фалалея состояло не столько въ домѣ, какъ въ десяти большихъ корабляхъ, на которыхъ онъ возилъ сандалъ, камфору, мушкатный орѣхъ и иные продукты и товары въ Александрію и къ другимъ извѣстнымъ тогда портамъ Востока. Торговля дѣла шла у Фалалея очень удачно, но невѣрно понятое христіанство не измѣнило его языческихъ взглядовъ, а излишнее богатство сдѣлало его безразсуднымъ: такъ, чѣмъ онъ больше богатѣлъ, тѣмъ сильнѣе увеличивалась въ немъ алчность и ему хотѣлось имѣть еще болѣе золота и, казалось, будто это непремѣнно такъ и нужно.

Такая жадность мужа къ богатству причиняла кроткой Теніи большое безпокойство и она не разъ предостерегала Фалалея, чтобы онъ не поддавался этой страсти и жилъ спокойнѣе, потому что и того, что онъ уже успѣлъ пріобрѣсти, было довольно для жизни безъ нужды и лишеній, но Фалалей не хотѣлъ послушаться Теніи, и въ жаднѣ новыхъ добытковъ онъ все продолжалъ довѣряться непостоянному морю, лишь бы только разбогатѣть еще болѣе, такъ чтобы богаче его уже не было никого въ Аскалонѣ. Напрасно Тенія указывала ему и на то, что желаніе большаго богатства не только не отвѣчаетъ ученію избранной имъ христіанской вѣры, но даже запрещено ею, — ничто это не останавливало Фалалея. Напоминаніе о христіанской вѣрѣ даже заставило мореходца разсердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и онъ сказалъ ей:

— По крайней мѣрѣ, не говори мнѣ хоть объ этомъ.

— Почему же?

— Потому, что ты, выросшая въ язычествѣ и въ немъ пребывающая, не можешь понимать христіанскую вѣру и не въ состояніи разсуждать о ней, какъ должно.

— Я знаю одно, что вашъ Учитель просилъ дѣлать добро и не собирать богатство.

Фалалей отвѣчалъ:

— Да; ты знаешь одно, но не знаешь другаго. Въ нашей вѣрѣ есть то, что тебѣ непонятно: чтобы быть добрымъ, надо имѣть чѣмъ людямъ помогать: я хочу быть не только кротокъ, какъ голубь, но и разуменъ, какъ змѣй. Я наживаю богатство и хочу имѣть еще болѣе — это все правда; но это вовсе не съ тѣмъ, чтобы кичиться богатствомъ, какъ дѣлаютъ ваши язычники и вообще глупые люди, а я богатѣю съ тѣмъ, чтобы, собравъ много въ своихъ рукахъ, потомъ излить это на всѣхъ и начать благотворить своимъ по вѣрѣ. Повѣрь, что когда въ моихъ рукахъ соберется столько богатства,

что всё будутъ бѣднѣе меня, тогда я съумѣю быть болѣе добрымъ, чѣмъ могу сдѣлать теперь, а ты лучше не мѣшайся не въ свое дѣло и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатымъ.

Тенія умоляла, но оставалась при своемъ мнѣнiи, а Фалалей, почитая слова жены за пустое, продолжалъ все изыскивать новые способы для расширенiя своей торговли: онъ умножилъ свою флотилiю даже до тридцати кораблей и снялъ во всѣхъ портахъ всю торговлю сандаломъ, камфорой и мушкатнымъ орѣхомъ. Нѣкоторое время дѣло у него шло хорошо, но разъ случилось дурно; Фалалей, кромѣ камфоры и сандала, набралъ много другихъ драгоценныхъ товаровъ у постороннихъ торговцевъ, нагрузилъ все это на свои корабли и поплылъ въ море. Сначала плаванiе было благоприятно, но когда корабли Фалалея проходили противъ Кирены, вдругъ поднялась ужасная буря и двадцать девять изъ кораблей Фалалея утонули со всѣми бывшими на нихъ товарами и мореходцами, и только одинъ, тридцатый, на которомъ шелъ самъ Фалалей, спасся съ остатками груза. Корабль этотъ былъ сильно испорченъ и не могъ идти далѣе: онъ имѣлъ порванные паруса и поврежденные снасти и въ такомъ видѣ повернулъ назадъ къ Аскалону.

Обратное плаванiе тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался къ Аскалону, и, вѣроятно, вошелъ бы въ Иродову пристань, но тутъ-то именно вдругъ и погибъ, сдѣлавшись жертвою злодѣйскаго умысла жителей одного близкаго къ Аскалону селенiя, лежавшаго на самомъ берегу моря за грядою подводныхъ камней. Жители этого береговаго селенiя зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого съ полнымъ успѣхомъ. Расшатаанный корабль Фалалея, какъ ударился о первый камень, такъ и разсѣлся, а сторожившіе этотъ случай селяне тотчасъ же подоспѣли на легкихъ челнахъ и прикончили плывшихъ и молившихъ о помощи корабельщиковъ ударами веселъ по ихъ головамъ. Переколотивъ всѣхъ людей, поселяне расхватили остатки товаровъ и, послѣ драки между собою, увезли, кто что успѣлъ взять, въ свои хищничьи жилища.

При этой схваткѣ Фалалей мужественно защищался, но упалъ, раненый, съ борта въ море и плылъ, теряя послѣднiя силы, къ одному изъ усмотрѣнныхъ имъ въ темнотѣ челноковъ. На этомъ челнокѣ онъ видѣлъ необыкновенно большерослаго, полуголаго челоуѣка съ краснымъ платкомъ на головѣ и надѣялся получить отъ него помощь и защиту, но ошибся. Челоуѣкъ этотъ тоже былъ грабитель, и держалъ въ одной рукѣ горящiй факелъ, а въ другой тяжелый багоръ. Когда Фалалей къ нему подплылъ и взмолился къ нему,

помянувъ имя Христова, злодѣя не троула эта мольба: онъ освѣтилъ утопающаго факеломъ и, махнувъ багромъ, ударилъ имъ Фалалея по головѣ. Затѣмъ для Фалалея сразу все кончилось—и усталость, и страхъ, и страданіе, и заботы нажить больше всѣхъ въ Аскалонѣ, чтобы потомъ благотворить изъ богатой наживы и сдѣлаться добрымъ.

II.

Несмотря на смертельный ударъ, полученный Фалалеемъ, онъ, однако, не утонулъ. Неожиданнымъ и удивительно счастливымъ случаемъ онъ прицѣпился одеждой за гвоздь плившаго сломаннаго руля, который его и потащилъ на себѣ. Морскія волны приближили руль, а на немъ окровавленнаго и едва живаго Фалалея къ «Иродовой пристани», которая называлась такъ потому, что ее устроилъ въ Аскалонѣ царь Иродъ Великій. Грузовщики, работавшіе на судахъ въ Иродовой пристани, замѣтили безчувственнаго человѣка, плившаго на сломанномъ рулѣ, и вытащили Фалалея на берегъ. Они сняли его какъ мертвеца, надѣясь найти на немъ что-нибудь цѣнное, но потомъ увидали, что это ихъ согражданинъ Фалалей-мореходецъ, и удивились. А какъ въ немъ еще были замѣтны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы онъ очнулся, а въ то же время послали отрока къ нему въ домъ за его матерью Пупліей и за женою его Тенією и за дѣтьми ихъ Вириной и Виттомъ.

Фалалей очень счастливо прицѣпился на рулѣ, такъ что голова его все время была наружи,—черезъ это онъ не наглотался соленой воды черезъ мѣру и его скоро удалось привести въ чувство.

Когда изящная Тенія и старая Пуплія съ Вириной и Виттомъ прибѣжали въ Иродову пристань, то Фалалей уже открылъ глаза и сейчасъ же узналъ жену и своихъ малолѣтнихъ дѣтей и бабу ихъ Пуплію и горько заплакалъ. Онъ сразу понялъ свое положеніе и, обратясь къ женѣ, сказалъ ей:

— О, какъ ты права была, добрая Тенія! Для чего я не слушалъ тебя въ свое время? для чего я жадничалъ и желалъ имѣть много богатства? Вотъ теперь я наказанъ за то, что я не зналъ сытости и желалъ имѣть больше прочихъ. Отнынѣ мы нищіе и я не въ силахъ буду сдѣлать ничего добраго людямъ, о которыхъ я, по правдѣ сказать, думалъ гораздо менѣе, чѣмъ о томъ, чтобы быть всѣхъ знатиѣ по своему богатству и удѣлять бѣднымъ только крупцы.

Теня на это отвѣчала мужу кротко:

— Я говорила тебѣ ранѣе то, что тогда внушало мнѣ справедливое сердце, но теперь дѣло другое: не сокрушайся теперь о потеряхъ. Мы еще имѣемъ глаза, чтобы видѣть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можемъ достать хлѣбъ и кровь для нашихъ дѣтей трудами рукъ нашихъ. Вѣдь, этакъ живутъ еще очень многіе люди на свѣтѣ.

Фалалей ободрился и, взявъ Теню за руку, сказалъ:

— Голубка, витающая въ душѣ твоей, одолѣла моего змѣя.

Перенесенный въ свой домъ, Фалалей, вѣроятно, скоро бы тамъ выздоровѣлъ, но ему не привелось наслаждаться домашнимъ покоемъ при заботахъ жены. Къ нему тотчасъ же пришли купцы, довѣрявшіе ему въ долгъ товары, и стали требовать съ него уплаты денегъ.

Фалалей отвѣчалъ имъ:

— Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разоренъ совершенно и не могу ничего заплатить вамъ?

Купцы отвѣчали, что они ему не вѣрятъ и подозрѣваютъ, что онъ ихъ товары гдѣ-нибудь продалъ, а вырученное золото закопалъ гдѣ-нибудь въ примѣченномъ мѣстѣ и потомъ самъ, для отвода, бросился въ море.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Фалалей, — всѣ товары погибли; вѣрьте мнѣ, — я христіанинъ и лгать не могу.

Но купцы въ свой чередъ отвѣтили Фалалею, что и они теперь тоже стали всѣ христіане, какъ ихъ императоръ, но что это дѣла не измѣняетъ, и что, сколько Фалалей имъ долженъ за товары, они все это желаютъ съ него получить. А иначе, говорятъ, мы возьмемъ рабовъ, выставимъ все, что здѣсь видимъ, на базаръ и продадимъ.

Фалалей отвѣчалъ имъ:

— Базарьте.

Тогда занмодавцы привели рабовъ и велѣли имъ при себѣ же взять все, что было въ домѣ у Фалалея, и вынести на базаръ, а семью его изъ обобраннаго дома выгнали и самый домъ заперли большимъ замкомъ и ключъ отдали извѣстному въ Аскалонѣ доимщику Тивуртію, съ тѣмъ, чтобы онъ этотъ домъ продалъ и вырученныя деньги подѣлилъ между всѣми, кому Фалалей долженъ.

Доимщикъ Тивуртій былъ человекъ страшный: лицо имѣлъ дряблѣе и скверное, цвѣта варенаго гороха, и совсѣмъ безволосое, глаза черные, вѣки валиками, все тѣло мягкое и напряженное, а ходилъ тихо, какъ котъ. Онъ взялъ и продалъ Фалалеевъ домъ богатому трактирщику Эпимаху, который и открылъ въ покояхъ

и въ садахъ Фалалея веселый притонъ для иностранныхъ мореходцевъ; а деньги, которые были выручены за продажу дома, Тивуртій раздѣлилъ между тѣми, чьи товары потопилъ Фалалей, постольку, поскольку пришлось въ раздѣлъ на каждаго, и себѣ взявъ положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртій выручилъ черезъ продажу дома, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Фалалея.

Тогда искусный доимщикъ Тивуртій, который былъ тѣмъ извѣстенъ, что умѣлъ доимать съ должниковъ все до послѣдней капли, сказалъ:

— Что хотите мнѣ дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Это не можетъ быть такъ, какъ Фалалей увѣряетъ. Я полагаю, что не всѣ ваши товары пропали въ морѣ, а что Фалалей ихъ гдѣ-нибудь продалъ на островахъ эгеянамъ, такимъ же, какъ самъ онъ, коварнымъ и тихимъ, а вырученное золото онъ гдѣ-нибудь спряталъ. Это только и надо узнать, а спряталъ онъ его, навѣрное, гдѣ-нибудь тамъ же, на тѣхъ далекихъ островахъ, подъ извѣстнымъ ему деревомъ или камнемъ. Дайте мнѣ во всемъ большую часть противъ положенія и я возьму его въ темницу и все вамъ и себѣ выручу,—закончилъ доимщикъ Тивуртій.

Бушцы, услышавъ такія слова отъ опытнаго доимщика, всѣ между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли въ сторону и сказали другъ другу:

— Что еще размышляемъ? Вѣдь, вправду Тивуртій предлагаетъ намъ хорошее дѣло: онъ лучше насъ знаетъ всѣ хитрости мореходцевъ, и если Фалалей промоталъ наши товары и золото скрылъ, то Тивуртій доиметь его въ темницѣ и получить нашъ долгъ съ Фалалея. Пусть только Тивуртій держитъ его въ темницѣ не на нашемъ, а на своемъ хлѣбѣ.

И отдали купцы друга своего корабельщика Фалалея для праведнаго и доимки на всю волю опытному и жестокому доимщику. Тивуртій же доимщикъ пошелъ къ себѣ домой, взявъ изъ окованной, большой скрини серебряный поясъ дорогой цѣны подъ полу и пошелъ съ нимъ къ градоправителю аскалонскому и сталъ просить его, чтобы онъ посадилъ Фалалея въ Иродову подземную темницу, а дорогой чеканный поясъ далъ ему въ поминку и впередъ сдѣлалъ посулъ дать ему еще болѣе цѣнную вещь, лишь бы сейчасъ позвалъ на судъ темничника Раввула и повелѣлъ ему томить Фалалея такъ, какъ захочетъ Тивуртій.

Градоправитель принявъ поясъ и исполнивъ просьбу Тивуртія: онъ послалъ городскихъ стражей съ приказомъ взять и перенести

больнаго Фалалея въ Иродову темницу, полную гадовъ, и отдать его темничнику Раввулѣ, а Раввула бросилъ его тамъ на гнилой тростникъ и заперъ, пока онъ заплатитъ все, что имѣетъ право взыскивать съ него доимщикъ Тивуртій.

III.

Иродова темница въ Аскалонѣ была посреди города, на главномъ базарномъ мѣстѣ. Она была рытая въ землѣ, вродѣ очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами изъ сырыхъ камней, а сверху присыпана землей тоже такъ, какъ погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холмъ. Тутъ же на этой насыпи шелъ всякій день торгъ. Тутъ били людей на правехѣ воловьими жилами, и тутъ же сидѣли съ ночвами и съ лоханями аскалонскіе рыбаки, предлагавшіе живую рыбу, и торговки, продававшіе: хлѣбъ, овощи и рыбацьи снасти. Въ откосахъ насыпи были пробиты и очищены крѣпкими желѣзными рѣшетками двѣ узенькія отдушины, черезъ которыя, впрочемъ, внутрь подземелья едва проникалъ самый слабый свѣтъ и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигалъ отдаленный гулъ рынка.

Въ этой аскалонской темницѣ, выкопанной при Иродѣ, сидѣло очень много разноплеменныхъ людей и всѣ они страшно томились тутъ отъ тѣсноты, голода, жажды и недостатка дневнаго свѣта и воздуха. Свѣтъ солнечный едва доходилъ сюда на минутку косымъ лучомъ черезъ одно узенькое окошечко, а солнечная теплота сюда совсѣмъ не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тѣла заключенныхъ. Въ этой общей ямѣ были тѣсно сбиты вмѣстѣ и злодѣи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Всѣ они были лишены всякой свободы движенія. У однихъ ноги были заклинены клиньями въ деревянныя колоды и эти сидѣли вовсе неподвижно, а на другихъ были наложены тяжелыя цѣпи, вѣсившія много пудовъ и производившія терзательное лязганье при каждомъ движеніи рукъ и ногъ; тѣ же, которыя были пойманы на разбояхъ и убійствахъ, и подлежали смертной казни, око за око и зубъ за зубъ,—эти были прикованы къ стѣнѣ тройными цѣпями за ноги, за руки и за шею. Логовища этихъ безстрашныхъ злодѣевъ были въ самомъ заднемъ отдѣленіи, въ узкихъ и совершенно темныхъ впадинахъ, вырытыхъ въ глинѣ. Всѣ заключенные въ Иродовой темницѣ люди гдѣ сидѣли, тамъ же и спали, и тутъ же они и пили, и ѣли, и управляли всѣ свои тѣлесныя нужды. Здѣсь ихъ посѣщали друзья

и родные, и жены. Обычаи были такъ суровы и просты, что случилось нерѣдко, что жены людей, заключенныхъ въ этой Иродовой темницѣ, посѣщая мужей своихъ, становились снова матерями новыхъ дѣтей... Такова была эта ужасная Иродова тюрьма въ Аскалонѣ, въ которую доимщикъ Тивуртій заключилъ Фалалея, мужа Теня и отца Вирины и Витта.

Въ то же время, какъ былъ посаженъ въ эту тюрьму Фалалей-корабельщикъ, за нѣсколько дней ранѣе въ эту самую яму, и, притомъ, въ самой темной ея впадинѣ, былъ помѣщенъ и прикованъ на пять цѣпей за руки, и за ноги, и за шею береговой злодѣй, по имени Анастасъ - душегубецъ. Онъ былъ извѣстный разбойникъ. Онъ ограбилъ и лишилъ жизни много людей. Всѣхъ убитыхъ имъ на сушѣ и на морѣ считалось сорокъ душъ. Онъ давно вооружилъ противъ себя всѣхъ людей въ Аскалонѣ и всѣ аскалонцы радовались, что Анастасъ, наконецъ, пойманъ, и ожидали его казни.

Для произнесенія суда надъ Анастасомъ долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Дамаска важный сановникъ, по имени Милій, при которомъ злаго Анастаса и должны были казнить мечомъ всенародно посреди Аскалона.

Рядомъ съ тою впадиной, въ дальнемъ концѣ темничной ямы, гдѣ былъ прикованъ злодѣй Анастасъ, находился тѣсный лазъ еще въ особую низкую глиняную ямину, по названію «прокаженную». Она называлась такъ потому, что здѣсь нѣкогда сидѣлъ человекъ бѣсноватый и прокаженный, который неустанно злословилъ царя Ирода и за то здѣсь и умеръ въ заточеніи. Съ той поры въ эту прокаженную нору никто не входилъ, потому что и самъ стражъ темничный, безстрашный Раввула, боялся прикоснуться къ глини, на которой сидѣлъ и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что въ ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

IV.

Въ аскалонской Иродовой темницѣ давали жалкую пищу отъ города только тѣмъ изъ невольниковъ, у которыхъ не было ни родни, ни друзей, а должникамъ и тѣмъ, у кого были какіе-нибудь родные, хотя бы и самые бѣдные, темничникъ Раввула никакой пищи не давалъ. Объ этихъ узникахъ должны были заботиться тѣ, кто ихъ посадилъ, или ихъ близкіе родственники, которые и приносили сюда невольникамъ то, что могли. Поэтому и корабельщика Фалалея должны были питать жена его Теня или Тивуртій, но Тивуртій сказалъ:

— У Фалалея есть жена; она молода и надѣлена отъ природы большою красотой: пусть она его кормить.

Тенія это съ одной стороны было пріятно, потому что, принося пищу мужу, она могла его видѣть и послѣ съ нимъ оставаться до вечера, но за то надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тенію заботы, которыя были для нея очень затруднительны.

Бѣдная Тенія одна должна была заботиться о томъ, чтобы добывать деньги для пропитанія себѣ, мужу и двумъ своимъ дѣтямъ Виринѣ и Витту, да еще старой бабкѣ ихъ Пупліи, которая въ это время была уже немощна и не въ силахъ была работать, а только смотрѣла за внуками. Тенія же, какъ дочь жреца, выросла въ довольствѣ и нѣгѣ, — ея голову заплетали невольницы и онѣ же навѣвали на нее съ вечера сонъ опочиванія, а утромъ къ вставанію будили ее ласканіемъ ея ногъ. Вообще она была не приучена исполнять какія бы то ни было тяжелыя работы. Она была научена только изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработокъ. Такъ какъ она всего лучше умѣла играть на многострунной арфѣ и, притомъ, имѣла даръ быстро слагать и пѣть пріятнымъ напѣвомъ стихи своего сочиненія, то она стала ходить въ свой бывшій виноградный садъ, гдѣ теперь подъ узорными шатрами, раскинутыми Эпимахомъ, въ прохладной тѣни деревьевъ и ползучихъ гроздій, собирались заѣзжіе въ Аскалонъ чужестранные мореходцы. Хозяинъ этихъ шатровъ, видя, что Тенія прекрасна собою и можетъ нравиться его гостямъ и наружностью, и игрою, и пѣніемъ, дозволилъ ей садиться среди пирующихъ мореходцевъ и ставилъ передъ нею кубокъ вина, къ которому она, впрочемъ, не прикасалась устами, потому что велико было сѣдавшее ее горе и она позабыть его не хотѣла.

Для увеселенія пирующихъ мореходцевъ Тенія всѣ ночи насквозь играла на своей арфѣ и пѣла, сама тутъ же составляя изъ собственныхъ словъ своихъ пѣсни, изъ которыхъ инныя были очень трогательны и нерѣдко достигали до сердецъ слушателей и смягчали ихъ грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и пѣсни Теніи, были довольны тѣмъ, что видѣли передъ собою прекрасную пѣвицу, и давали ей монеты, съ которыми Тенія потомъ уходила на рынокъ, — покупала здѣсь пищи для дѣтей и для мужа, и для его матери Пупліи, и для себя уснувшую дешевую рыбу. Обѣ эти женщины, Тенія съ Пупліей, и находившіяся при нихъ дѣти, Виттъ и Вириня, ютились теперь въ убогомъ шалашѣ изъ тростника и илстой грязи.

Занятіе арфистки и пѣвицы, которое поневолѣ избрала Тенія

для пропитанія семьи, не было, однако, для нея ни легко, ни пріятно, потому что съ растерзаннымъ сердцемъ ей трудно было забавлять игрою и пѣніемъ праздныхъ и часто нетрезвыхъ людей; но, не умѣя дѣлать ничего другаго, что могло бы дать ей заработокъ, Тенія безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страданія передъ мужемъ. Между посѣтителями виноградныхъ шатровъ встрѣчались и такіе, которые не довольствовались пѣснями, а не разъ дѣлали Теніи предложенія продать имъ за золото свои ласки. Тенія не обижалась, ибо понимала, что теперь всѣ могутъ почитать ее сходною на такое дѣло, и отвѣчала спокойно и скромно:

— Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфѣ и пою мною сложенные нехитрыя пѣсни. Я пою и играю потому, что я не умѣю дѣлать ничего другаго, а должна питать дѣтей и мужа. Слушайте мою игру и да минуетъ васъ и всѣхъ, кто вамъ дорогъ на родинѣ вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный отвѣтъ, стыдились оскорблять Тенію своими приставаніями, но содержатель шатровъ Эпимахъ былъ ею за то недоволенъ и говорилъ ей:

— Ты очень красивая; но совершенно безразсудная женщина: или ночи наши, на твой взглядъ, не довольно темны, а сикоморы мои не молчаливы? Зачѣмъ ты не отходишь ни съ однимъ, кто тебя кличетъ, въ отдаленье къ берегу моря? Тамъ съ глазу на глазъ съ нимъ ты могла бы спѣть ему что-нибудь сладостнѣй пѣсни о горѣ, и въ поясъ у тебя зазвенѣло бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь дохода.

Тенія отвѣчала, что она получаетъ довольно, и отходила отъ Эпимаха, отгоняя отъ своего слуха неприятный ей звукъ этихъ рѣчей. Эпимахъ же за это, конечно, былъ ею недоволенъ и желалъ видѣть на ея мѣстѣ въ садахъ своихъ пѣвицу болѣе благосклонную къ исканіямъ его веселыхъ гостей. А тѣ, какъ бывалые люди, ему рассказывали о томъ, какихъ угодливыхъ пѣвицъ они встрѣчали въ садахъ Александрии и Даміеты, а Эпимахъ съ укориною сообщалъ эти рассказы Теніи, но она ничему этому не хотѣла внимать.

Тенія раздѣляла свое время такъ, что утромъ она мыла и чинила носильную ветошь, какая осталась на ея дѣтяхъ послѣ изгнанія изъ дома, и услуживала бабѣ ихъ, старой и изнѣженной Пупліи; потомъ шла на рынокъ и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистаго угря, или другую дешевую рыбу, варила ее съ лукомъ у варильщика при общемъ очагѣ и къ полудню несла эту похлебку въ темницу мужу. Изъ темницы родственниковъ заключен-

ныхъ не выгоняли и Тенія оставалась съ Фалалеемъ до самаго вечера, когда, при заходѣ солнца, входилъ съ бегемотовою женой въ рубѣ темничникъ Раввула и, выгнавъ всѣхъ посѣтителей вонъ, закрывалъ на засовы двери темницы. Тогда изящная Тенія вставала и шла въ шатры своего бывшего винограднаго сада и тамъ играла на арфѣ и пѣла до тѣхъ поръ, когда восходящее солнце напоминало гулякамъ о нуждѣ и заботахъ вновь наступившаго дня.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія Фалалея, и тѣлесныя силы Теніи стали подаваться, и красота ея начала меркнуть. Происходило это сколько отъ горя, столько же отъ новаго образа жизни, не отвѣчавшаго ни ея здоровью, ни ея цѣломудреннымъ навывкамъ; однако же, несмотря на это, Тенія оставалась твердою въ своей непреклонности и слишкомъ прекрасною для того, чтобы непреклонность ея не казалась досадительною, а красота слишкомъ привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочныя исканія, которыя и подготовили, наконецъ, чрезвычайно тяжелое и большое испытаніе для добродѣтели Теніи.

Вышло такъ, что по этому поводу въ Иродовой тюрьмѣ въ Аскалонѣ произошли событія, отмѣченныя весьма кратко, но по ужасу своему достойныя долгой памяти и состраданія.

У.

Вскорѣ послѣ того, какъ Фалалей былъ заключенъ въ Иродову темницу, изъ Дамаска прибылъ въ Аскалонъ ожидаемый для суда надъ Анастасомъ-злодѣемъ именитый впархъ, по имени Милій. Онъ былъ присланъ не только за тѣмъ, чтобы осудить Анастаса, но чтобы также за одно осмотрѣть, какъ управляетъ областію аскалонскій правитель Димасъ, и раздать подаваніе, которое прислала чрезъ него въ Аскалонъ отъ щедротъ своихъ Феодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милій остановился передъ впадиной, гдѣ былъ прикованъ пятью цѣпями безжалостный Анастасъ-разбойникъ, и когда темничникъ Раввула освѣтилъ факеломъ Анастаса, то Милій удивился, увидѣвъ его ужасное лицо, — такъ сильно и рѣзко изображалось на немъ беспощадное свирѣпство разбойника. Тутъ Милій не удержался и воскликнулъ вслухъ:

— О, какъ онъ подлъ и противенъ! Блянусь, что я никогда не встрѣчалъ на свѣтѣ ничего болѣе злаго и омерзительнаго, какъ эти его косые глаза и эти вразлетъ идущія густыя брови! Земля съ нетерпѣніемъ должна ждать минуты, когда этотъ безжалостный звѣрь перестанетъ дышать ея воздухомъ и тяготить ее своими ногами. Впрочемъ, я объ этомъ какъ можно скорѣй постараюсь.

Злодѣй же Анастасъ, услыхавъ, что проговорилъ о немъ Милій, запрыгалъ на мѣстѣ и, тряся отъ гнѣва цѣпями, закричалъ на угарха:

— Я тебѣ мерзокъ, а, можетъ быть, самъ ты и еще меня хуже. Твое ли дѣло, злая душа, надо мной насмѣхаться? Жалѣю, что я не повстрѣчалъ тебя раньше, и не здѣсь, гдѣ ты на свободѣ, а я крѣпко прикованъ цѣпями: иначе я посмотрѣлъ бы, что красивѣй— твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклятъ!

Прокричавъ это неистовымъ голосомъ, Анастасъ такъ страшно ударилъ о стѣны своими цѣпями, что всѣ другіе невольники вздрогнули и сжались въ страхъ, а стражникъ Раввула и воины, сопровождавшіе съ зажженными факелами вельможу Милія, окружили его, чтобы страшный видъ Анастаса его не тревожилъ. И тутъ-то, при дрожащемъ свѣтѣ этихъ факеловъ, встревоженный взглядъ благообразнаго Милія палъ на лицо изящной Теніи, которая въ страхъ за судьбу Фалалея старалась закрыть его своимъ станомъ. Милій же былъ сластолюбецъ, и изящный обликъ Теніи сразу ударилъ его въ страстное сердце, такъ что онъ остановился и обратился къ сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогію, и сказалъ ему тихо:

— Открой скорѣе кису присланныхъ съ нами добродѣтельныхъ даяній. Здѣсь я вижу передъ собой христіанку, на лицѣ которой читаю ея невинность. Навѣрное, она страдаетъ напрасно по языческой злобѣ и я хочу облегчить ея участь во славу величайшей въ женахъ императрицы Теодоры.

Отрокъ Евлогій потянулъ шнуры кожаной кисы, въ которой лежали деньги, назначенныя для раздачи христіанской милостыни заключеннымъ, а Милій обратился къ Теніи и сказалъ ей:

— Приблизься, прекрасная христіанка, возьми себѣ помощь и скажи намъ скорѣе: за что ты томишься? Я увѣренъ, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключилъ въ эту темницу, тотъ самъ недостоинъ свободы.

— Ты ошибаешься, благородный господинъ, — отвѣчала Тенія, — я не христіанка, — я дочь жреца Полифрона и держусь старой вѣры.

Милій смутился и отвѣчалъ ей, что онъ сожалѣетъ, зачѣмъ она сказала ему, что она язычница.

— Теперь, — молвилъ онъ, — я не могу оказать тебѣ помощь, какую имѣлъ желаніе сдѣлать, — и при этомъ онъ удержалъ своею рукой руки Евлогія скорописца, распускавшаго связки кисы, гдѣ хранилось золото, присланное для раздачи новымъ христіанамъ.

Тенія же, услышавъ это сожалѣніе Миліа, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно:

— Развѣ для Θεодоры и для твоего милосердія не все равно оказать помощь тому, кто въ ней нуждается?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Милій, — мы должны помогать прежде своимъ по вѣрѣ, а потомъ чужевѣрнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, помоги моему мужу и дѣтямъ, — они всѣ вашей вѣры.

Милій обрадовался.

— Если мужъ твой и дѣти той вѣры, которой теперь отдають высшіе люди высшій почетъ въ Византіи и въ Дамаскѣ, то тогда совѣсть моя дозволяетъ мнѣ оказать тебѣ помощь. Подойди же сюда и возьми по монетѣ для каждаго изъ кисы добрыхъ даяній.

Тенія отвѣчала:

— Господинъ, мнѣ не встаетъ опускать самой руку въ мѣшокъ: я питаюсь самъ-пяты, — повели, чтобы отрогъ твой далъ мнѣ что опредѣлить твоя щедрость.

Милій велѣлъ отроку дать ей десять цехиновъ, а потомъ спросилъ у нея:

— Какое ты сдѣлала зло, или чѣмъ простунилась противъ законовъ?

— Милосердное небо до сего дня хранило меня отъ злаго дѣянія, — отвѣтила Тенія.

— Ты, можешь быть, судишь такъ по своей языческой совѣсти и тебѣ только кажется, будто ты не сдѣлала ничего преступнаго.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала ничего преступнаго.

— Въ такомъ разѣ за что же тебя лишили свободы и держать въ этой душной и страшной темницѣ?

Тенія отвѣчала вельможѣ, что она вовсе не невольница и свободно можетъ приходить сюда и выходить отсюда, а сидѣть здѣсь, въ этой душной и страшной темницѣ, ее побуждаетъ состраданіе и любовь къ мужу, который тутъ заключенъ и томится за то, что онъ не можетъ заплатить денегъ купцамъ, довѣрившимъ ему свои товары.

— Когда же ты надѣнешься выкупить своего мужа?

— Я не имѣю на это никакой надежды и только дѣлаю то, что могу: я приношу ему пищу и стараюсь его утѣшать и поддержать въ немъ бодрость.

— Мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать для него гораздо больше, чѣмъ это.

— Ахъ, яви свою милость, научи меня, что я могу сдѣлать,

чтобы возвратить свободу Фалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка въ рѣшимости и твердости: я исполню все, что для этого нужно.

— Нужна только одна твоя рѣшимость.

— Въ такомъ случаѣ, это уже сдѣлано. Не медли же, говори какъ можно скорѣй и понятнѣй, что я должна принести счастью семьи моей въ жертву? Жизнь мою?

— Нѣтъ.

— Такъ что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мнѣ отъ раза.

— На какую сумму простирается долгъ твоего мужа?—вопросилъ Милій, лаская взоромъ изящную Теню.

Теня отвѣчала ему по правдѣ, сколько Тивуртій и купцы исчисляли долгу на корабельщикѣ. Это составляло очень значительную сумму.

Милій былъ вельможа богатый, но скупой, и, притомъ, сумма Фалалеева долга и для его большихъ средствъ была не ничтожна, а потому онъ сказалъ:

— Мужъ твой, къ сожалѣнію, долженъ много!—и съ тѣмъ Милій отошелъ отъ Тени и сталъ подвигаться дальше къ выходу, но въ это самое время къ нему приблизился доимщикъ долговъ, хитрый старецъ Тивуртій, который былъ чрезвычайно искусенъ на то, чтобы дѣлать всякія сдѣлки, лишь бы донять что-нибудь съ содержащихся неплательщиковъ. Увидавъ, что Милій ласкается къ Тени, Тивуртій сейчасъ же сообразилъ, что этимъ можно воспользоваться, и прошепталъ вельможѣ на ухо:

— Долгъ мужа красивой женщины, которая сейчасъ имѣла счастье внушить твоему вельможеству высокое состраданье, очень великъ, но она, вѣдь, не знаетъ, что весь этотъ огромный долгъ можетъ быть очень пониженъ. Я здѣшній доимщикъ Тивуртій,—мнѣ извѣстны всѣ дѣла въ Аскалонѣ, и я знаю, что надобно сдѣлать, чтобы все вышло, какъ ты желаешь.

Милій остановился, а Тивуртій продолжалъ ему говорить:

— Повѣрь, что слова мои такъ же точны и вѣрны, какъ вѣрно и то, что женщины красивѣй и изящнѣй Тени не легко отыскать во всѣхъ городахъ, которыми править благословенная власть Теодоры, съ которою,—могъ ты замѣтить,—Теня, кажется, схожа.

Милій же, вмѣсто того, чтобы обидѣться тѣми словами, съ которыми подошелъ къ нему Тивуртій, забылъ и свой санъ, и свое положеніе въ темницѣ среди заключенныхъ, а продолжалъ любо-

ваться издали красивыми линиями стана жены корабельщика, а Тивуртій, замѣтивъ это, сдѣлался еще болѣе смѣль и прошепталъ:

— Ты посмотри: слова нѣтъ, что Теодора прекрасна, и всѣ говорятъ, будто въ земляхъ, Византіи подвластныхъ, нѣтъ другой женщины, которая могла бы съ Теодорой сравниться... но, вѣдь, это только такъ говорятъ... На самомъ же дѣлѣ время не щадить никого, и Теодора нынче не то, что была, — она теперь наша царица, и да даруетъ Всевышній ей многія лѣта, — но... вспомни ее, какова она нынче, и посмотри опять на эту стыдливую Тенію...

— Зачѣмъ эти сравненія? Онѣ обѣ прекрасны.

— Прекрасны, прекрасны, но та, вѣдь, на тронѣ, въ пурпурѣ и въ въицѣ многоцѣнномъ, ея ноги нѣжно разглаживаютъ наощенными ладонями молодая невольница, а египетскія бабки обкладываютъ на ночь ея перси мякишемъ душистаго хлѣба изъ плодовъ египетской пальмы, но, по правдѣ сказать, этотъ мякишъ даетъ персямъ ея лишь одну фальшивую нѣжность, а не можетъ имъ возратить ихъ былую упругость... Смотри же, каковы перси Теніи, а, вѣдь, Тенія въ горѣ и въ тяжелой нуждѣ, — она въ бѣдномъ рубищѣ, среди людей, усыпанныхъ всякою нечистью, но и тутъ ты смотри, какъ краса ея блещетъ... Смотри этотъ царственный взоръ, эти бѣлые зубы, эти перси, которымъ не нуженъ египетскій мякишъ...

— А до какой суммы можно уменьшить долгъ ея мужа? — нетерпѣливо и коротко перебилъ рѣчь доимщика Милій.

Тивуртій сразу же сбавилъ цѣлую треть долга, а когда замѣтилъ, что Милій еще находится въ нерѣшимости, то сказалъ вкрадчиво:

— Однако, я вижу, что ты очень тронуть судьбою этой несчастной, и чтобы сдѣлать тебѣ пріятное и заслужить себѣ напередъ твою благосклонность, я постараюсь склонить всѣхъ купцовъ, чтобы они уступили тебѣ долговые права на Фалалея не за двѣ, а всего за одну треть того, что онъ имъ дѣйствительно долженъ. Не колебайся далѣе и повели быть этому такъ, какъ я предлагаю. Пусть Тенія будетъ тебѣ обязана счастьемъ и постарается быть тебѣ благодарной.

Милій ему отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ, — благодарность ея мнѣ драгоцѣнна, но только я не хочу принужденія. Дай мнѣ сказать еще нѣсколько словъ съ этою Теніей, красота которой дѣйствительно не менѣе той, которая нынче достойно украшаетъ собою престолъ Византійскій.

Тивуртій нагнулся къ уху Милія и прошепталъ:

— Она ее превосходить... Θεодоръ теперь не достигъ того, чѣмъ обладаетъ Тенія.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Θεодора слишкомъ многимъ извѣстна.

— Тсс... Ты дерзокъ.

— Не опасайся... я знаю, что я говорю, и сказалъ только то, что Тенія спитъ какъ попало, въ шалапѣ, на рогожѣ, согнувшись и сжимая отъ холода перси руками, а Θεодора покоится, заложивъ руки подъ пуховыя подушки; но дай Теніи ту же роскошь, и какъ ея станъ изовѣется, въ какихъ очертаніяхъ!... О, да ты самъ понимаешь, что стыдливость Теніи можетъ доставить то, чего не можетъ дать все любовное искусство Θεодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я старъ, но я тебя понимаю.

— Ты правъ, красота этой женщины помрачаетъ мой разумъ, — отвѣчалъ Милій, — и, къ тому же, вѣдь, она язычница.

— Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убилъ себя, не желая видѣть новыхъ порядковъ.

— Язычницы свободны и не знаютъ стѣсненій...

— Да, для нихъ это не важно: онѣ отдавались и Діонису, и иностранцамъ во славу Изиды.

Милій обратился къ скорописцу Евлогію и приказалъ ему подзвать къ себѣ Тенію.

VI.

Услыхавъ отъ отрока приказаніе подойти къ его господину, Тенія сейчасъ же встала и подошла къ Милію, а тотъ подаль ей съ ласковою улыбкой златницу и сказалъ:

— Отъ взора моего не сокрылось то, чего ты не въ состояніи скрыть отъ всѣхъ, кто тебя видитъ, — ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готовъ на многія жертвы, чтобы получить твои ласки. Будь согласна на это — приди ко мнѣ въ домъ сегодня вечеромъ и останься въ опочивальнѣ моей только до утра. За это я дамъ тебѣ сколько ты хочешь.

Лицо Теніи покрылось румянцемъ, но она отвѣчала спокойно:

— *За это* — я не хочу ничего.

— Я тебѣ предлагаю пятьсотъ златницъ.

— Ты напрасно будешь предлагать мнѣ и тысячу.

— Двѣ!

— Все равно — я къ тебѣ не приду.

— Я дамъ тебѣ пять.

— Хоть и десять.

— Двадцать тысяч!

— Ты оскорбляешь меня этимъ торгомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я подпала несчастію, я уже привыкла къ подобнымъ обидамъ. Бѣдность должна много прощать людямъ съ достаткомъ, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

— Ты его и люби, но, вѣдь, ты язычница и по вѣрѣ твоей тебѣ нѣтъ грѣха въ томъ, на что я тебя приглашаю. Твой богъ Анубисъ тебя не осудитъ. Принеси же ему въ тайнѣ жертву за мужа, и возврати ему волю.

— Ты не знаешь, что говоришь, — отвѣчала Тенія, — я дочь жреца и бракъ мой съ мужемъ моимъ теперь не связанъ закономъ. Ты правъ, я вольна оставить его и свободна избрать другаго по сердцу, но я вѣрна Фалалею потому, что онъ милъ мнѣ, и если я жила съ нимъ въ довольствѣ и въ счастіи, то неужели въ горѣ его я покину? Нѣтъ, такъ не будетъ, и ты возьми даже эту златницу, которую далъ мнѣ, — у меня есть сегодня для всѣхъ насъ на хлѣбъ и на рыбу.

Упархъ изумился краткому отвѣту Теніи, но она ему еще болѣе понравилась, и онъ еще больше распалился желаньемъ.

— Оставь взятую златницу у себя, — сказалъ онъ, — и вотъ возьми еще другую и не будь за нихъ мнѣ ничѣмъ обязана, но не будь безразсудна и еще поразмысли. Если ты согласишься придти ко мнѣ, то я еще возвышаю цѣну: я высыплю къ твоимъ ногамъ всю кису добродѣтельныхъ даяній и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чѣмъ захочешь сказать свой отвѣтъ мнѣ.

— Ты очень щедръ, — отвѣчала Тенія, — и возвысилъ цѣну моей красоты до того, что она стала теперь цѣною свободы моего мужа, а я язычница и, какъ ты говоришь, я не имѣю стѣсненій, но ты позабылъ, что наши женщины ходили въ храмы богини Изиды съ согласіемъ мужей ихъ, и это не былъ обманъ, то и это, о чемъ ты говоришь мнѣ, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласенъ ли онъ, чтобы я купила ему свободу этою цѣной. Если мужъ мой будетъ на это согласенъ, тогда я... сдѣлаю то, что буду вынуждена сдѣлать. Таковъ мой отвѣтъ, а если хочешь знать, что скажетъ мой мужъ, то я сейчасъ пойду и спрошу его, и что онъ скажетъ, то я исполню.

Милію это показалось безуміемъ, но доимщикъ Тивуртій, который стоялъ не далеко и разговоръ этотъ слышалъ, успокоилъ упарха и сказалъ ему:

— Оставь ее, Милій, пусть она сдѣлаетъ такъ, какъ она хочетъ: мужчины благоразумнѣе женщинъ. Эти бываютъ некстати упрямы, и мужъ, можетъ быть, дастъ Теніи такой отвѣтъ, послѣ котораго она придетъ къ тебѣ съ спокойною и несмущенной душой.

И затѣмъ, проводивъ Милію за двери темницы, Тивуртій подошелъ къ скованному Фалалейю и рассказалъ ему о выгодахъ шархова предложенія.

УІІ.

Заключенный въ темницѣ Фалалей ничего не отвѣтилъ Тивуртію, но только горько заплакалъ, а на другой день, дождавшись прихода Теніи, обнялъ ее и опять со слезами сталъ благодарить ее за ея вѣрность.

— Что же ты думаешь?—спросила его Тенія.

— Хотя бы мнѣ суждено было провести безконечные годы еще въ худшей темницѣ, чѣмъ эта, которую выстроилъ Иродъ, и хотя бы мнѣ надлежало умереть въ ней безъ надежды когда-нибудь видѣть море и солнце, и милыя лица нашихъ дѣтей, то и тогда я предпочелъ бы вѣчное это томленіе въ неволѣ одной минутѣ твоего позора. Ты можешь сдѣлать что хочешь, но что до меня, то пусть я здѣсь доживу мою жизнь и умру въ этой ямѣ, но ты для моего спасенія не отдавай своей чистоты,—въ ней твоя прелесть, и въ ней моя радость и сила.

Тенія обрадовалась, услыша отъ мужа такія слова, потому что они отвѣчали ея собственнымъ чувствамъ.

— Благодарю тебя,—отвѣчала она,—ты теперь укрѣпилъ мою душу, и за то я открою тебѣ, что я тайла въ себѣ, когда отдавала себя въ твою волю. Знай, что если бы ты отвѣчалъ мнѣ согласіемъ, то ты оскорбилъ бы этимъ меня больше, чѣмъ всѣ, которые, видя наше несчастіе, желаютъ склонить меня торговать своею красотой. Душа моя не снесла бы этого безчестья.

— Что-жь бы ты сдѣлала?—спросилъ Фалалей.

— Если бы ты пожелалъ, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твое желаніе, не выйдя изъ его опочивальни, я отдала бы за тебя выкупъ, но не пришла бы къ тебѣ, а бросилась въ море.

— О, я такъ и думалъ!—перебилъ Фалалей.

— Но за то я благодарю тебя, что ты сохранилъ мое сердце, и я могу жить съ своими дѣтьми Вириной и Виттомъ.

Фалалей и Тенія оба забыли свое горе и стали такъ рады, какъ

будто къ нимъ снизошло безконечное счастье. А такъ какъ невольники въ аскалонской темницѣ помѣщались на соломѣ очень тѣсно и ничѣмъ не были отдѣлены одинъ отъ другаго, то хотя Фалалей и Теня старались говорить между собою какъ можно тише, но разговоръ ихъ, однако, былъ услышанъ сосѣдями и въ числѣ ихъ злодѣемъ Анастасомъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ надъ этимъ смѣялись, а одинъ изъ нихъ передалъ слова супруговъ доимщику Тивуртiю, который далъ за это вѣстовщику монету, а самъ пришелъ въ большую досаду, потому что онъ видѣлъ въ искательствѣ Милiи драгоценный случай взыскать долгъ съ Фалалея, а при такомъ оборотѣ это взысканiе становилось безнадежнымъ. Разгнѣванный доимщикъ положилъ себѣ на умъ наказать Теню какъ можно чувствительнѣе за ея упрямство, и съ этихъ поръ сталъ употреблять разныя мѣры къ отягченiю положенiя Фалалея, чтобы тѣмъ вынудить Теню сдаться на предложенiя упарха.

Злобный Тивуртiй началъ съ того, что выждалъ, когда Теня шла изъ темницы въ виноградный шатеръ; онъ сейчасъ же тихо подошелъ къ ней и началъ уговаривать ее не отвергать исканiй богатаго вельможи.

— Что тебѣ!—говорилъ онъ ей, покрывая лукавые глаза свои толстыми вѣками.—Ты, вѣдь, еще въ старой вѣрѣ и можешь не считать себѣ это за грѣхъ.

Теня только покачала головою и ничего ему не отвѣчала.

Но Тивуртiй не устыдился и не отставалъ. Онъ шелъ за Теней и рассказывалъ ей, какъ Милiй знатенъ и многовластенъ, и потому, понижая голосъ и шевеля своими толстыми вѣками, нашептывалъ, что упархъ давно бы уѣхалъ и для того только медлитъ произнести судъ и казнить Анастаса, чтобы имѣть предлогъ оставаться въ Аскалонѣ, а цѣль этого одна—достичь одной краткой минуты обладанiя Теней, за что онъ ее такъ щедро одарить, что она сейчасъ же можетъ выкупить мужа, а упархъ Милiй тогда казнить поскорѣй Анастаса и тотчасъ отъѣдетъ въ Дамаскъ.

— Такъ разсуди же сама, какъ бесполезно упрямство! Все это дѣло краткой минуты и ты съ этимъ человѣкомъ никогда болѣе и не встрѣтишься. Что же за великая важность... подумай! твоя маленькая тайна нигдѣ не разгласится, и вѣрь мнѣ, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будетъ тебѣ помнить о томъ въ счастливыхъ объятiяхъ любимаго мужа? О, какъ счастливъ Фалалей, что ты его любишь: будь же умна—пожалѣй Фалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А я берусь все такъ устроить, что ты войдешь къ нему и выйдешь назадъ ни для кого

незамѣтно: я поставляю теперь для него провизію и часто ввожу къ нему въ домъ рыбака. Я уложу въ корзину дыню и цвѣтнаго зуйша, а ты одѣнешься молодымъ рыбакомъ, обнажишь свои прекрасныя ноги и понесешь за жабры въ прекрасныхъ рукахъ прекраснаго розоваго мормира.

Но Тенія оттолкнула Тивуртія и не захотѣла поступить такъ, какъ онъ внушалъ ей, за что доимщикъ Тивуртіи обѣщалъ ей погубить все ея семейство. Тенія же оставалась непреклонною и несла свое горе, дѣля время между дѣтьми въ шалашѣ, мужемъ въ темницѣ и игрою на арфѣ въ шатрахъ виноградныхъ.

Отказъ Фалалея отъ полученія свободы изъ темницы цѣной униженія Теніи такъ сильно ее утѣшилъ, что она не только не боялась Тивуртія, но ощущала въ душѣ усиленную бодрость, и это выражалось въ ея игрѣ на арфѣ. И хотя содержатель ночныхъ шатровъ такъ же, какъ Тивуртіи, не одобрялъ ея цѣломудрія, но его ночные посѣтители были сострадательнѣе къ горю бѣдной арфистки и монеты изъ рукъ ихъ падали къ ногамъ Теніи, а она собирала ихъ въ корзинку, гдѣ у нея, въ зеленыхъ листьяхъ, лежалъ сухой черный сыръ и плоды для дѣтей.

Но не спала ночью не одна Тенія, — не спалъ и Тивуртіи-доимщикъ и придумалъ себѣ противъ Теніи новыя средства.

VIII.

Тивуртіи не могъ выпустить изъ рукъ своихъ случая, который казался ему драгоцѣннымъ, и препятствія, которыя ставила ему Тенія, только разжигали въ немъ желаніе достигъ своей цѣли. Доставя Милію рѣдкіе фрукты и розоваго мормира, Тивуртіи вызвался ему схватить Тенію насильно и принести ее къ нему, обмотавъ въ египетскій шелковый парусъ, но Милій былъ тонкій цѣнитель удовольствій и не хотѣлъ обладать ею насильно: онъ желалъ, чтобы скромная Тенія сама подошла къ его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвѣстить тебѣ, Милій, что мигъ благосклоненъ и до зари я желаніямъ твоимъ буду покорна».

Тивуртіи сдвинулъ толстыя вѣки и отвѣчалъ:

— Для меня это — излишняя тонкость, но, тѣмъ не меньше, я буду стараться: подожди еще съ осужденіемъ Анастаса, а я надѣюсь сдѣлать кое-что такое, послѣ чего Тенія должна будетъ скоро придти и сказать тебѣ: «мигъ благосклоненъ».

Чтобы преодолѣть непреклонность Теніи и скорѣе довести ее до

того, чтобы она согласилась исполнить желаніе Милія, доимщикъ Тивуртій разсказалъ о Теніи всѣмъ заимодавцамъ Фалалея. Эти страшно разсердились, что Тенія пренебрегаетъ случаемъ съ ними расплатиться за мужа, и пошли всѣ къ заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

— Ты и твоя жена—самые безчестные люди. Ты разорилъ насъ и нарочно хотѣлъ приготовить намъ впереди такое самое положеніе, какое самъ нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своимъ упорствомъ оскорбляетъ вельможу, и ты, вмѣсто того, чтобы ее образумить, еще и самъ отказываешь въ своемъ согласіи на такое незначительное дѣло, какое переносили не чета тебѣ именитые люди. Вѣдь, ты не Абрагамъ и не Ицгакъ, о которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ вспоминають книги, а тѣ сами и жены ихъ покорялись обстоятельствамъ. Отвернись на короткій часъ къ стѣнѣ и вздохни, какъ бѣднякъ, и мимо тебя совершится все къ общему счастью: всѣ мы будемъ счастливы, и ты будешь на волѣ, и снова увидишь друзей въ своемъ домѣ и сядешь съ женою своею и съ дѣтьми на берегу моря въ тѣни сикоморы и на столѣ твою будуть ароматныя дыни, чернологовый зуй и розовый мормиръ. Дай же скорѣе свое согласье, чтобы твоя безумная Тенія покорилась вельможѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Фалалей,—я не разорялъ васъ съ умысломъ и не буду счастливъ, достигнувъ свободы черезъ позоръ чистой Теніи. Можете томить меня, сколько хотите.

Бунцы были разгнѣваны этимъ отвѣтомъ и закричали:

— Тенерь мы еще яснѣе видимъ, что ты человекъ подлый и только о себѣ объ одномъ помышляешь, а до другихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Ну, такъ не жди же и самъ для себя отъ другихъ ни малѣйшей пощады! Пусть съ тобой какъ можно суровѣе поступаетъ доимщикъ Тивуртій. Пусть на тебя нападутъ всѣ недуги, живущіе здѣсь со дней Ирода.

Фалалей отвѣчалъ:

— Пусть все будетъ, непорочность же Теніи мнѣ всего драгоценнѣе.

Послѣ этого раздосадованный Тивуртій подкупилъ темничнаго стража Раввула, чтобы онъ не допускалъ Тенію до свиданія съ мужемъ, а самъ написалъ нѣкоторому своему знакомцу Сергію, откупщику общедоступныхъ женщинъ въ Александріи, чтобы тотъ скорѣе привезъ въ Аскалонъ нѣсколько красавицъ, умѣющихъ играть на арфахъ, пѣть нескромныя пѣсни и танцовать сладострастные танцы съ «исканьемъ осы, залетѣвшей въ одежду».

Темничникъ Раввула первый исполнилъ то, чего желалъ отъ него Тивуртій, и когда Тенія приходила, чтобы видѣть мужа, онъ отбиралъ у нея пищу, ею приносимую, и самъ передавалъ ее Фалалею, а Тенію отгонялъ отъ дверей. Когда же она садилась неподалеку отъ входа въ темницу и плакала, то Раввула порицалъ ее и говорилъ ей:

— Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего гордишься своею чистотой? Это, вѣдь, значитъ, что ты себя одну только и любишь.

— Это неправда твоя, — отвѣчала Тенія.

— Какъ же неправда? Ты имѣешь возможность разлить ручьемъ счастье для многихъ, но для тебя ничего не стоитъ ихъ жажда. Хороша ты дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиною и плѣсенью, какъ источникъ, заглухшій въ своемъ водоемѣ, а я сейчасъ войду и отягчу цѣпь на рукахъ и ногахъ Фалалея и стану стегать его по голому тѣлу воловьєю жилой.

Положеніе Теніи стало ужасно, а Раввула продолжалъ не допускать ее въ темницу и въ самомъ дѣлѣ надѣлъ вдвое болѣе тяжкія оковы на Фалалея и стегалъ его утромъ и вечеромъ жилой; но и послѣ этого и Фалалей, и Тенія, все-таки, еще оставались непрелюбны. Столько силы для перенесенія бѣдствій они почерпали во взаимной любви другъ къ другу!...

Между тѣмъ, подоспѣвалъ къ Аскалону на пестрой триремѣ женскій откупщикъ, александріецъ Сергій, котораго вызвалъ Тивуртій, и привезъ въ Аскалонъ тридцать красивыхъ и смѣлыхъ женщинъ, удивительно умѣвшихъ «искать осу» и показывать другіе, никогда еще здѣсь невиданные соблазны. Ихъ новизна и ихъ нестысненность должны были затмить Тенію и сдѣлать ее бесполезною въ шатрахъ виноградныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ для нея преобразится и всякій добытокъ. Да и Милій, — кто знаетъ? — можетъ увлечься «исканьемъ осы» и Теніи самой станетъ жалко, что она упустила.

IX.

Когда Сергій александріецъ и его доступныя дѣвы высадились на берегъ у Аскалона, Тивуртій сказалъ темничнику Раввулу, чтобы онъ снова открылъ Теніи доступъ къ мужу въ темницу, а самъ въ тотъ же день ранѣе роздалъ всѣмъ содержащимся въ темницѣ невольникамъ хлѣбцы съ чернушкой и другими праными зернами и сказалъ:

— Это вамъ посылаетъ великодушный Милій, впархъ изъ Дамаска. Онъ бы больше хотѣлъ облегчить вашу участь и за многихъ изъ васъ далъ бы выкупъ, но онъ болѣнъ, томится и не можетъ придти сюда, чтобы васъ видѣть.

Болодники, принявъ свѣжіе хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зернами, спросили:

— Чѣмъ болѣнъ Милій?

Тивуртій имъ отвѣчалъ:

— Болѣзнъ ему причиняетъ строптивость приходящей сюда жены Фалалея, которая не въ мѣру высоко о себѣ понимаетъ и не хочетъ исцѣлить вельможную душу.

Узники закричали:

— Пусть во вѣки живетъ доблестный Милій, и пусть придетъ всякое зло на строптивую Тенію, жену разорителя многихъ, гордеца Фалалея.

И вдругъ такъ всѣ возненавидѣли Тенію, что цѣлый день вопіали вокругъ Фалалея, а къ темничнымъ невольникамъ пристали и тѣ, которые пришли навѣщать ихъ, и всеобщее неудовольствіе на Тенію разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тенію и Фалалея обѣднѣвшіе черезъ потопленіе его кораблей. На другой день всѣ эти купцы и производители колесницъ и ковровъ пришли въ темницу къ Фалалею большою толпою и стали говорить ему:

— Внемли же намъ, Фалалей! не будь безразсуденъ, согласишься на то, чего алчетъ уязвленный страстью Милій.

Отъ этой несносной добуки Фалалей томился хуже, чѣмъ отъ прежней неволи въ то время, когда темничникъ Раввула не допускалъ къ нему Тенію. Теперь хотя Тенія имѣла свободный доступъ къ мужу, но каждый приходъ ея въ темницу вызывалъ изъ всѣхъ угловъ смрадной ямы такіе вопли и укору, что Фалалей и Тенія терзались ими и сами рѣшили, что имъ лучше здѣсь не видаться.

Замѣтивъ такой оборотъ, доимщикъ Тивуртій подошелъ еще съ одной стороны: онъ приступилъ къ Пупліи бабѣ, матери Фалалея, и сказалъ ей:

— Вотъ ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, какъ жили у насъ, въ Аскалонѣ, во время твоей молодости.

— Разумѣется, я это помню, — отвѣчала Пуплія.

— Жены тогда почитали безчестіемъ только обманъ, но когда не было обмана, они жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вмѣсто бога, ихъ приметъ въ свои объятія смертный. Отецъ Теніи, жрецъ Полифронъ, не разъ, я думаю, совершалъ такіа таинства.

— Да, я помню его, Полифрона, продѣлки надъ нами. Мы узнавали во тѣмѣ, что не богъ насъ цѣлуешь, а смертный, но стыдились о томъ говорить и молчали, а онъ продолжалъ это и успѣшно совершилъ надъ многими, что ему выгодно было.

— Ну, вотъ, видишь! И, все-таки, вы, несмотря на это, остались хорошими, честными женщинами?

— Не знаю, что тебѣ отвѣчать. Мы таились и примирались съ тѣмъ, что для насъ стало неизбежностью.

— Вотъ я и радъ, что слышу отъ тебя разумныя рѣчи! Я зналъ, что, имѣя опытъ въ жизни, ты непременно имѣешь и здравый разсудокъ. Подумай же, какъ теперь стоитъ ваше дѣло: сынъ твой томится въ смрадной темницѣ, гдѣ онъ сгниетъ, а, межъ тѣмъ, отъ жены Фалалея зависить, чтобы онъ получилъ свободу и чтобы вамъ воротилось все ваше имѣнье. Подумай, какая разница въ этихъ двухъ положеніяхъ!

— О, не говори. Оттого, что я объ этомъ начинаю думать, у меня замираетъ мое старое сердце и слезы клубкомъ подкатываются у меня въ горлу. Расскажи же мнѣ: отъ чего это зависить?

Тивуртій все рассказалъ и старая Пуплія всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать:

— Для чего... для чего это не совершилось втайнѣ?

Тогда Тивуртій ей продолжалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на мѣстѣ Теніи, давно бы такъ и совершила, а не поставила бы свою гордость въ такомъ случаѣ выше, чѣмъ счастье семьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но за то отереть слезы другихъ, кого любить. Не правда ли?

— Правда, — отвѣтила Пуплія.

— Такъ помогай же мнѣ сдѣлать умное дѣло. Ты, вѣдь, мать Фалалея, ты баба внучковъ своихъ Вирины и Витта, маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей... Подумай, что ждетъ ихъ? Фалалей истомится и умретъ, — его источить закожный червь въ темницѣ, дѣти возрастутъ безъ ученія, и ты умрешь безъ пріюта, а стройное тѣло твоей гордой Теніи согнется, и лицо ея поблекнетъ и никто не нее не захочетъ смотрѣть... Вотъ тогда она пожалѣетъ о томъ, что теперь отвергаетъ, и проклянетъ свою гордость. Быть можетъ, даже сама когда-нибудь станетъ за пологъ шатра и будетъ трогать за локти проходящихъ незнакомецъ и смотрѣть на нихъ подергающимися глазами, загиная свои руки за шею, но это будетъ напрасно и она не продастъ никому за серебрянникъ то, за что нынче

готовъ осыпать ее златницами милосердый вельможа. О, будь милосерда къ своимъ и къ чужимъ, умная Пуплія, заставь скорѣ Тенію ловить быстролетающій часъ, пока молодая кровь дѣлаетъ Милію безумцемъ. Теперь онъ рабствуетъ прихоти своего сердца и готовъ на все, лишь бы ему не отѣхать въ Дамаскъ, не извѣдавъ краткой ласки отъ Теніи; но этотъ жаръ можетъ перегорѣть и другаго такого случая уже не будетъ, а если онъ пропадетъ, то и тебѣ, и всѣмъ намъ послѣ того навсегда будетъ ненавистна проклятая гордость твоей невѣстки.

Пуплія молчала, глядя вдаль помергнувшими глазами, изъ которыхъ на ея сгорѣвшія отъ зноя щеки лились обильныя слезы, а Тивуртій взялъ ее ласково за руку и закончилъ:

— Слезы твои, старуха, самого меня трогаютъ, но и утѣшаютъ: я вижу, что ты не ставишь счастье другихъ ни во что, какъ дѣлаетъ Тенія, и, навѣрное, направишь мысли Теніи къ тому, чтобы не считать свою чистоту бѣльшимъ благомъ, чѣмъ счастье многихъ.

Тутъ Пуплія баба вздохнула и отвѣчала:

— Слова твои, Тивуртій, страшно остры и ѣдки: тяжело мнѣ слышать, но ты отгадалъ: я согласна съ тобою, и буду уговаривать Тенію, чтобы она не считала свою непреклонность за добродѣтель, потому что страданія наши слишкомъ несносны.

Доимщикъ Тивуртій еще похвалилъ Пуплію и отошелъ, довольный своимъ первымъ успѣхомъ, и отправился въ виноградные сады, гдѣ теперь раскинуты были небольшіе шелковые шатры и въ нихъ размѣщались стройныя, разноцвѣтныя дѣвушки, привезенныя Сергіемъ изъ Александріи. Старцы Аскалона собирались смотрѣть этихъ красавицъ, а Пуплія, дождавшись возвращенія Теніи, приступила къ ней съ ласкою, и, положа ея усталую голову на свои колѣни, начала распускать мелкія плетенія ея волосъ, склеенныхъ вишневымъ клеємъ, и при томъ умолять ее сжалиться надъ страданіемъ семейства.

— Что же ты хочешь?—спросила ее Тенія.

Пуплія припала къ уху невѣстки устами и прошептала:

— Иди къ вельможѣ.

Х.

Услышавъ такія слова отъ матери своего мужа, Тенія ужаснулась и отвѣчала ей:

— Отъ тебя ли, о Пуплія, могла я это услышать? Ты, вѣдь, мать Фалалея и должна бы поддержать мою твердость и вѣрность

супругу, а ты сама кладешь ножъ въ мои руки и посылаешь меня убить въ себѣ мой женскій стыдъ и добродѣтель супруги. Послѣ этого я не должна тебя слушать.

Пуплія же ей отвѣчала:

— Ахъ, твердость и вѣрность прекрасны, но горе слишкомъ несносно. Если бы ты жила въ прежнемъ довольствѣ, я никогда бы тебѣ такихъ словъ не сказала, но когда всѣхъ насъ ждетъ гибель, а ты можешь спасти насъ, то я говорю: спаси насъ, о, Тенія!... О, Тенія, Тенія! спаси насъ своею красотой!

И старая Пуплія упала передъ ней на колѣни и покрыла своими сѣдыми волосами ея ноги.

— Но, вѣдь, я люблю своего мужа и моя вѣрность для него дороже всякаго счастья, какое могу я купить этою цѣной.

— Развѣ я тебѣ говорю, чтобы ты его не любила?... Но ради этихъ дѣтей, которыхъ ждетъ доля презрѣнныхъ и нищихъ, если они тебѣ дороги, тебѣ должно быть нетрудно принести себя въ жертву.

— Нетрудно... О боги! это ли должна я услышать?

— «Нетрудно» — я говорю потому, что и я, и другія, которыхъ я знала, тоже любили и также имѣли стыдливость, но подавляли все это въ себѣ, когда надобно было, въ честь Діониса и богини Изиды.

Пуплія еще понизила голосъ и продолжала шепотомъ:

— У жрецовъ въ храмѣ Изиды былъ чудесный напитокъ... Онъ вовсе безвреденъ... отъ него только послѣ... день или два немножко болитъ голова. Очень немножко... Я видѣла, какъ его дѣлали изъ маленькихъ голубыхъ грибовъ... этотъ напитокъ, отнимающій память... И въ немъ еще есть одно чудное свойство... Испивши его, ощущаешь объятія и ласки того, къ кому сердце согрѣто любовью... Я знаю, гдѣ находить этотъ маленькій губастый грибокъ, я его нашла уже и утомила его въ горшечкѣ... Онъ уже выпустилъ свой туманящій напитокъ сокъ... Ты будешь въ туманѣ сладостно грезить до самаго утра, а утромъ чуть свѣтъ я сама приду за тобою къ дверямъ Милія, ты передашь мнѣ золото и я побѣгу выкупить изъ неволи Фалалея, а ты пойдешь къ морю, погрузишься вся въ его волны, и, освѣженная, придешь домой, встрѣтишься съ мужемъ и любовныя мечты прошлой ночи станутъ для васъ дѣйствительностью.

— Что говоришь ты? что ты говоришь?—воскликнула Тенія.— Неужели все это, по-твоему, можно?

— Безъ сомнѣнія, можно, — отвѣчала, кивая головою, Пуплія, и еще разъ помянула все, что приводилъ ей на память культъ богини

Изиды, и заключила вновь утѣшенъемъ, что сокъ изъ грибка, отводящаго память, спасетъ ее отъ всего, что можетъ помѣшать несмущенной искренности ея чувствъ къ освобожденному мужу.

На это Тенія уже ничего не нашлась отвѣтить: она только собрала горстями напередъ всѣ свои волосы и, закрывъ ими стыдомъ горящее лицо, застонала, произнося среди слезъ:

— О, я несчастная! До чего меня хотятъ довести всѣ людскіе совѣты! Я уже не въ силахъ понять, какъ мнѣ должно поступать, но мой стыдъ и любовь говорятъ, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

— Грибокъ, отбивающій память, отведетъ въ сторону стыдъ.

— Да, дай мнѣ, дай скорѣе этого сока, отводящаго память, чтобы я могла позабыть то, что я отъ васъ слышу. Во мнѣ мѣшается смыслъ: я погибаю отъ того, что начинаю не узнавать, гдѣ лежитъ настоящій путь моихъ обязанностей.

— Если любишь себя больше всѣхъ, тѣшь свой обычай, а если любишь Фалалея и дѣтей—пожертвуй имъ своею гордыней и отвѣдай грибка, отводящаго память.

— Я люблю Фалалея и потому-то я и хочу сохранить себя непорочной; но ты его тоже любишь и требуешь отъ меня, чтобы я для него согласилась войти къ постороннему мужчине и остаться съ нимъ подъ вліяніемъ напитка, отводящаго память. Какъ же это, и одно, и другое—внушаетъ любовь! Которая-жь любовь истиннѣе и больше?... Я дохожу до безумія! Просвѣтите мой умъ, старые или новые боги!

— Всякій скажетъ тебѣ,—отвѣчала Пуплія,—что та любовь больше, которая сама о себѣ не думаетъ. Мать любить больше жены!

— Больше!... О нѣтъ, нѣтъ! Никогда!...—воскликнула, стягивая себѣ горло волосами Тенія, и встала, взяла свою арфу и пошла къ винограднымъ шатрамъ, гдѣ еще надѣялась играть и получить что-нибудь за то отъ корабельщиковъ. Но ее ждалъ здѣсь новый ударъ: дѣвы Египта дѣлали излишнимъ здѣсь полное грусти пѣніе Тенія.

Между тѣмъ, какъ только Тенія ушла изъ-подъ своего шалаша, къ Пуплія тотчасъ же пришелъ Тивуртій и сталъ ее разспрашивать: въ чемъ удалось ей успѣть? Пуплія ему рассказала все вплоть до послѣднихъ словъ: «Никогда, никогда!»—но Тивуртій этимъ ни мало не смутился и отвѣчалъ:

— Всѣ влюбленные люди глупы, почтенная Пуплія, а ты не ослабѣвай, а все стой на своемъ. Такъ капля долбитъ камень и въ

древности ибѣй мудрецъ подтвердилъ это примѣромъ. Онъ имѣлъ споръ съ челоуѣкомъ, который былъ глупъ и упрямъ, и сказалъ: «никогда». Никогда—это глупое слово, и мудрецъ отвѣчалъ: «Никогда не должно говорить никогда». Продолжай свое дѣло, и ты восторжествуешь.

— А я не надѣюсь,—отвѣтила Пуплія.—Тенія слишкомъ чиста, какъ камень бѣлильный.

— Камень бѣлильный! Что за бѣда—почернѣетъ и камень бѣлильный, если тихо, но долго по немъ ударять и всегда въ одно мѣсто. Она тебя уже слушаетъ, это прекрасно: лишь бы только бѣлое стало немножечко темнѣть, а потомъ оно будетъ и синимъ, и желтымъ, и чернымъ. «Никогда не надо говорить никогда». А надо вотъ что,—добавилъ онъ, склонясь къ уху старухи,—надо спѣшить, чтобы Милію не наскучило ждать, и чтобы онъ съ досады не открылъ судъ надъ Анастасомъ и не отбылъ въ Дамаскъ, прежде чѣмъ Тенія скажетъ ему: «часъ благосклоненъ».

Пуплія дала Тивуртію обѣщаніе быть неотступною въ своихъ требованіяхъ у Теніи и повлялась ему жизнью своею и жизнью внучать Вирины и Витта, и Тивуртій, добившись этого, пошелъ пировать въ шатры Эпимаха, гдѣ въ вечерней прохладѣ должны были показать себя въ соблазнительномъ видѣ привезенныя Сергіемъ дѣвы Египта. Поясъ Тивуртія на всякій случай былъ полонъ золотницъ и при немъ былъ маленькій мѣшочекъ, гдѣ были спрятаны головки ароматной гвоздики, производящей волненіе крови.

XI.

Истерзанная разговоромъ съ свекровью, Тенія шла тѣмъ же путемъ къ винограднымъ шатрамъ Эпимаха. Она гнулась подъ тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя подъ собою дороги отъ слезъ. Тенія тяжело страдала и думала: «Какъ я могу теперь пѣть послѣ столькихъ тревогъ и терзаній? Какія слоужу я слова и гдѣ найду въ груди моей голосъ?» Но когда она вошла въ виноградный садъ, то увидала, что ей здѣсь нѣтъ ужъ и мѣста. Садъ былъ полонъ народа—здѣсь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цвѣтущіе юноши, и многолѣтніе старцы изъ самыхъ почетныхъ людей въ Аскалонѣ. Одни выставлялись на видъ, а другіе лежали въ кустахъ, и оттуда пожирали взорами нубійскую дѣву, которая стояла на одномъ мѣстѣ среди другихъ такихъ же подрутъ, возлегшихъ кругомъ ея цвѣтною гирляндой. Всѣ онѣ были красивы,—брови ихъ были тонко сложены и выведены въ полукружье, вѣки

подчернены, груди открыты, на лицѣ и на шеяхъ черныя мушки, а ладони рукъ и подошвы ногъ окрашены красною краской... Казалось, какъ будто изъ нихъ шелъ огненный токъ и самой землѣ отъ нихъ дѣлалось знойно... Поэзія словъ и томная арфа были ненужны въ этомъ собраніи — и безъ арфы всѣ были увлечены тѣмъ, что дѣлали: всѣ сидяція въ кружокъ египтянки что-то со-всѣмъ тихо пѣли, подражая жужжанію летающаго насѣкомаго, — хозяинъ танцовщицъ Сергій также тихо подыгрывалъ имъ на однострунномъ ребабѣ; а танцовщица, стоявшая въ срединѣ круга подругъ, содрогалась, безпокойно отгоняя то съ той, то съ другой стороны подлетающую къ ней осу... Жужжаніе усиливалось, всѣ чувствовали, какъ досадительно привязчивая оса кружила все ближе, и, наконецъ, вползла въ легкія одежды танцующей... Она вспрыгнула отъ испуга и ея нервность сообщилась всѣмъ другимъ женщинамъ, — онѣ привстали и замахали руками, въ которыхъ сжимали маленькія тѣсныя кастаньеты... Оса все ныряла изъ одежды въ одежду, и женщина, изгибаясь всѣмъ станомъ, такъ трепетала, боясь укушенія осы, что ея огненные пятки и пальцы ногъ вертѣлись, какъ волчокъ, сливаясь въ одну огненную точку, и дѣвушка, стоя на одномъ мѣстѣ, послѣшно срывала съ себя легкія покровъ за покровомъ, пока явилась передъ всѣми совершенно нагая... Изъ куста или съ лодки у берега моря раздался тонкій звукъ дудки лодочника, въ мигъ погасли огни, а съ ними у всѣхъ разомъ затмилась стыдливость и обняла все налетѣвшая тѣма изъ Египта...

Бъ Теніи въ этой тѣмѣ подошелъ Сергій, грубо взялъ ее за плечи и, толкнувъ ее въ спину, сказалъ ей:

— Удаляйся отсюда! — и, сорвавъ съ ея плечъ многострунную арфу, онъ бросилъ ее о пень сикоморы и арфа разбилась.

Теніи стало нечѣмъ питать заключеннаго мужа, и Вирину, и Витта, и Пушлю бабу. Такъ для нея насталъ день, когда всѣ они съ утра и до ночи остались вовсе безъ пищи.

Въ этотъ день Тенія пришла навѣстить мужа съ пустыми руками. Супруги, обнявши другъ друга, сидѣли въ темницѣ въ глубокомъ уныніи, но этимъ не кончились ихъ муки. Тенія напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоровъ, которые ей со всѣхъ сторонъ выкрикивали грубые невольники, помогавшіе Тивуртію за раздачу имъ хлѣбцевъ съ чернушкой. Теніи не надо было рассказывать Фалалею, какъ ухудшилось ихъ положеніе: онъ самъ все понималъ и тихо сказалъ женѣ:

— Я не знаю, какъ быть: я чувствую твердость и могу умереть съ голоду, но ты будь вольна надъ собою: я больше не смѣю

сказать ничего о тебѣ самой и о несчастныхъ Виринѣ и Виттѣ. Испробуй послѣднее: пошли ихъ самихъ просить подаянiя; Виттѣ и Вирина красивы, а мать моя Пупля такъ стара, что отъ нея уже пахнетъ могилой; когда они сядутъ втроемъ на пути къ Газѣ или къ Азоту и протянутъ свои руки, то, навѣрное, ихъ пожалѣютъ и бросятъ имъ зеренъ или хоть мертвую рыбу.

— Напрасно, мой милый, — отвѣтила Теня, — все это уже испробовано: я ихъ уже посылала, но никто ничего имъ сегодня не подаль, всѣ боятся чарха и въ угоду ему надъ дѣтими смѣялись и говорили Виринѣ: «Бляни свою мать, зачѣмъ она васъ не жалѣетъ». Тоже и твоя мать Пупля, — отъ нея пахнетъ могилой, но и она съ тѣхъ поръ, какъ я возвратилась съ пустою корзиной безъ хлѣба, проклиняетъ меня и понуждаетъ продаться вельможѣ.

Услыхавъ это, Фалалей разорвалъ на себѣ свои лохмотья и сказалъ:

— Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, дѣлай что можешь. Вонъ входитъ темничникъ Раввула. Темница сейчасъ будетъ закрыта.

Теня встала и вздрогнула, потому что въ это мгновенiе въ сторонѣ темной впадины, гдѣ сидѣлъ злодѣй Анастасъ, вдругъ загремѣли всѣ его пять цѣпей и къ ногамъ Тени что-то упало.

Теня нагнулась, чтобы поднять упавшiй предметъ, и нашла два хлѣбца съ чернушкой. Теня тихо спросила:

— Кто ты, сострадательный человѣкъ, который два дня не ѣлъ свои подаянные хлѣбцы и отдаешь ихъ несчастной? Скажи, какой вѣры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

— Не вспоминай моего имени богу, — отвѣчалъ ей грубый голосъ Анастаса, — я не вѣрю никакимъ дѣтскимъ сказкамъ, но ты надорвала мнѣ сердце своимъ тяжкимъ горемъ — въ томъ только и дѣло! Уходи и дай своимъ дѣтямъ по хлѣбу.

Теня не имѣла времени ему отвѣчать и хотѣла удалиться, но Фалалей, какъ волкъ, зацѣпалъ зубами и, вырвавъ у нея хлѣбцы, сталъ пожирать ихъ съ ужасною жадностью.

Теня закрыла руками глаза и убѣжала, чтобы не видать, до чего страшный голодь довелъ Фалалея... Ей стало страшно, чтобы самъ мужъ не попросилъ ее выпить настоя грибка, отводящаго память, и идти къ Милію съ ласковымъ зовомъ: «часъ благосклоненъ».

ХІІ.

Это былъ вечеръ. Теня вышла за дверь темницы, но стала въ раздумьѣ. Пряме всего Тени было идти къ ея дѣтямъ, но прид-

ти къ нимъ съ пустыми руками значило только усилить ихъ муки. Притомъ, она избѣгала уворовъ обезумѣвшей Пупліи, которая проклинала невѣстку и въ старческомъ бредѣ вопила:

— Гдѣ моя прежняя красота! Проклятье, зачѣмъ я стара и безобразна! О, если бы я понадобилась хоть чудовищу, которосъ жить въ зеленой пучинѣ моря, я бы не остановилась ни передъ чѣмъ, лишь бы только избавить милаго сына и дѣтей его отъ страданія! Проклятье, проклятье Теніи!

Тенія невольно приходило на мысль: если такъ твердятъ всѣ и такъ чувствуютъ и учить ее старая Пуплія, да и самъ Фалалей, истомясь, сталъ ей говорить, что онъ съ нея не снимаетъ воли, то, въ самомъ дѣлѣ, права ли она, охраняя свое цѣломудріе съ непреклоннымъ упорствомъ? Вотъ теперь холодныя и голодныя дѣти Биттъ и Вирина томятся съ стынущею бабкой, а она, мать, даже не смѣетъ къ нимъ показаться. Ей нѣтъ и пріюта подъ крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдругъ распространилось неожиданное безпокойство. Милій, кажется, сдѣлалъ большую ошибку — онъ слишкомъ долго замедлилъ судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вѣсти, что разбойники изъ Анастасовой шайки успѣли поправиться, собрались и рыщутъ вокругъ Аскалона. Вчера и сегодня они опять уже многихъ ограбили и убили двухъ путниковъ, шедшихъ по дорогѣ къ Азоту и къ Газѣ. Встревоженные этимъ, аскалонцы считали возможнымъ, что ободрившіеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодѣтые, въ самый городъ Аскалонъ, нападуть на темницу, выбьютъ дверь и уведутъ Анастаса, котораго одно имя внушало всѣмъ содроганье. Темничникъ Равулла не ручался, что большой деревянный замокъ на дверяхъ темницы можетъ устоять передъ силой многихъ отчаянныхъ людей, которые станутъ напирать на двери, и онъ бросилъ аскалонскихъ старшинъ, безпечно слѣдившихъ въ это время за тѣмъ, какъ подъ жужжанье и звуки кастаньетокъ ловятъ осу привезенныя египтянки, и сѣлъ на ночь у двери темницы. Милій встрѣнулся, но поздно: онъ велѣлъ, чтобы съ самыхъ сумерекъ до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый часъ ночи посмѣнно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всѣхъ, кто ненадеженъ или возбуждаетъ сомнѣніе, все равно — будетъ ли то христіанинъ, или язычникъ. А какъ христіанамъ казались подозрительными всѣ нехристіане, а язычники съ подозрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ христіанъ, то при встрѣчѣ дозоровъ съ кѣмъ бы то ни было изъ запоздалыхъ на улицахъ и городскихъ пустыряхъ въ потьмахъ происходили ссоры и схватки.

Побоища эти часто сопровождались ранами и увѣчьями, а для женщинъ, кромѣ того, еще и насиліями. Въ эту пору въ Аскалонѣ всякій почиталъ вправѣ на сожалѣніе только своего единовѣрца, а челоувѣка чужой вѣры считалъ достойнымъ пренебреженія и не оказывалъ ему снисхожденія.

Очувившись въ темнотѣ на улицѣ, Тенія все это вспомнила и содрогнулась. Положеніе ея было исполнено такого отчаянія, что если бы въ эту минуту возлѣ нея очутились отрокъ Евлогій или Тивуртій-доимщикъ, то, быть можетъ, она имъ сказала бы: «Вы побѣдили, я готова идти, къ кому вы хотѣли меня отвести». Но, по счастью, людей этихъ не было здѣсь, они вмѣстѣ съ другими смотрѣли, какъ ловятъ осу, и Теніи оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрѣчѣ съ дозорами, которые могли настичь ее гдѣ-нибудь на городскихъ пустыряхъ, или же поспѣшить выбѣжать за городскія ворота и ночевать въ травѣ оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала послѣднее: ей лучше казалось провести ночь въ тишинѣ кладбища, и, къ тому же, въ умѣ ея пробудилось заложенное тамъ съ дѣтства суевѣріе: у людей языческой вѣры, въ которой выросла Тенія, было въ обычаѣ, при большихъ недоумѣніяхъ, вопрошать кости мертвыхъ. Тенія быстро пошла за городскія ворота къ оливковой рощѣ, съ намѣреніемъ отыскать на кладбищѣ, въ песчаной долиинѣ, одну могилу, изъ которой торчалъ наружу провѣщательный черепъ, и спросить: какъ онъ ей скажетъ—она такъ и поступитъ. Всѣ живые ее осуждаютъ, всѣ говорятъ, что не тотъ благодѣтельнъ ключъ, который хранитъ свою чистую воду въ своемъ водоемѣ, а тотъ, который разбѣгается далеко потокомъ и поитъ всѣхъ, кого томитъ жажда. Всѣ эти доводы мутятъ въ ней ясность сознанія, она сама не вѣритъ себѣ, что поступаетъ какъ должно.

— О, скорѣе, скорѣе, я пойду—вопрошу кости мертвыхъ!

И Тенія быстро понеслась по темнымъ полямъ къ оливковой рощѣ, сокрывавшей кладбище.

Разбойниковъ, бродившихъ вокругъ Аскалона, по дорогамъ къ Азоту и Газѣ, она не боялась. Почему они ей не казались страшны, въ этомъ она себѣ не давала отчета. Не Анастасъ ли одинъ изъ всѣхъ въ аскалонской темницѣ сберегъ и отдалъ ей для дѣтей ея подаянные хлѣбцы съ чернушкой? Къ тому же, на ней нѣтъ ни затканыхъ золотомъ тканей, ни цѣпей, ни браслетъ, ни драгоценнаго пояса,—одежды ея бѣдны и просты, съ нея нечего взять. Во всемъ остальномъ разбойники ей не казались опаснѣй, чѣмъ Милій, Тивуртій, Раввула-темничникъ, и даже сама свекровь ея

Пупуля и, наконецъ, даже самъ Фалалей, потому что и онъ, истинившись, сталъ алчень, какъ волкъ, и началъ говорить ей такое, отъ чего ей до сихъ поръ страшно...

Теперь вся забота для Теніи заключалась въ томъ, чтобы она въ темнотѣ не сбилась между множества тропъ и нашла бы тропинку къ оливковой рошцѣ.

ХІІІ.

Тенія безпрестанно наклонялась, разсматривая тропинки, и не сбилась съ дороги: она благополучно дошла до оливковой рощи, но едва вошла въ нее, какъ увидала въ купцѣ деревьевъ свергавшій огонь отъ костра. Она притаилась и стала разсматривать, что можно увидѣть при этомъ огнѣ, и вскорѣ увидала двухъ человѣкъ, въ которыхъ сейчасъ же узнала разбойниковъ. Оба они были совсѣмъ голы и грѣлись у огня, а возлѣ нихъ были приставлены у деревьевъ ихъ копыя съ наостренными наконечниками, на блестящей поверхности которыхъ отражалось пламя. Тенія колебалась—идти ли ей впередъ, или притаиться, но чуткій слухъ разбойниковъ подсторожилъ ея приближеніе и они оба вскочили, бросились къ дереву, за которымъ она укрывалась, схватили ее за руки, начали угрожать ей, что бросятъ ее на то раскаленное мѣсто, гдѣ горѣлъ ихъ костеръ, и подвергнуть ее пыткамъ.

— Для чего же меня пытать?—отвѣчала Тенія.—Я сама расскажу вамъ, кто я и куда иду, и какъ я несчастна.—И она имъ все рассказала и не промолчала о томъ, что получила кусокъ хлѣба отъ Анастаса.

Слушая рассказъ Теніи, оба разбойника задумались и потомъ сказали:

— Мы за тебя отомстимъ,—мы два брата и оба разбойники—насъ обоихъ изничилъ Тивуртій.

Тенія имъ отвѣчала, что она не желаетъ отмщенія, а если имъ ее жалко, то она проситъ ихъ проводить ее къ кладбищу и помочь разыскать ту могилу, изъ которой выдается наружу провѣщающій черепъ.

— Вы здѣсь скрываетесь и бродите,—навѣрное, вы его замѣтили. Къ нему ходятъ вопрошать его тѣ, чье горе превосходитъ терпѣніе и омрачаетъ разсудокъ.

Разбойники, услыхавъ эту просьбу, такъ страшно расхохотались, что имъ отвѣтило лѣсное эхо, и суевѣрная Тенія испугалась и, схвативъ разбойниковъ за руки, сказала имъ:

— Вы были добры ко мнѣ до сихъ поръ, — не пугайте же меня теперь вашимъ страшнымъ смѣхомъ. Скажите мнѣ, видѣли вы или нѣтъ провѣщательный черепъ?

— Да, мы его видѣли, но не знаемъ, осталось ли отъ него что-нибудь послѣ насъ на поглядѣнье другимъ.

И разбойники несвязно и нескладно передали Тени, что они днемъ ходили на кладбище, чтобы пошарить въ могилахъ, нѣтъ ли на какихъ-нибудь мертвецахъ закопанныхъ драгоценныхъ уборовъ... И кое-чѣмъ они нашли поживиться, но за то и заплатились испугомъ, какового въ ихъ храбромъ званіи допустить надъ собой недостойно.

— Мы, говорятъ, замѣтили между острыхъ камней слѣды чловѣческихъ ногъ и сказали себѣ: не мертвецъ же, вѣдь, этою дорожкой ходить! Пойдемъ-ка, посмотримъ. Если тамъ эти кости, въ которыми глупые люди приходятъ, чтобы ихъ о чемъ-нибудь спрашивать, такъ тамъ должны быть накиданы деньги. Пошли и нашли тамъ что-то такое, что торчитъ наверху, точно ёжъ. Стали смотрѣть: это — черепъ, весь сухою кожей обтянутъ и пылью засыпанъ. Братъ говорить: «Подними его; подъ нимъ должны быть монеты». Я его сталъ поднимать, но черепъ не поднимался... Я говорю брату: «Смотри-ка, онъ чѣмъ-то прикрѣпленъ». Братъ говорить: «Покачай». Я его покачалъ... Онъ качается, а, все-таки, остается на мѣстѣ, да и мнѣ что-то страшно за него трогаться, потому что онъ изъ могилы торчитъ... А братъ говорить: «Экая глупость! Какой же ты послѣ этого разбойникъ? Толкай его хорошенько изъ всей силы направо и налево, — заверти винтомъ навкругъ и дерни — онъ оторвется». Я не хотѣлъ унижить себя въ глазахъ брата и сдѣлалъ какъ онъ мнѣ сказалъ, и черепъ свернулся на бокъ, а прочь-то не оторвался. Тогда братъ нагнулся вмѣстѣ со мною и говорить: «Ну-ка, потянемъ вдвоемъ», — и какъ потянули, такъ и упали, а въ рукѣ у каждаго осталось по шматку сухой, сморщенной кожи, — похоже какъ древесная губка. Братъ посмотрѣлъ и говорить: «Это мы ему уши сорвали». Оба мы испугались чего-то и оба стали къ нему пригинаться и въ него вглядываться.

— Ну, говори же, — зачѣмъ ты остановился?

— Я остановился затѣмъ, что я послѣ того былъ хорошо пьянъ, а мнѣ, все-таки, еще жутко... А у этого черепа были глаза!

— Не сгнили еще?

— Нѣтъ. Это были живые глаза, — они были подняты къ небу и прямо глядѣли на солнце.

— На солнцѣ глядѣть невозможно... только праведный, только святой взираетъ на солнцѣ.

— Ну, такъ, можетъ быть, это и есть святой или, по крайней мѣрѣ, онъ *былъ* такой сегодня утромъ.

— Что же еще вы ему сдѣлали?

— Мы ему ничего больше не сдѣлали: мы убѣжали, но... впрочемъ, если *онъ* тебѣ нуженъ...

— Ахъ, онъ мнѣ нуженъ!

— Такъ мы тебя къ нему проводимъ.

Тенія ихъ благодарила, а разбойники взяли изъ-подъ корня стараго дерева по большой свѣтящей гнилушкѣ и пошли черезъ темную чащу и привели Тенію на кладбище, къ тому мѣсту, гдѣ въ темномъ рвѣ среди каменной осыпи была не то человѣческая могила, не то дождевой прососъ или рывина, а когда разбойники стали водить надъ поверхностью его свѣтящеюся гнилушкой, то и они, и Тенія стали различать что-то едва замѣтное и не имѣющее ни формы, ни вида, но страшное. Возможно, что это былъ ежъ, а, можетъ быть, и голова человѣка. Не разобрать, на что больше это похоже, но на самомъ дѣлѣ это была голова, вся обшитая шкурою какого-то звѣря. Въ обшивкѣ прорѣзы для глазъ, а надъ устами свѣсились грязныя космы.

— Это, навѣрное, тотъ, кого тебѣ нужно, — сказали разбойники, — и мы тебѣ не будемъ мѣшать съ нимъ говорить.

Разбойники удалились, а бѣдная Тенія осталась одна и позабыла слова, въ которыхъ хотѣла сказать вопрошеніе. Это такъ переполнило мѣру ея страданій, что она зарыдала и упала на камни, коснувшись лицомъ своимъ того, что считала за черепъ, и сразу же слухъ ея уловилъ какіе-то звуки.

XIV.

Въ могилѣ былъ не мертвецъ, а въ ней жилъ христіанинъ, аскетъ и молчалиникъ, старецъ Фермуфій. Онъ родился язычникомъ, потомъ сдѣлался христіаниномъ, а потомъ, по мнѣнію многихъ, омрачился въ разсудѣ, — онъ кинулъ домъ, возненавидѣлъ плоть и заботы о жизни и, завопавъ себя въ яму, молчалъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ни однимъ звукомъ не нарушилъ своего обѣта молчанья. Онъ молчалъ, когда рвали его голову братья - разбойники, — молчалъ и тогда, когда Тенія рыдала надъ его головою, не имѣвшей ни формы, ни вида; но когда она, совсѣмъ ослабѣвъ, упала и перестала плакать, обѣтъ его разрѣшился неволью. Фермуфій-

молчалиникъ сталъ бредить... Это случилось въ часъ передъ разсвѣтомъ, когда въ воздухѣ пронесло утреннею свѣжестью и за камнями кладбища въ колючей травѣ чиркнула робкая птичка. Тенія ободрилась, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, ей показалось, будто все стало бредить. Можетъ быть, и она тоже бредила. Ей казалось, что этотъ ѣжъ, эта голова, обшитая звѣриною кожей, шевельнулась... вотъ въ ней подъ нависшею кожей что-то шумить, подобно движенію птицы, шевелящейся въ листьяхъ. Тенія затрепетала отъ страха и нетрудно понять, сколько ужаса должно было заключаться въ этомъ для нея, которая не знала, что это закопанъ въ землѣ молчалиникъ Фермуфій, а думала, что видитъ передъ собою мертвый черепъ. И вотъ мертвый черепъ вѣщаетъ. Тенія слушаетъ. Вначалѣ невнятно... все птица шевелится... Молчалиникъ отвыкъ говорить членораздѣльно. Но вотъ изъ устъ его, завѣшенныхъ звѣриною шерстью, начинаютъ слышаться звуки, похожіе на человѣчскій голосъ. Можно понять, что онъ бредитъ извѣстною восточною притчей о двухъ мышкахъ, бѣлой и черной, которыя точатъ вѣтку, торчащую изъ стѣны страшнаго обвала. На этой вѣткѣ виситъ человѣкъ... внизу подъ нимъ пропасть, надъ его головою другая—безпредѣльное небо... Бѣлая и черная мышь все, чередуясь, точатъ... вѣтка лопнетъ... человѣкъ оборвется въ темную пропасть... Сердце жалось... руки слабѣютъ... тошно... оставили силы... сейчасъ упадетъ... Мыши все другъ другу смѣняются... все точатъ...

Птица совсѣмъ будто проснулась, она уже не шевелится въ густолиственныхъ вѣтвяхъ... она расправила крылья и выпорхнула на волю: слова становятся явственными.

— Вверхъ, вверхъ надъ собою гляди!—воскликаетъ молчалиникъ и продолжаетъ тише:—нѣтъ края здѣсь, и нѣтъ края тамъ, но внизъ глядѣть тошно,—вверху освѣжаетъ...

Тенія слушаетъ; онъ продолжаетъ:

— Ключъ студеной воды бьетъ у предгорья... Струи его прозрачны и свѣжи... пустыня вокругъ... зной... полдень... Кто-то несчастный бредеть. Это воинъ усталый... Онъ видитъ воду, прильнулъ и утолилъ свою жажду... Зачѣмъ онъ такъ пилъ? охлажденная голова его въ мигъ отуманилась... Воинъ боится чего-то... онъ бѣжитъ, онъ даже оставилъ здѣсь наполненный золотомъ поясъ... Приближается юноша... и его томить зной, и онъ чувствуетъ жажду... Пьетъ... Забираетъ поясъ съ золотомъ и уходитъ... Тащится медленно старецъ... зной опалилъ и его... Старецъ тоже напился и здѣсь опочилъ... Горный источникъ! зачѣмъ ты поилъ ихъ?... Воинъ хватился, гдѣ его поясъ и гдѣ его золото... Воинъ мчится

назадъ, потрясая мечомъ... «Старецъ, — кричитъ онъ, — старецъ проклятый! подай мое золото!» Старецъ не бралъ его золота, — старецъ невиненъ... Воинъ не внемлетъ... Старецъ убить... Кровь его льется въ ручей и чистый ручей замутился... Онъ больше не чистый ручей, — онъ кровавый ручей... Лучше-бъ не текъ онъ... Лучше-бъ онъ не манулъ къ себѣ война, юношу и старца... Храни чистоту! Вверхъ гляди, вверхъ!» Съ этимъ ясность слова прошла, опять послышался шелестъ, подобный метанію птицы въ вѣтвяхъ, и голова, обшитая шкурою звѣря, съ шерстью, повисшей надъ прорѣзомъ для усть, вдругъ исчезла, точно въ могилѣ провалилось дно.

Преставился къ Богу молчальникъ Оермуфій, проговорившій, предъ смертью въ бреду, безъ нарушенія обѣта. Тенія поняла изъ его бреда то, чтò ей надо было понять: она знаетъ, что правда на ея сторонѣ, а не на сторонѣ всѣхъ, кто внушаетъ ей «разлиться ручьемъ». Проклятіе злему началу! Не надо начала, не одинъ же, вѣдь, Милій только на свѣтѣ... и не одинъ только нынѣшній случай, когда придетъ надобность «разливаться»... И развѣ одни только свои семейные могутъ вынуждать это? Не всѣ ли несчастные жалки? За несчастныхъ должно не бояться страданья и смерти, но не испугать ихъ постыдными сдѣлками. Нѣтъ! Выше этого, выше!

И только что она стала глядѣть вверхъ, какъ въ умѣ ея сейчасъ же стали слагаться совсѣмъ другія мысли. Кто другихъ любить больше себя, тотъ ихъ избавитъ всегда, когда захочетъ. Что ей Милій, что ей домищикъ Тивуртій, что ей Пупля, что ей всѣ тѣ, кто кричатъ на нее въ аскалонской темницѣ! Она теперь знаетъ, чтò надо сдѣлать, чтобы освободить Фалалея. Духъ Теніи вспрыгнулъ и нервы ея напряглись, какъ струны высоко настроенной арфы. На лицѣ ея сіяла ясно сознанныя цѣль и твердая воля. Она встала, взглянула въ лицо восходящей зари и проговорила:

— Незримый, живущій за предѣлами нашего взора! Я внутри себя слышу Твой голосъ: Ты укрѣпилъ духъ мой, я отдамъ мою жизнь за друзей, но мой духъ я возвращу Тебѣ чистымъ!... Мой мужъ, мои дѣти, я несу вамъ спасенье! Мнѣ ненужно наитка, отводящаго память!

XV.

Тенія возвращалась въ городъ въ бодромъ настроеніи. Красота ея, можетъ быть, еще никогда до этого не была такъ благородна. Оливковая роща, въ которой Тенія провела ночь, давшую ей силы вдохновенной рѣшимости, была на востокъ отъ Аскалона, а потому когда Тенія приближалась къ городу, лучи восходившаго солнца

освѣщали ее сзади и лицо ея было отѣнено, межъ тѣмъ какъ ея стройный станъ, покрытый бѣдною одеждою изъ синяго полотна, и бѣлый льняной покровъ на головѣ сверкали въ сильномъ освѣщеніи. Аскалонъ былъ передъ нею, и она входила въ него, какъ богиня, одѣтая бѣдною пастушкой, и не замѣчала, что Аскалонъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Здѣсь ожидалось теперь большое событіе: оно вытекало все изъ тѣхъ же самыхъ случайностей и имѣло цѣлью предотвратить ужасную опасность: стало извѣстно, что отчаянные друзья Анастаса издалека ведутъ два подкопа, изъ которыхъ посредствомъ одного хотятъ перехватить притокъ прѣсной воды въ Аскалонъ, а посредствомъ другаго пробраться въ Иродову темницу и выпустить изъ нея всѣхъ, кто въ ней заключенъ.

Всѣмъ стало ясно, что Милій слишкомъ долго поддавался любовнымъ заботамъ и, по коварству Тивуртія, слишкомъ долго передержалъ дѣло злодѣя Анастаса. Друзья Анастаса не тратили время даромъ и собрались вооруженными шайками. Минувшею ночью они подвинулись разомъ отъ Газы и отъ Азота и стали за одно поприще отъ Аскалона.

Темничникъ Раввула не спалъ во всю ночь и съ поражающею ясностью слышалъ подземные стуки—это удары киркой и лопатой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ темницѣ ведется подкопъ, но откуда и въ какомъ направленіи онъ ведется — это неизвѣстно, а, межъ тѣмъ, это необходимо было узнать, и, притомъ, такъ, чтобы не показать народу, гдѣ есть опасность. Для этого была предпринята особая околочность, которая должна была одновременно вести къ открытію, гдѣ ведется подкопъ, и разомъ покончить съ Анастасомъ такъ, чтобы, въ случаѣ, если друзья его проберутся этою ночью въ темницу, то чтобы они уже не нашли его въ живыхъ.

Такой способъ заключался въ томъ, чтобы *прожечь* аскалонскую темницу.

Что за церемонія было это *прожиганіе*, какъ оно совершалось и къ чему иногда вело, — это требуетъ болѣе подробнаго объясненія и для этого надо вкратцѣ сказать, что такое были ужасныя темницы Ирода, прозваннаго «Великимъ».

XVI.

Въ подземныхъ темницахъ, подобныхъ той, гдѣ были заключены злодѣи Анастасъ и мужъ Теніи, Фалалей-корабельщикъ, не было почти никакихъ приспособленій для потребностей человѣческихъ.

Люди здѣсь спали, пили и ѣли на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда ихъ бросили на гнилой тростникъ или на такую же солому. На этихъ самыхъ мѣстахъ они были прикованы кто къ чему попало: однихъ приковывали къ желѣзнымъ стѣнамъ, другихъ къ столбамъ, поддерживавшимъ своды, третьихъ къ кольцамъ и рогулямъ, ввернутымъ въ плиты, служившія поломъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ темницъ была такая страшная тѣснота, что къ одному кольцу приковывали на цѣпяхъ не по одному, а по нѣсколько человѣкъ. Такая тѣснота была и въ аскалонской темницѣ.

Желѣзные кольца здѣсь были вдоль всѣхъ стѣнъ въ самомъ тѣсномъ одно отъ другаго разстояніи, и то же самое было у всѣхъ столбовъ и по всему полу. Въ стычкѣ каждой плиты было кольцо и къ каждому изъ половыхъ колецъ было приковано по четыре человѣка. Эти несчастные могли сидѣть или лежать только скорчась, но и при этомъ еще здѣсь не умѣщались всѣ, кого считали нужнымъ томить въ заключеніи: въ длинномъ досчатомъ притворѣ съ покатымъ поломъ, по которому надо было спускаться съ поверхности въ подземелье, лежали въ два ряда старыя корабельныя мачты съ выдолбленными прорѣзами и заклинками. Въ эти прорѣзы или пазухи вкладывали ноги невольника и заколачивали ихъ клиньями. Колоды и клинья вполнѣ замѣняли желѣзо и даже были гораздо терзательнѣе: въ цѣпяхъ можно было перемѣнить положеніе ногъ, а забитый въ колоду не могъ ворохнуть своими ногами и онѣ у него отекали, надувались и нерѣдко трескались. Человѣкъ съ ногами, забитыми въ колоды, только едва могъ привстать и опять сѣсть.

Такая лютая жестокость въ содержаніи людей въ старинныхъ темницахъ оправдывалась тѣмъ, что при этихъ темницахъ не было, по-нынѣшнему, многочисленной стражи. Тогда за цѣлость всѣхъ заключенныхъ отвѣчалъ одинъ темничникъ, которому не всегда даже полагался помощникъ. Помощь тюремщику тогда оказывалъ развѣ кто-нибудь изъ его же семейныхъ. Иногда такими помощниками были женщины, жены или дочери стража. Онѣ входили въ мрачныя помѣщенія заключенныхъ, ни мало ихъ не боясь, потому что всѣ содержимые здѣсь были крѣпко окованы или забиты ногами въ бревна. Сирійскія темницы, построенныя Иродомъ, были хуже тѣхъ египетскихъ темницъ, гдѣ сидѣли виночерпій и хлѣбодаръ фараона. Тюрьма въ Аскалонѣ была, какъ сказано выше, обширный, мрачный подвалъ, подобный тому, въ какомъ при Иродѣ былъ долго томленъ и безъ суда въ минуту пьянаго разгула зарубленъ Бреститель. При такомъ содержаніи и безъ многочисленной стражи

уходить было трудно, но въ такіа дурно устроенныя темницы легко подкапывались.

Должность темничника была часто очень выгодною—онъ былъ полный хозяинъ темницы и могъ обращаться съ заключенными, какъ онъ хотѣлъ. За излишнюю суровость и даже жестокость темничника не судили, потому что, только обращаясь безъ милосердія, онъ и могъ содержать множество заключенныхъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ пособію многочисленной стражи, но за то при такой тѣснотѣ и при такихъ порядкахъ, не допускавшихъ возможности каждому невольнику покидать свое мѣсто, въ иродовыхъ темницахъ скоплялась отвратительная и ужасная нечистота, распространявшая такое зловоніе, отъ котораго люди задыхались до смерти. Тростникъ и полусгнившая солома, брошенные въ подстилку для невольниковъ, сгнивали подъ ними, не перемѣняясь по цѣлымъ годамъ. Въ этомъ отвратительномъ смрадномъ болотѣ кишѣли бѣлоголовые черви, мокрицы и большой сѣрый клопъ, а въ трещинахъ плоть гнѣздились пятнистые пауки, скорпіоны и фаланги... Случалось, что умершаго человѣка не скоро усматривали и онъ здѣсь же разлагался... Какіе-то особые гады «выпивали глаза» у больныхъ и умершихъ... Окно въ темницахъ, построенныхъ Иродомъ, было мало, и тѣ самага незначительнаго размѣра. Темницы буквально были *темны*, а для того, чтобы проходило хоть сколько-нибудь свѣжаго воздуха, во все время отъ восхода солнца до вечера двери темницъ стояли растворены и у порога ихъ сидѣлъ самъ тюремщикъ или кто-нибудь изъ лицъ его семейства. Двери всегда были однѣ и въ нихъ мимо тюремщика проходили люди, которые посѣщали невольниковъ и приносили имъ пищу. Это дозволялось, потому что составляло выгоду для темничника, который за то не кормилъ заключенныхъ. Въ продолженіе дня, пока двери были открыты, въ темницѣ еще былъ какой-нибудь притокъ свѣжаго воздуха, но когда, съ приближеніемъ ночи, темничный стражъ уходилъ въ свое помѣщеніе и дверь запиралась на замки и засовы, воздухъ въ темницѣ быстро спирался и заключеннымъ становилось нечѣмъ дышать. Это было мучительно. Въ это же время вся живая нечисть, какъ сѣрый клопъ, скорпіонъ и хвостатая мокрица, тучами вползали на тѣло невольниковъ и точили ихъ грязную и воспаленную кожу, отдавая всякую возможность сна и покоя. вмѣсто ночнаго отдыха, заключенные испытывали терзанія, приводившія ихъ въ бѣшенство. Болѣе счастливы были тѣ, кто скорѣе впадалъ отъ этой муки въ безпамятство и начиналъ бредить въ безумствѣ...

Съ закрытіемъ на ночь темничныхъ дверей, во всю ночь изъ узкихъ окошекъ этихъ ужасныхъ подземелій раздавались неумолчные стоны и вопли, а порой слышался отчаянный крикъ и бѣшенныя проклятія, и цѣпи гремѣли, вторя проклятіямъ. Только подъ утро, когда силы измѣняли несчастнымъ, крики утихали и слышался скрипъ, какъ будто пилила тупая пила,—это былъ скрежетъ зубовой. Люди метались, попирая другъ друга, впадали въ тяжелый неистовый бредъ и это метанье былъ *сонъ* въ тюрьмѣ аскалонской. Нерѣдко случалось, что темничникъ Раввула, отворивъ утромъ двери аскалонской темницы, находилъ здѣсь одного или нѣсколькихъ человѣкъ задохнувшихся, но иногда онъ не замѣчалъ сразу, что они умерли, и почиталъ ихъ за спавшихъ или обмершихъ, потому что всегда здѣсь были такіе, которые, по открытіи дверей, лежали долго безъ чувствъ. Послѣ того, какъ до нихъ доходила струя воздуха изъ открытой двери, они мало-по-малу приходили въ себя, чтобы начинать ощущать другія терзанія, составлявшія здѣшнюю *жизнь*.

При такихъ условіяхъ темничные невольники коротали свои дни въ мукахъ отчаянія, впадая сколь въ тяжкіе, столь же и въ отвратительные недуги. Только разъ въ годъ, а иногда и того рѣже, невольниковъ выводили изъ темницы на одинъ день и тогда они могли видѣть небо и солнце. Это случалось въ неопредѣленное время, когда нечистота отъ сгнившихъ тростника и соломы достигала такой степени, что самъ темничникъ ощущалъ невозможность придти къ невольникамъ. Тогда всѣхъ заключенныхъ выводили въ оковахъ, сажали ихъ въ старую негодную барку и отводили эту барку въ море, а темницу набивали сухимъ хворостомъ и зажигали его, чтобы пропалить всю нечисть огнемъ.

XVII.

Прожиганіе приносило серьезную пользу, а дѣлали его такъ, что въ дверь темницы напихивали огромныя кучи смолистаго хворосту и соломы и зажигали ихъ, а сильная тяга воздуха, стремясь отъ дверей къ отдушинамъ, въ отдаленномъ концѣ раздувала огонь и попаляла нечистоту, которая здѣсь накопилась.

Огненный палъ въ темницѣ былъ живымъ и полнымъ интереса событіемъ для каждаго жителя въ Аскалонѣ. Это интересовало всѣхъ потому, что когда заключенныхъ выводили изъ темницы и сажали на барку, можно было видѣть всѣхъ, кто тутъ томился и какое страшное искаженіе природы произвела надъ ними неволя. При каж-

домъ прожиганіи ямы жители Аскалона сбѣгались сюда какъ на самое любопытное зрѣлище и толпились, желая узнать въ числѣ несчастныхъ узниковъ людей, имъ когда-то знакомыхъ и, можетъ быть, давно позабытыхъ. Зрѣлище это было ужасно, но еще ужаснѣе было то, что выводили не всѣхъ. Существовало общее крѣпкое убѣжденіе, что передъ паломъ въ темницѣ забывали тѣхъ, кого хотѣли избыть безотложно. Всѣ въ Аскалонѣ вѣрили, что будто при каждомъ пропаливаньѣ темницы тамъ всегда кого-нибудь сожигаютъ живаго, и это сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ, ничего не стоило, и это, дѣйствительно, дѣлали съ тѣмъ, съ кѣмъ надо было кончить немедленно. Этимъ теперь и захотѣлъ воспользоваться темничникъ Раввула. Услыхавъ встревожившій его стукъ подъ землю, онъ пришелъ къ Милію и сказалъ ему:

— Господинъ, вотъ ты сдѣлалъ большую ошибку: напрасно ты медлил судить Анастаса. Въ этой ночи я слышалъ стукъ подъ темницей. Темница подкопана и я не знаю, гдѣ идетъ этотъ подкопъ. Каждый часъ угрожаетъ бѣдою: Анастаса могутъ отковать и увести. Отвѣчай за него ты, а я его сторожить не берусь.

Милій испугался и вскричалъ:

— Неужто нѣтъ средства отвратить эту неожиданность и кончить раньше, чѣмъ они подкопаютъ?

Раввула посмотрѣлъ на него изподлобья и тихо отвѣтилъ:

— Для всякой вещи есть средство, но тому, кто его знаетъ, хорошо надо платить.

Милій тотчасъ же позвалъ Евлогія отрока и, взявъ много золота изъ кисы доброхотныхъ даяній, метнулъ его, не считая, Раввулѣ. Раввула взялъ золото и сказалъ:

— Дай мнѣ сейчасъ повелѣніе выжечь гадовъ въ темницѣ.

Милій отвѣтилъ:

— Повелѣваю тебѣ именемъ императора. Иди и сдѣлай это, какъ нужно.

Но Раввула еще стоялъ и, встряхнувъ на рукѣ золото, тихо промолвилъ:

— Анастасъ ли одинъ нарушаетъ покой моего господина?

Милій бросилъ ему еще золота и сказалъ:

— Ты довольно разуменъ: Анастасъ не одинъ человекъ, мнѣ ненавистный. Есть еще тамъ другой, — имя его тебѣ скажетъ доищикъ Тивуртій.

— Знаю я самъ это имя, — отвѣтилъ Раввула и вышелъ.

Это произошло въ то самое время, когда Тенія шла на зарѣ изъ оливковой рощи и, ничего объ этомъ не зная, удивлялась замѣтно-

му большому движенію людей, которыми овладѣло любопытство и волненіе при извѣстїи, что сегодня будутъ выводить на барки узниковъ и прожигать темницу.

XVIII.

Палъ, однако, нельзя было сдѣлать въ одну минуту безъ подготовленія всего, что къ тому нужно: надо было имѣть смолистый хворостъ и солому и просторныя барки для того, чтобы размѣстить на нихъ выведенныхъ узниковъ. Чтобы припасти все это, нужно было, по меньшей мѣрѣ, полдня времени. Подвозъ хвороста былъ первымъ знакомъ того, что темницу будутъ выпаливать. Темничникъ Раввула какъ только вышелъ отъ Милія, такъ сейчасъ же велѣлъ согнать всѣхъ дроворубовъ для заготовленія хвороста, а когда тѣ пошли рубить хворостъ, жители Аскалона узнали, что предполагается палъ, и устремились толпами къ темницѣ, чтобы видѣть, когда будутъ выводить на барки невольниковъ.

Это и было то тревожное движеніе, которое замѣтила Тенія, идучи утромъ въ темницу, чтобы навѣстить Фалалея.

Путь же Теніи отсюда пролегалъ по улицѣ, гдѣ помѣщался домъ, занятый для вельможи Милія, и случилось такъ, что когда Тенія проходила мимо этого дома, то ее увидалъ Милій и, схватившись рукою за сердце, воскликнулъ:

— О, какъ она измѣнилась и какъ исхудала! Но въ этомъ страдальческомъ видѣ она еще мнѣ прелестнѣй! Позовите ее—пусть она взойдетъ на минуту.

Бывшій въ то время у Милія доимщикъ Тивуртій выбѣжалъ къ Теніи и, остановивъ ее за рукавъ, заговорилъ ей:

— Сами боги тебя сюда привели, прекрасная Тенія! Заклинаю тебя твоими дѣтьми Вириной и Виттомъ, не смѣши удаляться отъ дверей этого дома, гдѣ для тебя готова всемогущая помощь. Взойди вмѣстѣ со мною и я тебѣ отвѣчаю, что ты выйдешь съ повелѣніемъ въ рукахъ освободить Фалалея!

Тенія отвела руку Тивуртія и отвѣчала:

— Я не нуждаюсь ни въ чьемъ повелѣніи; я сама освобожу Фалалея.

— Ты сама возвратишь отца твоимъ дѣтямъ! Подумала ли ты, что ты сказала?

— Да, я обдумала все и я это сдѣлаю. Фалалей будетъ сегодня свободенъ!

— Нѣтъ, ты говоришь это въ безуміи. Кто же откроетъ ему двери темницы?

— Я сама передъ нимъ растворю эти двери.

— Ты, вѣрно, видѣла бѣлаго ворона и потеряла рассудокъ.

Тенія улыбнулась и молвила:

— Да, я видѣла бѣлаго ворона, но мой рассудокъ со мною.

— Не трать лучше попусту времени. Фортуна недаромъ привела тебя къ дверямъ Милія... Войди и скажи короткое слово: «мигъ благосклоненъ». Иначе... конецъ твоему Фалалею.

— Концы и начала не въ нашихъ рукахъ.

— Однако, если Раввула сегодня сдѣлаетъ огненный палъ и забудетъ твоего Фалалея въ темницѣ, то конецъ его неизбѣженъ.

Тенія поблѣднѣла и пошатнулась на мѣстѣ, но не издала даже ни вопля, ни стона и твердо пошла своею дорогой къ темницѣ, а Тивуртій, съ пѣной у рта, бросился къ привязанному у столба осленку, сѣлъ на него и, страшно брянясь, поѣхалъ, колотя изо всей силы животное палкой.

Тенія даже не интересовалась, куда такъ спѣшить ея врагъ; она никого не боялась: она знала, что никто не выдумаетъ ничего болѣе страшнаго и болѣе рѣшительнаго, чѣмъ то, что придумала она и на что рѣшилась.

Ей въ рѣшеніи ея помѣшать невозможно.

XIX.

Въ самой темницѣ волненіе было еще сильнѣе, чѣмъ по дорогамъ и въ городѣ. Событіе, о которомъ узнали узники, было для нихъ слишкомъ важно, — всѣмъ хотѣлось увидать горы, море и небо, и, притомъ, каждаго въ тайнѣ тревожила страшная мысль: какъ бы его не позабыли вывести передъ началомъ пала. Всюду слышалось громыханье цѣпей и крикъ множества надтреснутыхъ и хриплыхъ голосовъ. Посѣтителей въ темницу тоже набѣжало болѣе чѣмъ обыкновенно. Пыль отвратительной плѣсени и несносный смрадъ наполняли весь подвалъ отъ пола до сводовъ, на которыхъ теперь, какъ бы чувствуя бѣдствіе, кучами сѣли клопы, межъ тѣмъ какъ въ расщелинахъ половыхъ плитъ, шурша, переползали другъ черезъ друга скорпіоны.

Окованные и неокованные люди плотно стояли другъ возлѣ друга. Тенія едва могла протѣсниться чрезъ эту плотную толпу недоброжелательныхъ къ ней людей, которые какъ только ее увидали, сейчасъ же стали кричать:

— Вотъ она, вотъ эта проклятая, ненавистная женщина! Мужъ ея всѣхъ разорилъ, а она не хочетъ сдѣлать пустаго дѣла для общаго спасенія! Мало ее растерзать!

— Да, — кричали другіе, — они оба изверги! Ея мужъ хотѣлъ быть всѣхъ богаче для того, чтобы быть всѣхъ добрѣе, а она хочетъ быть всѣхъ чище и оставляетъ другихъ гнить въ смрадѣ.

— Ничего; за то сынъ ея Виттъ выростетъ воромъ, а дочка Вириня будетъ продавать себя въ пристани.

— Проклятый Фалалей! Проклятая Тенія!

Недовольствуясь этими грубыми проклятіями, узники язвили ее еще безстыдными насмѣшками надъ ея цѣломудріемъ.

Тенія все это слышала и молчала. Она къ этому привыкла, потому что такъ обыкновенно ее здѣсь привѣтствовали. Тенія спѣшила теперь, какъ можно скорѣе, отыскать своего мужа и нашла его лежащаго ницъ возлѣ кольца, къ которому онъ былъ прикованъ. Онъ былъ безъ чувствъ и другіе въ темнотѣ безпрестанно на него наступали.

Когда Тенія своими попеченіями привела его въ чувство, онъ сначала совсѣмъ не узналъ ея и смотрѣлъ молча въ тупомъ равнодушіи, но потомъ сталъ говорить, что Раввула-темничникъ, навѣрное, хочетъ позабыть его въ темницѣ, но что онъ къ этому приготовился и даже предпочитаетъ скорую смерть долгой истомѣ.

— Я доставлялъ тебѣ слишкомъ много хлопотъ, и все это напрасно, — отдай лучше всю свою нѣжность дѣтямъ нашимъ, Виринѣ и Витту.

— Ты больше имъ нуженъ, — отвѣчала Тенія. — Я слаба силами и не умѣю трудиться и не въ силахъ приобрѣтать имъ, что нужно.

Фалалей покивалъ головою и молвилъ:

— О, ты ошибаешься! Ты только и можешь дать имъ, что нужно. Ты умѣла быть всѣмъ довольна, — вотъ это то, что нужно и что даетъ счастье, а я былъ жаденъ къ приобрѣтенію, — это то, что ненужно и въ чемъ сокрыто несчастье жизни. Я за это страдаю.

— Твои страданія сегодня окончатся.

— Знаю, что окончатся, потому что меня сожгутъ здѣсь.

— Нѣтъ, тебя выпустятъ.

— Почему меня выпустятъ?

— Потому, что не для чего держать въ неволѣ того, отъ кого нечего добиваться?

— Что ты хочешь сказать? — вскричалъ Фалалей. — Неужели отчаяніе дало тебѣ мысль убить себя?

— Отчаяніе давало мнѣ много мыслей, которыя хуже чѣмъ мысль убить себя, но теперь я не хочу убивать себя: я останусь жива и все, что здѣсь затѣяли сдѣлать на погибель людей, будетъ ненужно.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Ты это увидишь... объ этомъ не надо говорить.

Съ этимъ Тенія быстро встала и совершенно неожиданно очутилась у лаза въ прокаженную яму, и черезъ мгновеніе она была бы уже тамъ, но въ это же самое мгновеніе зазвенѣли цѣпи Анастаса и его скованныя руки обхватили станъ Теніи.

— Стой! — прошепталъ онъ ей на ухо, — стой! Я понялъ, что ты хочешь сдѣлать, но это ненужно. Я возвращу тебѣ мужа и отца твоимъ дѣтямъ иначе. До полудня есть еще время. Бѣги скоро за городъ, по дорогѣ къ Азоту. Тамъ, гдѣ у стараго храма Изиды двѣ пальмы... подъ той, которая вправо, среди мелкаго щебня, лежитъ сѣрый камень, похожій на свернувшагося теленга... Онъ тяжель для твоихъ силъ, но ты возьми черепокъ и конай имъ подъ уголь, похожій на морду. На глубинѣ третьей пяди найдешь мѣдный казанъ... Онъ полонъ золота. Ты такая добрая и вѣрная, что мнѣ тебя стало жаль, а я еще не зналъ, какъ жалѣють... Я не зналъ... какъ сладко жалѣть человѣка... Возьми за это себѣ мое золото и выкупи мужа. Бѣги же скорѣе, бѣги!

Слушая это, Тенія стояла, напрягаясь, какъ эластичный лукъ, и едва Анастасъ произнесъ ей послѣднее слово, она отпрыгнула, какъ стрѣла съ тетивы, и понеслась въ направленіи къ Азоту.

XX.

Межь тѣмъ, какъ Тенія мчалась по дорогѣ къ Азоту, въ асвалонской темницѣ неожиданно разыгрались потрясающія событія.

Началось съ того, что вскорѣ послѣ того, какъ скрылась за кладомъ Тенія, въ темницу вошли доимщикъ Тивуртій и Раввула-темничникъ. Оба они пришли съ злодѣйскими намѣреніями и прямо подошли къ Фалалаю и, ничего ему не говоря, начали его отлепывать отъ кольца его цѣпи.

Фалалаей взволновался и со слезами спрашивалъ ихъ, что они хотятъ съ нимъ сдѣлать?

А тѣ ему отвѣчали:

— Мы хотимъ посадить себя въ прокаженную яму. Пусть твоя Тенія приметъ тебя оттуда въ свои объятія.

— Лучше сожгите меня, — сталъ умолять Фалалаей.

— Мы сами знаемъ, что хуже и что лучше, — отвѣчали Раввула и Тивуртій, и поволокли его къ ямѣ, не обращая никакого вниманія на его ужасныя вопли. И изъ всѣхъ узниковъ, которые слышали эти вопли, никто за Фалалаей не заступился. Такъ всѣ боялись, что имъ отплатить Раввула, но когда, послѣ изрядной

борьбы Фалалея, протаскивали мимо Анастаса-злодѣя, то произошло нигѣмъ неожиданное событіе. Чрезвычайно сильный злодѣй Анастасъ ударилъ своими оковами по головамъ Тивуртія и Раввулу такъ, что они оба упали, а онъ сжалъ и пропихнулъ ихъ въ прокаженную яму. И Тивуртіи, и Раввула кричали, а Анастасъ угрожалъ убить ихъ, если они полѣзутъ назадъ.

Въ темницѣ поднялся страшный бунтъ и дали знать Милію. Милій тотчасъ надѣлъ свою брасную тогу и, взявъ съ собою отрока своего, скорописца Евлогія, отправился съ нимъ въ темницу, но былъ въ недоумѣніи, ибо теперь и самъ онъ не зналъ, что ему дѣлать.

Скорописецъ же Евлогіи, идучи у плеча Миліа, сказалъ:

— Смию-ль спросить моего господина, что ты намѣренъ сдѣлать, когда мы вступимъ въ темницу?

Милій остановился и, взглянувъ на него, отвѣтилъ:

— По правдѣ сказать, я еще ничего не придумалъ.

— Однако, кому ты будешь мстить и за кого заступаться?

— Скажи лучше, что ты имѣешь на мысляхъ, вѣдь, за хорошей совѣтъ тебѣ можетъ быть хорошая плата.

— Оставь Раввулу съ Тивуртіемъ тамъ, куда они попали. Они и въ проказѣ будутъ противъ тебя свидѣтелями и императоръ, и сама Феодора тебя не похвалятъ.

— Но куда-жь мы ихъ дѣнемъ?

— О, господинъ мой! Огонь, вѣдь, все очищаетъ. Надо только не медлить... Бого ты назначишь вмѣсто Раввулы?

— Я тебя назначаю.

— Я тебѣ благодаренъ и черезъ малое время докажу тебѣ дѣломъ мою благодарность.

Перемолвясъ такъ, они подходили къ темницѣ, у входа которой нашли уже приготовленныя кучи хворосту и толпы народа.

Евлогіи, увидя людей, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Граждане аскалонскіе! посторонитесь и откройте путь благородному Милію, который идетъ наказать виновныхъ въ безпорядкѣ и защитить тѣхъ, кто страдалъ отъ жестокости смѣненнаго темничника Раввувы и сотоварища его, звѣронравнаго доимщика Тивуртія. Теперь волею господина моего Миліа я буду совмѣщать обѣ ихъ должности и въ темницѣ настанетъ новый порядокъ.

Толпа раздвинулась и открыла дорогу ко входу, но въ это же время явилась Тенія.

Несмотря на то, что день былъ страшно зноенъ и раскаленные скалы еще болѣе увеличивали жаръ въ воздухѣ, слабая и измучен-

ная Тенія быстро достигла до мѣста, указаннаго ей разбойникомъ Анастасомъ, раскопала въ указаномъ ей мѣстѣ щель и достала сокровище и сейчасъ же опять пустилась съ нимъ обратно въ городъ. Она пришла въ тотъ самый мигъ, когда Евлогій сказалъ свою рѣчь и когда Милій хотѣлъ вступать въ темницу. Золота было много, но Тенія его не вѣсила и не считала, а все, сколько тамъ было, бросила къ ногамъ Милія и сказала:

— Вотъ тебѣ выкупъ за моего мужа и за всѣхъ, кого здѣсь терзають. Пусть это возьмутъ тѣ, кому они должны, и сейчасъ же выпусти ихъ на волю.

Милій пришелъ въ изумленіе и не зналъ, что отвѣтить, но Евлогій шепнулъ ему:

— Дорожи собою; ты долженъ показать безпристрастье народу.

Золота же было здѣсь болѣе, чѣмъ на тройную цѣну противъ всего полнаго долга Фалалея.

— Откуда взяла ты такое богатство?—спросилъ Евлогій у Теніи.—Здѣсь достанетъ на выкупъ всѣхъ, кого содержать за долги въ асвалонской темницѣ, но дѣйствительно ли ты отдаешь это все за другихъ?

Тенія отвѣчала, что она достала золото изъ земли и хочетъ, чтобы всѣ, кого томятъ за долги, были сейчасъ же отпущены.

Милій приказалъ взвѣсить золото и выпустить должниковъ на свободу. А Евлогій, ставшій разомъ вмѣсто Тивуртія доимщикомъ и вмѣсто Раввулы тюремщикомъ, позвалъ кузнецовъ и расковалъ всѣхъ, кто содержался въ тюрьмѣ за долги. Злодѣевъ же и убійцъ вывелъ на барку и послалъ на торгъ купить для нихъ пищи и свѣжее платье и мягкой кожи съ шерстью, чтобы подвергнуть подъ оковы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желѣзо проѣло до кости.

Во все это время въ темницѣ стоялъ страшный шумъ и никто не слышалъ зововъ и стenanій Равулы и Тивуртія и заслонившаго лазъ къ нимъ тѣломъ своимъ Анастаса. Всякому тутъ было теперь самому до себя.

Перваго выпустили на свободу Фалалея, и Тенія тотчасъ же удалась съ нимъ, обнимая его одною рукой, а другою поддерживая на головѣ корзину съ купленною пищею. Когда увидала ихъ Пуплія, она подумала, что Тенія, наконецъ, поступила, какъ желалъ Милій, и послѣ радостнаго свиданія съ сыномъ посадила на колѣни Вирина и Витта, а невѣстку отвела въ сторону и похвалила ее за послушаніе.

Тенія же въ отвѣтъ ей улыбнулась тихо и отвѣтила:

— Не хвали меня, почтенная Пуплія, я не стою твоей похвалы,—золото далъ мнѣ не Милій вольможа, а злодѣй Анастасъ.

Старая Пуплія ужаснулась и, всплеснувъ руками, спросила:

— Анастасъ! Милосердные боги! Гдѣ же взяла ты напитокъ, отводящаго память?

— Мать Фалалея!—отвѣчала ей Тенія,—мнѣ не былъ нуженъ напитокъ, но я не теперь расскажу тебѣ все, что со мной было. Теперь мы оставимъ Фалалея радоваться, лаская дѣтей, а сами давай скорѣй вскипятимъ воду и сваримъ для всѣхъ изобильную пищу, и тогда, когда сядемъ всѣ впятеромъ, какъ мы давно не сидѣли, и всѣ насытимся, я расскажу вамъ подробно, что мнѣ пришлось перенести и какъ это случилось, что въ рукахъ моихъ очутилось золото Анастаса безъ напитокъ, отводящаго память.

— Нѣтъ, ужъ ты, бѣдная, лучше объ этомъ забудь.

Но Тенія снова тихо улыбнулась и отвѣтила:

— Мать Фалалея! злодѣй не требовалъ отъ меня ничего такого, о чемъ ты думаешь и о чемъ мнѣ желаешь позабыть. Я хочу о немъ помнить и буду о немъ всѣмъ говорить, чтобы всѣ люди знали о немъ и нашли для него у себя сожалѣнье.

И сдѣлалось такъ, какъ хотѣла Тенія. Когда пища была готова и осчастливленная семья насытилась, Тенія рассказала свекрови и мужу, какъ она изнемогала въ борьбѣ, что видѣла ночью въ оливковой рошѣ, какъ шла назадъ и повстрѣчалась съ Тивуртіемъ, и за что Анастасъ ее похвалилъ и указалъ ей кладъ, отданный ею въ выкупъ за всѣхъ должниковъ.

При этомъ Тенія пролила слезы объ Анастасѣ, и это было какъ разъ въ то время, когда его надо было оплакать, ибо въ это самое время въ аскалонской темницѣ свершилось послѣднее и самое безчеловѣчное дѣло.

XXI.

Когда узники были выведены, темницу набили хворостомъ и скорописецъ Евлогій бросилъ туда горящій факель, а вѣтеръ подулъ и сквозъ весь хворостъ пробѣжало трескучее пламя. Въ дымѣ этого пламени задохнулся злодѣй аскалонскій, но онъ погибъ не одинъ. Люди, которые оставались тамъ до конца, видѣли, какъ Анастасъ показался въ огнѣ прокаженной темницы. Онъ сорвался съ цѣпей и потрясалъ, задыхаясь, рѣшетку въ окошкѣ... За спиной его видѣли лица ревѣвшихъ Тивуртія и Раввулы; но трескъ пламени заглушалъ ихъ ревъ и проклятія. Евлогій же отъ имени Милія не допускалъ никого къ этому окну и сами они оба стояли вдвоемъ у окошка,

нока все было кончено. Анастасъ ихъ узналъ и, плюнувъ на красную тогу Милія, прокричалъ такъ громко, что всѣ могли слышать:

— Ты самый лютой злодѣй аскалонскій!

И когда онъ это вскричалъ, сквозь толпу прорвались два никому невѣдомые человѣка. Оба они были наги, но съ ножами при бедрахъ, и среди общаго смятенія они кинулись на Евлогія и на Милія, и у всѣхъ на глазахъ зарѣзали ихъ, а за ними приспѣли такіе же другіе, въ числѣ больше какъ двадцать, и бросились тушить огонь, пылавшій въ темницѣ, но погасить его было уже невозможно. Анастасъ и Тивуртій съ Раввулой сгорѣли, и какъ ни смѣлы были отчаянные разбойники, проникшіе въ городъ, чтобы спасти Анастаса, но и они не могли войти въ полную пламенемъ яму. Они только насытили свое мщеніе убійствомъ Милія и его скорописца. Разбойниковъ этихъ не поймали, потому что на гражданъ Аскалона напалъ страхъ, — всѣ думали, что разбойниковъ ворвалось несмѣтное множество, и всѣ побѣжали защищать свои дома и семейства. Притомъ же, сожженный живымъ Анастасъ возбудилъ въ себѣ жалость, а Милій всеобщее презрѣніе.

XXII.

Рано удалившаяся съ мужемъ Тенія не видала всѣхъ ужасовъ этой развязки. День для нея протекъ какъ одно мгновеніе. Передъ вечеромъ Фалалей отправился на море мыться, а Тенія, обнявъ дѣтей, сидѣла у берега и смотрѣла вслѣдъ отходившей красивой разцвѣченной триремѣ, на которой гудѣлъ египетскій ребабъ и пѣли хоромъ молодые женскіе голоса, а на возвышеніи, покрытомъ яркою индѣйскою тканью, молодая нубійка ловила осу, какъ будто дразнила Аскалонъ на прощанье.

Это Сергій, испугавшійся безпорядковъ, отплывалъ съ своею трупной обратно въ Александрію.

Пуплія въ это время ходила въ городъ, чтобы купить новый просторный шатеръ, гдѣ бы семейство могло помѣститься лучше, чѣмъ оно помѣщалось въ убогомъ шалашѣ. Пришедшіе съ Пупліей шатерщики рассказали Теніи, что произошло, и когда она услышала о гибели Анастаса, то вздохнула и сказала имъ:

— Всѣ не напрасно его сожалѣютъ: онъ былъ преступень, но имѣлъ сожалѣніе; а кто умѣетъ жалѣть, тотъ не мертвъ для доброй жизни и самъ сожалѣнія достоинъ.

И она опять рассказала, какимъ подвергалась искушеніямъ и уговорамъ отъ самыхъ почетныхъ и близкихъ людей, а въ заключеніе сказала:

— Я не сужу ихъ, но было все такъ, что тѣ, которые очень заботились о жизни, всё подавали мнѣ дурные совѣты, а поддерживали меня только два человѣка—это тѣ, которые сами болѣе жить не думали: одинъ былъ отшельникъ въ могилѣ, а другой—обреченный на смерть Анастасъ. За встрѣчу съ ними двумя благословляю милосердное небо.

Возвратившійся въ эту пору Фалалей замѣтилъ сказанныя Тенію слова, и когда шатерщики ушли въ городъ, а Пуплія повела дѣтей, чтобы уложить ихъ спать въ новомъ просторномъ шатрѣ, корабельщикъ сказалъ женѣ:

— Я замѣтилъ твои слова, и, знаешь, я слышалъ когда-то совершенно такое въ Дамаскѣ отъ того, кто мнѣ говорилъ о моей новой вѣрѣ.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ читалъ, что «кто сильно любить жизнь, тотъ ее теряетъ, а кто не дорожить ею, тотъ ее не только найдетъ для себя, но и можетъ дать силу жизни другому».

— Это прекрасно, но для чего же ты могъ это забыть и думать о томъ, какъ бы получить себѣ всего какъ можно больше?

Фалалей подернулъ плечами и, глубоко вздохнувши, отвѣтилъ:

— Я прикоснулся къ богатству,—богатство есть тоже наказание, отбивающій память: желая богатства, нельзя не забыть объ истинномъ благѣ.

— А я всегда это знала,—тихо продолжала Тенія.

— И кто тебѣ это открылъ?

Тенія взяла руку мужа и положила ее себѣ на сердце, а пальцемъ другой руки тихо указала на небо.

Они оба задумались; вечеръ ушлывалъ, синева моря густѣла,—наступала прохлада и ночь.

Тенія встала, взяла въ ладони свое лицо мужа и, глядя ему въ глаза, сказала, что идетъ приготовить къ ночи шатерь.

Фалалей остался одинъ и сидѣлъ, обхвативъ руками колѣни. Онъ глядѣлъ то на звѣздное небо, то въ темную даль безбрежнаго моря. Все это для него теперь было обновленіемъ жизни, и онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, которому нечего больше желать. Онъ весь проникся благодарностью и глаза его овлажились благодатными слезами, и сквозь нихъ онъ увидѣлъ снова свою цѣломудрую Тенію, которая, окончивъ уборку шатра, распахнула его входную полу и, поддерживая ее обнаженными по самыя плечи руками, назвала его имя и добавила шепотомъ:

— Милый, иди,—часъ благосклоненъ.

Николай Лѣсковъ.

Изъ разсказовъ Винченца Косякевича.

I.

М и р а ж и .

Онъ первый изъ всѣхъ насъ вступилъ на ту извилистую дорожку жизни, которая иногда приводитъ къ богатству, но чаще всего къ нищетѣ и позору, — онъ, чей голосъ чаще и громче всѣхъ раздавался подъ низкимъ потолкомъ въ нашихъ убогихъ студенческихъ квартирахъ.

Тогда никто не предполагалъ, чтобы Тычинскій былъ пустымъ болтуномъ. Это потому, что мы, послѣ столькихъ лѣтъ ученья, не знали еще великой правды, что и жизнь бываетъ пустяками.

О, тогда!... Мнѣ было лѣтъ двадцать, я почти всегда сталкивался съ товарищами. У всѣхъ насъ были одинаковые идеальные принципы и понятія. Всѣ были увѣрены, что только *мы* вѣримъ въ правду. Всѣ чувствовали въ себѣ силы перевернуть весь свѣтъ.

Говорять, что то былъ сонъ, золотой сонъ на цвѣтахъ. Не правда! То была дѣйствительность. А вотъ сегодня — сонъ, ужасный, болѣзненный сонъ, давящій нашу грудь тяжелымъ кошмаромъ. Иначе, чего же бы стоила человѣческая жизнь? Но двадцатый годъ скоро кончается. А потомъ медленно начинается усыпленіе сномъ практической жизни, — сномъ, не дающимъ отдыха и не подкрѣпляющимъ силъ. Тычинскій первый началъ засыпать.

Сначала ему везло. У него было немного счастья, немного протекціи, немного ловкости, — всего понемногу для того, чтобы добиться хорошаго положенія и твердо держаться на мѣстѣ. Не разъ, проходя въ стоптанныхъ сапогахъ по улицѣ, мы встрѣчали Тычинскаго, ѣдущаго на извозицѣ, что тогда казалось намъ верхомъ роскоши.

Въ первые годы мы жили довольно дружно. Школьная пріязнь не развѣялась еще отъ прикосновенія жизни, какъ яркія краски

разсвѣта подъ солнечнымъ лучомъ. Притомъ, насъ все еще соединялъ четвертый этажъ. Тычиньскій нисколько не избѣгалъ насъ, бывалъ на нашихъ сборищахъ, приглашалъ къ себѣ. Кажется, уже и тогда на его совѣсти лежала какая-то не особенно понятная, а, можетъ быть, даже и не совсѣмъ чистая исторія. Мы часто высказывали другъ другу свои подозрѣнія о Тычиньскомъ, не стѣсняясь въ сильныхъ выраженіяхъ по его адресу.

— Бездѣльникъ!

— Скотина!

— Негодай!

Правды, однако же, добиться мы не могли. Тычиньскій самымъ энергическимъ образомъ опровергалъ всѣ обвиненія и, по-прежнему, произносилъ длинныя тирады о чести и убѣжденіяхъ. Мы мало-по-малу начинали сознавать, что честь человѣка не лежитъ на концѣ его языка, а онъ — все кричалъ. Вскорѣ обстоятельства разогнали насъ въ разныя стороны. Мы даже ничего не знали одинъ о другомъ, хотя и не забывали другъ друга.

Страннымъ образомъ связываютъ людей воспоминанія школьной скамьи. Мы чувствовали себя связанными нитями товарищества, — нитями, которыя растягивались на необъятное пространство, становились все болѣе и болѣе тонкими, — тысячу бы ихъ нужно сплести, чтобы получить одну паутину, но, все-таки, онѣ не порывались.

Иногда мы сталкивались другъ съ другомъ, — большею частью попарно, втроемъ очень рѣдко, а вчетверомъ почти никогда. Вотъ тогда-то на минуту исчезалъ *сонъ* и возвращалась юношеская, свѣтлая *дѣйствительность*. Несмотря на длинный рядъ лѣтъ, протекшихъ со дня послѣдняго экзамена, мы чувствовали себя всегда школьными товарищами. Всѣхъ интересовала судьба каждаго изъ насъ, и каждый интересовался всѣми. При свиданіи мы осыпали другъ друга вопросами:

— Ну, что, какъ ты поживаешь?

— А ты?... Ну, а тотъ?

Никто не оставался обойденнымъ. Счастливыхъ мы вспоминали съ сочувственною улыбкой, надъ участью несчастныхъ вздыхали. Вопросы отличались короткостью, быстротой, обиліемъ; ихъ было столько, сколько воды раннею весной, отвѣты — неопредѣленны, неясны, малочисленны. Ничего удивительнаго. Воспоминаніе, которое побуждало предлагать вопросы, не угасало, а для отвѣтовъ надлежащихъ свѣдѣній оказывалось недостаточно.

О Тычиньскомъ всегда говорили плохо. Добрался онъ до порядоч-

го мѣста, но вскорѣ открылись какія-то его грязныя продѣлки, — нужно было выйти въ отставку... Потомъ говорили, что онъ снова устроился какъ-то и тоже очень недурно. Этотъ человѣкъ одаренъ былъ кошачьею способностью: онъ падалъ прямо на ноги.

Черезъ десять лѣтъ поведеніе Тычиньскаго возмущало насъ уже гораздо меньше. Никто не видалъ ему въ глаза оскорбительныхъ эпитетовъ, какъ это было раньше. Слыша о его вѣчныхъ продѣлкахъ, нѣкоторые только покачивали головой, а другіе и головой не покачивали.

Мы измѣнились.

Да и что на свѣтѣ не измѣняется? Человѣкъ не камень, но и камень вывѣтривается. Да, наша честность, теоретическая честность юношей, которые еще не имѣли возможности ни заработать, ни даже украсть десятирублевки, вывѣтривалась подъ неустаннымъ дуновеніемъ жизни. Мы становились къ Тычиньскому менѣе суровыми потому, что почти на каждомъ изъ насъ тяготѣлъ грѣхъ или возможность грѣха.

Прошло два года и я получилъ возможность снабжать товарищей свѣдѣніями о Тычиньскомъ. Случай, разлучающій и вновь сближающій людей, опять поставилъ насъ почти въ положеніе товарищей. Я тогда служилъ на желѣзной дорогѣ и однажды узналъ, что Тычиньскій служить при той же желѣзной дорогѣ развѣзднымъ расходчикомъ. Впрочемъ, до сихъ поръ мнѣ не приходилось еще сталкиваться съ нимъ по службѣ.

Ему, должно быть, было не дурно съ его возрѣніями. По всей линіи ходили слухи, что «Тыця» не кладетъ охулки на руку, гдѣ бы и какъ бы ни представилась возможность. Но такъ какъ Тычиньскій былъ ловокъ и остороженъ, то его сообщники могли оставаться спокойными.

Два раза надъ нимъ было наряжено строгое слѣдствіе, но онъ съумѣлъ вывернуться изъ труднаго положенія и вытащить и другихъ. Это умножило его геростратовскую славу и, конечно, дало толчокъ къ новымъ преуспѣніямъ въ томъ же направленіи.

Одно изъ этихъ недоразумѣній «Тыця» оплатилъ перемѣщеніемъ на другое мѣсто. Какъ-то вечеромъ нашъ расходчикъ, прощаясь со мной, сказалъ:

- Ну, теперь мы, вѣроятно, прощаемся надолго.
- Больше, чѣмъ на мѣсяць? А наше жалованье?
- Тычиньскій привезетъ. Я назначенъ на его мѣсто.

Въ эту ночь я долго не могъ заснуть. Мое положеніе было таково, что нужно было подумать о немъ. У меня была жена и шесть

человѣкъ дѣтей. Жалованья еле-еле хватало на содержаніе семейства и, несмотря на все искусство, съ какимъ моя жена вела хозяйство, образовались долги. Долги были сначала пустые, мелкіе, но современемъ все росло и росло и громко заявляли о своемъ существованіи. Я былъ счастливъ, когда не думалъ о нихъ, но въ эту ночь они сами предстали передо мною. Моя мысль работала долго, скрытная, неясная...

Наконецъ, она вырыла подкопъ, черезъ который и вышла наружу. Долго я присматривался къ моимъ долгамъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ спокойствіемъ и, наконецъ, кривнулъ на своихъ мучителей:

— Задамъ я вамъ!

Долги укрощаются тогда, когда ихъ платятъ. Я рѣшилъ потолковать объ этомъ съ Тычиньскимъ. При его помощи можно устроить и то, и другое безъ особенныхъ хлопотъ, и самое главное— безъ всякихъ слѣдовъ... Во всякомъ случаѣ, эти пустяки повредить никому не могли, а для меня это было единственнымъ средствомъ спасенія.

Я уснулъ спокойно и на утро съ нетерпѣніемъ поджидалъ приѣзда школьнаго товарища.

Стоялъ жаркій июльскій день. Мы пожали другъ другу руки. Тычиньскій мало измѣнился: мужчина во цвѣтѣ лѣтъ, одѣтый въ изящное, элегантное платье (рядомъ съ нимъ я, по всей вѣроятности, казался старикомъ). Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ постороннихъ наблюдателей счелъ насъ товарищами по школѣ.

Свиданіе наше было самое дружеское. Мы вѣриво и долго жали другъ другу руки, долго и любовно смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Ну, какъ ты поживаешь?

— О, новостей бездна... но это потому, послѣ обѣда. Надѣюсь, ты навѣстишь меня?

— Конечно... что за вопросъ! Ты женатъ?

— Женатъ... шесть человѣкъ дѣтей...

— А я остался холостякомъ... старый холостякъ...

— Старый!... какой же ты старикъ?

— Ты говоришь, что я не постарѣлъ?

— Помилуй! совсѣмъ еще молодой человѣкъ!...

Но отчего это я чувствую себя какъ-то неловко? Во всякомъ случаѣ, встрѣча съ товарищемъ — счастье. Такія встрѣчи прежде дѣйствовали на меня возбуждающимъ образомъ, а теперь—нѣтъ. *Дѣйствительность* не возвращается, *сонъ* все еще длится. Мысль о чужихъ деньгахъ отравляетъ всю мою радость.

Тычиньскій!... Ну, что-жь такое, что Тычиньскій?—все-таки, онъ мой школьный товарищъ...

Нѣтъ, никакъ не настроишься на радостный ладъ. Тычиньскій замѣтилъ мое смущеніе, объяснилъ это конфузливостью мелкаго желѣзно-дорожнаго чиновника въ присутствіи особы, и удвоилъ свою любезность. Это еще болѣе сбilo меня съ толку. Я никакъ не могъ стать съ нимъ на одну ногу.

— Моя жена, панъ Тычиньскій.

— Не вѣрьте же ему, пожалуйста. Я *просто* Тычиньскій, товарищъ вашего мужа. А это ваши дѣтки? Какія миленькія!...

За обѣдомъ Тычиньскій безъ умолку разговаривалъ со мною, съ моею женой, съ дѣтьми и внесъ струю оживленія въ нашу тяжелую атмосферу. Какой онъ милый, веселый, привѣтливый! Я вспомнилъ, что онъ и всегда говорилъ такъ много, а «мы» тогда по этому поводу называли его болтуномъ... Наконецъ, мы вступили на путь школьныхъ воспоминаній. Тычиньскій мало-по-малу увлекалъ меня въ сферу «дѣйствительности».

Мало-по-малу мое намѣреніе, какъ относящееся къ области *сна*, таяло подъ дыханіемъ *дѣйствительности*. Мы болтали свободно, не касаясь того, чего мнѣ хотѣлось испробовать и въ чемъ онъ погрязалъ по самую маковку.

Послѣ обѣда мы перешли курить въ мою маленькую канцелярію. Моя мысль снова вернулась, а съ ея возвращеніемъ исчезла вся моя радость. Будь что будетъ, мнѣ нужно выяснитъ свой проектъ, дать Тычиньскому понять, въ чемъ дѣло. Вѣдь, это такъ легко, такъ просто. Я написалъ бы на расчетномъ листѣ нѣсколько именъ, долженствующихъ изображать такое же количество людей, работающихъ на линіи, а Тычиньскій, которому выдадутъ деньги для расплаты съ этими несуществующими рабочими; подѣлится со мною. Самая несложная махинація!

Мы закурили сигары.

Я рѣшилъ дѣйствовать дипломатически и заставить Тычиньскаго перваго сдѣлать предложеніе. Послѣ минутнаго молчанія я небрежно бросилъ ему вопросъ:

— Ну, какъ твои дѣла?

— Недурно...

Ему везло. Онъ признался, что ведетъ жизнь невоздержную; денегъ у него много, но онъ ихъ все тратитъ на женщинъ. И такъ далѣе...

Мы снова удалились отъ предмета нашей бесѣды. Я перебиваю

его разъ, другой, третій... Наконецъ, онъ спрашиваетъ, какъ идутъ мои дѣла.

«Ага! подошли-таки къ дѣлу!»

— Мои дѣла?... Я почти бѣдствую. Расходы огромные, жалованье мизерное; притомъ, долгъ ростовщику, небольшой, положимъ, но такой, съ которымъ я не вижу и возможности когда-нибудь раздѣлаться.

Тычинскій глядитъ мнѣ прямо въ глаза.

Я увѣренъ, что у него и у меня въ головѣ сидитъ совершенно одинаковая мысль. Странное дѣло, что я немного конфужусь подъ его взглядомъ, да и онъ поворачиваетъ голову въ сторону... Мы продолжаемъ разговаривать, но о пустякахъ. Я... да что говорить обо мнѣ!... я чувствую румянецъ на щекахъ, который не могу согнать всѣми усиліями воли. Но онъ, ловкій, выдрессированный въ «той» школѣ, говоря попросту, безстыдный Тычинскій, — и онъ также краснѣетъ.

Наступила длинная, томительная пауза. Я чувствую неодолимую потребность подойти къ окну, онъ разсматриваетъ прошлогодній календарь. Но нельзя же вѣчно смотрѣть въ окно; я повертываю голову и глаза наши опять встрѣчаются.

— Хорошій календарь, — говоритъ Тычинскій.

— О, превосходный! — отвѣчаю я.

Нашъ разговоръ возобновляется съ трудомъ. Но, въ концѣ-концовъ, мы должны же понять другъ друга. Неужели какой-то «миражъ» можетъ сковать наши уста, сдѣлать насъ рабами? Мы говоримъ о малозначущихъ вещахъ, какъ будто только сегодня познакомились, но чувствуемъ, что намъ нужно передать другъ другу многое, многое... А вотъ тутъ и стоять на дорогѣ «что-то»... Мы понимаемъ мысли другъ друга, а объяснить не можемъ. Одного слова, — какое слова! — одного намека достаточно, но никто изъ насъ не можетъ рѣшиться на это. Вступи мы въ соглашеніе по извѣстному дѣлу, и опять насъ охватитъ то веселое, бодрящее настроеніе, которое всегда охватывало меня, да, навѣрное, и самого Тычинскаго при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ школьныхъ товарищей. Возвратилась бы *дѣйствительность*, только погончить бы со *сномъ*.

А вотъ и возможность приступить къ дѣлу... Мы толковали о выгодахъ новой контрольной системы. Вдругъ Тычинскій ни съ того, ни съ сего говоритъ:

— А помнишь ты наше золотое время, наши идеалы, а?

— Какъ не помнить!

— Нашъ патриотизмъ, наше свободомысліе, нашу непреклонную твердость? Куда это все дѣвалось?!

Тычинскій бросилъ слово, которое нужно было только поднять. Говоря это, онъ смотрѣлъ въ окно... Но я не поднялъ его слова, а только пробормоталъ:

— О, да! то было золотое время, святое время... о, да!

«Миражи» школьныхъ лѣтъ держали насъ въ своей чародѣйственной силѣ. Они связывали наши языки, горячимъ своимъ дыханіемъ палили нашу грудь, въ которую уже не могло проникнуть ни одной свѣжей, охлаждающей струи *дѣйствительности*. И вдругъ, въ одну минуту, я понялъ, что мнѣ нужно отступить, пока еще есть время. Пускай ужъ «то» такъ и останется невыполненнымъ, пускай оно будетъ вѣчно тяготѣть на каторжной тачкѣ моей жизни, только бы не на моей совѣсти. Трудно жить... но, вѣдь, жилъ же я какъ нибудь до сихъ поръ,—авось проживу и дольше.

Лицо мое прояснилось.

— А помнишь, Тыця,—сказалъ я,—свое столкновение съ профессоромъ ботаники?

— Какъ не помнить! Какъ будто вчера было! Ха, ха, ха! бѣдняга!...

И у Тычинскаго словно тучи съ лица сбѣжали. И онъ долженъ былъ покончить съ «тѣмъ», уступить миражамъ поле сраженія.

И вдругъ моя комната огласилась веселымъ смѣхомъ, повѣяло чѣмъ-то роднымъ, близкимъ, согрѣвающимъ.

Дѣйствительность возвратилась, и было намъ такъ хорошо, такъ отрадно

Наша связь съ Тычинскимъ, и служебная, и дружеская, продолжается. Добрый товарищъ, хорошее сердце, только болтунъ, но, что хуже всего, легкомысленъ до послѣдней степени.

На женщинъ онъ проживаетъ втрое болѣе, чѣмъ получаетъ жалованья. Я замѣчаю многое, но дѣлаю видъ, что ничего не понимаю. Впрочемъ, онъ всегда краснѣетъ въ моемъ присутствіи.

Что касается меня, то я остался чистымъ.

Съ трудомъ я подвигаю впередъ свою тачку; правда, на меня нападаютъ минуты отчаянія, но за то я спокойно могу смотрѣть на свое будущее, не опасаясь катастрофы, которая снова можетъ угрожать Тычинскому. Я памятую о томъ, что онъ обладаетъ способностью падать всегда на ноги, а у меня жена и шесть человѣкъ дѣтей. Мнѣ нельзя ставить свою судьбу на одну карту. Я наслаждаюсь своимъ спокойствіемъ, а послѣ cadaго свиданія съ Тычинскимъ

въ тихій вечерній часъ меня навѣщаютъ мои видѣнія... Тогда я вызываю «миражи» лѣтъ моего юношескаго счастья и несбыточныхъ надеждъ и благодарю ихъ за то, что въ свое время они съ широко распростертыми руками предстали предо мною у входа на одну изъ тѣхъ кривыхъ дорогъ жизни, съ которой уже нѣтъ возврата...

II.

С р е д а .

Поздній разсвѣтъ зимняго дня несмѣло заглянулъ въ высокія окна одной изъ камеръ больницы.

Изъ рѣдѣющаго мрака начали вырисовываться два ряда коекъ, стоящихъ вдоль стѣнъ и образующихъ широкій проходъ отъ дверей къ среднему окну. На кроватяхъ лежали люди, завернутые въ одѣяла, съ блѣдными и неподвижными лицами, еле отдѣляющимися отъ бѣлизны наволочекъ.

Первымъ проснулся больной, лежавшій на крайней койкѣ у самаго окна. Онъ представлялъ рѣшительный контрастъ со всѣми остальными; это былъ почти богатырь, съ выдающимися мускулами, съ краснымъ лицомъ и толстою, жилистою шеей. Онъ потянулся на своей койкѣ, черезъ — чуръ короткой для его роста, — койка затрещала, — приподнялъ голову и гаркнулъ густымъ басомъ:

— Вставать! Эй! сегодня среда!

Одни подняли голову и осмотрѣлись вокругъ полусонными глазами, другіе вскочили и усѣлись на своихъ постеляхъ, а гигантъ не переставалъ возглашать:

— Среда, господа, среда!

Больные привѣтствовали наступающій день съ радостью, которая такъ рѣдко проявляется въ стѣнахъ больницы. День, когда двери камеры широко отворяются для всѣхъ посѣтителей, день, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, наступилъ... Вся камера, изъ которой одна дорога ведетъ въ городъ, другая — въ покойницкую, мало-по-малу принимала несвойственную ей веселую, праздничную фізіономію. Съ самаго утра здѣсь царствовали шумъ и оживленіе.

Больные, которые могли держаться на ногахъ, сбрасывали одѣяла, вставали и напяливали на себя халаты. Гигантъ тоже всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ тяжелыми шагами. Отовсюду слышались голоса:

— Какъ хорошо, что сегодня среда! Табаку мнѣ принесутъ...

— Я готовъ держать пари, что ко мнѣ придетъ братъ...

Гигантъ съ гордостью перебилъ говорящаго:

— А я жду нѣсколькихъ человекъ... вотъ увидите...

Пятнадцатилѣтній мальчикъ, еще не оправившійся отъ вчерашней операціи, ожидаетъ прихода матери. Прислужникъ, вошедшій подметать камеру, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на больныхъ, которые еще привыкли спать въ это время, но вскорѣ спохватился:

— Да, вѣдь, сегодня среда!

Подметать камеру было не легко, — больные опять растаскивали на своихъ туфляхъ соръ во все углы.

Завтракъ прошелъ безъ обычныхъ нареканій на администрацію. Больные занялись крученіемъ папиростъ. Тѣ, у кого вышелъ табакъ, занимали у сосѣдей, въ надеждѣ расплатиться сегодня же.

Повсюду слышался веселый говоръ, пускались въ ходъ прозвища, придуманныя здѣсь же, въ больницѣ. Гиганта иначе не называли, какъ панъ Верзила.

Гигантъ отзывался на эту кличку, нисколько не сердясь на людей, съ которыми его связали болѣзнь и горе.

Прогуливающійся, съ рукой на перевязи, музыкантъ назывался здѣсь Кларнетомъ. Лысый чиновникъ изъ банка, необычайно мягкій и ласковый, носилъ названіе Бѣшенаго. Блѣдный мальчикъ, ожидающій прихода матери, такъ и называется мальчикомъ. Всѣмъ верховодилъ, повидимому, панъ Верзила, который увѣрялъ, что его придутъ навѣстить нѣсколько человекъ.

Теперь рѣчь шла о двухъ бывшихъ больныхъ, которые вышли изъ больницы на прошлой недѣлѣ и, уходя, поклялись самою торжественною клятвой навѣстить товарищей въ будущую среду.

— Придутъ! — Не придутъ!

Мнѣнія раздѣлились. Верзила, смотрѣвшій сегодня на весь міръ сквозь розовыя очки, увѣрялъ, что придутъ непременно.

— Придутъ, увидите! Свиныи будутъ, если не придутъ.

Но Бѣшенный былъ другаго мнѣнія.

— А я вамъ говорю, что не придутъ... — медленнымъ голосомъ выкладывалъ онъ свои соображенія. — Какое хотите пари... Въ общей сложности я года два пролежалъ въ больницѣ. Всякій безъ исключенія изъ тѣхъ, кто выписывается изъ больницы, общается навѣстить оставшихся, и никогда не сдерживаетъ своего слова. Оно и понятно, — среди городской жизни легко забыть товарищей по одной камерѣ.

Вопросъ этотъ подвергся всестороннему разсмотрѣнію.

Можетъ быть, если не оба, то одинъ будетъ настолько порядоч-

нымъ человекомъ, что придетъ. Всѣ, кромѣ Бѣшенанаго, согласились съ этимъ мнѣніемъ.

— Можетъ быть! Можетъ быть!

Осмотръ доктора происходитъ раньше, чѣмъ всегда. Операций никакихъ нѣтъ. Необходимыя перевязки совершаются съ необыкновенною быстротой. Наконецъ, докторъ и фельдшера уходятъ, больные, не прикованные слабостью къ койкамъ, занимаютъ постъ у оконъ и не спускаютъ глазъ со двора, по которому должны проходить посѣтители. У средняго окна идетъ легкая перебранка: всѣ недовольны Верзиллой, — онъ такой широкой и занимаетъ много мѣста.

Изъ оконъ видѣнъ покрытый снѣгомъ дворъ, съ двумя протоптанными дорожками. Одна изъ нихъ, пошире, идетъ отъ калитки къ главному зданію, гдѣ нижній этажъ занятъ администраціей, а верхъ помѣщеніемъ болѣе состоятельныхъ больныхъ. На бѣломъ фонѣ снѣга какъ-то особенно рѣзко выдѣляются черные сучья и вѣтви старыхъ каштановъ. У калитки стоитъ маленькій домикъ привратника, съ однимъ окошкомъ и высокою трубой, изъ которой цѣлую зиму неустанно валитъ дымъ.

Тѣ, которые не могутъ встать съ койки, спрашиваютъ у смотрящихъ въ окно:

— Ну, что?... Идетъ кто-нибудь?

— Нѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вопросы повторяются. Больные, смотрящіе въ окна, начинаютъ сердиться и отвѣчаютъ недовольнымъ голосомъ:

— Ахъ, оставьте насъ въ покоѣ! Когда кто пройдетъ, — снажемъ.

Между ними идетъ оживленный разговоръ о воробьяхъ, которые въ эту минуту спустились на больничный заборъ. Больные начинаютъ считать. Одинъ насчиталъ двѣнадцать, другой — тринадцать, третій дошелъ только до девяти; надъ послѣднимъ смѣются и называютъ его слѣпымъ.

Лежащіе на койкахъ съ интересомъ и завистью прислушиваются къ разговору о воробьяхъ.

Наконецъ, у окна начинается сильное движеніе. Привратникъ вышелъ изъ своего домика и отпираетъ калитку. Черезъ минуту Бларнетъ отбѣгаетъ отъ окна съ радостнымъ крикомъ:

— Братъ, братъ!

Отъ восторга Бларнетъ подпрыгиваетъ нѣсколько разъ, причѣмъ теряетъ туфлю. Одинъ изъ лежащихъ сердито кричитъ на не-

го, но Кларнетъ въ перепрыжку перебѣгаетъ всю залу, останавливается у двери и начинаетъ прислушиваться.

— Ага, вотъ теперь всходитъ на лѣстницу.

И когда два брата обнимаются, наблюдающіе у окна заявляютъ о появленіи новой особы.

— Кто такой, кто такой?

Новый посѣтитель незнакомъ наблюдающимъ. Съ коека въпросы сыплются десятками.

— Какой онъ изъ себя? Въ чемъ одѣтъ?

— Низенькій, въ шубѣ... Въ очкахъ... Съ подстриженною черною бородкой.

«Низенькій въ шубѣ» еще не успѣваетъ дойти до лѣстницы, какъ раздается новый сигналъ:

— Мальчикъ, мать идетъ!

И вся камера весело подхватываетъ:

— Мать идетъ, мать идетъ!

Братъ Кларнета громко замѣчаетъ:

— А тутъ у васъ весело, господа!

Входитъ «низенькій въ шубѣ», а за нимъ мать съ сумкой, набитой гостинцами. Разговоръ становится болѣе веселымъ и шумнымъ. Больничный праздникъ начался. По мѣрѣ того, какъ поднимаются стрѣлки часовъ, неслышныхъ днемъ, но за то убаюкивающихъ ночью своимъ мѣрнымъ «тикъ-такъ» бѣдняковъ, отъ которыхъ бѣжитъ сонъ, — число людей, толпящихся у окна, замѣтно уменьшается. Камера также замѣтно наполняется. Общій разговоръ разбивается на отдѣльные діалоги.

Мальчикъ, съ улыбкой на блѣдномъ лицѣ, угощаетъ товарищей шоколадными конфетами. Одинъ изъ больныхъ вызываетъ своихъ кредиторовъ, у которыхъ за послѣднее время занималъ табакъ.

Одни изъ посѣтителей пробываютъ въ камерѣ полчаса и уходятъ, ссылаясь на обиліе совершенно неотложныхъ дѣлъ, другіе сидятъ долго, часа два, и заряжаютъ больныхъ родственниковъ хорошимъ расположеніемъ духа на цѣлую скучную и длинную недѣлю. На мѣсто уходящихъ появляются новыя лица. Гомонъ не перестаетъ ни на минуту.

Наконецъ, у окна остается только одинъ Верзила, который мало-по-малу теряетъ веселость въ этой пропитанной радостью атмосферѣ. Онъ не сводитъ утрюмыхъ глазъ со двора, который начинаетъ быстро сѣрѣть во мглѣ приближающагося вечера.

Зала начинаетъ мало-по-малу пустѣть, говоръ ослабѣваетъ. Когда сторожъ вноситъ двѣ огромныхъ лампы, въ комнаты не на-

считывается и пяти посѣтителей. Праздникъ приближается къ концу. Верзила отходить отъ окна, закрытаго густымъ пологомъ ночи, и начинаетъ прохаживаться по камерѣ. Онъ безпрестанно крутить и курить папиросу за папиросою, занимая табакъ то у одного, то у другаго сосѣда. Всѣ пачки съ табакомъ, который завтра послужитъ поводомъ къ различнымъ спорамъ, сегодня лежатъ открытыми, готовыя къ услугамъ всякаго нуждающагося.

Наконецъ, уходитъ послѣдній посѣтитель, больные остаются одни и заводятъ между собою обычный разговоръ, какъ люди, удовлетворившіе всѣмъ своимъ потребностямъ.

Поздній вечеръ. Теперь очевидно, что больше уже никто не придетъ. Больные отдають справедливость Бѣшеному: дѣйствительно, ни одинъ изъ вылечившихся на прошлой недѣлѣ, несмотря на торжественность своихъ обѣщаній, не сдержалъ даннаго слова.

Бѣшенный торжествуетъ, самодовольно пуская кольца дыма.

— Что, видите? Не говорилъ я вамъ?

Кто-то старается утѣшить Верзилу: мало ли что могло случиться съ его знакомыми? Наконецъ, они могутъ явиться въ слѣдующую среду. Верзила не отвѣчаетъ ни слова, ходитъ по комнатамъ и жжетъ папиросу за папиросою.

Восемь часовъ. Подаютъ ужинъ. Всѣ, кромѣ Верзилы, ѣдятъ съ аппетитомъ: до обѣда почти никто не дотрогивался, — до того ли было! Ужинъ всѣмъ приходится по вкусу, поэтому не слышно нареваній на администрацію, — сегодня и администраціи праздникъ.

Все вошло въ обычную колею; начинается новая больничная недѣля, такая длинная и сучная, съ перспективою новыхъ страданій, осмотровъ и операций, мучительныхъ прижиганій ляписомъ и приемомъ отвратительныхъ лѣкарствъ.

Приходитъ, наконецъ, и ночь и низводитъ спокойный сонъ на рѣсницы тѣхъ, которые въ теченіе дня почти забыли о своей хвори, оживленные нѣсколькими минутами другой жизни, что проникла за эти угрюмыя стѣны съ бойкихъ, веселыхъ улицъ столицы.

Сонъ и спокойствіе воцаряются повсюду. Часы снова заговорили и присоединяютъ свое мѣрное тиканье къ ровному дыханію спящихъ.

Все тихо, только изъ угла отъ окна отъ времени до времени слышится сдержанное рыданіе.

То Верзила, съѣжившись на своей койкѣ, не можетъ удержать отъ слезъ при мысли, что только онъ одинъ остался сегодня забытымъ въ этой обители смерти и страданія.

III.

Голубой кафтанъ.

Изъ моихъ рабочихъ только одинъ ходитъ въ голубомъ кафтанѣ; на всѣхъ остальныхъ—сѣрые свитки, выложенныя черными шнурами. Въ моемъ распоряженіи десять сильныхъ, здоровыхъ парней, набранныхъ мною лично въ Выгановѣ; у всѣхъ у нихъ постоянная работа—и зимой, и лѣтомъ—при починкѣ желѣзной дороги. Десятымъ былъ этотъ... въ голубомъ кафтанѣ.

Честное слово, голубой кафтанъ, который носилъ Земель Охманъ, колонистъ изъ Скуркувки, не мало перепортилъ у меня крови. Уже издавѣка, когда я шелъ провѣрять работы, наклоненная надъ лопатой фигура Земеля какъ-то особенно неприятно и рѣзко лѣзла мнѣ на глаза.

При записываніи и переключкѣ рабочихъ новая неприятность. Мнѣ было пріятно вызывать: Григорій Пухала, Мацѣй Пенчекъ или Павелъ Округлый, но когда приходилось произносить Земель Охманъ, я испытывалъ что-то... что-то вродѣ щекотанія въ горлѣ.

А сколько разъ я давалъ себѣ торжественное обѣщаніе удалить Земеля съ работы?! Я облюбовалъ на его мѣсто ловкаго парня, Янко Пентала. Молодой, работающій, въ домѣ ни куска хлѣба (ихъ на четырехъ десятинахъ сидитъ восемь душъ), наконецъ, *Пенталь*... однимъ словомъ все, что нужно. Не разъ, выходя на линію дороги, погруженный въ задумчивость, я настраивалъ себя разъ навсегда покончить съ этою, положительно грызущею меня мыслью.

— Сегодня я непременно рассчитаю его.

Съ минуту (а иногда даже и гораздо больше) мнѣ казалось, что я сдѣлаю это. Но когда издавѣка, передъ моими глазами, вырисовывалась гучка рабочихъ, а на сѣромъ фонѣ ихъ сермягъ—голубое пятно, рѣшимость моя ослабѣвала.

— Нѣтъ... не сегодня рассчитывать, въ четвергъ, — въ среду будетъ недѣля,—не годится. Пускай работаетъ до субботы... но въ понедѣльникъ я ужь погончу съ нимъ... непременно погончу.

Виною всему было обстоятельство, приведшее Земеля въ мой домъ, когда я туда началъ перебираться.

Фура съ мебелью уже пріѣхала; дождикъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, началъ накрывать все сильнѣй и сильнѣй, а фурманъ одинъ, конечно, никакъ не могъ справиться съ тяжелыми вещами. Я помогаю ему изо всѣхъ силъ, энергично, но, благодаря моей помощи, коммодъ, вмѣсто того, чтобы стать на полъ, попадаетъ на диванъ. Слышится трескъ. Фурманъ чешетъ

затылокъ и оглядывается кругомъ. Я понимаю, что моя помощь стоитъ очень немного, и тоже оглядываюсь. Деревня далеко, а дождь, какъ на зло, съ каждою минутою усиливается. Въ такую-то критическую минуту явился Земель и, не дожидаясь просьбы, взялся за дѣло. Вещи были скоро перенесены въ комнаты. Всѣ были въ цѣлости, за исключеніемъ диванной ножки. Фурманъ сейчасъ же уѣхалъ, а мы съ Земелемъ начали разставлять мебель по комнатамъ. Нѣмецъ былъ ловокъ и силенъ, — мы управились въ одну минуту, — а когда вдали показалась пароконная бричка, все стояло на своихъ мѣстахъ, а Земель хлопоталъ въ кухнѣ около самовара. Съ какою гордостью я привелъ жену и дѣтей въ столовую, гдѣ на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, весело кипѣлъ самоваръ, окруженный чайнымъ приборомъ. Жена была въ восторгѣ и даже призналась, что не понимаетъ, какъ это такой мѣшокъ, какъ я, могъ устроиться въ теченіе часа. Конечно, мнѣ было это очень пріятно, но я ограничился тѣмъ, что только скромно замѣтилъ:

— Что же, кое-какъ устроился...

Тѣмъ временемъ мой дѣятельный помощникъ принесъ воды въ кадку, нарубилъ дровъ, сложилъ ихъ за печку, — однимъ словомъ, привелъ кухню въ такой порядокъ, что хоть сейчасъ готовъ обѣдъ. Жена, осмотрѣвъ кухню, осыпала меня новыми комплиментами. И вотъ тогда-то, обрадованный столъ счастливымъ концомъ такой ужасной вещи, какъ переѣздъ съ мѣста на мѣсто, я потрепалъ Земеля по плечу и произнесъ эти неосторожныя слова:

— Ты мнѣ нравишься, милый. Съ завтрашняго дня я опредѣлю тебя на желѣзную дорогу.

Земель низко мнѣ поклонился.

Вотъ какимъ образомъ голубой кафтанъ Земеля очутился между сѣрыми свитками моихъ годовыхъ рабочихъ.

Весьма естественно, по истеченіи нѣкотораго времени, воспоминаніе объ услугѣ, оказанной мнѣ Земелемъ, утратило свои яркія краски, поблекло. Сначала я былъ спокоенъ, но когда мало-по-малу началъ присматриваться къ окружающимъ условіямъ, когда навѣстилъ богатую Скуркувку съ ея чистенькими домиками, окруженными большими садами и обвитыми виноградомъ, — домиками, которые такъ рѣзко отличались отъ сосѣднихъ выгановскихъ лачугъ, когда, наконецъ, въ газетахъ начали появляться все болѣе и болѣе печальныя корреспонденціи изъ Познани, — видъ голубаго кафтана началъ раздражать меня.

Земель Охманъ былъ человекъ высокаго роста, рыжеватый, немного сторбленный, съ длинными ногами и руками. Говорилъ онъ

очень медленно, точно слова съ трудомъ выходили изъ его усть. Появился онъ въ Скуркувѣ недавно, года за два до начала этого разсказа, и считался самымъ бѣднымъ членомъ всей колоніи. Онъ жилъ на квартирѣ; три десятины сѣвернѣйшей песчаной земли приносили ему очень мало, — приходилось наниматься на поденщину. Единственное его достояніе заключалось въ худой коровѣ и десяткѣ гуръ; — все это вмѣстѣ съ землею онъ получилъ въ приданое за женой, дочерью мѣстнаго колониста. Для обработки поля тестъ давалъ Земелю лошадь, — впрочемъ, не даромъ: Земель долженъ былъ за это отработать нѣсколько дней во время жатвы. Для такого бѣдняка постоянная работа съ приличнымъ вознагражденіемъ, да еще недалеко отъ дома, являлась чистымъ благодѣяніемъ.

Я не могу сказать, чтобы Земель не чувствовалъ этого благодѣянія. И онъ, и жена его выискивали всевозможные способы, чтобы оказать мнѣ какую-нибудь услугу. Онъ приходилъ ко мнѣ чуть свѣтъ, рубилъ дрова и натаскивалъ воды на цѣлый день; она, безъ всякаго зова, разъ въ мѣсяцъ являлась стирать бѣлье.

Земель умѣлъ быть услужливымъ, и мнѣ какъ-то поневолѣ приходилось пользоваться его услугами. За моимъ добромъ онъ присматривалъ, кажется; гораздо больше, чѣмъ за своимъ собственнымъ, и постоянно давалъ мнѣ разнообразныя совѣты.

— Извините, — говорилъ онъ, — теперь время запастись картофелемъ или сѣномъ для коровы, — черезъ недѣлю все это будетъ дороже.

Осенью онъ зорко слѣдилъ, когда начнутъ продавать сушь изъ казеннаго лѣса, выслѣживалъ удобный моментъ, приходилъ ко мнѣ и заявлялъ:

— Извините, пора покупать дрова...

Я давалъ ему деньги и говорилъ:

— Бупи.

Онъ протягивалъ руку, довольный, обрадованный. Въ лѣсу онъ самъ выбиралъ деревья, самъ рубилъ ихъ, устанавливалъ въ сажени, и — я не ручаюсь — не таскалъ ли когда-нибудь изъ другаго мѣста въ мою пользу.

Однажды онъ понадобился мнѣ ночью. Я послалъ за нимъ, но горничная моя возвратилась одна и сообщила, что Земеля нѣтъ дома, что онъ въ лѣсу стережетъ наши дрова.

Я понималъ, что никто лучше его не исполнитъ моего порученія, и пользовался имъ въ серьезныхъ случаяхъ. Во время болѣзни моего сынишки, когда бѣдный мальчикъ метался въ жару, я послалъ Земеля съ рецептомъ въ аптеку.

— Только возвращайся скорѣй, — сказалъ я ему.

Земель возвратился черезъ полчаса, задыхающійся, блѣдный, покрытый потомъ. Когда я бралъ пузырекъ съ лѣкарствомъ, меня охватило сожалѣніе.

— Поди отдохни, — сказалъ я, — усни.

— Э, ничего! — отвѣтилъ онъ. — Можетъ, еще придется сбѣгать куда-нибудь.

Несмотря на все это, я не могъ ему простить его происхожденія... Я терпѣлъ его, когда онъ находился у меня на глазахъ, но въ тишинѣ кабинета, наединѣ съ своими мыслями, сознавалъ необходимую потребность прогнать его съ глазъ долой и соображалъ, хватить ли у меня для этого силы. Каждый понедѣльникъ я просыпался съ этою мыслью, торопливо одѣвался и выходилъ въ сѣни. Еще темно, только на востокѣ разгорается яркая полоска зари. Около дома стоитъ кучка рабочихъ, опершись на лопаты, съ узелками, въ которыхъ завязанъ хлѣбъ. По временамъ, когда работы бывало много, я бралъ всѣхъ, но чаще всего приходилось говорить:

— Тѣ, что въ прошлую недѣлю работали!

Тогда десять человѣкъ съ веселыми лицами отдѣлялись отъ толпы, остальные закидывали лопаты за плечи и медленно расходились по домамъ. Сколько разъ меня подмывало при такихъ обстоятельствахъ сказать Земелю:

— Для тебя нѣтъ работы. Иди домой.

И, все-таки, я не могъ сказать этихъ словъ; въ его взглядѣ было что-то такое, что меня обезоруживало. И когда Земель вмѣстѣ съ другими уходилъ на работу, я возвращался въ свою канцелярію злой, раздраженный, и успокаивался не раньше, какъ послѣ принятія твердаго рѣшенія сдѣлать въ будущій понедѣльникъ то, чего не удалось сдѣлать сегодня.

Такимъ образомъ прошло два года. Земель за это время преобразился изъ бѣдняга въ поселенца со средними средствами. Деньги, выработанныя имъ на желѣзной дорогѣ, пошли ему въ прокъ. Онъ построилъ себѣ хатку въ одну каморку, маленькую, но приличную, поставилъ конюшню, дворъ огородилъ плетнемъ. Теперь ему хотѣлось построить амбаръ и какой-нибудь навѣсъ, а то телѣга безъ прикрытія разсыпалась во время жаровъ. Теперь у Земели были уже своя упряжь и маленькая лошадка, которая стояла въ конюшнѣ рядомъ съ толстенькими коровками. Нѣмецъ крѣпко впивался корнями въ свой клочокъ земли.

Хозяйствомъ занималась, собственно говоря, жена Земеля. Она

ѣздила и на рынокъ въ ближайшее мѣстечко и даже сама занималась полевыми работами. Земель проводилъ все свое время или на желѣзно-дорожной линіи, или на моемъ дворѣ.

Жена моя любила Земеля, хотя подчасъ и ворчала на него; случаетъ для столкновений представлялось не мало, но дѣло легко улаживалось само собою; за то дѣти были безъ ума отъ нѣмца. Земель исполнялъ всякое ихъ желаніе, устроилъ въ саду качели, сдѣлалъ для кузлы Марини кровать, а Яся таскалъ постоянно на своихъ плечахъ.

Несмотря на все это, въ теченіе четырехъ лѣтъ мы не могли сойтись съ Земелемъ какъ слѣдуетъ. Между нами стояло что-то такое, что отталкивало меня отъ него. Я видѣлъ въ немъ узурпатора, который, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, занялъ мѣсто на работѣ и въ моемъ домѣ, который пользовался своимъ положеніемъ, благодаря своей ловкости и слабости моего характера. Обстоятельства были сильнѣе меня, но въ глубинѣ души я не переставалъ слышать упреки совѣсти.

Наконецъ, мнѣ удалось исполнить мою обязанность. Послѣ смерти брата мнѣ досталось имѣніе. Я подалъ въ отставку и собирался переселиться на новое пепелище. На мое мѣсто былъ назначенъ мой хорошій знакомый панъ Валентій Антоневичь. Вечеромъ, за чаемъ, я познакомилъ его съ мѣстными условіями и, между прочимъ, отрекомендовалъ ему нѣсколькихъ рабочихъ, за которыхъ вполне могу ручаться.

— Большое спасибо, дружище, — сказалъ мнѣ Валентій. — Позвольте мнѣ записать ихъ имена. — Онъ досталъ записную книжку.

Я началъ диктовать:

— Павелъ Окрутный, Григорій Пухала, Петръ Пухала...

— Братъ, что ли?

— Родственники, по всей вѣроятности. Здѣсь цѣлая деревня, все Пухалы... Ну, дальше... Мацѣй Пенчекъ, Марцинъ Денбовскій, Андрей Залега, Юзефъ Андрейчиъ, Владиславъ Прондекъ, Мацѣй Сосиньскій... Вотъ и девять, за тѣмъ еще одинъ... Янъ Пенталь...

Панъ Валентій записалъ, закрылъ книжку и спряталъ ее въ карманъ... Теперь все кончено. Я вдохнулъ глубоко, свободно, въ первый разъ за эти четыре года. Мнѣ казалось, что съ меня свалилась громадная тяжесть, которая подавляла свободу моихъ мыслей.

Я уѣхалъ скоро, какъ только можно было скоро. Правда, мнѣ не дешево стоило разставанье съ Земелемъ, но это ужъ конецъ самага конца. Притомъ, Земель такъ лѣниво таскалъ мою мебель на

Фуру, казался такимъ небрежнымъ, что меня удивляло, какъ этотъ человѣкъ еще такъ недавно во всякомъ дѣлѣ проявлялъ столько ловкости и силы. Мы сѣли въ бричку, онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, низко-низко поклонился... и мы уѣхали.

Память о Земелѣ Охманѣ долго сохранялась въ нашемъ семействѣ. Жена очень часто вспоминала о немъ, вспоминали и дѣти. Я, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ кивалъ утвердительно головою, но мнѣ большое удовольствіе доставляло, когда разговоръ переходилъ на другой предметъ. Но, — увы! — я скоро убѣдился, что воспоминаніе о Земелѣ отравить не одну минуту моей жизни. Я часто думалъ и о его голубомъ кафтанѣ, и о томъ странномъ взглядѣ, какимъ онъ глядѣлъ на меня при разставаньи, и о его долговязой фигурѣ, склонившейся надъ лопатой... Что-то онъ теперь дѣлаетъ? Домикъ его все такъ же ли весело выглядываетъ своими чистенькими окнами? сытая лошадка попрежнему ли стоитъ въ конюшнѣ, рядомъ съ коровами? Я ничего не отвѣчалъ на эти вопросы. Я чувствовалъ въ глубинѣ души какое-то сожалѣніе, неоступное, навязчивое, и напрягалъ всю силу воли, чтобы думать о чемъ-нибудь другомъ. Чаще всего Земель приходилъ мнѣ въ голову при одномъ воспоминаніи о желѣзной дорогѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ пришлось проѣзжать по тѣмъ знакомымъ мѣстамъ, гдѣ я служилъ когда-то на желѣзной дорогѣ. Все измѣнилось. Панъ Валентій перешелъ куда-то въ другое мѣсто. Значить, мнѣ не придется навѣстить и тотъ домъ, въ которомъ протекли лучшіе годы моей жизни. Очень грустно, но дѣлать нечего. А вотъ и Скуркувка, и хата Земеля. Глядитъ какъ-то утрюмо... Я даже вижу самого Земеля: онъ рубить дрова на дворѣ.

— Пошелъ скорѣй! — крикнулъ я возницѣ.

Фурманъ стегнулъ лошадей. Но не успѣли мы отѣхать нѣсколькихъ шаговъ, какъ около брички появился Земель. Онъ узналъ меня. Нужно было остановиться.

— Ну, что, Земель, какъ идутъ ваши дѣла? — спросилъ я.

Земель не отвѣтилъ мнѣ сразу. Онъ увидалъ свою жену, выглядывающую изъ сѣней, и закричалъ ей:

— Нашъ панъ, нашъ панъ!

Прибѣжала и жена Земеля. Оба они схватили мои руки и начали цѣловать ихъ; на глазахъ ихъ навернулись слезы. Я не могъ допытаться ни о чемъ. Прошло много времени, прежде чѣмъ у женщины развязался языкъ.

— Бѣда у насъ... Землей одной не прокормишься... на дорогу мужа уже не принимаютъ... Борову за подати взяли.

Наконецъ, заговорилъ и Земель своимъ густымъ, медленнымъ голосомъ:

— Ну, а васъ какъ Богъ милуетъ?

— Ничего, благодарю васъ, Земель.

— Какъ пани?

— Здорова, здорова.

— А панъ Ясь?

— Въ школу ходить, большой уже мальчижь.

Тутъ женщина опять перебила насъ:

— Мы за васъ каждый день Богу молимся.

— Да, да,—подтвердилъ Земель.—Другаго такого барина не скоро найдешь.

— Благодарю васъ,—сказалъ я,—благодарю. Но мнѣ, право, некогда.

Земель снова схватилъ мою руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Пошли вамъ Богъ всего лучшаго.

Фурманъ ударилъ по лошадамъ, бричка покатила по угатанной дорогѣ. Я нахлобучилъ шапку, чтобъ скрыть слезы, выступившія на моихъ глазахъ. Нѣтъ, не скроешь ихъ... Вотъ мои глаза заволокло какое-то облако... ни деревушки не видно, ни фурмана, сидящаго на козлахъ. Сквозь грохотъ колесъ до меня еще разъ долетѣлъ голосъ Земеля, звучащій какимъ-то страннымъ отъѣнкомъ:

— Пошли вамъ Богъ всего хорошаго.

Отъѣхавъ съ версту, я оглянулся. Земель все еще стоялъ на дорогѣ.

IV.

Литература моей жены.

Утромъ, прямо съ постели, я всталъ, подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣлъ календарь, и оторвалъ листокъ со вчерашнимъ числомъ. Сегодня—многознаменательный день въ моей жизни. День тринадцатаго декабря. Число это отпечатано толстыми черными цифрами. Внизу, маленькими буквами, помѣщено имя святой, празднуемой въ этотъ день,—святой Люціи.

Именины моей жены. Вотъ уже четвертый годъ я праздную этотъ день, одинокій, покинутый.

Долго стоялъ я, вематриваясь въ листокъ календаря. Меня пробудилъ стукъ въ дверь. Принесли цвѣты, еще вчера заказанные мною въ цвѣточномъ магазинѣ. Я началъ поспѣшно одѣваться. Изъ-за двери меня спрашиваютъ, буду ли я пить кофе.

— Нѣтъ, благодарю, Эльжбета, мнѣ некогда, да, къ тому же, я вовсе не голоденъ. И, кромѣ того, — поспѣшилъ прибавить я, — я сегодня и обѣдать не буду.

Эльжбета на этотъ разъ не заворчала, хотя имѣетъ привычку ворчать всегда, когда я предупреждаю, что не буду обѣдать дома. Часовая стрѣлка подходила уже къ десяти. Я надѣлъ пальто, подошелъ къ бюро и досталъ оттуда нѣсколько тоненькихъ книжечекъ въ черномъ клеенчатомъ переплетѣ. То была «литература моей жены».

Спустя четверть часа, я сходилъ съ лѣстницы съ этими книжечками въ карманѣ и съ двумя вѣнками въ рукахъ. Путь мнѣ предстоялъ на Повонзки *). У заставы я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ на кладбище пѣшкомъ вдоль старой стѣны, изъ-за которой виднѣлись печальныя, безлиственныя, мертвыя деревья. Мертвыя... но это не вѣчная смерть. Весною эти деревья проснутся, оживутъ. Только тѣ, что лежатъ тамъ, подъ землею, не проснутся никогда. Для нихъ все кончено.

Я вошелъ на кладбище въ первыя ворота. Земля, такъ скупо распределенная между здѣшними обитателями, кое-гдѣ была покрыта пятнами грязнаго, тающаго снѣга. Я прошелъ широкую улицу, обставленную каменными и желѣзными памятниками, миновалъ огромный, во сто разъ печальнѣй самой смерти, склепъ, миновалъ вторыя, внутреннія ворота. Здѣсь, на этомъ скромномъ влочкѣ земли, усыпанномъ черными крестами, была и ея могила. Могила Люціи была послѣдняя въ одномъ изъ рядовъ.

Я положилъ два вѣнка на маленькомъ бугоркѣ земли, который прикрывалъ все, что я любилъ когда-то...

Я успокоился.

За оградой кипѣла жизнь. На широко-раскинувшемся полѣ стояли хатки предмѣстья, по дорожкамъ, перерѣзывающимъ эти поля, ѣхали телѣги, шли люди. Тутъ же за оградой широко размахивали четыре крыла вѣтряной мельницы. Неустанный грохотъ колесъ долеталъ сюда и нарушалъ тишину этой обители смерти.

Я сѣлъ на деревянной лавочкѣ у забора вблизи могилы Люціи и вынулъ изъ кармана одну изъ маленькихъ черныхъ книжечекъ. Съ глубокимъ волненіемъ началъ я переворачивать страницы, испещренныя блѣдными слѣдами карандаша. То была обыкновенная книжка, въ которой хорошія хозяйки записываютъ свои мелочные расходы.

*) Кладбище близъ Варшавы. *Примѣч. перев.*

Вот дюжина рюмокъ, мисокъ и блюдеъ, которыми мы забыли снабдить свое хозяйство передъ нашею свадьбой. Ниже—чай, сахаръ, хлѣбъ, снова сахаръ, мясо, масло, и опять хлѣбъ. И то же самое на нѣсколькихъ страничкахъ. Да, первые мѣсяцы нашей совместной жизни прошли не въ роскоши. Я задолжалъ, чтобы хоть кое-какъ устроить наше гнѣздышко, а теперь приходилось платить и долги, и проценты. Первый мѣсяцъ: половина жалованья пошла на уплату долга. А потомъ снова хлѣбъ, чай, сахаръ, мясо, хлѣбъ и опять хлѣбъ.

Всѣ наши расходы были написаны на одной сторонѣ листка; на другой стояла колонна цифръ.

И опять хлѣбъ, черезъ двѣ, черезъ три строчки. Я отлично помню тѣ круглые, трехфунтовые караваи хлѣба, что Люція приносила въ корзинкѣ. Придя домой, въ нашу квартирку на третьемъ этажѣ, она весело улыбалась, чтобы я не подумалъ, что высокая лѣстница утомляетъ ее. Она ставила на столъ корзинку, изъ которой выкладывала каравай хлѣба, и тотчасъ же записывала новый расходъ въ свою книжку.

Хлѣбъ, хлѣбъ, хлѣбъ! Какое огромное количество хлѣба съѣли мы за это время! Каждый день фигурируетъ эта рубрика, а напротивъ нея стоитъ цифра: двадцать четыре гроша.

Въ то время жалованья я получалъ тридцать рублей, изъ которыхъ десять шло на удовлетвореніе кредиторовъ. Но это обстоятельство вовсе не огорчало насъ. Люція была такая чудесная хозяйка, что мы ни въ чемъ не испытывали лишения.

Но въ книжечкѣ появляется новое слово: картофель. Значитъ, наступила глубокая осень. Люція не покупала картофеля, пока онъ былъ дорогъ, считался новинкой. Подъ картофелемъ снова хлѣбъ. Подъ нимъ соль. Но что это такое? вино! да, да, тутъ ясно написано: вино, рубль двадцать копѣекъ бутылка, и печенье. Что же это за празднество? Ахъ! Это семнадцатое сентября, мои именины! А затѣмъ опять хлѣбъ, сахаръ, хлѣбъ...

Ага! уголь. Подошла зима. На другой страницѣ снова уголь. На третьей угля не значится. Должно быть, наступила оттепель. Но черезъ нѣсколько страницъ уголь появляется снова, и этимъ словомъ оканчивается первая книжка.

Я вынулъ другую книжку. Она начинается хлѣбомъ, затѣмъ слѣдуетъ уголь. И такъ далѣе, копѣечныя цифры, изрѣдка прерываемыя огромною цифрой семи рублей, противъ которой значится объясненіе: квартира за мѣсяцъ...

А вотъ и еще что-то необычное: сливокъ кварта, грибовъ пол-

Фунта, — что это такое? День двадцать четвертаго декабря, — канунъ Рождества. Есть даже меню обѣда: грибной супъ, потомъ жаренныя сельди, капуста съ грибами и компотъ изъ чернослива. Я помню этотъ нашъ первый канунъ Рождества... мы были тогда такъ веселы, такъ счастливы!... А на первый день Рождества у насъ былъ жареный заяцъ. Слѣдующія страницы не заключаютъ ничего новаго. Жизнь наша шла обычною колеей. Ламповое стекло. Вѣроятно стекло лопнуло во время моихъ занятій, вѣроятно, я позабылъ уменьшить огонь. А! вотъ и еще праздникъ, — вино и пирожное. То шестой день апрѣля — годовщина нашей свадьбы. Черезъ двѣ страницы является такое необыкновенное замѣчаніе: «Второго мая послѣдній платежъ долга. Всего уплачено сто тридцать рублей».

Какой это радостный день былъ для насъ! Съ той поры книжка становится какъ будто бы болѣе веселою. Хлѣбъ повторяется гораздо рѣже. За то появляются булки. Черезъ четыре страницы — масло, иногда кофе, но рѣдко. А вотъ и новая статья расхода: лѣкарство.

Въ это время у меня болѣли глаза. Приходилось много заниматься по ночамъ, а комнатка у насъ была маленькая, низкая. Дальше записанъ задатокъ за квартиру.

Въ это время я уже выздоровѣлъ; если сопоставить время между двумя этими помѣтками, то выходитъ, что я прохворалъ двѣ недѣли. Потомъ мы немедленно перемѣнили квартиру. Новая комната была больше и выше, а платили мы за нее, какъ значится въ книжкѣ, девять рублей.

Третья и четвертая книжка не рознятся существенно отъ второй. То же самое — хлѣбъ, сахаръ, булки, кофе... Кое-гдѣ, только очень рѣдко, является расходъ на обувь или на платье. Пятая книжка начинается радостною новостью: «Сегодня мужу прибавили жалованья». Да, я получилъ награду и десять рублей въ мѣсяцъ прибавки. Но въ книжкѣ ничего не измѣнилось; развѣ только съ великимъ трудомъ можно отыскать слѣдъ двухъ билетовъ въ раекъ или найма извозчика за городъ въ праздничный день. Но въ общемъ — все то же самое.

Люція ничего не хотѣла измѣнять въ обстановкѣ нашей жизни и отвергала всѣ мои проекты о перемѣнѣ квартиры или наймѣ кухарки. Когда я настаивалъ, она доставала старый бумажникъ и, улыбаясь, показывала мнѣ нѣсколько десятирублевокъ. «Видишь, — говорила она въ такихъ случаяхъ, — у насъ ничего не было бы на черный день. Зачѣмъ намъ брать кухарку, если я совсѣмъ здорова, а всякая работа идетъ мнѣ на пользу?»

Седьмого декабря записано: зимнее пальто мужу, — сорокъ рублей. Пальто поглотило всю экономію моей жены.

Но послѣдняя книжка не окончена. Въ ней остались три пустыхъ, неисписанныхъ листа. Въ началѣ отмѣчены три визита доктора. Люція захворала, а я былъ въ отчаяніи, что не могу проводить цѣлые дни у ея постели. Я долженъ былъ обязательно сидѣть восемь часовъ въ канцеляріи, да, кромѣ того, приносилъ домой цѣлую гору бумагъ. Коротче говоря, меня измучили работой. Въ канцеляріи царилъ ужасный хаосъ. Открыты разныя злоупотребленія, взяточничество. Начальникъ отдѣленія подалъ въ оставку, бухгалтеръ и его помощникъ уволены безъ прошенія. Я работалъ за нихъ за всѣхъ, не переставая работать за себя.

Тогда - то я и нанялъ Эльжбету, которую намѣревался оставить и послѣ выздоровленія Люціи. Никакія слова и доказательства не заставятъ меня измѣнить мое рѣшеніе. Кто знаетъ, теперешняя болѣзнь Люціи не есть ли послѣдствіе утомленія?

Но, несмотря на болѣзнь, Люція не перестала заниматься хозяйствомъ и записывать расходы въ книжечку. Какъ грустно смотреть это вино, купленное по предписанію врача! А сколько разъ на страницѣ попадаетъ слово лѣкарство! Болѣзнь Люціи затягивается. Она продолжается цѣлый мѣсяць. Я самъ чувствую, что почти падаю отъ усталости. Ночь я провожу въ креслѣ, не раздвываясь, и вскакиваю при каждомъ движеніи Люціи. А днемъ эта ужасная работа, уносящая остатки моихъ силъ, — работа, которой хватило бы на четырехъ человѣкъ.

Но пришло время, когда все это кончилось. На меня свалилась награда. Директоръ позвалъ меня въ свой кабинетъ и собственноручно передалъ мнѣ указъ о назначеніи меня бухгалтеромъ. Двѣ тысячи рублей жалованья! На такое счастье я могъ рассчитывать развѣ только черезъ десять лѣтъ! Обрадованный, я побѣжалъ къ постелѣ моей жены. «О! теперь, — думалъ я, — конецъ всѣмъ нашимъ бѣдамъ. Теперь я не позволю ей прикоснуться ни къ какой работѣ. Мы наймемъ кухарку и мальчика, и будемъ жить спокойно, безъ всякой заботы. Я вознагражу тебя за эти годы нужды и лишенія!»

Люція сразу увидала перемѣну во мнѣ.

Я рассказалъ ей все съ такою вѣрой въ будущее, и эта новость, казалась, лучше подѣйствовала на нее, чѣмъ аптекарскія стеклянки, уставленные на ея столѣ.

Люція радостно улыбулась мнѣ, какъ будто самыя лучшія ея мечтанія осуществились... и въ ту же ночь... умерла.

.....

Она не раздѣлила со мной жизни, которая обѣщала покой и счастье. Скрасивъ долгіе годы моей борьбы за кусокъ хлѣба, она довела меня до порога безбѣднаго существованія и... оставила меня одного.

Наступалъ вечеръ. Солнце зашло, не показавшись ни разу въ течение дня. Боротокъ зимній день... Я забралъ книжки моей жены и медленнымъ шагомъ удалился отъ мѣста ея вѣчнаго успокоенія. За заставою на улицахъ города — шумъ и движеніе. Опять я услышалъ грохотъ экипажей, говоръ тысячеголосной толпы народа.

Я вступалъ въ этотъ очагъ лихорадочнаго движенія съ неохотой, съ неохотой подчиняясь силѣ предначертанной мнѣ судьбы. На всей землѣ для меня нѣтъ никакой утѣхи и радости съ той минуты, когда *ее* зарыли въ землю...

V.

К л а д ъ.

Сила богачей, мечта бѣдняковъ, самая прозаическая вещь среди жизненной прозы — деньги! Какія-какія легенды ни сложила о нихъ простая, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатая народная фантазія!...

Тихою лѣтнею ночью, усѣвшись вокругъ костра, на которомъ кипитъ котелокъ съ картофелемъ, похищеннымъ съ сосѣдняго поля, настухи разсказываютъ другъ другу исторію о цвѣткѣ папоротника.

Это цвѣтокъ не простой... Цвѣтетъ онъ всего какихъ-нибудь два часа, да и то только въ ночь подъ Ивана-Бупалу. Кто увидитъ этотъ цвѣтокъ и сорветъ его, тотъ становится обладателемъ огромныхъ, неисчерпаемыхъ богатствъ, для него черная земля становится прозрачной, какъ стекло, и открываетъ взору счастливица зарытыя въ ней сокровища. Благодаря маленькому цвѣтку, всякій простой мужикъ въ одну минуту, безъ труда и усилій, можетъ сдѣлаться богаче всѣхъ вельможъ и царей, бросить тяжелую соху и купить себѣ что угодно... хоть полміра.

Но за то не легко и добыть этотъ цвѣтокъ.

Ревниво слѣдитъ за нимъ всю Иванову ночь рой духовъ, враждебныхъ человѣческому счастью; нападаютъ эти духи на смѣльчака, слѣдящаго за развертываніемъ цвѣтка. Одни входятъ въ кости этого человѣка и расслабляютъ все его тѣло, другіе отягощаютъ его вѣки, третьи напѣваютъ ему въ уши снотворныя мелодіи. Нѣтъ силъ ни остеречься отъ нихъ, ни отогнать ихъ! Духи эти и не доб-

рые, которыхъ можно было бы смягчить просьбою, и не злые, которыхъ можно отогнать святою молитвой. Хочешь, не хочешь, а задремлешь на одну минуту! На одну минуту!... И въ эту-то минуту папоротникъ успѣеть разцвѣсти и отцвѣсть. И когда проснешься,— все пропало: и счастье, и сокровища... и никогда не сбросить тебѣ съ плечъ убогой сермяги и своей тяжелой мужицкой доли...

Впрочемъ, былъ, говорятъ, одинъ парень; который не смежилъ очей во всю Иванову ночь и ровно въ двѣнадцать часовъ протянулъ руку къ кусту папоротника, который точно кто-то вдругъ осыпалъ маленькими бѣлыми цвѣточками. И, о чудо! въ ту же минуту видитъ парень, чуть у себя не подъ ногами, закопанный въ землѣ горшокъ съ дукатами, немного дальше бѣжить золотая жила, дальше свѣтится серебряная, а тамъ блестятъ разсыпанные на глиняномъ ложѣ брилліанты... И сколько всего этого! и въ вѣкъ не считаешь... Внуки, правнуки на цѣлый свѣтъ прогремятъ своими богатствами, у всѣхъ пановъ и вельможъ всю землю скупятъ.

И бѣжить счастливый парень домой, но едва добѣжалъ до дороги, ведущей въ деревню, какъ вдругъ на глаза его точно пелена какая темная спустилась. Ослѣпъ онъ, что ли?—нѣтъ, только взоръ его уже не проникаетъ въ глубину земли... Что же случилось? А то, глухой парень, что цвѣтъ папоротника отцвѣлъ въ твоей рукѣ, а ты не сдѣлалъ никакого знака на мѣстѣ глубоко лежащихъ сокровищъ. Вотъ тебѣ и богатства, вотъ тебѣ и счастливая доля твоихъ внуковъ и правнуковъ!

А кладовъ много въ землѣ закопано. Объ этомъ говорятъ и старые, опытные люди. Блуждающіе огоньки, въ большинствѣ случаевъ, обозначаютъ именно такія мѣста. Нужно только подойти и толкнуть его правою ногой— онъ тотчасъ же рассыплется золотомъ,— разставляя полу и насыпая сколько хочешь.

Но и при такихъ случаяхъ можно страшно нарваться. Часто подъ видомъ блуждающихъ огоньковъ перебѣгаютъ и скачутъ по полю души обреченныхъ на такое скаканіе за невѣрное межеваніе земли. Съ такимъ огонькомъ ничего не подѣлаешь. Душа осуждена на вѣкъ, терять ей нечего, она готова на что угодно, хоть шею свернуть смѣльчаку.

Гораздо безопаснѣй искатьклады днемъ. Много людей разбогатѣло такимъ образомъ. Въ прежнее время, какъ говорятъ старики, когда еще не было бумажекъ, которыхъ можно уложить въ карманъ гамзола на сколько угодно тысячъ, проходили черезъ нашъ край французы. Паны, что побогаче, не мало горшковъ съ золо-

томъ позакопали тогда въ землю. Время стояло военное, кого убили, кто умеръ вдали отъ родины, — не одинъ горшокъ такъ и остался въ землѣ.

Находятъ ихъ иногда случайно, не мало ихъ и осталось, но едва ли кто и до сихъ поръ разыскалъ кладъ, зарытый въ десяти шагахъ отъ одинокой груши, стоящей на полѣ Блажея Собони.

О кладѣ этомъ не знаетъ ни Блажей, мужикъ работающій (о, еслибъ зналъ, то не сталъ бы такъ думать ни о податяхъ, ни объ урожаѣ!), не знаетъ ни жена его, хотя суетъ носъ повсюду, ни братъ Блажея, Франекъ, поденщикъ, живущій на квартирѣ у чужихъ людей.

На всемъ свѣтѣ о горшкѣ съ золотомъ знаетъ только одно человѣческое существо: мать Собони, старушка, сгорбившаяся отъ лѣтъ и неустанной работы, со сморщеннымъ и желтымъ, какъ шафранъ, лицомъ. Этого она не знала въ теченіе долгихъ лѣтъ, пока земля была ея собственностью, а узнала только недавно, уже въ то время, когда ея сынъ законно владѣлъ уступленною ему землей.

Дѣло было такъ.

На самомъ концѣ деревни жила старая бобылка, по имени Уршула. Женщина она была работающая, притомъ, скупая и крайне жадная на деньги. Говорили, что у нея кое-что припрятано. Однажды осенью она расхворалась, позвала ксѣндза, причастилась, затѣмъ выслала всѣхъ сосѣдокъ изъ дому и пожелала остаться съ Мартой, матерью Блажея Собони. Старухи остались однѣ, и Уршула рассказала свою великую тайну.

— Послушайте, Марта... меня Богъ къ себѣ призываетъ... я чувствую это... Я вамъ скажу то, за что вы меня до смерти своей благословлять будете. Слушайте внимательно. Мой отецъ былъ садовникомъ у пана, которому принадлежала наша деревня. Вотъ когда подошла война, панъ съ моимъ отцомъ зарыли въ землю два горшка, — одинъ, побольше, съ серебряными деньгами, другой, поменьше, съ золотыми. Эти деньги и до сихъ поръ лежатъ въ нашей землѣ.

У Марты глаза заискрились, какъ уголья на вѣтру.

— Что съ паномъ случилось, неизвѣстно. Должно быть, умеръ гдѣ-нибудь въ чужихъ краяхъ. Мой отецъ тоже скоро умеръ, но передъ смертью рассказалъ мнѣ все. Деньги лежатъ глубоко, да, къ тому же, завалены камнями, значитъ, въ одну ночь ихъ выкопать нельзя... Оставалось одно — купить землю. А тутъ этотъ участокъ достался вашему отцу по надѣлу... Вы знаете, какъ я работала всю жизнь, грошъ къ грошу прикладывала. Вы бы землю продали,

земля не важная, да за восемь морговъ мнѣ нужно было бы заплатить вамъ, на худой конецъ, пять тысячъ золотыхъ. Я ни на минуту отдыха не знала, въ лишнемъ кускѣ хлѣба себѣ отказывала и еле-еле набрала двѣ тысячи. Дѣлать нечего. Деньги я отдала на костѣль, пусть молятся за мою душу грѣшную, а вамъ про зарытый кладъ говорю, и вы за меня тоже помолитесь. Деньги можете взять себѣ, — панъ наслѣдниковъ не оставилъ... А теперь слушайте повнимательнѣй!

Марта вся обратилась въ слухъ.

— Деньги зарыты въ землѣ на два аршина, въ девяти шагахъ на восходъ отъ старой груши, что стоитъ на вашемъ полѣ.

Съ тѣхъ поръ Марта помолодѣла на нѣсколько лѣтъ и каждый погожий день тащилась въ поле посидѣть и отдохнуть подъ грушей.

Блажей, завидѣвъ мать, не могъ воздержаться отъ замѣчанія:

— О, о! Гулять-то вы умѣете, а за лошадю присматривать не хочется; вамъ только и дѣло, что ѣсть да гулять, словно шляхтянкѣ какой-нибудь.

Ужъ и сынокъ же былъ этотъ Блажей! Такимъ добрымъ и услужливымъ казался, прежде чѣмъ не выманилъ дарственной записи, которою мать обидѣла меньшаго сына, Франека. Чего-чего онъ ни обѣщалъ тогда! А невѣстка? — такая добрая, такая ласковая, словно дочь родная!... А потомъ, какъ только вернулись отъ нотаріуса, всѣ нѣжности какъ рукой сняло. И Блажей, и его жена отказывали старухѣ во всемъ, развѣ только бранныхъ словъ не жалѣли, требовали, чтобы она пасла гусей или выводила лошадь въ ночное, да и то въ чужое поле. Но и это только сначала, а потомъ пошли попреки каждымъ кускомъ хлѣба, унижительные, горькіе.

— Даромъ только вы хлѣбъ ѣдите; пора бы вамъ и на кладбище, если вы намъ ни въ чемъ помогать не можете.

Стоило только старухѣ примечъ когда-нибудь отдохнуть, какъ невѣстка тотчасъ же замѣчала:

— Это, навѣрное, отъ обжорства... Вы всегда такъ много ѣдите.

А сынъ спрашивалъ:

— Можетъ быть, послать за ксѣндзомъ?

Франекъ, возвратившись со службы, ругался самымъ отчаяннымъ образомъ и призывалъ на голову своихъ родственниковъ всевозможныя несчастія, но немного погода остывалъ, — все равно, ничего не подѣлаешь! Онъ даже отъ времени до времени заходилъ къ брату и издѣвался надъ старухой-матерью, надъ ея дырявымъ платьемъ.

— Ишь, какъ васъ Блаженъ нарядилъ! Въ шелкахъ теперь щеголяете, да въ бархатѣ.

Когда старуха жаловалась, сынъ слушалъ ее со злобною усмѣшкой на лицѣ.

— А не бьетъ онъ васъ, нѣтъ? Ну, погодите, скоро и бить начнетъ.

Но старая злоба, не смягченная годами, опять вспыхивала въ его груди и онъ прибавлялъ:

— И подѣломъ вамъ, подѣломъ! Кайтесь за то, что жили-жили, а ума не нажили!

Мартѣ и пожаловаться было некому, не передъ кѣмъ излить свое горе. Даже внуки, два парня-подростка, ставили ее ни во что. Марта давно сдѣлала бы такъ, какъ другія старухи, пошла бы по-миру, да ноги не слушаются, — за цѣлый день двухъ деревень не обойдешь. И вотъ бѣдная старуха стала просить у Бога смерти, но смерть не приходитъ, а жизнь становится невыносимою.

Попробовала она пожаловаться пробощу *)). Пробощъ призвалъ къ себѣ Блаженя и слегка побранилъ его. Мужикъ слушалъ ксѣндза молча; но, возвратившись домой, перетачилъ постель матери въ темный, холодный чуланъ и пригрозилъ, что заморить старуху голодомъ. Съ тѣхъ поръ Марта перестала даже и жаловаться, боялась перекинуться словомъ съ сосѣдками, — такъ ее пугали угрозы сына и кулаки, которые онъ сжималъ въ сердитыя минуты. Несмотря на все это, умъ старухи сохранилъ всю первоначальную ясность. Неблагодарность сына огорчала ее страшно, но дѣлать было нечего.

Въ тотъ самый день, когда Уршула выдала свою тайну, Марта почувствовала себя гораздо легче. Она могла считать себя богатой, сильной, почти всемогущей. Она жаждала спокойствія и хоть какихъ-нибудь, самыхъ ничтожныхъ удобствъ, и въ первую минуту хотѣла купить все это зарытыми деньгами. Она хотѣла возвратитъ себѣ уваженіе сыновей и невѣстки, видѣть, какъ они упадутъ ей въ ноги, когда она скажетъ имъ:

— Вы обижали вашу мать, а она вамъ и пригодится, можетъ быть, на что-нибудь. Идите къ грушѣ, отчитайте девять шаговъ на восходъ...

Но Марта воздержалась. Нѣсколько дней думала она и, наконецъ, рѣшила: «нѣтъ, нѣтъ!»

Это рѣшеніе принесло ей большое облегченіе. Она была богата не деньгами, а местию. Горькія обиды, издѣвательства и эгоизмъ,

*) Протопопу. *Прим. перев.*

свойственный старости, изсушили послѣднюю каплю ея привязанности къ дѣтямъ. Марта даже ненавидѣла ихъ, — и это было ея послѣднее человѣческое чувство.

Съ момента рѣшенія силы старухи окрѣпли. Она почти не чувствовала оскорбленій, на которыя не скупилась ея родственники. Ея узкія, ввалившіяся губы были всегда крѣпко сжаты. Она молчала; и это была месть, которая скрашивала послѣдніе годы ея жизни. Даже ноги не такъ стали подгибаться. Она могла совершать свои любимыя прогулки подъ грушу и просиживала цѣлые часы, грѣясь на солнцѣ, съ лицомъ, обращеннымъ на восходъ.

Она сдѣлалась необыкновенно молчаливой. Блажей, слѣдящій, какъ мало-по-малу угасала жизнь матери, съ удовольствіемъ замѣтилъ:

— Старуха-то ужь почти не говоритъ.

Да, она почти ничего не говорила. Жалкая, сторбленная, покрытая грязными лохмотьями, она сидѣла на маленькой скамеечкѣ у порога чулана, безмысленными глазами уставясь въ окно. Но это не мѣшало ей слышать, что говорится въ хатѣ. Блажею приходилось туго. Лошадь у него пала, нѣсколько неурожайныхъ годовъ заставили прибѣгнуть къ ростовщику. Долги увеличивались, какъ снѣжный комъ, катящійся съ горы. Осенью Блажей бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы набрать денегъ на подати, злился, пьянствовалъ и немилосердно билъ жену. На подати ему, все-таки, набрать не удалось, — приходилось вести корову на ярмарку. Привязалъ Блажей корову за рога и погналъ ее палкой. Жена его стояла у печки и утирала глаза фартукомъ. Старуха сидѣла неподвижно на своей скамеечкѣ.

И Франекъ въ свою очередь не переставалъ отравлять ея жизнь. Привыкнувъ во время солдатчины къ бездѣлю, онъ бралъ топоръ въ руки съ отвращеніемъ. Для него не было ничего противнѣй работы, безъ которой, однако, онъ могъ бы умереть съ голоду у порога дома «богатаго брата». Франекъ поневолѣ долженъ былъ работать, и зарабатывалъ если не на хлѣбъ, то на полкварти водки, за которой опять набирался гонору, важно толковалъ о политикѣ и ухаживалъ за дѣвками.

Оба были одинаково хороши... Марта смотрѣла на ихъ нужду. Ея потухшіе глаза часто говорили имъ голосомъ, котораго они, — увь! — не понимали:

— Если бы вы были не такіе, я бы васъ золотомъ и серебромъ осыпала. Ты могъ бы себѣ хоть цѣлую деревню купить, ты

прожилъ бы всю жизнь, сложивши руки... Но не будетъ этого никогда! Никогда не будетъ!

Марта чувствовала себя счастливою въ своихъ лишеніяхъ сознаниемъ силы, о которой никто не догадывался, и осталась такою до конца.

Однажды она не встала утромъ съ постели, пролежала три дня, на четвертый попросила привести кого-нибудь, кто заговорилъ бы ея болѣзнь.

— О!—сказалъ Блажей,—вы хотѣли бы жить цѣлый вѣкъ.

Марта не отвѣтила ничего. Она, все-таки, надѣялась выйти изъ хаты и въ полголоса шептала о томъ, какъ полетится подъ знакомую грушу. Но болѣзнь все усиливалась и, наконецъ, Марта поняла, что умираетъ. Еще разъ ей пришлось перенести борьбу—и ненависть побѣдила послѣднюю искру самосохраненія. Скажи она одно слово,—сейчасъ бы явилось пять бабъ заговаривать ея болѣзнь, Блажей бы привезъ врача изъ города. Но Марта предпочитала умереть съ упорствомъ и твердостью старой крестьянки. Наконецъ, она впала въ забытье, и только тогда начала бормотать что-то несвязное о зарытомъ кладѣ.

Но словъ ея никто и слушать не хотѣлъ.

Что интереснаго можетъ сказать старуха въ предсмертномъ бреду? Когда она умерла, Блажей и жена его почувствовали, что словно камень свалился съ ихъ плечъ.

Старуха умерла вмѣстѣ съ своею тайной.

Два котла, одинъ—съ серебряными, другой—съ золотыми деньгами, до сихъ поръ покоятся въ землѣ подъ грушей.

В. Л.

ПРОЪЗДОМЪ.

(Повѣсть).

I.

— Когда поставленъ этотъ памятникъ? — спросилъ баринъ, сильно за сорокъ лѣтъ, въ свѣтломъ пальто, у стоявшаго съ нимъ молоденькаго студента въ сюртукѣ, въ очкахъ, по всеѣмъ признакамъ, только что надѣвшаго форму.

— Который? — переспросилъ его студентъ и застѣнчиво оправилъ очки.

— Да вотъ! — и баринъ указалъ на памятникъ Ломоносова черезъ рѣшетку двора Новаго университета, на Моховой.

— Не могу вамъ сказать.

Студентигъ неловко взялъ вбокъ и удалился торопливою походкой.

«Хорошъ, — подумалъ баринъ, — этого не знаетъ даже».

Да и памятникъ вызвалъ въ немъ пренебрежительное движеніе тонкихъ, безкровныхъ губъ.

Вадимъ Петровичъ Стягинъ былъ дурень собою: сухое тѣло, сутуловатость при очень большомъ ростѣ, узкое лицо съ извилистымъ длиннымъ носомъ, непомерно долгія руки, шершавая, съ просѣдью, борода и желтоватые глаза, обведенные красными вѣками.

Одѣвался онъ по-заграничному, носилъ высокую цилиндрическую шляпу, бѣлый фуляръ на шеѣ, свѣтлое, англійскаго покроя, пальто и башмаки съ гетрами, на толстыхъ подошвахъ. Онъ упирался на палку съ серебрянымъ матовымъ набалдашникомъ.

Теперь онъ шелъ домой, на Покровку. Сейчасъ заходилъ въ Румянцевскій музей, такъ, отъ бездѣлья, — не отыскалъ ни переулка, ни даже дома, гдѣ, по его соображенію, долженъ былъ проживать его пріятель и товарищъ по университету, Лебединцевъ.

На памятникъ Ломоносова Стягинъ посмотрѣлъ еще, причастливо съ оттянутою внизу губой, — мина, являвшаяся у него часто.

«Это полуштофъ какой-то! — мысленно выговорилъ онъ. — Что за пьедесталь! Настоящій полуштофъ съ пробъ ий... Точно въ память того, что російскій геній сильно выпивалъ!...»

Недобрая усмѣшка искривила ротъ Стягина и онъ пошелъ развѣхленною походкой, гнулся на ходу и началъ вертѣть палкой.

Стоялъ чудесный сентябрьскій день послѣ дождливаго, холоднаго времени, захватившаго Стягина на желѣзной дорогѣ.

Несмотря на погоду, Вадимъ Петровичъ чувствовалъ въ ногахъ какое-то необычное жжение и коготье, которыя мѣшали ему идти скорѣе.

Вообще онъ былъ въ брезгливо-раздражительномъ настроеніи. Эта Москва и сердила, и подавляла его. Онъ попалъ сюда по пути въ деревню изъ-за границы, гдѣ проживалъ — съ рѣдкими возвращеніями въ Россію — почти всю свою жизнь, съ молодыхъ годовъ, съ той эпохи, какъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ.

Никогда еще, попадая сюда, не испытывалъ онъ такого брезгливо-раздраженнаго чувства къ этому городу, ко всему своему, «руссопѣтскому», какъ онъ выражался и вслухъ, и про себя.

Онъ пріѣхалъ «ликвидировать», продать свой домъ на Покровжѣ, стоявшій второй годъ безъ жильцовъ, продать имѣніе, въ крайнемъ случаѣ, сдать его въ аренду.

Надо будетъ ѣхать въ имѣніе, если онъ поладитъ съ однимъ изъ арендаторовъ. Все это скучно, несносно и его поддерживаетъ только то, что, такъ или иначе, онъ покончитъ и тогда всякая связь съ Россіей будетъ порвана; никакого повода возвращаться домой... Надоѣло ему выше всякой мѣры дрожать за паденіе курса русскихъ бумажекъ. Одинъ годъ получишь пятьдесятъ тысячъ франковъ, а другой и сорока не выйдетъ... Свободныя деньги онъ давно перевелъ за границу, купилъ иностранныхъ бумагъ и полетонку играетъ ими на парижской биржѣ.

Въ Парижѣ у него годовая квартира, особнякъ съ садикомъ, въ Пасси. Онъ держитъ свою кухарку и грума, ѣздитъ верхомъ на собственной лошади, выписанной изъ Россіи, потому что у насъ онъ втрое дешевле.

Онъ не холостой и не женатый, живетъ на два дома; но вотъ послѣ ликвидаціи своихъ дѣлъ можно будетъ построятъ свой собственный коттеджъ въ окрестностяхъ Парижа и занять домкомъ, покончить съ своею полухолостою жизнью...

Но когда это будет?... Въ Россіи все такъ тянется, кредиту нѣтъ, денегъ нѣтъ, всякія сдѣлки съ ужасными проволочками.

«Отвращеніе!» — вскричалъ Вадимъ Петровичъ про себя, все сильнѣе раздражаясь на Мосеву.

Его взглядъ остановился на двухъэтажномъ домѣ около манежа, гдѣ когда-то помѣщался знаменитый студенческій трактиръ «Великобританія».

Неужели и онъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда изъ подростка-барченка превратился въ студента, надѣлъ трехъуголку и воткнулъ въ португеею шпагу, любилъ этотъ городъ, этотъ университетъ, увлекался вѣрой въ «возрожденіе» своего отечества, ходилъ на сходки, бывавшія въ палисадникѣ позади зданія Стараго университета?

Да, все это онъ продѣлывалъ. Участвовалъ даже въ исторіи, въ схваткѣ съ мастеровыми, тамъ гдѣ-то далеко, около Яузскаго моста, гдѣ стоитъ церковь, — кажется, она во имя Архидіакона Стефана?

Прошли года. Порвались и всякія родственныя узы. Родители умерли, родственниковъ онъ не долюбивалъ, сохранилъ только почтительное чувство къ бабушкѣ; она пережила его мать и отца; отъ нея ему достался домъ на Покровкѣ и капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

И вся его связь съ Мосевой сводилась къ нѣсколькимъ домамъ изъ дворянскаго общества, да къ товарищу по факультету, Лебеяднцеву, чудаку, изъ разночинцевъ, съ которымъ онъ готовился къ экзаменамъ и ходилъ на охоту... Товарищи дворянскаго круга разбрелись. Кое-кто живетъ и въ Москвѣ, но всё такъ, на его взглядъ, поглупѣли и опошлѣли, несутъ такой противный патріотическій вздоръ...

Врядъ ли онъ къ кому - нибудь изъ нихъ и поѣдетъ въ этотъ пріѣздъ.

Да вотъ и Лебеяднцева онъ не могъ отыскать. Адресъ онъ потерялъ, думалъ найти на память; изъ-за потери адреса и не предупредилъ его письмомъ изъ Парижа. Надо будетъ посылать въ адресный столъ.

Вадимъ Петровичъ подходилъ къ Охотному ряду и завернулъ книзу по Тверской. Буда онъ ни смотрѣлъ, отовсюду металась ему въ глаза московская улично - рыночная сутолока; рѣзкіе цвѣта стѣнъ, церковныя главы, иконы на лавкахъ; вдали Воскресенскія ворота съ голубымъ куполомъ часовни и съ толпой молящихся; протянулись мимо него грязныя, выграшенныя желтою и красною краской линейки съ пѣвчими и салопницами, ѣхавшими съ какихъ-

нибудь похоронъ... Слѣва отъ него—онъ шелъ правѣе по тротуару—провели, по срединѣ, двухъ арестантовъ съ тузами на сѣрыхъ халатахъ, а два конвойные солдата въ обшарханныхъ и пожелтѣлыхъ мундирахъ смотрѣли такъ же похмуро и жалко, какъ и колюдниги. Извозици съ погосившимися дрожками, ободранные, на глячахъ, пересѣкали ему дорогу, когда онъ поднимался вдоль Историческаго музея на Красную площадь.

Сверху стѣны Кремля башни, золотыя луковицы соборовъ высились надъ нимъ, какъ нѣчто чуждое, полуварварское, смѣсь византийщины съ татарскою ордой.

«Это Европа?—спрашивалъ онъ себя.— Это находится въ одной части свѣта съ Парижемъ, Лондономъ, Флоренціей?... Allons donc! Это—Ташкентъ, Бухара, Средняя Азія!»

И ему не казались банальными его возгласы. Онъ въ этотъ прїездъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ въ себѣ западнаго европейца, со всею безпощадною требовательностью человѣка, извѣрившагося въ свое отечество, принужденнаго поневолѣ проживать тутъ, въ этой псевдо-Европѣ, не потрудившейся даже хорошенько принарядиться.

Онъ шелъ мимо полуразрушеннаго Гостинаго двора и желѣзныхъ временныхъ лавокъ—и усмѣшка пренебреженія и постоянного недовольства не сходила съ его губъ.

Въ тѣлѣ онъ ощущалъ странное утомленіе; но взять извозника не хотѣлъ. Ему противно было сѣсть въ грязныя дрожки, толкаться изъ стороны въ сторону по отвратительной мостовой.

Еще схватишь какую-нибудь заразительную болѣзнь. На извозникахъ перевозятъ тифозныхъ мастеровыхъ и мужиковъ.

— Ну, городъ! — выговорилъ Стагинъ и ускорилъ шагъ по Варваркѣ.

II.

Вадимъ Петровичъ проснулся поздно, съ головою болью и ломотою въ ногахъ. Онъ спалъ въ обширномъ, нѣсколько низковатомъ кабинетѣ мезонина. Нижній этажъ его дома стоялъ теперь пустой. Въ мезонинѣ долго жилъ даромъ его дальній родственникъ, недавно умершій. Съ тѣхъ поръ мезонинъ не отдавался въ наемъ и служилъ для прїѣздовъ барина.

Просторный покой смотрѣлъ уютно, полный мебели, эстамповъ по стѣнамъ, съ фигурнымъ письменнымъ бюро. Всей мебели было больше тридцати лѣтъ; нѣкоторыя вещи отзывались даже эпохой

двадцатых годовъ, изъ краснаго дерева съ бронзой. Въ кабинетѣ стоялъ и особенный запахъ стараго барскаго помѣщенія, гдѣ жили всегда холостяки. Ничто и въ остальныхъ комнатахъ,—ихъ было еще три и ванная,—не говорило о присутствіи женщины.

Лежа на турецкомъ диванѣ, служившемъ ему постелью, Стягинъ оглядывалъ кабинетъ глазами, помутившимися отъ мигрени и дома въ обонихъ колѣнахъ. Солнечныя полосы весело пересѣкали стѣну, пробиваясь изъ-подъ темныхъ сторъ, но онѣ его не веселили.

Вчера остальной день его прошелъ такъ же безвкусно, какъ и утро. Тотъ господинъ, который велъ съ нимъ переписку по дѣлу аренды, не явился, заставилъ себя прождать. Передъ обѣдомъ зашелъ Стягинъ къ тремъ барынямъ, на Сивцевомъ Вражкѣ и на Поварской. Двухъ не было еще въ Москвѣ,—не возвращались изъ деревни; третья такъ постарѣла, обрюзгла, несла такой претенціозный и дурно пахнувшій патріотическій вздоръ, что его чуть физически не затошнило. Въ клубѣ онъ приказалъ записать себя на имя одного барина, котораго тоже не оказалось тамъ. За обѣдомъ онъ не встрѣтилъ ни души знакомой. Противъ него, за столикомъ, громко жевали какіе-то москвичи, неприятнаго для него вида: не то дворяншіеся разночинцы, не то адвокаты, смахивавшіе на артельщиковъ. Ихъ дурная манера ѣсть, ихъ смѣхъ, прибаутки, выраженіе лицъ,—все ему было противно и мѣшало ѣсть. Да и аппетита не было. Онъ находилъ все жирнымъ, тяжелымъ, варварскимъ.

Вечеръ провелъ онъ въ театрѣ, въ одномъ изъ частныхъ театровъ, гдѣ то, что давали на сценѣ, казалось ему тусклою и тягучею повѣстью въ лицахъ, съ неизбѣжнымъ пьянымъ разночинцемъ, говорящимъ грубости во имя какой-то правды. Публика возмущала его еще больше пьесы и актеровъ. Она смѣялась отъ пошлыхъ остротъ и кривляній актеровъ, вызывала безтактно и безцеремонно, послѣ каждаго ухода, своихъ любимцевъ; въ антрактахъ шаталась по фойе, поглощала водку, курила такъ, что изъ буфета дымъ проникалъ въ корридоры и ходилъ густыми волнами. Въ концу спектакля что-то донельзя ординарное, грубое и глупое начало душить его. Онъ почти съ ужасомъ спрашивалъ себя въ антрактахъ: «Неужели я могъ бы скоротать свой вѣкъ среди такой культуры, не будь у меня средствъ жить, гдѣ я хочу?»

А, вѣдь, это могло очень и очень случиться. Вонъ его товарищъ Лебедевцевъ прокопѣлъ же двадцать слишкомъ лѣтъ въ этой Москвѣ!

И теперь, лежа на турецкомъ диванѣ, подъ своимъ дорожнымъ одѣяломъ, Вадимъ Петровичъ и во рту ощущалъ горечь отъ вчерашняго дня, въ особенности отъ театра съ его фойе, буфетомъ и курилкой. Никогда и нигдѣ публичное мѣсто такъ не оскорбляло его своимъ бытовымъ букетомъ.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на табуретѣ. Ему прислуживалъ дворникъ, добродушный и глуповатый малый, по имени Капитонъ, ходившій неизмѣнно въ пестрой вязаной фуфайкѣ и въ короткомъ пальто, которое онъ совершенно серьезно называлъ «спинжакъ».

И Стигину это слово казалось символическимъ. Онъ находилъ, что «спинжакъ» царить по всей этой Москвѣ, да и всюду, по всему его отечеству. Спинжакъ и смазные сапоги, косой воротъ или вязаная фуфайка, гармоника и сороковушка водки, зубоскальство, ругань, бесплодное умничанье, нахальное обличенье всего, на что позволено плевать, и никакого серьезнаго отпора, никакого чувства достоинства, желанія и возможности отстоять какое-нибудь свое право.

Красное, круглое лицо Капитона, обросшее на щекахъ и подбородкѣ скорѣе пухомъ, чѣмъ волосами, показалось въ дверяхъ.

— Тепло на дворѣ?

— Не дюже, Вадимъ Петровичъ, а припекаетъ солнышко.

— Подай мнѣ газеты и завари чай! Я буду нить въ постелѣ.

— Сю минуту.

Отъ смазныхъ сапогъ Капитона пахло ворванью. Этотъ запахъ преслѣдовалъ Стигину повсюду, и даже не покидалъ его обонятельныхъ нервовъ тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ сапогъ. Но у Капитона другой обуви не было.

Дворникъ принесъ сначала газеты и сказалъ, кашлянувъ въ руку:

— Левонтій Наумычъ пришли... Когда прикажете позвать?...

Они тамъ, въ передней.

— Пусть подождетъ.

— Слушаю-съ.

Левонтій—старый дворецкій его родителей, бывшій одно время его дядькой. Теперь онъ въ одной изъ московскихъ богадѣленъ, куда Вадимъ Петровичъ помѣстилъ его лѣтъ пять тому назадъ.

Газеты, поданныя Капитономъ, произвели въ Вадимъ Петровичъ новый наплывъ раздраженія. Онъ сталъ просматривать пестро напечатанные столбцы одного изъ мѣстныхъ листовъ и на него пахнуло съ нихъ точно изъ подворотенъ гдѣ-нибудь въ Зарядьѣ

или на Живодеркѣ. Тонъ полемики, остроуміе, задоръ нечистоплотныхъ сплетень, липкая пошлость всего содержимаго вызвали въ немъ тошноту и усилили головную боль.

— Эдакая, мерзость!—вскричалъ онъ и бросилъ газетный листокъ на коверъ.—Что это за городъ!—Что это за люди, что за троглодиты!—громко докончилъ онъ и сильно позвонилъ.

Показались опять красныя щеки Капитона съ бѣлокурнымъ пухомъ вокругъ подбородка.

— Позови Левонтія.

— Слушаю-съ.

Вадимъ Петровичъ зналъ впередъ, что Левонтій будетъ жаловаться на свое богадѣнное житіе и что ему надо будетъ дать пятирублевую ассигнацію. Когда-то онъ любилъ его говоръ и весь тонъ его рѣчи, отзывавшейся старымъ бытомъ дворовыхъ; находилъ въ немъ даже извѣстнаго рода личное достоинство, вспоминалъ разные случаи изъ своего дѣтства, когда Левонтій былъ приставленъ къ нему. До сихъ поръ онъ, полушутливо, не иначе зоветъ его, какъ «Левонтій Наумычъ».

— Батюшка, Вадимъ Петровичъ!—раздался уже шамгающій голосъ Левонтія.

Онъ вошелъ въ дверь неслышными шагами, точно будто на немъ были туфли или валенки. Старикъ средняго роста смотрѣлъ еще довольно бодро, брился, но волосы, густые и курчавые, получили желтоватый отливъ большой старости. На немъ просторно сидѣло длинное пальто, вродѣ халата, опрятное, и шея была повязана бѣлымъ платкомъ.

— Здравствуйте, Левонтій Наумычъ, — привѣтствовалъ его Стягинъ и поднялся съ постели.

— Ручку пожалуйте!

Левонтій скорыми шагами устремился къ рукъ; но Вадимъ Петровичъ не допустилъ его до этого.

— Какъ поживаете, Левонтій Наумычъ? Книжки божественныя почитываете? Чаекъ поживаете?

Побалагурить со старикомъ попрежнему Вадиму Петровичу не захотѣлось. Левонтій сразу напомнилъ ему, какъ много ушло времени, сколько ему самому лѣтъ и какъ эта Москва полна для него покойниковъ. И безъ того, вчера, проходя по Молчановкѣ, онъ насчиталъ цѣлыхъ пять домовъ, для него выморочныхъ. Всѣ въ нихъ перемерли, и теперь живутъ тамъ какіе-нибудь «обыватели»,—слово, принимавшее въ его устахъ особенно презрительную интонацію.

Такъ точно и Левонтій, съ его запахомъ лампаднаго масла, не то отъ волосъ, не то отъ его балахона, обдавалъ его кладбищемъ.

— Надолго ли, батюшка? — шамкалъ Левонтій, наклоняясь надъ нимъ.

— Да какъ дѣла. Хочу покончить совсѣмъ.

— Какъ, батюшка?... Виновать... на одно-то ухо туговать сталъ я.

— Приѣхалъ все продать, — выговорилъ громко Вадимъ Петровичъ, и ему точно захотѣлось нанести старику чувствительную неприятность, сообщить ему объ этомъ безповоротномъ рѣшеніи — ликвидировать и распрощаться съ родиной.

— Домъ изволите продавать?

Вопросъ Левонтія вылетѣлъ почти съ испуганнымъ вздохомъ.

— И домъ, и деревню, если хорошій покупатель найдется.

— И вотчину?... Батюшка!... Какъ же это возможно!...

Глаза старика сразу покраснѣли и двѣ слезы покатались изъ нихъ по розовой, точно восковой щекѣ.

— Затѣмъ и приѣхалъ, — все также громко и какъ бы злорадно повторилъ Стягинъ.

— Господи!

«Разрѣшится старикашка, — проворчалъ про себя Вадимъ Петровичъ, — и пойдетъ причитывать!»

— Нечего дѣлать, Левонтій Наумычъ, такіе у васъ порядки, что зря, безъ всякаго смыслу, только разоряешься... Цѣнь ни на что нѣтъ, домъ пустой стоитъ, бумажки ваши скоро до четвертака дойдутъ... Слышали объ этомъ?

— Охъ ты, Господи!... Это точно, батюшка, все въ умаленіе пришло... Скучность!... А все-таки... домъ продать... Цапенька-маменька... дѣденька-бабенка — всѣ жиди... Опять же вотчина... усадьба... ранжереи, ананасницы...

— Вотъ что вспомнилъ!... Отъ ананасовъ теперь и навоза-то не осталось...

— Вотчина — дѣдина, — продолжалъ старикъ тономъ тихаго причитанья, отъ котораго Стягину дѣлалось еще тошнѣе.

— Мало ли что! — почти гнѣвно вскрикнулъ онъ.

Левонтій отошелъ смиренно къ двери.

III.

Дверь шумно растворилась.

— Лебедянцевъ!... Ты, братъ?... — удивленно оглянувшись Вадимъ Петровичъ.

Онъ не столько обрадовался пріятелю, сколько удивился, что тотъ нашелъ его. Послѣ вчерашней неудачи съ отыскиваніемъ его переулка и дома, Стягинъ хотѣлъ сегодня утромъ послать за справкой въ адресный столъ.

— Небось удивленъ, что я первый тебя нашелъ?... Хе, хе!

Лебедянцевъ—небольшаго роста, блондинъ, съ жидкою порослью на сдавленномъ черепѣ, въ очкахъ, съ носомъ въ видѣ пуговки и съ обладистою бородой, очень небрежно одѣтый—засмѣялся высокимъ, скрипучимъ смѣхомъ.

— Здравствуйте, Левонтій... какъ бишь по батюшкѣ?...—обратился онъ тотчасъ же къ старику.

— Наумычъ, батюшка, Наумычъ... Покорно благодарствую... Скриплю-сь, грѣшнымъ дѣломъ, скриплю-сь.

— Крѣпись, старче, до свадьбы доживешь!... Ну, ты, Вадимъ Петровичъ, хорошъ... нечего сказать. Чтò бы черкнуть словечко изъ Парижа, или хоть бы депешу прислалъ съ дороги!

— Да я адресъ твой затерялъ,—оправдывался съ гримасой Стягинъ.—Ваши московскіе дурацкіе переулки...

— Нечего, братъ!... Ну, поздороваемся хоть! Вотъ физигусть-то! Все вряхтитъ да морщится.

— Позволь, позволь, я еще не умытъ!

— Экая важность!

Пріятель звонко поцѣловалъ его два раза.

— Да какъ же ты-то узналъ о моемъ пріѣздѣ?—все еще полунедовольно спросилъ Стягинъ.

— Видѣлъ тебя вчера издали... Кричу... на Знаменкѣ это было... ты не слышишь, лупишь себѣ внизъ и палкой размахиваешь... Другой такой походочки нѣтъ во всей имперіи... Вотъ я и объявился... Заѣхалъ бы вчера, да занять былъ до поздней ночи.

Тонъ Лебедянцева въ этотъ разъ ужасно коробилъ Вадима Петровича.

«Какъ охамился!»—подумалъ онъ и собрался вставать съ постели.

— Левонтій Наумычъ, подождите... тамъ, въ передней.

— Слушаю-сь, батюшка... Да вамъ не угодно ли чего?... Умытъся подать? Я съ моимъ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, не надо.

Старикъ тихонько выползъ изъ полуотворенной двери.

— Умываться попрежнему будешь?—задно и какъ-то прыская носомъ, спрашивалъ Лебедянцевъ, ходя быстро и угловато передъ глазами Вадима Петровича.

— Послушай, Дмитрій Семенычъ, — остановилъ его Стягинъ, — не арпантируй ты такъ комнату.

— Что?

Лебедянцевъ расхохотался.

— Повтори!... Какъ ты сказалъ... арпан... арпанти... Это покаговски?

— По-французски! — сердито крикнулъ Стягинъ. — Сядь, пожалуйста, и кури... если желаешь... А мнѣ позволь умыться.

— Сдѣлайте ваше одолженіе! Вотъ пѣтушится! Все такая же брюзга!

Стягинъ откинулъ совсѣмъ одѣяло, опустилъ ноги съ гримасой, хотѣлъ подняться и вдругъ схватился за одно колѣно.

— Ай!... — вырвалось у него, и онъ опять поднялся. — Не могу!

— Чего не можешь? — смѣшливо спросилъ Лебедянцевъ.

— Ахъ ты, Господи! Развѣ ты не видишь? Не могу встать! Колотье!

— Разотри суконкой!

— Суконкой! — почти передразнилъ Стягинъ и началъ тереть себѣ оба колѣна.

Гримаса боли не сходила съ его некрасиваго, въ эту минуту, побурѣвшаго лица.

Съ трудомъ всталъ онъ на ноги, потомъ одѣлся въ свой фланелевый заграничный *coin de feu* и, ковыляя, прошелъ черезъ кабинетъ въ темную комнатку, гдѣ стоялъ умывальный столъ.

— Ты ревматизмъ или подагру нажилъ, что ли? — крикнулъ ему въ догонку Лебедянцевъ.

«Типунъ тебѣ на языкъ!» — выбранился Стягинъ про себя, волоча одну ногу. Ходить было можно, но въ правомъ колѣнѣ боль не стихала, — совсѣмъ для него новая. Лебедянцевъ болталъ зря: ни ревматизмомъ, ни подагрой онъ не обзаводился.

Умыться онъ долженъ былъ на-скоро. Стоячее положеніе поддерживало боль съ колотьемъ въ самую чашку праваго колѣна. И въ лѣвой ногѣ ныло.

— Этакая гадость! — повторялъ Стягинъ, умываясь.

— Какая погода была по дорогѣ? — крикнулъ ему Лебедянцевъ.

— По какой дорогѣ? — все съ возрастающимъ раздраженіемъ переспросилъ Стягинъ.

— Ну, по Германіи, что ли, до границы?

— Сырая, мерзкая.

— Небось въ спальномъ ѣхалъ?

— Въ sleeping-sag, — назвавъ Стягинъ по-англійски.

— Поздравляю! Вѣрнѣйшее средство схватить здоровый ревматизмъ. Поздравляю!

— Глупости говоришь! — огрызнулся Стягинъ.

Боль не давала ему покоя. Онъ, черезъ силу, докончилъ свое умыванье и вернулся къ постели, хромая.

— Не глупости! — задорно возразилъ Лебединцевъ. — Вѣрнѣйшее средство, говорю я тебѣ. Не здѣсь же ты схватилъ эту боль!... Ты посмотри, какая у насъ погода стоитъ! Что твоя Ницца!

— Въ вашей вонючей Москвѣ, — заговорилъ, все сильнѣе раздражаясь, Стягинъ, — развѣ есть возможность не заразиться чѣмъ-нибудь? Что это за клоака! Тавихъ уличныхъ запаховъ я въ Неаполѣ не слыхалъ... И неестественно-теплая погода только вызоветъ какую-нибудь эпидемію.

— Сыпной тифъ уже есть... и скарлатина!...

— Чему же ты радъ?... У тебя дѣти есть, а ты хохочешь!... Это, братъ, Богъ знаетъ что за...

Вадимъ Петровичъ хотѣлъ кинуть слово «идіотство», но удержался; да и въ правое колено ужасно сильно кольнуло. Онъ застоялъ и прилежъ на постель.

— За докторомъ пошли, если приспичило.

Лебединцевъ опять заходилъ по комнатѣ, скрипѣлъ сапогами и перебиралъ то правымъ, то лѣвымъ плечомъ, съ покачиваніемъ головы.

Стягину захотѣлось крикнуть ему: «Да убирайся ты отъ меня!...» — но онъ только продолжалъ тихо стонать.

— Мнителенъ ты непомѣрно... Избаловался тамъ у себя, въ Парижѣ...

— Замолчи, пожалуйста! — перебилъ Стягинъ пріятеля и порывисто позвонилъ.

Показалось бритое лицо Левонтія.

— Что прикажете, батюшка? Капитонъ-то отлучился на минутку... Чаю прикажете заварить?

— Въ аптеку надо послать, — простоналъ Стягинъ и добавилъ въ сторону Лебединцева: — *compresse échauffante* — всего лучше... Левонтій приблизился къ дивану и заботливо спросилъ:

— Ножки нешто схватило вдругъ?

— Ножки!... Ха, ха! — прыснулъ Лебединцевъ.

— Колотье, батюшка? — продолжалъ спрашивать Левонтій. — Такъ первымъ дѣломъ въ баньку и нашатырнымъ спиртомъ...

— Въ баньку! — опять прыснулъ Лебединцевъ.

Пріятель дѣлался просто невыносимымъ. Вадимъ Петровичъ съ усиленіемъ приподнялся и выговорилъ:

— Послушай, Лебединцевъ! Вмѣсто того, чтобы глупости говорить, ты бы лучше съѣзди за докторомъ... Есть у тебя знакомый не мерзавецъ и не дубина?

— Есть. Въ большомъ теперь ходу.

Лебединцевъ сказалъ это посерьезнѣе, но тотчасъ же прежнимъ тономъ добавилъ:

— А Левонтій Наумычъ дѣло говорить: въ баньку!... Чего тутъ лечиться!

— Поѣзжай, я тебя прошу.

— Изволь, изволь!... Вотъ приспичило! Я хотѣлъ толкомъ расспросить тебя...

— Послѣ, послѣ! Заверни, когда освободишься... Ты на службѣ?

— На вольнонаемной.

— Ну, и прекрасно!

Говорить Стягину было тяжело. Онъ съ трудомъ пожалъ руку пріятеля и сейчасъ же схватился за правое колѣно.

Левонтій проводилъ Лебединцева въ переднюю и вернулся къ барину.

— Раздѣлись бы, батюшка,—шамкалъ онъ.—Позвольте я, чѣмъ ни то, ножки-то разотру... Капитушу и въ аптеку снесу плаемъ. Мыльнаго спирту бы, коли нашатыря нежелательно...

Старикъ довольно ловко началъ Вадима Петровича раздѣвать.

Его услуги и старческій разговоръ были гораздо пріятнѣе Стягину, чѣмъ присутствіе Лебединцева съ прыскающимъ смѣхомъ, рѣзкостями и всемъ московскимъ прибауточнымъ тономъ пріятеля.

Капитона послали въ аптеку за камфарнымъ спиртомъ и клеенкой,—такъ приказалъ самъ Стягинъ,—а Левонтій смастерилъ изъ полотенца и носоваго платка холодную припарку къ правому колѣну. Онъ же заварилъ и подалъ чай.

Боль не проходила, но Стягинъ старался лежать спокойнѣе. Во всемъ тѣлѣ чувствовалъ онъ жаръ и зудъ; голова болѣла на какой-то особенный, ему непонятный манеръ. Онъ даже не допилъ поданнаго стакана чая.

Старикъ стоялъ у дверей и покашливалъ въ руку.

— Сядьте, сядьте, Левонтій Наумычъ,—сказалъ ему Стягинъ, раскрывъ глаза.

— Постою, батюшка.

— Въ передней... посидите... Я позвоню.

Вадима Петровича начинало брать раздраженіе и на бывшаго своего дядьку. Страхъ заболѣть серьезно въ этой противной для него Москвѣ началъ охватывать его и дѣлалъ самую боль еще жутче.

IV.

Въ кабинетѣ стоитъ хмурый полусвѣтъ. На дворѣ слякоть, моросить и собирается идти мокрый снѣгъ.

Вадимъ Петровичъ, полуодѣтый, сидитъ на кушеткѣ съ ногами, окутанными тяжелымъ фланелевымъ одѣяломъ.

Четвертый день онъ болѣнъ, и болѣнъ не на шутку. Голова свѣжѣе и въ тѣлѣ онъ не ощущаетъ большой слабости, но въ обоихъ колѣнахъ, особенно въ правомъ, образовалась опухоль, да и вся правая нога опухла въ сочлененіяхъ, и боль въ ней не проходила, временами, по ночамъ и днемъ, усиливалась до нестерпимаго нытья и колотья.

Лебедянцевъ доставилъ своего пріятеля доктора — «восходящую звѣзду», какъ онъ его назвалъ. «Звѣзда» эта Вадиму Петровичу совсѣмъ не понравилась. Онъ нашелъ его грубымъ семинаристомъ, даже просто глупымъ, небрежнымъ, съ ненужными шуточками надъ самой медициной, а, главное, непомерно дорогимъ. Этой «звѣздѣ» уже платили двадцать пять рублей за визитъ и Лебедянцевъ предупредилъ его, что разсчитать его меньше, чѣмъ по двадцати рублей, нельзя.

— Да это возмутительно! — кричалъ Стягинъ. — Даже по нашему отвратительному курсу это выходитъ пятьдесятъ франковъ такому болвану, когда въ Парижѣ Шарко можно дать два золотыхъ!...

— Ничего не подѣлаешь! Въ Москвѣ гонорары купецкіе!

— Все изгажено въ твоей вонючей Москвѣ! Дворяне, чиновники, трудовые люди — всѣ нищіе, а какому-нибудь лекарю-оболтусу плати двадцать пять рублей, потому что съ лабазниковъ и чаепродавцевъ можно брать сколько влѣзетъ.

И теперь, сидя на кушеткѣ съ опухлыми колѣнами, Вадимъ Петровичъ раздраженно думалъ о докторѣ, о его визитѣ, о бесплодности, быть можетъ, созывать консилиумъ и платить другимъ «звѣздамъ» уже не лиловенькія, а радужныя.

Все разстроила эта внезапная болѣзнь, которую его врачъ до сего дня хорошенько не опредѣлилъ. Не то это острый ревматизмъ сочлененій, въ чистомъ видѣ, не то подагра. Но двинуться нельзя, о поѣздкѣ въ деревню нечего и думать. А сколько придется лежать? Кто это знаетъ?

Осень надвигается холодная и мокрая. Такого рода болѣзнь, навѣрное, затянется.

Не могъ онъ до сихъ поръ и переговорить съ тѣмъ арендаторомъ, который писалъ ему въ Парижъ и долженъ былъ явиться сегодня. Онъ его не знаетъ, справиться о немъ не у кого было, да болѣзнь и не давала передышки въ эти первые дни. Сегодня въ правой ногѣ жженіе какъ будто поутихло. Надо воспользоваться утреннимъ часомъ, когда вообще бываетъ полегче, и принять этого господина.

Зовутъ его Ѳедоръ Давыдовичъ Грацъ. Кто онъ — еврей или нѣмецъ, шведъ или просто настоящій русскій, носящій нерусскую фамилію? Вадимъ Петровичъ знаетъ про него только то, что этотъ господинъ арендуетъ имѣнія въ разныхъ уѣздахъ губерніи, а, можетъ, и въ нѣсколькихъ губерніяхъ, рекомендовался, въ письмахъ, какъ человекъ съ капиталомъ и просилъ обратиться за справками къ одному генералу и даже къ «свѣтлѣйшему» князю, у которыхъ арендуетъ имѣнія. Полежаевку, деревню Стягина, онъ зналъ хорошо; это видно было по его письмамъ.

Сегодня надо его принять.

Стягинъ позвонилъ.

Изъ двери высунулось бритое лицо Левонтія.

Изъ богадѣльни онъ временно перебрался къ барину и, несмотря на свои большіе годы, оказался очень полезнымъ. Вадимъ Петровичъ не могъ выносить глупаго голоса и запаха сапогъ дворника Капитона. Тотъ употреблялся только для посылокъ, въ комнаты его не допускали; но у Левонтія хватало ловкости и расторопности дѣлать припарки, укутывать ноги больного, укладывать его въ постель. Лебедянцева предлагала сидѣлку, но больной протестовалъ.

— Русская сидѣлка!... Потная, грязная... Покорно благодарю!... Лучше нанять лакея.

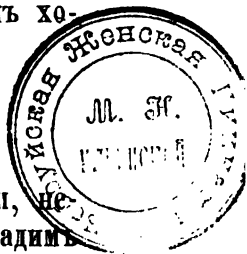
Лакея еще не нашлось подходящаго. Левонтій справлялся со всѣмъ одинъ и былъ этимъ чрезвычайно доволенъ.

— Провѣтрить бы воздухъ, — сказалъ ему Стягинъ.

— Форточку, батюшка, опасно открывать. Нешто укусомъ немножко продушить...

— Ну, хоть укусомъ.

Только Левонтій не вызывалъ въ немъ раздраженія. Съ нимъ онъ мирился, какъ съ единственнымъ существомъ, у котораго былъ «стиль», какъ онъ мысленно выражался, воспитанность стараго двороваго и нелицемѣрное добродушіе.

Левонтьевъ черезъ четверть часа подалъ ему на подносѣ карточку.

Это былъ арендаторъ.

— Прости!—сказалъ Вадимъ Петровичъ, пріободрившись; но когда хотѣлъ переменить положеніе правой ноги, то чуть не вскрикнулъ отъ боли.

Вошелъ человекъ, еще молодой, рослый, вродѣ отставнаго военнаго или агента какой-нибудь заграничной фабрики, рыжеватый, съ курчавыми волосами и усами, торчавшими вверхъ, очень старательно одѣтый. Въ булавкѣ его свѣтлаго галстука блестѣлъ бриллиантъ. Свѣжесть его щекъ и пріятную округлость бритаго подбородка сейчасъ же замѣтилъ Стягинъ.

— Имѣю честь представиться!—сказалъ арендаторъ, остановившись по срединѣ комнаты, и по-военному раскланялся, стукнувъ сдвинутыми каблуками.—Прошу великодушно извинить,—не могъ явиться на той недѣлѣ, принужденъ былъ скоростижно отлучиться изъ города.

Говорилъ онъ жестко и отчетливо, но не московскимъ говоромъ.

Стягинъ пригласилъ его, ослабѣвшимъ голосомъ, присѣсть къ кушеткѣ и пожаловался на свою внезапную болѣзнь, мѣшающую ему и теперь съѣздить въ усадьбу.

— Да это не существенно, Вадимъ Петровичъ,—замѣтилъ арендаторъ.—Я ваше имѣніе знаю какъ свои пять пальцевъ.

— Однако,—возразилъ Стягинъ,—мнѣ самому нужно бы осмѣжить...

Онъ не могъ досказать отъ боли и сдѣлалъ гримасу.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ арендаторъ неискреннимъ тономъ.

— Да, вотъ напасть налетѣла въ этой тошной Москвѣ...

— Припадокъ подагры?

— Не знаю-съ,—отвѣтилъ Стягинъ.—И московскій хваленый акулакъ не сумѣлъ еще опредѣлить...

Боль отошла. Стягинъ воспользовался минутами передышки и приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ.

— Какъ только поправлюсь,—началъ онъ,—я побываю въ деревнѣ. Вы будете въ тѣхъ же краяхъ всю осень?

— Обязательно. Уѣзжаю отсюда дня черезъ два, черезъ три.

— Инвентарь вамъ извѣстенъ... Я отдаю и усадьбу въ полное ваше пользованіе.

— У меня четыре помѣщичьихъ дома, — улыбнувшись, возразилъ арендаторъ.

— Вы можете отдавать на лѣто. Усадьба въ пяти верстахъ отъ желѣзной дороги.

— Какъ случится!

Тонъ господина Граца все менѣе и менѣе нравился Вадиму Петровичу. Когда дѣло дошло до опредѣленія суммы, онъ самъ ее не обозначилъ сразу, а спросилъ, съ желаніемъ сдѣлать уступку, какая будетъ рѣшительная цѣна арендатора.

Тотъ покачалъ головой, выпятилъ губы и оправилъ галстухъ.

— Не меньше шести лѣтъ? — спросилъ господинъ Граць.

— Хоть десять, хоть двѣнадцать!

— Для меня достаточно и шести.

И, сжавъ губы характернымъ движеніемъ, арендаторъ небрежно посмотрѣлъ вбокъ и выговорилъ съ разстановкой:

— Первые три года — по пяти тысячъ, послѣдніе три — по тысячѣ рублей прибавки: шесть, семь и восемь.

— Пять тысячъ! — почти закричалъ Стягинъ, и отъ этого нервнаго возгласа его боль совсѣмъ стихла; онъ пересталъ чувствовать, что у него распухла колѣна.

— Такъ точно!

— Да вы комикъ!

Онъ не могъ не употребить это безцеремонное выраженіе, и если бы не удержался, то просто крикнулъ бы господину Грацу: «пошли вонъ!»

— Можеть быть, — отвѣтилъ тотъ, нисколько не смутившись. — Это прекрасная цѣна. Вамъ извѣстно, что цѣна земель пала чрезвычайно.

— Только не арендная!

— И арендная также. Мужики разбираютъ по хорошей цѣнѣ, но при крупныхъ сдачахъ какая же гарантія и какая будущность самаго имѣнія? Вѣдь, это хищническое истощеніе почвы — и больше ничего! Цѣны на хлѣбъ пали до смѣшнаго. Я второй годъ не продаю ни ржи, ни пшеницы.

— Но, вѣдь, вы мнѣ предлагаете одну треть того, что я могу получить.

— Сомнѣваюсь. Не получите и десяти, если и сами станете хозяйничать. А вы, вѣдь, желаете ликвидировать свои дѣла.

— Кто вамъ это сказалъ? — задорно возразилъ Стягинъ.

— Вы, въ одномъ письмѣ изъ Парижа, сами изволили выразить это желаніе.

Вадимъ Петровичъ выбранилъ себя, весь покраснѣлъ и тутъ только опять почувствовалъ въ обоихъ колѣнахъ зудъ и жженіе.

— Все равно!—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Такая цѣна невозможна!

«А если никто не будетъ давать больше, — спросилъ онъ себя вслѣдъ затѣмъ, — что ты станешь дѣлать? Продавать за бездѣнокъ имѣніе?»

И онъ успѣлъ отвѣтить себѣ: «лучше продать».

— Торговаться я не имѣю привычки, — выговорилъ съ усмѣшкой арендаторъ. — Найдете болѣе выгодную аренду, желаю полнаго успѣха.

— И какова страна! — вскричалъ Вадимъ Петровичъ. — До сихъ поръ нѣтъ ипотекъ! Вся Европа имѣетъ ипотеки, а мы не додумались. Тамъ на все опредѣленная, извѣстная цѣна. Какъ калачъ купить... А у насъ...

— То Европа, а то мы! — шутливо сказалъ арендаторъ и положилъ ногу на ногу.

— Это... это..

Возвращеніе сильнѣйшей боли прервало его возгласъ.

У.

Стягину захотѣлось выгнать вонъ господина Граца, выместить на немъ неудачу своей поѣздки, падающуюся нещепую болѣзнь, безтолочь всѣхъ русскихъ порядковъ, общее безденежье, паденіе кредита, скверную валюту, отсутствіе цѣнъ на хлѣбъ, неимѣнье ипотекъ.

Еслибъ не приходъ доктора, онъ не могъ бы воздержаться отъ выходки. Самая наружность арендатора дѣлалась ему невыносимой, и его франтоватость, брилліантъ на галстукъ, прическа, цвѣтъ и покрой панталонъ.

Докторъ вошелъ въ самую критическую минуту, — грузный, рослый, еще не старый, съ лицомъ приходскаго дьякона и съ такимъ же басовымъ хрипомъ. Двубортный скюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшковато. Во всей фигурѣ было нѣчто увѣренное въ себѣ самомъ и невоспитанное.

— Это вы чтò выдумали? — заговорилъ онъ тономъ безцеремонной шутки. — Вамъ лежать, батенька, слѣдуетъ, а ноги - то у васъ чортъ знаетъ въ какомъ положеніи...

Онъ подошелъ къ кушеткѣ и положилъ широкую ладонь на колѣни Стягина.

Тотъ закричалъ:

— Осторожиѣе, докторъ!

— Вонъ вы какая недотрога царевна! Такъ бы и говорили...

Арендаторъ взялся за шляпу и проговорилъ своимъ деревяннымъ голосомъ:

— Мы сегодня, во всякомъ случаѣ, не покончимъ... Позвольте просить — увѣдомить меня, когда вамъ будетъ удобнѣе. Только предупреждаю, что больше четырехъ дней не могу остаться въ Москвѣ.

— Прощайте! Прощайте! — кинулъ ему Стягинъ почти такъ же болѣзненно, какъ онъ принялъ доктора.

— Мое почтеніе! — сказалъ арендаторъ, сдѣлавъ общій поклонъ и опять, по-военному, слегка пристукнулъ каблуками.

Но, оставшись съ докторомъ, Стягинъ почувствовалъ себя безпомощнымъ и подавленнымъ этою плотною семинарскою фигурой. Докторъ былъ ему противнѣе, чѣмъ арендаторъ. Съ тѣмъ можно было прекратить разговоръ и выпроводить, а этого надо выносить, да еще ждать отъ него выздоровленія.

— Сами-то вы не сможете перебраться на диванъ? — спросилъ докторъ.

Стягинъ позвонилъ. Левонтій сталъ у двери, поглядывая разомъ и на доктора, и на барина.

— Ты, старичище, сможешь ли подъ мышку его взять?

Вопросъ доктора рѣзнулъ Стягина по нервамъ. Слово «его» въ особенности показалось ему безцеремоннымъ.

«Этакое грубое животное!» — выбранился про себя Вадимъ Петровичъ и съ оханьемъ сталъ подниматься самъ съ кушетки.

— Подъ мышку! Подъ мышку бери! — приказывалъ Стягинъ.

Но руки Левонтія задрожали отъ натуги; онъ взялъ барина подъ мышку, потянулъ къ себѣ, но Стягинъ сдѣлалъ неловкое движеніе и старикъ выпустилъ его.

Раздался острый крикъ. Въ правомъ колѣнѣ нестерпимо зажгло.

— Вонъ какъ заголосилъ! Ну, такъ оставайтесь тутъ, коли такъ...

— Оставьте меня въ покоѣ! — продолжалъ гнѣвно кричать Стягинъ.

— Я бы съ моимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ все такъ же безцеремонно докторъ, — не у меня лихая болѣсть приключилась, а у васъ...

— И вы ее даже опредѣлить не можете! — крикнулъ Стягинъ, переставшій церемониться съ докторомъ.

Онъ его сравнивалъ съ парижскими извѣстностями, къ которымъ обращался нѣсколько разъ. Тѣ, быть можетъ, и шарлатаны, и деньгу любятъ, но формы у нихъ есть, декорумъ, уваженіе къ своей наукѣ и къ страданіямъ паціентовъ. А у этого кутейника ничего, кромѣ грубости и зубоскальства — не только надъ больнымъ, но даже и надъ своею наукой, которую онъ ни въ грошъ не ставитъ, рисуется этимъ и цинически хапаетъ деньги за визиты и консилиумы.

— А вамъ легче отъ этого станетъ? Съ діагнозомъ вотъ такъ голосить будете или безъ діагноза—одна сласть!

Докторъ говорилъ это, сидя на краю кушетки и раскрывая ноги Вадима Петровича, укутанныя фланелевымъ одѣяломъ.

— Пожалуйста, осторожниѣ!... У васъ руки холодныя!...

На этотъ возгласъ больного докторъ не обратилъ вниманія и только скосилъ свой широкій ротъ въ усмѣшку полного пренебреженія къ привередливости заѣзжаго барина.

Онъ осмотрѣлъ обѣ ноги и его толстые, жесткіе пальцы начали ощупывать опухоль колѣна. Вадимъ Петровичъ крѣпился, когда докторъ трогалъ колѣно лѣвой ноги; но прикосновеніе къ правому заставило его крикнуть и схватить за руку доктора.

— Будьте осторожниѣ! У васъ не руки, а лапы! — закричалъ онъ, не сдерживая себя. — Вамъ четвероногихъ лечить, а не порядочныхъ людей!...

Въ глазахъ доктора блеснуло желаніе оборвать привередника, но онъ только всталъ, широко развелъ руками и отошелъ къ столу, гдѣ положилъ передъ тѣмъ свою котиковую шапку.

— Этакъ, баринъ, неистовствовать нельзя-съ, — глухо выговорилъ онъ. — Въ Парижѣ, небось, прыгаете передъ каждымъ шукаремъ шарлатанишкой, а здѣсь ругаться изволите!... Имѣю честь кланяться!

Въ эту минуту вошелъ Лебедянцева. Левонтій, впустившій его, заглянулъ опять въ дверь, испуганный крикомъ Вадима Петровича.

— А, дружище! — встрѣтилъ докторъ Лебедянцева. — Вашъ пріятель изволилъ меня сейчасъ коноваломъ обозвать... Я къ такимъ фасонамъ не привыкъ! Мы въ Москвѣ хоть и лыкомъ шитые, однако, и у насъ есть своя амбиція...

— Что такое, что такое? — тревожно пожимаясь, спрашивалъ Лебедянцева, переходя отъ доктора къ больному.

— Левонтій! — крикнулъ Стягинъ, — укутай мнѣ ноги! Что это за варварство... все разворотить и оставить меня такъ.

Хныкающіе звуки голоса показывали, что Стягина совсѣмъ уже забирала болѣзнь.

Левонтій бросился укутывать ему ноги. Лебедянцева задержалъ доктора у дверей и шепотомъ сталъ упрашивать его не сердиться на больного.

— Видите, какъ приспичило!... Поневоля бѣлугой запоешь!— говорилъ онъ, прерывая себя короткимъ смѣхомъ, который доходилъ до слуха Стягина и еще болѣе гнѣвилъ его.

— Мало ли что!... Посылайте за кѣмъ хотите! Я не буду ѣздить,—отрѣзалъ докторъ и шумно взялся за ручку двери.

И въ передней Лебедянцева продолжалъ упрашивать его прислать кого-нибудь изъ своихъ ординаторовъ.

— Нѣтъ, батенька,— доносился до Стягина хриплый басъ,— посылайте за кѣмъ хотите. Надо этихъ парижскихъ-то мусьяковъ учить.

И скрипучіе, тяжелые шаги слышались внизъ по старой деревянной лѣстницѣ.

— Что же это, Вадимъ Петровичъ? Постыдись, братецъ! Изъ-за своего бабьяго нервничанья лишился такого врача!

Стягинъ не далъ пріятелю догончить.

— Молчи!—крикнулъ онъ на него.—Этого кутейника я видѣть не могу! Только у васъ въ Москвѣ могутъ терпѣть подобныхъ нетесанныхъ дубинъ!

— Ну, и валяйся!

— И буду валяться. Не трогай!—крикнулъ онъ на Левонтія.— Не умѣешь! Господи! сидѣлку мнѣ надо, больше никого!... И той не найти въ этомъ ужасномъ городѣ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что не найти?—обидчиво возразилъ Лебедянцева.—Ты не просилъ достать. Да и сидѣлка ни одна не вытерпѣть,—такъ ты дуришь!...

— Послушай, Лебедянцева,—больной выпрямился и сидѣлъ блѣдный, обливаясь потомъ, пересиливая боль,—послушай! Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ этого костоправа, подлекаря? Развѣ можно выпосить его тонъ? И ты его пріятель!... Онъ тебѣ говоритъ: дружнице! Это твои пріятели!... Вотъ до чего ты опустился!... Ты миришься со всею этою грубостью, со всѣмъ этимъ доморощеннымъ свиномъ!

— Не ругайся,—перебилъ его Лебедянцева.—Пріѣхалъ сюда, такъ надо ладить съ нами. Небось, вотъ съ острымъ ревматизмомъ въ Парижъ не перелетишь!

— Молчи, молчи! Вы здѣсь меня уморите; смотрѣть на васъ, слушать васъ — мочи нѣтъ!

И опять вся неудача его поѣздки въ Москву, арендаторъ, трудность ликвидировать свои дѣла, внезапная болѣзнь, перспектива долгаго лежанья наполнили его горечью и злостью.

— Дуришь! Точно истерическая бабенка! Противно и мнѣ слушать, — выговорилъ Лебединцевъ и спросилъ вслѣдъ затѣмъ: — на диванъ тебя перенести, что ли?

Вадимъ Петровичъ хотѣлъ что-то гнѣвное отвѣтить, но отъ боли закричалъ благимъ матомъ и впалъ въ обморокъ.

Левонгій ахнулъ и отъ испуга заметался. Лебединцевъ заставилъ его перенести больного на постель и оба начали приводить его въ чувство.

— Вотъ такъ натура, вотъ такъ натура! — повторялъ Лебединцевъ, тыча ему въ носъ стеклянку съ какимъ-то спиртомъ.

VI.

Вторую недѣлю лежитъ Вадимъ Петровичъ, уже не на диванѣ, а на кровати, за ширмами. Его болѣзнь, послѣ острыхъ припадковъ, длившихся нѣсколько дней, перешла въ періодъ менѣе мучительный, но съ разными новыми осложнениями.

Лечить его другой докторъ, Павелъ Степановичъ. Онъ знаетъ его только по имени и отчеству; узнать фамицію не полюбобытствовалъ. Павелъ Степановичъ ладитъ съ нимъ. У него добродушное, улыбающееся лицо кореннаго москвича, веселые глаза, ласковая рѣчь, въ манерахъ мягкость и порядочность. Онъ умѣетъ успокоить и лечить, не выходя изъ стороны въ сторону, любить объяснять ходъ болѣзни; но дѣлаетъ это такъ, чтобы больной, слушая такіа объясненія, не смущался, а набирался бодрости духа.

Бодрости еще очень мало въ душѣ Вадима Петровича. Всего больше удручаетъ его постоянное лежанье. Въ груди онъ тоже сталъ ощущать боль и смертельно боится, что у него не ревматизмъ, а подагра, которая подбирается къ сердцу, — и тогда конецъ.

Но не столько о смерти думаетъ онъ, сколько рвется вонъ изъ Москвы, изъ Россіи, и какъ только ему получше и онъ можетъ собираться съ мыслями, онъ шепчетъ: «Ликвидация!»

Ликвидировать свои дѣла! Но какъ это сдѣлать? Арендатора онъ упустилъ. Другихъ жди. Покупщиковъ на домъ тоже надо подыскать, не продешевить. Домъ не заложенъ нигдѣ, что, по теперешнему времени, большая рѣдкость. Заложить и бросить, чтобы

онъ стоялъ безъ дохода и только отягощаль его бюджетъ ежегодными платежами процентовъ?

Болѣзнь затягивается такъ отъ погоды—кислой, безъ солнца, чисто - петербургской; а потомъ пойдутъ морозы, нельзя будетъ носу показать на улицу, чтобы не схватить рецидива. Пошлютъ на югъ. Вся зима пропадетъ даромъ и надо будетъ опять прїѣзжать сюда, ѣхать въ имѣніе, искать арендатора, искать погушниковъ на домъ.

Сегодня Вадимъ Петровичъ проснулся, попробоваль вытянуть правую ногу, испугался боли отъ малѣйшаго неловкаго движенія и застылъ въ неподвижномъ положеніи.

Въ комнатѣ игралъ уже свѣтъ на изразцовой печкѣ. Верхъ ея видѣнъ ему изъ-подъ ширмы. Свѣтъ пробился въ боковую скважину между шторой и краемъ рамы. Но больному захотѣлось, чтобы штору подняли. Онъ позвонилъ слабо, сильно похуѣвшеею рукой.

Теперь за нимъ, кромѣ Левонтія, ходилъ еще мальчикъ, Митя, отысканный дворникомъ, изъ какихъ-то учениковъ, смысленный и опрятный. Старикъ такъ и остался при больномъ баринѣ, раздражалъ его своею медленностью и шамканьемъ, но, минутами, трогалъ своею преданностью.

Вошелъ Митя, черноволосый паренекъ лѣтъ четырнадцати, въ короткомъ пиджакѣ. Онъ, по распоряженію Левонтія, носилъ темныя валенки, чтобы не издавать никакого шума. Стягинъ велѣлъ ему приподнять штору въ среднемъ окнѣ и подать себѣ умыться. Онъ долженъ былъ умываться въ постелѣ, обтиралъ себѣ лицо и руки полотенцемъ, смоченнымъ въ водѣ съ уксусомъ. Митя управлялся около него ловко и больной ни разу на него еще не закричалъ.

— Вѣра Ивановна пришла?—спросилъ мальчика Стягинъ, послѣ того, какъ онъ, съ его помощью, перебрался на диванъ, куда ему Левонтій подавалъ чай. Это передвиженіе онъ могъ себѣ позволить не каждый день.

— Никакъ нѣтъ, еще не приходили.

Лебедянцева нашель ему чтицу, Вѣру Ивановну Федюкову. Она дия два исполняла и обязанность сидѣлки, когда, ночью, дѣлались съ нимъ припадки и надо было часто мѣнять компрессы и безпрестанно давать лѣкарство. Теперь она приходитъ по утрамъ и остается цѣлый день.

Вадимъ Петровичъ не сразу согласился на приглашеніе этой «дѣвы», какъ онъ называлъ ее про себя; требовалъ простую сидѣлку. Лебедянцева долго убѣждалъ его, говоря, что Вѣра Ивановна будетъ вдвойнѣ полезна, что она ходила за больными, дѣвушка

простая и безъ малѣйшихъ претензій, да, вдобавокъ, хорошая чтица на трехъ языкахъ.

— По-французски, ужь извини, парижскаго акцента у ней не окажется, — говорилъ Лебедянцева, — а читаетъ прилично и толково.

Лебедянцева съ Вадимомъ Петровичемъ ни въ какіе споры не вступалъ, больше не говорилъ ему съ хихиканьемъ: «вотъ натура!» — и находилъ, что леченіе идетъ успѣшно.

По утрамъ, во время питья чаю, — кофе докторъ не позволялъ больному, — Вадимъ Петровичъ слушалъ чтеніе газетъ.

Ровно въ десять приходила его чтица.

— Который часъ? — спросилъ Стягинъ мальчика.

— Безъ четверти десять.

— Чаю!...

На диванѣ ему пріятнѣе лежать, чѣмъ на кровати, гдѣ столько пришлось выстрадать и столько приходило печальныхъ мыслей. Сегодня ему гораздо лучше, нѣтъ женья и колотья въ полости сердца, и правою ногой онъ можетъ, полегонку двигать.

Вадимъ Петровичъ оправилъ свой домашній костюмъ, причесался передъ ручнымъ овальнымъ зеркаломъ и завязалъ на шеѣ бѣлый фуляръ.

Чтица, въ первые два дня, стѣсняла его. Онъ совсѣмъ отвыкъ отъ русскихъ женщинъ, особенно отъ такихъ, какъ эта Вѣра Ивановна. Гораздо лучше было бы ему имѣть дѣло просто съ грамотною сидѣлкой, а эта — изъ «интеллигентныхъ» — такъ отрекомендовалъ ее Лебедянцева. Онъ и теперь еще не нашелъ съ ней настоящаго тона и ни о чемъ ее не спрашиваетъ. Ему какъ-будто досадно за то, что она ухаживала за нимъ двѣ ночи, что онъ при ней нервничалъ, плохо выносилъ приступы болей. Той интимности, какая устанавливается между больнымъ и женщиной, ухаживающею за нимъ, онъ не искалъ. Но она такъ себя держитъ, что ему нечего особенно стѣсняться, читаетъ не тихо и не громко, грамотно, выговариваетъ очень пріятно. Во всемъ существѣ этой чтицы есть что-то мягкое, непритязательное и порядочное, на особый ладъ.

Вчера Вадимъ Петровичъ невольно сравнивалъ ее съ французженками. Двадцать слишкомъ лѣтъ провелъ онъ въ обществѣ совсѣмъ другихъ женщинъ. Тѣ до сихъ поръ кажутся ему единственными существами женскаго пола, въ которыхъ есть хоть что-нибудь занимательное, способное вызывать въ мужчинѣ хоть минутный интересъ.

И какъ эта Вѣра Ивановна не похожа на ту парижанку, что

осталась тамъ, въ Парижѣ, поджидать его возвращенія изъ Москвы! Она желала ѣхать съ нимъ въ Россію, но онъ отклонилъ это. Ей просто захотѣлось имѣть надъ нимъ контроль на случай ликвидаціи его дѣлъ.

Связь ихъ длится около десяти лѣтъ. Онъ чувствуетъ, что ему не избѣжать отправления въ мерію, какъ только минуетъ срокъ для нея, послѣ развода съ первымъ мужемъ, вступить въ новый бракъ. Во Франціи раньше трехъ лѣтъ нельзя; но въ Россіи онъ могъ бы обвиняться съ нею, въ крайнемъ случаѣ, и теперь.

Недѣлю тому назадъ, когда болѣзнь схватила его такъ внезапно и сильно, Лебедянцева телеграфировалъ ей отъ его имени, и она дала отвѣтную депешу, что выѣзжаетъ немедленно. Вадимъ Петровичъ послалъ вчера новую телеграмму—удержалъ ее отъ поѣздки, извѣщалъ, что чувствуетъ себя получше и общалъ въ письмѣ подробно рассказать ей ходъ болѣзни.

Эту вторую депешу онъ послалъ опять черезъ Лебедянцева. Тому извѣстна была его связь; но они объ ней никогда не переписывались, да и здѣсь не говорили.

Сегодня надо было продиктовать письмо въ Парижъ. Самъ онъ еще не владѣлъ настолько правою рукой,—въ сочлененіяхъ была еще опухоль,—чтобы написать большое письмо. Лебедянцева французскимъ языкомъ владѣла плохо и врядъ ли когда ему приходилось написать десять строкъ подъ диктовку.

Надо попросить Вѣру Ивановну. Она должна правильно писать, судя по тому, какъ она читаетъ. Вадима Петровича затруднялъ не вопросъ о ея знаніи французскаго языка. Ему не хотѣлось ввести эту дѣвушку въ свою интимную жизнь. Положимъ, можно употреблять вездѣ мѣстоименіе «вы» и называть свою сожительницу «*mon amie*», что онъ и дѣлаетъ при постороннихъ въ разговорѣ. Но, все-таки, онъ испытывалъ нѣкоторую неловкость.

Письмо слѣдуетъ продиктовать сегодня же. Необходимо въ-время предупредить Леонтину и настоять на томъ, чтобы она не пріѣзжала сюда. Онъ жалѣлъ и о томъ, что первая его депеша была такая малодушная. Дѣло идетъ, кажется, къ лучшему, да еслибъ и явилось осложненіе, теперь за нимъ есть хорошій ухоть.

УІІ.

Чтица и добровольная сидѣлка Вадима Петровича и на этотъ разъ пришла ровно въ десять часовъ, хотя жила въ Плетешкахъ, на Разгуляѣ.

Ея рослая фигура, когда она отворяла половинку дверей, въ неизмѣнномъ темномъ платьѣ, показала Стягину гораздо стройнѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни. Ея густые, золотистые волосы были красиво причесаны. Лицо нѣсколько полное, съ пріятнымъ оваломъ, короткимъ носомъ и большими сѣрыми глазами, тихо улыбалось, какъ бы, безъ словъ, говорило привѣтствіе больному.

Вадимъ Петровичъ подумалъ:

«Почему я ее находилъ неуклюжею и некрасивою?... Она очень видная особа...»

Федюкова держала подъ мышкой двѣ газеты. Она ихъ покупила по дорогѣ.

— Добраго здоровья, Вадимъ Петровичъ, — выговорила она низкимъ, слегка вздрагивающимъ голосомъ. — Я съ холода, позвольте мнѣ здѣсь посидѣть, я отсюда и читать могу.

— Чаю хотите? — спросилъ Стягинъ, какъ дѣлалъ это каждый разъ.

Этотъ вопросъ о чаѣ начиналъ ихъ утро. Съ такими обязательными фразами Стягину было ловчѣе. Вѣра Ивановна не говорила ничего лишняго и какъ бы дожидалась всегда вопроса; но тонъ ея отвѣтовъ онъ находилъ очень порядочнымъ и звукъ ея голоса не раздражалъ его.

Онъ зналъ, что она ему скажетъ входя: «добраго здоровья, Вадимъ Петровичъ», и уходя: «всего хорошаго» — чисто-московскую поговорку, которую, еще въ его студенческіе годы, употребляли многіе изъ товарищей.

Левонтій самъ подавалъ Федюковой чай, всякій разъ кланялся ей на особый манеръ и тихо выговаривалъ:

— Здравствуйте, матушка-барышня!

Онъ съ нею ладилъ. При ней онъ становился расторопнѣе, даже ночью. Въ ту ночь, когда Стягину было особенно тяжело, Вѣра Ивановна показала, какъ она умѣетъ ходить за больнымъ, какой у ней ровный характеръ и сколько находчивости.

— Барышня первый сортъ! — доложилъ о ней Левонтій барину, улучивъ минуту. — Даромъ, что изъ нынѣшнихъ. Одначе не стрижется и вокругъ себя опрятна и души отмѣнной... это сейчасъ, батюшка, видно.

Левонтій подаль Федюковой чай. Она развернула одинъ изъ газетныхъ листовъ, принесенныхъ съ собою.

— Вѣра Ивановна, — окликнулъ Стягинъ и поправилъ на шеѣ фуляръ.

— Что угодно?

Голосъ ея положительно нравился ему, и сдержанно-мягкая манера говорить. Онъ думалъ въ эту минуту о своей парижской подругѣ и необходимости продиктовать письмо къ ней, и ея голосъ — картавый, вѣчно охрипый — слышался ему очень отчетливо. И какъ могъ онъ выносить его больше десяти лѣтъ?

Этотъ вопросъ заставилъ его гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ говорилъ, отвѣтить чтицѣ:

— Вы потрудитесь прочитать мнѣ однѣ депеши... Остальнаго текста пока не надо!

— Очень хорошо, Вадимъ Петровичъ.

И звукъ, какимъ она произносила его имя, нравился ему сегодня больше, чѣмъ въ предъидущіе дни.

Депеши были скоро прочитаны и показались впрочемъ неинтересными: все больше про какія-то безвкусныя пренія въ венгерскомъ сеймѣ и о предстоящихъ поѣздкахъ какихъ-то коронованныхъ особъ.

— Вѣра Ивановна, — остановилъ чтицу Стягинъ, — у меня къ вамъ есть просьба...

— Что прикажете?

— Васъ не затруднитъ написать письмо подь мою диктовку?

— Съ удовольствіемъ.

Она взглянула на него съ выраженіемъ полной готовности; но въ ея взглядѣ не было ничего заискивающего. Въ этой дѣвушкѣ чувствовалось большое внутреннее достоинство.

— Только это... по-французски, — сказалъ онъ осторожно.

— По-французски, — повторила она и немного задумалась... — Боюсь, будутъ ошибочки...

— Это не важно!

— Письмо не официальное?

— Нѣтъ, нисколько!... Чисто-дружеское...

Вадимъ Петровичъ немного запнулся.

— Попробую... Вы не взыщите...

— Почеркъ у васъ разборчивый?

— Кажется.

— Это главное.

И, мысленно, онъ добавилъ:

«Можно такъ продиктовать, что она не догадается, къ кому обращено — къ мужчинѣ или къ женщинѣ, а потомъ я карандашомъ выведу въ началѣ письма: «Ma chère amie».

Вѣра Ивановна сѣла къ письменному столу и открыла дорож-

ный бюварь Стягина, гдѣ лежали листки матовой бумаги и конверты съ его монограммой.

— Я готова, Вадимъ Петровичъ,—выговорила она и обмахнула перо.

Стягинъ весь подобрался и немного даже покраснѣлъ. Онъ искалъ первую фразу письма.

— Je vous annonce, chère amie,—началъ онъ и тотчасъ превралъ себя.

Слова «chère amie» вылетѣли непроизвольно и это сильно раздосадовало его. Онъ ихъ произнесъ съ чисто-французскою отчетливостью—протянулъ послѣдній слогъ въ словѣ «amie», съ удареніемъ на «е». Ясно стало, что онъ пишетъ женщинѣ.

— Chère amie,—повторила Вѣра Ивановна.—Я написала...

Было уже бесполезно искать какихъ-нибудь уловокъ. Это его успокоило и онъ продолжалъ диктовать. Федюкова, конечно, могла подумать, что онъ пишетъ своей возлюбленной и сожигательницѣ,—она знала, что онъ не женатъ,—но въ тонѣ его письма ничего не было такого, чего бы нельзя написать близкой знакомой или родственницѣ.

Вадимъ Петровичъ нѣсколько разъ повторилъ, въ письмѣ, что ѣхать ей въ Россію нѣтъ теперь надобности, что ему лучше, и онъ надѣется, черезъ двѣ-три недѣли, быть въ Парижѣ. Диктовалъ онъ съ умышленною медленностью и Федюкова нѣсколько разъ говорила, поворачивая голову въ его сторону:

— Есть!

Когда письмо было кончено, Вадимъ Петровичъ сказалъ чтицѣ:

— Адресъ послѣ...

Ему не хотѣлось, чтобы она узнала имя, фамилію и адресъ той женщины.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ онъ съ удареніемъ и весь вытянулся.

Въ ногахъ онъ чувствовалъ маленькую неловкость, но общимъ своимъ состояніемъ былъ сегодня особенно доволенъ.

— Теперь почитаемъ еще немного, если вы не устали, Вѣра Ивановна.

— Нисколько!

Она взяла опять газету. Стягинъ опустилъ голову на подушку и закрылъ глаза. Русское чтеніе вслухъ, отъ котораго онъ отвыкъ, вызывало въ немъ дремоту, не достаточно будило его мозгъ.

— Вѣра Ивановна!—остановилъ онъ ее...—А если бы вы читали мнѣ по-французски?

— Охотно, Вадимъ Петровичъ, да не знаю, какъ вамъ нравит-ся мое произношеніе. Вы парижанинъ и я такъ не съумѣю произносить, какъ вы.

Она тихо разсмѣялась.

— Вы хорошо читаете!... Вонъ тамъ, на столѣ, книжка въ зеленоватой обложкѣ... Извините, что это будетъ для васъ сухо-вато немножко.

— Вотъ эта?—спросила Федюкова и показала ему, съ мѣста, книжку въ зеленоватой обложкѣ.

И, поглядѣвъ на заглавіе, она выговорила, какъ бы про себя:

— По психологій... Это очень интересно...

— Имя автора вамъ извѣстно?—спросилъ осторожно Стягинъ.

— Да... Я читала его другія вещи... въ такомъ же родѣ...

Федюкова выговорила это съ опущенными рѣсницами, серьезно, безъ всякой рисовки.

— Вы интересуетесь психологіей?—спросилъ Стягинъ оживленно.

— Очень. Только новыя книги трудно доставать, а покупать... для меня дорого... Вы позволите начать?

— Сдѣлайте одолженіе!

Выговоръ ея былъ слишкомъ мягкій, но приличный. Она дѣлала ошибки въ выговариваніи гласныхъ, и звукъ фразъ выходилъ русскій. Но, въ общемъ, онъ оставался доволенъ и очень былъ радъ тому, что она владѣетъ французскимъ языкомъ гораздо больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

Нѣкоторые термины заставляли Федюкову останавливаться, и она спрашивала ихъ объясненіе, но это случалось рѣдко.

И послѣ каждаго объясненія, которое нисколько не утомляло его, Вадимъ Петровичъ обращался мысленно къ той, кому онъ диктовалъ письмо.

Та до сихъ поръ чужда всякаго научнаго интереса. Для нея серьезная книга только «un bouquin». Она находитъ пустымъ занятіемъ чтеніе всякихъ такихъ «bouquins» и смотритъ на него какъ на лѣтяща, не знающаго, какъ занять свои досуги. Когда ему случалось заболѣвать въ Парижѣ, она еле-еле способна была прочитывать ему нѣсколько столбцовъ изъ *Figaro*, и ея чтенія—картаваго, трескучаго и малограмотнаго—онъ почти не выносилъ, даромъ что у ней парижскій акцентъ.

И опять онъ подолгу останавливался, смотря вкось, на фигурѣ Вѣры Ивановны, ея бюстъ, свѣжести лица, прекрасныхъ волосахъ.

— Уже не дѣвочка, зрѣлая дѣвица, а какъ свѣжа!

Та, кому онъ сейчасъ диктовалъ, давно уже красится на разные лады. Да онъ и не помнить, чтобы она когда-нибудь была свѣжа и не подкрашена. И волосы у ней не свои. И душитъ она нестерпимо сильно. Войди она сейчасъ сюда, онъ совсѣмъ бы не обрадовался; сейчасъ между ними пошли бы раздраженные разговоры и онъ, навѣрное, провалялся бы больше, лишившись своего теперешняго покоя.

УШ.

Визитовъ доктора Вадимъ Пттровичъ дожидался съ удовольствіемъ.

Вотъ и сегодня, когда Вѣра Ивановна ушла, по его порученію, на Кузнецкій—купить книгу у Готье и еще чего-то у Швабе, онъ привѣтливо поздоровался съ Павломъ Степановичемъ Яхонтовымъ.

— Добропорядочно ведете себя,—говорилъ докторъ, присаживаясь на край кушетки,—добропорядочно. Если такъ пойдетъ, черъ недѣлю на выписку можете.

— А морозы? — спросилъ Стягинъ и указалъ движеніемъ головы на окно.

— Морозы?—ничего! Въ каретѣ будете ѣздить.

— Да, по Москвѣ... А если понадобится отпраляться въ деревню?

— Увидимъ, увидимъ!... Большихъ морозовъ еще не будетъ, Богъ дастъ!... А пока надо о ближайшемъ думать, впередъ труса не праздновать. Теперь за вами образцовый уходъ... Барышня-то у васъ, Вѣра-то Ивановна—золото... Пріятель вашъ чистое вамъ благодѣяніе оказалъ.

— Вы ее знали и прежде?—спросилъ съ интересомъ Стягинъ.

— Какже... черезъ Лебедянцева. Особа достойнѣйшая. Вся семья ею держится... Мать почти слѣпая. Сестренка въ гимназіи, братъ—студентъ. Вотъ она при васъ почти цѣлый день, а успѣваетъ еще урокъ дать и по ночамъ работаетъ.

— И какъ свѣжа!

— Хотя питаніе, навѣрное, было всегда плохое... Брѣпышь!... Выносливая, героическая натура... Хорошаго бы мужа... Всякаго оосчастливить. Да нынѣшніе молодые люди на женитьбу туги.

— Она ужъ не очень юна?—тономъ вопроса выговорилъ Стягинъ.

— Лѣтъ двадцать семь-восемь—не меньше.

— А-а,—протянулъ Стягинъ и ему стало почему-то пріятно, что Вѣра Ивановѣ подь тридцать, при такой свѣжести, красивомъ, молодомъ лицѣ и видномъ станѣ.

Ему захотѣлось даже успокоить доктора насчетъ того, какъ Вѣра Ивановна теперь питается у него. Онъ оставлялъ ее и обѣдать. Левонтіи нашель старика повара, ходившаго къ нему въ богадѣльню, умѣющаго отлично готовить для больныхъ; но Вѣра Ивановна получала полный обѣдъ.

— Да, рѣдкая дѣвушка!—выговорилъ докторъ и погладилъ себя по крутому лбу.

Въ первый разъ Стягину такъ легко было вести разговоръ съ носквичемъ, испытывать на себѣ его добродушіе и славянскую мягкость, и сочувственно думать о женщинѣ, которая такъ умѣло и пріятно ходитъ за нимъ.

Какъ разъ въ эту минуту тихо отворилась дверь и въ комнату вошла Федюкова.

— А! Вѣра Ивановна!—шумно встрѣтилъ ее докторъ, всталъ и крѣпко потрясъ ея руку.

И Стягинъ протянулъ было ей свою, но она сказала ему:

— Я съ холоду, Вадимъ Петровичъ.

— Откуда Богъ несетъ? Изъ дому?—спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, я ѣздила на Кузнецкій, а оттуда завернула на минутку къ Лебедянцевымъ...

Лицо Вѣры Ивановны затуманилось. Стягинъ это тотчасъ же замѣтилъ.

— Почему онъ пропалъ? Глазъ не бажеть?

На этотъ возгласъ Стягина Федюкова, обращаясь больше къ доктору, потише выговорила:

— У нихъ опять большая бѣда...

— Что такое?—вскричалъ Стягинъ.—Отчего же онъ мнѣ не дастъ знать?... Вотъ чудакъ!...

— Съ Марьей Захаровной не ладно?—увѣренно спросилъ докторъ.

— Да, Павелъ Степановичъ... принадлежности сильнѣе прежнихъ п такъ неожиданно.

— Кто же позванъ?

— Я не знаю, какъ его фамилія.

— Большая irritація, значить?

— Большая... Я послала сестру Союю къ нимъ... При дѣтяхъ бонна такая неумѣлая. Дмитрій Семенычъ не знаетъ, какъ ему и разорваться.

— И мнѣ ничего не даль знать!—вырвалось у Стягина и онъ завозился на кушеткѣ.

Ему стало досадно на пріятеля за такую скрытность и какъ бы немного совѣстно передъ Федюковой за то, что онъ ничего не знаетъ про бѣду, случившуюся съ Лебедянцевымъ.

— Вы не заѣдете ли, Павелъ Степановичъ? — тономъ полувопроса выговорила Федюкова.

Стягинъ глядѣлъ на ея немного поблѣднѣвшее лицо и на выраженіе большихъ глазъ. Она сдерживала волненіе. И видъ ея душевнаго разстройства трогалъ его.

— Какже, какже, — зачастилъ докторъ, — сейчасъ поѣду. Если пригласили Коровина, — она въ хорошихъ рукахъ.

— Кажется, я не знаю навѣрное...

— Пожалуйста, докторъ, — остановилъ его Стягинъ, — скажите Лебедянцеву, чтобы онъ далъ мнѣ знать, что у него, и завернулъ бы, когда можно будетъ.

— Ладно, ладно... А вы — молодцомъ! Никакими новыми лѣкарствами пичкать васъ не слѣдуетъ... Наружныя средства только... Завтра я не буду. Никакого осложнения не предвидится. Только лежите помирнѣе и не сердитесь на то, что попали въ ловушку!...

Веселый смѣхъ доктора разнесся по комнатѣ.

Его проводила въ переднюю Федюкова, тамъ о чемъ-то тихо поговорила съ нимъ и тотчасъ же вернулась.

Любопытство Стягина было возбуждено, — именно любопытство, а не сердечное участіе къ пріятелю. Онъ продолжалъ досадовать на Лебедянцева и ему какъ бы непріятно сдѣлалось отъ того, что Федюкова съ такимъ разстроеннымъ лицомъ говорить о бѣдѣ, постигшей его пріятеля.

— Что такое у Дмитрія Семеныча? — спросилъ онъ, какъ только Федюкова показала въ дверяхъ.

Она не сразу отвѣтила, сѣла у стола и тихо опустила руки по колѣнамъ.

— Вы развѣ совсѣмъ не знаете Марью Захаровну?

— Жену Лебедянцева?

— Да.

— Видѣлъ... очень мало...

— Давно?

— Не помню, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Москву, лѣтъ больше пяти тому назадъ... Онъ только что женился тогда...

Вспомнилась ему, когда онъ говорилъ эти слова, тѣсная квар-

тира Лебединцева гдѣ-то на Садовой. Жена показала ему «кухаркой», онъ нашелъ, что у ней ужасный тонъ и что жениться на такой некрасивой и скучной женщинѣ — совершенная нелѣпость. Потому онъ никогда о ней не думалъ и въ рѣдкихъ письмахъ къ другу ни разу не передавалъ ей даже поклона.

— Это — превосходная женщина! — начала Федюкова и оправила рукой волосы жестомъ, который Стягинъ находилъ очень красивымъ.

— Очень ужъ, кажется, незанимательна.

— На чей взглядъ, Вадимъ Петровичъ. Чудесной души и вѣрный товарищъ мужа... Вѣдь, у нихъ четверо дѣтей!

— Зачѣмъ столько?... Разводить нищихъ!...

Федюкова поглядѣла на него съ недоумѣніемъ и взглядъ ея сѣрыхъ вдумчивыхъ глазъ смутилъ его.

— Вы возмущались тѣмъ, что я сказалъ? — спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Какъ же быть? — выговорила она.

Эта фраза звучала странно въ устахъ дѣвицы; но Вѣра Ивановна выговорила ее спокойно и цѣломудренно.

— Положимъ! — поспѣшилъ онъ оговориться. — Такъ что-жъ съ ней? Какіе припадки?

— Когда она... въ такомъ положеніи, — и это Федюкова выговорила совершенно просто, — на нее находить психопатическое состояніе.

— Съ ума сходить? — рѣзко спросилъ Стягинъ.

— Временно... Иногда припадки неопасны, тихое разстройство... Она хохочетъ, валяется по полу, какъ маленькій ребенокъ. А на этотъ разъ... гораздо сильнѣе... Вчера, говорятъ, былъ ужасный припадокъ... Такъ жаль.

И она смолкла. Въ голосѣ слышались слезы.

Стягина начало разбирать какое-то жуткое чувство. Ему впервые дѣлалось стыдно за себя передъ московскимъ другомъ. Никогда онъ не спросилъ его про жену, не зналъ даже, сколько у него дѣтей, двое или четверо, каково приходится ему выносить тяготу трудовой жизни съ большимъ семействомъ.

— Жаль и Дмитрія Семеныча! — продолжала Федюкова. — Онъ все смѣется и балагуритъ, а какую выдержку надо имѣть! И такого честнаго, знающаго человѣка выгнали со службы!

— Когда?

— Въ прошломъ году.

— Да, вѣдь, онъ мнѣ говорилъ, что служить гдѣ-то.

— Въ одномъ частномъ обществѣ... И долженъ мириться съ ролью... конторщика.

По бѣлому и красивому лбу Вѣры Ивановны прошла тѣнь.

И по этой части Стигинъ оставался совершенно равнодушнымъ: хорошенько не разспросилъ пріятеля, сколько онъ получаетъ жалованья, хватаетъ ли ему на жизнь, или онъ принужденъ перебиваться.

«Вѣдь, я же заболѣлъ! — успѣшилъ оправдаться про себя Стигинъ. — Когда же мнѣ было вступать съ нимъ въ интимные разговоры?... Я бѣлугой вопилъ въ первые дни».

Но онъ сообразилъ вслѣдъ затѣмъ, что Вѣра Ивановна могла многое въ его отношеніяхъ къ пріятелю и товарищу найти слишкомъ черствымъ и безразлично-барскимъ.

Ему стало не по себѣ и онъ замолчалъ, не зная, какъ ему начать себя оправдывать.

Протянулась пауза.

— Дешеша, батюшка!

Левонтій внесъ депешу на подносѣ, какъ дворовый, знающій хорошіе порядки.

— Барышня, на расписочкѣ расписаться надо, говорить телеграфистъ.

— Откуда? — тревожно спросилъ Стигинъ, когда Левонтій ушелъ съ распиской.

Она подала ему нераспечатанную депешу.

— Вы увидите наверху... Угодно, я прочту?

— Нѣтъ, я самъ могу...

У него засаднило на сердцѣ. Ничего пріятнаго онъ не ждалъ.

Дешеша была изъ Берлина. Въ ней онъ прочелъ:

«Arrive Moscou dans deux jours.—Embrasse Léontine».

— Ахъ ты, Господи! — не воздержался онъ и даже всплеснулъ руками.

Пріѣздъ его подруги, вмѣсто радости, приносилъ съ собою очень явственную досаду.

П. Боборыкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ *).

Романъ Осипа Шубина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XI.

На слѣдующій день было воскресенье и въ одиннадцать часовъ Маша отправилась въ русскую церковь въ улицѣ Петра Великаго, небольшую домовую церковь съ истоптанными коврами, множествомъ византійскихъ золотыхъ украшеній, съ гнѣвно и поздно собирающимися прихожанами, иногда вдругъ впадающими въ молитвенный экстазъ.

Уныло, точно доносящіеся издали голоса ангеловъ, раздавалось величественное, немного однообразное пѣніе невидимаго хора, прерываемое время отъ времени возгласами священника. Нервы Маши были страшно напряжены; она находилась въ сильной экзальтации; она думала о мученицахъ, пострадавшихъ за вѣру. Ей хотѣлось бы тоже пострадать; за вѣру она не могла бы умереть, но пожертвовать собою ради любимаго человѣка, быть чѣмъ-нибудь полезной ему и даже погибнуть за него, это должно быть прекрасно!

Когда Маша пришла изъ церкви домой, Анна только что вернулась съ прогулки верхомъ. Маркизь Лузиньянъ прїѣзжалъ за ней утромъ съ своими лошадьми и сопровождалъ ее въ Булонскій лѣсъ; тамъ она встрѣтила еще двухъ дипломатовъ, за ней ухаживали, она находилась въ великолѣпномъ настроеніи и такъ проговорила, что не могла даже переодѣться къ завтраку, — сѣла за столъ въ амалонкѣ. Столовая была залита свѣтомъ и старыя портреты, развлекавшіе обыкновенно Машу во время ея одинокихъ обѣ-

*) Русская Мысль, кн. X.

довъ, смотрѣли особенно дружелюбно съ темныхъ стѣнъ. Анна разсказывала о своемъ катаньи, о восторгахъ, которые она возбуждала, и о томъ, что она непременно должна имѣть амазонку отъ Вольмерхаузена. Вольмерхаузенъ одинъ умѣетъ шить поряточные амазонки и т. д.

Маша слушала съ тѣмъ дѣтскимъ, почти благоговѣйнымъ изумленіемъ, какое всегда внушала ей старшая кузина, когда разсказывала о своимъ триумфахъ въ высшемъ свѣтѣ, только сегодня она была не такъ внимательна, какъ прежде, — церковное пѣніе все еще звучало въ ея душѣ.

— Видѣла ты Беренбурга на балѣ? — спросила ее вдругъ Анна.

— Да!

— Танцевалъ онъ съ тобой?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не танцевала.

— Это и лучше, — замѣтила Анна. — Молодые дѣвушки не танцуютъ на такихъ балахъ, — на всѣхъ подобныхъ благотворительныхъ вакханаліяхъ подвергаешься Богъ знаетъ чему. Не знаешь ты, кто та дама, за которой ухаживалъ тамъ Беренбургъ?

— Миссъ Антропосъ.

— Нѣтъ, не она, ее всѣ знаютъ, — это новая красавица, которой никто не знаетъ. Должно быть, какая-нибудь изъ его австрійскихъ кузинъ — очень молоденькая дѣвушка, въ изящномъ бѣломъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ красныхъ цвѣтовъ на головѣ. У него произошла какая-то непріятность съ Орбановымъ, которому онъ не позволилъ танцевать. Вѣроятно, она очень близка и дорога ему, иначе онъ не сталъ бы связываться съ этимъ старымъ нахаломъ. Кажется, Орбановъ вызвалъ его на дуэль. Въ нынѣшнемъ году сезонъ несчастныхъ дуэлей; Монтеглинъ говорилъ мнѣ, что съ осени трое погибли на дуэляхъ. Мнѣ сдѣлалось даже страшно, особенно потому, что Орбановъ лучший стрѣлокъ во всемъ Парижѣ. Повидимому, онъ очень золъ на Беренбурга... Но что съ тобой?... Ты блѣдна, какъ полотно! Боже мой, что, если ты будешь принимать такъ близко къ сердцу судьбу каждаго нашего знакомаго!

ХII.

Анна ушла въ свою комнату и легла; она была приглашена съ матерью на обѣдъ и берегла свой цвѣтъ лица. Опять предстояло Машѣ провести въ одиночествѣ скучный вечеръ, но она не думала объ этомъ. Она думала только объ одномъ... «Онъ дерется изъ-за меня... дерется изъ-за моей высокомерной, безтактной упрямости! Зачѣмъ я не хотѣла понять его, зачѣмъ я не подтвердила, когда

онъ сказалъ, что я раньше приглашена имъ? Но нѣтъ, я не хотѣла допустить, чтобы онъ распоряжался мной, какъ слабымъ ребенкомъ, хотѣла непременно доказать, что я равнодушна къ нему... я... о, Боже мой! Распятъ себя я дамъ, лишь бы только его волоскомъ не тронули! А теперь онъ умереть, можетъ быть, и я буду виновата!»

Она взволнованно ходила по комнатѣ все скорѣе и скорѣе, точно слѣдила достигнуть цѣли; но никакой цѣли у нея не было—ничего впереди, кромѣ страшнаго, холоднаго пространства, гдѣ его уже не будетъ, и въ ея сердцѣ ничего не останется, кромѣ сознанія, что она оскорбила его, ложно поняла и что онъ погибъ изъ-за нея. Его смерть перестала казаться ей страшною возможностью,—она была для нея чѣмъ-то, что непременно случится, если она не помѣшаетъ. Но какъ можетъ она помѣшать?... Если бы Коля былъ здѣсь, она попросила бы его уладить это дѣло, переговорить съ Беренбургомъ или съ Орбановымъ... Но Коля далеко! Она не въ силахъ дольше хранить въ себѣ своего отчаяннiя, она должна кому-нибудь довѣриться, услышать отъ кого-нибудь совѣтъ, утѣшенiе или хотя бы сожалѣнiе.

Она спустилась въ гостиную, чтобы поговорить съ теткой. У тетки была гостя, русская подруга молодости, съ которой она обсуждала послѣднiя измѣненiя въ модахъ; въ эту самую минуту она держала на рукѣ свою новую зимнюю шляпу. Воспоминанiя Машини объ этомъ ужасномъ днѣ до конца жизни будутъ связаны съ этою желто-оранжевою шляпой съ зелеными райскими птицами! Маша со злостью захлопнула едва отворенную дверь и поспѣшила назадъ въ свою комнату.

Прошло полчаса, безконечно долгихъ полчаса. Маша видѣла, какъ на противоположномъ домѣ увеличивается тѣнь, бросаема я отелемъ Елагинныхъ. Пробыла половина четвертаго; передъ домо мъ все еще стоитъ извощикъ подруги Варвары Александровны. Маша слышитъ звонъ чайной посуды, подаваемой лакеемъ въ гостиную. О, Боже мой! Боже мой! Все отчаяннѣе ломала Маша маленькiя ручки, все больше упрекала себя за каждое неприятное слово, которое сказала ему, все тяжелѣе дѣлалось у нея на сердцѣ. О! если бы она могла увидѣть его еще хоть разъ, вымолить у него прощенiе, прежде чѣмъ онъ умретъ!

Ей попался подъ руки вѣнокъ красныхъ анемоновъ, лежавшiй со вчерашняго вечера на туалетѣ; она машинально повертѣла его въ рукахъ, потомъ рѣзкимъ движенiемъ разорвала пополамъ; завядшiе, обсыпавшiеся цвѣты упали на коверъ. Нѣтъ, онъ не ум-

реть; она не допустить этого! Она вспомнила прощальные слова Коли: «Если тебя встрѣтитя какое-либо затрудненіе, обратись къ фрейленъ фонъ-Санкiewiczъ». Да, съ ней она поговорить; Нита его кузина, она посоветуетъ, поможетъ!

— Одѣвайтесь скорѣе, Лиза, вы пойдете со мною, — приказала Маша, входя въ комнату горничной. Но около горничной стояла Анна, только что вышедшая изъ своей комнаты.

— Развѣ тебѣ необходимо ѣхать сейчасъ? — произнесла она съ досадою. — Мое платье не готово. Буда ты?

— Къ фрейленъ фонъ-Санкiewiczъ.

— Лизѣ некогда... можешь два шага пройти и одна.

И она пошла одна, почти побѣжала по улицѣ Прони, черезъ паркъ Монсо. День былъ ясный. Хотя еще не прошла первая половина января, погода стояла теплая, какъ въ апрѣлѣ, и въ воздухѣ чувствовался сильный и сладкій запахъ просыпающейся въ землѣ жизни, предвѣщающій возвращеніе весны. Деревья въ паркѣ Монсо стояли еще мрачныя и обнаженныя, но трава у ихъ подножія уже немного позеленѣла. На скамейкахъ сидѣла публика, няньки и простоянныя въ бѣлыхъ чепчикахъ; нѣкоторые изъ нихъ вязали. Блескъ стальныхъ спицъ на солнцѣ сверкнулъ въ глазахъ Маши. Кромѣ этого, она не видѣла, не замѣчала ничего, ни зеленѣющей травы, ни черныхъ силуэтовъ безлистныхъ деревьевъ.

Она тяжело переводила дыханіе, сердце громко стучало, въ ушахъ шумѣло; наконецъ, она достигла номера 8 въ улицѣ Мурильо, бѣгомъ поднялась на лѣстницу и позвонила. Горничная отворила дверь.

— Никого нѣтъ дома; господа вернутся только вечеромъ.

Маша стояла, растерянная, въ хорошенькой прихожей съ портьерой изъ желтыхъ, затканыхъ краснымъ, римскихъ занавѣсокъ. Съ ней было то же, что съ человѣкомъ, который думалъ, что нашелъ, наконецъ, выходъ, и вдругъ попадая въ тупой переулокъ и съ отчаянія готовъ разбить голову о холодныя стѣны, которыхъ не въ силахъ проломить.

— Прикажете передать что-нибудь барышнямъ? — спросила горничная.

— Нѣтъ, ничего! — отвѣтила Маша, грустно покачавъ головой; она дрожала такъ сильно, что оперлась рукой на столъ, на которомъ стояла вазочка съ визитными карточками. Взглядъ ея нечаянно остановился на лежавшей сверху карточкѣ:

«Графъ Карлъ Беренбургъ. Атташе и т. д.

Улица Мессины, №...»

Вдругъ новая мысль мелькнула въ ея головѣ. Но Маша рѣшительно отогнала ее, — этого она не можетъ сдѣлать. Но почему нѣтъ? Какъ труслива, какъ мелочна она! Нѣсколько часовъ тому назадъ она желала имѣть возможность доказать свою любовь тяжелою жертвой, а теперь изъ пустаго страха, что скажутъ о ней люди, она колеблется исполнить такую простую вещь. Она медленно спускалась по лѣстницѣ, точно во снѣ. Неимовѣрнымъ усиленіемъ старалась она собрать свои мысли.

Ей пришли на память часто слышанныя разсужденія отца о холодной разсудительности сердца и насмѣшки, которыми онъ осыпалъ женщинъ, не умѣвшихъ даже отдаваться съ увлеченіемъ. Послеъ она узнала, что разумѣлъ онъ подъ этимъ! Она вышла на улицу. Было тихо; мимо проѣзжала шагомъ единственная извозничья карета. Кучеръ оглянулся на Машу, стоявшую въ нерѣшительности, подѣхалъ, отворилъ дверцу и, снявъ шляпу, вопросительно взглянулъ на нее.

— Улица Мессины, №... — пробормотала дѣвушка и вскочила въ карету.

Наши добрые инстинкты чаще ставятъ насъ въ непріятное положеніе, чѣмъ дурные, такъ какъ, открыто стремясь впередъ, они увлекаютъ насъ, не давая времени одуматься, тогда какъ дурные, почти всегда приниженаго, робкаго свойства, медленно склоняютъ насъ на свою сторону и тратятъ много времени на то, чтобы найти на своемъ пути иллюзіи и софизмы для прикрытія своей наготы, такъ что порядочный человѣкъ старается отдѣлаться отъ ихъ власти, прежде чѣмъ они достигнутъ своей ужасной цѣли.

Не порочныя побужденія влекли дѣвушку къ молодому человѣку, а страхъ и безпокойство о немъ — раскаяніе въ своей рѣзкости, приведшей къ такимъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Что она дѣлаетъ что-то непріятное, неслыханное, нѣчто, за что свѣтъ осудитъ ее, — это она знала; что она дѣлаетъ что-то такое, чего потомъ будетъ сама стыдиться, — этого она не знала. Не знала она значенія позора, который навлекла на себя, не имѣла понятія объ опасности, которой подвергалась. Люди, выросшіе съ дѣтства въ опасной, болотистой мѣстности, знаютъ, гдѣ начинается опасность, которой надо избѣгать; и берегутся ея; но есть люди, не подозрѣвающие даже, что существуютъ болота, — они спокойно идутъ туда, гдѣ трава зеленѣе, гдѣ цвѣты пышнѣе цвѣтутъ, и гибнутъ, прежде чѣмъ успѣютъ испугаться опасности.

Кучеръ соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу. Блѣдная, съ

мрачною, но не смущенною, а скорѣе гордою рѣшимостью во взорѣ, вышла Маша изъ кареты и поднялась на лѣстницу. Она прочла карточку на двери, да... здѣсь. Она позвонила громко, сильно. Лакей отворилъ дверь.

— Дома графъ?

— Да, но у него гости, — отвѣтилъ лакей, изумленно глядя на дѣвушку. «Вѣроятно, сестра барина», — подумалъ онъ; для искальницы приключеній изъ порядочнаго общества она слишкомъ молода, слишкомъ смѣла, у нея нѣтъ даже вуали на лицѣ.

— Потрудитесь пройти въ столовую, барышня, я доложу графу, — сказалъ лакей и провелъ ее въ одну изъ тѣхъ мрачныхъ парижскихъ столовыхъ, которыя и днемъ требуютъ искусственнаго освѣщенія. Занавѣсы были спущены; свѣтъ висячей лампы падалъ на столъ, на которомъ стояли остатки только что оконченнаго роскошнаго десерта. Большая японская ваза съ виноградомъ и прекрасными фруктами занимала середину стола, кругомъ стояли недопитые граненаго хрустала стаканчики съ золотистымъ токайскимъ виномъ, бутылки бордоссаго и холодильнигъ, изъ котораго торчали серебряныя горлышки двухъ бутылокъ шампанскаго, десертныя тарелочки съ лежащими на нихъ апельсинными корками, развернутыя салфетки — остатки веселаго товарищескаго обѣда шести человѣкъ.

Этотъ свидѣтельствующій о весельѣ и наслажденіи столъ уменьшилъ для Маши значеніе момента; въ ея душу закралось вдругъ смущеніе и мучительный стыдъ. Можетъ быть, все неправда! Какъ можно такъ весело обѣдать, когда грозитъ смертельная опасность! Она робко оглянулась на дверь, ей захотѣлось бѣжать, но въ комнату вошелъ Беренбургъ.

— Фрейленъ... вы! — воскликнулъ онъ.

Но, несмотря на свой испугъ и изумленіе, онъ говорилъ тихо, очевидно; изъ предосторожности.

Она прошептала что-то, но такимъ глухимъ отъ стыда и волненія голосомъ, что онъ едва понялъ.

Свѣтъ висячей лампы падалъ на ея блѣдное личико, — нѣжное дѣтское личико, съ большими, любящими глазами. Беренбурга бросило въ жаръ и въ холодъ.

Онъ находился въ пріятно-возбужденномъ состояніи, въ которое приводятъ подобныхъ ему людей превосходный обѣдъ и нѣсколько бутылокъ прекраснаго вина.

Приблизившись къ ней, онъ наклонился и, взявъ ее нѣжно за руку, произнесъ съ чувствомъ:

— Вы находитесь, навѣрное, въ большомъ затрудненіи и хотите обратиться ко мнѣ. Благодарю васъ за довѣріе; вы знаете, моя жизнь къ вашимъ услугамъ!

Маша пришла немного въ себя.

— Ахъ, нѣтъ!...—воскликнула она.—Дѣло касается васъ, а не меня. Мнѣ сказали, что, вслѣдствіе моей безтактности, у васъ произошла непріятность съ княземъ Орбановымъ, что вы деретесь съ нимъ на дуэли. Правда это?

Онъ помолчалъ минуту, потомъ отвѣтилъ:

— Да, это правда.

— О, Боже мой! — воскликнула она и замолчала, точно оцѣпенѣвъ отъ ужаса.

Беренбургъ смотрѣлъ на нее съ неописуемымъ восторгомъ.

— И поэтому вы пришли?—произнесъ онъ съ чувствомъ, цѣлуя ея руки.—Милая, чудная дѣвушка!... И вы забыли весь свѣтъ изъ страха за меня? Я не знаю другой дѣвушки, способной на такое великодушіе!

Но она не обратила вниманія на его слова, исполнившія бы ее въ другое время такой гордости.

— Такъ это правда? — прошептала она.— Это правда?... Но этого не должно быть, вы должны отказаться отъ дуэли!

— Это невозможно, — отвѣтилъ онъ и улыбнулся, какъ улыбаются хорошенькому ребенку, требующему, чтобы ему достали мѣсяцъ.—Моя жизнь къ вашимъ услугамъ, но не честь!

— Боже мой, Боже мой! а если вы умрете, я буду виною, — воскликнула она въ волненіи.— Но нѣтъ, я должна спасти вашу жизнь... Какъ глупо было обращаться къ вамъ... къ Орбанову слѣдовало обратиться... я напишу ему, я попрошу его... Когда дуэль?

Дѣло начинало принимать непріятный для Беренбурга оборотъ. Онъ не подумалъ о томъ, на что способна такая экзальтированная, молоденькая дѣвушка, когда признался, что дерется за нее. И зачѣмъ признался онъ ей? Это было необдуманно, даже больше — безтактно, неприлично. Онъ не могъ противустоять искушенію довести до крайности ея отчаяніе. Это удалось ему. Она виѣ себя, не помнитъ, что съ ней. Но ея черезъ-чуръ натянутые нервы не выдержали, она задрожала всѣмъ тѣломъ и, теряя сознаніе, схватилась за виски; мѣховая шапочка свалилась съ ея головы. Какъ хороша была она!

Она заматалась...

— Выпейте вина, — воскликнулъ Беренбургъ, искренне озабоченный, и наполнилъ бокалъ шампанскимъ.

Маша съ жадностью прильнула губами къ бокалу, не сознавая въ своемъ возбужденномъ состояніи, воду она пьетъ или вино. Беренбургъ обнялъ ее за талию, чтобы поддержать, — о томъ, чтобы злоупотребить ея довѣріемъ, онъ еще не думалъ.

Онъ услышалъ шепотъ въ сосѣдней комнатѣ, шумъ быстрыхъ шаговъ, дверь прихожей отворилась и затворилась. Его друзья удалялись изъ скромности.

Бровь кипѣла въ его жилахъ, онъ забылъ миссъ Антропосъ; всѣ ясныя, опредѣленные представленія о жизни и долгѣ вылетѣли изъ его головы.

— Маша, ангелъ мой, если бы вы знали, какъ я люблю васъ! — шепталъ онъ. — Не упрекайте себя, даже если бы я умеръ, — я радъ, что могу отдать жизнь за васъ. Но, Маша, ангелъ мой, сокровище мое, дайте мнѣ одно счастливое мгновеніе, прежде чѣмъ я погибну! Маша, дорогая, безцѣнная... одинъ поцѣлуй!...

Безъ колебаній, рыдая, съ порывомъ страсти, о которой нѣсколько минутъ тому назадъ она не имѣла представленія, Маша обвила руками его шею.

XIII.

Елагины только что уѣхали, когда Маша вернулась. Съ низкоопущенною головой, она быстро, не смотря по сторонамъ, прошла наверхъ. Въ ея комнатѣ горѣла лампа; взгляды дѣвушки были мрачны и рѣшительны, она высоко держала голову. Что случилось, то случилось; она не будетъ этого стыдиться. Она любитъ, въѣдъ, его, а ему грозитъ смертельная опасность.

Отчего сердце ея стучитъ такъ громко, отчего свѣтъ такъ неприятенъ, отчего кажется ей, что она не можетъ никому взглянуть прямо въ глаза? Безцѣльно, усталыми шагами бродила она по комнатѣ; вдругъ она наткнулась на что-то лежащее подъ ногами. Она нагнулась, — въ ея рукахъ былъ вѣнокъ анемоновъ, который она надѣвала вчера и который сегодня въ волненіи изорвала. Ея сердце забилося еще громче, щеки покрылись румянцемъ... О чемъ напомнилъ ей вѣнокъ? — о чемъ-то позорномъ, унижительномъ.

Да, когда-то... гдѣ это только было... въ какомъ-то нѣмецкомъ приморскомъ городкѣ, ея мать была еще жива, она увидѣла у дверей деревенской хижины завядшій, разорванный вѣнокъ, и когда она спросила, что онъ означаетъ, одна крестьянка отвѣтила ей, что его повѣсили, чтобы опозорить дѣвушку, забывшуюся съ парнемъ... Мать угоризненнымъ взглядомъ прекратила эти объясненія и увела Машу.

Тогда Маша не задумалась надъ этимъ... теперь же... ея зубы стучали...

Она потушила лампу, легла на кровать, отвернулась лицомъ къ стѣнѣ. Часы тянулись безконечно. Какъ длинна была ночь! Въ утру она заснула. Ей снилось, что къ ея кровати подошла мать въ бѣломъ платьѣ, съ прекрасными крыльями и шепнула ей: «Проснись, проенись, забыла ты развѣ, что сегодня твоя свадьба? Я спустилась съ небесъ, чтобы нарядить и благословить тебя!» Дѣвушка вскочила съ постели и мать одѣла ее. Ахъ, какъ приятно было чувствовать на тѣлѣ прикосновеніе ея нѣжныхъ рукъ, какъ прежде! Но вдругъ мать заволновалась: «Я не могу найти твоего вѣнка, — шептала она и безпокойно ходила по комнатѣ, ища вѣнокъ, и горько плакала. — «Вотъ онъ, мама, вотъ!» — воскликнула Маша и подала ей вѣнокъ, который надѣвала на балъ. Но мать испугалась и воскликнула: «О, нѣтъ, сохрани Боже, это не твой вѣнокъ, онъ разорванъ, онъ красный отъ стыда, спрячь его, Маша, спрячь. Твой вѣнокъ долженъ быть бѣлый, какъ мои крылья... терновый вѣнецъ спрятанъ въ его цвѣтахъ, вотъ какіе вѣнчальные вѣнки плетемъ мы на небесахъ, для васъ бѣдныхъ людей! Я принесу тебѣ съ небесъ и выломаю въ немъ всѣ терніи для тебя, моя дорогая, милая!» И мать хотѣла расправить крылья и взлетѣть наверхъ, но она не могла, — крылья были надломаны. Она взглянула на Машу широко открытыми, безконечно грустными, испуганными глазами и отвернулась.

— Мама! — крикнула Маша во снѣ. — Мама!...

Она проснулась; солнечный лучъ, будившій ее каждое утро игралъ на занавѣсахъ ея кровати. Дѣвушка спрятала лицо въ подушку и зарыдала.

XIV.

Если впечатлѣніе нравственнаго затрудненія, въ которомъ мы находимся, мѣняется уже отъ того — при свѣтѣ огня или дня мы его разсматриваемъ, то разница дѣлается еще больше, если мы то же положеніе обсуждаемъ послѣ наслажденія хорошимъ обѣдомъ и подъ влияніемъ возбужденной страсти, или же въ подавленномъ состояніи и во время сильнаго упадка нервовъ.

Если Беренбургу въ вечеръ передъ дуэлью казалось, что онъ не можетъ часа прожить безъ Маши, и что свадьба его съ миссъ Антроносъ должна во что бы то ни стало разойтись, то на другой день послѣ дуэли, лежа въ постели съ легкою раной въ плечѣ, онъ

думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе. Воспоминаніе о его поступкѣ съ Машей наполняло его страшною досадою, почти злобой. Если Маша прежде казалась ему замѣчательно красивою, необыкновенною дѣвушкой, то теперь она была въ его глазахъ не больше, какъ хо-рошенькая, но плохо воспитанная дѣвчонка. Онъ сердился на себя за то, что произошло, даже больше—стыдился, но, въ то же время, онъ нисколько не считалъ себя обязаннымъ искупить свое увлеченіе женитьбой.

XV.

У Елагиныхъ былъ пріемный день; Маша, по обыкновенію, разливала чай. Напрасно просила она, чтобы ее избавили отъ этой обязанности, Анна, не любившая этого занятія, ничего не хотѣла слышать.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Маша была у него; она не получала отъ него никакихъ извѣстій, и только черезъ постороннихъ слышала, что онъ раненъ легко, не опасно. Машинально исполняла она свою обязанность, никому не глядя въ глаза и не слыша, когда обращались къ ней. Шумъ отворяющейся двери, появленіе новаго гостя причиняли ей каждый разъ мучительное волненіе. Она не знала, ни кто вошелъ, ни кому она наливала чай, ни о чемъ разговариваютъ,—она думала только объ одномъ, испытывая постоянно такое чувство, будто она падаетъ въ черную, мрачную пропасть, въ которой не находитъ подъ ногами почвы.

Въ числѣ другихъ гостей пріѣхали Соня и Нита. Нита, нѣсколько разъ навѣщавшая Машу послѣ отъѣзда Ленскаго, спросила ее о здоровьи и почему она всю недѣлю ни разу не заглянула къ нимъ.

— Какъ грустна ты сегодня,—сказала она, отойдя съ Машей немного въ сторону,—и какъ блѣдна! Нездорова ты, ангелъ мой, болитъ у тебя что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не знаю, что со мной?—отвѣтила Маша съ раздраженіемъ и отвернулась.

Пріѣхали новые гости, Варвара Александровна спросила чаю для какой-то дамы; Маша подошла опять къ самовару.

Вдругъ она услышала имя Беренбурга. Ее бросило въ жаръ. Жена секретаря американскаго посольства мистрисъ Джойсъ произнесла его.

— Видѣли вы графиню Беренбургъ, мадамъ Елагина?—

— Нѣтъ, я и не знаю, что она въ Парижѣ.

— Она недавно здѣсь, — продолжала миссъ Джойсъ. — Она пріѣхала изъ Вѣны.

— Ухаживать за сыномъ? — спросила Варвара Александровна. — Я слышала, онъ раненъ въ дуэли.

— Нѣтъ, это пустяки... онъ уже выздоровѣлъ. Рука у него, правда, еще на перевязи, но и вчера встрѣтила его въ лѣсу. Графиня пріѣхала сюда на помолвку сына; Беренбургъ сдѣлалъ предложеніе Сильвіи Антропосъ.

— Давно? — рѣзко спросила Анна.

— Дней десять тому назадъ; мнѣ сегодня рассказывала Сильвія, — продолжала сообщать миссъ Джойсъ. — Вѣдь, вы знаете, графиня Беренбургъ англичанка.

— Да, сестра лэди Банбури.

— И кузина лэди Эмилиіи Антропосъ, — рассказывала миссъ Джойсъ, — она въ восторгѣ отъ этой свадьбы, необыкновенно подходящая партія. Беренбургъ взялъ отпускъ. Послѣ завтра онъ ѣзжаетъ съ матерью и со всѣмъ семействомъ Антропосъ въ Англію; они заѣдутъ на двѣ недѣли къ лэди Станлей. Въ іюніѣ будетъ свадьба.

Раздался короткій звенящій звукъ, — изъ рукъ Маши выскользнула чашка и разбилась въ дребезги.

— Ты невѣроятно неловка, — воскликнула Анна, — гдѣ счастью, чашка была пустая.

Мистрисъ Джойсъ подняла глаза, взглянула на Машу, на которую жалко было смотрѣть. Ея губы посинѣли, она вся дрожала.

— Съ вами пароксизмъ лихорадки, бѣдное дитя, — замѣтила мистрисъ Джойсъ съ участіемъ.

Вся вспыхнувъ, Маша отвернула отъ нея лицо.

— Я просила, вѣдь, тебя позволить мнѣ остаться наверху, Анна, — воскликнула она. — Ты знаешь, что я больна, — и, шатаясь, она вышла изъ комнаты.

— Она смѣшна! — прошептала Анна; Варвара Александровна смущенно молчала. Нита и Соня простились.

— Бѣдное дитя! — замѣтила Соня, — какъ могъ оставить ее Ленскій у такихъ людей? Они ужасно мучаютъ ее.

— Погоди меня немного, мнѣ хочется взглянуть, что съ ней, — сказала Нита и поднялась по лѣстницѣ. Она отворила дверь Машинной комнаты не стуча. Маша сидѣла съ ногами на креслѣ, закрывъ руками лицо, и дрожала такъ, что зубы стучали.

— Что тебѣ надо? — спросила она вошедшую Ниту.

— Я беспокоилась о тебѣ, моя дорогая, — сказала Нита и, опу-

стившись на колѣни передъ дѣвухой, обняла ее. — Маша! — прошептала Нита, крѣпко прижимая ее къ себѣ, — скажи мнѣ, со мной ты можешь быть откровенна, какъ съ родною матерью. Нездорова ты только, или есть еще что-нибудь, что тебя мучаетъ?

Но Маша, такъ нѣжно ласкавшаяся прежде къ Нитѣ, рѣзко и сердито оттолкнула ее отъ себя.

— Оставь меня, — крикнула она. — Я больна, я хочу быть одна... уходи!...

Не обращая вниманія на рѣзкость Маши, Нита еще крѣпче прижала ее къ груди.

— Я не могу видѣть, что ты такъ мучаешься, моя бѣдная дѣвочка, и что у тебя нѣтъ никого, на чьей груди ты могла бы выплакаться! Довѣрься мнѣ... Твое горе, навѣрное, не такъ велико; только потому, что ты таишь его въ себѣ, оно представляется тебѣ тяжелымъ, моя милая, дорогая дѣвочка! — говорила Нита, цѣлуя ея волнистые волосы, ея лицо.

Вдругъ Маша начала рыдать, но такъ громко, такъ судорожно, такъ горько, какъ Нита еще никогда не слыхала; морозъ пробѣжалъ по ея тѣлу. «Боже мой, какъ я глупа! — пришло ей вдругъ въ голову. — Помолвка Карла Беренбурга огорчила ее. Неужели возможно, чтобы это горячее, великодушное сердце влюбилось въ такого недалекаго фрайтика? Бѣдная дурочка!» Нита не настаивала больше, чтобы Маша высказала ей свое горе; она молча ласкала ее, но, увидѣвъ, что ласки, вмѣсто того, чтобы успокоить несчастную дѣвуху, только больше разстраиваютъ ее, грустно удалилась. Она услышала, какъ Маша заперла за ней дверь.

XVI.

«Со мной ты можешь говорить, какъ съ родною матерью!» Эти слова раздавались еще въ душѣ Маши. Да, если бы ея родная мать была жива, развѣ могла бы она ей покаяться въ томъ, что ее терзаетъ? Какой ужасъ, какое мученіе! Она хотѣла бы крикнуть и не смѣетъ. Она стиснула кулаки; дыханіе замерло. Ей казалось, что она заблудилась въ темныхъ подземныхъ катакомбахъ, огонь потухъ, и нить, служащая проводникомъ, оборвалась. Сколько она ни кружится, она не можетъ найти выхода, все возвращается къ одному и тому же мѣсту; стѣны надвигаются на нее и ей нечѣмъ дышать. Нигдѣ нѣтъ выхода, нигдѣ ни проблеска свѣта! Этого не можетъ быть! Тутъ должна быть ошибка. Такимъ дурнымъ онъ не можетъ быть — ни одинъ человѣкъ не можетъ быть такимъ дурнымъ.

Она сѣла къ письменому столу, обманула перо, но слова не идутъ съ пера. Нѣтъ, она должна ѣхать къ нему, видѣть его, лично говорить съ нимъ. Она схватила шляпку и кофточку и выбѣжала. Но насколько быстро и легко было принято и исполнено рѣшеніе ѣхать къ нему, настолько же тяжелымъ оно казалось ей теперь. Она взяла карету и приказала остановиться на площади Мальзербъ. Въ каретѣ она закутала лицо вуалемъ. Теперь она вышла изъ кареты, дала кучеру пять франковъ, не дожидаясь сдачи. Она замѣтила, что онъ удивленно покачалъ головой, глядя на нее, и отвернулась. Она достигла улицы Мессины. Ноги Маши были точно налиты свинцомъ; пять, шесть ступеней поднялась она наверхъ и остановилась. Леденящій ужасъ охватилъ ее... Нѣтъ, она не можетъ... не можетъ больше показаться ему на глаза... Она повернулась и возвратилась въ улицу Ваграмъ, прежде чѣмъ замѣтили ея отсутствіе.

Въ тотъ самый часъ, когда Маша возвращалась домой изъ улицы Мессины, Ленскій ѣхалъ изъ Праги, гдѣ онъ далъ два концерта, обратно въ Вѣну. Браунъ спалъ противъ него, положивъ руки на колѣна и опустивъ голову на грудь. Ленскій попробовалъ читать французскій романъ, но онъ чувствовалъ какое-то безпокойство. Онъ съ раздраженіемъ швырнулъ книгу и бросилъ взглядъ въ окно: теперь онъ узналъ причину своей тоски. Оттепель. Она всегда дурно дѣйствуетъ на него.

Недѣлю тому назадъ онъ видѣлъ тотъ же самый ландшафтъ. Снѣгъ лежалъ серебристымъ покровомъ на равнинѣ, окутывалъ деревья; погода стояла тихая, надъ всѣмъ леталъ божественный покой, — жизнь спала.

Сегодня стремительный потокъ бѣжалъ съ полей, деревья сильно качались, вода крупными каплями падала съ нихъ; снѣгъ былъ грязенъ; всюду стояли громадныя лужи, черныя лужи съ сѣрыми проталинами, медленно пожирающими снѣгъ. Дальше передъ Ленскимъ была отвратительная картина таянія. Сильный запахъ сырости несся въ открытое окно купэ.

«И подумать только, что нѣсколько солнечныхъ лучей испортили все это! — прошепталъ онъ. — Неужели же всюду врывается грязь съ тепломъ? Неужели же нѣтъ ничего чистаго на свѣтѣ безъ полного оцѣпенѣнія — нѣтъ другаго разрѣшенія великихъ противорѣчій жизни, кромѣ смерти?»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ началѣ февраля изъ Аргашона пришло въ Парижъ извѣстіе о смерти Сергѣя Александровича Суворина. Николай проводилъ тѣло усопшаго въ Петербургъ, гдѣ оно было предано землѣ. Только въ мартѣ вернулся онъ въ Парижъ въ глубокомъ траурѣ, съ широкою крѣпкою повязкой на шляпѣ, богатымъ, вполне независимымъ теперь отъ отца человѣкомъ. Дядя оставилъ завѣщаніе, по которому ему одному доставалось громадное состояніе; Анна Елагина и Маша не получали почти ничего. Анна пришла отъ этого въ отчаяніе, Маша же осталась равнодушна. Бѣдная дѣвушка, впрочемъ, была теперь ко всему равнодушна.

— Кто подмѣнилъ мою веселую щебетунью?—воскликнулъ Николай, увидѣвъ ее въ первый разъ послѣ возвращенія въ Парижъ.

Вмѣсто веселой, полнощекой дѣвочки, на которую онъ такъ радовался, его встрѣтила блѣдная, печальная дѣвушка, не бросившаяся съ радостнымъ восклицаніемъ къ нему на шею, какъ это дѣлала его маленькая сестренка, а только нехотя, почти непріязненно, подставившая ему щеку. Когда же онъ спросилъ ее о причинѣ ея грусти, она разсердилась, вся вспыхнула, начала кричать, такъ что онъ, оскорбленный и, въ то же время, испуганный, отвернулся отъ нея; потомъ,—это было черезъ полчаса, въ сумерки, когда онъ и не подозрѣвалъ, что она въ комнатѣ,—Маша тихонько подкралась къ нему и молча поцѣловала ему руку. Это еще больше поразило его, чѣмъ ея рѣзкая выходка. Онъ хотѣлъ заключить ее въ объятія, приласкать и поцѣловать, но она выскользнула изъ его рукъ и съ мучительно вырвавшимся стономъ выбѣжала изъ комнаты. Николай спросилъ у своихъ родственницъ, знаютъ ли онѣ причину совершившейся въ ней перемѣны. Варвара Александровна смущенно промолчала, Анна же, презрительно пожавъ плечами, сказала:

— Маша влюблена въ графа Беренбурга и надѣялась на взаимность, такъ какъ тоска ея началась со дня его помолвки съ Сильвіей Антропосъ; но это доказываетъ только ея сильно разстроенное воображеніе, такъ какъ со стороны графа не было никакого особеннаго ухаживанія, на основаніи котораго она могла бы составить подобное предположеніе.

Объясненіе Анны успокоило Николая. Такое горе, которое, въ сущности, не горе, а воображаемое страданіе, не рѣдкое явленіе у немного эзальтированныхъ дѣвушекъ и нисколько не опасно, ни

даже продолжительно. Немного развлечения и очень много любящаго терпѣнія поправить дѣло, думалъ онъ. Но сколько онъ ни старался, ему ничѣмъ не удавалось развлечь сестру.

Маша съ каждымъ днемъ становилась блѣднѣе, худѣе; она задыхалась и едва волочила ноги. Николай пригласилъ доктора. После нѣсколькихъ поверхностныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ Машѣ и къ окружающимъ, онъ прописалъ больной желѣзо и хининъ. Она терпѣливо принимала лѣкарство, не достигая никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Когда же Николай предложилъ ей посоветоваться съ другимъ докторомъ, она пришла въ страшное волненіе и сказала:

— Подожди, когда прійдетъ папа.

Было, такимъ образомъ, рѣшено ждать возвращенія Ленскаго, ожидаемаго въ началѣ іюня.

Если бы у Николая было больше досуга и охоты заниматься этою задачею, то состояніе сестры внушило бы ему больше безпокойства. Но, какъ всѣ влюбленные, онъ сдѣлался эгоистомъ и его умъ отуманился страстью. Единственное, что существовало для него теперь, вокругъ чего вертѣлся весь міръ, была Нита, все остальное—Соня съ своею наивною, откровенною любовью, Маша съ своею также плохо скрываемою, доходящею до помѣшательства тоской потеряли для него значеніе.

Приблизился ли онъ къ своей цѣли? Да, въ общемъ онъ былъ доволенъ. Нита встрѣтила его очень любезно, когда онъ послѣ возвращенія пришелъ въ первый разъ въ мастерскую, и съ тѣхъ поръ принимала его съ каждымъ днемъ радушнѣе. Онъ часто заходилъ въ мастерскую, сдѣлался тамъ своимъ человекомъ, имѣлъ собственное кресло, откуда проповѣдывалъ свои идеальныя теоріи, собственную пепельницу, около которой по близорукости стращивалъ пепелъ съ папирсы, дѣлалъ для художницъ закуски въ магазинахъ рисовальныхъ принадлежностей, разыскивалъ натурщицъ въ «Rat mort», «Voule poige» и тому подобныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проводили время и куда не заглядывали порядочныя женщины, онъ скоро узналъ всѣхъ натурщицъ по именамъ, онъ улыбался ему на улицѣ, когда встрѣчались, и заговаривали съ нимъ въ конкахъ.

Когда въ первый разъ распространился слухъ, что красивый русскій въ мастерской Ниты сынъ Бориса Ленскаго, всѣ художницы одна за другой побывали тамъ, чтобы попросить взаимны терпентину или лака, и незамѣтно посмотреть на Николая. Но эти времена давно прошли, его приходъ уже никого не интересовалъ, къ нему привыкли.

Въ началѣ Николай часто заѣзжалъ за Машей, прежде чѣмъ ѣхать въ улицу Фрохоть, но все труднѣе становилось уговорить дѣвушку собраться съ нимъ.

Маша съ каждымъ днемъ дѣлалась молчаливѣе, мрачнѣе, замкнутѣе. Она почти не выѣзжала, разсѣяннo брала свои уроки, тогда какъ прежде была самою усердною и примѣрною ученицей, почти ничего не ѣла, послѣ обѣда не оставалась въ гостиной, совсѣмъ не занималась своимъ туалетомъ.

Цѣлыми днями сидѣла она въ библиотекѣ, самой уединенной и тихой комнатѣ во всемъ домѣ, и читала... читала все, что попадалось подъ руку. Строго державшаяся прежде въ выборѣ чтенія указаній Николая, она читала теперь все безъ разбора, съ какою-то жадностью, точно ища въ этомъ чтеніи объясненія чему-то непонятному и неясному.

Ей дѣлалось необыкновенно стыдно, когда тетка обращалась къ ней съ участіемъ или ласкала ее, но еще тяжелѣе было, когда она въ пріемные дни, попрежнему, разливала чай, и дамы, если разговоръ становился немного нескромнымъ, указывая на нее глазами, прерывали его, щадя ея юную невинность. Она спала все хуже и хуже, и каждую ночь ее мучили страшные сны. Ей постоянно снилось, будто приходитъ мать, будто она рыдаетъ и, тяжело взмахивая надломленными крыльями, бродитъ по комнатѣ, ища подвѣчный вѣнокъ дочери и не находя его.

И она просыпалась отъ этого мучительнаго сна всегда съ однимъ и тѣмъ же крикомъ: «Мама!»

— О, если бы ты была со мной, мама! Зачѣмъ ты оставила меня одну?—часто съ рыданіемъ повторяла Маша.

Это былъ единственный упрекъ, который за долгіе мучительные мѣсяцы она обращала къ кому-либо. Терпѣливо несла она на своихъ слабыхъ дѣтскихъ плечахъ всю тяжесть своего позора, не стараясь ни на кого взвалить своей вины. Ни къ отцу, небрежно относящемуся къ ней, ни къ человѣку, воспользовавшемуся ея неопытностью и незнаніемъ, она не чувствовала зла. Она рѣдко думала о Беренбургѣ. Только иногда она вдругъ вспоминала его и тогда закрывала руками свое ярко вспыхнувшее лицо.

Николай, бывший прежде такимъ нѣжнымъ братомъ, довольствовался теперь тѣмъ, что изрѣдка ласкалъ свою бѣдную сестру,— у него были болѣе важныя дѣла, чѣмъ размышленія о томъ, могла ли несчастная любовь къ человѣку, съ которымъ, насколько онъ зналъ, она была очень мало знакома, такъ страшно измѣнить его

цвѣтущую сестру. Единственный человѣкъ, котораго заставляла задумываться непонятная перемяна въ Машѣ, была Нита; но сколько она ни старалась ласками и нѣжными рѣчами приобрести довѣріе Маши, все было напрасно, — Маша относилась къ ней даже съ какою-то враждебностью, — по крайней мѣрѣ, Нита не могла иначе объяснить себѣ ея поведенія: съ такою рѣзкостью и раздраженнымъ ирачнымъ упорствомъ отталкивала она ее отъ себя. Наконецъ, и Нитѣ надѣло стучаться въ сердце, которое не хотѣло ей открыться.

Все шло своимъ чередомъ, свѣтъ, попрежнему, шумѣлъ, веселился, танцевалъ и смѣялся, какъ всегда справлялъ похороны, брестины и свадьбы; наступила весна, распустились цвѣты, солнце ярче свѣтило и Николай все чаще и чаще ходилъ въ улицу Фрохоть, такъ часто, какъ это позволяли ему его несложныя служебныя занятія и доведенныя до minimum'a общественныя обязанности.

Да, жизнь шла своимъ чередомъ и каждый смотрѣлъ на нее съ своей точки зрѣнія, въ то время какъ Маша испытывала такое чувство, точно надъ землей нависла грозная черная туча. Николаю казалось, что солнце не заходитъ никогда на небесахъ, а Нита и Соня были очень заняты, такъ какъ наступило самое важное время для художниковъ, время приема картинъ въ Салонъ. Николай дѣлилъ съ обѣими художницами волненія, внушаемыя имъ жюри. Даже всегда флегматическая Соня сдѣлалась въ это время нервной. Она мало надѣялась на успѣхъ; когда же она узнала, что внушающій такой страхъ ареопагъ нашелъ ея картину достойной занять какое-то пустое мѣстечко подъ потолкомъ, она такъ искренно радовалась, что Николаю доставляло удовольствіе смотрѣть на нее. «Какая хорошая, здоровая натура! — часто повторялъ онъ. — Да, если бы я не встрѣтилъ другой... но рядомъ съ Нитой... Нѣтъ, съ Нитой никто не выдержитъ сравненія. Она необыкновенная!» Нита была дѣйствительно необыкновенная дѣвушка и это начинали признавать не одни окружающіе ее люди. Ея талантъ блестяще развивался. Картина, написанная ею для выставки, не только вызвала восторженныя поздравленія ея товарокъ, но и побудила Сильвена привести въ мастерскую Ниты извѣстнѣйшихъ любителей и знаменитѣйшихъ художниковъ Парижа, чтобы они высказали свое мнѣніе о картинѣ еще до ея отправленія на выставку.

Всѣ были поражены произведеніемъ молодой дѣвушки. На высказываемыя ей безчисленныя похвалы она почти сердито побачивала отрицательно головой, — она никогда не была особенно высоко мнѣнія о своемъ талантѣ; ей казалось, что надъ ней смѣ-

ются. Ей не приходило въ голову, что она написала нѣчто выдающееся, — такъ проста была ея картина: она изображала молодую крестьянку, стоящую у большаго окна, сквозь старинныя маленькія рамы котораго она смотритъ на разстилающійся передъ нею ровный зеленый ландшафтъ. Высокая, бѣлая лилія въ темной банкѣ стояла на подоконникѣ. Лицо дѣвушки было прозрачно-блѣдное, бѣлыя чашечки цвѣтка утомленно поникли головками. Картина отличалась артистическою бойкостью кисти, свѣтлыми тонами красокъ, съ удивительно воздушною, прозрачною отдѣлкой тѣней.

Николай былъ какъ разъ у Ниты, когда посланный отъ Сильвена принесъ Нитѣ записку, которую она, пробѣжавъ глазами, передала Сонѣ. Соня прочтала ее вслухъ:

«Вы приняты единогласно. Надѣюсь на медаль.

Сильвень».

Нита поблѣднѣла, задрожала, потомъ вдругъ зарыдала. Этотъ триумфъ, который онъ первый предсказывалъ, которымъ гордился и радовался, исполнилъ, въ то же время, сердце Николая недовольствомъ.

«Она слишкомъ артистическая натура, — думалъ онъ, слѣдя за ея волненіемъ, — гораздо больше, чѣмъ она сама подозрѣваетъ», — и въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ.

Въ день открытія выставки Николай, конечно, былъ тамъ. Шелъ дождь, какъ каждый годъ въ этотъ день, и солнце свѣтило сквозь дождь, тоже какъ каждый годъ; сѣрая облака пересѣкала великолѣпная радуга, точно триумфальная арка иллюзій, которыми дарила весна парижскихъ художниковъ. Все было мокро отъ дождя, черныя крыши собственныхъ экипажей и наемныхъ каретъ, тѣснившихся у главнаго подъѣзда, кожаные плащи кучеровъ, лошади, трехцвѣтные флаги передъ дворцомъ, деревья, трава и на всемъ сіяли лучи солнца, капли дождя сверкали въ воздухѣ и падали въ лужи, въ которыхъ плавали обсыпавшіеся бѣлые цвѣты каштановъ.

Не безъ волненія поднялся Николай среди художниковъ, журналистовъ, натурщицъ и толпы любопытныхъ, по широкой лѣстницѣ. Три раза обошелъ онъ залы выставки, ища ея картины. Въ глазахъ его рябило отъ яркихъ цвѣтовъ, покрывавшихъ стѣны, которыми одинъ художникъ хотѣлъ затмить другаго, но «большой» Ниты онъ нигдѣ не находилъ. Но вотъ... не мелькнула ли передъ нимъ головка дѣвушки?... Вотъ... но картинку опять заслонила толпа зрителей, критиковъ. Николай протолкался сквозь толпу и углубился въ разсматриваніе картины. Она занимала среднее мѣсто на стѣнѣ, между Иродіадой въ вѣнѣхъ изъ піоновъ и современномъ ба-

летномъ костюмѣ и самоубійцей, корчившемся въ красномъ халатѣ на пестромъ коврѣ.

Для Николая весь салонъ былъ только рамкой для ея картины, и если восторгъ остальной публики не принималъ такихъ громадныхъ размѣровъ, то картина имѣла, все-таки, большой, выдающийся успѣхъ.

Николай сѣлъ на скамейку противъ картины, слушая каждое слово, каждое восклицаніе и запечатлѣвая его въ своей памяти, чтобы потомъ передать ей. Николай ждалъ ее. Должна же она придти хоть разъ въ теченіе дня взглянуть на свое произведеніе. Рядомъ съ Николаемъ сидѣли люди, изнемогавшіе отъ жары и усталости, протянувъ ноги и устремивъ взглядъ наверхъ. Передъ картиной Питы толпа не уменьшалась, — шесть, семь спинъ заслоняли ее отъ Николая. Какой-то критикъ записывалъ свои замѣчанія въ книжечку; художникъ, уткнувшись носомъ въ полотно, дѣлалъ жесты, выражающіе его восхищеніе бойкостью кисти.

— Et dire que c'est une femme! — не разъ повторялъ онъ.

— Peste! — воскликнулъ одинъ, а другой замѣтилъ:

— C'est dommage!

Это сказалъ старикъ съ грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Что хочешь ты сказать? — спросили остальные.

— Я хочу сказать, что ужасное несчастіе, когда талантъ дается женщинамъ, — отвѣтилъ онъ, — уже потому, что успѣхъ одной гениальной женщины вырываетъ такъ много посредственностей изъ своей сферы и влечетъ на неудовлетворяющій ихъ ложный путь. Впрочемъ... знаете вы ее? Хороша она?...

Среди однообразнаго гула громко раздающихся шаговъ Николай узналъ ея шаги. Онъ обернулся... Да это была она, высокая, стройная, съ своею гордо поднятою головой и чудными глазами. Новый свѣтъ сіялъ сегодня въ нихъ, — свѣтъ, напоминавшій Николаю солнечный лучъ, пробивающійся тамъ, снаружи, сквозь тяжелыя тучи, такъ какъ мрачная, никогда не исчезающая тѣнь еще оставалась въ ея глазахъ. Тѣмъ не менѣе, она наслаждалась своимъ триумфомъ, и это шло къ ней; она принимала его скромно, но съ достоинствомъ. Николай никогда не видалъ ее такою прелестной. На ней было простое шерстяное платье, завязанная подъ подбородокъ шляпа, туалетъ дамы Сентъ - Жерменскаго предмѣстья, отправляющейся въ церковь. Николай вскочилъ.

— Громадный успѣхъ! — крикнулъ онъ ей.

Она приложила палецъ ко рту:

— Молчите, я вовсе не желаю собирать вокруг себя толпу журналистовъ и художниковъ! — сказала она по-русски.

Она говорила по-русски плохо и Николаю доставляло всегда удовольствіе, когда онъ слышалъ, какъ она коверкала его родной языкъ.

Одинъ изъ стоявшихъ около картины мужчинъ обернулся. Это былъ извѣстный критикъ, знавшій Ниту.

— Это она, — шепнулъ онъ другимъ и, низко поклонившись, подошелъ къ дѣвушкамъ и попросилъ позволенія представить ей нѣсколькихъ ея почитателей.

Она не могла уклониться. Ее окружили. Николай, почтительно стоя въ отдаленіи, наблюдалъ за ней. Наконецъ, она освободилась; Николай опять приблизился къ ней.

— Надъ чѣмъ вы смѣетесь? — спросила его Нита почти злостью.

— У васъ былъ такой несчастный видъ, — отвѣтилъ Николай. — Я въ первый разъ видѣлъ, чтобы принимали оваціи съ такимъ страдальческимъ лицомъ.

Она вздохнула и пожала плечами.

— Гм... И вы думаете, можетъ быть, что я выше лести, что она не доставляетъ мнѣ удовольствія?

— Повидимому, такъ.

— Какъ внѣшность обманчива! — насмѣшливо произнесла она. — Нѣтъ, человѣка болѣе податливаго на лесть, чѣмъ я; но, не говоря уже томъ, что многіе изъ нихъ говорили мнѣ дерзости, которыя они считали за комплименты, мнѣ доставили удовольствіе только отзывы двухъ или трехъ человѣкъ. Въ отношеніи насъ, художницъ, художники совершенно игнорируютъ уваженіе и сдержанность, ставящія границу между приличною женщиной и мужчиной. Что касается безцеремонности ихъ разговора, то они обращаются съ нами, какъ съ мужчинами, а это невыносимо!

Николай разсмѣялся. Дѣвушка задумчиво положила руки въ карманы своей кофточки.

— Не смѣйтесь надо мной, — сказала она. — Какъ пріятно знакомство съ дѣйствительно воспитаннымъ человѣкомъ, какъ вы, на примѣръ, чувствуешь только тогда, когда сдѣлаешься художницей.

— Вы странная художница, — воскликнулъ Николай, отъ души разсмѣявшись.

Она пожала плечами съ комическою гримасой и сказала:

— Это мнѣ самой иногда кажется.

«Не удобный ли это моментъ?...» — подумалъ Николай, но,

прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести слово, Нита отвернула отъ него голову и воскликнула:

— А, вотъ и Соня!... Но кто эта незнакомая дама съ ней? Вы не знаете?

Съ Соней была госпожа Булатова; она была очень бѣдно одѣта и имѣла жалкій видъ. Соня съ величайшею любезностью указывала ей лучшія картины, но ни на чемъ не могла остановить вниманія бѣдной женщины. По другую сторону Сони шла фрейленъ Приксъ изъ Дюссельдорфа. По случаю такого торжественнаго событія она надѣла древне-германскую мѣдную цѣпь сверхъ гранатной, атласной кофточки съ рукавами средневѣковаго покроя и какую-то удивительную шляпу съ перьями. Для большаго эффекта она окрасила свои черные волосы, но, вмѣсто золотистыхъ тиціановскихъ, какъ она ожидала, они вышли рыжевато-лиловыми. Она была въ дурномъ расположеніи духа, можетъ быть, потому, что жюри сыграло съ ней штуку, принявъ ея картину; къ тому же, оно имѣло еще дерзость плохо повѣсить ее. У нея отняли мученическій вѣнецъ и ничего взамѣнъ не дали. Какъ четырнадцать разъ отвергнутая художница, она была, по крайней мѣрѣ, оригинальна, была жертвой интригъ, теперь она терялась въ толпѣ. Она, не переставая, громко бранила все, что видѣла.

— Товарка, — прошептала Нита. — Боже, какъ безобразить женщину тщеславіе!

Николай улыбнулся, надѣлъ монокль и взглянулъ на группу. Какъ свѣжа, мила и изящна была Соня между этими двумя несчастными женщинами! Когда фрейленъ Приксъ позволяла открыть ротъ Булатовой, та въ свою очередь жаловалась на несправедливость парижанъ и рассказывала о мытарствахъ своего мужа.

Это было тоже смѣшно, но женщина, дѣлающаяся смѣшной изъ-за другаго, имѣетъ всегда оправданіе. Обѣ были такъ увлечены собственнымъ недовольствомъ, что не замѣтили, какъ подошли къ нимъ Нита и Николай. Соня увидала подругу.

— А, вотъ ты, наконецъ! — радостно воскликнула она. — Я ищу тебя цѣлый часъ... Твоя картина великолѣпна, твой успѣхъ неописуемъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ я горжусь тобой!

Она была такъ мила съ своимъ искреннимъ восторгомъ, что Николай не могъ удержаться, чтобы не пожать съ особеннымъ чувствомъ дружески протянутую ему руку. Затѣмъ онъ обратился къ Булатовой и спросилъ ее о здоровьѣ. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить: «что мнѣ дѣлается», она сказала: «что намъ дѣлается». Она, очевидно, считала себя только тѣнью своего супруга.

— Что намъ дѣлается? Ни одинъ человѣкъ не отрицаетъ его таланта и ни одинъ не хочетъ ничего для насъ сдѣлать, — вослѣгнула она. — Что можетъ сдѣлать чужой въ этомъ вертепѣ зла и эгоизма, гдѣ зависть шагаетъ къ своей цѣли черезъ трупъ родного брата? Я не потеряла твердости духа, но я не въ силахъ больше поддерживать его; я не въ силахъ больше... нѣтъ, не въ силахъ!...

Прежде чѣмъ Николай успѣлъ что-либо отвѣтить, шумъ шаговъ усилился.

— Запирають, — сказала Нита, и всѣ направились къ выходу.

— Настоящій успѣхъ, громадный успѣхъ! — повторила Соня подругѣ при выходѣ. — Радуюсь ты хоть немного, ты, блѣдный сфинксъ?

— Конечно, — отвѣтила Нита, — конечно, радуюсь; но понять этого не могу. Мнѣ все кажется, что надо мной кто-нибудь подшутить. Мнѣ бы хотѣлось какого-нибудь удовольствія послѣ всѣхъ волненій. Не устроить ли намъ прогулку въ окрестности Парижа? Присоединяетесь вы къ намъ, мосье Nicolas?

У Николая голова шла кругомъ отъ блаженства. Планъ поѣздки въ окрестности Парижа былъ составленъ, сначала хотѣли захватить Машу и миссъ Вильмотъ: первую, чтобы доставить ей удовольствіе, вторую — для приличія. Но Машу невозможно было убѣдить сдѣлать хоть шагъ изъ дому, а миссъ Вильмотъ жаловалась на боль въ лѣвой ногѣ, мѣшающую ей ходить; послѣ этого еще немного поспорили и рѣшили, наконецъ, ѣхать втроемъ въ Версаль, въ тихій, строгій замокъ, бывший нѣкогда центромъ Франціи, въ стѣнахъ котораго было собрано все, что было замѣчательнаго во Франціи, а теперь забытый, заброшенный.

Было чудное весеннее утро, когда они выѣхали изъ дому, солнце ярко свѣтило, птицы весело щебетали, и цвѣтовъ было больше, чѣмъ листьевъ. Они ошиблись въ днѣ и замокъ оказался запертымъ; но просьбы Ниты и данныя Николаемъ на чай деньги поправили бѣду. Сдѣлали исключеніе для иностранцевъ — для русскихъ и открыли залы. Они одни наслаждались видомъ забытой роскоши и великолѣпія, только проводникъ слѣдовалъ за ними и выкидывалъ обрывочки нахватавшихся имъ знаній.

Глухое эхо шаговъ отдавалось въ высокихъ, пустыхъ комнатахъ, точно невидимые призраки негодовали на мелочное любопытство, разоблачающее великое историческое прошлое.

Пресыщенные историческими воспоминаніями, пронизанные насквозь сыростью, наши путники вышли, наконецъ, изъ замка и прошли по саду, въ которомъ голубое небо просвѣчивало сквозь

густую чащу подстриженныхъ по-старинному деревьевъ, и поѣхали потомъ на маленькихъ тряскихъ дрожкахъ по длинной прямой аллеѣ въ Трианонъ.

Тихо было въ Трианонскомъ саду, очень тихо; легкій вѣтерокъ проносился въ воздухѣ и старыя деревья рассказывали молодымъ кустамъ длинную исторію о великолѣпіи, свидѣтелями котораго они когда-то были, а среди темной зелени уже пестрѣла полураспустившаяся бѣло-лиловая или темно-красная сирень.

Нита подняла руку, чтобы сорвать вѣтку. Она не могла достать, и съ досадой подпрыгнула немного. Николай помогъ ей и наклонилъ лучшія вѣтки. Она какъ дитя радовалась цвѣтамъ; онъ никогда еще не видалъ, чтобы ея глаза такъ блестяли, какъ теперь, когда онъ подавалъ ей одну за другой душистыя вѣтки. Вдругъ она воскликнула:

— Вѣдь, запрещено рвать!

Но онъ продолжалъ ломать все, что попадалось ему подъ руку. Они были одни, — Соня отстала, чтобы съ своею обычною добросовѣстностью набросать въ книжкѣ фасадъ замка. Сирень благоухала, бѣлыя и голубыя бабочки порхали вокругъ нихъ. Сердце Николая громко стучало, губы горѣли; но онъ ни слова не сказалъ и продолжалъ обрывать вѣтки сирени.

Тѣни удлиннились и свѣтъ солнца на темно-зеленой травѣ принялъ золотистый оттѣнокъ, когда они направились домой. Нита устала. Молча прислонилась она къ подушкѣ купэ, которое они занимали втроемъ. Благоухающій букетъ сирени лежалъ около нея. Нита сняла шляпу и закрыла глаза. Въ первый разъ увидѣлъ Николай на ея лицѣ то выраженіе задумчивой нѣжности, которое такъ понравилось ему, когда ея головка безсильно покоилась на его плечѣ, въ концертъ его отца... Она спала.

Хотя Николаю трудно было оторвать глаза, онъ нашелъ, все-таки, нескромнымъ наблюдать за ней; они пересѣли съ Соней на противоположную сторону купэ и тихо болтали.

Когда онъ обернулся, онъ увидѣлъ ея взглядъ, устремленный на него и на Соню съ лукавымъ и добродушнымъ выраженіемъ. Ему сдѣлалось неприятно. Не можетъ быть, чтобы она способна была ложно понять его! Но онъ сейчасъ же отбросилъ эту неприятную мысль. Этого не можетъ быть, потому что онъ не хочетъ, чтобы такъ было.

Въ Парижѣ начинало смеркаться, когда они достигли вокзала. Держа букетъ сирени въ рукахъ, Нита шла рядомъ съ Николаемъ;

иногда она наклонялась къ цвѣтамъ и съ наслажденіемъ медленно вдыхала ихъ ароматъ.

— Сегодня былъ чудный день,—сказала она, взглянувъ на Николая,—одинъ изъ такихъ, которые остаются свѣтлымъ пятномъ въ воспоминаніи.

— Я нахожу его прелестнымъ,—произнесъ Боля въ полголоса.

— Да, вы были очень милы, мосье Nicolas,—замѣтила Нита.—Я не знаю ни одного мужчины, съ которымъ такъ удобно и пріятно можно было бы совершить подобную прогулку за городъ, какъ съ вами.

Онъ поклонился, улыбаясь, и поблагодарилъ за комплиментъ.

— Это очень большой комплиментъ,—подтвердила Нита.—Обыкновенно мужчины портятъ все удовольствіе подобныхъ маленькихъ развлеченій. Когда мужчины сопровождаютъ дамъ, то дѣлаются всегда олицетвореннымъ приличіемъ. Представьте себѣ только сэра Генриха Мусграфѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ или даже моего кузена Карла. Я вовсе не считаю Карла добросовѣстнѣе васъ, но... онъ никогда не помогъ бы мнѣ красть сирень въ Трианонѣ. Вы такъ терпѣливо позволяете собою распоряжаться, даже командовать немножко, вы такъ услужливы и ловки. Кто это васъ такъ вымуштровалъ?

— Вѣроятно, моя бѣдная мать,—отвѣтилъ Николай.—Въ четырнадцать лѣтъ я уже сопровождалъ ее въ путешествіяхъ.

— Да?

Они миновали дворъ и спустились по широкой лѣстницѣ; извозчикъ, которому махалъ Николай, подѣхалъ къ нимъ.

— Знаете ли, меня очень интересуесть ваша мать,—сказала Нита.—Есть у васъ ея портретъ?

— Я имѣю всѣ портреты, которые она когда-либо дѣлала.

— Такъ принесите ихъ мнѣ, только всѣ, мнѣ очень хочется посмотрѣть. Принесите завтра.

Уже сидя на извозникѣ, она еще разъ ласково кивнула ему головой.

Его сердце готово было выскочить отъ радости въ то время, какъ онъ смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающему экипажу.

Между тѣмъ, Нита обратилась къ Сонѣ и спросила:

— Говорилъ онъ?

II.

Конечно, на другой же день Николай принесъ портреты въ мастерскую. Нита была одна. «Соня ушла, но сейчасъ вернется!»—

крикнула она ему, когда онъ входилъ. Но онъ не обратилъ вниманія на это. Потомъ она рассказала ему, что какъ разъ сейчасъ собиралась рисовать его сирень, и онъ обрадовался. Сегодня хотѣлъ онъ открыть ей свою сердечную тайну. Ахъ, отчего это такъ трудно говорить? Между тѣмъ, онъ показывалъ ей портреты; Нита внимательно разсматривала ихъ и о каждомъ находила сказать что-нибудь пріятное его сердцу. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ, — трудное слово вертѣлось на его губахъ. Вдругъ она заволновалась.

— Я не понимаю, отчего Соня такъ долго не возвращается, — прошептала она, затѣмъ поднялась, отворила дверь въ сосѣднюю школу живописи и громкіе голоса дамъ ворвались въ мастерскую.

Эта мелочность съ ея стороны страшно разсердила его. Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ до глубины души. Онъ вспомнилъ, какъ Беренбургъ разъ говорилъ ему: «У Ниты только одинъ недостатокъ, дѣйствительно отталкивающей недостатокъ, — она слишкомъ руде. Я никакъ не могу согласовать этого съ ея характеромъ».

Въ первый разъ также пришли ему на память давно забытыя слова отца: «Если ты откроешь что-нибудь въ ея прошломъ, разочарованіе, несчастную любовь, тогда я буду доволенъ, тогда все въ порядкѣ. Если же ты ничего не узнаешь, тогда есть надъ чѣмъ призадуматься; тогда ты можешь быть увѣренъ, что она испытала какое-нибудь страшное потрясеніе».

Онъ ненавидѣлъ себя за то, что не забылъ этихъ словъ; ему казалось, что онъ совершаетъ преступленіе передъ Нитой, помня этотъ жестокій приговоръ.

Въ то же время, онъ вспомнилъ то, что рассказывалъ ему Беренбургъ: въ восемнадцать лѣтъ она потеряла свою свѣжесть вслѣдствіе горячки, и съ этого же времени глаза ея приняли грустное выраженіе. Имѣла ли горячка тайную причину? Обыкновеннымъ любовнымъ приключеніемъ это не могло быть... Но что же, въ такомъ случаѣ?... Что же было? Эти размышленія не давали ему покоя и онъ нѣсколько дней не ходилъ въ улицу Фрохотъ.

Разъ онъ встрѣтилъ молодую австріячку на бульварѣ Маделенъ, на цвѣточномъ базарѣ. Обѣ руки ея были полны розъ; она издали кивнула ему, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поднести руку къ шляпѣ, сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу, шутя упрекнула его за то, что онъ давно не былъ, и прошлась съ нимъ немного по бульвару.

Онъ понималъ ее менѣе, чѣмъ когда-нибудь, но сердиться не могъ.

III.

— Прощай, Николай, прощай, Маша! благодарю васъ тысячу разъ; мнѣ было очень, очень весело! покойной ночи!—раздался веселый голосъ Сони съ лѣстницы улицы Мурильо.

Она была съ Николаемъ и его сестрой въ театрѣ, и оба проводили ее до дому. Мѣсяць прошелъ со времени открытія Салона, весь чудный мѣсяць май.

Наверху, на третьемъ этажѣ, стояла Нита съ лампой въ рукахъ, вслѣдствіе сильной усталости отказавшаяся ѣхать въ театрѣ. Николай видѣлъ только ея блѣдное лицо, освѣщенное лампой. Оно запечатлѣлось въ его душѣ.

— Покойной ночи!—крикнулъ онъ.—Покойной ночи!—повторилъ слабый, надломленный голосокъ Маши.

Брать съ сестрой ушли, а Соня взбѣжала на лѣстницу.

— Веселилась ты?—спросила Нита, обнимая подругу и заширая за ней дверь.

— Очень. Какъ хорошо было!

— Да? Что шло?

Соня смущенно помолчала минуту.

— *Двѣ сироты*,— произнесла она, вспоминая.— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, какъ я глупа—*Волшебныя пилюли*.

Нита, смѣясь, погладила ея плающія щеки и поцѣловала въ оба глаза.

— Какая ты хорошенькая! Ты съ каждымъ днемъ хорошеешь,—шепнула она ей.

— То же самое сказалъ мнѣ сегодня и Николай,—съ гордостью призналась Соня и сильно покраснѣла.

— Да, гм... А болѣе интереснаго онъ ничего тебѣ не сказалъ?—спросила Нита, смѣясь.

— Да что же онъ могъ сказать?—сконфуженно произнесла Соня.—Я не знаю...

— И какіе вы оба глупые люди!—замѣтила Нита, качая головой.—Подумать только, что эта канитель тянется съ декабря! Прости мнѣ, Соня, но Николай для меня загадка. Какъ можно быть такимъ милымъ, умнымъ и, въ то же время, такимъ неловкимъ, неуклюжимъ,—неужели надо такъ много времени для того, чтобы сказать то, что на сердцѣ?

— Почему ты знаешь, чтѣ у него на сердцѣ?—возразила Соня, сдвинувъ брови.—А что, у насъ нѣтъ ничего закусить? Я страшно голодна.

— Я ожидала этого; пойдемъ въ нашу каморку.

Каморкой они называли маленькую, прилежавшую къ гостиной, комнатку съ террасой, выходящей въ паркъ Монсо. Пианино, заваленная ногами этажерка, диванъ, одно кресло и складной японскій столикъ составляли все убранство комнаты. На пианино стояла ваза съ бѣлыми розами, красиво и поэтично выдѣлявшимися на розовомъ фонѣ японской драпировки, затканной красными цвѣтами и золотыми арабесками. На каминѣ стояли также розы—все приношенія Николая.

Стеклянная дверь террасы была открыта. Шелестъ вѣтерка въ вершинахъ деревьевъ парка Монсо смѣшивался съ грохотомъ экипажей, глухо доносившимся издали. Все рѣже раздавались шаги прохожихъ.

На столѣ была приготовлена закуска, тарелка съ земляникой, пирожки и среди этихъ лакомствъ стоялъ серебряный самоваръ.

— Ахъ, какъ ты мила!—радостно воскликнула Соня.—Родная мать не могла бы лучше позаботиться обо мнѣ. Я даже не могу подумать о томъ, какъ гадко мнѣ было, прежде чѣмъ я попала къ тебѣ... Я живу у тебя какъ въ раю!

— Развеселилась хоть немного въ теченіе вечера бѣдная Маша?—спросила Нита, наливая чаю подругѣ.

— Нѣтъ. Мнѣ жаль дѣвочку. У нея нехорошій видъ, она блѣдна, желта, лицо вытянулось и постарѣло. Я не понимаю, какъ можетъ она такъ принимать къ сердцу эту исторію. Она же почти не знала Беренбурга. Теперь скоро должна быть его свадьба.—Съ этими словами Соня поднесла чашку къ губамъ.

— Бѣдная дѣвочка!—прошептала Нита.

— Николай очень беспокоится объ ней,—разсказывала Соня.—При каждомъ веселомъ мѣстѣ пьесы онъ оборачивался на нее посмотреть, смѣется ли она, но она не смѣялась.

Теплый вѣтерокъ ворвался въ комнату и принесъ снизу сладкій запахъ акацій и жасминовъ. Съ нимъ вмѣстѣ влетѣла ночная бабочка и закружилась вокругъ лампы, освѣщавшей обѣихъ дѣвушекъ,—Соню, спокойно и флегматично разсказывавшую грустныя вещи, и Ниту, искавшую что-то въ своей рабочей коробочкѣ и протянувшую подругѣ письмо.

— Изъ Берлина; это дочеръ твоего отца,—сказала она.

Соня распечатала письмо.

— Да, письмо отъ папы; онъ скоро приѣдетъ сюда, можетъ быть, даже завтра.

— И тогда ты изменишь мнѣ,—замѣтила Нита, улыбаясь.— Бончила ты чай? Не пора ли спать?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не хочется спать. Поболтаемъ еще немного; пойдѣмъ на террасу.

Нита молча послѣдовала за Соней.

— Представь себѣ, кого я встрѣтила сегодня въ театрѣ?—начала Соня.—Но такъ какъ ты этой личности не знаешь, то мое сообщеніе, къ сожалѣнію, не произведетъ на тебя никакого впечатлѣнія.

— Ну?

— Отвратительнѣйшую женщину—Никитину.

— Марью Петровну Никитину?—воскликнула Нита; задумчиво смотрѣвшая до сихъ поръ, облокотившись обоими локтями на каменные перила террасы, на шумящее море листьевъ.—Развѣ она въ Парижѣ?

— Да; ты знаешь ее?

— Немного,—прошептала Нита.

— Я знаю ее хорошо,—со вздохомъ произнесла Соня.

— Какимъ образомъ?—спросила Нита коротко, почти рѣзко.

— Папа поручилъ меня ей, уѣзжая изъ Парижа.

— Это невѣроятно!—воскликнула Нита съ негодованіемъ.— Онъ долженъ же былъ знать...—и она остановилась.

— Потомъ и я удивилась такому выбору,—замѣтила Соня спокойнымъ тономъ.— Вначалѣ все шло хорошо. Она казалась мнѣ только немного странной и очень неопрятной. Цѣлое утро она ходила въ великолѣпной отдѣланной мѣхомъ накидкѣ, которую носила вмѣсто капота, ѣла то *pate de foie gras*, то конфекты, варенье, въ то же время, завивалась,—такъ она завтракала всегда. Послѣ обѣда она спала, а ночью писала письма и играла на роялѣ, большею частью Бетховенскія сонаты. Иногда она дѣлалась положительно ненормальной. Цѣлыя ночи она бѣгала, ломая себѣ руки, бросалась на мою постель, требовала отъ меня обѣщаній дружбы, на которыя отвѣчала горячими поцѣлуями, и, наконецъ, ты не повѣришь Нита, и ты первая, кому я это рассказываю... но... я и теперь еще помню, какое отвращеніе овладѣло мною... Она рассказала мнѣ... во всѣхъ подробностяхъ... напрасно старалась я остановить ее... свои любовныя отношенія къ Ленскому!

— Безстыдная женщина!—злобно прошептала Нита.

— Представь себѣ мое положеніе,—продолжала Соня.— Какъ было мнѣ отдѣлаться отъ нея? Повторять ея признаніе мнѣ просто стыдно. Но она сама вывела меня изъ затрудненія... Черезъ три

дня послѣ этой сцены, она въ сильномъ волненіи сообщила мнѣ, что Ленскій даетъ концертъ въ Берлинѣ и приглашаетъ меня пріѣхать съ нею. Когда я отказалась, она уѣхала одна... Боже! какъ ты блѣдна... мой рассказъ волнуетъ тебя... Неудивительно, я знаю, какъ этотъ случай подѣйствовалъ на меня! И представь себѣ, эта Никитина имѣла низкость заговорить со мной въ театрѣ. Она хочетъ меня навѣстить, каково?

— Моего порога она не переступитъ!—воскликнула Нита съ сверкающими глазами.—Никогда въ жизни!

— А гдѣ же ты познакомилась съ ней?—спросила Соня.

— Я?... Очень молоденькою дѣвушкой въ Вѣнѣ; я тогда недолго гостила у нея,—отвѣтила Нита глухимъ голосомъ.

— И ты никогда не встрѣчалась у нея съ Ленскимъ?

— Да, встрѣчалась!

— Ты никогда мнѣ не рассказывала объ этомъ.

— Къ чему?—произнесла Нита съ горечью.—Это неприятныя воспоминанія.

Когда Соня опять обернулась къ подругѣ, та уже исчезла. Соня хотѣла послѣдовать за ней; вдругъ она услышала снизу голосъ:

— Покойной ночи, покойной ночи!

— Покойной ночи, Боля!—радостно крикнула Соня въ отвѣтъ.

— Это ты?...—воскликнулъ Николай, разочарованный, обманутый.

— Кто же другой могъ быть?—спросила она удивленно и съ легкою дрожью повторила:—кто... кто?...

IV.

Да, это Николай мечталъ въ полночь въ паркѣ Монсо. Проводивъ сестру домой, онъ вернулся въ паркъ, чтобы взглянуть на окна Ниты.

Весна по календарю кончается 21 іюня, настоящая весна кончается, когда умирають цвѣты, вызванныя ею къ жизни, надежды, мечты—поэзія года. И Николай никогда не забудетъ, какъ она умирала тогда передъ его глазами въ тихомъ, освѣщенномъ луннымъ свѣтомъ саду, въ центрѣ Парижа, какъ онъ былъ свидѣтелемъ расчета между двумя лучшими временами года, между весной и лѣтомъ. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ тамъ подъ высокими деревьями, ему казалось, что онъ слышитъ, какъ разумное лѣто говоритъ очаровательной расточительницѣ веснѣ: «Твои цвѣты начинаютъ вянуть—твое время прошло; что оставила ты мнѣ, что бы я могла

беречь и довести до полной спѣлости?» И тогда онъ слышалъ кругомъ шелестъ обсыпающихся цвѣтовъ, слышалъ тихое рыданіе и шепотъ въ листьѣ, въ травѣ — рыданіе весны, прощающей ся съ землею.

Да, весна прошла и Николай думалъ, что и весна его жизни должна кончиться, что настало время провѣрить и выяснитъ свои мечты, надежды и планы.

«Что останется мнѣ отъ всего великолѣпія? Завядшій цвѣтокъ или зеленый цвѣтокъ — мертвая святыня, которую я сохранию какъ нѣмую, но краснорѣчивую свидѣтельницу никогда не испытаннаго и, все-таки, утраченнаго счастья, или дорогой залогъ будущаго?»

Въ его судьбѣ произошла перемена; вслѣдствіе болѣзни одного русскаго дипломата въ Вашингтонѣ, онъ неожиданно получилъ туда назначеніе вторымъ секретаремъ.

Дѣло не терпитъ; вопросъ долженъ немедленно рѣшиться; до отъѣзда онъ долженъ говорить съ Нитой!

Во время послѣднихъ недѣль его окружило счастье, теперь онъ долженъ протянуть къ нему руку и воскликнуть: «Сбрось свой покровъ, подойди ближе, останься со мной!»

Странная вещь счастье! Какъ многіе великіе люди, оно любитъ больше путешествовать по свѣту инкогнито и сердится и уходитъ, какъ только его назовутъ и начнутъ воздвигать въ честь его триумфальныя арки. Веселымъ гостемъ является оно большею частью непрошенное и бѣжитъ официальныхъ празднествъ.

Что, если оно ускользнетъ отъ него теперь, теперь, въ послѣдній моментъ; если онъ спугнетъ его какимъ-нибудь неумѣстнымъ, глупымъ словомъ?

А вдругъ... вдругъ она прильнетъ къ его груди, вдругъ она скажетъ — да? Сердце его громко забилося. Онъ строилъ фантастическіе замки и, восхищенный собственными сказками, воскликнулъ:

— Какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо!

А кругомъ умирала весна и цвѣты осыпались... осыпались... всѣ осыпались.

У.

Въ небольшой англо-католической капеллѣ въ Парижѣ была страшная тѣснота. Проникая сверху сквозь цвѣтныя окна, свѣтъ іюньскаго солнца падалъ блѣдными золотистыми лучами на склоненныя головы молящихся. Было воскресенье и шла обѣдня съ пѣвчими. Среди церкви стояла на колѣняхъ Нита на узкой, жесткой скамейкѣ, закрывъ лицо руками.

Минута безмолвной молитвы, сопровождающая великое таинство пресуществленія, прошла, съ хоръ льются голоса невидимыхъ пѣвцовъ, мягко, тихо, нѣжно, точно солнечные лучи приносятъ музыку въ капеллу. Обѣдня кончилась, кончился звонъ монеть на блюдѣ старосты, двиганье стульевъ и священникъ произнесъ на распѣвъ: «*ita missa est!*» Съ хоръ раздавался торжествующій, ликующій, точно обѣщаніе земной радости, свадебный маршъ Феликса Мендельсона. Богомольцы выходили изъ церкви; передъ дверями они останавливались, разбивались на группы, здоровались другъ съ другомъ, разговаривали. Нита не остановилась; сдѣлавъ крюкъ черезъ любимый паркъ Мансо, она вернулась въ улицу Мурильо. Она была блѣдна, повидимому, плохо спала ночь. Тѣнь въ ея глазахъ была мрачнѣе обыкновеннаго. Дѣвушка грустнымиъ взглядомъ обвела паркъ. «Весна умерла», — подумала она. Вчера еще роскошная зелень точно поблекла отъ страшной духоты, стоящей надъ землею. Нита думала, что уже покончила съ своимъ прошлымъ, но разговоръ съ Соней вновь пробудилъ въ ней мучительное воспоминаніе: она вспомнила о томъ, какъ тогда, — шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а она все еще не можетъ забыть, — какъ тогда, въ чудную майскую ночь, почти такую же, какъ вчерашняя, жаркій ураганъ убилъ весну ея молодой, чистой жизни, со всѣми ея поэтическими увлеченіями, и вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ, растревожившимъ всю ея душу, въ ней проснулось и прежнее, никогда вполне не исцѣляющееся отвращеніе къ жизни, ужасное, все унижающее, все унижающее отвращеніе.

Усталую походкой поднялась она по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ до своей квартиры. Миссъ Вильмотъ сидѣла въ своей комнатѣ и переводила прозой Ленору Бюргера. Сони не было дома.

Нита сѣла за письменный столъ, чтобы, какъ каждое воскресенье, хотя и не охотно, но аккуратно свести счеты за недѣлю.

Раздался звонокъ. Горничная доложила:

— Господинъ Ленскій!

— Просите, — отвѣтила Нита, и когда вошелъ Николай, она обратилась къ нему равнодушнымъ тономъ: — Садитесь и занимайтесь чѣмъ хотите; вотъ каррикатурный альбомъ Леха; Соня сейчасъ вернется: ея отецъ неожиданно пріѣхалъ, она отправилась съ нимъ на выставку, но завтракаетъ съ нимъ у меня. Васъ также я приглашаю, а пока позвольте мнѣ закончить съ моими счетами.

Съ перомъ въ рукахъ, она проводила его изъ гостиной, гдѣ стоялъ письменный столъ, въ хорошенькій кабинетикъ съ террасой, и хотѣла оставить его, чтобы вернуться къ своему занятію.

Съ умоляющимъ взоромъ онъ остановилъ ее:

— Я не расположенъ смотрѣть картинки, — сказалъ онъ. — Если вамъ нельзя отложить вашихъ счетовъ, то я приду въ другой разъ.

— Какъ вы обидчивы сегодня! Я думала, что мы могли бы уже другъ съ другомъ не церемониться, но, впрочемъ, какъ хотите!

Она положила перо и, опустившись на маленькій диванчикъ, предложила гостю кресло. Николай сѣлъ противъ нея. Маленькій японскій столикъ раздѣлялъ ихъ. Дверь на террасу была открыта, но занавѣсы были спущены; все, что можно было сдѣлать, чтобы избавиться отъ солнца, было сдѣлано, только кое-гдѣ оно проскальзывало нечаянно и ложилось свѣтлыми пятнами въ сѣроватомъ полумракѣ. Розы на каминѣ завяли, бѣлыя начали желтѣть, красныя сдѣлались лиловыми. Ихъ чашечки широко раскрылись.

— У меня къ вамъ дѣло, — произнесъ Николай въ полголоса.

— Я такъ и думала, — отвѣтила Нита. На ея красивомъ, блѣдномъ лицѣ мелькнула какъ бы съ трудомъ сдержанная улыбка, что-то, напомнившее Николаю изгнанный солнечный свѣтъ, упорно, дерзко, несмотря на всѣ предосторожности, врывающійся въ полумракъ комнаты.

— Оно такъ трудно, — продолжалъ онъ, — не можете ли вы мнѣ немного?

— Нѣтъ, — рѣшительно сказала она, — я не имѣю ни малѣйшаго желанія выручать васъ изъ вашихъ неловкостей, — и съ ласковою насмѣшливостью она прибавила: — какъ можно находить труднымъ то, что такъ легко?

Какъ привѣтливо и спокойно сидитъ она передъ нимъ! Нерѣшительность все больше овладѣвала Николаемъ.

— Такъ легко! — глухо прошепталъ онъ, — находите вы, что такъ легко задать вопросъ, отъ отвѣта на который зависитъ все счастье нашей жизни?

— Когда можешь быть такъ увѣренъ въ отвѣтъ, — сказала она насмѣшливо, но очень мягко.

— Увѣренъ? — и онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

Какъ душно! Все больше открываютъ свои чашечки розы на каминѣ, лепестки осыпаются на коверъ... осыпаются, осыпаются... всѣ осыпаются! На дворѣ шумятъ верхушки деревьевъ, доносится то приближающійся, то умолгающій вдали грохотъ экипажей, крикъ серебрястыхъ дѣтскихъ голосовъ внизу въ паркѣ. Неприятное чувство охватывало Николая, но онъ не въ состояннн уже былъ молчать.

— Я получилъ назначеніе въ Вашингтонъ,—говорилъ онъ, торопливо произнося слова,—завтра вечеромъ я уѣзжаю... могу я пріѣхать осенью... за вами?

Нита быстро поднялась.

— За мной?—воскликнула она видя себя.—За мной?...

— За кѣмъ же еще?—спросилъ онъ съ отчаянною твердостью.— Неужели вы не знаете, что я васъ люблю?

— Меня?—повторила она, блѣднѣя.

— Неужели вы думаете, что я могъ смотрѣть на кого-нибудь другого съ тѣхъ поръ, какъ узналъ васъ? Вы милая, чудная, единственная!

Долго сдерживаемая страсть проснулась въ немъ. Молчаніе Ниты ободрило его. Онъ упалъ передъ ней на колѣни, привлекая ея руки къ своимъ губамъ. Онъ уже былъ не благовоспитанный молодой дипломатъ, котораго знала до сихъ поръ Нита, онъ—сынъ Ленскаго. Его лицо, болѣе худое и съ болѣе нѣжными чертами, своимъ добродушнымъ выраженіемъ рта, необузданнымъ требованіемъ, смѣняющимся нѣжною мольбой во взорѣ, сдѣлалось необыкновенно похоже на лицо отца. Тотъ же ласкающій голосъ, которымъ Ленскій въ свои лучшія времена могъ, если захотѣлъ, созвать ангеловъ съ небесъ, тѣ же полныя жаркія губы.

Слова его она выслушала, не двигаясь; когда же онъ прикоснулся губами къ ея рукамъ, она рѣзкимъ движеніемъ оттолкнула его отъ себя.

— Оставьте меня,—простонала она,—уйдите.

Шатаясь, онъ поднялся. Такое выраженіе страха, ужаса изобразилось на ея лицѣ, что вся его гордость возмутилась.

— Я не сказалъ вамъ ничего оскорбительнаго,—воскликнулъ онъ съ жаромъ и не спуская съ нея глазъ, точно ожидая, что она отвѣтитъ. Но такъ какъ она молчала, Николай, съ трудомъ владея собою, продолжалъ:—Что вы отказываете мнѣ, ваше дѣло... я, въ сущности, былъ увѣренъ въ этомъ... Но вы отталкиваете меня, вы разбиваете мою жизнь и не хотите сказать даже, что вамъ жаль меня. Да кого же я такъ безумно, такъ безгранично любилъ?... Что дѣвушка способна на такую жестокость, этого я не зналъ!

Онъ говорилъ рѣзко, но глаза его еще нѣжно, отчаянно молили. Онъ не могъ повѣрить, что все кончилось, что она такъ отпустить его... Хотя на прощанье она скажетъ ему ласковое слово.

Нита стояла молча, опершись рукой на каминь, отвернувъ отъ него глаза. Она хотѣла сказать что-то, но не могла произнести ни слова. Лицо ея страшно поблѣднѣло; покачнувшись, она протянула

руку, чтобы не упасть. Все забывъ, Николай бросился къ дѣвушкѣ, чтобы поддержать ее; она со страхомъ оттолкнула его. На ея лицѣ изобразился ужасъ. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на нее страстно, отчаянно и ушелъ.

Когда Соня, немного спустя, вернулась въ улицу Мурильо, она нашла Ниту блѣдную, какъ смерть, лежащую на кровати съ сложенными на груди руками, «точно покойница въ гробу», говорила Соня, рассказывая потомъ объ этомъ. Она хотѣла выйти на цыпочкахъ, чтобы не разбудить подругу, но Нита позвала ее; она со страхомъ вопросительно посмотрѣла на Соню; Соня наклонилась къ ней.

— Я сейчасъ встрѣтила Николая, — сказала она. — Я знаю, что произошло. О, Нита, Нита! Ты отказала ему ради меня, а теперь у тебя сердце разрывается въ груди!

— У меня? — Нита грустно улыбнулась. — Изъ-за него?... Мнѣ жаль, что онъ страдаетъ, и только... Нѣтъ, нѣтъ, моя бѣдная Соня, ты ошибаешься!

— Ну, такъ я не понимаю, — сказала Соня, пораженная. — Что же такъ взволновало тебя?

— Меня? — Нита закрыла рукой глаза. — Небольшая схватка въ сердцѣ; это бываетъ у меня иногда. Я испугалась. Это было глупо, но я ничего не могу подѣлать... Бѣдная Соня! Милая, бѣдная Соня! Неужели ты нисколько не сердись на меня?

Соня сѣла около постели подруги; она была блѣдна, но не теряла самообладанія.

— Чего тутъ сердиться? — произнесла она очень тихо. — Я не понимаю, какъ давно я не замѣтила этого. Очень естественно, что онъ любитъ тебя.

— Ахъ, Соня, это заблужденіе; онъ не знаетъ собственнаго сердца, все еще устроится. Онъ долженъ вернуться къ тебѣ, полюбить тебя, — сказала Нита.

— Никогда! Если бы ты видѣла, какъ онъ спускался съ лѣстницы, шагъ за шагомъ, точно въ немъ сломилось что-то, ты бы не сказала этого. Бѣдный Коля! — и, вдругъ, возвысивъ голосъ, она почти съ упрекомъ произнесла: — Это ужасно, что онъ долженъ такъ страдать! Боже мой, неужели же ты не понимаешь, чего стоитъ любовь такого человѣка?

Дрожь передернула тонкую фигуру Ниты.

— Оставь меня одну, милая Соня, только на минутку, — прошептала она, — оставь меня одну.

VI.

Какъ провелъ онъ этотъ ужасный вечеръ, что дѣлалъ въ эти безконечные часы, этого Николай никогда не могъ потомъ сказать. Онъ шелъ... шелъ все дальше, дальше, блуждалъ въ отдаленнѣйшихъ кварталахъ Парижа, шелъ безъ оглядки, какъ челоуѣкъ, у котораго нѣтъ больше впереди дѣли, который ищетъ только утомленія.

Страшная жара стояла въ Парижѣ, пыль и удушливья испаренія наполняли воздухъ. На улицахъ толпился народъ; между пестрыми мѣщанскими нарядами мелькали кое-гдѣ еще группы дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ и вуаляхъ — причастницы, съ серьезными, благочестивыми глазами, сожалѣющими о погибшей веснѣ. Николай все шелъ и шелъ. Гдѣ только онъ ни побывалъ въ тотъ день! Дольше всего считался онъ въ бѣднѣйшихъ, мало отдаленныхъ кварталахъ, гдѣ онъ былъ увѣренъ, что не встрѣтитъ никого знакомыхъ.

Онъ испытывалъ такое чувство, точно кто-нибудь ударилъ его хлыстомъ. Его гордость возмущалась. Но, Боже мой, какъ безсильна наша гордость, когда сердце истекаетъ кровью!

Если бы Нита сказала ему хоть одно ласковое слово!... Но нѣтъ!... Его голова идетъ кругомъ... онъ не понимаетъ... ничего не понимаетъ! Здѣсь должна быть какая-нибудь тайна!

Стемнѣло уже, когда Николай вернулся въ отель Вестминстеръ. Онъ засталъ своего лакея на колѣняхъ среди комнаты передъ открытымъ чемоданомъ. Свѣчка стояла на полу, платья висѣли на всѣхъ спинкахъ кресель; дорожный несесеръ Николая съ сверкающими, только что вычищенными золотыми крышками лежалъ на столѣ. Николай вспомнилъ, что онъ долженъ завтра вечеромъ уѣзжать. Сначала онъ хотѣлъ прогнать лакея, надождавшаго ему вопросами относительно укладки; но потомъ пересилилъ себя, — жизнь, вѣдь, надо тянуть до конца, хотя бы въ ней и исчезла всякая радость. Онъ овладѣлъ собою и началъ даже помогать лакею укладывать вещи.

Огня его комнаты были открыты. Экипажъ остановился передъ отелемъ, вдругъ... чей это голосъ?... Николай высунулся изъ огня и увидѣлъ отъѣзжающаго извозчика; по корридолу раздались шаги, дверь отворилась, вошелъ Ленскій.

— Боля!

Хриплый голосъ музыканта выражалъ такую искреннюю, глубокую радость, что Николай совершенно забылъ свое отчаянiе. Еще никогда не испытывалъ онъ такого теплаго чувства тѣсной связи

съ отцомъ, какъ теперь. Его взглядъ съ невыразимою радостью покоился на старомъ артистѣ; ему показалось даже, что въ немъ есть что-то новое, облагороженное; онъ похудѣлъ, морщины сдѣлались глубже, волосы посѣдѣли. Онъ сильно постарѣлъ. Но какъ это шло къ нему! Привѣтливое, милое выраженіе губъ, терпѣливая, какъ бы всепронзающая грусть во взорѣ!

— Отецъ! Ты... какая неожиданность!—воскликнулъ Николай и бросился въ протянутыя ему объятія отца. И Ленскій, такой избалованный вообще, радовался каждый разъ, когда дѣти выражали ему свою любовь.

— Я пріѣхалъ по твоему письму, въ которомъ ты сообщалъ, что уѣзжаешь. Я хотѣлъ пробыть съ тобой хоть сутки, прежде чѣмъ ты уѣдешь. Ты, конечно, уже обѣдалъ, я приказалъ кельнеру подать ужинъ къ тебѣ наверхъ, конечно, если я не мѣшаю тебѣ. Прогони слугу, — прибавилъ онъ, указавъ взглядомъ на лакея, почтительно торопившагося прибрать разбросанныя въ беспорядкѣ по комнатамъ вещи, — мы обойдемся и безъ него. Мы могли бы пойти внизъ, но туда придетъ Браунъ съ дорожными счетами, а мы... мы хотимъ, вѣдь, быть одни, мой другъ, не правда ли?

Пришелъ кельнеръ и, поставивъ на столъ чай и холодное мясо, исчезъ. Ленскій налилъ чаю.

— Ты выпьешь чашку, Коля? Отъ чая никогда не отказываются.

И Николай, которому мысль о ѣдѣ внушала до сихъ поръ отвращеніе, поднесъ чашку къ губамъ. Ему, впрочемъ, казалось теперь, что въ его положеніи что-то измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ отецъ, точно черезъ холодный, сырой туманъ, окутывавшій его, проглянулъ лучъ солнца.

— Я надѣюсь, что ты мнѣ много будешь рассказывать, — оживленно говорилъ Ленскій. — Въ письмахъ ты, правда, писалъ мнѣ о многомъ — и я тебя, вѣдь, подробно спрашивалъ, не правда ли?... Но, все-таки, не обо всемъ, что я хотѣлъ знать. Маленькая упрямица Маша совсѣмъ не писала. А ргорос, что съ моею глупою дѣвочкой? Я прямо со станціи поѣхалъ къ ней—ее точно подмѣнили. Я такъ радовался на нее! Она была свѣжа и хороша, какъ розовый бутонъ, когда я уѣзжалъ въ январѣ, а теперь она вяла и желта, точно увядшій цвѣтокъ, забытый въ стаканѣ. Она совсѣмъ даже не хороша, наша маленькая красавица! Что съ ней?

Ленскій положилъ ножикъ и вилку и съ безпокойствомъ вопросительно смотрѣлъ на Николая.

— Ты ничего не писалъ мнѣ объ этомъ, — продолжалъ онъ, — а, между тѣмъ, навѣрное, замѣтилъ, какъ она измѣнилась.

— Зачѣмъ бы я сталъ писать тебѣ? Я приглашалъ доктора; онъ прописалъ что-то, что, впрочемъ, не принесло ей пользы. Положение ея не опасно, но очень неприятно: сильное малокровіе—и больше ничего. Къ чему было тревожить тебя?

— Малокровіе! Это просто невѣроятно, чтобы у меня была малокровная дочь! Бѣдная Маша!—воскликнулъ Ленскій. — Я ѣду прямо въ улицу Ваграмъ, радуюсь, что увижу сейчасъ мою веселую, избалованную шалуню... «Мадемуазель Ленская дома?»—спрашиваю я. — «Да, она въ саду». Тамъ сидитъ кто-то закутанный въ платокъ, сгорбленный и дрожащій отъ холода—блѣдная дѣвушка, съ темными кругами подъ глазами. Сначала я не узналъ ее, потомъ: «Маша!—крикнулъ я,—голубушка моя, ангелъ мой!» Ты, можетъ быть, думаешь, что она бросилась ко мнѣ въ объятія съ радостнымъ крикомъ, который, ты знаешь, былъ для меня дороже всякой музыки на свѣтѣ? Нисколько! Она вздрогнула, точно испугалась, приблизилась ко мнѣ медленными шагами, протянула мнѣ щеку. Когда я сталъ ее разспрашивать о причинѣ ея перемѣны, она разсердилась, сказала, что нездорова, что у нея мигрень, и что она хочетъ лечь. Когда же я сталъ прощаться, она бросилась ко мнѣ на шею и зарыдала такъ горько, что я не могъ ее утѣшить. Она была одна, Елагины не обѣдали дома. Они, должно быть, часто оставляли ее одну.

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ откинулъ голову и громко, точно желая предупредить возраженіе, воскликнулъ:

— Какое тамъ малокровіе?... Съ ней тоска отъ любви... Какъ это глупо!... Точь въ точь какъ всякая другая дѣвушка! А я - то думалъ, что долженъ явиться какой-нибудь Зигфридъ для того, чтобы моя дочь влюбилась. Вотъ тебѣ и разъ!—Онъ откинулъ обѣими руками волосы съ висковъ и вздохнулъ.—Не знаешь ты, кто сидитъ у нея въ головѣ? Она ни за что не хотѣла мнѣ признаться.

— Я, право, не знаю... — неувѣренно произнесъ Николай. — Если вообще она заинтересована кѣмъ-нибудь, то...—Онъ вдругъ остановился.

— То, очевидно, безъ взаимности, — договорись Ленскій, — но даже и для этого надо имѣть основаніе. Ухаживалъ кто-нибудь за ней?

— Я не замѣчалъ, — сказалъ Николай, все болѣе смущаясь; онъ зналъ, какую безумную ярость противъ аристократіи пробудило бы въ его отцѣ указаніе единственной причины, которой онъ могъ объяснить тоску Маши.

— Бѣдная дѣвочка, — со вздохомъ сказалъ Ленскій.

— Не принимай этого такъ близко къ сердцу, — утѣшалъ Николай. — Немного развлеченій, морскія купанья... теть Варя говорила мнѣ о Сентъ-Маурицо.

— Ахъ, да, и она пожертвуетъ, вѣроятно, собою, — сказалъ Ленскій съ злобнымъ смѣхомъ, — но этого не будетъ. Я никому чужому не довѣрю теперь мою дѣвочку; если ей надо въ Сентъ-Маурицо, я поѣду съ ней. Если бы только меня не преслѣдовала всюду эта глупая женская навязчивость! Она надоѣла мнѣ, невыносимо надоѣла. Ты удивляешься? Да, это вдругъ сдѣлалось со мной, я покончилъ съ этимъ навсегда, я состарился. Ахъ, какъ приятно состариться! — Ленскій потянулся немного. — Не чувствовать вѣчно въ крови этой бури, спокойно радоваться на тѣхъ, кого любишь!... Да, я старикъ, Боля, гожусь теперь только въ дѣдушки. Я надѣюсь, что мои внучата не будутъ слишкомъ знатны для меня. Чортъ возьми! Мои собственные дѣти внушаютъ ужъ мнѣ уваженіе, — и онъ засмѣялся и добродушно похлопалъ Николая по рукѣ. — Вотъ мы дошли и до твоего дѣла. Когда же я познакомясь съ моею невѣсткой? Ты не одинъ влюбленъ въ нее. Леди Банбури безъ ума отъ нея. Я писалъ тебѣ объ этомъ, я зналъ, что это доставить тебѣ удовольствіе. Я былъ очень глупъ съ своими подозрѣніями. Что же ты ничего не говоришь?... Въ какомъ положеніи ваши дѣла?

— Въ какомъ положеніи? — прошепталъ Николай глухимъ голосомъ, полусознательно, точно человѣкъ, только что разбуженный отъ успокоительнаго сна. — Въ какомъ положеніи?

— Ну? — нетерпѣливо спросилъ Ленскій.

Николай медленно проводилъ рукой взадъ и впередъ по сватерти, откашливался и ничего не могъ произнести. Ленскій приподнялъ на лампѣ абажуръ, нагнулся, прищурился, увидѣлъ блѣдное лицо съ застывшею, болѣзненной улыбкой на губахъ. Онъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все зазвенѣло.

— Это невыносимо! — крикнулъ онъ, вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ. Передъ окномъ онъ остановился спиной къ Николаю и началъ напѣвать въ полголоса какой-то мотивъ, но не докончилъ и обратился опять къ сыну: — Ты ни на волосъ не лучше Маши! — воскликнулъ онъ съ сердцемъ. — Такъ этому-то я радовался! — Онъ снова сѣлъ противъ Николая и сердито отодвинулъ отъ себя тарелку. — Одиѣ неприятности! Едва вышелъ я изъ вагона въ Парижъ, какъ встрѣчаю знакомаго на вокзалѣ: «Слышали вы, что вашъ любимецъ Булатовъ повѣсился?» — объявилъ онъ, конечно, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, и затѣмъ сообщилъ подробности: крайняя нужда — три дня не ѣлъ, жена полупомѣшана отъ

горя, они были слишкомъ горды, чтобы просить милостыню. Да, слишкомъ горды! Передо мной они не были слишкомъ горды, если бы я не выгналъ его! Я хотѣлъ бы отволотить Брауна; какъ будто я сталъ счастливѣе отъ тѣхъ двухъ тысячъ рублей, которыя онъ берегъ для меня!... Затѣмъ я спѣшу къ Машѣ, чтобы отдохнуть, — встрѣчаю истеричную, блѣдную, страдающую дѣвушку, а теперь... Съ ума можно сойти!... Да скажи, пожалуйста, отчего у тебя такое лицо, точно тебя высѣкли? Что съ твоимъ романомъ?—Его тонъ былъ рѣзокъ, почти грубъ. Ленскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые нерѣдко дурно обращаются съ окружающими изъ злобы, что не могутъ сдѣлать ихъ счастливыми.

— Она отказала мнѣ... сегодня... вотъ и все, — прошепталъ Николай, отвернувъ голову, точно ему было стыдно.

— Отказала... тебѣ! — воскликнулъ Ленскій; затѣмъ, недоумѣвая, онъ въ волненіи придвинулъ кресло къ сыну. — Отказала тебѣ... этого я не понимаю! — Вдругъ онъ схватилъ голову сына обѣими руками и, съ отеческою гордостью смотря въ его чудные глаза, воскликнулъ: — Но, вѣдь, это глупо, безконечно глупо!... Бого же ей надо, этой принцессѣ, если мой красавецъ не хорошъ для нея? Не огорчайся, Коля. Подними голову, нечего дѣлать, промахнулся!

— Конечно, да... это только въ первое время, — шепталъ Николай; застывшая улыбка не сходила съ его губъ. Вдругъ съ громкимъ рыданіемъ, потрясшимъ все его тѣло, онъ упалъ лицомъ на сложенные на столѣ руки.

— Коля! Николай!... Бѣдный мальчикъ! — нѣжно говорилъ Ленскій, глядя его голову. — Такъ вотъ какъ это сильно! Видишь ли, я не понимаю этого... Сначала я только разсердился, разбранилъ ее, потому что она оскорбила мою родительскую гордость. Но если ты дѣйствительно такъ любишь ее, то давай разберемъ дѣло поближе, мой бѣдный мальчикъ... Ты виѣ себя, и все это изъ-за женщины! Я никогда не страдалъ такъ и не могу представить себѣ твоихъ чувствъ. Правда, когда твоя мать не хотѣла меня тогда видѣть въ Римѣ! Но она была единственная, кромѣ нея мнѣ всѣ были безразличны. Ты качаешь головой, ты правъ, это глупости, но такъ говорятъ всегда, когда сердятся. Боже мой, если бы кто-нибудь посмѣлъ мнѣ сказать, что моя Маша не лучше, чѣмъ... Но это не относится сюда... мы говоримъ о твоихъ дѣлахъ. Видишь ли, я не могу себѣ представить, чтобы дѣвушка, не влюбленная въ кого-нибудь другаго, отказала тебѣ, если ты сдѣлалъ ей предложеніе.

— А, между тѣмъ, это такъ, — сказалъ Николай, овладѣвъ собой и слушая отца, опершись головой на руку.

— Здѣсь должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, — задумчиво произнесъ Ленскій, — въ особенности, если справедливо, какъ ты писалъ, что она держала себя съ тобой не холодно, поощряла даже твои посѣщенія. Скажи, вы всегда были втроемъ? — Лицо Ленскаго приняло глубокомысленное выраженіе. — Соня была всегда тутъ же... какую роль играла она между вами?

— Какую роль? — Николай покраснѣлъ. — Мы были съ ней всегда хороши... Мы любимъ другъ друга, почти какъ братъ съ сестрой.

— Такъ, а та барышня любитъ Соню?

— Она заботится объ ней, какъ самая нѣжная мать.

— Гм... и она отказала тебѣ... сегодня отказала?

— Да. Сколько разъ повторять мнѣ это! Боже мой, если бы она сказала мнѣ хоть ласковое слово, но она просто выгнала меня.

Глаза Николая гнѣвно засверкали; затѣмъ онъ прибавилъ медленно, съ трудомъ, но отчетливо выговаривая каждое слово:

— Я не могъ удержаться, поцѣловалъ ея руку, но она оттолкнула меня, точно испугалась!

— Да? У нея есть это?... Ахъ, ты, глупенькій!... — Въ голосѣ Ленскаго слышалась какъ бы съ трудомъ сдерживаемая гордость. — Неужели же ты вправду думаешь, что такому мужчинѣ, какъ ты, дѣвушка отказываетъ такъ невѣжливо, если она вполне увѣрена въ своемъ сердцѣ? Не горюй больше, Коля!

— Отецъ!

— Дѣло ясно, она жертвуетъ собою изъ дружбы къ Сонѣ! Хорошія дѣла ты устроилъ, нечего сказать! — Ленскій засмѣялся. — Но мы поправимъ это! Завтра днемъ я поговорю съ ней, и если она мнѣ понравится, — на это условіе ты долженъ согласиться, милый мой, — если она понравится мнѣ, то... — и онъ протянулъ юношѣ объ руки, — что, если я достану тебѣ твою игрушку?

Коля ничего не отвѣтилъ, только съ чувствомъ пожалъ руку отца.

— Первый поцѣлуй твоей невѣсты... слышишь ты?... первый, — шутилъ Ленскій, — безъ этого условія я не согласенъ. Ты получишь только второй.

— Да, отецъ.

— Отлично! — Ленскій поднялся.

— Уже полночь... ложись спать. Когда ты ѣдешь?

— Завтра въ девять вечера.

— Если я принесу тебѣ радостное извѣстіе, останешься ты еще на сутки?

Николай задумчиво улыбнулся.

— Ну, не падай духомъ, упрямое дитя, — спи спокойно! Я свое дѣло сдѣлаю... и не скажу ей, что видѣлъ, какъ ты плакалъ изъ-за нея, точно дѣвчонка. — Эти слова онъ шепнулъ сыну на ухо, обнимая его на прощаніе.

Въ этотъ вечеръ никто не посмѣлъ бы напомнить Николаю ни одного изъ поступковъ, за которые прежде онъ самъ не безъ горечи осуждалъ отца. Онъ забылъ все, что прежде ему не нравилось въ великомъ артистѣ. Сегодня онъ понялъ безграничную любовь, которую его мать, несмотря на всѣ нанесенныя ей оскорбленія, чувствовала къ этому человѣку.

«Какой удивительный человѣкъ! — шепталъ онъ, засыпая, — какое золотое сердце!»

VII.

Ленскій былъ дѣйствительно удивительный въ своемъ родѣ человѣкъ и необычайно добрый. Не многіе знали, какъ онъ добръ. Какъ и на большинство великихъ людей, на него много клеветали, но никому не удавалось это съ такою искусною убѣдительною, какъ ему самому. Раздраженный постоянно встрѣчаемой на пути лестию, онъ изъ духа противорѣчія приписывалъ своимъ благороднѣйшимъ поступкамъ самые низкіе мотивы и отрицалъ въ себѣ всякое чистое побужденіе; а такъ какъ въ Европѣ мало знакома русская національная черта, самоуничженіе, то его слушатели принимали все, что онъ говорилъ, за чистую монету. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ замѣчательно великодушный человѣкъ и къ людямъ, особенно къ своимъ собратьямъ по искусству, относился необыкновенно доброжелательно. Его нельзя было упрекнуть въ зависти, — онъ никогда не старался столкнуть слабѣйшаго, чтобы занять его мѣсто, а, напротивъ, всегда готовъ былъ дружески поддержать и протянуть руку.

Самоубійство Булатова страшно поразило его. Въ то время, какъ Николай довольно спокойно проспалъ ночь, Ленскій не смыкалъ глазъ; его неотступно преслѣдовала мысль о несчастномъ, котораго онъ прогналъ изъ своего дома, — мысль объ умершемъ, мысль объ оставшейся, полубезумной отъ горя, вдовѣ.

Когда на слѣдующее утро Ленскій встрѣтился съ Николаемъ за завтракомъ, онъ имѣлъ несчастный видъ и первое, что онъ сказалъ, здороваясь съ сыномъ, было:

— Я потомъ еще думалъ о твоёмъ положеніи, — все подтверждаетъ мои догадки. Тебѣ нечего бояться, мой бѣдный мальчикъ! Но потерпѣть немного придется; утромъ я никакъ не могу поѣхать къ ней; мнѣ необходимо быть у Булатовой, чтобы посмотрѣть, что съ ней и что можно для нея сдѣлать; мнѣ покоя не дастъ ея горе!

VIII.

Быль Духовъ день. Свинцовыя, медленно надвигающіяся тучи заволакивали небо; надъ всѣмъ Парижемъ стояла страшная, невыносимая жара и то тяжелое настроеніе, которымъ въ большихъ городахъ отличается обыкновенно конецъ слѣдующаго за воскресеньемъ праздника. Все было утомлено двухдневнымъ бездѣльемъ. Люди зѣвали передъ дешевыми кафе, устало смотрѣли впередъ и заботливо ощупывали опустѣвшіе отъ вчерашнихъ удовольствій карманы; даже дѣти соскучились и радовались, что завтра пойдутъ въ школу.

Около двухъ часовъ по улицѣ Бланшъ ѣхалъ извозчикъ. Въ каретѣ сидѣла Маша съ громаднымъ букетомъ розъ на колѣняхъ. Въ голубыхъ глазахъ дѣвушки была какая-то неподвижность, точно панической ужасъ.

Медленно плелась уставшая отъ вчерашней воскресной работы лошаденка изъ улицы Бланшъ въ улицу Пигаль, затѣмъ въ улицу Лаваль. Съ трудомъ втащился экипажъ по узкой, крутой, окаймленной садиками, улицѣ Фрохоть и повернулъ во дворъ, гдѣ находились мастерскія.

— Фрейленгъ фонъ-Санкiewiczъ въ мастерской? — спросила Маша, выходя изъ экипажа, у привратницы.

— Да, барышня.

Маша остановилась въ нерѣшительности, точно не ожидала этого, потомъ сказала:

— Отдайте ей цвѣты отъ...

Въ эту минуту на порогъ показалась Нита.

— А! — радостно воскликнула она. — Наконецъ-то ты пріѣхала! Войди же!

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтила Маша, слѣша и волнуясь. — Я не могу оставаться, я хотѣла принести тебѣ только розы... на прощаніе...

— На прощаніе?... Какъ такъ?

— Папа пріѣхалъ вчера и вотъ...

— И вотъ ты уѣзжаешь съ нимъ, — докончила Нита начатую

фразу. — Онѣ очень хороши, твои розы, но я не приму ихъ, если ты не войдешь. Ты и такъ должна мнѣ столько визитовъ, голубка моя!

Говоря это, она съ сожалѣніемъ смотрѣла на дѣвушку; ей казалось, что въ ней что-то необыкновенное, что она измѣнилась. Прежде ни на комъ не сидѣло такъ хорошо платье, какъ на Машѣ; ея фигурой восторгались всѣ портнихи, и самому простому платьицу она умѣла, трудно сказать чѣмъ, именно походкою, манерами, передать свое врожденное изящество. Теперь было не то. Траурное платье, которое она еще носила по покойномъ дядѣ, висѣло, точно было сшито не по ней; въ ея фигурѣ было что-то некрасивое, неграціозное; Нитѣ невольно захотѣлось выпрямить ея станъ.

— Войди же! — настаивала Нита.

Маша колебалась минуту, потомъ исполнила желаніе Ниты.

— На одну минуту, — прошептала она, — мнѣ хочется еще разъ взглянуть на твою мастерскую... въ послѣдній разъ и на твою картину. Коля говоритъ, что она замѣчательно хороша.

— Смотри, вонъ она на мольбертѣ! — сказала Нита, ставя бѣлыя розы въ кружку флорентійскаго фарфора.

Маша подошла къ картинѣ. Она изображала лежащій на носилкахъ трупъ утопленницы. Простая, грубая юбка и толстая рубашка, намоченія отъ воды, прилипли къ вытянутому худому тѣлу, производящему такое впечатлѣніе, точно его только что вытащили изъ воды. Шея, тонкія худыя руки были обнажены, также какъ и ноги. Все это было передано съ почти невѣроятною смѣлою правдивостью; но прелесть головки, трогательно-довольная улыбка покойницы мирили зрителя съ излишнею реальностью.

— Какъ это пришло тебѣ въ голову? — воскликнула Маша, вздрогнувъ.

— Я видѣла въ Моргѣ, — отвѣтила Нита. — Въ одно изъ воскресеній, вскорѣ послѣ открытія Салона, мы были очень веселы, Николай, Соня и я. Мы пошли въ Моргъ точно для забавы, но когда я вышла оттуда, мое сердце было такъ полно; я сейчасъ же почувствовала, что напишу картину. Этимъ путемъ я всегда отдѣлываюсь отъ непріятнаго впечатлѣнія.

Маша все еще смотрѣла широко открытыми глазами на картину.

— А кто служилъ тебѣ моделью? — прошептала она.

— Портниха изъ улицы Дуэ.

— Какое довольное у нея выраженіе! Какъ ты думаешь, можетъ быть у мертвой такое довольное выраженіе? — Маша говорила такъ тихо, точно передъ ней лежала настоящая покойница.

— У утопленницы въ Моргѣ было такое же выраженіе; впрочемъ, я его часто замѣчала у мертвыхъ,—отвѣтила Нита.— Ты никогда не видала покойниковъ?

— Никогда!—возразила Маша, качая головой,—никогда!

— Ни даже твоей матери?

— Ни даже ея,—я не хотѣла... я боялась,—и, схвативъ Ниту за локоть, она спросила ее, задыхаясь:—Нита, вѣришь ты, что послѣ этой жизни существуетъ еще другая?

Если бы кто-нибудь другой задалъ этотъ вопросъ Нитѣ, она, вѣроятно, многое отвѣтила бы на него; мучимой, очевидно, страхомъ дѣвушкѣ она просто и серьезно отвѣтила:

— Да! А теперь отойди отъ этой гадкой картины; я бы совсѣмъ не позволила ее тебѣ смотрѣть, если бы не забыла, что ты такая нервная. А теперь садись покойнѣе! Вѣдь, ты пробудешь у меня до обѣда!—и Нита хотѣла снять съ нея шляпу.

Маша отстранила ее.

— Я должна ѣхать... должна ѣхать!—повторяла она съ тою же безпокойною торопливостью; вдругъ она сама сняла шляпу.— Одну минуту, только одну минуту,—прошептала она.— Садись ты на кресло, Нита, а я здѣсь... Она сѣла на подушку у ногъ подруги и, положивъ голову къ ней на колѣни, попросила ее:—А теперь доставь мнѣ удовольствіе... помаскай меня, ты такъ хорошо умѣешь!

Было очень жарко, даже въ высокой просторной мастерской. Со двора доносился шумъ. Гдѣ-то вдали плохенькая скрипка медленно что-то наигрывала. Нита уже думала, что Маша заснула, когда она прошептала, приподнявъ голову:

— Какъ назвала ты ее?

— Кого?

— Твою картину.

— Мученица.

— А! мученица... мученица... а ты... не думаешь, что она сама лишила себя жизни?... Нехорошо лишать себя жизни?

Нита ничего не отвѣтила.

— И... ты думаешь, что она лишила себя жизни... потому что... — Маша прошептала тихо, спрятавъ лицо въ складкахъ платья Ниты:—потому что она сдѣлала что-нибудь дурное.

— Ахъ, Маша, откуда приходятъ тебѣ въ голову такія мысли?—сказала Нита укоризненно.

Маша замолчала, а Нита продолжала нѣжно гладить ея голову, точно любящая мать, убаюкивающая своего ребенка.

Черезъ минуту Маша заговорила опять.

— Нита!—прошептала она такимъ слабымъ и глухимъ голосомъ, что Нита съ трудомъ понимала ее, —могла бы ты продолжать любить кого-нибудь, если бы ты узнала, что онъ сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Что хочешь ты сказать?—воскликнула Нита, чувствуя, что тѣло прижавшейся къ ней молодой дѣвушки дрожить, какъ въ лихорадкѣ.

— Могла бы ты понять, что можно сдѣлать что-нибудь дурное, очень дурное, не будучи дурною?

Минуту Нита колебалась, затѣмъ сказала:

— Да, я думаю, да... но что могла ты сдѣлать дурнаго?

— Я... о, ничего... конечно... рѣчь не обо мнѣ, —горячо увѣряла Маша, — но когда живешь такъ уединенно и нѣтъ никого, съ кѣмъ бы можно было поговорить, тогда невольно приходятъ въ голову разныя мысли, это глупо...

— Нѣтъ! — воскликнула Нита, — это не глупо, это грустно; какъ могли тебя такъ долго оставлять у этихъ противныхъ людей?

Маша молча пожала плечами.

— Но теперь это кончится, ты будешь счастлива, будешь опять здорова и весела!

— Да!—прошептала Маша чуть слышно: — счастлива... здорова... весела!

— Если бы ты уѣхала куда-нибудь далеко, подальше отъ здѣшной духоты и пыли, куда-нибудь, гдѣ больше тѣни, больше прохлады и зелени, гдѣ каждый день разцвѣтаютъ новыя розы, гдѣ воздухъ вечеромъ почти такъ же свѣжъ и чистъ, какъ утромъ... Вѣдь, тебѣ хочется уѣхать?

— Да, — прошептала Маша, — я хочу уѣхать далеко, далеко отъ домовъ, отъ людей, отъ жары, далеко отсюда... куда-нибудь, гдѣ прохладно, очень прохладно!

— Бѣдная дѣвочка, моя бѣдная, дорогая Маша!

Черезъ минуту Маша заговорила опять чуть слышно:

— Помнишь ты, какъ я въ первый разъ пришла къ тебѣ и испугалась черепа? Ты была такъ добра ко мнѣ; я полюбила тебя съ первой минуты.

— А я тебя, ангелъ мой. Не забывай меня, пиши мнѣ. Ты общаешься?

Но Маша ничего не отвѣтила, а только цѣловала тонкія руки молодой дѣвушки.

Вдругъ она вскочила.

— Теперь пора... прощай!—воскликнула она.—Прощай!

Она горячо обняла подругу, затѣмъ быстро оттолкнула ее отъ себя; не успѣла Нита опомниться, какъ Маша уже выбѣжала изъ мастерской и вскочила въ карету; изъ окна она еще посылала подругѣ поцѣлуй. Забудетъ ли когда-нибудь Нита неподвижные, точно стеклянные глаза, которыми смотрѣла на нее бѣдная Маша?

IX.

Не успѣла Маша скрыться, какъ Нита почувствовала, что должна бѣжать за ней; ей было жаль, что она не проводила ее; сначала она такъ и хотѣла сдѣлать... «Но... я не нужна ей больше; ей отецъ здѣсь», — прошептала она и сѣла за работу; съ неувѣреннымъ, но часто оттого только болѣе блестящимъ совершенствомъ, проявляющимся у насъ въ возбужденномъ нервномъ состояніи, она принялась за свою картину.

Непріятное волненіе, вызванное сценой съ Николаемъ, еще не улеглось въ ней. Какъ спокойна Соня! Неужели никогда не исполнится ея желаніе?

На улицахъ, попрежнему, шумѣли и кричали, но вокругъ Ниты была необыкновенная тишина.

Одиночество увеличивало рвеніе Ниты. Она не хотѣла больше трогать головки своей «мученицы», считая ее конченной; теперь же не могла устоять передъ искушеніемъ провести нѣсколько линій около рта, вокругъ глазъ. Она громко вскрикнула отъ радости при видѣ получившагося впечатлѣнія; головка сдѣлалась еще прелестнѣе и трогательнѣе... но кого напоминаетъ она теперь... кого?... «Машу»... Нита вздрогнула... это сходство не должно оставаться. Жаль! Боясь испортить свое произведеніе изъ предусмотрительной нѣжности, Нита забыла даже на минуту жалость къ своей любимой подругѣ. Но только на минуту; ею сейчасъ же снова овладѣло безпокойство и она опять задала себѣ тотъ же вопросъ: «Что съ ней? неужели только несчастная любовь къ Барлу?»

Вдругъ въ ея головѣ мелькнула ужасная мысль. «Не можетъ быть! — воскликнула она, отрицая собственное страшное подозрѣніе. — Не можетъ быть... нѣтъ... а, между тѣмъ...» Потъ выступилъ у нея на лбу, она отложила въ сторону кисти и палитру.

Тучи заволокли все небо; сдѣлалось почти совсѣмъ темно; дождь лилъ какъ изъ ведра. Объ рисованіи нечего было и думать. Нита собственно могла бы уйти домой, но одинъ торговецъ картинами назначилъ, что придетъ въ четыре часа. Въ такой ливень онъ, конечно, не прійдетъ, — но вотъ... не вѣхалъ ли экипажъ во дворъ?

Звонять у ея двери, она отпираетъ... Кто это?... Нита едва успѣла удержаться за кресло, чтобы не упасть... Ленскій!...

Несмотря на темноту, она ясно разглядѣла его высокую, теперь немного сгорбленную фигуру, обрамленное длинными, полувьющими волосами лицо. Нита стояла противъ свѣта. Ленскій видѣлъ только неясныя линіи ея фигуры; но эти линіи понравились ему; ея осанка, форма маленькой, гордо поднятой головки были симпатичны. Боля доказалъ, повидимому, что у него не дурной вкусъ. Только бы ледъ растаялъ,—такъ трудно найти первое слово!

Медленно отступая назадъ, Нита отошла въ глубь комнаты. Она не произнесла ни привѣтствія, ни предложила ему сѣсть, ни спросила даже, что привело его къ ней.

— Непрошенный гость...—началъ Ленскій смущенно, неловко, но съ любезною улыбкой. —Я не знаю даже, знаете ли вы меня... по виду, разумѣется?

Нита вздрогнула, не отвѣчая.

— Ну, да, вы знаете меня, я—артистъ Ленскій... Но для васъ я только отецъ бѣднаго молодого человѣка, которому вы причинили сильное страданіе.

Онъ остановился, точно ожидая, что она отвѣтитъ; но она молчала и только еще на шагъ отступила назадъ. Точно съ картиной или статуей онъ разговаривалъ. «Что съ ней?»—думалъ онъ. Но онъ обѣщалъ сыну поговорить съ нею, —теперь Нита немного повернула къ нему головку, онъ увидалъ ея профиль,—она прелестна, съ этимъ нельзя не согласиться, и сколько гордости и характера въ выраженіи ея губъ и подбородка! Съ ней трудно будетъ сладить, но попытаться, все-таки, необходимо.

— Вы находите меня, повидимому, очень навязчивымъ,—снова началъ онъ, полусутоливо.—Но измѣнить этого нельзя; вамъ не удастся удалить меня, раньше чѣмъ я не заставлю васъ заговорить. Я зналъ о Колиной любви и радовался счастью, на которое уже рассчитывалъ для него; когда вчера онъ признался мнѣ въ своемъ горѣ и имѣлъ такой несчастный видъ, я рѣшилъ во что бы то ни стало помочь ему. Мы, отцы, странные люди... я не могу понять, какъ такая хорошая, отзывчивая дѣвушка, какъ вы, судя по описанію Николая, можете отказать моему сыну въ любви. Но что съ вами?... Почему вы ничего не отвѣчаете?... Настойчивы вы, повидимому, обладаете сильнымъ характеромъ и ничего не дѣлаете на половину, не выдаете подруги, которой вы приносите себя въ жертву. Угадалъ я, дитя мое?... Я хотѣлъ бы заглянуть вамъ въ лицо...—Онъ протянулъ голову впередъ и пристально посмотрѣлъ на

Ниту, — и вы очень... очень хороши... васъ стоить покорить... Я я васъ покорю. — Онъ хотѣлъ взять ея руку, но она быстро отдернула свою.

На дворѣ немного прояснилось; солнечный лучъ пробился сквозь тучи; большія капли, громко ударявшія объ оконныя стекла, блестя и сверкали. Съ гнѣвнымъ движеніемъ, которымъ хотятъ положить конецъ невыносимому состоянію, Нита повернула лицо къ артисту. Глаза ея были полны гордости, смѣшанной съ ужасомъ. Онъ посмотрѣлъ на нее пристальнѣе; сильное безпокойство овладѣло имъ.

— Не встрѣчалъ ли я васъ раньше?...

Его глаза встрѣтились съ ея взоромъ. «Великій Боже!» — Ленскій вздрогнулъ. Еще минуту онъ стоялъ точно окаменѣлый отъ ужаса.

— Простите! — прошепталъ онъ чуть слышно и, закрывъ глаза рукой, вышелъ изъ комнаты.

X.

— Ну? — крикнулъ Николай отцу.

Цѣлый часъ сидѣлъ онъ, сгорая отъ нетерпѣнія въ номерѣ въ ожиданіи возвращенія отца.

— Ничего не вышло, — пробормоталъ Ленскій угрюмо, — ничего... надо покориться, дѣлать нечего! — и, точно желая положить конецъ этому разговору, онъ спросилъ: — Никого не было безъ меня?

— Сюда никто не приходилъ, — отвѣтилъ Николай. — Я такъ и думалъ, что это напрасно, — прошепталъ онъ, съ трудомъ владѣя собой. — Но ты былъ такъ увѣренъ... Такъ ничего... никакой надежды? — и съ жалкою улыбкой онъ прибавилъ: — Должно быть, тебѣ это только что принесли!... Отличная статья о Гекторѣ Берлиозѣ сегодня въ *Temps*, тебѣ слѣдуетъ ее... ахъ, какъ я глушь!... и разорвалъ газету... извини!

Онъ все еще съ мольбой смотрѣлъ на отца, точно ожидая, что тотъ подробнѣе расскажетъ все, что произошло. Но скрипачъ молчалъ. Онъ пробормоталъ что-то про себя, затѣмъ сѣлъ у камина спиною къ Николаю и устремилъ взглядъ впередъ.

— Она... она не понравилась тебѣ? — спросилъ Николай.

Ленскій ничего не отвѣтилъ.

Въ это время раздался въ дверяхъ громкій стукъ. Въ Ленскому приходили всегда безъ доклада; у него былъ заведенъ такой обычай.

— Войдите!—рѣзко крикнулъ онъ.

Вошелъ высокій, худой мужчина съ желтымъ лицомъ, съдыми усами, одѣтый съ иголочки въ отлично сидящій сюртукъ и безукоризненные сѣрые панталоны, съ новомоднымъ блестящимъ цилиндромъ въ рукѣ. То былъ Валеріанъ Карловичъ Казинъ, отецъ Сони.

— Какъ я радъ, что встрѣтилъ тебя въ Парижѣ!—воскликнулъ онъ, обнимая Ленскаго.—Не дурно мы съ тобой прожили здѣсь въ свое время!

— Да, очень,—пробормоталъ Ленскій.

— Какой воздухъ!—говорилъ Казинъ.—Точно шампанское ударяетъ въ голову. Я пьянъ, совершенно пьянъ! Угадай, кого я встрѣтилъ въ Парижѣ? Нашу Сенту изъ Вѣны.

— Я не знаю, о комъ ты говоришь!—воскликнулъ Ленскій съ плохо скрытымъ безпокойствомъ.

— О прелестной дѣвушкѣ, которую мы съ тобой встрѣчали у Никитиной въ Вѣнѣ. Мы называли ее Сентой потому, что она влюбилась въ твой портретъ, Боря, точь - въ - точь какъ вагнеровская мечтательница въ портретъ вѣтреннаго голландца. Я даже и не зналъ, есть ли у нея другое имя.

— Здѣсь невыносимая жара!—пробормоталъ Ленскій, рванувъ за воротъ рубашку.—Открой окна, Николай.

Николай исполнилъ приказаніе отца и остался у окна,—съ такимъ чувствомъ, точно надъ его головой висѣлъ топоръ палача.

— Я не помню,—сказалъ Ленскій.

— Правда, ты не помнишь? Но, а ргорос, если это тебя не стѣснить, не можешь ли ты мнѣ одолжить одну или двѣ тысячи франковъ?... Я уже телеграфировалъ...

— Пожалуйста, Николай, достань двѣ тысячи франковъ въ моемъ письменномъ столѣ, въ спальнѣ, вотъ ключъ.

Николай взялъ ключъ и удалился въ сосѣдную комнату, оставивъ за собою дверь открытой, какъ не безъ досады замѣтилъ отецъ.

— Такъ ты совсѣмъ не помнишь ее?—болталъ Казинъ.—Это для меня непонятно, ты же былъ безъ ума отъ нея, увлеченъ, я никогда не видалъ тебя прежде такимъ. Я видѣлъ ее только одинъ разъ, только одинъ разъ, но отлично помню. Она, правда, не обратила на меня тогда вниманія, она не видѣла и не слышала въ то время ничего, кромѣ Ленскаго... Ты долженъ помнить ее. Ее называли Сентой въ круту Никитиной.

— Несешь ты деньги, Коля?—съ раздраженіемъ крикнулъ Ленскій сыну.

— Сейчас, отецъ. Замокъ заржавѣлъ... я... ошибся ключомъ... — отвѣтилъ Николай.

— Теперь ее зовутъ фрейленъ фонъ-Санквевичъ и она лучшая подруга моей дочери, — рассказывалъ Базинъ. — Замѣчательнѣе всего то, что она ни слова не говорила Сонѣ о тебѣ. Молоденькія дѣвушки всегда болтаютъ другъ съ другомъ обо всемъ... Помнишь, зимой въ одномъ изъ твоихъ концертовъ она упала въ обморокъ... Она не забыла тебя, очевидно. А ты, неблагодарный... Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, нравиться тебѣ, да еще такъ сильно нравиться? Всѣ обожательницы музыки съ ума сходили отъ ревности... Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, если ты ее опять увидишь, она еще разъ вскружитъ тебѣ голову; она прелестнѣе прежняго, — очень измѣнилась, но и очень похорошѣла.

Вошелъ Николай и подаль деньги. Вскорѣ послѣ этого Базинъ удалился. Николай вѣжливо проводилъ его до двери, которую заперъ за нимъ; при разговорѣ, который онъ хотѣлъ имѣть съ отцомъ, Николай не хотѣлъ, чтобы ему мѣшали.

— Такъ это было... это... — медленно произнесъ онъ, подходя къ Ленскому.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, — неувѣренно пробормоталъ Ленскій; но глаза его опустились передъ обвиняющимъ взоромъ сына.

На минуту водворилась глубокая тишина. Бровь прижала Ленскому къ лицу, онъ тяжело дышалъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ произнести ни слова.

— Ты угадалъ! — воскликнулъ Николай. — Она негодная женщина! — Схвативъ себя за лобъ, онъ продолжалъ: — Это было шесть лѣтъ тому назадъ, она была ребенкомъ, невмѣняемымъ отъ увлеченія, обезумѣвшимъ отъ музыки ребенкомъ... нельзя быть очень строгимъ. Ахъ!... — и съ хриплымъ стономъ онъ схватилъ себя за голову. — Всегда одно и то же... Ты правъ... а я былъ глухъ! — и онъ бросился къ двери, но тяжелая рука удержала его за плечо.

— Боля, останься! — воскликнулъ Ленскій.

— Отецъ!

— Это не такъ, какъ ты думаешь, — тихо сказалъ Ленскій, поднявъ опущенную голову. Румянецъ сбѣжалъ теперь съ его лица, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Такъ это только глупая болтовня Базина? — воскликнулъ Николай. — Ты никогда не видалъ ее... или, по крайней мѣрѣ, она никогда не нравилась тебѣ?

Ленскій покачалъ головой.

— Нѣтъ, она правилась мнѣ,—глухо произнесъ онъ,—очень правилась; относительно этого Базинъ сказалъ правду,—она необыкновенно правилась мнѣ. Въ ней было что-то особенное, больше теплоты и естественности, чѣмъ у другихъ, и такая своеобразная манера смотрѣть на человѣка, которую ты знаешь. Я думалъ... но я ошибся...—Онъ остановился.

— Ну, отецъ?

— Разъ вечеромъ я засталъ ее одну,—прошепталъ Ленскій чуть слышно.—Никитина подстроила это. О, низость, подлость женщины, желающей во что бы то ни стало угодить! Я потерялъ голову. Сначала она не поняла меня... я подумалъ, что это жеманство... Говорить ли тебѣ все?

— Да!

— Ну...—Ленскій говорилъ хриплымъ голосомъ.—Я былъ какъ дикій звѣрь... она крикнула на помощь. Я услышалъ чьи-то шаги, на счастье для нея... я испугался, какъ воръ, и скрылся. Довольно съ тебя теперь?—крикнулъ онъ и топнулъ ногой.

Ленскій замолчалъ; лицо Николая было блѣдно.

— Теперь я знаю, почему я внушаю ей ужасъ,—беззвучно произнесъ онъ, не глядя на отца. Съ этими словами онъ вышелъ.

XI.

Въ это самое время Маша стояла въ своей комнатѣ передъ каминными часами и считала: «разъ... два... три... четыре... пять ударовъ! Разъ... два... три... четыре... пять... шесть!... Теперь должно совершиться!»—тихо произнесла Маша.

Должно совершиться! Медленно, но постепенно и увѣренно, пересиливая, ею овладѣло это убѣжденіе. Сначала оно подкралось къ ней какъ смутный страхъ, какъ будто холодная рука призрака прикоснулась къ ея спинѣ, потомъ обратилось въ страшное приказаніе. Она боролась противъ него со всѣмъ дико возстающимъ ужасомъ, который ощущаетъ очень молодое существо при мысли о смерти,—она не хочетъ, не хочетъ! Но, наконецъ, отчаяніе, соединенное съ усиливающеюся съ каждымъ днемъ физическою слабостью, способствовало рѣшенію: «да, это должно совершиться!»

Это должно совершиться! Но какъ привести въ исполненіе? Ядъ?... Нѣтъ... она должна исчезнуть со свѣта тагъ, чтобы ее не нашель никто, кто ее зналъ, чтобы никто никогда не узналъ...

И въ короткія, свѣтлыя весеннія ночи въ головкѣ ея созрѣлъ такой хитро рассчитанный планъ, какой можетъ придумать только романтическая молоденькая дѣвушка.

XII.

Все готово. Маша отложила исполненіе своего плана до возвращенія отца и поэтому-то испугалась при видѣ его, вмѣсто того, чтобы обрадоваться. Ей представилось, будто палачъ приблизился къ ней и крикнулъ: «Иди, пора!» Какъ добръ былъ къ ней отецъ! Какую чудную будущность рисовалъ ей!... Черная стѣна воздвигалась передъ ней. Будущности не можетъ теперь быть!

Разъ... два... три... четыре... пять... шесть ударовъ! Часъ насталъ! Она переодѣлась—ни одной нитки изъ своихъ прежнихъ вещей она не оставила на себѣ, а перемѣнила все на вещи, которыя постепенно, потихоньку пріобрѣтала, начиная съ грубыхъ чулокъ и башмаковъ.

Если ея тѣло вытащатъ, то ни одинъ человекъ не долженъ подозревать, что дѣвушка въ простомъ деревенскомъ платьѣ можетъ быть избалованною дочерью Бориса Ленскаго. Она взяла изъ шкатулки жемчугъ матери, который давно уже не носила, и поцѣловала его. Затѣмъ опустилась на колѣни передъ крестомъ и помолилась. Ея сердце стучало такъ, что готово было выскочить.

— Лиза, скажите тетѣ, чтобы она не ждала меня сегодня къ обѣду,—крикнула она горничной севозъ запертую дверь въ сосѣднюю комнату,—я обѣдаю у папы.

— Très bien, mademoiselle!

И Маша направилась внизъ. На лѣстницѣ она вдругъ почувствовала страшную жажду. Она завернула въ столовую, взяла графинъ съ буфета и съ жадностью выпила воды. Севозъ запахъ кожи и горячей пыли, наполняющій городскія столовыя лѣтомъ, на Машу пахнулъ пріятный аромат. Красная пирамида свѣжей сочной малины, ея любимыхъ ягодъ, возвышалась въ вазѣ. Маша протянула руку къ душистымъ ягодамъ, съѣла двѣ, три. Вдругъ въ горлѣ у нея сжалось, она почувствовала тошноту; Маша быстро выбѣжала. Но у двери она остановилась, она колебалась. Но развѣ уже сію минуту?... Еще недѣлю, двѣ недѣли прожить, насладиться солнечнымъ свѣтомъ, испытать ласки отца... все забыть... быть счастливой!... Двѣ недѣли счастья, а потомъ...

Часы въ домѣ пробили четверть седьмаго,—черезъ нѣсколько минутъ вернется домой тетка. Маша двинулась впередъ.

Вотъ она уже за воротами. Улица Ваграмъ осталась за ней,

она въ Елисейскихъ поляхъ. Листья каштановъ, еще мокрые отъ послѣдняго дождя, блестяи на солнцѣ и шумѣли. Тѣни становились длиннѣе. Маша кивнула проѣзжавшему мимо пустому извозчику.

— На ближайшую станцію «Ласточки», — приказала она.

«Ласточка» — пароходъ, ежедневно ходящій между Парижемъ и Сентъ-Клу, уже отходилъ, когда Маша пріѣхала на пристань. Она хотѣла подождать слѣдующаго парохода.

— Mais non, ma bonne fille, — сказалъ почернѣвшій отъ золы кочеварь, — montez toujours, — и помогъ ей взойти на палубу.

Маша сѣла и принялась спокойно разглядывать публику; иногда она забывала, зачѣмъ она здѣсь, но ни на минуту не могла отдѣлаться отъ ужаснаго чувства въ груди. Забывшись, она невольнично строила планы на завтрашній день, потомъ вздрогнула. Завтра въ это время... что будетъ?

Волны пѣнятся и плещутъ о деревянные борты корабля; серебристый блескъ стелется по Сенѣ. Громадный силуэтъ моста остался позади. Направо отъ парохода тянется шумящее море зелени, налѣво зеленая равнина съ недоконченными строеніями, кучами песку и длинными рядами тонкихъ, молодыхъ тополей. Затѣмъ наступаетъ ярмарочный шумъ, выкрикиваніе у балагановъ, скрипъ каруселей, звуки шарманокъ въ отелѣ. Парижъ видѣется уже вдаль, окутанный синеватою дымкой, изъ которой выдѣляется только блестящій куполъ дома инвалидовъ. Зеленые берега направо и налѣво, красноватый отблескъ на Сенѣ заходящаго солнца, вдоль береговъ тѣнистыя ивы и грустный шелестъ листвы, а тамъ, за прозрачною сѣтью зеленыхъ вѣтвей, что это?... Маша вытянула голову впередъ. Толпа хорошенькихъ дѣвушекъ съ большими букетами цвѣтовъ въ рукахъ.

Дальше скользить пароходъ. Еще разъ протянула Маша голову, — дѣвушекъ уже не видно, только отдаленное эхо ихъ пѣсни доносится еще по волнамъ.

— «Мѣдонъ, Мѣдонъ!» Маленькій сѣрый городокъ, расположенный у подошвы зеленого холма.

Каждый разъ, какъ останавливался пароходъ, Маша говорила себѣ: «Теперь пора!» Каждый разъ хотѣла она выйти на берегъ, найти гдѣ-нибудь мѣстечко среди развѣсистыхъ ивъ, чтобы безпрепятственно исполнить то, что она задумала; еще разъ упасть на колѣни на ивѣжную весеннюю траву среди прелестныхъ цвѣтовъ, поручить матери свою слабую душу и затѣмъ... Да, на каждой станціи хотѣла она выйти и не могла, сидѣла, точно пригвожден-

ная отъ страха передъ тѣмъ ужасомъ, противъ котораго возставалъ каждый фибръ ея молодой жизни.

— «Севръ!»

Все, что есть прекраснаго на свѣтѣ, проносится въ ея душѣ. Напрасно старалась она обратить свои упованія на будущую вѣчную жизнь; то, что рисовало ея воображеніе, было грубо, матеріально, отталкивающе. Ее найдутъ обезображенною и испачканною грязью гдѣ-нибудь въ тинѣ; чужіе люди стащутъ съ нея платье. Щеки ея пылали и потомъ... еще другое мучительное чувство при-мѣшивалось ко всѣмъ этимъ ужасамъ—малодушный страхъ не только смерти, но и физическихъ страданій, предшествующихъ смерти.

— «Сентъ-Блу!» Это послѣдняя станція.

Кто-то изъ пароходной прислуги спросилъ Машу, сойдетъ ли она. Она поднялась. Въ глазахъ ея потемнѣло, холодный потъ выступилъ на лбу, она, шатаясь, упала на свое мѣсто.

Медленно двигаясь противъ теченія, пароходъ возвращался въ Парижъ. Сквозь шепотъ деревьевъ на берегу слышалось пѣніе птицъ. Упоительный аромат поднимался отъ земли и доносился по водѣ.

Маша сидѣла блѣдная, слабая, точно послѣ тяжелой болѣзни; она не понимала теперь, зачѣмъ она должна умереть. Ее отецъ проститъ, его любовь безгранична,—это она знаетъ, а другіе?...

Съ своимъ прежнимъ дѣтскимъ своевольствомъ она пожала плечами,—ахъ, какое ей дѣло до другихъ!...

Почти внезапно налетѣла гроза, поднялся рѣзкій вѣтеръ. Люди ушли съ палубы, попрятались въ каютахъ. Нѣсколько молодыхъ человѣкъ, куры и болтая, не обращали вниманія на грозу и оставались наверху. Маша замѣтила, что они наблюдаютъ за ней. Одинъ изъ нихъ сказалъ что-то, остальные засмѣялись.

Богъ знаетъ, надъ чѣмъ они смѣялись. Машѣ представилось, что они угадали...

Точно горящее пламя, пробѣжалъ по ней пробудившійся съ новою силой стыдъ, отчаяніе. Она вскочила, сорвала крючокъ съ дверки, сдѣланной въ перилахъ палубы, закрыла обѣими руками глаза.

— Мама!—въ страхъ воскликнула она въ послѣдній разъ.
Совершилось...

XIII.

Вечеръ уже давно насталъ. Ленскій сидѣлъ одинъ въ своемъ номерѣ. Разныя чувства волновали его, злоба сжимала горло.

«Зачѣмъ я все сказалъ ему?—спрашивалъ онъ себя.—Да, зачѣмъ?...» Потому, что онъ ненавидѣлъ ложь, потому, что ему казалось, что онъ искупаетъ отчасти свой ужасный поступокъ, сознаваясь въ собственномъ стыдѣ, потому, что воспоминаніе такъ мучило его, что онъ чувствовалъ потребность бичевать себя до крови.

Когда онъ такъ неожиданно взглянулъ въ чистые глаза Ниты, ему показалось, будто вокругъ него сдѣлалось необычайно свѣтло. Онъ такъ ясно видѣлъ всю свою жизнь, какъ никогда прежде, и чувствовалъ къ ней отвращеніе. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ послалъ кельнера къ Николаю сказать, что кушать подано. Николай приказалъ извиниться, что не можетъ придти. Ленскій и не сѣлъ даже за столъ. Боже, развѣ онъ могъ бы что-нибудь проглотить? Кельнеръ спросилъ его, прикажетъ ли онъ зажечь лампу, но Ленскій нетерпѣливо сдѣлалъ ему знакъ уйти. Въ чему ему свѣтъ, когда онъ и такъ достаточно ясно видитъ?

Сильное безпокойство овладѣло имъ. Если Николай дѣйствительно уѣзжаетъ, то осталось немного времени. Онъ услышалъ шаги, тяжелые шаги людей, спускающихся по лѣстницѣ съ какою-то тяжестью. Сносили внизъ вещи Николая.

«Онъ не придетъ даже проститься, — думалъ Ленскій, — но такъ отпустить его я не могу, — воскликнулъ онъ, — не могу!»

Онъ поднялся въ номеръ Николая. Какъ обыкновенно передъ отъѣздомъ, въ комнатѣ были зажжены всѣ находящіяся тамъ свѣчи, для того, чтобы не забыть чего-нибудь въ темнотѣ. Яркій свѣтъ былъ непріятенъ Ленскому. Николай стоялъ передъ каминомъ и занимался уничтоженіемъ писемъ. Новая жесткая, черствая черта появилась на окаменѣвшемъ лицѣ Николая.

Когда онъ увидѣлъ отца, его лицо выразило такое безпокойство и изумленіе, что у Ленскаго сжалось сердце. Минуту они молча стояли другъ передъ другомъ.

— Коля! — произнесъ, наконецъ, Ленскій какимъ-то сдавленнымъ голосомъ. — Ты... ты не хотѣлъ, вѣдь, уѣхать, не простившись со мной!

— Нѣтъ... конечно, нѣтъ! — отвѣтилъ машинально Коля, продолжая рвать письма.

— Коля! — Голосъ артиста дрожалъ; онъ положилъ руку на

рукавъ сына и замѣтилъ, что при его прикосновеніи тотъ вздрогнулъ. Тогда Ленскій схватился за виски и топнулъ ногою. — Это невыносимо! — крикнулъ онъ. — Не видишь ты развѣ, не понимаешь, какъ меня мучаетъ все это, — меня, который хотѣлъ бы звѣздъ съ небесъ достать для тебя, а теперь долженъ быть помѣхой твоему счастью?... Какая это помѣха!... Будь благоразуменъ, тутъ нѣтъ никакой помѣхи, вѣдь, ничего не случилось, — ты не долженъ отказываться отъ нея. А если она боится опять встрѣтиться со мною, то я влячусь тебѣ, что она никогда не увидитъ меня... что я никогда не буду стѣснять васъ своимъ присутствіемъ. Я все вынесу, только не мысль, что разбилъ твою жизнь. Коля... не слышишь ты меня развѣ, Коля? — Онъ тронулъ сына за плечо. Николай обернулся къ нему. Отецъ испугался тупаго, безучастнаго взгляда, который онъ встрѣтилъ въ блестящихъ прежде оживленіемъ глазахъ сына.

Вошелъ кельнеръ, чтобы доложить, что карета подана. Николай взялъ шляпу. Ленскій удержалъ его и сдѣлалъ знакъ кельнеру удалиться.

— Ты напишешь, вѣдь, когда доѣдешь до мѣста? — спросилъ онъ.

— Какъ только оправлюсь немного, — отвѣтилъ Николай тѣмъ же слабымъ, беззвучнымъ голосомъ.

«Ничего, онъ не сердится, не говоритъ рѣзкостей, не отталкиваетъ меня!...» — говорилъ себѣ Ленскій. Сильное чувство могло бы современемъ пройти, а для того, что онъ видѣлъ передъ собою, нѣтъ спасенія. Онъ понималъ, что въ этомъ юношѣ что-то умерло навсегда; его сильная натура надломилась, священный огонь въ немъ потухъ.

— Прощай, Коля! — прошепталъ Ленскій хриплымъ голосомъ. Онъ заключилъ сына въ объятія, страстно прижалъ къ груди и, по русскому обычаю, трижды поцѣловалъ; но онъ цѣловалъ какъ будто трупъ, — до того безучастно относился Николай къ нѣжности отца. Только разъ въ жизни губы Ленскаго прикасались къ такому же холоду, когда онъ цѣловалъ Наташу въ гробу.

Николай спустился съ лѣстницы; Ленскій проводилъ его до подъѣзда, посмотрѣлъ вслѣдъ увозившему его экипажу, пока тотъ не скрылся изъ глазъ, затѣмъ повернулся и тяжелыми шагами пошелъ въ свой номеръ.

На дворѣ шелъ сильный дождь, изрѣдка сверкала молнія и вдали гремѣлъ громъ. Прошелъ, можетъ быть, часъ послѣ отъѣзда Николая, когда у двери Ленскаго раздался стукъ. Сначала онъ не слы-

халь, — стукъ повторился громче, настойчивѣе. Ленскій сердито поднялъ голову; онъ сказалъ, вѣдь, внизу, чтобъ никого не принимать.

- Кто тамъ? — сердито крикнулъ онъ.
- Посланный отъ госпожи Елагиной.
- Войдите!... Что случилось?
- Онъ принесъ записку, — сказалъ кельнеръ.

Ленскій распечаталъ записку.

— Карету! — крикнулъ онъ кельнеру, стоявшему въ ожиданіи, не будетъ ли отвѣта. — Только живо!

Кельнеръ вышелъ, Ленскій еще разъ перечелъ записку:

«Пріѣзжайте немедленно. Варвара».

Больше ничего. Что могло случиться? Онъ схватилъ шляпу, побѣжалъ слѣдомъ за кельнеромъ и вскочилъ въ карету.

— Улица Ваграмъ, — крикнулъ онъ кучеру, — поѣзжай какъ можно скорѣе.

Извозчикъ помчался черезъ Вандомскую площадь, по улицѣ Кастаньоль и по Елисейскимъ полямъ; затѣмъ поворотъ — извозчикъ остановился. Ленскій выскочилъ изъ кареты. Ворота были настезь, — неприятный запахъ тины пахнулъ ему въ лицо. Отъ воротъ до самой прихожей онъ увидѣлъ большія капли грязи; его взглядъ не могъ оторваться отъ нихъ, хотя онъ не думалъ еще ничего особеннаго. Мучительное, неприятное предчувствіе росло съ каждымъ шагомъ, который онъ дѣлалъ впередъ, но онъ не могъ бы сказать, чего онъ боится. Онъ не нашелъ никого, кто бы сказалъ ему, гдѣ невѣстка, гдѣ всѣ. Весь домъ былъ въ переполохѣ. Ленскій постоялъ минуту въ раздумьи. Но вотъ онъ увидѣлъ, что тѣ же грязныя пятна, которыя онъ видѣлъ у воротъ, испачкали и холстинную дорожку, закрывавшую коверъ на лѣстницѣ. И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ разъ подобный же рядъ грязныхъ капель въ Москвѣ, въ жаркій лѣтній день, когда по улицѣ несли утопленника. Ленскій поднялся на лѣстницу, приблизился къ двери, — онъ зналъ въ какую комнату вела эта дверь!...

Одну минуту онъ малодушно колебался, какъ будто не могъ себя заставить взглянуть въ глаза тому ужасу, который его ожидалъ. Затѣмъ онъ рванулъ дверь. Комната была едва освѣщена, одна свѣча горѣла около кровати, бѣлые занавѣсы которой были отдернуты, и тамъ на кровати лежало что-то — онъ не могъ хорошенько различить что. Дрожа всѣмъ тѣломъ, передъ кроватью стояла Варвара Александровна; большія, грязныя мокрыя пятна покрывали ея платье.

— Маша! — вскрикнулъ Ленскій дикимъ голосомъ, схвативъ невѣстку за руку и оттолкнувъ ее отъ кровати.

Да, передъ нимъ лежала Маша, блѣдная, съ закрытыми глазами и мокрыми, прилипшими къ щекамъ волосами.

— Она умерла! — простоналъ Ленскій.

— Нѣтъ... нѣтъ, она жива, — успокоивала Елагина, но въ ея голосѣ слышалась не радость, а безпокойство и страхъ.

Маша открыла глаза, отвернула ихъ отъ отца и вздрогнула.

Ленскій сѣлъ около дочери на край кровати; маленькая ручка ея лежала на одѣялѣ, онъ взялъ ее и началъ цѣловать и гладить.

— Что такое случилось? — спросилъ онъ, наклонившись къ дочери.

— Когда я вернулась домой, я не застала ее, — поспѣшно сообщила Варвара Александровна; въ ея тонѣ было что-то заискивающее, визгливо-собачье, точно она боялась, что ее будутъ бранить, — Маша сказала горничной, что не вернется къ обѣду, что она обѣдаетъ съ вами и Николаемъ. Я спокойно сѣла за столъ одна, — Анна обѣдаетъ у знакомыхъ; должно быть, въ половинѣ десятого, — я какъ разъ отослала лакея за Анной, — у подъѣзда остановился экипажъ... Я слышу шумъ въ прихожей... голоса... Горничная докладываетъ, что требуютъ барыню... я выбѣгаю... и вижу двое мужчинъ вносятъ Машу. Они сказали мнѣ... на пароходѣ... передъ Пасси... какая-то дѣвушка упала въ воду... Маша... но за ней въ-время бросились, спасли ее. Бѣ счастью, одинъ изъ пассажировъ зналъ ее... лакей, иногда помогающій у насъ служить... онъ привезъ ее сюда, иначе ее отправили бы на спасательную станцію. Это ужасно!... Случай... ужасный случай... неосторожность — дверка парохода была не хорошо заперта... она прислонилась къ ней... и...

Низко опустивъ голову, Ленскій выслушалъ отрывочный рассказъ невѣстки. Онъ все еще гладилъ и ласкалъ маленькую ручку дочери.

— Какой случай? — прошепталъ онъ. — Какъ могла она вообще попасть на пароходъ? Она хотѣла лишить себя жизни отъ горя. Бѣдная голубка! Какое можетъ быть горе въ семнадцать лѣтъ! О, моя дорогая, милая дѣвочка, кто причинилъ тебѣ такое страданіе? — Обратившись къ невѣсткѣ, онъ крикнулъ: — Послали вы, по крайней мѣрѣ, за докторомъ?

— Я не знала, — растерянно прошептала она.

Маша задрожала всѣмъ тѣломъ и, выдернувъ у отца руку, спрятала лицо въ подушки и простонала:

— Нѣтъ... нѣтъ... не надо доктора!...

Ленскій внимательное посмотрѣлъ на нее, — онъ понялъ! Человѣческой крикъ, ревъ дикаго звѣря, вырвался изъ его груди; онъ бросился на дочь, схватилъ ее за горло.

— Безстыдная! — крикнулъ онъ.

— *Pas de violence*, ради Бога! — робко прошептала Варвара Александровна.

Но онъ ничего не слышалъ.

— Кто онъ? — рычалъ Ленскій. — Кто? — крикнулъ онъ не вѣсткѣ.

— Я не знаю... я не подозрѣвала... я никогда ничего не замѣчала, — бормотала Елагина.

— Да, вы никогда ничего не замѣчали, — повторилъ онъ ея слова, — ничего не замѣчали! Такъ ты, можетъ быть, нашла себѣ любовника на улицѣ? — крикнулъ онъ дочери.

Маша открыла глаза и остановила ихъ на отцѣ съ трогательно-грустнымъ, умоляющимъ, покорнымъ выраженіемъ, полнымъ упрека.

Ленскій вдругъ почувствовалъ, точно внутри его что-то порвалось. Гнѣвъ прошелъ; только глубокая жалость осталась въ душѣ, онъ бросился къ дочери, заключилъ ее въ объятія, прижалъ къ груди, рыдалъ, плакалъ, покрывалъ поцѣлуями и слезами ея блѣдное личико. Онъ замѣтилъ, что Варвара Александровна все еще стоитъ тутъ и наблюдаетъ за нимъ. Онъ вскочилъ.

— Что вы здѣсь еще дѣлаете? Вонъ отсюда! Вы не съумѣли сберечь моего ребенка? Уходите! — и онъ повелительно указалъ ей на дверь.

Все еще бормоча, объясняя, оправдываясь, Варвара Александровна исчезла. Дверь затворилась за ней.

— Маша, какъ могло это случиться? — спросилъ онъ тихо.

Она молчала.

— Маша, ради Бога, скажи, иначе я съ ума сойду, — умолялъ онъ. — Должно же быть что-нибудь, что тебя оправдываетъ. Какъ это случилось... кто онъ?

— Я не скажу, это бесполезно; вы сдѣлаете ему зло, я не хочу ему зла.

XIV.

Напрасно настаивалъ онъ дальше; Маша ничего не отвѣчала. Отвернувъ лицо къ стѣнѣ, она лежала неподвижно и молча, точно трупъ. Наконецъ, Ленскій усталъ спрашивать; онъ замолчалъ и

сидѣлъ утомленный, разбитый, съ чувствомъ челоуѣка, котораго ударили по головѣ. Его мысли вертѣлись на постороннихъ предметахъ; онъ спрашивалъ себя: не забылъ ли ключа у сундука, опустить ли кельнеръ письмо, которое лежитъ на его письменномъ столѣ? Онъ услыхалъ, какъ отперлась дверь подъѣзда, услыхалъ шелестъ шелковаго платья. Анна вернулась. Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Теперь узнаетъ она, эта надменная Анна, всегда относившаяся свысока къ его дочери! Онъ хотѣлъ выбѣжать, зажать ротъ невѣсткѣ, запретить ей говорить. Можно ли зажать ротъ всему Парижу? Завтра будутъ всѣ кумушки рассказывать объ этомъ другъ другу у воротъ въ сумеркахъ; во всѣхъ газетахъ будетъ напечатано объ этомъ.

И онъ сидѣлъ точно окаменѣлый и не двигался... прислушивался... прислушивался, точно могъ услышать здѣсь, наверху, то, что они говорили другъ другу. Потъ выступалъ у него на лбу, щеки горѣли и теперь онъ дѣйствительно услыхалъ что-то — тонкій, пронзительный голосъ Анны, кричащей: «Quelle honte! quelle honte!»

Маша зажала руками уши. Ленскій вскочилъ, подбѣжалъ къ двери, которую Варвара Александровна оставила не плотно притворенною. Онъ заботливо затворилъ ее плотнѣе, опустилъ портьеру, чтобы Маша не могла больше услышать ничего оскорбительнаго. Затѣмъ подошелъ опять къ кровати и замѣтилъ, что Маша горитъ въ жару. Онъ прикоснулся къ ея щекамъ. Маша схватила его руку, прижала ее сначала къ губамъ, потомъ закрыла ею глаза.

— Потушить огонь? — тихо спросилъ онъ.

Маша кивнула. Онъ сѣлъ около нея въ темнотѣ. Все сильнѣе чувствовалъ онъ, что надъ его головой тяготѣетъ что-то давящее, какое-то страшное ярмо несчастія, подъ которымъ онъ долженъ согнуться, потому что безсиленъ противъ него. Все его существо было страшно потрясено; онъ испытывалъ такое чувство, будто видѣлъ, какъ передъ его глазами погибло все, что было у него дорогаго въ мѣрѣ — будущность его дѣтей!

Онъ вспомнилъ о своихъ честолюбивыхъ мечтахъ, о деньгахъ, которые собралъ для дочери, — онъ, всегда швырявшій ими прежде. Безконечный стыдъ мучилъ его — все кончено... все!... Цѣлую ночь онъ безостановочно, безпокойно искалъ хоть кусочекъ голубаго неба для дочери, искалъ не большое, блестящее счастье, о которомъ мечталъ для Маши, — нѣтъ, только самую скромную, только сносную жизнь, искалъ разрѣшенія, — напрасно, ничего, ничего! Его умъ бился какъ пойманная птица при каждомъ взмахѣ крыльевъ, ранившая себя о желѣзные жерди слишкомъ тѣсной кѣтки,

напрасно ища выхода. И, все-таки, онъ не переставалъ искать, не переставалъ терзать себя!

Наступало утро, туманное, безъ единого солнечнаго луча. Печально заглянуло оно въ Машину комнату. Все разбросано, все запачкано, испорчено... всюду черныя, грязныя пятна... Сердце Ленскаго сжалось. Въ то утро, когда онъ прощался съ дочерью, на этомъ мѣстѣ лежало платье, но такое бѣлое, такое чистое, какъ свѣже-распустившійся цвѣтокъ. Картина залитой свѣтомъ, благоухающей комнаты, милая картина, которую онъ постоянно носилъ въ сердцѣ во время послѣдняго путешествія, воскресла въ его душѣ. Онъ ясно видитъ милыя очертанія скромно закрытой до шеи фигуры дѣвушки. Его глаза остановились на кровати, горло судорожно сжалось, — вѣдь, это та же комната, та же дѣвушка. Она спитъ такъ же, какъ и тогда, — нѣтъ, не такъ. Щеки ея пылаютъ отъ жара, она безпрестанно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Онъ тихо-хотько надвинулъ одѣяло на ея обнаженныя плечи. Она стонала что-то во снѣ, онъ прислушался... все то же слово:

— Мама, мама!...

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУЕТА МІРСКАЯ.

(Разсказъ).

Могильные кресты и памятники со всѣхъ сторонъ обступили церковь женскаго монастыря. Несмотря на высокую плату за землю, число могилъ возросло до того, что ихъ ограды соприкасаются между собою, а неогороженные памятники отстоять другъ отъ друга на разстояніе, несравненно меньшее человѣческаго роста.

Передъ входомъ въ церковь покойникамъ нѣсколько просторіе. Здѣсь похоронены купцы-милліонеры, знаменитости, цѣлыя княжескія фамиліи. У самой паперти вытянулись въ рядъ бѣлые саркофаги, за ними бронзовые, дорогіе памятники, малахитовыя колонны, каррарскаго мрамора обелиски. Мѣстами поднимаются тяжелыя часовни изъ сѣраго и розоватаго гранита съ зеркальными стеклами, за которыми горятъ неугасаемыя лампы у дорогихъ образовъ.

Памятники стоятъ величественно, какъ на церемоніальномъ выходѣ; осеннее солнце, изрѣдка пробиваясь сквозь тучи, скользитъ по холоднымъ камнямъ и отражается въ золотыхъ буквахъ громкихъ титуловъ и звучныхъ именъ.

По сторонамъ церкви могилы расположены гораздо чаще, а сзади онѣ такъ сплотились, что севозъ ихъ толпу почти нѣтъ возможности протиснуться. Здѣсь погребены прежніе члены самаго разнообразнаго общества—купцы, чиновники, генералы, дѣти, монахи. Смерть произвела среди нихъ свою страшную нивелировку.

Могильные памятники на нѣкоторомъ разстояніи представляютъ грудю камней, оставшихся послѣ разрушенія громаднаго зданія и разбросанныхъ съ тою прихотливостью, которою обладаютъ случай и время. При дневномъ свѣтѣ пустынно и холодно въ этомъ мѣстѣ смерти и разрушенія, но лѣтнею ночью, когда на небѣ засіяетъ луна, а съ земли поднимутся блѣдныя, колеблющіяся испаренія, это мѣсто кладбища оживаетъ: мраморныя плиты съ отчаяніемъ припадаютъ къ землѣ, блѣдныя колонны поднимаются и задумчиво вперяютъ свой взоръ въ темное небо; все это безшумно колышется, трепещетъ, передвигается, невольно сжимая сердце и наводя холодный ужасъ.

На памятникахъ высѣчены надписи—съ одной стороны имя усопшаго и день его смерти, съ другой текстъ священнаго писанія, изреченіе или стихъ. Прежде, вѣроятно, между могилами проходили тропинки, къ которымъ памятники были обращены своею лицевою стороною; теперь проходы заняты могилами, а потому послѣдовательность въ направленіи памятниковъ нарушена и надписи пестрятъ своимъ разнообразіемъ. Нѣкоторые говорятъ о тоскѣ и неподдѣльномъ горѣ, на другихъ высѣчены длинныя, тяжелыя и неуѣстныя изреченія, третьи оскорбляютъ нравственное чувство пошлыми и несладкими стихами, въ которыхъ выражены сѣтованія на усопшаго за то, что онъ оставилъ родныхъ среди печалей и слезъ сего міра.

Надписи памятниковъ и самый ихъ видъ невольно настраиваютъ душу на торжественный тонъ, а мысль наводятъ на размышленія о ничтожности человѣческой жизни. Настроеніе это усиливается курантами монастырской колокольни: они звонко и назойливо выбиваютъ четверти въ этомъ царствѣ вѣчности, гдѣ столѣтія составляютъ неуловимыя мгновенія.

Воскресный день. Все утро моросилъ мелкій осенній дождь, теперь проглянуло солнце. Подъ его теплыми лучами быстро просыхаютъ полированные поверхности памятниковъ и лишь во впадинахъ и поздраватыхъ углубленіяхъ известняка остались небольшія лужицы, въ которыхъ тысячью огней отражается солнце.

Благодаря лившему дождю и обѣденному времени, кладбище пусто. Но, всмотрѣвшись пристальнѣе, среди черныхъ памятниковъ можно замѣтить фигуру человѣка, такую же неподвижную, какъ они. Это средняго роста, сухой старикъ лѣтъ подъ 60. Его гладко выбритое лицо, орлиный носъ и глубокія морщины около рта и вокругъ глазъ придаютъ ему видъ хищной птицы. Онъ сидитъ на зеленой скамьѣ, врытой въ землю; тутъ же лежатъ бережно сложенные пальто, сюртукъ и фуражка съ кокардою; въ рукахъ у него метла, которою онъ подметалъ площадку передъ скамьей. Стоящій напротивъ памятникъ изъ сѣраго гранита представляетъ гробъ, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, съ приподнятымъ изголовьемъ. На крышѣ гроба высѣчены крестъ и надпись:

Здѣсь покоится прахъ
раба Божія
ЧИНОВНИКА

Семена Ивановича Измайлова.

Род.: 3 ноября 1830 г.

Сконч.:

По сторонамъ гроба также надписи; онѣ сдѣланы, очевидно, въ разное время, такъ какъ шрифтъ ихъ не одинаковъ. Въ изголовьи высѣчено: «чаю воскресенія мертвыхъ», въ ногахъ: «предаю духъ мой въ рuce Твоя», съ лѣвой стороны мелкимъ шрифтомъ изображена притча о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, съ правой—некрасивымъ рукописнымъ шрифтомъ стихи, безъ знаковъ препинанія и съ ошибками:

Подъ камнемъ симъ съхороненъ прахъ
Того что было человекъ
Всю жизнь парилъ онъ въ облакахъ
И мнилъ себя безъ смертнымъ весь свой векъ.

Физическій трудъ, повидимому, утомилъ сидящаго на свамьѣ; онъ тяжело дышетъ, а на его старомъ лицѣ недовольное и брезгливое выраженіе.

— Обитель вѣчную устроили себѣ?— слышится сзади него женскій голосъ.

Онъ вздрагиваетъ и быстро оглядывается. У мраморнаго креста сосѣдней могилы стоитъ немолодая послушница. Ея худенькое, хрупкое тѣло облекаетъ черное шерстяное платье; туго заколотый у подбородка платокъ плотно охватываетъ голову и широкими, мягкими складками падаетъ на плечи. Сложенныя вокругъ креста руки будто сдѣланы изъ воска. Въ блѣдномъ лицѣ ни кровинки; оно изборождено морщинами, — не тѣми глубокими слѣдами, которые оставляетъ тяжелое горе, а мелкою сѣтью, какая бываетъ на лицѣ увядшихъ дѣвушекъ. Она привѣтливо киваетъ головкою и продолжаетъ пѣвучимъ тономъ:

— Хорошо у насъ здѣсь, — такъ ужъ хорошо, что и выразить нельзя! Спокойно, да радостно, истинно—Божье благословеніе надъ мѣстомъ нашимъ покоится. Сейчасъ за оградю міряне живутъ, а къ намъ не доходитъ ни суета мірская, ни злоба, ни зависть, какъ въ прочихъ обителяхъ... А въ храмѣ нашемъ какое великолѣпіе! Стоишь на службѣ, кругомъ торжественно и тихо, такъ и чудится, что на воздухъ тебя поднимаетъ... Хорошо вамъ будетъ здѣсь, ахъ, какъ хорошо!

— Нечего расхваливать, — грубо перебиваетъ старикъ. — Деньги за мѣсто отдашь—назадъ не вернете.

Она, какъ бы не слыша, продолжаетъ:

— Мѣсто упокоенія тоже устроено у насъ отличное—у самаго храма. Служба божественная доносится сюда и ладанъ кадильный вѣтеркомъ развѣваетъ, а души усопшихъ лежатъ въ могилахъ сво-

ихъ, прислушиваются да радуются. Три раза въ году общую панихиду по нимъ служимъ, крестнымъ ходомъ обходимъ всѣ могилы; кромѣ того, особливья панихиды почти каждый день родственники служатъ. Торжественно у насъ. На прочихъ кладбищахъ шумно, всякій народъ шатается, даже пьяные безобразничаютъ,—суетливо тамъ. А здѣсь хорошо, непорочно.

— Слыхали мы про вашу непорочность!—ворчитъ старикъ, но и это замѣчаніе не производитъ на послушницу никакого впечатлѣнія.

— Вотъ зиму Господь пошлетъ,—продолжаетъ она восторженно,—покроетъ все снѣгомъ, а наша обитель стоитъ какъ дѣвственница, точно невѣста Христова. Могилы всѣ застелетъ бѣлымъ покровомъ, только памятники красуются да бѣлыми шапками сверкаютъ на солнышкѣ. Такъ это хорошо да красиво! А тамъ наступитъ весна; снѣгъ растаетъ, умоетъ всѣ памятники и забѣгаетъ ручейками; кругомъ все блеститъ и сверкаетъ... Послѣ Воскресенія Христова земля раскроется и проникнетъ туда вѣшняя вода,—проникнетъ и пойдетъ будить все сущее отъ зимняго лежанія. Воснется травка—она оживетъ и потянется на свѣтъ Божій, покойниковъ воснется—они затрепещутъ и возрадуются въ могилахъ. Весною Духъ Божій спускается на землю—оттого все радуется и благоуханіе въ воздухѣ. Люди становятся добрыми да привѣтливыми...

— А зачѣмъ мѣсто мое загородили?—неожиданно поворачивается къ ней старикъ и негодующе показываетъ на сосѣдній памятникъ.

— Не слышу, у меня никакого слуху нѣтъ, глуха я,—говоритъ послушница и прижимаетъ тонкіе пальцы къ ушамъ. Потомъ, какъ бы сообразивъ значеніе его жеста, прибавляетъ:—На прошлой недѣлѣ памятникъ поставили. Мужъ радѣетъ объ усопшей.

Памятникъ представляетъ чудной красоты колонну съ разбитымъ верхомъ. На цоколѣ изъ чернаго мрамора золотыми буквами выбито: «Господи Всемогущій, Ты вѣдаешь, кого я потерялъ». У подножія колонны лежитъ прекрасный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Молодая еще была, упокой Господи душу ея,—продолжаетъ послушница.—Говорятъ, цѣлый годъ ногами не ходила, а все въ бредлахъ на колесахъ возили; ужь какіе, какіе доктора ее ни лечили, и за границу возили, и денегъ не жалѣли, а, должно быть, такъ Богу угодно было, чтобы не жила на этомъ свѣтѣ. Какъ весна пришла, такъ и преставилась. Передъ смертью, говорятъ, все просила къ огню ее подвести. Подвезутъ, раскроютъ окно, а она

такъ и хватается за воздухъ, такъ и ловить руками... Цѣпями желѣзными прикованы мы къ грѣховному міру, а того не понимаемъ, что въ свѣтлой обители Господней вѣчная радость для души настаетъ. Вотъ и мужъ тоже: плачетъ, убивается...

— Надоѣла, глухая тетеря, пошла прочь!—грубо перебиваетъ ее старикъ и машетъ ей рукою. Она умолкаетъ и съ недоумѣніемъ смотритъ на него. Ея большіе глаза широко раскрываются, по лицу разливается краска. Видя, что она не уходитъ, онъ грубымъ движеніемъ поворачиваетъ ее за плечо и слегка толкаетъ. Она опускаетъ голову и, быстро семеня ногами, не оглядываясь, поспѣшно направляется къ обители.

— Размазываетъ нѣжности, — ворчитъ старикъ, — а сами, ока-янныя, только и думаютъ, какъ бы содрать подороже. Непорочныя!

Онъ сгребаетъ соръ къ сосѣдней могилѣ и, отряхнувъ платье, медленно и бережно одѣвается.

— Илья!—кричитъ онъ, спустя минуту, проходящему вдали сторожу. Тотъ поспѣшно подбѣгаетъ.

— Чего изволите, Семень Ивановичъ?—говоритъ сторожъ, снимая фуражку.

Это еще молодой парень, съ рыжеватою бородкой. Онъ одѣтъ щеголевато и производитъ впечатлѣніе умнаго, но плутоватаго малаго, какіе часто встрѣчаются среди артельщиковъ и торговцевъ.

— Это что же такое у васъ дѣлается?—спрашиваетъ Семень Ивановичъ, гнѣвно указывая на сосѣднюю могилу.

— Насчетъ чего-съ?

— Насчетъ жульничества. Содрали съ меня 300 рублей за мѣсто, да и отдали другому.

— Никакъ нѣтъ, Семень Ивановичъ, то мѣстность особенная, господинъ Талицынъ за четыре номера заплатилъ.

— Какая же она особенная мѣстность, когда меня загородили? Ты что же, братецъ, думаешь, я такъ и позволю на моей землѣ чужія рѣшетки ставить, а? Какъ ты думаешь, такъ я и буду молчать?

— Я здѣсь, Семень Ивановичъ, не причиненъ, не я продавалъ мѣста.

— Такъ вотъ, ты скажи тѣмъ, что продавали, игуменьѣ своей скажи, что я этого дѣла такъ не оставлю. Я землемѣра приведу, пускай вымѣряетъ; посмотримъ, на какой это особенной мѣстности рѣшетка поставлена! Ты думаешь, если твой Талицынъ тысячу цѣлковыхъ заплатилъ, такъ ужъ онъ можетъ мое мѣсто занимать? Нѣтъ, братъ, шалишь! Жульничать не позволяется... Хоть бы я

по уговору три кофѣйки отдашь, у меня моей вещи никто не можетъ отнять. Да хорошо, что я еще, благодареніе Богу, живъ, вступить за свое добро могу; а вотъ, Богъ дастъ, помру, тогда, значить, совсѣмъ на меня взлѣзуть, памятникъ мой, значить, по боку, да другой на его мѣсто поставять, да?

— Помилюйте, Семень Ивановичъ, нешто это возможно? Кошунствовать не полагается.

— Правильно—кошунствовать не полагается! Вотъ за это самое кошунство, что па моей могилѣ рѣшетку поставили, я твою игуменью и потащу къ мировому. Посмотримъ, какъ она тамъ свою непорочность высказывать будетъ!

Илья плутовато улыбается; очевидно, онъ не придаетъ никакого значенія запугиваніямъ барина.

— Но только дозвоьте вамъ, Семень Ивановичъ, доложить,—говорить онъ послѣ небольшой паузы,—напрасно вы себя беспокоить изволите,—вашего номера никто не касался. Все какъ есть стоитъ—и памятникъ, и скамеечка...

— Какъ это ты, Илья, говоришь не подумавши? Ну, вотъ памятникъ стоитъ, вотъ скамейка... Какъ, по-твоему: нужно ее отодвинуть хоть на аршинъ? Вѣдь, придетъ кто-нибудь посидѣть на моей могилѣ, о душѣ моей помолиться, надо же ему куда-нибудь кофѣйки свои дѣвать, какъ ты думаешь? Или ужь такъ: на скамью сѣсть, а ноги на памятникъ положить? Вотъ тебѣ и все мѣсто мое. А рѣшетку гдѣ же я поставлю? Вѣдь, я ее заказалъ.

— И рѣшеткѣ свободно будетъ,—успокоительно говоритъ Илья.—Вотъ здѣсь фундаментъ положить; вотъ такъ, отступя, пойдетъ рѣшетка. На скамеечкѣ сядешь и обопрешься на рѣшетку спиною. Чудесно!

— А двери куда же ты отворять будешь?—спрашиваетъ Семень Ивановичъ, очевидно, успокоенный соображеніями Ильи.

— Двери съ этой стороны. А еще того приличнѣе здѣсь вотъ. Увнугрь откроешь, вотъ такъ, войдешь и затворишься. Чего же лучше? Оно точно—тѣсненько, прижимаютъ прочія могилы, да, вѣдь, безъ этого нельзя, Семень Ивановичъ. Вотъ на первой линіи свободно, тамъ какъ ни загороди, а, все-таки, съ мостковъ подойти можно. Да, вѣдь, и цѣна тамъ другая...

— Это я, братецъ, и безъ тебя знаю. Такъ неужели же платить 500 рублей за мѣсто? Много ли у васъ охотниковъ платить такіа деньги? Въ Москвѣ, говорятъ, каждый день тысячу человекъ умираетъ, а къ вамъ, поди, и одного каждый день не привозятъ. Нѣтъ, братъ, у насъ на театры, да на карты деньги бросать, а о

душѣ не подумаютъ. Для того, чтобы думать объ этомъ, нужно правильныя понятія имѣть, да надлежащую жизнь вести.

— Это точно, Семенъ Ивановичъ. О мірскомъ заботятся, а не объ упокоеніи души.

— Вотъ то-то оно и есть. Почему знать, можетъ быть, я слыше своихъ достатковъ для души удѣлилъ; можетъ быть, я тянулся, себѣ во всемъ отказывалъ въ жизни, чтобы заплатить 300 цѣлковыхъ за могилу, да столько же за памятникъ? А ты говоришь—на первую линію! Вотъ теперь опять рѣшетка...

— Чугунную изволили заказать?

— Нѣтъ, пока деревянную. Пока живъ—чугунная будетъ напрасно трепаться да ржавѣть. Не стѣить. Я ужъ такъ положилъ, что теперь деревянную поставлю.

— И отличное дѣло, Семенъ Ивановичъ. Вѣдь, деревянную какъ сдѣлать: иная простоятъ дольше чугунной; потому въ чугунной хрупкости много, задѣлъ ее или толкнулъ нечаянно, она и сломалась. А деревянной что сдѣлаешь, особливо если настоящее дерево выбрать, да выкрасить краской...

— Краской, непременно краской, — подтверждаетъ Семенъ Ивановичъ; видно, что слова Ильи совершенно соотвѣтствуютъ его собственнымъ, давно придуманнымъ соображеніямъ.

— Ежели и долго поживете, она послужитъ въ лучшемъ видѣ; развѣ года черезъ два покрасить придется, потому, сами знаете, всю зиму стоитъ она подъ снѣгомъ, лѣтомъ пыль пристаеетъ, опять же птица засиживаетъ. Такъ, вѣдь, это недорого стоитъ, — за рушь въ какой хочешь цвѣтъ окрасятъ. Ну, а помере скоро, тогда и чугунную не жалъ поставить для убогаторенія своей души.

Илья, поощренный тономъ Семена Ивановича, оживленно продолжаетъ:

— Еще бы! Чѣмъ наследникамъ отдавать, чтобы промотали, лучше для себя сдѣлать, для души удовольствіе.

Соглашается Семенъ Ивановичъ, но напоминая о возможности близкой смерти производитъ на него непріятное впечатлѣніе. Онъ встаетъ и надѣваетъ фуражку.

— Идти изволите?—спрашиваетъ Илья. Въ ожиданіи подачи «на чай» онъ семенитъ ногами и вообще выражаетъ нѣкоторое безпокойство.

— Да, пора на квартиру, — засидѣлся я сегодня.

Семенъ Ивановичъ вынимаетъ изъ кармана большой кошелекъ, одно отдѣленіе котораго наполнено мѣдными деньгами.

— Метелка больше не зааодобится?—заискивающе спрашиваетъ

еть Илья, чувствуя, что ему нужно что-нибудь говорить для сохранения достоинства.

— Нѣтъ, не занадобится. А ты скажи своей игуменьѣ, что я очень сердитъ и собираюсь подать на нее къ мировому. Скажи, непременно скажи, слышишь? Я, вѣдь, знаю, какъ съ этимъ народомъ нужно... Ты имъ только позволь—они рады тебѣ на шею сѣсть. Скажи, что землемѣра обѣщаль въ воскресенье привезти.

— Слушаю-съ, безпремѣнно скажу.

Семенъ Ивановичъ суетъ Ильѣ въ руку нѣсколько мѣдныхъ монетъ и мѣрнымъ шагомъ направляется къ выходу. Скоро его сутуловатая спина скрывается въ сводчатыхъ воротахъ монастыря.

— Ишь, старый чортъ,—ворчитъ Илья, презрительно разсматривая на своей ладони 6 копѣчныхъ монетъ.—На мосту, должно быть, Христа-ради насобиралъ... Аспидъ!

Ровно въ три часа Семенъ Ивановичъ выходитъ изъ канцеляріи и направляется домой обѣдать. Со времени его поступленія на службу, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, измѣнился домъ, въ которомъ помѣщается канцелярія, измѣнилась улица, измѣнился самъ Семенъ Ивановичъ,—остались неизмѣнными только его регулярныя появленія въ дверяхъ канцеляріи. Впрочемъ, это утверждение, какъ все относительное, требуетъ нѣкотораго ограниченія: 26 лѣтъ тому назадъ Семенъ Ивановичъ пропустилъ одинъ присутственный день по случаю своей свадьбы; черезъ годъ похороны жены заставили его одинъ день не явиться на службу; 12 лѣтъ тому назадъ онъ взялъ отпускъ на 14 дней, чтобы съѣздить въ Пензу для полученія маленькаго наслѣдства, оставленнаго ему матерью, и, наконецъ, на прошлой недѣлѣ болѣзнь задержала его дома въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Между этими интервалами тянулись однообразныя служебныя дни, до того похожіе одинъ на другой, что утрачивалось всякое представленіе о продолжительности пережитаго времени.

Сегодня Семенъ Ивановичъ находится въ особенно раздражительномъ состояніи. Недавняя болѣзнь поселила въ немъ назойливую, неотступную мысль о возможности смерти. До сихъ поръ мысль эта представлялась ему въ видѣ безспорнаго факта, примѣнимаго ко всѣмъ людямъ, но безъ всякаго практическаго значенія по отношенію къ нему самому. «Всѣ мы помремъ»,—говорилъ онъ всегда при сообщеніи о чьей-нибудь смерти, но никогда при этомъ не сознавалъ ясно, что наступитъ моментъ, когда его собственная жизнь прекратится. Во время послѣдней болѣзни мысль эта впервые предстала предъ нимъ во всей своей непривлекательности и съ

тѣхъ поръ не оставляла его ни на одну минуту. То онъ представлялъ себѣ, какъ будетъ лежать глубоко въ землѣ подъ своимъ гранитнымъ памятникомъ, то импровизировалъ толки знакомыхъ по поводу его смерти, то волновался относительно участи, накопленныхъ имъ въ теченіе долгой жизни, вещей, денегъ и выслуженной пенсіи.

Сегодня и на службѣ съ нимъ произошли непріятности: утромъ столоначальникъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе по поводу ошибки въ переписанной имъ бумагѣ, а при выходѣ пришлось поругаться со сторожемъ, который опять повѣсилъ сверхъ его пальто чужую одежду, причемъ чиновники неистово смѣялись и науськивали на него сторожа. Эти непріятности заставили его окончательно утвердиться на той мысли, которая ему пришла въ голову еще утромъ, когда онъ шелъ въ канцелярію.

Надо, думаетъ онъ, выйти въ отставку и устроить какъ-нибудь жизнь. Пенсію, слава Богу, выслужилъ, а безъ жалованья какъ-нибудь обойтись можно, если посократить расходы. Поди, въ 60 лѣтъ тяжело каждый день ходить на службу и подвергаться вліянію измѣнчиваго столичнаго климата. Осенью приходится шлепать по лужамъ, порывистый вѣтеръ рветъ съ головы фуражку, а пальто какъ губка намокаетъ подъ дождемъ. Зимой мокрый снѣгъ слѣпить глаза и затекаетъ за шею, или жестокій морозъ сводитъ старья ноги. Лѣтомъ нестерпимая жара совсѣмъ расслабляетъ тѣло и лишаетъ аппетита. Прежде, когда онъ былъ помоложе, служба доставляла удовольствіе: порядки были надлежащіе, сослуживцы—все люди солидные, настоящіе чиновники, съ которыми можно было пріятно поговорить, а теперь пошли глупыя новшества и въ чиновники набрали какихъ-то мальчишекъ...

Нить его размышленій внезапно прерываетъ выскочившій изъ-за угла субъектъ, очевидно, поджидавшій Семена Ивановича. Это рослый дѣтина съ испитымъ и исцарапаннымъ лицомъ. Несмотря на холодъ, онъ одѣтъ въ легкій коломенковъ пиджакъ, на ногахъ резиновыя калоши, сквозь которыя вылезли пальцы; платье и обувь разорваны, всюду виднѣтся голое тѣло. Онъ весь съѣжился, подогнулъ колѣни и дрожить, шелкая при этомъ зубами, какъ голодная, безпріютная собака.

При его внезапномъ появленіи Семенъ Ивановичъ вздрагиваетъ и ускоряетъ шагъ.

— Отецъ, прости блуднаго сына!—говоритъ субъектъ трагическимъ тономъ, стараясь придать умоляющее выраженіе своему хриплому голосу.

Семень Ивановичъ ничего не отвѣчаетъ; онъ быстро шаркаетъ своими тяжелыми калошами и закрывается воротникомъ пальто. Субъектъ бѣгомъ слѣзаетъ за нимъ, ёжась и пряча свои красныя руки въ рукава пиджака.

— Прости, отецъ... будь человѣколюбомъ... Богъ тебя награждаетъ!

— Пошелъ прочь, негодяй, уйди!—злбно шипитъ Семень Ивановичъ.—Уйди, пьяница!

— Три дня ничего во рту не было... Помоги, отецъ!

Его околѣвшія ноги едва поспѣваютъ за Семеномъ Ивановичемъ. Онъ дѣлаетъ усиліе и, догнавъ отца, схватываетъ его за рукавъ.

— Подай на хлѣбъ сыну родному!

— Пошелъ прочь,—отбивается отъ него Семень Ивановичъ,—сейчасъ позову городского!

— А, городского!—хрипитъ пропойца, крѣпко держась за рукавъ Семена Ивановича.—Ну, зови... посмотримъ. Я у отца прошу, мнѣ никто не можетъ препятствовать. А тебѣ кто разрѣшилъ сына роднаго какъ собаку на улицу выгонять? Нѣтъ, стой... зови городского!

Семень Ивановичъ отчаянно отбивается отъ него.

Прохожіе, чуя скандалъ, начинаютъ толпиться вокругъ нихъ.

— Какъ ты смѣешь хватать?... Пусти... пусти, негодяй!—кричитъ, запыхавшись, Семень Ивановичъ.—Я тебя въ острогъ засажу... сгнѣешь въ острогѣ, пьяница!

— Ну, сажай въ острогъ, коли право такое имѣешь,—хрипитъ сынъ. Его возбуждаетъ присутствіе зрителей и выпавшая на его долю мелодраматическая роль несчастнаго сына. Онъ сильно жестикулируетъ и старается говорить тономъ трагическаго актера:

— Нѣтъ, стой, не пущу! Я съ голоду умиралъ, но терпѣлъ... честью просилъ,—теперь буду своихъ правовъ искать! Куда дѣвалъ маменькино приданое? Мое оно, подавай сюда... загубилъ ее, кровопійца, теперь меня хочешь уморить съ голоду? Нѣтъ, врешь, не на таковского напалъ! Стой, братъ... не пущу! Зови городского, пойдемъ къ оберъ-полицеймейстеру!

Семень Ивановичъ съ отчаяннымъ усиліемъ вырывается отъ него, перебѣгаетъ улицу и вскакиваетъ въ проходящій мимо вагонъ конно-желѣзной дороги.

— Проклятый! — кричитъ ему въ догонку сынъ, — околѣешь скоро, все равно всѣмъ завладѣю!

Семень Ивановичъ, запыхавшись, опускается на скамью ваго-

на. Въ его ушахъ звучать послѣднія слова сына и отдаются въ душѣ мучительною болью. Конечно, онъ завладѣетъ всѣмъ имуществомъ; всѣмъ, что накоплено было лишениями въ теченіе долгой жизни; какъ сынъ, онъ имѣетъ на это право по закону. Изъ дня въ день, десятки лѣтъ копѣйка прикладывалась къ копѣйкѣ, каждая вещь пріобрѣталась обдуманно, послѣ долгой борьбы, отвергались всякія удовольствія въ тотъ періодъ жизни, когда онъ составляютъ потребность... И вдругъ все это пойдетъ прахомъ, сразу, въ нѣсколько дней... Придетъ какой-то пьянчуга и безжалостно растратитъ все добро, бессмысленно расшвыряетъ его по кабакамъ и безразрвственнымъ притонамъ!

Одно представленіе объ этомъ вызываетъ въ душѣ Семена Ивановича дикую злобу противъ сына. Нѣтъ, этому не бывать, — нужно принять какія-нибудь мѣры! Но какія? Раздать все бѣднымъ по духовному завѣщанію? Тотъ же конецъ будетъ. Всѣ бѣдные представляются ему въ видѣ тѣхъ оборванныхъ людей, которые зимою топчаты около кабаковъ, выпрашивая у прохожихъ милостыню, чтобы тотчасъ пропить ее.

Совершенно неожиданно въ его представленіи возникаетъ образъ дѣвушки, блѣдной, съ опущенными въ землю глазами. Во время болѣзни, въ длинныя безсонныя ночи, этотъ образъ неотступно преслѣдовалъ его. Онъ являлся въ видѣ женщины, присутствіе которой очаровывало его, навѣвало невыразимо-сладкое ощущеніе, тѣмъ болѣе сильное, что оно не было раньше извѣдано. Днемъ Семень Ивановичъ старался забыть это ощущеніе, но оно, противъ воли, занимало всѣ его мысли; оно всегда ассоціировалось съ представленіемъ о блѣдной дѣвушкѣ, которую онъ зналъ болѣе 15 лѣтъ и на которую раньше, казалось, не обращалъ никакого вниманія. Наконецъ, онъ до того сжился съ образомъ дѣвушки, что сталъ серьезно обсуждать всѣ шансы сближенія съ нею, и мысль о женитьбѣ на ней съ каждымъ днемъ представлялась ему все болѣе и болѣе разумною. Потомъ онъ выздоровѣлъ, жизненныя заботы вновь охватили его, и, войдя въ обычную колею, онъ забылъ о дѣвушкѣ.

Теперь она опять предъ нимъ и онъ пріурочиваетъ къ ней мысль о женитьбѣ, какъ средство для разрѣшенія того мучительнаго вопроса, который его занимаетъ.

Пріѣхавъ домой и пообѣдавъ, Семень Ивановичъ, къ удивленію старой кухарки, [вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, лечь спать, вновь уходитъ. Онъ направляется въ ту часть города, у рѣки, гдѣ преимущественно живутъ фабричныя рабочіе, гдѣ распо-

ложены ночлежные дома и копошится бѣдность. Онъ входитъ во дворъ полуразрушеннаго деревяннаго домишка и по грязнымъ ступенямъ взбирается въ темныя сѣни, изъ которыхъ одна изъ дверей ведетъ въ комнату вдовы Дарьи Ивановны.

Эта Дарья Ивановна нѣкогда была замужемъ за мелкимъ чиновникомъ, сослуживцемъ Семена Ивановича, давно овдовѣла и живетъ теперь въ домишкѣ, выстроенномъ покойнымъ мужемъ на чужой усадьбѣ. Срокъ аренды уже окончился, а потому она платитъ за свое помѣщеніе квартирную плату, что не мѣшаетъ владѣльцу земли, при всякомъ случаѣ, говорить, что онъ пріютилъ ее изъ милости. Она съ дочерью занимаетъ одну комнату прежней своей квартиры; въ другой живетъ торговка, Настасья Лукинишна, а третья сдается по угламъ.

Трудно сказать, чѣмъ живетъ теперь Дарья Ивановна. При жизни мужа она терпѣла нужду, но о хлѣбѣ насущномъ не приходилось беспокоиться. Она была озабочена тѣмъ, чтобы свести мѣсяць безъ значительныхъ долговъ, боялась, чтобы мужъ не заболѣлъ, чтобы онъ черезъ годъ не лишился мѣста. Теперь она опустилась до того низкаго уровня благосостоянія, когда люди перестаютъ уже мечтать о томъ, чтобы прожить безъ лишеній цѣлый мѣсяць, такъ какъ голодъ сосредоточиваетъ всѣ ихъ заботы только на сегодняшнемъ днѣ.

Пока она была здорова, онъ съ дочерью еще кое-какъ перебивались: то благодѣтельницы помогутъ, то работа какая-нибудь найдется. Въ этомъ отношеніи она была не взыскательна — шла бѣлье на фабричныхъ рабочихъ и мелкихъ чиновниковъ, нанималась въ сидѣлки, мотала нитки на бумагопрядильняхъ, продавала мыло и мороженныя яблоки около бань. Въ этой работѣ ей иногда помогала дочь, но помощь никогда не была существенною, такъ какъ Раиса была болѣзненная дѣвушка и никакая работа у нея не спорилась въ рукахъ.

Годъ тому назадъ съ Дарьей Ивановной случилось несчастіе: она отморозила себѣ ногу; потомъ на ногѣ стали появляться раны, мѣшавшія Дарьѣ Ивановнѣ выходить изъ дому. Къ этому времени Раисѣ отказали отъ мѣста въ больницѣ, куда ее опредѣлила одна изъ благотворительницъ. Она переехала къ матери и онъ зажили вдвоемъ, то питаясь случайными заработками, то голодая по цѣлымъ недѣлямъ.

Сегодня Дарья Ивановна опять больна, а Раиса понесла работу въ пріютъ, на который онъ шла бѣлье. Ее тамъ задержали и теперь она торопится домой, чтобы напоить чаемъ больную мать.

Войдя въ темныя сѣни, Раиса слышитъ мужской голосъ, раздающійся въ ихъ комнатѣ, и съ удивленіемъ начинаетъ прислушиваться.

— Даромъ, что мнѣ шестой десятокъ пошелъ, — говоритъ мужской голосъ, — а отъ невѣсть мнѣ отбою нѣтъ. Всякихъ сватали — и молодыхъ, и знатныхъ, и богатыхъ. Да я не хочу. Мнѣ не нужно ни знатности, ни богатства — своего на вѣкъ хватить. Я ищу жену смиренную и богобоязненную, чтобы меня почитала, чтобы не финтила, а послѣ моей смерти не растранижила бы моего добра. Мнѣ такую нужно, чтобы всегда помнила обо мнѣ, да молилась о душѣ моей.

— Ужь это извѣстно, Семень Ивановичъ, — говоритъ Дарья Ивановна, — жена должна завсегда молиться объ упокоеніи души своего мужа. Я вотъ до сихъ поръ...

— Не объ васъ рѣчь, Дарья Ивановна, — перебиваетъ ее мужской голосъ. — Вы помолчите, когда съ вами говорятъ.

— Я, Семень Ивановичъ, къ слову...

— Тагъ вы, Дарья Ивановна, помолчите. Вамъ, собственно, слушать нужно, потому что вамъ хотять дать надлежащій взглядъ на предметъ. Вы какъ размышляете насчетъ предложенія Раисѣ Петровнѣ?

— Какое же мое можетъ быть размышленіе, Семень Ивановичъ? Не такіе мои годы, чтобы размышленіе имѣть. Да и достатки наши не велики, сами знаете, Семень Ивановичъ.

— Ужь на что же хуже? Вотъ поэтому вы и должны помнить, что благодѣяніе я вамъ оказываю. Вѣдь, вы что? Съ голоду не сегодня-завтра умереть должны...

При этихъ жестокихъ словахъ Раиса вздрагиваетъ. Она давно уже замѣчаетъ на лицѣ матери то страшное выраженіе, которое всегда появлялось у больныхъ передъ смертью. Она изучила это выраженіе въ больницѣ и никогда почти не ошибалась. Ей вспоминаются длинныя палаты больницы, тусклый свѣтъ ночниковъ, запахъ лѣкарствъ, глухіе стоны и безсвязный бредъ горячечныхъ больныхъ. Она сидитъ въ большомъ креслѣ и не можетъ сомкнуть глазъ; ей всю ночь чуждятся желтыя лица, съ прилипшими ко лбу мокрыми прядями волосъ. Лица выглядываютъ изъ темныхъ угловъ своими воспаленными глазами, безкровныя, сухія губы что-то шепчуть ей... Не въ силахъ больше сдерживать себя, она бѣжитъ къ старшей сидѣлкѣ и, рыдая, проситъ замѣнить ее кѣмъ-нибудь.

— Будь еще ваша дочь съ лица хороша, — монотонно звучитъ изъ комнаты голосъ, — ну, тогда другое дѣло: въ арфистки пошла

бы или къ богатому купцу въ душеньки. Въ Москвѣ красивая дѣвушка всегда себѣ легкой хлѣбъ найти можетъ. Ну, а ваша дочь— другое дѣло: нечего грѣха таить, перестарокъ она у васъ, да и красоты въ ней большой не найдешь.

— Какая ужъ при нашей бѣдности красота? Рады, что душа въ тѣлѣ держится.

— Вы, Дарья Ивановна, помолчите, когда съ вами говорятъ. А бѣдностью своей тоже нечего похваляться, потому что бѣдность нажить всякій можетъ, ничего труднаго въ этомъ нѣтъ. Вы вотъ богатство наживите, тогда и хвалиться можете. Опять тоже про дочь свою такъ выражаться не слѣдуетъ. Для матери всякая дочь должна почитаться красавицею, потому что не въ красотѣ тѣлесной сила заключается, а въ смиреніи и страхѣ Божиемъ. Которая дочь почитаетъ свою мать, та и есть красавица...

Раисѣ почему-то вспоминается больничная церковь и однообразный голосъ дьячка, отчитывающаго по заказу родственниковъ покойника. Еще наканунѣ этотъ покойникъ былъ живымъ человекомъ; онъ все время пѣлъ божественныя пѣсни, а когда она подходила мѣнять на головѣ компрессы, онъ ловилъ своими горячими пальцами ея руку и жадно принималъ къ ней сухими губами. Ночью она опять подошла къ нему... Онъ былъ мертвъ. Тусклые глаза были упорно устремлены на нее, а лобъ казался холоднѣе пузыря со льдомъ... Съ нею сдѣлался истерическій припадокъ, напугавшій больныхъ, послѣ котораго ей отказали отъ мѣста сидѣлки.

А голосъ въ комнатѣ матери продолжалъ отчитывать:

— Раиса Петровна не уродъ какой-нибудь, не хромая, не горбатая. ежели снять съ нее рубища, да придѣть какъ слѣдуетъ, чѣмъ же она будетъ хуже всякой другой барыни? Въ лицѣ у нея, дѣйствительно, краски никакой нѣтъ, такъ это отъ нищеты отъ вашей, а у меня она поправится...

— Какъ не поправится въ довольствѣ? У нея, вѣдь, то же кровь благородная.

— Опять вы, Дарья Ивановна, не надлежащее говорите. Благородство не въ крови вовсе,—кровь у всѣхъ красная, и у теленка, и у человѣка. Благородство—въ жизни: ежели достатки у васъ есть, чтобы черною работою не заниматься—вотъ и благородство. А у васъ какое благородство? За три цѣлковыя все ваше имущество укупить можно, да еще съ вами въ придачу... Такъ вотъ, я говорю: дочку вашу я замужъ за себя беру изъ милосердія, потому состраданіе къ вамъ имѣю. Такъ чтобы она и знала. Будетъ она у меня жить въ довольствѣ, но бѣлоручничать не позволю.

Бухарку я отпущу, такъ чтобы она сама по дому управлялась, все какъ слѣдуетъ и на базаръ сходить, и изготовить и прибрать, и бѣлье поить, или тамъ починить. Чтобы меня почитала, да соблюдала; въ случаѣ, не дай Богъ, болѣзни, чтобы ходила за мною какъ подобаетъ женѣ—со скорбью и сокрушеніемъ.

Раиса съ сильно бьющимся сердцемъ слушаетъ монотонный, старческій голосъ. По этому голосу она давно уже узнала Семена Ивановича, того самаго Семена Ивановича, который читалъ ей длинныя и грубыя нравоученія каждый разъ, когда она ему приносила вычиненное бѣлье. Она вспоминаетъ, какъ онъ, въ послѣдній ея приходъ, сталъ почему-то ласковѣе, напоилъ ее чаемъ и погладилъ по щекѣ. При этой перемѣнѣ въ обращеніи онъ показался ей еще страшнѣе и противнѣе; а когда она сообщила свои впечатлѣнія сосѣдкѣ, Настасьѣ Лукинишнѣ, та замѣтила: «На себя бы посмотрѣлъ,—вѣдь, въ гробъ краше владуть. Шкелеть!»

Теперь этотъ «шкелеть» пришелъ за нею, хочетъ взять ее себѣ въ жены!

Предстоящая судьба испугала дѣвушку и показалась ей отвратительною, но она несостоятельна была на активное сопротивленіе и тотчасъ признала неизбѣжность этой судьбы. Душа ея наполнилась страхомъ и невыносимымъ отчаяніемъ.

— Васъ, Дарья Ивановна, мы опредѣлимъ въ богадѣльню. Вамъ ужъ недолго осталось жить, а въ богадѣльнѣ васъ и полежаать, и молиться о душѣ своей вамъ будетъ свободно.

— Обо мнѣ что ужъ говорить,—послѣдніе дни доживаю на этомъ свѣтѣ,—стонетъ Дарья Ивановна.

— Вотъ то-то я и говорю—молиться вамъ теперь о душѣ своей нужно. А Раисѣ у меня хорошо будетъ, ежели сама заслужить. Роскошества у меня нѣтъ, а достатковъ хватить на жизнь, даже останется кое-что. Все ей оставлю, ежели заслужить, съ собою въ гробъ ничего не возьму. Домъ у меня есть, не каменные палаты, а все тепло будетъ вдовѣ; денежки кое-какія скоплены трудомъ да лишеніями, имущество всякое, пенсіи 90 руб. въ годъ по вдовьему положенію ей причтется. Тоже не найдешь этого на улицѣ, а послѣ вашей нищеты, я такъ размышляю, это цѣлое, какъ говорится, состояніе... А гдѣ же она у васъ по ночамъ-то пропадаетъ?—внезапно перебиваетъ себя Семень Ивановичъ.—Смотрите, ужъ не балуетъ ли она у васъ?

— Что вы, батюшка Семень Ивановичъ!—пугается мать.—Нешто это можно, прости Господи! Работишку она понесла въ приютъ. Сами знаете—мѣсто казенное: пока пересмотрятъ, пере-

читаютъ, запишутъ, пока фитанцію, да деньжонки выдадутъ, анъ времени сколько уйдетъ! Пошла она въ три часа, а теперь, сами насте, въ пятомъ ужь и ночь на дворѣ. Что вы, батюшка, нешто позволю баловать...

— Я, вѣдь, такъ спрашиваю... въ Москвѣ дѣвушка долго ли пойти до этого, ежели безъ присмотру?

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, мы хочъ и бѣдные, а этого у насъ не полагается.

— Правильно, потому баловство къ бѣдности никакого отношенія не имѣетъ. Что бѣдный, что богатый, всѣ должны нравственность свою соблюдать... Такъ вотъ, Дарья Ивановна, я говорю: все ей оставлю, ежели заслужить. При жизни должна любить и почитать меня, въ болѣзни ухаживать, а послѣ смерти молиться... Четыре паннихиды приказываю ей служить по моей душѣ, каждый годъ четыре паннихиды. Такъ и въ завѣщаніи напишу. До самой смерти чтобы трауръ не снимала и замужъ ни за кого вторично не выходила...

Раиса больше не можетъ слушать. Она вбѣгаетъ въ комнату Настасьи Лукинишны и съ отчаяніемъ падаетъ на ея постель. Добрая женщина утѣшаетъ ее, негодуетъ, бранитъ Семена Ивановича.

— Полно убиваться-то, — говоритъ она, — все равно скоро околѣетъ. Послѣ свадьбы похороны ему справимъ. То-то заживешь въ богатствѣ.

Раиса вышла замужъ за Семена Ивановича. Въ теченіе мѣсяца онъ каждый день приходилъ въ ихъ убогую каморку, приносилъ недорогія матеріи для приданого, причеъъ каждый разъ читалъ длинныя нравоученія, жаловался на расходы и попрекалъ ихъ бѣдностью.

Передъ свадьбою она съ женихомъ ѣздила молиться къ Троицѣ. Во всю дорогу онъ дѣлалъ посмертныя распоряженія относительно своего имущества, а она со страхомъ сторонилась отъ него, не чувствуя въ себѣ силы побороть мысль, что ее беретъ замужъ «шкетель».

Сегодня въ пустой и полуосвѣщенной церкви она готова была упасть въ обморокъ, а по пріѣздѣ на его квартиру чувствовала все время головокруженіе и какое-то стѣсненіе въ груди.

Два немолодыхъ чиновника составляли весь свадебный портфель. Они выпили водки, нѣсколько разъ тѣнули вилами въ тарелки съ селедкою и желтою семгой и поспѣшили уйти, не рѣша-

ясь даже заявить, что водка горька безъ поцѣлуевъ молодыхъ. Въ комнатѣ чувствовалось тяжело, какъ послѣ похоронъ.

Проводивъ гостей, Семень Ивановичъ возвращается къ женѣ. Онъ настроенъ особенно торжественно, а потому рѣчь его неудержимо льется; своимъ неприятнымъ, старческимъ голосомъ онъ говоритъ о святости брака, о будущихъ обязанностяхъ Раисы, о томъ, какъ ей нужно будетъ вести хозяйство... Очевидно, его увлекаетъ собственное краснорѣчіе и то, что онъ говоритъ, кажется ему необыкновенно умнымъ и назидательнымъ.

Но Раиса неспособна достаточно оцѣнить это краснорѣчіе, — она находится въ томъ угнетенномъ состояніи, которое предшествуетъ нервнымъ кризисамъ. Въ груди она чувствуетъ тяжелое стѣсненіе, а по всему тѣлу точно пробѣгаетъ электрическій токъ, заставляющій ее по временамъ вздрагивать. Мысли въ ея головѣ безсвязно путаются, неожиданно вызывая воспоминанія о давно забытыхъ предметахъ; потомъ возникшее представленіе обрывается и она начинаетъ твердить про себя какое-нибудь слово, не давая себѣ отчета въ его значеніи. Но надъ всѣмъ этимъ стоитъ что-то гнѣбущее — не то мысль, не то ощущеніе, что-то тяжелое, связанное съ ея новымъ положеніемъ и личностью Семена Ивановича. Она невольно слѣдитъ за его движеніями, а когда онъ приближается, у нея усиленно бьется сердце и горло сжимается спазмою.

Вдругъ въ кухнѣ поднимается шумъ... Настасья на кого-то ворчитъ, потомъ голосъ ея повышается и переходитъ въ гнѣвные окрики.

— Ахъ, ты, старая... — слышится хриплый мужской голосъ. — Какъ ты смѣешь не допускать?... Я проздравить пришелъ папеньку, а ты смѣешь...

Семень Ивановичъ стремительно выбѣгаетъ въ кухню, изъ которой затѣмъ доносится усиленная возня и смѣшанный гулъ нѣсколькихъ голосовъ. Потомъ дверь со двора съ шумомъ захлопывается и сразу наступаетъ глубокая тишина. Раиса, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, стоитъ, прижавшись къ стѣнѣ; она знаетъ, что тамъ происходитъ расправа съ сыномъ Семена Ивановича, тѣмъ жалкимъ, оборваннымъ молодымъ человѣкомъ, который всегда невольно вызывалъ ея сожалѣніе.

Минуть черезъ пять возвращается Семень Ивановичъ. Онъ взволнованъ и тяжело дышетъ.

— Провлятый, — шипитъ онъ, — каторжникъ, пьяница, всю жизнь только обирадывалъ да страмилъ меня!... Слушай, Раиса, — неожиданно поворачивается онъ къ ней, — чтобы ты его не посмѣла

никогда пустить сюда! Никогда—ни теперь, ни послѣ моей смерти! Это тебѣ мое завѣщаніе... Съ голоду будетъ околѣвать подъ забормомъ, чтобы ты ему корки хлѣба не смѣла подать! Ослушаешься—я тебя въ могилѣ проклинаю буду!

Онъ долго еще ходитъ по комнатѣ; громыкаетъ стульями и ругаетъ сына. Потомъ, успокоившись, онъ приказываетъ женѣ ложиться спать.

Она машинально идетъ въ другую комнату, дрожащими руками раздѣвается и ложится на широкую постель.

Лампада въ углу сквозь зеленое стекло освѣщаетъ комнату тусклымъ, мерцающимъ свѣтомъ. За дверью старая кухарка стучитъ посудомъ, а Семень Ивановичъ своимъ монотоннымъ голосомъ дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія. Затѣмъ они идутъ въ кухню, а оттуда во дворъ. Наступаетъ глубокая, унылая тишина. Раисѣ кажется, что она заключена въ могилу.

Черезъ нѣсколько времени въ сосѣдную комнату кто-то входитъ и начинается тихая возня, шуршаніе платья и скрипъ снимаемыхъ сапогъ. Раиса шепчетъ молитву и быстро крестится. Потомъ какая-то тѣнь проскальзываетъ въ спальню и останавливается у образа, вырисовываясь страннымъ силуэтомъ на освѣщенномъ лампадою кругѣ. Тѣнь колеблется и извивается; она падаетъ и разливается по полу, потомъ, неожиданно, растетъ, вытягивается и упирается въ потолокъ. Раиса чувствуетъ, что сердце перестаетъ биться... Она закрываетъ глаза.

Черезъ нѣсколько времени ей чудится около постели присутствіе посторонняго существа. Широкая, черная тѣнь колышется надъ нею, размахивая высоко поднятыми руками; затѣмъ черная оболочка спадаетъ и передъ нею стоитъ что-то бѣлое, длинное и прозрачное, какъ парь...

— Завтра, Раичка, я тебя поведу на свою могилу,—говорить привидѣніе.

Раиса вскрикиваетъ... Съ нею дѣлается истерическій припадокъ.

И. Антоновичъ.

* * *

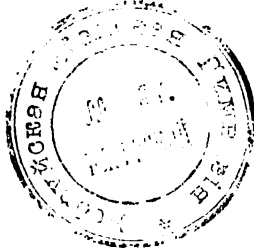
Восторженнымъ хваламъ внимая равнодушно,
Багъ дань приѣмля ихъ,
Царицей ты идешь среди толпы послушной
Поклонниковъ своихъ;

Но, милая, повѣрь, измѣнится все это:
Любовь свое возьметъ;
Лишь явится она—подъ жгучимъ зноемъ лѣта
Растаетъ сердца ледь!

Таинственный цвѣтокъ является порою
На лонѣ свѣтлыхъ волнъ;
Все къ свѣту рвался онъ, скрываясь подъ водою,
Красы и блеска полнъ;

Нежданно настаетъ минута роковая
И вотъ—онъ, лепестки
Красиво распустивъ, дрожить, благоухая,
На зеркалѣ рѣки...

Павель Козловъ.

Что такое научная философія? *)

XIX.

Мы сказали уже, что какъ ни близко подошелъ Авенариусъ къ разрѣшенію нашего вопроса, но все же не ему, а Петцольдту принадлежитъ честь окончательнаго его рѣшенія. Поправка, вносимая Петцольдтомъ въ воззрѣнія Авенариуса, относится не къ какой-либо частности или подробности этихъ воззрѣній, но имѣетъ общій, принципиальный характеръ. Намъ необходимо, поэтому, ознакомиться съ тезисомъ Петцольдта по возможности ближе.

Петцольдтъ начинаетъ съ сопоставленія принципа «наименьшей траты силъ» во всякой психической дѣятельности, съ Фехнеровымъ принципомъ «стремленія къ устойчивости» (Prinzip der Tendenz zur Stabilität), представляющимъ въ высшей степени плодотворное обобщеніе и углубленіе ученія Дарвина и раскрывающимъ въ извѣстной мѣрѣ основы всякаго развитія. Сравненіе этихъ двухъ принциповъ, — говоритъ Петцольдтъ, — должно показывать, что они тождественны, а добытая такимъ образомъ болѣе общая точка зрѣнія должна бросить новый свѣтъ на значеніе понятія философіи.

Петцольдтъ находитъ, что выставленный Авенариусомъ принципъ является и недостаточно обоснованнымъ, и недостаточно общимъ. Говоря о цѣлесообразности психическихъ функций, Авенариусъ только вскользь указываетъ на соотношеніе этой цѣлесообразности къ поддержанію индивида и намѣренно не развиваетъ дальше своихъ изъясненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ только мимоходомъ упоминаетъ о приложимости принципа не только къ философіи, но и къ другимъ областямъ, не поддерживая эти указанія никакими объясненіями. Совсѣмъ иначе поступаетъ Фехнеръ: онъ, устанавливая своей широко охватывающій принципъ, достаточно опредѣленно выясняетъ его всеобщую приложимость. Согласно его взгляду, передаваемому здѣсь въ самомъ сжатомъ изложеніи, всякое движеніе, разсматриваемое отъ его возникновенія до окончанія, т.-е. до перехода двигавшихся элементовъ въ состояніи (относительной) устойчивости, есть развитіе.

*) Русская Мысль, кн. X.

Развитіе можно разсматривать, слѣдовательно, какъ постепенное устраненіе преградъ и всякаго состязанія вообще, или, формулируя точнѣе, всякое развитіе есть результатъ состязавшихся между собою стремленій, а результатъ самого развитія есть (относительная) устойчивость. Всѣ эти тезисы имѣютъ чисто-отвлеченный характеръ; высказывая ихъ, мы отвлекаемся отъ всякаго конкретнаго представленія захватываемыхъ развитіемъ элементовъ. Мы имѣемъ въ виду только отношеніе между элементами, поэтому и говоримъ лишь о препятствіяхъ и ихъ устраненіи, о движеніи и устойчивости элементовъ. Очевидно, однако же, что тезисъ этотъ можетъ одинаково относиться и къ направленнымъ на какой бы то ни было предметъ желаніямъ, и къ устремленнымъ къ какимъ бы то ни было цѣлямъ побужденіямъ, и къ сосредоточеннымъ на какомъ бы то ни было вопросѣ научнымъ мнѣніямъ, и къ добывающимся какого бы то ни было результата политическимъ и социальнымъ дѣйствіямъ, и т. д.

Если мы, — говоритъ далѣе Петцольдтъ, — замѣчаемъ во всѣхъ родахъ состязаній постоянное приближеніе къ устойчивому состоянію, то, само собою разумѣется, что для нашего опыта можетъ идти рѣчь только объ относительномъ постоянствѣ такой устойчивости. Не касаясь внѣшняго міра, приложение къ которому указывается здѣсь замѣчанія слишкомъ очевидно, и имѣя въ виду только міръ внутренней, надо будетъ признать, что всѣ психическія явленія, которыя можно счесть устойчивыми, всегда существуютъ только въ связи съ относительно-устойчивыми матеріальными состояніями. Условность устойчивости психическихъ состояній вытекаетъ отсюда сама собою. Последніе остатки духовныхъ результатовъ дѣятельности человѣчества исчезнуть, конечно, на нашей планетѣ вмѣстѣ съ прекращеніемъ человѣческаго рода. Если полный параллелизмъ движенія и ощущенія дѣйствительно существуетъ, то моменты наступленія безусловной устойчивости какъ психической, такъ и физической должны быть связаны между собою неразрывно. Что же касается системъ условной устойчивости, то онѣ вступаютъ, какъ элементы, въ другія системы: наша солнечная система есть только часть другой, болѣе, составляющей, въ свою очередь, часть слѣдующей, и т. д.; организмы тоже образуютъ новыя устойчивыя состоянія (семейства, государства); науки, взаимно устраняя противорѣчія, имѣющія между ними мѣсто, находятъ свое единство въ философіи и т. д.

Петцольдтъ поясняетъ далѣе, что относительныя устойчивыя состоянія ихъ обыкновенно считаемъ *цѣлями*, а необходимыя для ихъ осуществленія силы разсматриваемъ какъ *средства*. Всякая система признается нами тѣмъ болѣе цѣлесообразною по своему строю, чѣмъ менѣе встрѣчаемъ мы возможностей къ разстройству какъ въ ней самой, такъ и въ отношеніяхъ ея къ внѣшнимъ силамъ, т. е. чѣмъ исключительнѣе служатъ въ ней силы къ поддержанію. Полной цѣлесообразности въ природѣ мы не находимъ, а видимъ только въ нашей солнечной системѣ, напримѣръ, приближеніе къ ней. Изъ этого видно, что понятіе цѣлесообразности въ такой же мѣрѣ относительно, какъ и понятіе устойчивости. Мы мѣряемъ здѣсь человѣче-

скою мѣрой. Умы, для которыхъ миллионы лѣтъ имѣли бы такое значеніе, какъ для насъ мгновеніе, усмотрѣли бы въ жизни земнаго шара столь же мало цѣлесообразности, сколько мы усматриваемъ ее въ мгновенномъ сверканіи молніи; тогда какъ обитатели капли воды переживаютъ мгновенія такъ, какъ мы десятилѣтія. Они, быть можетъ, въ теченіе времени, которое нужно для паденія капли съ облаковъ на землю, выполняютъ самое содержательное и цѣлесообразное существованіе. Замѣтимъ, что мы разсматриваемъ, какъ цѣль, не исключительно только то, что считается нами устойчивымъ, но можемъ усматривать цѣль и въ томъ, что, являясь скоропреходящимъ, служитъ, однако же, возникновенію или поддержанію чего-либо, способствующаго устойчивому состоянію. Такимъ образомъ, въ ряду причинъ и дѣйствій, направляющихся къ устойчивому состоянію, каждый членъ можетъ разсматриваться, какъ средство, по отношенію къ предъидущему моменту и, какъ цѣль, по отношенію къ моменту послѣдующему. Не совсѣмъ поверхностное мышленіе, все же-таки, принимаетъ за главную цѣль—цѣль конечную, т.-е. такое состояніе, которое можетъ сохранить относительно постоянную устойчивость.

Авенаріусъ указываетъ,—говорить далѣе Петцольдтъ,—на склонность людей къ систематизированію, какъ на ясное доказательство безсознательнаго приложенія принципа наименьшей траты силъ. Очевидно, однако же, что въ систематизированіи, также какъ и въ стремленіи къ установленію единства, можно видѣть проявленіе побужденія къ устойчивому состоянію, такъ какъ пока система не организована, пока единство не добыто, до тѣхъ поръ мы не можемъ еще считать «развитія» законченнымъ и цѣль его достигнутою. Сочтется же достигнутою цѣль эта тогда, когда наступитъ моментъ покоя, моментъ устойчивости,—тутъ и полученъ будетъ нами научный результатъ умственной работы или фактъ, вѣнчающій нашу практическую дѣятельность.

Полное, дружное приложеніе силъ для установленія устойчиваго состоянія заключается въ цѣлесообразномъ пользованіи ими. «Во всей природѣ,—заключаетъ Петцольдтъ эту часть своего разсужденія,—неизбѣжно царитъ стремленіе къ такому ими пользованію, царитъ принципъ стремленія къ устойчивости», принципъ наибольшей гармоніи. Этотъ принципъ и долженъ заключать въ себѣ то, что выражено у Авенаріуса «принципомъ наименьшей траты силъ». Въ немъ слѣдуетъ видѣть не только основоположеніе психической жизни, какъ думаетъ Авенаріусъ, но и основоположеніе для всѣхъ естественныхъ явленій, поскольку эти послѣднія являются процессами развитія и устойчивыми состояніями.

Продолжая изслѣдованіе принципа Авенаріуса, Петцольдтъ переходятъ къ разсмотрѣнію того истолкованія, которое представляетъ этому принципу самъ Авенаріусъ. На первыхъ же страницахъ его труда мы читаемъ, что «всякое рѣшеніе той или иной задачи придется счесть тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ менѣе силъ будетъ при этомъ потрачено напрасно,—чѣмъ болѣе будетъ ихъ сохранено для другихъ дѣйствій; мы

всегда почтемъ данную силу тѣмъ цѣлесообразнѣе приложенною, чѣмъ значительнѣе будетъ полученный чрезъ ея посредство результатъ». Вторая часть этого положенія, по мнѣнiю Петцольдта, останется до тѣхъ поръ лишеною всякаго уловимаго смысла, пока у насъ не будетъ масштаба, которымъ мы могли бы опредѣлить размѣръ получаемыхъ нами результатовъ. На самомъ дѣлѣ, всѣ наличныя потенциальныя или кинетическiя силы производить въ каждый данный моментъ все то, что онѣ вообще произвести могутъ. Съ точки зрѣнiя чистой механики, а, слѣдовательно, и съ точки зрѣнiя чистой психо-физики, нельзя, при томъ же, и говорить о большемъ или меньшемъ результатѣ. Всѣ результаты показываютъ совокупность затраченныхъ силъ и, объективно, ни одинъ не имѣетъ преимущества передъ другимъ. Только субъективное, телеологическое сужденiе дѣлитъ ихъ на цѣлесообразныя и нецѣлесообразныя, на большiя и меньшiя, въ зависимости отъ того, много или мало способствуютъ онѣ установкѣ устойчиваго состоянiя. На основанiи этихъ соображенiй, намъ слѣдуетъ, въ видахъ болѣе точности, сформулировать тезисъ Авенарiуса такимъ образомъ: данная сила будетъ считаться приложенною тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ значительнѣе окажется ея дѣйствiе для установки устойчиваго состоянiя.

Слѣдуетъ еще не упускать изъ вида и того обстоятельства, что фактическое рѣшенiе всякой задачи неизбѣжно совершается всегда при наименьшей затратѣ силъ. Опредѣленно - ограниченный результатъ всегда является эквивалентомъ опредѣленнаго количества силъ, не болѣе. Когда предъявляется требованiе рѣшить какую-нибудь задачу наивозможно-меньшими средствами, то при этомъ не имѣютъ въ виду, конечно, чтобы требуемый результатъ явился выраженiемъ наименьшей суммы силъ, а стараются только, чтобы, кромѣ желаемаго результата, не были вовсе тратимы силы на полученiе другихъ, побочныхъ результатовъ. Въ этомъ смыслѣ только и можемъ мы принимать указанiе на наименьшую трату силъ въ тезисѣ Авенарiуса и только сообразно этому толкованiю можемъ понимать и самый тезисъ.

Представивъ вслѣдъ затѣмъ короткое резюме извѣстнаго уже намъ положенiя принципа Авенарiуса къ мышленiю вообще и философскимъ обобщенiямъ въ особенности, Петцольдтъ приступаетъ къ изложенiю той поправки, которую, по его убѣжденiю, необходимо внести въ воззрѣнiя Авенарiуса. Поправка эта не имѣетъ въ виду расширенiя понятiя философи, но только приданiе понятiю ея болѣе опредѣленности, вытекающей изъ положенiй, установленныхъ самимъ же Авенарiусомъ, частью въ его книгѣ *Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip d. k. K.*, частью въ статьѣ *Ueber die Stellung der Psychologie zur Philosophie*, помещенной въ его же философскомъ журналѣ въ 1877 году.

Изъ двухъ задачъ теоретическаго мышленiя: *установленiя* (соотнос. усвоенiя) системы понятiй и *приложенiя* ея къ внѣшнему и внутреннему миру, — интересуется насъ теперь только первая. И такъ какъ дѣло идетъ

собственно объ опредѣленіи отношенія между философіей и отдѣльными науками, то мы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи понятій, констатируемъ только, что всѣ науки стремятся, какъ къ идеалу, къ такому строю, который представлялъ бы замкнутую, послѣдовательную, свободную отъ противорѣчій, полную и общепризнанную систему; иначе говоря, всѣ науки стремятся къ устойчивому состоянію. Изъ этого видно, что, рассматривая задачу каждою науки въ отдѣльности, надо сказать, что задача эта заключается въ приложеніи принципа наименьшей траты силъ къ мышленію объ отдѣльныхъ частяхъ міра; сопоставляя же всѣхъ ихъ и предполагая ихъ законченными, намъ придется сказать, что сумма ихъ отвѣчаетъ мышленію о мірѣ, какъ цѣломъ, согласно нашему принципу. Авенаріусъ, какъ извѣстно, отвергаетъ осуществимость этого послѣдняго результата на томъ основаніи, что отдѣльныя науки не избираютъ всей совокупности существующаго предметомъ своихъ изслѣдованій и не могутъ поэтому выработать высшаго, абсолютно-всеобщаго понятія, охватывающаго все существующее, а устанавливаютъ только тѣ понятія, которыя имѣютъ значеніе высшихъ по отношенію къ спеціальнымъ областямъ изслѣдованія. Изъ этихъ общихъ, предварительно очищенныхъ спеціальными науками, понятій выдѣляетъ уже философія все то, что находитъ въ нихъ общаго. Петцольдтъ возражаетъ противъ такого заключенія, указывая на отсутствіе какихъ бы то ни было рѣзко-очерченныхъ границъ между отдѣльными науками, какія предполагаются приведеннымъ выше взглядомъ Авенаріуса. Петцольдтъ утверждаетъ, что, напротивъ того, отдѣльныя науки, по свойству своихъ объектовъ, находятся неизбежно между собою во взаимодействіи. Относительно наукъ естественныхъ признаетъ это взаимодействіе и Авенаріусъ; но онъ не доводитъ разсужденія своего до конца. Нельзя не признать, что отдѣльныя науки припуждены, благодаря ихъ взаимодействию, исправлять одна у другой важныя основныя положенія. Физикѣ и химіи приходится выработать соглашеніе относительно понятія атомовъ. Подобная же взаимность существуетъ между геологіей и біологіей, физикой и физиологіей, физиологіей и психологіей, — вездѣ проявляются разнообразнѣйшія соотношенія, вездѣ объявляются настоятельныя требованія обоюднаго приспособленія посредствомъ устраненія противорѣчій, помѣхъ, излишествъ; вездѣ—стремленіе къ конечному устойчивому состоянію,—къ такому состоянію, въ которомъ могло бы найти покой теоретическое мышленіе. Если же мы предоставимъ спеціальнымъ наукамъ не только взаимно совершенствовать ихъ частныя понятія, но возложимъ еще на нихъ выработку и высшихъ понятій ихъ областей изслѣдованія, не признавая такой работы философскою, то почему бы не потребовать отъ нихъ установки и самаго высшаго общаго понятія, какъ увѣнчанія ими же самими воздвигнутаго зданія; зачѣмъ считать нужнымъ относить эту работу, качественно ничѣмъ не отличающуюся отъ предъидущей, къ какому-то особенному, не естественно-научному, а философскому мышленію? Вѣдь, допускаетъ же самъ Авенаріусъ, что психологія, находившаяся прежде въ полной зависимости отъ философіи,

приобрѣла въ настоящее время полную самостоятельность, отнявъ у философіи существенную часть ея задачи. Эта часть заключается, однако же, не менѣе какъ въ самомъ основномъ ея понятіи, томъ понятіи, которымъ охватывается все существующее. Если, по Авенаріусу, результатомъ психологическаго изслѣдованія слѣдуетъ считать положеніе, что мы мыслимъ міръ матеріально—какъ ощущеніе, формально — какъ движеніе, то, вѣдь, это положеніе и составляетъ содержаніе философіи. ●

Петцольдтъ не находитъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признать результатъ этотъ правильнымъ, или ожидать новыхъ изслѣдованій, могущихъ дать новый укладъ мышленію о мірѣ, или, наконецъ, остановиться на той мысли, что въ настоящее время не существуетъ еще возможности принять какой-либо законченный взглядъ,—онъ имѣетъ въ виду только указаніе на необходимость не только ожидать отъ специальныхъ наукъ, но и требовать отъ нихъ или одного абсолютно-общаго, или, если потребуется, нѣсколькихъ абсолютно-общихъ понятій *). Въ выработкѣ такого именно понятія или такихъ понятій и слѣдуетъ видѣть, какъ то всегда и было, задачу философіи

Но философское мышленіе,—продолжаетъ далѣе Петцольдтъ,—характеризуется не однимъ тѣмъ, что оно направлено *только* на общую совокупность существующаго, хотя черта эта, какъ показали Авенаріусъ, и существенна, но еще и въ томъ, что оно стремится отнестись, по возможности, непредубѣжденно къ даннымъ отдѣльнымъ явленіямъ и связываетъ это стремленіе съ своимъ взглядомъ на цѣлое. Эта сторона мышленія, какъ справедливо указалъ уже Махъ, и придаетъ воззрѣніямъ собственно философскій характеръ; она присуща всякому великому философу. *Философія не принадлежитъ къ числу отдѣльныхъ наукъ: ни по особенностямъ своего содержанія, ни по особенностямъ того общаго понятія, которое могло бы отрознить ее отъ совокупности специальныхъ дисциплинъ*; она заключается исключительно въ томъ всеохватывающемъ, непредубѣжденномъ мышленіи, которое всѣ отдѣльныя части цѣлаго связываетъ живыми отношеніями и такимъ образомъ создаетъ для себя по отношенію къ явленіямъ спокойную обеспеченность. Между истинною наукой и истинною философіей противорѣчія не существуетъ. Для дѣйствительно плодотворной и сознательной работы обѣ должны идти непрерывно рука объ руку: философъ, наблюдающій за общимъ направленіемъ подвигающейся впередъ работы человѣческой мысли, долженъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ спеціальныя труды исправлять ихъ; а специалистъ не долженъ терять изъ вида общаго направленія, для того, чтобы всегда понимать свое положеніе и не намѣчать такихъ «научныхъ результатовъ», которые въ высшей степени безразличны для цѣлаго и способны только возбуждать у проницательныхъ наблюдателей

*) О законномѣрности пользованія терминомъ абсолютный см. наши *Этюды и очерки*, стр. 327 и слѣд.

сожалѣніе о напрасно растроченныхъ силахъ. Специалистъ, ничего не вѣдающій о великомъ пути всей вообще науки, подобенъ отдѣльному солдату, который хотя и работаетъ для однѣхъ съ нею цѣлей, но остается въ невѣдѣніи о нихъ, а потому легко можетъ преувеличить значеніе своихъ дѣйствій или умалить значеніе дѣятельности другихъ; онъ идетъ безсознательно, а потому не свободно; онъ—орудіе развивающагося дѣла; если его не поведутъ другіе, онъ, всего вѣроятнѣе, направится скорѣе по ложному, нежели по вѣрному пути.

Подходя къ концу своего разсужденія, Петцольдтъ ставитъ вопросъ: какъ далеко можетъ идти философское мышленіе, не теряя права на это названіе? Изъ предъидущаго видно,—говоритъ онъ, отвѣчая на этотъ вопросъ,—что предѣлы тутъ могутъ быть поставлены одними только индивидуальными дарованіями, вообще же установить предѣлы эти нельзя. По Авенаріусу, искать ихъ надо тамъ, гдѣ оканчивается пониманіе природы или вообще пониманіе. Всякая наука вынуждена остановиться на какихъ-нибудь фактахъ, не разлагающихся на болѣе простые, и пренебречь всякимъ трансцендентнымъ объясненіемъ; факты эти, образуя «чистый опытъ», указываютъ на одну границу пониманія, тогда какъ двѣ другія границы, находятся въ сторонѣ абсолютно-простаго и абсолютно-общаго понятія (или понятій, если сведеніе ихъ къ единству окажется несущественнымъ). Въ этихъ границахъ и совершается систематизированіе понятій, привносимыхъ специальными науками,—понятій, которыя ранѣе того имѣли свой собственный, весьма, притомъ, высочій, интересъ, но которыя теперь получаютъ интересъ собственно-философскій. Ясное расчлененіе и гармоническая законченность создаемаго цѣлаго не должны быть теряемы изъ вида тѣми, которые слѣдятъ за его устроеніемъ. Это цѣлое, эта система имѣютъ для мышленія нашего громадное значеніе, такъ какъ завершеніе ихъ и есть достиженіе настоящей цѣли теоретическаго мышленія—устойчиваго состоянія. Философія всегда много хлопотала объ упрежденіи этого устойчиваго состоянія, хотя попытки ея удавались и рѣдко. Выработка общаго понятія не есть дѣло специфически-философской умственной дѣятельности: это—дѣло общей совокупной работы специальныхъ наукъ. То, что Авенаріусъ называетъ «укладомъ философіи», находится въ полной зависимости отъ развитія отдѣльныхъ наукъ. *Нѣтъ такой отдѣльной науки—«философіи», которая обладала бы средствами для выработки въ основныхъ чертахъ законченнаго мировоззрѣнія безъ помощи наукъ о природѣ и при посредствѣ предвосхищенія ихъ результатовъ.* Мышленіе окажется запечатлѣннымъ философскимъ характеромъ только тогда, когда единичное будетъ охватываться взглядомъ, устремленнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на цѣлое, и когда представленіе цѣлаго въ свою очередь будетъ привлечено для разсматриванія единичнаго.

Такъ оканчиваетъ Петцольдтъ свое критико-философское изслѣдованіе и вмѣстѣ съ нимъ оканчивается и наше изложеніе воззрѣній того ряда мыслителей, на которыхъ мы остановились, какъ на представителяхъ послѣд-

ней эволюціи научно-философской мысли. Намъ остается теперь сказать еще только нѣсколько заключительныхъ словъ.

XX.

Читатель, имѣвшій терпѣніе прослѣдить за нашими розысканіями до конца, могъ убѣдиться, конечно, что искомый отвѣтъ найденъ. Отвѣтъ этотъ представляетъ не плодъ мечтательности какого-нибудь уединеннаго философа, а послѣднее, заключительное звено умственной работы цѣлаго ряда мыслителей, — завершеніе сложной философской эволюціи, въ которой желанія, вкусы, настроенія и тенденціи отдѣльныхъ личностей оказываются совершенно поглощенными общимъ направленіемъ мысли, постепенно выходящей по точно-опредѣленному руслу научнаго изслѣдованія. Оригинальность принадлежитъ тутъ не отдѣльно взятому звену, не индивидуальному творчеству, а всей эволюціи, всему ряду усилій коллективной мысли добиться общаго результата научной работы нашего вѣка и выразить его съ тою ясностью и опредѣленностью, которая разъ навсегда отдѣлила бы его рѣзкою чертой отъ всякаго попятнаго движенія или безсознательной остановки, принимаемой за движеніе поступательное.

Уже Риль выяснилъ, что только поэтическія произведенія руководятся *единствомъ* какой-нибудь идеи и выполняются *одною* какою-нибудь личностью, тогда какъ дѣло науки — результатъ общей, связанной работы *многихъ*. Одинъ изъ русскихъ профессоровъ, именно покойный Милославскій, хотя и метафизикъ въ душѣ, не могъ не замѣтить, однако же, что развитіе научно-философскихъ идей мало связывается съ именами и личностями, «такъ какъ самая наука не есть исключительное произведеніе и достояніе какой-нибудь одной головы, и не одинъ открываетъ законы природы и строитъ научныя обобщенія. Какой-нибудь абсолютный философскій принципъ не могъ быть придуманъ или найденъ десятерыми заразъ, и прежнія философскія системы сначала до конца создавалъ какой-нибудь одинъ умъ и становился центромъ, главою, учителемъ своего оригинальнаго философскаго мышленія. Напротивъ, современные научныя умозрѣнія вырабатываются и развиваются цѣлыми массами ученыхъ и не замыкаются въ школѣ какого-нибудь именитаго философа». «Философія, въ смыслѣ какой-нибудь исключительной системы, отождествленной съ метафизикой, находится въ упадкѣ и, по распространенному мнѣнію, вся безъ остатка сдается въ архивъ, а на дѣлѣ, которое отъ мнѣнія и воли людей зависитъ мало, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ и особенно въ Германіи выражается настойчивая потребность въ философіи» *).

Таковы характеристическія черты того пути, съ которымъ мы только что ознакомились. Оглянемся назадъ и отдадимъ себѣ отчетъ въ его истинномъ значеніи.

*) П. Милославскій: «Типы современной философіи въ Германіи», стр. 280—281. Казань, 1878 г.

Припомнимъ, прежде всего, что еще ранѣе, чѣмъ мы приступили къ отчету о работахъ, давшихъ окончательный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, намъ пришлось распознаться среди той массы разнообразныхъ продуктовъ философской мысли, которые столь преизобильно и повсемѣстно являются въ настоящее время подъ названіемъ позитивной или научной философіи. Устранивъ изъ сферы нашего разсмотрѣнія контовскій позитивизмъ и всѣ его развѣтвленія, а также и «научную философію», вдохновляющуюся «синтетическою системою» Спенсера, мы рѣшили прослѣдить только за тѣмъ направленіемъ научной мысли, которое примѣняется къ философскому критицизму въ широкомъ значеніи этого термина. Имѣя въ виду представителей этого направленія въ Англіи и Германіи, мы сосредоточили, главнымъ образомъ, наше вниманіе надъ научно-философскою школою, имѣющею значительную группу представителей въ послѣдней изъ этихъ странъ, и намѣтили ихъ, какъ такихъ, которые могутъ дать намъ «самое опредѣленное, полное и ясное рѣшеніе нашего основнаго вопроса».

Установивъ такую градацію разныхъ фазисовъ развитія научно-философской мысли, мы, какъ намъ думается, успѣли тѣмъ самымъ предотвратить предъявленіе такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ заключается уже въ принятомъ нами порядкѣ ихъ разсмотрѣнія. Намъ представлялось очевиднымъ, что требованіямъ по отношенію представителей научной философіи въ Англіи былъ заранѣе уже положенъ извѣстный предѣлъ и было отнято всякое основаніе ожидать отъ нихъ окончательнаго отвѣта на нашъ вопросъ. Если же, вопреки такой очевидности, все же могло явиться такое, лишенное всякаго основанія, требованіе, то, въ виду всего сказаннаго нами ранѣе, мы, считая излишнимъ повторить извѣстное уже нашимъ читателямъ, отмѣтимъ только, что мнимо-сокрушительныя замѣчанія на воззрѣнія Гексли, Маудсли и др. идутъ со стороны слишкомъ извѣстнаго у насъ мистика—г. Козлова, который не мало удивилъ бы всѣхъ, слѣдящихъ за нашею философскою литературою, если бы пересталъ повторять давно слѣтую имъ старую пѣсню.

Ознакомивъ читателей съ главнѣйшими моментами развитія научно-философской мысли, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, дали и ту точку зрѣнія, съ которой всѣ отмѣченныя нами явленія располагаются въ извѣстной перспективѣ. Намъ представляется поэтому совершенно излишнимъ останавливаться теперь надъ попытками смѣшенія моментовъ, характеризующихъ *эволюцію*, съ тѣми, которые соотвѣтствуютъ *устойчивому состоянію*. Проведенію различія, о которомъ идетъ рѣчь, посвящено такъ много мѣста въ нашей работѣ, что для непонимающихъ или не желающихъ понять насъ мы ничего уже прибавлять не станемъ.

Въ ряду нѣмецкихъ писателей, съ воззрѣніями которыхъ мы успѣли познакомиться изъ предшествовавшихъ очерковъ, Авенариусъ былъ первымъ, заговорившимъ о «методѣ элиминаціи» и выработавшимъ при посредствѣ этого метода понятіе «чистаго опыта». Сопоставляя съ Авенариусомъ тѣхъ писателей, о которыхъ мы говорили или упоминали ранѣе, мы

можем констатировать, что и они, несомненно, шли къ «чистому опыту» путемъ «элиминаціи», начиная съ самого родоначальника этого движенія—геніальнаго Давида Юма.

Намъ нѣтъ надобности настаивать на этомъ фактѣ: онъ слишкомъ общезвѣстенъ; не можемъ только не отмѣтить при этомъ случаѣ ту курьезную его оцѣнку, которая возникаетъ у нѣкоторыхъ писателей частью подъ вліяніемъ ихъ путанныхъ воззрѣній, частью отъ избытка усердія. Г. Козловъ, говоря объ «очищеніи» Юмомъ философіи отъ метафизики, утверждаетъ, что Юмъ «поступилъ съ философіей какъ крыловскій крестьянинъ, чистившій червонецъ «пескомъ, дресвой и мѣломъ»; червонецъ сталъ чистъ и блестящъ, какъ жаръ, но, вмѣстѣ, потерялъ прежній вѣсъ и цѣну». Истинно удивительное сопоставленіе! Г. Козловъ ставитъ себя по отношенію къ Юму въ то же самое положеніе, въ которомъ стоитъ Крыловъ къ крестьянину, котораго онъ,—напомнимъ при этомъ,— лишь благодаря своему рѣдкому благодущію, называетъ только «простакомъ». Бредъ величія, обнаруживаемый смѣлымъ мнѣніемъ о Юмѣ, дѣлаетъ будто губительное для Юма сближеніе весьма комичнымъ. Въ тому же, налицность положенія смѣлаго цѣнителя геніальныхъ мыслителей не заканчивается тѣмъ, что въ «простаки» попадаетъ одинъ Юмъ; нѣтъ, въ эту плачевную категорію неизбѣжно зачисляются и всѣ мыслители, длиннымъ рядомъ прошедшіе передъ нами въ предшествовавшихъ главахъ. Оказывается, что обезцѣненный Юмомъ червонецъ они продолжали чистить до полного его уничтоженія. И кто же замѣтилъ такую бѣду? Г. Козловъ! Онъ спасъ или, по крайней мѣрѣ, спасаетъ философію отъ нашествія «простаковъ»!

Взглянемъ же теперь на то опустошеніе, которое произвели въ вертоградѣ любомудрія орды этихъ разрушителей. Если мы примемъ во вниманіе, что потребность въ очищеніи мышленія, обуславливающая «методъ элиминаціи», предполагаетъ приложеніе принципа «наименьшей траты силъ»,—принципа, плодотворно приложимаго только при сведеніи количества элементовъ всякаго даннаго рода къ минимуму, и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не упустимъ изъ вида, что принципъ наименьшей траты силъ въ свою очередь предполагаетъ стремленіе элементовъ даннаго рода къ устойчивому состоянію, такъ какъ наступленіе этого состоянія указываетъ на инаваніе надѣбности въ затратѣ силъ, то намъ придется признать, конечно, что въ различеніи знанія отъ пониманія и въ отверженіи объективированныхъ понятій методъ элиминаціи успѣлъ уже сказаться довольно выразительно. Даже, въ анализѣ Лааса, устраняющемъ математизированіе, рационализированіе и спиритуализированіе мышленія и предостерегающаго отъ стремленія къ постиженію, къ раскрытію сущностей, къ абсолюту и т. д., мы опять встрѣчаемъ тотъ же элиминаціонный методъ, хотя еще и не называемый, но обозначающійся все болѣе и болѣе явственно. Этотъ же методъ имѣетъ, конечно, въ виду и Риль, когда одною изъ задачъ научной философіи выставляетъ *отрицательное* отношеніе къ метафизиче-

связь измышлениямъ и вообще борьбу противъ метафизики, не только явной, широко излагающейся въ цѣлыхъ системахъ, но и скрытой, незамѣтно примѣшывающейся къ наукѣ и *не устранимой* безъ критики понятій. У всѣхъ этихъ мыслителей, очевидно, идетъ разработка метода элиминаціи и, несомнѣнно, подготавливается отрицательное отношеніе къ признанію философіи отдѣльной наукой: у однихъ философія всецѣло сводится къ теоріи познанія, у другихъ она является какъ синтезъ наукъ; нигдѣ нѣтъ яснаго обозначенія обособленности ея предмета и метода. Многое, правда, остается еще неполнымъ, недосказаннымъ, половинчатымъ; происходитъ это вслѣдствіе нѣкоторыхъ заимствованій у метафизики—у однихъ, скрытому тяготѣнію къ идеализму—у другихъ *), или отъ неправильной гносеологической оцѣнки результатовъ научнаго метода, или отъ ошибочнаго взгляда на объемъ ихъ охвата. Читатель, прослѣдившій за нашимъ изложеніемъ, замѣтилъ, конечно, какъ ошибки и недомолвки однихъ исправляются и пополняются другими, и оцѣнилъ, вѣроятно, важность коллективной выработки понятій. Мы знаемъ уже, что элиминаціонный методъ получаетъ полное раскрытіе у Авенаріуса, но нельзя не признать, что въ установленіи принципа экономизаціи силъ у Фольца и Маха мы встрѣчаемъ уже весьма послѣдовательное и широкое приложеніе этого метода. Въ борьбѣ противъ рационализированія опыта, въ отстаиваніи первенствующаго значенія фактовъ, въ твердомъ проведеніи взгляда на познание, какъ на процессъ приспособленія мысли къ дѣйствительности, а также и многихъ другихъ положеніяхъ, развиваемыхъ этими двумя писателями, мы видимъ уже начало выработки понятія «чистаго опыта», получающаго относительную выработку у Авенаріуса. У Авенаріуса же впервые высказывается, наконецъ, мысль, что между философіей и наукой можно установить только условное или даже произвольное различіе, что философія перестаетъ быть наукой въ обычномъ значеніи этого слова и остается только какъ философское, на единство предмета изученія направленное мышленіе. Но за всѣмъ тѣмъ все еще встрѣчаемъ здѣсь разсужденіе объ укладѣ философіи; тѣмъ отдѣльной науки еще продолжаетъ мелькать и какъ бы ищетъ себѣ точки опоры. Нужно еще одно, послѣднее усиліе—и призракъ этотъ, наконецъ, исчезнетъ безповоротно. Петцольдтъ договариваетъ мысль Авенаріуса до конца, онъ подводитъ принципъ наименьшей траты силъ подъ болѣе общее понятіе развитія или эволюціи, показываетъ, что наименьшая трата силъ есть только форма состязанія конкурирующихъ элементовъ и выясняетъ значеніе заключительнаго момента эволюціи—устойчиваго состоянія. Съ этой точки зрѣнія философія, какъ отдѣльная наука, теряетъ свой *raison d'être*. Выдѣлить ее, какъ самостоятельный элементъ, играющій свою опредѣленную роль въ процессѣ эволюціи, становится невозможнымъ потому, что такое выдѣленіе было бы

*) У Гёфдингга, по его собственному признанію. См. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Band II, Heft 1, S. 74.

и предвосхищеніемъ результата эволютивнаго процесса, и смѣшеніемъ средствъ съ цѣлью — состязанія и устойчивости. Признаніе ея отдѣльною наукой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительницей устойчиваго состоянія всѣхъ элементовъ, принимавшихъ участіе въ эволюціи, дѣлается немислимымъ, такъ какъ такое признаніе грѣшило бы внутреннимъ противорѣчіемъ и, все же-таки, не могло бы создать для философіи какое бы то ни было содержаніе, способное отрознить ее отъ общей совокупности спеціальныхъ дисциплинъ. Философія, такимъ образомъ, перестаетъ быть отдѣльною наукой; она выходитъ изъ того ложнаго положенія, которое создавало ей столько недоразумѣній и являлось источникомъ столькохъ, какъ сказалъ бы Лаасъ, конвульсивныхъ измышленій. Истинное ея значеніе — быть мѣрою высоты научнаго отвлеченія, показательницей шири научнаго обобщенія, выразительницей характера науки, проявляющемся въ охватываніи единичнаго взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое, и привлеченіи представленія цѣлаго для разсматриванія единичнаго. Ничего болѣе нельзя требовать отъ науки и ея философіи. Нельзя не согласиться поэтому съ Авенариусомъ *), что терминъ «научная философія» слѣдуетъ считать плеоназмомъ, оправдываемымъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что истинное понятіе о философіи остается и до сихъ поръ не выясненнымъ. Научную философію все еще представляютъ себѣ однимъ изъ направленій отдѣльной науки — философіи — и не хотятъ видѣть въ ней упраздненіе всѣхъ этихъ направленій, устраненіе этой мнимой философіи и замѣну всевозможныхъ созерцаній и мечтаній положительными результатами наукъ. У насъ нашелся даже проникательный философъ, который въ терминѣ «научная философія» усмотрѣлъ «рекламный характеръ»; но философъ этотъ и самъ не понималъ, конечно, что онъ хотѣлъ внушить своимъ читателямъ. Уже ли называть общій результатъ всѣхъ наукъ научнымъ менѣе основательно, чѣмъ считать празднословіе философіей?

Всякій, кто вникнетъ въ разсматриваемый нами вопросъ, убѣдится, конечно, что какое бы то ни было рѣшеніе, уклоняющееся отъ указываемаго нами, не можетъ не быть искусственнымъ и химеричнымъ. Уже столько разъ было толкуемо и повторяемо, что древняя наука — философія вовсе не осталась такою, какою она была тогда, когда отдѣльныя науки находились еще въ зачаточной степени развитія и не могли и мечтать о самостоятельности. Въ теченіе долгаго времени философія выдѣляла изъ своихъ нѣдръ одну науку за другою, пока, наконецъ, все содержаніе стало исчерпываться психологіей и тѣсно примыкающей къ ней теоріей познанія. Память объ этомъ времени и до сихъ поръ еще держится у тѣхъ, которые отождествляютъ философію съ названными науками и въ особенности съ послѣдней, но въ наши дни нельзя не считать уже безповоротно миновавшимъ то доброе старое время, когда основныя и руководящія идеи психологіи создавались внѣ вліянія наблюденія и опыта и затѣмъ совсѣмъ готовыми поступали въ вѣдѣніе науки о душѣ, которая и выдавала ихъ за

*) См. статью его въ *Vierteljahrsschrift f. w. Ph.*

научныя истины. Теперь миражъ этотъ окончился, и поборникамъ отдѣльной науки—философiи только и осталось, что навязывать этой наукѣ содержание всей совокупности специальныхъ наукъ. Намъ незачѣмъ говорить еще и еще разъ, что такое повторенiе ничѣмъ не можетъ искупить своей явной призрачности.

Смѣшенiе философiи съ теорiей познаниа, встрѣчаемое, какъ намъ извѣстно, и въ современной литературѣ, ведетъ, какъ то показываютъ многіе примѣры, къ сооруженiю изъ теорiи познаниа послѣдняго убѣжища для философiи, растерявшей все свое содержанiе. Такой исходъ можно считать для философiи общимъ мѣстомъ; но мы имѣемъ въ виду указать теперь на одно исключенiе, интересное для насъ потому, что оно принадлежитъ нашей литературѣ и является поучительнымъ прецедентомъ того рѣшенiя нашего вопроса, которому посвящена наша настоящая работа. Мы имѣемъ въ виду статью г. А. Слѣпцова (*Гдѣ искать основанiе здравой педагогикѣ?*), помѣщенную въ *Современномъ Обзорнiи*, издававшемся Н. Л. Тибленомъ въ 1868 году. Въ этой превосходной статьѣ рѣшенiе нашего вопроса было бы предвосхищено за двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, еси бы только указанное выше смѣшенiе не воспрепятствовало правильной постановкѣ вопроса. Указавъ задачу философiи въ познании сущаго, г. Слѣпцовъ, упустивъ изъ вида распадѣнiе философiи на отдѣльныя науки и перенесенiе изученiя познаниа въ одну изъ этихъ наукъ, утверждаетъ, что философiя же имѣетъ и другую задачу: опредѣленiе границъ, доступныхъ человѣческому познанию. Сопоставляя обѣ эти задачи и видя, что правильное рѣшенiе второй вовсе отнимаетъ *raison d'être* у первой, г. Слѣпцовъ усматриваетъ въ этомъ явленiи саморазложѣнiе философiи, а потому и говоритъ: «дѣло философiи окончено: опредѣливъ границы, доступныя человѣческому знанiю, она совершила все, что могла». Послѣ исчезновенiя философiи мѣсто ея заступаетъ *наука*, «которая лучше соглашается знать сравнительно-немногое, лишь бы это немногое можно было доказать неопровержимо; наука поэтому и ограничилась предметами, доступными человѣческому изслѣдованiю». Намъ незачѣмъ настаивать теперь, что границы человѣческаго познаниа опредѣлила не философiя, а теорiя познаниа, и что задачей своей она ставитъ не одно только это опредѣленiе, но и изслѣдованiе акта познаниа въ самомъ широкомъ смыслѣ. Огульному осужденiю вмѣстѣ съ философiей она поэтому не подлежитъ. Выработавъ же взглядъ на познание, какъ на приспособленiе мышленiя къ явленiямъ дѣйствительности, установивъ различенiе представленiй и понятiй и указавъ на отношенiе пониманiя къ знанiю, гносеологiя сохранила отъ крушенiя не только себя, но и философiю,—не ту, конечно, которая бѣется надъ постиженiемъ бытiя и разыскиванiемъ сущностей, но ту, которая неотдѣлима отъ научнаго познаниа и всегда служитъ показателемъ его роста и охвата, какъ мы то и указывали уже ранѣе *).

* См. статьи наши въ журналѣ *Дѣло* 1883 г. и *Спе. Выстп.* 1886 г., перепечатанная въ *Этюдаль и очеркаль*, стр. 276—291 и 355—363.

Уясняя себѣ значеніе научной философіи, отъ такого фазиса умственной дѣятельности, который упразднилъ старую, отжившую метафизику, мы не должны упускать изъ вида, что при всей очевидности для насъ полной законности указываемой нами замѣны одного фазиса другимъ, замѣна эта остается чисто-принципіальною, убѣдительною только для умовъ непрередубѣжденныхъ. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда «неутолимая жажда познанія» является предметомъ гордости, внушающимъ мысль о возвышенности и идеальности присущихъ личности стремленій, или когда живая дѣйствительность, съ ея такъ часто идущимъ въ разрѣзъ съ личными хотѣніями пареніемъ фантазіи, представляется грубою и низменною, а просторная и податливая область творчества противопоставляется этой реальной юдоли, какъ высокій міръ идей и безпечальныхъ созерцаній, или въ иныхъ подобныхъ случаяхъ,—метафизика остается и останется, конечно, постояннымъ прибѣжищемъ и успокоеніемъ. Поэтическія души, импульсивныя натуры, волнуемая побужденіями, слабо поддающимися критикѣ, благодаря самой ихъ неопредѣленности и неясности, не перестанутъ въ тысячный и тысяча первый разъ возвращаться къ старымъ рѣшеніямъ неразрѣшенныхъ вопросовъ и въ безконечныхъ варіаціяхъ ихъ будутъ искать и находить себѣ и занятіе, и усладу жизни. Вокругъ этого ядра искреннихъ и восторженныхъ метафизиковъ всегда можетъ набраться, конечно, не мало лицемеровъ и тщеславныхъ людей, для которыхъ жить значить производить вокругъ себя шумъ, а также и тѣхъ ничтожныхъ личностей, которыя стараются прикрыть грязь своего существованія громкими фразами и напускною восторженностью. Въ общемъ всегда должно бы получиться при этомъ впечатлѣніе Бэдлама, но есть слабые, шаткіе, неспособные къ самостоятельному сужденію, которымъ, напротивъ того, весь этотъ базаръ метафизической суеты импонируетъ. «Высокій тонъ» завываній гипнотизируетъ эти тѣни и онѣ тѣмъ охотнѣе начинаютъ повторять чужія бредни, чѣмъ бредни эти маловразумительнѣе. Такъ живетъ метафизика и таковы ея шансы на безсмертіе!

XXI.

Отрицаніе философіи, какъ отдѣльной науки, и вытекающій изъ этого отрицанія взглядъ на характеръ и значеніе *научной философіи* не представляютъ, конечно, одного изъ тѣхъ безконечныхъ повтореній, которымъ слѣдуетъ всегда предпочесть ихъ первоисточникъ, а дѣйствительно является какъ нѣчто новое. Смыслъ этого новаго и есть именно тотъ, который разумѣлъ Данте, когда называлъ излишними и бесполезными рѣчи человека, пытающагося вновь доказывать положенія, доказанныя уже Эвклидомъ, или увлекающагося какимъ-нибудь другимъ повтореніемъ стараго и неспособнаго коснуться истины, не тронутыхъ еще другими. Въ этомъ именно смыслѣ и имѣетъ значеніе новое возрѣніе на философію: оно завершаетъ то движеніе, которое совершаетъ испытующая, критическая мысль

отъ вѣрнѣе Юма; оно устанавливаетъ то прочное положеніе, которое подготавливалось всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ и которое ранѣе было невозможно, немыслимо; оно ново, такъ какъ исключаетъ излишнее и бесполезное повтореніе уже извѣстнаго ранѣе.

Не надо упускать изъ вида, притомъ же, что указываемый нами переходъ къ устойчивому состоянію, выражающійся новымъ возрѣніемъ на характеръ и значеніе философіи, совершился при такихъ условіяхъ, которыя тоже можно назвать совершенно новыми. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за разложеніемъ первоначальной общей науки философіи на рядъ отдѣльныхъ, специальныхъ наукъ, наступила пора уразумѣнія взаимной связи, существующей между всѣми этими науками, и дѣятельное исканіе тѣхъ общихъ элементовъ, которые обосновываютъ эту связь. Это движеніе, не совсѣмъ точно названное возвращеніемъ наукъ къ философіи, было вѣрнѣе возрожденіемъ философіи на почвѣ положительнаго знанія, процессомъ образованія новой философіи, не предшествующей наукамъ и предвосхищающей ихъ истину, а завершающей ихъ работу и увѣнчивающей ихъ зданіе. Это движеніе совершалось, какъ-то и очевидно, въ непосредственномъ взаимодействіи съ указанною выше эволюціей, руководимую олимпическимъ методомъ, такъ какъ имѣло мѣсто въ пору установленія теоріи познанія, какъ самостоятельной дисциплины, и, слѣдовательно, не могло уже, какъ то было въ доброе старое время, отдаваться произволу личнаго творчества или увлекаться мечтательностью. Такимъ образомъ, выработка «чистаго опыта» и достигнутое при ея посредствѣ «устойчивое состояніе» научной философіи совершилось при такихъ условіяхъ, которыя дружно способствовали намѣченному результату и своею помощью гарантировали его успѣшность. Эта «новость» положенія научной философіи и выражается въ томъ противуположеніи ея старой метафизикѣ не только по постановкѣ вопросовъ, методу ихъ разработки и общему духу и характеру, — на что столько разъ уже было указано въ настоящей статьѣ, — но еще, какъ замѣтилъ Вундтъ, и въ выборѣ предметовъ изученія: «философы по призванію, — говоритъ Вундтъ, — находятъ удовлетвореніе въ толкованіи старыхъ системъ или въ приложеніи филологическаго искусства къ главнымъ произведеніямъ философской литературы; хоръ же «специалистовъ», главнымъ образомъ, посвящаетъ свои силы дѣлу *самостоятельныхъ* умозрѣній». Нечего и говорить, что эти умозрѣнія не нуждаются въ той исходной точкѣ, къ которой отправлялъ Фауста Мефистофель, — въ той пустотѣ, гдѣ нѣтъ ни опоры, ни почвы, гдѣ царитъ созерцаніе и гдѣ прибываютъ таинственныя «матеря», которыя «однѣ лишь схемы видятъ». Въ исходной точкѣ новой философіи нѣтъ ничего загадочнаго, никакой «бездны пустоты безъ очертанія и границъ», а только опытъ и методическое мышленіе. Изъ мистической пустоты, обманчивой и скучной, мысль ринулась въ полноту жизни, въ полноту фактовъ, и твердо установилась на незыблемомъ берегу дѣйствительности.

Всякій, кто знакомъ съ ходомъ развитія современной философіи, при-

знаеть, конечно, что дѣло шло именно такъ, какъ мы его представляемъ,— болѣе того, оно не могло идти иначе. Если же г. Козлову, все же-таки, во-ображается, что «козырнымъ тузомъ современнаго позитивизма» слѣдуетъ считать Лааса, то это доказываетъ только, что г. Козлову или факты, о которыхъ у насъ шла рѣчь, были мало извѣстны, или что онъ не сумѣлъ среди ихъ ориентироваться. «Козырнымъ тузомъ», если только нельзя обойтись безъ этого пошлаго выраженія, нельзя, очевидно, считать ни Лааса, ни кого бы то ни было другаго изъ числа представителей научной философіи: «козырный тузъ»—это вся совокупность научно-философскаго движенія, вся эволюція, давшая извѣстный теперь намъ результатъ, вся цѣль, а не отдѣльное звено ея. Пора привыкнуть, наконецъ, къ мысли, что личное творчество потеряло то значеніе, которое оно имѣло въ метафизическій періодъ, и перестать мѣрять тою мѣрой, которая годилась когда-то для нынѣ отжившаго.

Оставляя мертвыхъ при мертвыхъ, мы желаемъ только сказать при этомъ случаѣ живымъ, что реставрація старыхъ, потерявшихъ значеніе принциповъ имѣетъ ту же неизбежную участь, что и всякая реставрація: въ ней непременно заключается извѣстная доза фальши и самообмана. Какъ, повидимому, ни была бы полна и удачна какая бы то ни было реставрація, она, все же-таки, всегда оказывается безсильной отрѣшиться свѣдѣтелей ея осуществленія отъ той ассоціаціи идей, которая никогда не перестанетъ напоминать о различіи стараго, отжившаго, отъ современнаго, подновленнаго. Очень можетъ быть, напримѣръ, что новая Вандомская колонна весьма точно воспроизводитъ прежнюю; но кто же окажется въ силахъ истребить воспоминаніе о низверженіи старой и о фактахъ, связанныхъ съ ея возстановленіемъ? Тщетно будутъ насъ увѣрять, что передъ нами монументъ Наполеона, когда для насъ онъ въ гораздо болѣе степени является монументомъ людей 70-хъ годовъ и событій, еще живыхъ въ нашей памяти. Дѣло реставраторовъ всегда до извѣстной степени призрачно.

Рѣшая вопросъ о томъ, «что такое научная философія», мы, само собою разумѣется, держались въ области чистой теоріи; но результатъ, полученный нами, переходитъ ея предѣлы: онъ указываетъ на «законченное міровоззрѣніе» и сводитъ его на совокупность отдѣльныхъ дисциплинъ, знающихъ свою взаимную связь и проникнутыхъ, благодаря этому сознанию, духомъ цѣльности и общности, иначе говоря—духомъ философскимъ. Понимая, такимъ образомъ, воздѣйствіе на «законченное міровоззрѣніе» выясненной нами «элиминаціи» философіи, какъ отдѣльной науки, мы утверждаемъ тѣмъ самымъ, что «научная философія», какъ мы ее разумѣемъ, обнимаетъ въ полной мѣрѣ «понятіе о работѣ, которую можетъ производить человекъ», т.-е. обнимаетъ не только умозрѣніе, но и дѣйствіе или, выражаясь языкомъ Ог. Конта, не только «область науки, но и область искусства». Мы раздѣляемъ съ Контомъ и взглядъ на соотношеніе этихъ двухъ областей, а именно: думаемъ, что наука должна служить основаніемъ искусству, потому что дѣйствіе человека на природу можетъ

имѣть только одну истинно-раціональную основу—изученіе природы. Только знаніе законовъ природы, съ его постояннымъ результатомъ — предвидѣніемъ, можетъ повести къ возможности измѣненія однихъ явленій посредствомъ другихъ; наши же собственные непосредственные способы вліянія на естественныя явленія, насъ окружающія, слишкомъ слабы и слишкомъ несоразмѣрны съ нашими потребностями. Только знаніе ведетъ къ предвидѣнію, а предвидѣніе—къ дѣйствию. Этою простою формулою можно, по мнѣнію Конта, весьма точно опредѣлить отношеніе науки къ искусству, принимаемымъ въ самомъ общемъ ихъ смыслѣ.

Тѣсная связь между наукою и искусствомъ, на которую мы только что указали, давая научной философіи цѣлостность и общность, не исключаетъ тѣхъ особенностей каждой изъ нихъ, безъ которыхъ обѣ части неизбежно слились бы до полного безразличія. Такъ какъ теорія мотивовъ, по мѣткому замѣчанію одного англійскаго мыслителя, никогда не можетъ сама стать мотивомъ, то искусство необходимо должно исходить изъ реальныхъ, жизненныхъ побужденій, потребностей, чувствованій и интересовъ. Отсюда замѣна въ области искусства объективной точки зрѣнія науки точкою зрѣнія субъективною, какъ то и было выяснено въ предшествующихъ нашихъ сочиненіяхъ. Субъективная точка зрѣнія, какъ показалъ въ послѣднее время американскій социологъ Лестеръ Уордъ (Lester Ward *), имѣетъ руководящее значеніе въ области научной теоріи человѣческой дѣятельности или дѣйственной социологии, какъ ее называетъ Уордъ, и приводитъ къ выясненію тѣхъ основначалъ этой дѣятельности, безъ которыхъ роли человѣка по отношенію природы пришлось бы естаться навсегда пассивной. Лестеръ Уордъ настаиваетъ на примѣненіи строго-телеологическаго метода воздѣйствія на природу, долженствующемъ поднять человѣка на высоту владыки природы и установить, вмѣсто шаткаго и медленнаго прогресса, подвижущійся твердою поступью прогрессъ сознательно-телеологическій. Философіи, освобожденной отъ туманныхъ метафизическихъ умствованій, предстоитъ обширная и трудная работа воздѣйствія на жизнь и всесторонняго улучшенія ея. Ей предстоитъ, какъ то прекрасно выяснилъ Уордъ, провести идею необходимости перемѣнъ во всѣхъ сферахъ жизни, внушить предпочтеніе производительной умственной работы надъ губительною гимнастикою мысли и возбудить вкусъ къ изученію вопросовъ, способствующихъ человѣческому благу, вытѣсненныхъ теперь пустымъ многознаніемъ, и повліять на устраненіе изъ области общественныхъ отношеній преобладанія традиціи и рутинны. Теоретическая мысль, которая потеряла бы изъ вида эту основную жизненную цѣль свою, оказалась бы неспособною пользоваться своими обновленными силами и снова превратилась бы въ пустое и безплодное созерцаніе.

В. Лесевичъ.

*) *Dynamic Sociology*. New-York, 1883. Cp. J. Cotter Morison: „The Service of man“. London, 1887.

Очеркъ развитія поземельныхъ отношеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Со времени великаго акта освобожденія прошло уже около тридцати лѣтъ. За это время не только русскій экономическій строй до нѣкоторой степени приспособился къ тѣмъ началамъ, которыя были положены въ основаніе реформы 19 февраля 1861 года, но и самыя основанія въ значительной степени были развиты или, лучше сказать, въ нашемъ аграрномъ законодательствѣ произошли важныя перемѣны, которыя уничтожили многія отступленія отъ коренныхъ началъ реформы, явившіяся какъ результатъ уступокъ и компромиссовъ между различными теченіями общественной мысли, вліявшими на участниковъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Напомнимъ введеніе съ 1883 г. обязательнаго выкупа для временно-обязанныхъ крестьянъ, пониженіе выкупныхъ платежей и, наконецъ, преобразование государственной оброчной подати въ выкупные платежи съ одновременною окончательною отмѣною подушной подати. Всѣ эти мѣры настолько существенно измѣнили общую картину поземельныхъ отношеній крестьянъ въ связи съ платежами за землю, что въ настоящее время изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, которыя появились въ печати въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстный трудъ профессора Янсона (*Крестьянскіе надѣлы и платежи*), имѣютъ уже, главнымъ образомъ, историческій интересъ, такъ какъ рисуютъ намъ картину прошлаго, а не настоящаго.

Съ наступившими перемѣнами обнаружались и многія темныя явленія экономическаго строя крестьянской жизни, отчасти вытекавшія изъ прежнихъ недосмотровъ крестьянскихъ положеній, отчасти явившіяся послѣдствіемъ новаго склада жизни, результатомъ экономической самостоятельности крестьянъ и ихъ матеріальной необезпеченности, малограмотности и т. п. Таковы: мобилизація крестьянской надѣльной собственности, ростовщическая задолженность крестьянина, господство кабака и ваватчиковъ и т. п.

Все это вызываетъ потребность по возможности разобраться въ сложныхъ явленіяхъ пореформенной народной жизни и сдѣлать оцѣнку совершившихся пережѣнъ, тѣмъ болѣе, что аграрно-финансовыя реформы послѣднихъ лѣтъ не принадлежатъ къ числу переходящихъ или измѣняющихся, а являются глубоко-организаціонными, такъ какъ опредѣляютъ въ общемъ земельно-платежныя отношенія на многіе десятки лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы уже останавливались на страницахъ *Русской Мысли* на послѣднихъ крупныхъ измѣненіяхъ въ аграрномъ законодательствѣ относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ *). Какъ бы въ дополненіе къ этому, въ настоящей статьѣ мы сдѣлаемъ очеркъ развитія поземельныхъ отношеній и другой половины крестьянскаго населенія — бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

I.

Исторія государственныхъ крестьянъ—исторія давняя. Группа или, точнѣе сказать, группы крестьянскаго населенія, за которыми мало-по-малу упрочилось и сохранилось до настоящаго времени наименованіе государственныхъ крестьянъ, представляютъ собою потомковъ тѣхъ вольныхъ людей, которые въ древній періодъ русской исторіи свободно селились на незанятыхъ земляхъ или на государевыхъ земляхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, находя это болѣе выгоднымъ или желательнымъ, чѣмъ обрабатывать землю частныхъ собственниковъ изъ полу и т. п. Въ тѣ времена свободныхъ земель, «дикихъ», было такое изобиліе, что земля, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, была безрентная, даровая полезность, — цѣнился трудъ, а не земля. Трудъ непосредственно представлялъ ту силу, на которую правительственная власть старалась свалить всю тяжесть повинностей и налоговъ; трудъ, въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, старались привлекать къ себѣ равными льготами и частныя землевладѣльцы — бояре, монастыри и проч., чтобы имѣть возможность отбывать въ свою очередь служилую повинность передъ государствомъ и поддерживать привычный образъ жизни. Возможность такихъ льготъ создавалась, главнымъ образомъ, благодаря разнымъ обильнымъ грамотамъ, которыми князья фактически отказывались въ пользу частныхъ землевладѣльцевъ отъ тѣхъ сборовъ, которые въ противномъ случаѣ шли бы въ пользу государства съ крестьянъ, жившихъ на частныхъ земляхъ; кромѣ того, доходъ частныхъ землевладѣльцевъ обусловливался и рентными свойствами земель, составлявшихъ ихъ собственность, такъ какъ, по общему закону развитія частной поземельной собственности въ Россіи, также какъ и въ другихъ странахъ, частная собственность стала образовываться, прежде всего, изъ захвата сильными въ экономическомъ или политическомъ отношеніи людьми рентныхъ земель, — другими словами, земель, наиболѣе удобныхъ для своего времени по ка-

*) См. нашу статью: *Основные вопросы крестьянскаго землевладѣнія (Русская Мысль 1886 г., кн. XII).*

честву, мѣстоположенію и т. п. Возникновеніе частной собственности на землю въ Россіи, вѣроятно, совпадаетъ съ водвореніемъ земледѣлія, т. е. относится еще къ до-письменной эпохѣ. Во всякомъ случаѣ, древнѣйшіе русскіе юридическіе памятники, какъ, напримѣръ, *Русская Правда*, въ своихъ частяхъ, относящихся къ XI и XII столѣтіямъ, ясно свидѣтельствуютъ, что въ это время на Руси уже были поземельныя владѣнія, отграниченныя опредѣленными мѣрами, за нарушеніе которыхъ законъ назначалъ самую значительную пеню, ббльшую изъ всѣхъ, кромѣ уголовныхъ *).

Съ обращеніемъ рентныхъ земель въ частную вотчинную собственность, путемъ ли расчистки дикихъ земель обѣльными лицами, путемъ ли простаго захвата еще никому не принадлежащихъ земель,—остальное пространство находилось или во владѣніи крестьянскихъ общинъ, или оставалось, по-прежнему, дикою и никому не принадлежащею землею, открытою для свободного занятія ея общинами или зажиточнѣйшими людьми, имѣющими средства, или капиталъ, для обработки.

Но по мѣрѣ увеличенія всякаго рода повинностей, падавшихъ на крестьянскую общину, уже въ древней Россіи рядомъ съ образованіемъ новыхъ общинъ на свободныхъ дикихъ земляхъ замѣчается иногда и уходъ изъ общины на землю богатыхъ вотчинниковъ, которые старались привлекать къ себѣ рабочія силы разными льготами, между тѣмъ какъ, оставаясь въ общинѣ, крестьянинъ долженъ былъ нести всѣ общественныя разубы и разметы. Такимъ образомъ, при значительныхъ повинностяхъ въ пользу государства, лежавшихъ на свободной крестьянской общинѣ, крестьянская земля въ древней Россіи не нуждалась въ особенной охранѣ закона. Правительство заботилось не о томъ, чтобы крестьянскія земли были сохранны, а о томъ, чтобы крестьяне не бросили земель, не уходили изъ общины, такъ какъ этимъ подрывалась ея платежная способность.

Для крупныхъ вотчинниковъ также было важно удержаніе у себя личныхъ работниковъ. Отсюда и явилась та постоянная борьба правительства въ древней Россіи противъ бродяжничества, закончившаяся прикрѣпленіемъ крестьянъ въ эпоху Бориса Годунова. Въ мѣрахъ, направленныхъ противъ бродяжничества, было заинтересовано не только правительство, какъ фискальная власть, а и тѣ крупные вотчинники, которымъ удалось заселить свои земли и желательно было свободнѣе располагать рабочими силами, не заботясь о льготахъ, которыми, при свободномъ переходѣ, приходилось удерживать крестьянъ; самимъ крестьянамъ вначалѣ могло также казаться выгоднымъ стѣсненіе свободного перехода, такъ какъ, съ уходомъ отдѣльныхъ общинниковъ на вотчинныя или дикія земли, остальнымъ приходилось нести податныя тягости за пустовыя земли. Община рада была бы въ этомъ случаѣ, чтобы часть земель у нея была отписана.

Слабая заинтересованность крестьянскаго сословія въ сохраненіи за собой всѣхъ земель, которыми владѣла древняя крестьянская община, впол-

*) См. *И. Биллеръ*: „Крестьяне на Руси“.

нѣ объясняетъ тотъ фактъ, что съ теченіемъ времени, при большемъ развитіи государственныхъ началъ и централизаціи въ Россіи, на общинныя земли правительство стало смотрѣть какъ на черныя или государственныя и считать ихъ за княземъ, но не какъ за частнымъ собственникомъ, а какъ за государемъ. Самыя земли, наравнѣ съ тѣми, которыя не были никѣмъ заняты, стали называться государевыми. При этомъ прежнія княжескія или государевы земли въ тѣсномъ смыслѣ (земли, находившіяся въ непосредственномъ хозяйственномъ пользованіи князей) образовали, главнымъ образомъ, такъ называемыя дворцовыя земли. Но, до образованія въ концѣ XVIII столѣтія удѣльныхъ имѣній, обыкновенно, не проводилось рѣзкой границы между дворцовыми землями и остальными, не находившимися въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и учреждений.

Отмѣченныя выше условія владѣнія черными землями заставляли крестьянъ относиться къ наименованію ихъ земель государевыми довольно безразлично, тѣмъ болѣе, что и самихъ себя крестьяне нерѣдко называли въ челобитныхъ и проч. государевыми, въ противоположность крестьянамъ, которые сидѣли на вотчинныхъ или монастырскихъ земляхъ.

Впослѣдствіи, однако, для крестьянскаго населенія отсюда получились весьма неблагоприятные результаты. Мы знаемъ, что первоначальный источникъ права собственности крестьянскихъ общинъ на землю лежалъ въ трудѣ и капиталѣ, вложенныхъ общиною въ землю при расчисткѣ и обращеніи подъ земледѣльческую культуру дикихъ земель,—другими словами, права крестьянъ на землю были ничѣмъ не ниже правъ даже тѣхъ вотчинниковъ, которые владѣли землею, вслѣдствіе расчистки подобныхъ же земель своими силами и средствами. А, между тѣмъ, несмотря на это, въ то время какъ частное право отдѣльныхъ крупныхъ владѣльцевъ въ позднѣйшіе періоды развивалось все шире и шире,—право крестьянскихъ общинъ на черныя земли оставалось въ примитивномъ неопредѣленномъ состояніи, до тѣхъ поръ, пока фиктивное право государства на эти земли мало-по-малу не превратилось въ дѣйствительное, и правительство стало раздавать въ собственность частнымъ лицамъ прежнія черныя земли, населенныя государевыми или, какъ ихъ тоже стали называть, государственными крестьянами, наравнѣ съ тѣми землями, которыя были объявлены государственными еще въ то время, когда онѣ дѣйствительно никому не принадлежали и не были заселены.

Такое отношеніе правительства къ вопросу о правѣ государства на земли, находившіяся во владѣніи крестьянъ, выразившееся въ широкой раздачѣ населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, въ особенности въ XVIII столѣтіи, повело къ распространенію крѣпостнаго состоянія на массу такихъ крестьянъ, которые искони принадлежали къ свободнымъ сельскимъ обывателямъ. Къ счастью для Россіи, въ настоящемъ столѣтіи аграрная политика приняла другое направленіе и свободное крестьянское населеніе государственныхъ крестьянъ дожило свободнымъ до знаменательнаго дня уничтоженія крѣпостнаго состоянія еще въ числѣ свыше десяти милл. ревиз-

слихъ душъ. Что касается собственно государственныхъ поземельныхъ владѣнй, то пространство ихъ, несмотря на щедрую раздачу казенныхъ земель частнымъ лицамъ, не только не уменьшалось, но постоянно росло, благодаря примѣненію того принципа, что земли, никому въ частную собственность не принадлежащія, составляютъ собственность государства.

На этомъ принципѣ «вся Сибирь, въ которой во время присоединенія ея къ Россіи не было частной собственности, степныя пространства на югѣ и юго-востокѣ были признаны государственнымъ имуществомъ. Въ Лифляндіи и Курляндіи имущества, принадлежавшія Тевтонскому ордену, съ уничтоженіемъ его, были признаны государственными, и это право наследовало русское правительство. Въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ во время господства надъ ними Польши существовали староства и вообще имѣнія, собственникомъ которыхъ считалась республика; эти имѣнія, съ присоединеніемъ тѣхъ губерній къ имперіи, поступили въ составъ государственныхъ» *). Въ XVIII в. масса государственныхъ имуществъ увеличилась обращеніемъ въ казну имѣній, принадлежащихъ православному духовенству, въ XIX столѣтіи—имѣніями, конфискованными у польскихъ мятежниковъ, и т. п. Все это создало въ Русскомъ государствѣ огромный фондъ казенныхъ земель и другихъ государственныхъ имуществъ.

Такъ, во времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, «за исключеніемъ Сибири и Закавказскаго края, а также земель, занятыхъ козачьими войсками и военными поселеніями, и земель горнаго вѣдомства, считалось въ Европейской Россіи казенныхъ заселенныхъ и незаселенныхъ земель до 87 милл. десят. и лѣсовъ до 119 милл. десятинъ» **).

Оглянувъ общимъ взглядомъ исторію поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ въ дореформенное время, ее можно разбить на три періода.

Первый періодъ—періодъ владѣнія крестьянскими общинами почти исключительно безрентными землями или, по крайней мѣрѣ, такими, рента которыхъ съ избыткомъ поглощалась всякаго рода сборами въ пользу государства. Въ этотъ періодъ, обнимающій собою исторію государственныхъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до начала XVIII вѣка, вопросъ о строго-юридическомъ правѣ собственности крестьянъ на землю не представлялъ практическаго значенія и крестьяне, считая землю, которою они пользовались, своею, въ то же время, равнодушно относились къ тому, что къ этой землѣ все чаще и чаще начинали прилагать эпитетъ *государева*.

Второй періодъ—съ начала XVIII столѣтія до половины 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія—характеризуется фактическимъ признаніемъ земель, на которыхъ сидѣли черносошные крестьяне, казенными. Онъ начинается обоснованіемъ фискальныхъ отношеній на этомъ принципѣ и заканчивается самымъ разностороннимъ вмѣшательствомъ государства, какъ собствен-

* Заблоцкій-Десятовскій: „Графъ Киселевъ и его время“, т. II, стр. 25.

** Тамъ же, стр. 27.

ника земель, въ поземельныя и сельско-хозяйственныя отношенія государственныхъ крестьянъ.

Третій періодъ — эпоха установленія прочно опредѣленныхъ отношеній крестьянъ и государства къ тѣмъ землямъ, которыя были признаны казенными и находились, однако, въ фактическомъ владѣніи крестьянъ. Этотъ періодъ начинается изданіемъ положенія 24 ноября 1866 года о поземельномъ устройствѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и завершается вступленіемъ въ дѣйствіе закона 1886 г., имѣющаго огромное значеніе въ дѣлѣ прочнаго установленія поземельныхъ отношеній половины всего русского крестьянскаго населенія.

II.

Остановимся въ частности на этихъ періодахъ. Отношенія черносошныхъ или впоследствии государевыхъ или государственныхъ крестьянъ въ первый періодъ или до XVIII вѣка были весьма просты. Государственные крестьяне, пользуясь обиліемъ земли сравнительно съ населеніемъ, владѣли ею въ совершенно достаточномъ количествѣ, не платя за пользованіе землею никакихъ специальныхъ платежей. Довольно высокіе для того времени налоги и повинности, кормленіе разныхъ служилыхъ людей и проч. представляли, въ сущности, обыкновенные налоги, а не плату въ пользу государства за землю, несмотря на то, что до Петра I, какъ извѣстно, за единицу обложенія принимались опредѣленные количества земли—*сохи*, и посошная подать составляла важнѣйшій сборъ въ пользу государства. Что посошная подать, хотя бы съ черносошныхъ крестьянъ, была налогомъ, а не платой за пользованіе казенною землею, очевидно уже изъ того, что посошная подать взималась также и съ частныхъ землевладѣльцевъ, характеръ правъ собственности которыхъ былъ вѣ сомнѣніи.

Только съ начала XVIII вѣка правительство стало относиться къ землямъ, населеннымъ свободными сельскими обывателями, какъ къ одному изъ видовъ доходныхъ государственныхъ имуществъ. Начало этой политики положено было въ царствованіе Петра Великаго установленіемъ особаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, получившаго впоследствии наименованіе *оброчной подати*.

Поводомъ къ установленію этого сбора послужило сформированіе гусарскихъ полковъ изъ украинскихъ однодворцевъ.

Въ именномъ указѣ военной коллегіи отъ 7 января 1723 года было сказано: «Такъ какъ однодворцы, кромѣ положеннаго съ нихъ подушнаго сбора, никому ничего не платятъ, между тѣмъ какъ дворцовые крестьяне въ дворецъ, а вотчинниковы своимъ владѣльцамъ платятъ. Посему съ нихъ слѣдуетъ установить особый сборъ, соотвѣтственный платежамъ дворцовыхъ и владѣльческихъ крестьянъ, и обратить его на содержаніе гусарскихъ полковъ» *). Затѣмъ, указомъ отъ 4 апрѣля 1723 года **) пред-

*) И. С. З., т. VII, № 4, 138.

**) И. С. З., т. VII, № 4, 191.

писано было сформировать на Украинѣ конную ландмилицію изъ украинцевъ и на содержаніе ея обложить ихъ, сверхъ 8-ми гривенной подушной подати, добавочнымъ сборомъ по 4 гривны съ души.

Означенный добавочный налогъ съ однодворцевъ Кіевской и Азовской губерній въ концѣ 1723 г. предписано было распространить на *черносошныхъ крестьянъ* поморскихъ городовъ, на *татаръ и ясашныхъ* губерній Казанской, Азовской и Нижегородской, на *пашенныхъ крестьянъ* Сибирской губерніи «и на другихъ имъ подобныхъ, которые не за помѣщиками и положены въ подушный окладъ *), за исключеніемъ астраханскихъ и уфимскихъ татаръ и башкирцевъ и сибирскихъ ясашныхъ инновѣрцевъ. Съ 1724 года установленный добавочный налогъ былъ уже распространенъ на всѣхъ прочихъ государственныхъ крестьянъ, а именно предписано было **) собирать съ черносошныхъ крестьянъ, съ татаръ и ясашныхъ, съ пашенныхъ Сибирской губерніи и съ другихъ имъ подобныхъ, которые не за помѣщиками, въ счетъ 4-хъ гривеннаго сбора, на январскую и майскую трети 1724 года по 26 коп. съ души, съ отнѣною всѣхъ существовавшихъ у нихъ окладныхъ и запросныхъ хлѣбныхъ и денежныхъ поборовъ. Объ употребленіи этихъ денегъ предполагалось сдѣлать постановленіе. Что же касается 4-хъ гривеннаго сбора съ украинцевъ Азовской и Кіевской губерній, то онъ сохранилъ свое прежнее назначеніе на содержаніе ландмилиціи ***).

Вскорѣ, однако, нѣкоторые разряды плательщиковъ этого добавочнаго сбора—засѣчные сторожа, сибирскіе государственные крестьяне, пашущіе десятинную пашню и платящіе пятинный и оброчный хлѣбъ, мастеровые и рабочіе на казенныхъ заводахъ и нѣкоторые другіе были изъяты отъ этого сбора, такъ какъ они привлекались къ отправленію особыхъ натуральныхъ повинностей.

Указомъ 19 мая 1724 года 4-хъ гривенный окладъ добавочнаго налога государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ превращенъ въ постоянный, и его положено взимать и на будущее время.

Такимъ образомъ, оброчная подать явилась первоначально какъ *добавочный* къ подушной подати *душевой сборъ* съ сельскихъ обывателей, свободныхъ отъ крѣпостной зависимости, иначе говоря, вновь установленный сборъ съ перваго взгляда является какъ бы простымъ личнымъ налогомъ, сходнымъ съ подушною податью. Однако, вникнувъ во внутренній смыслъ этого сбора, мы должны будемъ признать въ немъ, по существу, сборъ или платежъ за землю, какъ за казенную собственность, находящуюся въ пользованіи крестьянъ, а не простой налогъ. Въ самомъ дѣлѣ, добавочный душевой сборъ былъ установленъ по аналогіи съ тѣмъ доходомъ, какой получали вотчинники отъ своихъ крестьянъ. Но этотъ доходъ вотчинныхъ владѣльцевъ исторически возникъ изъ ихъ права на земли, на которыя

*) П. С. З., т. VII, № 4, 471.

**) П. С. З., т. VII, № 4, 390.

***) П. С. З., т. VII, № 4, 539.

садились свободные сельскіе обыватели, привлекаемые разными льготами крупныхъ землевладѣльцевъ, и т. п. Платежи или оброки крестьянъ въ пользу вотчинниковъ, монастырей и т. п., замѣнившіе прежнюю исполную обработку вотчинныхъ земель, въ значительной степени являлись поземельною рентой, въ особенности первоначально, до тѣхъ поръ, пока развитіе крѣпостнаго права не создало возможности для помѣщиковъ увеличивать чрезмѣрно платежи или барщину и этимъ путемъ создать себѣ, помимо ренты, еще добавочный доходъ, обусловливавшійся правомъ на чело-вѣка или на принудительный даровой трудъ крѣпостнаго. Платежи и повинности крѣпостныхъ можно, какъ намъ кажется, свести къ тремъ источникамъ: пользованіе землею, крѣпостное право и налогъ въ пользу государства или подушная подать, которую помѣщики крестьяне платили наравнѣ съ черносошными. Добавочный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, введенный указомъ 1724 года, соотвѣтствовалъ именно платежу за пользованіе землею, на которой сидѣли черносошные крестьяне. Установленіемъ этого сбора правительство косвенно признало за казною право вотчиннаго владѣльца по отношенію къ свободнымъ сельскимъ обывателямъ и землямъ, находившимся въ ихъ пользованіи.

Взглядъ правительства на добавочный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, какъ на доходъ, соотвѣтствовавшій помѣщичьему доходу съ ихъ населенныхъ имѣній, выраженный въ первомъ, относящемся сюда указѣ, получилъ еще болѣе развитіе и подкрѣпленіе въ послѣдующія царствованія. Такъ, при Елизаветѣ Петровнѣ было постановлено освободить отъ 4-хъ гривенной подати крестьянъ, пожалованныхъ въ частное владѣніе, со дня ихъ отдачи *), а также мастеровыхъ и рабочихъ, состоящихъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ.

Въ позднѣйшихъ указахъ, издававшихся по поводу увеличенія окладовъ оброчной подати, уже прямо указывается на доходъ отъ земли, какъ основаніе ея. Такъ, указъ 11 октября 1760 г. **), которымъ впервые измѣняется (съ 1761 г.) первоначальный окладъ подати, отмѣтивъ, что государственные крестьяне, по указамъ Петра I, были обложены сорокакопѣечнымъ сборомъ, вмѣсто тѣхъ доходовъ, которые вотчинные крестьяне платятъ своимъ владѣльцамъ,—указъ продолжаетъ:

«А нынѣ благодатію Божескою всякіе съ земли доходы, по распространенію Россійской коммерціи и всякихъ промысловъ, несравненно противъ тѣхъ прежнихъ времѣнъ умножились, и какъ уже всѣмъ извѣстно, что помѣщики доходовъ своихъ ниже рубля съ души почти нигдѣ не получаютъ; а дворцовые крестьяне во многихъ мѣстахъ цѣлыми губерніями также и синодальные крестьяне по 1 рублю съ души обложены и, дѣйствительно, платятъ; архіерейскихъ же и монастырскихъ крестьянъ и точію именныхъ Его Величества, 1657 г. октября 6 дня, высочайшимъ указомъ повелѣно пе-

*) П. С. З., т. XI, № 8, 807.

**) П. С. З., т. XV, № 11, 120.

реложить всѣхъ въ помѣщичьи оклады; слѣдовательно, для исполненія необходимо требующихся государственныхъ расходовъ по справедливости, и тѣхъ государственныхъ крестьянъ съ дворцовыми, синодальными и помѣщичьими крестьянами сравнить надлежитъ.

Введенный Петромъ В. дополнительный сборъ съ государственныхъ крестьянъ оставался въ неизмѣнномъ размѣрѣ до 1761 г., когда, вмѣсто сорокакопѣечнаго, былъ введенъ рублевый окладъ. Съ этихъ поръ на возвышеніе оброчной подати правительство начинаетъ смотрѣть какъ на удобный источникъ увеличенія доходнаго бюджета. Не останавливаясь на различныхъ частностяхъ, какъ, напримѣръ, на неодновременномъ увеличеніи оклада оброчной подати для разныхъ группъ государственныхъ крестьянъ и т. п., отмѣтимъ годы измѣненія оклада оброчной подати. По указу 13 ноября 1768 г., со второй половины 1769 г. повелѣно со всѣхъ крестьянъ, состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ, собирать, кромѣ семитривеннаго оклада общей подушной подати, по два рубля въ годъ со всякой души мужскаго пола, записанной по послѣдней (третьей) ревизіи, причемъ къ прежнимъ мотивамъ возвышенія оклада присоединяется указаніе на умноженіе въ народномъ обращеніи денегъ (выпускъ ассигнацій въ 1768 г.) *).

Спустя 14—15 лѣтъ послѣ этого удвоенія оброчной подати, мы опять читаемъ въ указѣ 3 мая 1783 г., что «въ народѣ возросло изобиліе, умножилось денежное обращеніе и возвысились вообще цѣны на всякія вещи». Каждому ощутительна сія истина,—говорилось въ указѣ,—и каждый вѣдаетъ, что собственные помѣщичьи съ крестьянъ ихъ поборы вдвое и болѣе превосходятъ тѣ, кои настояли при положеніи двухрублеваго оброка **). Въ заключеніе указъ возвышаетъ оброкъ съ крестьянъ казеннаго вѣдомства до 3 рублей съ души.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ за первыя 38 лѣтъ по введеніи Петромъ I добавочнаго сбора съ крестьянъ казеннаго вѣдомства, этотъ сборъ взимался въ одномъ и томъ же сорокакопѣечномъ размѣрѣ, въ слѣдующіе 22—23 года (съ 1761—1783) онъ трижды повышается въ окладѣ, при-

*) „По умноженію въ народномъ обращеніи денегъ, крестьянскія прозвращенія продаются противъ прежнихъ временъ весьма превосходными цѣнами, и, сверхъ того, по матерному Ея Императорскаго Величества о своемъ народѣ попеченію и премудрымъ распоряженіямъ, преподанъ случай черезъ разныя въ государствѣ во многихъ мѣстахъ многія полезныя заведенія, строенія и открытія водяныхъ путей, вѣкоторымъ въ свободномъ отъ хлѣбопашества времена, а другимъ и навсегда, отъ работъ своей пропитаніе имѣющимъ, получать не малыя денежныя плати и прибитки, такъ что противъ прежняго не только вдвое, но и втрое, и вчетверо каждый трудящійся доставить, а черезъ то всѣ и каждый безнужное для жизни человѣческой пропитаніе имѣть можетъ, но и приходить еще въ состояніе къ лучшему заведенію своего домостроительства и къ неотатотательному плажежу воложенныхъ на каждаго по званію его податей; напротивъ же того мана, оставаясь при вышепоказанномъ прежнемъ о податяхъ расположеніи, принужденъ находится за всякія государственныя заготовленія и покупки съ великою противъ прежнихъ временъ передачею платежа, слѣдовательно, за возрастающимъ народнымъ прибиткомъ ущербъ ея очевиденъ“ (И. С. З., т. XVIII, № 18, 191).

***) И. С. З., т. XXI, № 15, 723.

чемъ увеличеніе выражается 750% къ первоначальному окладу. Не безъ интереса отмѣтить, что подушная подать за то же время хотя и увеличилась, но въ гораздо меньшемъ размѣрѣ.

Признавая добавочный сборъ съ крестьянъ, находившихся въ казенномъ вѣдомствѣ, по его сущности и преобладающему характеру, платежомъ за землю, мы должны, однако, отмѣтить, что къ нему до самаго послѣдняго времени примѣшивался и налоговой элементъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ основаніемъ для обложенія государственныхъ крестьянъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше отрывковъ изъ указовъ, служила возможность заработка вообще не только отъ земледѣлія, но и отъ побочныхъ промысловъ, и т. п. При этомъ правительство, ссылаясь въ своихъ указахъ на заработки крестьянъ, долгое время оставляло въ сторонѣ различіе въ относительной легкости и степени заработковъ для крестьянъ по разнымъ мѣстностямъ обширной территоріи Русскаго государства. Исключительно душевой принципъ взиманія оброчной подати держался до самаго конца XVIII столѣтія, несмотря на то, что неуравнительность обложенія вообще, основаннаго на одинаковомъ окладѣ съ души, сознавалась уже въ скоромъ времени по введеніи подушныхъ налоговъ. Уже въ 1727 г. была учреждена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена верховнаго тайнаго совѣта князя Голицына, для разсмотрѣнія вопроса о томъ, «какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народной положить сборъ—съ души ли, или съ однихъ работниковъ, какъ въ Швеціи... или тотъ платежъ съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить». Но труды этой коммиссіи за смертью Государыни остались безъ примѣненія и только въ 1798 г. (указъ Павла I 18 декабря 1797 г.) впервые устанавливаются различныя по мѣстностямъ оклады, въ согласованіе «съ свойствомъ земли, изобиліемъ въ ней и способами для обитателей къ работамъ и съ промыслами ихъ».

Этотъ указъ весьма любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что здѣсь въ первый разъ вполне опредѣленно выражается взглядъ правительства на земли государственныхъ крестьянъ, какъ на казенныя, и на пользованіе ими, какъ на источникъ доходовъ крестьянъ и на основаніе для казны брать вознагражденіе за это пользованіе.

«Въ уваженіе, что въ теченіе 25-ти лѣтъ отъ послѣдней переоброчки крестьянъ казеннаго вѣдомства,—читаемъ мы въ указѣ,—цѣны вещамъ несравненно возвысились, поселяне распространили свои прибитки, и вообще по государству доходы далеко умножены; къ тому же, для вѣншей выгоды крестьянъ казеннаго вѣдннн, наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе и скотоводство составляютъ главнѣйшіе промыслы, предписано отъ насъ селенія казенныя снабдить достаточными по возможности землями, за нужное находимъ сдѣлать новое распоряженіе оброчныхъ доходовъ на всѣхъ поселянъ казенныхъ разнаго званія, по свойству земли, изобилію въ ней и способамъ для обитателей къ работамъ и промысламъ ихъ». Этотъ указомъ, во-первыхъ, впервые отмѣчается съ полною ясностью связь

оброчной подати съ правомъ пользованія землею: количество и качество земли выдвигается на первый планъ какъ основаніе для опредѣленія размѣра подати; прежній, чисто-поголовный характеръ ея переходитъ въ кадастровый. Въмѣсто прежняго однообразнаго оклада оброчной подати, вводится нѣсколько разрядовъ ея, смотря по классу губерній, на которыя они разбиты, принимая во вниманіе отмѣченныя выше основанія. Въ результатѣ, вмѣсто прежняго однообразнаго трехрублеваго оклада, получаются, сообразно четыремъ классамъ губерній, слѣдующіе душевые оклады, считая въ томъ числѣ накладныя деньги по собиранію подати въ размѣрѣ 2 коп. съ рубля: для губерній I класса—5 р. 10 к., II класса—4 р. 49 к., III класса—4 р. 8 к., IV класса—3 р. 57 к.

При распредѣленіи губерній по классамъ, самыми сильными въ платежномъ отношеніи губерніями были признаны губерніи средней земледѣльческой полосы и центральной промышленной области, за исключеніемъ Московской и Тверской, которыя были отнесены ко второму классу; наиболѣе слабыми—губерніи крайняго сѣвера, Новгородско-Финскаго полѣсья и сибирскія *).

Со времени указа Императора Павла правительство уже постоянно имѣетъ въ виду связь между особымъ сборомъ съ государственныхъ крестьянъ и пользованіемъ ими казенною землею. Вынуждаемое къ увеличенію оброчной подати потребностью въ деньгахъ, оно ссылается при этомъ на свои заботы о достаточномъ надѣленіи государственныхъ крестьянъ землею. Такъ, въ указѣ Императора Александра I отъ 2 февраля 1810 г. **) объ увеличеніи оклада оброчной подати, между прочимъ, говорится, что «оброкъ съ земель, казенными крестьянами владѣемыхъ, опредѣленъ былъ въ такое время, когда большая часть ихъ не имѣли еще нужнаго имъ количества земли. Съ того времени во многихъ губерніяхъ казенные крестьяне надѣлены землями въ избыткѣ. Изъ числа земель, *составлявшихъ казенную собственность*, однимъ отведено по 15, другимъ по 8 десятинъ земли. Сверхъ того, отданы имъ въ безоброчное владѣніе многія казенныя статьи, луга, мельницы и уголья, приносящія казнѣ значительный доходъ. Всѣми сими выгодами большая часть казенныхъ крестьянъ поставлены въ избыточное положеніе, между тѣмъ какъ оброкъ, съ нихъ взимаемый, оставался въ томъ же количествѣ, а по возвышенію сельскихъ прибытковъ и по униженію сборовъ въ ассигнаціяхъ очевидно уменьшался. Въ вознагражденіе сего ущерба и дабы приблизить оброкъ къ тому количеству, ка-

*) Къ I классу отнесены губерніи: Рязанская, Ярославская, Костромская, Тульская, Калужская, Владимірская, Симбирская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Вятская, Нижегородская, Казанская и Саратовская. Ко II классу: Московская, Тверская, Смоленская и Астраханская. Къ III классу: С.-Петербургская, Псковская, Вологодская, Слободско-Украинская, Новороссійская, Кіевская, Подольская, Малороссійская, Литовская, Волынская, Курляндская и часть Бѣлорусской, что прежде составляла Могилевскую. Къ IV классу: Выборгская, Пермская, Архангельская, Тобольская, Иркутская, Новгородская и часть Бѣлорусской губерній, что прежде составляла Полоцкую.

**) П. С. З., т. XXXI, № 24, 116.

юе поступило въ казну при началѣ его установленія, было поведѣно *) въ прежнимъ окладамъ сдѣлать прибавку, которая была опредѣлена въ неодинаковомъ размѣрѣ для губерній разныхъ классовъ. При этомъ получились слѣдующіе оклады: для губерній I класса 8 р., II—7 р., III—6 р., IV—5 р. 50 к.

Въ 1812 г. къ нимъ еще было прибавлено для всѣхъ классовъ по 3 рубля. Означенная прибавка въ манифестѣ была объявлена временною, и не было предположено слагать по мѣрѣ уплаты государственныхъ долговъ; однако, это сложеніе осталось лишь на бумагѣ, а въ 1824 году оброчная подать при сохраненіи прежнихъ окладовъ была еще повышена во многихъ губерніяхъ перечисленіемъ ихъ въ высшіе классы **).

III.

Сдѣланный нами краткій обзоръ первыхъ ста лѣтъ существованія особеннаго добавочнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, который получилъ съ 1810 г. официальное названіе оброчной подати, показываетъ, что главная, почти исключительная, забота правительства въ этотъ періодъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ вытекала изъ интересовъ фиска. Кое-какія мѣры, предпринимавшіяся время отъ времени для устраненія тѣхъ или другихъ невзгодъ, которымъ подвергались государственные крестьяне, далеко не окупали того вреда, который приносила группѣ государственныхъ крестьянъ щедрая раздача населенныхъ имѣній разнымъ любимцамъ и случайнымъ людямъ, въ особенності въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а также поборы и злоупотребленія чиновниковъ. Императоръ Александръ I въ манифестѣ 2 февраля 1810 г. прямо призналъ фактъ существованія этихъ злоупотребленій и обѣщалъ ограждать отъ нихъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, военныя обстоятельства, финансовыя затрудненія и проч. отодвинули этотъ вопросъ на задній планъ и оставили его открытымъ въ наслѣдіе послѣдующимъ царствованіямъ. Впрочемъ, уже съ 1824 года, можно сказать, начинается періодъ постоянныхъ заботъ правительства о внесеніи болѣе правильной и равномерности въ обложеніи оброчною податію государственныхъ крестьянъ. Это выразилось сначала въ проектахъ преобразованія оброчной подати, а съ 1839 года въ заботахъ о поземельномъ и прочемъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ только что основаннаго въ 1837 г., отчасти съ этою цѣлью, министерства государственныхъ имуществъ.

Въ 1824 году тогдашнимъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ

*) Труды, 32.

**) Съ 1 января 1824 г. въ первый классъ были перечислены губерніи: Московская, С.-Петербургская, Тверская и Слободско-Украинская; во второй—Оренбургская, Вологодская, Киевская, Еваторинославская, Херсонская, Таврическая и Пермская; въ третій—Новгородская, Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская.

былъ составленъ проектъ кореннаго преобразованія оброчной подати въ смыслѣ переложенія ея съ душъ на землю и промыслы, причемъ предполагалось произвести общую съемку земель и подробное описаніе земельныхъ угодій и промысловъ. Но, въ виду сложности этого проекта и большихъ издержекъ, требовавшихся для его исполненія, онъ остался безъ утвержденія, хотя и не была оставлена мысль о внесеніи ббльшей уравнительности обложенія, которая, между прочимъ, лежала въ его основаніи. Особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Кочубея, для разсмотрѣнія разныхъ проектовъ преобразованія податной части, также признавъ желательною замѣну душевыхъ сборовъ поземельною и промысловую податью, однако, находилъ возможнымъ ввести это преобразование не иначе, какъ при посредствѣ переходной мѣры, путемъ установленія по каждой губерніи нѣсколькихъ разрядовъ душевыхъ оброковъ, съ распредѣленіемъ волостей по разрядамъ, смотря по качеству и количеству земель и размѣру крестьянскихъ промысловъ. Составленный въ этомъ смыслѣ проектъ былъ утвержденъ 25 іюля 1832 г., но и онъ не былъ примѣненъ на дѣлѣ, такъ какъ Государь не утвердилъ «табелъ оброчныхъ огладовъ по нѣкоторымъ губерніямъ», которая въ слѣдующемъ году была внесена въ государственный совѣтъ министромъ финансовъ, графомъ Канкринымъ *) Затѣмъ, во исполненіе высочайшей воли о разработкѣ плана для введенія въ казенныхъ селеніяхъ «твердыхъ правилъ къ постоянному платежу крестьянскихъ податей», въ министерствѣ финансовъ былъ составленъ новый проектъ переложенія оброковъ съ душъ на землю и промыслы. Предполагалось учредить особый налогъ на промышленность и произвести въ каждой губерніи описаніе и отчасти съемку земель и классификацію ихъ по качеству. Но и этотъ проектъ министерства финансовъ не былъ приведенъ въ исполненіе, а вскорѣ за тѣмъ съ учрежденіемъ въ 1837 г. министерства государственныхъ имуществъ къ нему перешли не только заботы объ уравненіи оброчной подати, но и попечительство надъ государственными крестьянами вообще. Что касается уравненія платежей и повинностей, то въ наказѣ 26 декабря 1837 года, данномъ графу Киселеву при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, между прочимъ, было повелѣно: «привести существующіе или вновь учреждаемые налоги на государственныхъ крестьянъ въ соразмѣрность съ получаемыми ими выгодами отъ земель и промысловъ».

IV.

Со вступленіемъ графа Киселева въ отправленіе своихъ обязанностей по управленію министерствомъ, при постоянной поддержкѣ Императора Ни-

*) При этомъ Императоръ Николай I сдѣлалъ слѣдующую резолюцію: „Удобно ли такую переходную мѣру допустить, тогда какъ она должна быть замѣнена вносимъ другимъ? Теперь произведетъ она между казенными крестьянами тревогу, а потомъ, едва поймутъ новую раскладку, едва успокоятся, какъ снова надобно будетъ все пере-
кладывать, и произойдетъ между ними новая тревога“.

колая, начинается весьма важная эпоха въ исторіи поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ, отличная отъ предшествовавшаго и ближайшаго послѣдующаго времени тѣмъ, что чисто-фискальные интересы отодвинуты были на второй планъ, а заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ заняли подобающее имъ мѣсто во внутренней государственной политикѣ. Эта перемена внутренней политики наглядно выражается уже въ томъ фактѣ, что, съ перечисленіемъ въ 1839 году уставленнхъ при Александрѣ I окладовъ оброчной подати съ ассигнаціи на серебро (вмѣсто 10 р.—9 р., 8 р. и 7 р. 50 к. — 2 р. 86 к., 2 р. 58 к., 2 р. 29 к. и 2 р. 15 к. серебромъ), эти оклады не измѣнялись за все время управленія графа Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Какъ мы видѣли, неурядица, отъ которой терпѣли государственные крестьяне, признавалась даже манифестомъ Александра I. И не безъ основанія Императоръ Николай Павловичъ призналъ нужнымъ выдѣлить ихъ изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ особое самостоятельное вѣдомство—министерство государственныхъ имуществъ.

Вотъ какъ рисуетъ намъ положеніе государственныхъ крестьянъ до перехода ихъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, очевидно, весьма компетентный авторъ *):

«Высшее управленіе государственными крестьянами, лѣсами и казенными оброчными статьями сосредоточивалось въ департаментѣ государственныхъ имуществъ министерства финансовъ, которое не располагало достаточными средствами, чтобы имѣть даже полныя свѣдѣнія о количествѣ надѣла государственныхъ крестьянъ и о свободныхъ казенныхъ земляхъ; не было плановъ и правильнаго учета земель; нельзя было, поэтому, и принять мѣры къ устраненію чрезмѣрнаго малоземелія въ нѣкоторыхъ волостяхъ, такъ какъ самый фактъ малоземелія впервые былъ обнаруженъ ревизією 1837 года, когда оказалось до 36,000 душъ вовсе безземельныхъ государственныхъ крестьянъ; 56,700 душъ, имѣвшихъ менѣ одной десятины надѣла на душу; до 212,000 душъ, имѣвшихъ по одной десятинѣ и т. д.

«Многіе государственные крестьяне нанимали земли у помѣщиковъ, платя двойныя повинности. Податное счетоводство было запущено: крошя массы дѣйствительныхъ овладныхъ недоимокъ, по счетамъ показывались и фиктивные недоимки на громадныя суммы.

«Въ губерніяхъ завѣдываніе государственными крестьянами возложено было на казенныя палаты, которыя ограничивались взысканіемъ податей, не имѣя ни времени, ни средствъ заботиться о благоустройствѣ и благосостояніи крестьянъ, развить ихъ общественное самоуправленіе и ограждать ихъ отъ притѣсненій мѣстныхъ чиновниковъ.

*) П. Ш.: „Государственные крестьяне“. См. *Русскую Рѣчь* 1879 г., июнь, стр. 260 и слѣд.

«Въ уѣздахъ государственные крестьяне были вполнѣ во власти земской полиціи, волостныя правленія были просто низшею полицейскою инстанціей, безусловно подчиненною исправнику и становому приставу. Сельская община, въ смыслѣ прежняго, древняго органа общественнаго самоуправления, давно рушилась.

«Крестьяне и селенія группировались въ различныя административныя единицы съ чисто-фискальною цѣлью: для платежа податей—составлялись участки отъ 300 до 500 душъ въ каждомъ, для сбора рекрутъ—въ 1,000 душъ, третья участка составлялись для исполненія дорожной повинности. Сельскія должностныя лица имѣли лишь значеніе *сборщиковъ*, а именно: староста—сборщикъ податей, смотритель хлѣбнаго магазина—сборщикъ запасовъ, рекрутскій отдатчикъ—сборщикъ рекрутъ, и, наконецъ, нарядчики подводъ и людей, для исполненія дорожной и подводной повинностей.

«При такомъ порядкѣ открывалось широкое поле прижимкамъ и злоупотребленіямъ полицейскихъ чиновниковъ. Поводомъ къ вымогательству могли служить: сборъ податей и недоимокъ, каждое спорное дѣло, каждый уголовной случай, къ коему можно было привлечь крестьянъ въ качествѣ заподозрѣнныхъ или даже свидѣтелей, наконецъ, каждый нарядъ рабочихъ или подводъ. При распредѣленіи тягостей дорожной и подводной повинностей, помѣщики, пользуясь связями съ губерскими и мѣстными властями и небезкорыстною угодливостью полицейскихъ чиновъ, могли облегчать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ на счетъ крестьянъ государственныхъ, за коихъ вступить было не кому и которые могли отстаивать свое право только при помощи такого подкупа, который перевысилъ бы вліяніе помѣщиковъ. Это расплодило мироѣдовъ, т.-е. ходатаевъ изъ разночинцевъ или даже изъ крестьянъ, сдиравшихъ съ нихъ деньги на темные расходы и удерживавшихъ въ свою пользу львиную часть изъ этихъ денегъ, при невозможности учета и контроля подобныхъ *темныхъ* расходовъ.

«Такова была картина положенія государственныхъ крестьянъ, явившаяся результатомъ обстоятельной ревизіи, произведенной по распоряженію графа Киселева».

Переходя къ эпохѣ управленія графа Киселева, весьма важной въ исторіи государственныхъ крестьянъ, мы не будемъ, однако, касаться административнаго устройства этихъ крестьянъ, такъ какъ оно не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія, и ограничимся только указаніями на тѣ измѣненія, которымъ подвергались основанія оброчной подати, и отмѣтимъ, въ чемъ выразились заботы правительства о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ.

Намъ уже приходилось упоминать, что правительство съ давнихъ поръ привыкло смотрѣть на земли, населенныя государственными крестьянами, какъ на казенныя, и что крестьяне смотрѣли на это, въ особенности вначалѣ, довольно равнодушно. Последнимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется то, что означенный взглядъ правительства долгое время не былъ оформленъ. Однако, слишкомъ свободное отношеніе правительства къ зем-

лимъ, населеннымъ государственными крестьянами, при раздачѣ ихъ въ частную собственность, съ одной стороны, и усиленіе потребности въ землѣ вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, съ другой, должно было, въ концѣ-концовъ, заставить крестьянъ задуматься о существѣ ихъ поземельныхъ отношеній, о томъ, чья земля, на которой они сидѣли, ихъ или казенная; при этомъ естественно могли возникать иногда недоразумѣнія между крестьянами и администраціей и разногласіе во взглядахъ.

«Казенными,— читаемъ мы у Заблоцкаго-Десятковскаго,— обыкновенно именовались тѣ земли и лѣса, которые находились въ распоряженіи непосредственно казны, предоставленные же въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, въ противоположность первымъ, носили названіе, какъ бы изъ круга права собственности происходящее. Такъ, земли именовались общественными и общественною собственностью, лѣса—крестьянскими, оброчныя статьи—мірскими, въ противоположность казеннымъ.

«Естественно, что это различіе въ названіяхъ произвело и поддерживало въ государственныхъ крестьянахъ мысль, что отведенныя имъ отъ казны земли и угодья составляютъ ихъ собственность; въ этомъ утверждалъ ихъ и предоставленный самимъ обществамъ порядокъ судебной защиты отведенныхъ имъ земель» *).

На это обстоятельство, тотчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ графа Киселева, было обращено вниманіе, причемъ министерство стало строго держаться того взгляда, что земля, которая находилась въ рукахъ государственныхъ крестьянъ—казенная, а крестьяне только пользуются ею за установленные платежи и повинности. Это было, конечно, не всегда справедливо. Мы знаемъ, что основное ядро государственныхъ крестьянъ составили прежніе черносошные крестьяне, которые искони считались свободными сельскими обывателями. Большинство ихъ сидѣло, вѣроятно, на тѣхъ земляхъ, которыя были расчищены ихъ предками изъ дикихъ земель. Поэтому, если приложить въ данномъ случаѣ самый справедливый принципъ частной собственности на землю, то придется признать, что государственные крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, сидѣли на собственной землѣ.

Но ставить исключительно въ вину графу Киселеву усвоенную имъ точку зрѣнія на юридическое отношеніе крестьянъ къ землѣ было бы не совсѣмъ справедливо, такъ какъ принципъ права собственности казны на земли государственныхъ крестьянъ, еще задолго до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, былъ уже введенъ въ наше законодательство установлеиіемъ оброчной подати за землю. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать огромною заслугой графа Киселева то, что онъ постоянно заботился о достаточномъ обезпеченіи государственныхъ крестьянъ землею и зорко слѣдилъ и оберегалъ ихъ самостоятельность, а они въ этомъ очень и очень нуждались.

*) *Заблоцкий-Десятовскій*: „Графъ Киселевъ и его время“, т. II, стр. 49.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя щедрая раздача имѣній, населенныхъ государственнымими крестьянами въ частныя руки съ обращеніемъ ихъ въ крѣпостныхъ, въ XIX столѣтіи стала встрѣчать сильный отпоръ со стороны верховной власти, однако, свободное состояніе государственныхъ крестьянъ еще въ сороковыхъ и даже 50-хъ годахъ не было вполне обезпечено отъ обращенія ихъ противъ воли въ такъ называемыхъ военныхъ поселенъ, а въ концѣ 40-хъ годовъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ было въ большомъ ходу даже предположеніе объ уравниніи всѣхъ крестьянъ—государственныхъ и помѣщичьихъ—учрежденіемъ изъ земель, населенныхъ государственнымими крестьянами, особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства *)).

Весьма благопріятною для устройства быта государственныхъ крестьянъ была и другая сторона дѣятельности новаго министерства. Въ противоположность чисто-фискальной точкѣ зрѣнія, господствовавшей въ управленіи государственнымими крестьянами, когда они находились въ вѣдѣніи министерства финансовъ, фискальныя цѣли при управленіи графа Киселева заняли второстепенное мѣсто: на первый планъ было выдвинуто покровительство крестьянамъ или *попечительство* надъ ними, въ смыслѣ заботы объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта и охраненія отъ разнаго рода притѣсненій и несправедливостей.

Останавливаясь на земельно-платежныхъ отношеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ эпоху графа Киселева, когда создалось предшествовавшее крестьянской реформѣ поземельное устройство государственныхъ крестьянъ, необходимо коснуться двухъ главныхъ вопросовъ — надѣловъ и платежей за земли.

При обиліи земель въ прежнее время, государственные крестьяне были, въ большинствѣ случаевъ, всегда обезпечены достаточнымъ количествомъ земельныхъ и другихъ угодій. Тѣмъ не менѣе, распредѣленіе ихъ было чрезвычайно разнообразно: «Были общества, въ которыхъ приходилось не болѣе $\frac{1}{2}$ десятины на душу, — читаемъ мы у Заблоцкаго-Десятовскаго, — а въ другихъ по 20 дес. и даже болѣе. При распредѣленіи общественныхъ земель въ сельскихъ обществахъ, мірофды успѣвали обдѣлять въ свою пользу прочихъ крестьянъ, а въ степныхъ губерніяхъ господствовалъ способъ пользованія *на захватъ*. Отъ этого крестьяне принуждены были нанимать у постороннихъ лицъ до 500 тыс. дес., а часто случалось, что казенныя земли были заарендованы спекулянтами по тройной цѣнѣ, несмотря на то, что каждый крестьянинъ имѣлъ право на душевой участокъ въ своемъ сельскомъ обществѣ; до 600 тыс. душъ (изъ которыхъ 128 т. въ западныхъ губерніяхъ) не пользовались надѣлами. Нѣкоторыя казенныя палаты дѣлали распоряженія о равномерномъ распредѣленіи земель въ сельскихъ обществахъ, но эта мѣра вела за собою новыя неудобства и угнетенія для крестьянъ.

*) *Заблоцкій-Десятовскій*: „Графъ Киселевъ и его время“, т. II, стр. 146.

«Такъ, въ Псковской губерніи всѣ земли были распределены между селеніями по числу душъ, и случалось часто, что у одного селенія отрывались ближайшія къ нему угодья, ему необходимыя, и отдавались другому, отдаленному. Многие крестьяне вынуждены были селиться на помѣщичьихъ земляхъ или массами уходили въ другія губерніи отыскивать свободныя земли; однимъ удавалось захватить ихъ, другіе, напротивъ, возвращались назадъ и должны были вновь заводить хозяйство. О переселенцахъ на новыхъ мѣстахъ не было никакихъ свѣдѣній, а на старыхъ мѣстахъ они показывались налицо и на нихъ насчитывались огромныя недоимки; такъ, по Курской губерніи открыто недоимокъ болѣе 402 т. р. на однихъ переселенцахъ, которые давно ушли въ другія губерніи; вообще переселенцевъ, о которыхъ не было никакихъ свѣдѣній, оказалось 24,205 ревизскихъ душъ.

«Таково было положеніе государственныхъ крестьянъ въ губерніяхъ центральныхъ; но въ западныхъ оно было еще хуже. Повинности крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ были, правда, опредѣлены инвентарями, но въ нихъ не было означено количество земли, которымъ слѣдовало надѣлить крестьянъ. Поэтому арендаторы захватывали сколько можно болѣе земли или сами обрабатывали ее, или отдавали въ содержаніе другимъ арендаторамъ, а, между тѣмъ, барщины и другія повинности крестьянъ оставались тѣ же. Количество земель крестьянскихъ уменьшилось до того, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ на семейство приходилось по одной небольшой полоскѣ. Изъ 600 т. душъ государственныхъ крестьянъ у 150 т. душъ было только по 1 головѣ рогатаго скота на дворъ, а 125 т. душъ не имѣли вовсе скота. Каждое почти семейство высылало отъ себя одного, а часто и болѣе, изъ своихъ членовъ или искать работы на сторонѣ, или просто нищенствовать; но едва крестьянинъ добылъ сколько-нибудь денегъ, на него устремлялись содержатели шинковъ—еврей—и заставляли крестьянина за водку продавать свои засѣянные полосы еще до жатвы» *).

Для устраненія неравномѣрности, исходною точкой для урегулированія землевладѣнія государственныхъ крестьянъ были приняты двѣ нормы надѣловъ—въ 8 и 15 десятинъ на ревизскую душу. Первая норма была установлена для такъ называемыхъ губерній малоземельныхъ, а вторая—многоземельныхъ.

Многоземельными губерніями было принято считать такія, въ которыхъ количество казенныхъ земель, предназначенныхъ для надѣленія государственныхъ крестьянъ, настолько велико, что всѣ не только казенныя, но и удѣльныя селенія могутъ быть удовлетворены сполна узаконенною пятнадцатидесятиною пропорціей. Въ противномъ случаѣ, губернія считаются малоземельными **).

При этомъ правительство, разсматривая казенныя земли, угодья, оброч-

*) *Заблуждѣній-Десятооскій*, т. II, стр. 52.

***) *Постановленія о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ*, ст. 2.

ныя статьи, какъ общій фондъ для удовлетворенія потребностей крестьянъ въ землѣ, не только находило возможнымъ уравнивать земли между лицами, принадлежащими одному селенію, при помощи передѣловъ, но допускало также уравненіе землями различныхъ селеній какъ прирѣзкою къ нимъ пустопорожнихъ казенныхъ земель и т. п., такъ и путемъ отрѣзковъ отъ селеній многоземельныхъ въ пользу селеній малоземельныхъ.

Всѣ тѣ селенія, которыя имѣли удобной земли менѣе пяти десятинъ (при опредѣленіи этой нормы, впрочемъ, принималась въ расчетъ и относительно неудачная земля, считая двѣ десятины неудобной земли за одну удобной) на каждую душу по послѣдней ревизіи, могли просить о надѣленіи ихъ вышеуказанною нормой, и просьбы эти должны были удовлетворяться по мѣрѣ возможности. Если обстоятельства позволяли, то принимались въ уваженіе подобныя просьбы и тѣхъ селеній, которыя имѣли въ среднемъ свыше пяти десятинъ на душу. Для постепеннаго удовлетворенія просьбъ крестьянъ о надѣленіи ихъ землею въ узаконенной нормѣ былъ опредѣленъ такой порядокъ. Сначала удовлетворялись просьбы тѣхъ селеній губерніи, которыя имѣютъ по двѣ десятины съ половиною на душу и менѣе, затѣмъ тѣ, которыя имѣютъ отъ 2½ до 5 десятинъ и, наконецъ, тѣ, которыя имѣютъ свыше 5 десятинъ.

Для надѣленія малоземельныхъ казенныхъ селеній землею обращались: 1) казенныя пустопорожнія земли; 2) казенныя оброчныя статьи, кромѣ особенно важныхъ, приносящихъ болѣе дохода, чѣмъ можно ожидать отъ крестьянъ, которымъ онѣ предоставляются въ надѣленіе, равно и такихъ, которыя находятся въ маломъ количествѣ въ малоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ наемъ ихъ служить необходимымъ подрѣпленіемъ другимъ сельскимъ жителямъ; 3) маловажные лѣса и расчистки тамъ, гдѣ лѣса въ изобильномъ количествѣ; 4) *земли государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ по многоземельнымъ губерніямъ во владѣніи болѣе 15, а по малоземельнымъ болѣе 8-ми десятинной пропорціи на душу по послѣдней ревизіи.*

Относительно способа владѣнія нарѣзанными селеніямъ землями главныя постановленія закона заключались въ слѣдующемъ. Изъ земель, принадлежащихъ селенію, часть отдѣлялась подъ выгонъ для общественнаго употребленія; прочая же земля, предназначенная для сѣнныхъ покосовъ, пашни и усадьбы, раздѣлялась на участки между государственными крестьянами, по приговору сельскаго схода, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ сводѣ учреждений губернскихъ *).

«Участокъ земли, доставшійся по мірскому раздѣлу каждому государственному поселянину, состоя въ его пользованіи, всегда считается общественною собственностью и не можетъ отъ него ни переуступленъ быть кому бы то ни было, по какимъ-либо актамъ, ни перейти по наслѣдству» (ст. 632, дополн.) **).

*) *Постановленія о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ*, ст. 122.

***) *Тамъ же*, ст. 123.

Въ этихъ важнѣйшихъ постановленіяхъ закона, которыми регулировались дореформенныя поземельныя отношенія государственныхъ крестьянъ, бросается, между прочимъ, въ глаза весьма интересная сторона русской аграрной политики. Мы видимъ, что уже въ дореформенное время дальновидные государственные люди опасались возможности вреднаго сосредоточенія надѣльныхъ земель въ немногихъ рукахъ и закономъ старались оберечь общину отъ захвата земель отдѣльными домохозяевами въ ущербъ другимъ.

Но еще съ болѣею ясностью выражается намѣреніе законодателя охранить надѣлъ за тѣми, кому онъ данъ, въ постановленіяхъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ касательно подворнаго владѣнія или такъ называемыхъ семейныхъ участкахъ. Правда, эти постановленія относятся къ частному случаю и имѣютъ въ виду переселенія и водвореніе крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, но за то здѣсь русское законодательство совершенно самостоятельно и опредѣленно проводитъ начало неотчуждаемости, напоминающее американскіе законы о гомстетахъ (homestead laws).

Надѣленіе государственныхъ крестьянъ, при ихъ согласіи, семейными участками производилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ платимыя государственными крестьянами подати были переложены съ душъ на землю. Такое надѣленіе имѣло мѣсто: а) при устройствѣ новыхъ селеній и б) при учрежденіи отдѣльныхъ выселковъ вблизи существующихъ уже селеній. Какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ отдѣльныхъ поселеніяхъ допускались въ каждомъ не болѣе 25 дворовъ. При этомъ на каждый семейный участокъ или дворъ назначалось удобной земли отъ 30 до 60 десятинъ, а въ выселкахъ отъ 15 до 40 десятинъ.

Каждый семейный участокъ долженъ находиться въ нераздѣльномъ наследственномъ пользованіи одного хозяина, который обязанъ платить въ казну установленную за него подать и вести хозяйство сообразно порядку, одобренному министерствомъ государственныхъ имуществъ. «Семейный участокъ и возведенныя на немъ жилия и хозяйственныя строенія, а равно земледѣльческія орудія и опредѣленное количество скота, какъ *необходимая принадлежность полною хозяйства*, вносимая въ *постоянную хозяйственную опись*, переходитъ въ нераздѣльномъ составѣ къ старшему изъ законныхъ наследниковъ умершаго домохозяина, если сей послѣдній, при жизни своей, не назначилъ, законнымъ порядкомъ, къ кому именно изъ его дѣтей или другихъ ближайшихъ родственниковъ должно по смерти его перейти право пользованія семейнымъ участкомъ и имуществомъ, къ нему принадлежащимъ. Въ обоихъ случаяхъ женскій полъ наследуетъ только по пресѣченіи мужскаго колѣна. *Примѣчаніе.* Министерство государственныхъ имуществъ опредѣляетъ для каждой мѣстности, изъ чего именно должно состоять имущество, вносимое въ постоянную хозяйственную опись.

«Все прочее имущество домохозяина, по смерти его, за *исключеніемъ семейнаго участка, строеній и вещей, состоящихъ въ хозяйственной описи*, раздѣляется между наследниками, на основаніи общихъ законовъ

и мѣстныхъ обычаевъ», находящихся подъ покровительствомъ государства ради обезпеченія экономической самостоятельности семьи. Приведемъ еще нѣкоторыя постановленія закона о «семейныхъ» участкахъ. Приведенныя буквально постановленія весьма близко подходятъ къ сущности американскихъ законовъ о гомстетахъ или объ имуществахъ, неотчуждаемыхъ обыкновеннымъ порядкомъ.

«Пользованіе семейными участками ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть присвоено лицамъ, выбывшимъ изъ сословія государственныхъ крестьянъ.

«Поелику земля, составляющая семейный участокъ, *есть собственность казны*, то неисправные въ платежѣ податей и отбываніи повинностей хозяева удаляются отъ пользованія участками, которые въ такомъ случаѣ отдаются въ опеку, на общихъ основаніяхъ, установленныхъ въ семь отношеніи для государственныхъ крестьянъ, или передаются старшему наследнику». Надѣленіе крестьянъ семейными участками производилось не иначе, какъ съ согласія самихъ домохозяевъ.

Такимъ образомъ, періодъ отъ перехода управленія государственными имуществами въ руки графа Киселева и до конца царствованія Николая I представляетъ весьма важную эпоху въ исторіи государственныхъ крестьянъ въ смыслѣ проведенія принципа обезпеченія крестьянъ землею, — принципа, который нѣсколько позднѣ легъ въ основаніе освободительной реформы 19 февраля.

Съ того времени правительство начинаетъ принимать дѣятельныя мѣры для приведенія въ извѣстность земель, находящихся въ рукахъ государственныхъ крестьянъ, безъ чего, конечно, было бы немислимо и самое урегулированіе крестьянскаго землевладѣнія. До какой степени прежде находилась въ пренебреженіи эта важная сторона дѣла, можно судить по тому, наприимѣръ, что въ теченіе шести лѣтъ, предшествовавшихъ учрежденію министерства государственныхъ имуществъ, было снято на планъ только 736,300 десят., въ слѣдующія же шесть лѣтъ 11.225,000 дес. казенныхъ земель, а къ 1866 г. снято уже свыше 53 милл. дес. *)

«По мѣрѣ того, какъ подвигались межевыя работы, — говоритъ г. П. Ш., — и выяснялось положеніе какъ крестьянъ, наиболѣе нуждавшихся въ землѣ, такъ и свободныхъ казенныхъ земель, которыя могли быть обращены на удовлетвореніе этой потребности, министерство государственныхъ имуществъ принимало въ этомъ отношеніи слѣдующія мѣры:

1) Отводило вновь надѣлъ безземельнымъ крестьянамъ и въ особенности отставнымъ солдатамъ, которые, по окончаніи срока службы, желали возвратиться къ земледѣльческимъ занятіямъ, а между тѣмъ, не имѣли уже права на участіе въ мирскомъ надѣлѣ, ибо, по прежнему рекрутскому уставу, солдаты исключались изъ состава прежнихъ сельскихъ обществъ, — солдатамъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ пришлось бы возвращаться въ крѣпостное состояніе.

*) П. Ш.: „Государственные крестьяне“. Русская Речь 1879 г., июль, стр. 271.

2) Малоземельнымъ государственнымъ крестьянамъ прирѣзывало къ ихъ надѣлу землю въ тѣхъ случаяхъ, когда по близости къ ихъ надѣлу имѣлись свободныя казенныя земли, и

3) Когда же въ тѣхъ мѣстностяхъ свободныхъ казенныхъ земель не было, то переселяло избытокъ населенія на казенныя земли въ многоземельныя и слабо-населенныя губерніи, съ предоставленіемъ переселенцамъ нѣкоторыхъ льготъ и пособій.

Результаты принятыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ за время съ 1838—1866 г. выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) Обеспечена земледѣльческая осѣдлость и отведенъ достаточный надѣлъ слишкомъ 200,000 лицъ, лишенныхъ до того вовсе надѣла и осѣдлости, въ томъ числѣ 143,000 отставныхъ солдатъ, коимъ при этомъ выдано пособій и пенсій на сумму болѣе 3 милл. руб.

2) Прирѣзано въ дополнительный надѣлъ малоземельнымъ государственнымъ крестьянамъ изъ свободныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей 3.393,860 дес., что довело общее пространство надѣла слишкомъ до 53 милл. дес. и въ средней сложности до $5\frac{1}{2}$ дес. на душу. Хотя по отдѣльнымъ мѣстностямъ размѣръ надѣла былъ разнообразенъ, доходя въ многоземельныхъ губерніяхъ до 15 и болѣе дес. на душу и опускаясь въ густонаселенныхъ губерніяхъ до размѣра отъ 2—5 дес. на душу, но, по крайней мѣрѣ, надѣлъ менѣе 2 дес. на душу составлялъ уже весьма *редкое* исключеніе; и

3) Переселено государственныхъ крестьянъ изъ слишкомъ густонаселенныхъ въ многоземельныя губерніи 66,746 семействъ, въ составѣ 231,226 д. муж. пола, что составить безъ малаго полмилліона душъ обоого пола *).

Таковы въ общемъ результаты разсматриваемаго періода относительно поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Конечно, эти результаты были далеки отъ идеальной законной нормы въ 15 и 8 десятинъ на душу. Размѣръ надѣла и послѣ всѣхъ сдѣланныхъ прирѣзокъ въ среднемъ по всей имперіи, считая и многоземельныя губерніи, не превышалъ $5\frac{1}{2}$ дес. на душу, спускаясь въ отдѣльныхъ селеніяхъ до 3 и даже до 2 дес. на душу. Увеличеніемъ надѣла и переселеніемъ могли воспользоваться не болѣе одной десятой государственныхъ крестьянъ **). При всемъ томъ, какъ одно изъ проявленій тогдашней политики по отношенію къ крестьянамъ, эти результаты наглядно свидѣтельствуютъ объ одной изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи русскаго крестьянства.

IV.

Что касается другой стороны занимающаго насъ предмета — крестьянскихъ платежей за землю, то здѣсь главное вниманіе правительства въ эпоху графа Биселева сосредоточивалось не на увеличеніи валовой суммы

*) Тамъ же.

***) Тамъ же, 273.

сбора или увеличеніи окладовъ оброчной подати, а на внесеніи ббльшей правильности и равнобтрности въ ея распредбленіи.

Съ тбхъ поръ, какъ былъ введенъ особый дополнительный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, къ нему, по примбру общей подушной подати, былъ примбненъ душевой принципъ, т.-е. душевой окладъ, установленный для данной губерніи, помножался на число душъ, считавшихся въ томъ или другомъ селеніи, и такимъ образомъ опредблялась сумма, которая вносилась въ окладные листы для данныхъ селеній. При такомъ чисто-аритметическомъ способб опредбленія суммы оброчной подати, она являлась крайне неравнобтрной и не только шла совершенно въ разрбзъ съ принципами арендной платы, но и не удовлетворяла даже основному требованію рациональнаго налога—о соотвбтствіи сбора въ пользу государства съ платежными силами.

Правда, по правиламъ раскладки податей, раскладка между домохозяевами производилась мїрскимъ сходомъ соотвбтственно количеству земли, отведенной каждому семейству, а также сообразно другимъ, припатымъ между государственными крестьянами мбстнымъ правиламъ. При этомъ сборъ за числящихся по ревизіи умершихъ и выбывшихъ по разнымъ случаямъ, но изъ оклада не исключенныхъ, а также за несостоятельныхъ, долженъ былъ раскладываться, согласно тбмъ же правиламъ, на наличныхъ плательщиковъ, принадлежащихъ къ сельскому обществу. Такого рода внутренняя раскладка, при развитомъ общинномъ строб государственныхъ крестьянъ, въ значительной степени смягчала зло подушныхъ окладовъ, но не могла устранить крайней неравнобтрности оброчныхъ платежей государственныхъ крестьянъ. Законъ признавалъ только грубое дбленіе всбхъ губерній Россіи на четыре класса, по которымъ различались оклады оброчной подати. Между тбмъ какъ въ дбйствительности существовало большое разнообразіе по качествамъ почвы и другимъ выгодамъ отъ земли, въ каждой губерніи, убздб, не говоря уже объ отдбльныхъ селеніяхъ. Различныя селенія, при одинаковомъ платежб, имбли далеко не одинаковые надблы и по размбрамъ, и по качеству. Поэтому, если, благодаря предоставленію крестьянскимъ обществамъ права внутренней раскладки между домохозяевами, общество могло уравнивать семейства одного селенія, то между селеніями, мїрскими обществами, волостями и убздами неравенство оставалось въ прежнемъ видб.

Чтобы устранить этотъ основной недостатокъ земельно-платежныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ, было рбшено приббгнуть къ кадастру; но обширность территоріи, крайнее разнообразіе хозяйственныхъ условій разныхъ мбстностей, недостатокъ соотвбтственныхъ силъ, — все это дблало непримбнимыми въ коренной Россіи не только кадастровыя правила западно-европейскихъ государствъ, но и такіе способы раскладки податей и оброковъ, какіе съ давнихъ поръ практиковались въ Финляндіи, въ прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ. Съ другой стороны, общинный строй Великороссіи представлялъ весьма выгодную особен-

ность, которою не могло воспользоваться министерство государственныхъ имуществъ для облегченія предстоявшихъ кадастровыхъ работъ.

При общинномъ пользованіи землей распределеіе хозяйственныхъ угодій между отдѣльными домохозяевами производится обыкновенно уравнительно не только относительно количества земли, но и соображаясь также съ качествомъ, положеніемъ и т. п. Это дало министерству мысль послѣ предварительныхъ работъ, произведенныхъ особыми комиссіями въ южной, средней и сѣверной полосахъ Россіи, ограничиться въ селеніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ измѣреніемъ и оцѣнкой доходности лишь одного или небольшого числа паевъ, исчисляя затѣмъ общую доходность надѣльныхъ земель помноженіемъ средней доходности одного пая на число всѣхъ паевъ въ селеніи; съемку же всѣхъ земель селенія производить лишь тамъ, гдѣ существуютъ инныя формы земледѣлія или гдѣ надѣлы страдаютъ отъ чрезполосности.

Но, при всемъ желаніи министерства установить правильность и соразмѣрность оброчныхъ платежей государственныхъ крестьянъ, это не было достигнуто, несмотря на цѣлый рядъ кадастровыхъ и другихъ, относящихся сюда, инструкцій (1843, 1845, 1848, 1851 г.), на основаніи которыхъ были испробованы разные способы опредѣленія оброчной подати. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное изложеніе и разборъ существа означенныхъ инструкцій и произведенныхъ работъ, замѣтимъ только, что, какъ показываютъ уже приведенные годы, само министерство чувствовало неудовлетворительность работъ и каждые два-три года мѣняло поэтому ихъ планъ и послѣ изданія инструкціи 1851 г.; въ 1853 г. министерство государственныхъ имуществъ снова обратило вниманіе на то обстоятельство, что результаты произведенныхъ раньше исчисленій доходности надѣловъ и промысловъ въ окадастрованныхъ губерніяхъ вовсе не соответствуетъ установленнымъ представленіямъ о сравнительномъ благосостояніи отдѣльныхъ губерній и что отношеніе подати къ чистому доходу получается весьма различное по губерніямъ. Такъ, въ оброчную подать отчислялось отъ чистаго дохода въ Екатеринославской, Воронежской и Тверской по 9½%, въ Новгородской—14%, въ Харьковской—16%, въ Курской—20%, что обуславливалось раскладкою по доходамъ суммъ, которыя были вперёдъ опредѣлены по душевому счету.

Въ виду такихъ неудовлетворительныхъ результатовъ, министерство рѣшило измѣнить производство оцѣнокъ въ смыслѣ проекта 1842 года и въ 1854 г. сообщило для руководства завѣдывавшимъ оцѣночными работами выработанныя имъ нормы и правила для согласованія оцѣнокъ доходовъ; оцѣнки въ каждой губерніи должны были теперь производиться въ связи съ оцѣночными работами въ прочихъ губерніяхъ; начальники работъ въ смежныхъ губерніяхъ были обязаны лично соглашаться между собою объ основаніяхъ оцѣнокъ и свои соображенія представлять въ центральную комиссію уравненія денежныхъ сборовъ.

По этимъ новымъ правиламъ были окадастрованы губерніи: Владимір-

ская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Самарская, Саратовская и Ярославская. Для согласованія оцѣнокъ въ прежде окадастрованныхъ 15 губерніяхъ былъ образованъ особый отрядъ, который призналъ прежнія основанія, какъ-то: учетъ урожаевъ въ этихъ губерніяхъ, цѣны на земледѣльческіе продукты и т. п., несоотвѣтствующими дѣйствительности и измѣнилъ также порядокъ исчисленія чистаго и валоваго дохода.

Въ результатъ своихъ работъ отрядъ проектировалъ болѣе или менѣе значительное пониженіе оцѣнокъ чистаго дохода по всѣмъ губерніямъ, кромѣ Курской, Орловской, Смоленской и Новгородской. Работы отрядовъ были закончены въ 1856 году, но остались, однако, безъ примѣненія.

У.

Въ представленномъ Императору Николаю *Обозрѣніи управленія государственными имуществами съ 1838 по 1856 годъ* графомъ Киселевымъ было высказано, между прочимъ: «Хотя принято министерствомъ системой переложенія существующихъ податей съ душъ на земли и промыслы достигается уравненіе селеній одной и той же губерніи, но нельзя не предвидѣть въ будущемъ затрудненій при общемъ уравненіи всѣхъ губерній какъ отъ разности положенія ихъ, такъ и отъ измѣняемости промысловъ и невозможности подвести ихъ подъ одинаковую оцѣнку во всѣхъ мѣстностяхъ». На это Императоромъ Николаемъ была сдѣлана отмѣтка: «Обратить на этотъ предметъ особое вниманіе». Но графу Киселеву уже не пришлось быть исполнителемъ высочайшаго желанія, выраженнаго на его докладѣ.

Наступившія перемѣны въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, именно выходъ графа Киселева и вступленіе въ 1857 году въ управленіе министерствомъ графа Муравьева, не остаются безъ вліянія и на ходъ вопроса объ оброчной подати. Съ этою цѣлью: 1) была повышена общая сумма ея въ окадастрованныхъ губерніяхъ соразмѣрно прибыли ревизскихъ душъ, оказавшихся по послѣдней ревизіи сравнительно съ числившимися прежде. Исключеніе было сдѣлано лишь для Смоленской губерніи, гдѣ обнаружилась убыль душъ и гдѣ поэтому прежняя сумма подати оставлена безъ измѣненія; 2) было установлено, чтобы прежніе оклады оброчной подати считать податю за земли кореннаго надѣла и, согласно этому, обложить земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ, сверхъ установленныхъ нормъ, особымъ сборомъ въ губерніяхъ окадастрованныхъ наравнѣ съ землями кореннаго надѣла, а въ остальныхъ по наемнымъ цѣнамъ на землю; 3) отмѣнить зачетъ лѣснаго налога въ суммы общественнаго сбора и обратить этотъ налогъ непосредственно въ доходъ казны, и 4) возложить на мѣстное начальство ближайшее разсмотрѣніе вопроса, не представляется ли возможнымъ перевести нѣкоторыя губерніи и уѣзды по окладу оброчной подати изъ низшаго разряда въ высшій, а въ другихъ—увеличить окладъ оброчной подати на 5%. *)

*) Указъ 11 и 23 февраля 1859 г.

По послѣднему изъ этихъ указовъ, число разрядовъ губерній увеличено съ 4 на 7 и установлены оклады: для губерній I разряда—3 руб., II разряда—2 руб. 86 коп., III разряда—2 руб. 71 коп., IV разряда—2 р. 58 коп., V разряда—2 руб. 41 коп., VI разряда—2 руб. 29 коп., VII разряда—2 руб. 15 коп.

Для осуществленія предполагаемыхъ измѣненій въ оброчной подати была составлена «инструкція для оцѣнки казенныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ», утвержденная въ 1859 г. графомъ Муравьевымъ къ исполненію «въ видѣ опыта».

Инструкція 1859 г. представляетъ весьма существенныя отклоненія и различія отъ дѣйствовавшихъ прежде. Окладъ подати на десятину опредѣляется теперь уже не разверсткою причитавшейся на губернію суммы подати, пропорціонально чистому доходу отъ земель и промысловъ, а отчисленіемъ въ подать доли оцѣночнаго дохода отъ земель, соразмѣрной съ дѣйствительною стоимостью и наемною платой на земли. Промысловый налогъ въ прежнемъ видѣ отиженъ, а взаменъ его введена повышенная оцѣнка усадебной земли въ селеніяхъ съ промысловыми заработками. Но самое важное, съ точки зрѣнія опредѣленія поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ, это—внесеніе въ инструкцію 1859 г. раздѣленія оброчной подати отъ другихъ платежей, установленіе такихъ окладовъ оброчной подати, которые могли бы служить основаніемъ для опредѣленія капитальной стоимости земель, на случай продажи ихъ крестьянамъ въ собственность. Именно въ то время, какъ по прежнимъ инструкціямъ переводились съ душъ на земли всѣ сборы, за исключеніемъ подушной подати,—но новой инструкціи должна была перелгаться одна только оброчная подать; для распредѣленія же подушной подати, сборовъ: общественнаго, на капиталъ продовольствія и на земскія повинности, былъ удержанъ старый, еще докадастровый порядокъ—обложение по числу ревизскихъ душъ.

Въ виду противорѣчивости результатовъ прежнихъ кадастровыхъ работъ, министерство государственныхъ имуществъ выработало, для руководства оцѣнщикамъ, нормальную классификацію почвъ по урожайности и таблицу цѣнъ, съ тѣмъ, чтобы эти данныя, по мѣстной ихъ провѣркѣ, исправлялись лишь на основаніи вполне уважительныхъ свѣдѣній.

Изъ выведенныхъ, на основаніи правилъ инструкціи, валовыхъ доходовъ исключалось на покрытие издержекъ по обработкѣ отъ 25 до 40%. Остатокъ считался *оцѣночнымъ доходомъ*. Въ случаѣ отдаленности полей отъ усадебъ, допускалось пониженіе оцѣночнаго дохода отъ 10 до 30%, смотря по разстоянію полей, удобренности или неудобренности ихъ.

Въ оброчную подать, на основаніи инструкціи 1859 г. и ея позднѣйшихъ дополненій, отчислялось отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ оцѣночнаго дохода, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по сравненію съ мѣстными наемными цѣнами на землю, и по особымъ обстоятельствамъ, уменьшающимъ доходность земель, допускалось пониженіе или повышеніе выведенной такимъ образомъ суммы оброчной подати.

На основаніяхъ инструкціи 1859 г. были окадастрованы 14 губерній: Воронежская, Казанская, Калужская, Московская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская и Ярославская. За исключеніемъ Казанской, Самарской и Симбирской губерній,—всѣ эти губерніи были окадастрованы и по прежнимъ инструкціямъ, что даетъ возможность сравненія.

Если сравнить оцѣночный доходъ съ десятины, какъ онъ былъ выведенъ на основаніи правилъ инструкціи 1859 г., съ чистымъ доходомъ по прежнимъ кадастровымъ работамъ, то онъ оказывается ниже прежняго. Но за то прежде чистый доходъ имѣлъ значеніе только на относительную разверстку между селеніями заранѣе назначенной суммы оброчной подати на губернію, причеиъ оброчная подать составляла въ среднемъ около 12%, чистаго дохода, тогда какъ по новымъ правиламъ заранѣе былъ данъ на губернію процентъ (25 и 33 $\frac{1}{3}$ %) оцѣночныхъ доходовъ, который опредѣлялъ размѣръ оброчной подати.

Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда инструкція допускала пониженіе первоначально выведенной на основаніи новыхъ правилъ оброчной подати, все-таки, при этомъ получилось значительное повышеніе прежняго размѣра этой подати. Слѣдующая сравнительная таблица о средних размѣрахъ оброчной подати по 5-ти губерніямъ, окадастрованнымъ по инструкціи 1859 г. и по прежнимъ, наглядно свидѣтельствуетъ, насколько примѣненіе новыхъ правилъ оброчной подати было невыгодно для крестьянъ.

ГУБЕРНІИ.	По прежнимъ инструкціямъ.				По инструкціи 1859 г.			
	Надѣльной земли.	Оброчной подати.			Надѣльной земли.	Оброчной подати.		
		Всего.	На душу.	На десятину.		Всего.	На душу.	На десятину.
Десятинъ.	Рублей.	Р.	К.	Десятинъ.	Рублей.	Р.	К.	
Калужская	360,546	243,989	2,86	0,67	370,572	332,840	3,92	0,90
Московская	345,945	412,106	2,86	1,19	480,725	576,685	3,88	1,19
Рязанская	552,136	407,636	2,51	0,73	738,967	795,389	3,97	1,87
Саратовская	1.598,576	687,563	2,86	0,43	1.681,410	1.095,862	4,20	0,65
С.-Петербургская . .	95,323	71,117	2,70	0,74	164,775	137,818	4,99	0,83
Итого . . .	2.952,526	1.822,411	2,77	0,61	3.436,449	2.938,594	4,06	0,96

Изъ приведенной таблицы легко убѣдиться, что, благодаря примѣненію новыхъ правилъ, не только общая сумма оброчной подати въ указанныхъ пяти губерніяхъ возросла на 60 слишкомъ процентовъ и окладъ на ревизскую душу увеличился на 46 $\frac{1}{2}$ %, но и по расчету на десятину оброчная

подать повысилась на 41%, несмотря на то, что къ платежу оброчной подати было привлечено большее количество земель.

До какой степени время со второй половины 50-х годовъ до реформы 1866 г. въ исторіи поземельныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ характеризуется преобладаніемъ фискальной политики, можно судить уже по тому, что въ періодъ кадастровыхъ работъ по инструкціи 1859 г. послѣдовало двукратное повышеніе оброчной подати.

Именно, по указу 31 декабря 1861 г., съ 1862 г., вмѣстѣ съ возвышеніемъ окладовъ подушной подати, оброчная подать была повышена, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, на 5% въ губерніяхъ, платившихъ оброчную подать еще по душевому счету, и въ размѣрѣ 10% въ губерніяхъ окадастрованныхъ. Затѣмъ по высочайшему повелѣнію 25 декабря 1862 г. введенъ новый добавочный къ оброчной подати сборъ, по соображенію со средствами плательщиковъ, причѣмъ главнымъ основаніемъ для сужденія о нихъ и разверстки сбора между губерніями послужили свѣдѣнія объ успѣшности поступленія податей. Этотъ сборъ былъ установленъ въ видѣ опредѣленнаго подесятиннаго оклада и разверстанъ палатами государственныхъ имуществъ между волостями по числу десятинъ удобной земли, кромѣ лѣса.

Замѣтимъ, что и по указу 24 ноябля 1866 г. при введеніи въ 36 губерніяхъ новыхъ началъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ только въ 9 губерніяхъ остался прежній размѣръ оброчной подати (Казанской, Калужской, Московской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской и Ярославской), въ остальныхъ же 27 она была увеличена. Именно въ губерніяхъ (Воронежской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и Тульской) окладъ оброчной подати былъ опредѣленъ по соображенію съ ожидавшимся увеличеніемъ оброчной подати послѣ введенія въ этихъ губерніяхъ окладовъ оброчной подати, исчисленныхъ по инструкціи 1859 г.; въ 22 губерніяхъ (Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Псковской, Смоленской, Таврической, Тверской, Уфимской, Харьковской, Херсонской и Черниговской), гдѣ оклады не были опредѣлены по этой инструкціи и не подвергались, слѣдовательно, въ прежнее время повышеніямъ, оброчная подать была повышена въ размѣрѣ отъ 6 до 14% поступавшаго оклада. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министру государственныхъ имуществъ было предоставлено повысить или понизить *) оклады по нѣкоторымъ уѣздамъ и мѣстностямъ, не выходя, однако, изъ назначенной на всю губернію суммы и наблюдая, чтобы такое повышеніе или пониженіе не превосходило 15% этого оклада.

*) Пониженіе было разрѣшено министромъ лишь по слѣдующимъ уѣздамъ: Царевскому (Астрах. губ.), Орловскому (Вятск. губ.), Сольвычегодскому, Яренскому и Устьинскому (Вологодск. губ.) Чердынскому и Соликамскому (Пермск. губ.), Уфимскому, Барскому и Мезелинскому (Уфимской губ.).

VI.

Прослѣдивъ въ главныхъ чертахъ дореформенную исторію земельно-платежныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ, мы должны придти къ тому заключенію, что хотя государственные крестьяне несомнѣнно были вообще поставлены гораздо лучше, чѣмъ другія группы крестьянъ, тѣмъ не менѣе, и ихъ поземельное устройство требовало коренной реформы, такъ какъ отличалось крайнею неопредѣленностью. Платежи за землю въ разныхъ губерніяхъ устанавливались по разнороднымъ основаніямъ. Взимаемые въ однихъ мѣстностяхъ по душамъ, въ другихъ по произведеннымъ въ разное время по разнымъ основаніямъ кадастровымъ оцѣнкамъ, платежи за землю отличались крайнею неравномѣрностью. При этомъ повышение оброчныхъ платежей въ цѣлой Россіи могло происходить даже путемъ административныхъ распоряженій, помимо законодательной власти.

Такъ, оцѣночныя правила 1859 г. были утверждены, въ видѣ простой инструкціи, собственною властью министра государственныхъ имуществъ, а въ результатъ ихъ примѣненія получилось возвышеніе оброчной подати по отдѣльнымъ губерніямъ отъ 6% до 80% къ прежнему окладу. Мало этого, коренной вопросъ въ дѣлѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ—на какомъ правѣ крестьяне пользуются землею, на правѣ ли вѣчною аренды, или собственности, и есть ли оброчная подать плата за пользованіе казенною землею или это есть поземельный налогъ—оставался, по смыслу различныхъ инструкцій, законодательныхъ постановленій и т. п., весьма неопредѣленнымъ.

До какой степени этотъ вопросъ былъ неясенъ или, несмотря на свою крайнюю важность, казался безразличнымъ для представителей высшей административной власти, видно изъ того, что платежи государственныхъ крестьянъ за землю въ инструкціи 1843 г. называются оброчною податью, а въ инструкціи 1859 года оброчною платой. Къ сожалѣнію, какъ мы ниже увидимъ, этотъ основной вопросъ и въ послѣдующее пореформенное время умышленно обходился при выработкѣ различныхъ узаконеній.

Что касается внутренней жизни государственныхъ крестьянъ, то хотя они въ дореформенное время и были свободными сельскими обывателями и не имѣли надъ собою всевластной руки помѣщика, тѣмъ не менѣе, духъ крѣпостнаго права, проникавшій собою весь строй русской жизни, тяготѣлъ и надъ государственными крестьянами.

Если крѣпостные крестьяне чувствовали страшный гнетъ помѣщичьяго права, то и государственные крестьяне нерѣдко испытывали нѣчто подобное отъ той широкой власти, какою пользовались чиновники министерства государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, въ силу разнаго рода инструкцій и правилъ, часто неисполнимыхъ, но обязательныхъ для крестьянъ. По дѣйствовавшимъ законамъ и правиламъ, едва ли оставался какой-нибудь уголокъ крестьянской жизни, въ которомъ крестьянина не могъ потревожить чиновникъ за ненадлежащее, по его мнѣнію, отношеніе подвѣдомственныхъ ему крестьянъ.

Выше мы приводили характеристику положенія государственныхъ крестьянъ въ эпоху, предшествовавшую учрежденію министерства государственныхъ имуществъ. Съ учрежденіемъ этого министерства, государственные крестьяне, безъ сомнѣнія, выиграли не мало, благодаря тому, что графъ Киселевъ руководился въ своей дѣятельности принципами истинно-государственнаго человѣка, понимающаго, что не въ увеличеніи сборовъ съ крестьянъ, а въ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта лежитъ главная сила страны *). Попечительство правительства надъ государственными крестьянами, обнимавшее до мелочей всѣ стороны крестьянскаго быта и хозяйства, естественно оставалось нерѣдко въ однихъ случаяхъ мертвою буквой, въ другихъ—давало широкій просторъ для злоупотребленій ближайшаго начальства крестьянъ, въ особенности если въ его составъ попадали недобросовѣстные лица, которые желали пользоваться своею властью изъ корыстныхъ видовъ.

До какихъ мелочей иногда доходили прямые предписанія закона, можно судить по тому, что въ постановленіи о благоустройствѣ государственныхъ крестьянъ встрѣчаются предписанія, читая которыя въ настоящее время трудно удержаться отъ улыбки. Напримѣръ: «Въ засѣвѣ соображаться съ климатомъ и свойствами земли, употребляя преимущественно сѣмена, кои удобнѣе и выгоднѣе къ сбыту. При засѣвѣ пашенную землю сколько можно лучше боронить, не оставляя неразбитыхъ глыбъ и очищая оную отъ камней. По всходѣ хлѣба, если гдѣ окажется негодная трава, прилежно оную выдирать, употребляя къ тому малолѣтнихъ, неспособныхъ къ другой, тяжѣйшей работѣ. Въ уборкѣ хлѣба поступать, смотря по урожаю, спѣлости и наблюдаемымъ обыкновеніямъ. Молотить хлѣбъ въ хорошую погоду, а для сбереженія онаго устраивать удобныя помѣщенія. Въ огородахъ размножать всякаго рода овощи и произрастенія и въ особенности картофель, засѣвая онымъ цѣлыя поля» **) и т. д.

Но даже послѣднее предписаніе закона, вполне определенное и имѣвшее въ своей основѣ здравую мысль и разумное желаніе ввести въ крестьянскій сѣвооборотъ картофель, могло имѣть печальныя послѣдствія для крестьянина въ рукахъ не въ мѣру ревностныхъ низшихъ исполнителей. Въ силу закона, начальство могло требовать во всей Россіи засѣва «цѣлыхъ полей» картофелемъ, хотя далеко не вездѣ такое требованіе могло быть своевременно и разумно. Дѣйствительно, мы знаемъ, что послѣдствіемъ этого предписанія были во многихъ мѣстностяхъ такъ называемые «картофельные бунты», которые вызвали въ 1841 г. высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы виновныхъ въ непослушаніи, оказанномъ при приведеніи въ исполненіе мѣръ о разведеніи картофеля, строго наказывать отдачею годныхъ

*) Но, признавая этотъ фактъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что многое, къ чему стремилась центральная администрація, оставалось только на бумагѣ, и что система попечительства надъ крестьянами имѣла и свои дурныя стороны.

**) *Уставъ о сельскомъ хозяйствѣ*, ст. 31—36.

изъ нихъ въ рекруты, а неспособныхъ отправленіемъ на опредѣленное время въ крѣпостную роту въ Бобруйскъ *)).

Отмѣченные нами слабыя стороны быта государственныхъ крестьянъ, сложившіяся при крѣпостномъ строѣ русскаго государства, естественно требовали существенныхъ перемѣнъ, разъ правительствомъ актомъ 19 февраля 1861 года признало необходимымъ реорганизовать кореннымъ образомъ все поземельное и общественное устройство помѣщичьихъ крестьянъ, соединивъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права прочное обезпеченіе крестьянъ землею.

Въ виду этого, тотчасъ за обнародованіемъ положенія 19 февраля министру государственныхъ имуществъ было поручено (указъ 5 марта 1861 года) составить предположенія о примѣненіи главныхъ началъ положенія 19 февраля къ государственнымъ крестьянамъ, насколько это признано будетъ возможнымъ и необходимымъ для вящаго обезпеченія ихъ быта. Однако, меньшая, сравнительно съ помѣщичьими крестьянами, настоятельность преобразованія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, въ связи съ помѣщичьими смутами въ Западномъ краѣ и другими обстоятельствами, отодвинули рѣшеніе вопроса о государственныхъ крестьянахъ на цѣлыхъ пять съ половиною лѣтъ, до изданія положенія 24 ноября 1866 года.

Положеніе 1866 года въ дѣлѣ устройства поземельныхъ отношеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ имѣло такое же конституціонное значеніе, какъ и законъ 19 февраля 1861 г. для помѣщичьихъ крестьянъ. Замѣтимъ, что положеніе 1866 г. по мысли законодателя должно было явиться примѣненіемъ главныхъ началъ положенія 19 февраля къ поземельному устройству государственныхъ крестьянъ, однако, эти два положенія, какъ мы увидимъ, по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ, существенно различались. Но прежде чѣмъ излагать экономическія основанія поземельной реформы государственныхъ крестьянъ, остановимся нѣсколько на подготовительныхъ мѣрахъ къ ней, имѣвшихъ мѣсто въ періодъ 1861—1866 г., такъ какъ онѣ, во-первыхъ, представляютъ сами по себѣ интересъ съ точки зрѣнія исторіи крестьянской реформы, а, во-вторыхъ, служатъ включомъ для объясненія нѣкоторыхъ недоумѣній, неволью возникающихъ при изученіи положенія 1866 года. Любопытныя указанія по этому поводу мы находимъ въ статьѣ П. Ш. **), которыми и воспользуемся здѣсь.

Въ исполненіе указа 5 марта 1861 года, министръ государственныхъ имуществъ внесъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія свои соображенія относительно примѣненія главныхъ началъ 19 февраля къ государственнымъ крестьянамъ, но вопросъ этотъ оставался на разсмотрѣніи сперва главнаго комитета, а затѣмъ государственнаго совѣта болѣе года, и лишь 28 января 1863 года были высочайше утверждены главныя основанія для устройства государственныхъ крестьянъ.

*) Тамъ же, примѣч. къ ст. 37.

***) Государственные крестьяне. См. Русскую Рѣчь 1879 г., кн. VI, VII, VIII и X.

Согласно этимъ основаніямъ:

1) За государственными крестьянами обезпечивалось *постоянное пользованіе* землями ихъ надѣла, признанными *собственностью казны*, съ разрѣшенія крестьянамъ отказываться отъ пользованія землями для нихъ.

2) *Оброчную* съ крестьянъ *плату* за землю полагалось опредѣлять по оцѣнкѣ въ неизмѣнномъ размѣрѣ на 20 лѣтъ и съ выдачею на надѣлъ уставной грамоты. Во всѣхъ же остальныхъ, кромѣ оброчной платы, казенныхъ повинностяхъ сравнивать государственныхъ крестьянъ съ прочими сельскими обывателями.

3) Разрѣшалось крестьянамъ *выкупать*, по желанію, отведенный имъ надѣлъ, съ исчисленіемъ выкупной суммы по оцѣнкѣ угодій и съ *разсрочкой ея по банковымъ правиламъ*; и

4) Въ административномъ отношеніи полагалось передать государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, а въ отношеніи личныхъ правъ и общественнаго устройства распространить на нихъ общее положеніе 19 февраля 1861 года, кромѣ ограниченій, установленныхъ для временно-обязанныхъ крестьянъ на первые года.

Эти высочайше утвержденныя основанія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ представляются, дѣйствительно, согласованными съ основаніями положенія 19 февраля и отличаются совершенною ясностью и опредѣленностью. Чтобы лучше видѣть ихъ соответствіе съ тѣмъ, что поставлено было въ основу аграрнаго законодательства относительно помѣщичьихъ крестьянъ, сопоставимъ сущность ихъ съ положеніемъ 19 февраля. Надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ были признаны *собственностью помѣщиковъ* съ сохраненіемъ за крестьянами правъ постоянного вѣчнаго пользованія; земли государственныхъ крестьянъ признаны *собственностью казны*, съ обезпеченіемъ за крестьянами постоянного пользованія. Помѣщичьи крестьяне должны были платить за пользованіе землею своимъ прежнимъ владѣльцамъ неизмѣняемый въ теченіе 20 лѣтъ оброкъ, а государственные крестьяне обязаны были вносить въ казну, за пользованіе землею, оброчную плату въ установленномъ на 20-ти лѣтній срокъ размѣрѣ. Помѣщичьи крестьяне, при согласіи помѣщика, могли выкупать при содѣйствіи правительства свои надѣлы съ постепеннымъ погашеніемъ выкупной ссуды въ теченіе 49 лѣтъ; государственнымъ крестьянамъ разрѣшалось выкупать, по желанію, отведенный имъ надѣлъ, съ разсрочкой уплаты капитальной суммы за землю по банковымъ правиламъ, т.-е. съ сложно-процентнымъ погашеніемъ долга въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Приведенныя выше высочайше утвержденныя основанія было поручено разработать особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Гана, и облечь въ форму законодательнаго проекта. Комиссія составила проектъ *общаго положенія о государственныхъ крестьянахъ*, причемъ для поземельнаго устройства крестьянъ комиссія составила два проекта мѣстныхъ положеній — одинъ для великороссійскихъ, малороссійскихъ и новороссій-

ских губерній, а другой для девяти западныхъ губерній. По первому проекту за крестьянами закрѣплялся существующій надѣлъ, облагаемый оброчною платой въ размѣрѣ *одной трети* выведеннаго оцѣнщикомъ *чистаго дохода* съ надѣла каждаго селенія, примѣнительно къ правиламъ 1859 г. Для западныхъ губерній предполагалось сдѣлать отводъ крестьянамъ подворныхъ участковъ и исчисленіе оброчной платы по люстраціоннымъ правиламъ, которыя примѣнялись съ 1858 года.

Означенные проекты комиссіи были внесены министромъ государственныхъ имуществъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, но дальнѣйшаго движенія не получили, и самый вопросъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ коренныхъ губерніяхъ отошелъ на задній планъ.

Польское возстаніе и вызванная имъ новая люстрація 1864 г. казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ съ цѣлью возвратитъ крестьянамъ тѣ земли, которыя были у нихъ при прежней люстраціи отрѣзаны и отданы въ видѣ фермъ въ аренду преимущественно полякамъ; въ особенности же продажа на льготныхъ условіяхъ лицамъ русскаго происхожденія тѣхъ казенныхъ земель, какія окажутся свободными за удовлетвореніемъ потребностей крестьянъ, — вотъ вопросы, которые, главнымъ образомъ, волновали общественное мнѣніе.

Мѣстные чиновники нетерпѣливо ожидали льготной продажи имъ казенныхъ земельныхъ участковъ и громко твердили о необходимости скорѣйшаго водворенія въ край русскаго землевладѣнія. Нетерпѣніе это такъ сильно отразилось въ мѣстныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, а затѣмъ въ петербургской публикѣ и печати, что въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ помѣщена была статья, объяснявшая необходимость, для обезпеченія быта государственныхъ крестьянъ, основательнаго и послѣдовательнаго производства люстраціонныхъ работъ и невозможность слишкомъ поспѣшнаго образованія и продажи участковъ казенной земли, не ожидая окончательнаго надѣленія землею государственныхъ крестьянъ, ибо, въ такомъ случаѣ, преждевременно проданныя чиновникамъ земли могли бы потомъ оказаться необходимыми для крестьянъ, что поставило бы ихъ въ затруднительное положеніе и, вмѣстѣ, во враждебное отношеніе къ новымъ русскимъ землевладѣльцамъ, въ руки коихъ достались бы крайне нужныя крестьянамъ земли» *).

Говоря о проектахъ, выработанныхъ особою комиссіей, слѣдуетъ упомянуть здѣсь о тѣхъ возраженіяхъ, которыя въ свое время дѣлались противъ этихъ проектовъ со стороны искреннихъ поборниковъ крестьянскаго дѣла.

Самое важное изъ нихъ, отразившееся и на послѣдующемъ законодательствѣ касательно поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ

* П. Ш.: „Государственные крестьяне“. *Русская Рѣчь* 1879 г., июль, стр. 246 и слѣд.

крестьянъ, сводилось къ нападкамъ на принципиальную постановку вопроса объ отношеніи крестьянъ къ землѣ. Проекты комиссіи, согласно высочайше утвержденнымъ основаніямъ будущаго устройства государственныхъ крестьянъ, признали собственникомъ земли казну, а крестьянъ — какъ бы вѣчными арендаторами казенной земли, платящими поземельную ренту подъ именемъ оброчной платы, съ предоставленіемъ имъ права выкупать землю въ собственность. Такая постановка дѣла казалась поборникамъ крестьянскихъ интересовъ неправильной и опасной.

«Заставить государственныхъ крестьянъ выкупать свой надѣлъ, — писалъ въ газетѣ *День* И. С. Аксаковъ, — это то же, что заставить дубъ выкупать свои корни».

Едва ли можно сомнѣваться, что въ приведенныхъ строкахъ высокодаровитаго публициста говорило чувство гуманности, возмущенное фактомъ исторической несправедливости, въ силу которой рѣшительнымъ образомъ объявлялись собственностью казны земли, обрабатываемыя государственными крестьянами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, искони принадлежавшими имъ по принципу перваго занятія дикихъ земель. Но И. С. Аксаковъ упустилъ при этомъ изъ вида, что въ такомъ объявленіи ничего не было новаго, что государство давно уже привыкло смотрѣть на земли государственныхъ крестьянъ какъ на казенныя, что многія изъ нихъ, дѣйствительно, были нарѣзаны крестьянамъ изъ казенныхъ свободныхъ земель, что право собственности казны на надѣльные земли государственныхъ крестьянъ имѣло за себя нисколько не меньше, если не болѣе, основаній, чѣмъ право помѣщиковъ на земли, которыя были предоставлены крестьянамъ по положенію 19 февраля. Такимъ образомъ, замѣчаніе Аксакова о выкупѣ дубомъ своихъ корней одинаково можно было бы распространить и на выкупную операцію бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

При установившихся за долгій періодъ отношеніяхъ казны къ землѣ, на которой сидѣли государственные крестьяне, и въ виду началъ, принятыхъ при поземельномъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, — допущеніе выкупа надѣловъ государственныхъ крестьянъ было цѣлесообразною мѣрой, это былъ бы едва ли не лучший выходъ изъ того неяснаго положенія, въ которое были поставлены государственные крестьяне относительно надѣльной земли предшествовавшей исторіей развитія поземельныхъ отношеній. Принявъ воззрѣніе Аксакова, правительству оставалось бы только признать, что оно неправильно называло земли государственныхъ крестьянъ казенными, и возстановить нарушенное право крестьянъ, отмѣнивъ оброчные платежи за землю. Но практическая невозможность такъ рѣшить вопросъ о поземельномъ устройствѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ очевидна. Поэтому, при самомъ искреннемъ нашемъ расположеніи къ интересамъ крестьянскаго населенія, мы не можемъ согласиться съ Аксаковымъ. Оставленіе государственныхъ крестьянъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находились въ дореформенное время, чрезвычайно мало гарантировало неприкосновенность ихъ поземельнаго пользо-

ванія, при обычныхъ и нерѣдкихъ вообще въ правительственныхъ сферахъ измѣненіяхъ внутренней политики.

Кромѣ указаннаго принципиальнаго возраженія, проектъ комиссіи встрѣтилъ и нѣкоторыя другія, до извѣстной степени справедливыя возраженія. Говорили, что кадастровая оцѣнка чистаго дохода, при своей крайней неточности и независимости отъ личныхъ взглядовъ оцѣнщиковъ, если и можетъ служить еще для разверстки налога, но никакъ не для прямаго опредѣленія самой цифры налога, что она ставитъ опредѣленіе размѣра налога въ зависимость не отъ законодательной власти, а отъ административнаго произвола; опасались поэтому значительнаго и, притомъ, не ограниченнаго закономъ возвышенія существующаго оклада оброчной подати; обращали вниманіе на то обстоятельство, что положеніемъ 19 февраля для выдачи уставныхъ грамотъ помѣщичьимъ крестьянамъ полагался двухлѣтній срокъ, между тѣмъ какъ, по проекту комиссіи, уставныя грамоты государственнымъ крестьянамъ должны были выдаваться по мѣрѣ окончанія оцѣнокъ, что предполагалось окончить въ десятилѣтній срокъ, но, въ виду громадности предстоящихъ для этого межевыхъ и оцѣночныхъ работъ, срокъ этотъ могъ продлиться гораздо большее время, а такая медленность должна неблагоприятно отразиться на результатахъ работъ.

Л. Ходскій.

(Омочаніе слѣдуетъ).

Прикладная социальная наука и теория прогресса.

(Lester Ward: «Dynamic Sociology». New-York, 1883).

I.

Цель всякой истинной философии состоитъ въ томъ, чтобы установить въ наукѣ ту непрерывность, которая, какъ увѣренъ въ этомъ философъ, существуетъ во всѣхъ областяхъ природы. Человѣческій умъ не только не можетъ обойтись безъ обобщеній, по возможности широкихъ, но, кромѣ того, онъ всегда стремится и всегда стремился къ созданію такихъ мыслительныхъ схемъ, въ которыя укладывались бы по возможности всѣ его понятія о всемъ сущемъ, начиная отъ простѣйшихъ изъ физическихъ явленій до самыхъ сложныхъ явленій человѣческой души и движенія человѣческихъ обществъ. Непрерывность въ мышленіи не только неизбѣжный постулатъ мышленія философскаго, она представляетъ и невольное инстинктивное требованіе простаго, такъ называемаго здраваго смысла. Отдѣльные факты, разъединенныя области изслѣдованія, даже частныя обобщенія, относящіяся къ той или другой отрасли явленій и къ занимающейся этою отраслью наукѣ, хотя они часто и удовлетворяютъ специалистовъ этой науки, не удовлетворяютъ, однако, обыкновеннаго средняго человѣка, ищущаго въ мышленіи цѣльности и въ дѣятельности цѣли.

Антропологическая социологія, основаніе которой положено очень цѣнными трудами Тэйлора, Лэббока, Баховена, Спенсера и получившая замѣчательное развитіе въ работахъ французской школы социологовъ: Брока, Топпинара, Эскироса, Лебона и Летурно, правда, сдѣлала очень много довольно важныхъ обобщеній относительно общественныхъ явленій, но всѣ эти выводы и обобщенія, во всякомъ случаѣ, имѣютъ только значеніе частичныхъ обобщеній, имѣютъ характеръ безсвязности и отрывочности. Какое, въ самомъ дѣлѣ, отношеніе между эволюціей, наприм., брачныхъ отношеній и эволюціей неорганической или даже органической матеріи? Антропологическая социологія, углубившись въ частичныя изслѣдованія, чрезвычайно полезныя и даже необходимыя, и устранившись отъ обсужденія общихъ философскихъ принциповъ, не даетъ, да и дать не можетъ, ника-

нихъ указаній на подобныя отдаленныя отношенія. Въ умѣ ученыхъ, а тѣмъ болѣе въ умахъ слѣдующей за ними массы профановъ, образуется известная сумятица понятій и несвязность приобрѣтенныхъ свѣдѣній. Въ современномъ образованномъ обществѣ постоянно встрѣчаешь людей, склонныхъ къ генетическому объясненію физическихъ явленій и, въ то же время, всегда готовыхъ, для объясненія болѣе сложныхъ общественныхъ явленій, прибѣгать къ вмѣшательству или сверхъестественныхъ силъ, или къ слѣпому случаю, или къ необъясненному, метафизически понимаемому агенту свободной воли какого-нибудь героя... Появляются два вѣчно борющіяся направленія въ общественной наукѣ, да и въ философіи вообще: необоснованный пессимизмъ и столь же мало обоснованный оптимизмъ. И въ концѣ процесса борьбы этихъ двухъ началъ—равнодушіе, индифферентизмъ, общественная апатія и умственное и нравственное общественное разлуженіе.

Антропологическая школа, давшая наукѣ объ обществѣ столь много цѣнныхъ и для обоснованія ея необходимыхъ свѣдѣній, тѣмъ не менѣе, создала социологію только описательную, а не дѣйственную, не создающую, не творческую. Она описываетъ только то, что *было* и что *есть*, а не то, что *будетъ*, что *можетъ быть*, и, главное, не то, что *должно быть*. *Цѣль*, задача человѣка, его субъективныя стремленія и желанія остаются какъ-то въ сторонѣ, въ забросѣ. И остаются въ сторонѣ именно въ наукѣ о человеческомъ обществѣ, объ агрегатѣ индивидуумовъ, именуемыхъ людьми, т. - е. именно въ такой наукѣ, задача которой, главнымъ-то образомъ, и должна состоять въ изученіи этихъ цѣлей, этихъ стремленій и желаній и параллельно съ этимъ изученіемъ въ ихъ удовлетвореніи.

Л. Уордъ, съ книгой котораго или, вѣрнѣе сказать, съ небольшою частью книги котораго мы намѣрены въ краткомъ изложеніи познакомить читателя, именно и указываетъ на бесплодность почти всего, что было до сихъ поръ сдѣлано въ социальной наукѣ. Этотъ упрекъ въ бесплодности онъ прямо обращаетъ къ ученымъ, употребляющимъ научный, объективный, какъ у насъ говорятъ, методъ (самъ Л. Уордъ предпочитаетъ терминъ: генетическій) изслѣдованія социальныхъ явленій, но не только не дѣлающимъ выводовъ, а и доказывающимъ, что дѣлать выводы совѣтъ нельзя. Результаты, достигнутые при посредствѣ подобной точки зрѣнія, очень цѣнны, но цѣнность ихъ не дѣйствительная, а только потенциальная. Она будетъ дѣйствительной именно тогда, когда будутъ сдѣланы выводы и *примѣненія*, т. - е. тогда, когда социологія изъ описательной превратится въ творческую.

«Какъ Контъ справедливо утверждалъ, — говоритъ Уордъ, — что философія Гоббса, Локка и Вольтера была отрицательная, такъ и мы можемъ утверждать, что школа Милля и Спенсера отрицательная... Она дошла только до пассивно-динамической точки зрѣнія, признающей измѣненія, производимыя одною природою, безъ помощи *искусства*. А истинная наука объ обществѣ будетъ существовать только тогда, когда мы станемъ

на активно-динамическую точку зрѣнія и при которой общественныя явленія признаются подлежащими разумному контролю самого общества».

Уже изъ этой коротенькой цитаты читатель усмотритъ, что излагаемый нами авторъ по своему отрицательному отношенію къ школѣ описательной социологіи, по своей склонности къ введенію въ науку творчества и цѣли, по своему взгляду на общественныя явленія и производящія ихъ силы, какъ подлежащія человѣческому воздѣйствію, стоитъ довольно уединенно среди современныхъ социологовъ и примыкаетъ къ основателю социологіи—Контю. И это дѣйствительно такъ. Онъ, очевидно, и самъ себя считаетъ не контистомъ, конечно, а непосредственнымъ продолжателемъ Конта, и такимъ мы дѣйствительно и должны признать его по двумъ основнымъ признакамъ: 1) стремленію создать изъ знанія всего сущаго отъ предѣльнаго атома матеріи до сложнѣйшаго изъ природныхъ агрегатовъ, до человѣческаго общества — единое и цѣльное мировоззрѣніе, единую философію, единую науку и 2) по признанію имъ въ крайней и высшей изъ ряда наукъ, въ социологіи, совершенно новаго фактора, неприсущаго въ наукахъ низшаго порядка, въ болѣе простыхъ и менѣе сложныхъ наукахъ, а именно фактора человѣческой цѣли, человѣческаго воздѣйствія на явленія, — однимъ словомъ, искусства.

«Новая школа, — говоритъ онъ, — не понимаетъ настоящей сущности искусства, примѣняемаго ко всѣмъ отраслямъ науки. Утверждая (правильно), что естественные процессы суть генетическіе, она пришла къ ложному заключенію, что и методы человѣка должны быть такими же... Она смѣшала идею изящнаго искусства съ идеей искусства полезнаго, подражаніе природѣ съ властью надъ ней».

Такова, по мнѣнію Уорда, причина бесплодности социологіи, идущей по тому пути, который неизбежно ведетъ ее къ тому, чтобы сдѣлаться игрушкой и забавой культурныхъ людей, простымъ точиломъ для изощренія человѣческой мысли, а не той существенно полезной и практической, по преимуществу, наукой, какой она должна бы была сдѣлаться. Книга Л. Уорда вышла въ 1883 г., но она слишкомъ мало извѣстна и въ европейской, и въ нашей литературѣ, и, во всякомъ случаѣ, совершенно не оцѣнена еще. У насъ на нее было указано въ коротенькой замѣткѣ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* (1887 г.), въ статьѣ г. Лесевича *О вырожденіи и возрожденіи*, гдѣ онъ назвалъ эту книгу «доброю вѣстью» изъ Америки и призналъ ея автора непосредственнымъ продолжателемъ, хотя и не ученикомъ Конта, въ моей статьѣ *О научномъ пессимизмѣ* (*Эпоха* 1888 г.) и, наконецъ, въ статьѣ В. В. Лесевича, напечатанной въ этой книгѣ *Русской Мысли*. Вотъ и всѣ указанія. А книга для насъ, русскихъ, особенно любопытна, и именно потому, что замѣчается значительное совпаденіе взглядовъ ея автора со взглядами нѣкоторыхъ изъ нашихъ оригинальныхъ социологовъ. Указывать на эти совпаденія я не буду, — это потребовало бы значительнаго по объему трактата, а не короткой журнальной статьи. Я не претендую я на то, чтобы дать полное и ясное изложеніе сочиненія, состоящаго изъ двухъ объема-

стыхъ томовъ. Въ такой статьѣ я не могу излагать по Л. Уорду космологию, биологию, психологию и антропологию или, какъ онъ называетъ эти науки, космогенію, биогенію, психогенію и антропогенію, или даже его общія философскія основанія. Я долженъ ограничиться только изложеніемъ его взглядовъ на социальныя силы и ихъ дѣйствія на общественныя явленія и его теоріи прогресса. Замѣчу только, что полное заглавіе его книги гласитъ такъ: *Динамическая социологія или прикладная социальная наука, основанная на статической социологіи и на менте сложныхъ наукъ*. Это заглавіе и лежащая въ его основѣ общая идея опять указываютъ на родство Уорда съ Контомъ. И дѣйствительно, первый для современнаго состоянія науки и формально, и по существу сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ въ свое время и для тогдашняго состоянія науки и философій второй. И можно думать, что когда ученые и философы лучше познакомятся съ книгой Уорда, то она для науки и философій будетъ имѣть приблизительно то же значеніе, какое имѣла въ свое время знаменитая *Положительная философія*.

Л. Уордъ формулируетъ основные принципы, лежащіе въ основаніи его системы и отличающіе ее отъ системъ школы Спенсера слѣдующимъ образомъ:

- 1) Законъ агрегации, какъ отличный отъ закона эволюціи собственно.
- 2) Теорія социальныхъ силъ и основной антитезъ между чувствомъ и функціей.
- 3) Контрастъ между настоящими социальными силами и руководящимъ вліяніемъ интеллекта. Этотъ контрастъ обусловливаетъ примѣненіе къ социальнымъ явленіямъ не прямого метода усилія, а также онъ обусловливаетъ и свойства изобрѣтенія, искусства и динамическаго дѣйствія.
- 4) Превосходство искусственныхъ или телеологическихъ процессовъ надъ генетическими и, наконецъ,
- 5) Признаніе и доказательство необходимости равнаго и всеобщаго распространенія знаній, что и составляетъ вѣнецъ всей системы.

Наука имѣетъ цѣлью обобщеніе законовъ явленій и постоянно стремится проникнуть къ ихъ абсолютному основанію или субстрату вселенной и уменьшить число категорій до предѣловъ возможности подобнаго уменьшенія. Въ этомъ стремленіи наука уже достигла до уменьшенія такихъ категорій до двухъ: матеріи и силы.

Какъ бы логична ни казалась теорія динамистовъ (т.-е. Спенсера) и насколько бы она ни объясняла нѣкоторые изъ фактовъ природы, тѣмъ не менѣе, вѣрно, что прогрессъ науки идетъ въ направленіи, требующемъ признанія реальности вещества. «Почему Спенсеръ, — спрашиваетъ нашъ авторъ, — останавливается, какъ на первичной категоріи, на силѣ, которая, во всякомъ случаѣ, есть только отношеніе, а не на матеріи, которая есть нѣчто сущее?» . «Трудно понять, — говоритъ онъ, — чѣмъ представленіе Спенсера о силѣ отличается отъ теоріи матеріи Босковича, — теоріи, отвергающей конечный атомъ и опредѣляющей матерію, какъ сопротивленіе матеріальныхъ точекъ.

Слѣдуетъ сознаться, что для не софиста все это представляется очень похожимъ на софистику, и можно спросить: не представляетъ ли основная категория философіи Спенсера хорошаго примѣра тѣхъ псевдо-идей, сущность которыхъ такъ ясно опредѣлена самимъ Спенсеромъ?»

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всѣхъ такихъ «дикихъ» полетовъ разума является возвращеніе къ реалистическому ученію Демокрита и Эпикура, т. е. къ признанію матеріи единымъ сущимъ, отношенія котораго и составляютъ силу. Потому - то спеціальнымъ изученіемъ философіи должно быть изученіе агрегатовъ вещества. Изъ того, что извѣстно о составѣ вещества, слѣдуетъ предполагать, что не можетъ существовать практической границы возможныхъ разнообразій, формъ, величины и другихъ условій естественныхъ агрегатовъ. Но такъ какъ силы агрегации постоянно уравновѣшиваются силами сегрегации (подбора однородныхъ атомовъ, частицъ, органовъ, организмовъ, наконецъ, обществъ), то невозможно не признать, что прочность агрегатовъ опредѣляется подборомъ, и только тѣ изъ нихъ сопротивляются дезинтегрирующимъ силамъ, которые имѣютъ какія-либо особенности. Законъ переживания способнѣйшихъ, которымъ въ настоящее время объясняется образованіе и взаимодѣйствіе вторичныхъ (біологическихъ) агрегатовъ, долженъ объяснять и возможность образованія первичныхъ агрегатовъ—молекулъ. Какъ существуютъ мириады органическихъ формъ, имѣющихъ только эфемерное существованіе, такъ можно предположить, что и въ трансцендентальномъ мірѣ молекулярныхъ существъ только немногіе сравнительно выдерживаютъ борьбу, а другіе имѣютъ непрочное бытіе. Такимъ образомъ, законъ агрегации есть общій законъ, охватывающій въ своей безпредѣльности законы эволюціи, формулированные Спенсеромъ, и ихъ частный случай—борьбу за существованіе и переживание способнѣйшихъ. Эволюціей,—замѣчаетъ Уордъ,—не только читающая публика, но и самъ Спенсеръ называетъ различные процессы, притемъ дѣйствія двухъ прямо противоположныхъ процессовъ называются однимъ именемъ. «Я не признаю правъ термина «эволюція» на то мѣсто въ философіи, которое даетъ ему Спенсеръ. Существуютъ два противоположныхъ закона и принципа, лежащіе въ основѣ всѣхъ явленій, и они формулированы Спенсеромъ. Одинъ изъ нихъ есть законъ интеграціи вещества и разсѣянія движенія, а другой—обратный интеграціи движенія и разсѣянія вещества. Эволюція солнечной системы произошла отъ преобладанія первыхъ изъ этихъ принциповъ, а эволюція организмовъ отъ преобладанія, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго, втораго». Потому-то Уордъ для обозначенія перваго изъ этихъ процессовъ употребляетъ терминъ «агрегация», оставляя для втораго термины: дезинтеграція или, еще лучше, сегрегация, подборъ однородныхъ. Потому всякій законъ прогресса во всемирной есть законъ агрегации и эволюція происходитъ отъ сопротивленія, встрѣчаемаго этимъ закономъ отъ противоположнаго закона сегрегации. Изъ этого столкновенія развились не только вещество и міры, но и организмы.

Въ настоящей статьѣ невозможно заняться подробнымъ изложеніемъ

философской теории Уорда о составѣ матеріи. Я привелъ нѣсколько выписокъ изъ его главы о космогеніи съ тою цѣлью, чтобы дать читателю хотя бы смутное представленіе о томъ законѣ агрегаціи, который авторъ признаетъ самымъ основнымъ и общимъ изъ законовъ природы, а также и для того, чтобы указать на оригинальность его философскихъ взглядовъ и на его проникательность и послѣдовательность. Я не буду также останавливаться и на тѣхъ двухъ главахъ, въ которыхъ Уордъ излагаетъ системы Конта и Спенсера. Замѣчу только, что изложеніе системы Конта ясное, цѣльнѣе и принципиальнѣе, чѣмъ извѣстная книга Милля и Льюиса о Контѣ; а изложеніе системы Спенсера восполняетъ давно чувствующійся недостатокъ въ ясномъ, популярномъ и доступномъ изложеніи системы этого довольно труднаго и часто склоннаго къ метафизикѣ и къ діалектическимъ фокусамъ писателя.

Но на критическихъ замѣчаніяхъ Уорда о социологическихъ взглядахъ Спенсера намъ нужно остановиться потому, что они до значительной степени уясняютъ намъ взгляды самого Уорда. «Философія Спенсера никогда не признавала того, что я называю антропо-телеологическимъ общественнымъ прогрессомъ,—говоритъ онъ,—она трактуетъ социологію какъ науку (а не какъ искусство), не касаясь ея активной или положительной динамической стадіи и ограничиваясь исключительно законами статическими. Спенсеръ на человѣческій прогрессъ смотритъ съ той же точки зрѣнія, съ какою онъ смотритъ на процессы біологическаго дифференцірованія. Онъ полагаетъ, что дѣло социологіи изслѣдовать общественныя явленія и законы сохранения и видоизмѣненій общества». Спенсеръ, въ его *Соціальной статикѣ*, отвергаетъ всѣ попытки правительствъ улучшить общественное положеніе и воплоти примыкаетъ къ школѣ приверженцевъ *laissez faire*. Замѣчательно то обстоятельство, что онъ проявляетъ сильную вражду къ общественному образованію,—Спенсеръ—изъ «смѣшныхъ неудачъ» попытокъ сельскаго дворянства и поверхностно-образованныхъ лордовъ законодательствовать съ цѣлью уничтоженія общественныхъ бѣдствій—вывелъ «торопливое» заключеніе, что вообще общественныя дѣла идутъ лучше безъ вмѣшательства въ нихъ государственной власти. Онъ нигдѣ не доходитъ до принциповъ и не думаетъ, чтобы естественный или пассивный прогрессъ могъ быть ускоренъ искусственными, активными законодательными мѣрами. Отвергая всѣ положительныя системы, какъ химеры, и при этомъ твердо вѣря въ неизмѣнность естественныхъ законовъ, онъ и принимается за изученіе—и только за изученіе—явленій и законовъ социальнаго существованія. Потому-то его собственная система и осталась системой по существу отрицательной и пассивной, а не положительной и творческой. И состояніе науки, и человѣческое чувство, и, наконецъ, самая неизбѣжная необходимость для человѣческихъ обществъ прогрессировать какъ можно быстрѣе и правильнѣе, если они не хотятъ подвергнуться обратному процессу—регресса и разложенія,—все это требуетъ созданія именно такой положительной и творческой системы. Всѣ системы по необходимости пред-

полагають много такого, что обыкновенно называется химерическимъ. Невозможно построить логическаго зданія мысли, не выходя изъ предѣловъ общаго опыта и не выставляя такихъ положеній, которыя даже самая просвѣщенная часть общества часто объявляетъ утопіями. Тутъ и является тотъ неизбежный философскій парадоксъ, который всегда стоитъ на пути прогресса и разрушаетъ даже и тотъ незначительный генетическій прогрессъ, котораго человечество достигаетъ отъ вліянія однихъ силъ природы. Всякая положительная система имѣетъ въ себѣ нѣчто кажущееся утопичнымъ, что мѣшаетъ обществу признать ее, а безъ признанія какой-нибудь такой положительной системы невозможна человѣчная жизнь въ обществѣ и въ дѣйствительности-то всегда человечество и признавало какую-либо положительную систему, хотя и всегда ложную, ибо сознавало, что иначе ему и существовать нельзя. «Какъ бы парадоксально ни полагалось мое утвержденіе,—говоритъ Уордъ,—и какъ бы оно ни было понято, я утверждаю, что у Спенсера слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ много реальныхъ знаній, чтобы онъ былъ въ состояніи создать положительную систему». Излагая *Этику* Спенсера, Уордъ дѣлаетъ слѣдующія весьма характерныя и любопытныя замѣчанія. «Ожидали,—говоритъ онъ,—найти тамъ хоть элементы новой системы нравственности, какъ замѣну теперь существующей», но въ этомъ пришлось разочароваться. Его схема построена, какъ и прежнія, вполне на чувствованіяхъ и его представленія о способѣ управленія человѣческимъ поведеніемъ вполне согласны съ представленіями старыхъ моралистовъ. Онъ не видитъ того факта, что въ правилахъ нравственности не произошло никакого прогресса со времени Конфуція и другихъ старыхъ моралистовъ-вѣручителей, и что правильный прогрессъ зависитъ не отъ признанія этихъ правилъ, а отъ другихъ общественныхъ факторовъ. Не признавая этого факта, Спенсеръ не могъ понять и той истины, что если возможенъ какой-нибудь прогрессъ, кромѣ прогресса, производимаго космическими силами, то онъ долженъ быть результатомъ интеллектуальнаго направленія силъ человѣческой природы (соціальныхъ силъ) на путь человѣческой выгоды. Потому-то обращеніе къ чувству, къ эмоціи, хотя и весьма дѣйствительно, по существу не прогрессивно: «Спенсеръ смотритъ на моральныя явленія съ объективной, а не съ субъективной точки зрѣнія. Онъ считаетъ высшею цѣлью саму жизнь, съ поддержаніе и усовершенствованіе». А это объектъ природы, а не человѣка. Этотъ объектъ относится къ области естественной исторіи, онъ не можетъ составлять предмета человѣческихъ усилій. Объектъ же человѣка есть *счастье*; онъ основывается на эмоциональной и волевой части духовныхъ явленій и онъ же долженъ составлять основу научной нравственности. Этого отличія не понялъ ученый объективистъ Спенсеръ, и этимъ непониманіемъ отличія жизни (объекта природы) отъ счастья (объекта человѣка и его усилій) погрѣшилъ противъ того самаго научнаго метода, которымъ такъ склонны не только злоупотреблять, но и прямо хвастаться эволюціонисты его школы.

Современная намъ эпоха очень дѣятельна въ дѣлѣ организаціи знанія. Теперь признаются два основные принципа, необходимые для успѣшности этого дѣла: принципъ причинной зависимости всѣхъ явленій (монизмъ) и принципъ утилитарности объекта знанія. Съ принципомъ эволюціи, какъ закона и руководителя, и съ доктриной меліоризма (улучшенія), какъ стимула и прогрессивной силы, совершается поступательное движеніе организаціи всѣхъ силъ и явленій въ правильную систему.

Но для созданія правильной общественной системы слѣдуетъ помнить тотъ основной фактъ, что мотивъ всякаго дѣйствія есть чувство. Всѣ великія историческія движенія сопровождались сильными чувствами; люди, управлявшіе міромъ, были не только энтузіасты и фанатики, но и, въ большинствѣ случаевъ, просто больные, съ патологическимъ состояніемъ мозга люди. Люди, надѣющіеся, что когда-нибудь измѣнится подобное общественное состояніе, что когда-нибудь разумъ вступитъ во всѣ права чувства, осуждены фатально на всегдашнее разочарованіе. Разумъ не есть истинная, двигающая сила, онъ есть только направляющая сила. Этотъ-то основной фактъ долженъ быть признанъ всякимъ социологомъ, желающимъ построить реальную, а не фантастическую систему практической социологіи. Всякая реформа, которую можно произвести въ обществѣ, должна имѣть за себя эмоциональную, а не умственную силу. Именно таковы и были всѣ старыя моральныя и религіозныя системы. Въ обществѣ всегда существовали значительныя суммы страданій и стремленій къ лучшему. Эти запросы на лучшее, это стремленіе къ счастью и желаніе избѣжать страданія и составляли всегда основной мотивъ созданія такихъ системъ. Какъ эти системы, такъ и системы правительства, созданныя человѣчествомъ, всегда имѣли свою признанную цѣлью удовлетвореніе вышеупомянутому запросу общества на улучшеніе. Въ этомъ обстоятельствѣ и въ томъ, что онѣ опирались на эмоциональныя стороны человѣческой души, и заключается вся тайна какъ ихъ успѣха, такъ и ихъ неудачъ.

И, однако, хотя управленіе человѣческими дѣлами всегда принадлежало чувству, реальный прогрессъ, какой только существовалъ въ обществѣ, былъ дѣломъ разума, а не чувства. Всѣ старыя системы морали и религіи, хотя онѣ и были весьма дѣятельны въ смыслѣ вліянія на человѣчество, не были системами прогрессивными. Это одинъ изъ тѣхъ кажущихся парадоксовъ, которыхъ такъ много въ игрѣ социальныхъ силъ и которые разрѣшаются только ихъ детальнымъ и глубокимъ анализомъ. Реальный общественный прогрессъ былъ до сихъ поръ только результатомъ силъ эволюціи, неизмѣняемыхъ и неуправляемыхъ человѣкомъ силъ природы. Въ цивилизаціи былъ прогрессъ, также какъ онъ былъ и въ органической жизни, гдѣ подбирались способнѣйшіе и погибали неприспособленные. Этотъ прогрессъ — просто въковое, космическое движеніе, прогрессъ генетическій, а не прогрессъ искусственный, результатъ предвидѣнія и разумнаго дѣйствія. Человѣкъ не примѣнилъ еще къ себѣ того принципа искус-

ственного подбора, которому онъ обучился у природы, не примѣнилъ этотъ принципъ какъ искусство.

Какъ бы бессильны, несмотря на всю свою силу, какъ бы и не вліятельны въ дѣлѣ улучшенія человѣческаго общества, несмотря на все свое вліяніе на людей, ни оказались старыя системы морали, старыя философско-религіозныя схемы, тѣмъ не менѣе, возлагать какую-либо надежду на успѣхъ въ этомъ смыслѣ можно только на систематическія попытки, которыя будутъ дѣлаться по тому же методу, какъ и прежнія неудавшіяся попытки, т. е. при посредствѣ сильнаго чувства, какъ единственнаго общественаго двигателя. Если это невозможное дѣло, то человѣчество должно прозябать подъ вліяніемъ однихъ силъ природы, пока оно не достигнетъ той стадіи развитія, какой можетъ достигнуть при условіяхъ жизни на нашей планетѣ. Но дѣло-то въ томъ, что этотъ космическій прогрессъ не можетъ продолжаться вѣчно. Скоро условія человѣческаго прогресса истощатся, наступитъ реакція и вырожденіе, если не найдется дѣятеля болѣе быстрого и вѣрнаго, чѣмъ простой естественный подборъ. Такой дѣятель имѣется,—естественныя силы, генетическій прогрессъ развили его. Для успѣха въ дальнѣйшемъ прогрессѣ и долженъ быть введенъ въ дѣятельность эмоціональныхъ силъ новый элементъ, а именно руководство интеллекта. Интеллектъ не есть истинная социальная сила, онъ не есть простая природная склонность человѣка, онъ не сила, двигающая человѣка по направленію къ удовлетворенію его страстей и желаній. Онъ по существу отличается отъ всѣхъ этихъ силъ тѣмъ, что онъ—сила направляющая. Основной принципъ дѣйствія всѣхъ естественныхъ силъ, въ томъ числѣ и настоящихъ социальныхъ силъ, о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже, состоитъ въ ихъ движеніи по линіямъ наименьшаго сопротивленія. Онѣ, эти силы, всегда имѣютъ движеніе по прямой линіи къ объекту своихъ стремленій. Интеллектъ дѣйствуетъ иначе. При его дѣйствіи вносится другой принципъ,—принципъ цѣли, цѣлесообразность, движеніе по линіи наибольшей выгоды для дѣятеля. Сущность прогрессивнаго дѣйствія и состоитъ въ соединеніи этихъ двухъ основныхъ принциповъ, одного естественнаго, а другаго искусственнаго съ возможно-большимъ преобладаніемъ послѣдняго—въ соединеніи движенія по линіи наименьшаго сопротивленія съ движеніемъ по линіи наибольшей выгоды для личности и общества. Сила регулирующая, направляющая,—однимъ словомъ, разумъ,—безусловно нужна для распространенія новаго благовѣстія прогресса. Она должна быть прямо пропорціональна эмоціональнымъ силамъ и, притомъ, соединена съ ними въ одной и той же личности и во всѣхъ личностяхъ, составляющихъ общество. До сихъ поръ эти силы—истинныя социальныя силы, эмоціи и руководящая сила интеллекта—были разъединены. Эмоціями обладала толпа, интеллектуальною силой—немногіе. А человѣческая природа именно такова, что при подобномъ условіи, т. е. при разъединеніи эмоцій и интеллекта въ общественномъ агрегатѣ, послѣдній не можетъ управлять первыми. Задача и состоитъ въ томъ, чтобы примѣнять огромныя эмоціональныя силы,

всегда стремящаяся къ общественному улучшенію, но не достигающая этой цѣли по недостатку руководящей интеллектуальной силы, къ какой-нибудь прогрессивной системѣ, которая и достигнетъ поставленной цѣли.

Самъ по себѣ интеллектъ, какъ продуктъ эволюціи, совершенно недостаточенъ для исполненія предназначенной ему задачи управленія и контроля надъ социальными силами, какъ онъ, понятно, недостаточенъ и для управленія другими естественными силами. Ту роль, которую онъ долженъ сыграть въ будущей прогрессивной системѣ, онъ можетъ сыграть только въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлается интеллигенціей, т.-е. когда къ элементу интеллекта будетъ прибавленъ элементъ знанія. Интеллигенція, стало быть, выражается простою формулою: интеллектъ + знаніе. Какъ самый гениальный умъ, обладающій замѣчательными механическими способностями, если только онъ не обладаетъ знаніями, не выдумаетъ никакой машины, никакого орудія, кромѣ какого-нибудь нелѣпаго и бесполезнаго *regrétium mobile*; такъ и самый гениальный умъ, направленный на общественные вопросы, но не обладающій знаніями, можетъ выдумать только своего рода социальное *regrétium mobile*, т.-е. какую-нибудь существенно непрогрессивную и потому невыгодную и бесполезную, а потому и вредную моральную систему. Два первыхъ условія всякой системы, желающей принести человѣчеству пользу, должны быть таковы: 1) распространеніе существующаго уже знанія и 2) организація знанія или синтезъ его въ виду установленія истинныхъ отношеній зависимости между всѣми извѣстными истинами. Первое изъ этихъ условій достигается общественнымъ образованіемъ, а второе—философіей. Но важнѣе и существеннѣе первое условіе. Уордъ признаетъ, что, съ одной стороны, уже накопленнаго знанія совершенно достаточно для огромнаго и быстрого поступательнаго движенія человѣчества, *если только все это знаніе сдѣлается извѣстнымъ массамъ*, всему человѣчеству, и что, съ другой стороны, всѣ классы населенія, по крайней мѣрѣ, у культурныхъ народовъ обладаютъ совершенно достаточными силами интеллекта, чтобы усвоить его, и совершенно достаточною степеню пониманія причинности, т.-е. философскаго мышленія, чтобы синтезировать это знаніе. Онъ болѣе чѣмъ съ сомнѣніемъ, почти безусловно отрицательно относится къ современнымъ стремленіямъ ученыхъ и въ особенности специалистовъ—все больше и больше накоплять отдѣльные и детальныя знанія. «Не трудно доказать,—говоритъ онъ,—что это накопленіе матеріаловъ прогресса, которыхъ общество не можетъ утилизировать или даже усвоить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми прямыми выгодами приноситъ и большое зло обществу. Это все равно, что чрезмѣрное наполненіе желудка пищей, довольно безопасное для низшихъ животныхъ, но очень вредное для высоко-организованныхъ». Низко организованныя общества съ болѣею безопасностью могли заниматься такимъ накопленіемъ частичныхъ знаній, но въ болѣе развитыхъ обществахъ такое накопленіе все болѣе и болѣе увеличиваетъ пропасть между интеллигенціей и массой и ведетъ къ порабощенію послѣдней.

Всю философію человѣческаго прогресса или динамическую социологію

можно формулировать немногими словами: стремление къ счастью есть основной стимулъ всѣхъ общественныхъ движеній. Всѣ старыя системы морали и философіи были основаны благодаря глубокому убѣжденію, что онѣ будутъ способны улучшить положеніе человѣчества. Имъ это не удалось, благодаря невѣжеству человѣка относительно природы. Нѣкоторый прогрессъ произошелъ вопреки этимъ поверхностнымъ и ложнымъ системамъ, но онъ былъ результатомъ естественныхъ силъ, развившихъ человѣка изъ животнаго состоянія. Задача и состоитъ въ томъ, чтобы направить эти силы въ сторону прогресса. А для этого надо устроить нѣчто подобное старымъ непрогрессивнымъ системамъ. Нужно установить рядъ принциповъ, доктринъ, признаваемыхъ всѣми. Эти доктрины должны быть истинны и построены на реальностяхъ. Основной принципъ или первый символъ этой новой вѣры долженъ состоять въ томъ, что всякій прогрессъ есть *результатъ утилизациі матеріальныхъ силъ, существующихъ въ природѣ*. Второй принципъ состоитъ въ томъ, что единственный вѣрный путь проведенія въ жизнь перваго есть распространеніе и координированіе существующаго знанія о матеріалахъ и силахъ природы, т.-е. научное образованіе всѣхъ членовъ общества. Чтобы прогрессъ былъ возможенъ, должно существовать сильно развитое общественное мнѣніе въ пользу научнаго образованія. «Если при словѣ «образованіе» будутъ постоянно имѣться въ виду два опредѣляющія его понятія: *научное и народное*, то образованіе можетъ сдѣлаться воплощеніемъ всего прогрессивнаго. Такое образованіе есть средство приведенія въ движеніе прогрессивныхъ общественныхъ силъ. Оно есть рычагъ, къ которому должна прилагаться сила. Дайте обществу (народу) такое образованіе, и все иное приложится. Даже философія, необходимая для координированія науки, явится въ свое время.

Тотъ прогрессъ, который начнется отъ введенія въ среду истинныхъ соціальныхъ силъ новаго элемента, направляющей силы интеллекта, соединеннаго съ знаніемъ, и при устройствѣ новой прогрессивной общественной системы, построенной на этихъ принципахъ, въ отличіе отъ теперь существующаго космическаго, естественнаго прогресса, производимаго силами эволюціи, — прогресса, который всего лучше назвать терминомъ *генетическій*, можетъ быть названъ прогрессомъ *телеологическимъ*, цѣлесообразнымъ. По методамъ дѣйствія этотъ прогрессъ существенно искусственный. Научное мышленіе у первобытнаго человѣка и у дикаря началось съ введенія цѣлесообразныхъ агентовъ во всѣ области природы. Это основное воззрѣніе, проникающее все мышленіе человѣчества въ старое, ненаучное время, было по существу понятіемъ антропоморфическимъ. Человѣкъ понятіе о цѣли, присущее ему самому, перенесъ въ другую сферу, гдѣ оно было ложнымъ представленіемъ. Наука въ своемъ развитіи изгоняла телеологическія представленія изъ всѣхъ областей природы, пока школа эволюціонистовъ не попробовала изгнать ихъ изъ области соціологіи. Насколько наука права относительно природы, настолько школа эволюціонистовъ погрѣшила слишкомъ поспѣшнымъ обоб-

щеніемъ въ области общественныхъ явленій. Понятіе о цѣли, ненужное для объясненія явленій природы, должно быть возвращено къ своему первоначальному источнику, въ область дѣйствія человека. Человекъ по существу всегда былъ и всегда останется агентомъ телеологическимъ. Потому-то методъ динамической социологіи, или, вѣрнѣе сказать, динамическаго дѣйствія, методъ философіи прогресса долженъ быть методомъ антропо-телеологическимъ *).

Прогрессъ телеологическій является крайнею необходимостью для человѣческихъ обществъ, потому что естественный, генетическій прогрессъ едва достаточенъ для уравновѣшенія роста населенія. Въ положеніи общества замѣчается мало улучшеній. «Хотя матеріальное и интеллектуальное положеніе человечества и выросло до значительной высоты,—говорить Уордъ,—но моральное или эмоціональное состояніе личности едва ли прогрессировало. Мы видимъ милліоны совѣтъ неработающихъ людей, съ одной стороны, и милліоны перерабатывающихъ—съ другой. Существуютъ и теперь глубокое невѣжество, чрезмѣрное труженничество и всякаго рода нищета, какія всегда были проявленіями спутниками цивилизаціи». Вопросъ состоитъ въ томъ, можетъ ли общество какими-либо средствами, политическими, религіозными или моральными, или посредствомъ какой-нибудь системы учрежденій и мѣръ предначертать и исполнить планы своего собственнаго улучшенія? Школа *laissez faire* не только отрицаетъ это, она даже ставитъ вопросъ о *правѣ* обществъ предпринять такіа улучшенія чрезъ своихъ агентовъ.

Уордъ весьма основательно замѣчаетъ, что такую постановку вопроса принять совершенно невозможно. О правѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, а можно только говорить о возможности, т. е. о силѣ. Права индивидуумовъ исполнять свои желанія въ природѣ ограничиваются только ихъ возможностью исполнить ихъ. Только человекъ имѣетъ претензію дѣйствовать иначе. Еще Паскаль говорилъ: «*Ne pouvant faire que, ce qui est juste, fut fort, on a fait, que ce qui est fort, fut juste*». Человѣчество и отдѣльныя личности всегда дѣйствовали, также какъ и все сущее, по принципу: сила есть право. И измѣнить это невозможно просто потому, что, въ сущности говоря, это шокирующее человѣческое чувство изреченіе есть простая перефразировка положенія, что слѣдствія всѣ производятся причинами, и это положеніе просто указываетъ на необходимость искать источни-

*) Уордъ ни разу не употребляетъ термина: методъ субъективный, который принять нѣкоторыми изъ нашихъ социологовъ. Но если принять во вниманіе, что онъ признаетъ основнымъ принципомъ прогресса стремленіе личности къ счастью (объектъ человека), а не самую жизнь (объектъ природы), какъ это признаетъ Спенсеръ, то можно допустить, что онъ не сталъ бы возражать и противъ этого термина, какъ приближаго къ дѣйственной прикладной социологіи, не какъ методъ изученія, а какъ методъ дѣйствія. Можно сказать, что терминъ, употребленный нашими социологами, есть терминъ психологическій; а терминъ: телеологическій—терминъ чисто-социологическій и общій философскій. Первый беретъ свое начало изъ чувства и эмоцій, а второй изъ направляющей силы интеллекта и его дѣйствій.

жовъ силы въ человѣческомъ обществѣ. Приверженцы теоріи *laissez faire* любятъ прикрывать свои обыкновенно совсѣмъ не гуманитарныя положенія ссылкой на свободу и другія «прирожденные» абстрактныя права. И въ дѣйствительности отъ этого представленія, какъ безусловно идеалистическаго и не только никогда не осуществлявшагося, но и не осуществимаго, слѣдуетъ отказаться, хотя практически невозможно представить себѣ, чтобы уменьшилась хоть сколько-нибудь доля человѣческой свободы при увеличеніи суммы человѣческаго счастья, въ понятіе о которомъ, какъ часть въ цѣлое, входитъ и понятіе о свободѣ.

Съ объективной точки зрѣнія общество есть естественный объектъ и явленія, происходящія въ немъ, производятся особыми силами. Человѣкъ, по отношенію къ другимъ физическимъ силамъ, добился во многихъ случаяхъ того, что линіи наименьшаго сопротивленія, по которымъ дѣйствуютъ эти силы, совпали съ линіями наибольшей для него выгоды. Утверждать, что онъ не можетъ сдѣлать этого относительно силъ соціальныхъ, значить утверждать, что эти силы какія-либо особыя, обладающія особыми свойствами, отличающими ихъ отъ свойствъ силъ физическихъ, т.-е. что онѣ сверхъестественны, что онѣ не сохраняютъ всегда неизмѣнныхъ динамическихъ тенденцій, не повинуются ньютоновскому закону движенія, не дѣйствуютъ по линіямъ наименьшаго сопротивленія, — однимъ словомъ, это значить отрицать самую науку объ обществѣ.

Законодательство, да и всякая вообще общественная дѣятельность, есть, собственно говоря, изобрѣтеніе, т.-е. оно по необходимости искусственно, а не естественно. Искусственность составляетъ отличительное свойство всякаго телеологическаго прогресса. Вообще принято признавать, что все искусственное значительно ниже естественнаго. Это, безспорно, ошибка и, кромѣ того, въ такомъ обычномъ утвержденіи, очень частомъ, однако, у ученыхъ соціологовъ школы Спенсера, есть извѣстное смѣшеніе понятій. Они смѣшиваютъ идею объ изящномъ искусствѣ, которое, хотя только въ извѣстныхъ предѣлахъ, есть подражаніе природѣ, съ идеей объ искусствѣ полезномъ, т.-е. о прикладной наукѣ, которое всегда есть творчество, съ одной стороны, и власть надъ природой и ея силами — съ другой. Соціологическое дѣйствіе принадлежитъ къ области искусства втораго рода, оно есть творчество и власть надъ соціальными силами, оно имѣетъ полную аналогію съ изобрѣтеніемъ. Какъ изобрѣтатель, собственно говоря, ничего другаго не дѣлаетъ, какъ пользуется дѣятельными силами, не уничтожая и не увеличивая, и не уменьшая ихъ, а только приводя ихъ въ такую форму дѣйствія, чтобы естественный принципъ ихъ дѣйствія совпалъ съ наибольшою для него выгодой, такъ и всякая законодательная мѣра пробуетъ дѣлать то же. Аналогія законодательства съ изобрѣтеніемъ можетъ быть проведена и далѣе. Всѣ механическія силы могутъ быть раздѣлены на два общихъ класса: на силы отталкивающія и силы притягательныя. Изобрѣтатель пользуется почти всегда послѣдними, очень рѣдко обращаясь къ первымъ. Въ томъ случаѣ, когда ему приходится упот-

реблять силы отталкивающія, болѣею частью сила заимствуется откуда-нибудь изъ другого источника, да и при томъ происходятъ значительныя потери силы; вообще этотъ способъ пользованія механическими силами—способъ расточительный, не экономный. Законодательство тоже можно раздѣлить на два разряда: 1) принудительное, 2) притягательное законодательство. До сихъ поръ человѣчество пользуется гораздо болѣе первымъ, чѣмъ вторымъ, и это-то неумѣнье въ области законодательнаго искусства влечетъ за собой огромную трату социальныхъ силъ. При всякомъ исполненіи принудительной мѣры, какой-нибудь изъ членовъ общества непремѣнно теряетъ часть своей свободы. И это признается необходимымъ для общественнаго блага. Но дѣло-то въ томъ, что признаніе такой печальной необходимости только доказываетъ, что мы находимся еще въ каменномъ вѣкѣ законодательнаго искусства, что мы не знаемъ сущности социальныхъ силъ и не умѣемъ направлять ихъ. «Люди научатся,—говоритъ Уордъ,—не запруживать постоянно потокъ человѣческихъ желаній, пока онъ не прорветъ плотину и не унесетъ все въ развалинахъ политической революціи, они выучатся направлять этотъ потокъ на путь не только безвредный, но и полезный». Тогда окажется, что многія изъ наклонностей, теперь признаваемыя за вредныя, въ сущности-то, при извѣстномъ ихъ направленіи полезны. Законы человѣческіе суть просто приспособленія къ обстоятельствамъ. Они суть регулированіе настоящихъ законовъ, существующихъ въ обществѣ, которыя и представляютъ выраженіе реальныхъ социальныхъ силъ, столь же естественныхъ, какъ и механическія.

Л. Уордъ приводитъ всего только одинъ примѣръ законодательной мѣры, относящейся къ области притягательнаго законодательства. Это—примѣръ закона противъ пьянства въ одномъ изъ штатовъ Америки, гдѣ, вмѣсто всякихъ запретительныхъ мѣръ, просто предоставляется всякому, потерпѣвшему отъ пьянаго какой-либо вредъ или убытокъ, предъявлять искъ противъ содержателя питейнаго заведенія, гдѣ напился пьяный.

Если бы Уордъ познакомился съ экономическимъ законодательствомъ разныхъ странъ и, между прочимъ, съ нашимъ, то онъ нашелъ бы много примѣровъ притягательнаго законодательства, но ярче проведеннаго. Къ такимъ могутъ быть отнесены нѣкоторыя мѣры нашего законодательства о крестьянскомъ банкѣ, о переселеніяхъ, о помощи кустарямъ и проч. Вообще въ области экономическаго законодательства представляется возможность наиболѣе частаго примѣненія принципа законодательства, указываемаго Уордомъ.

«Соціальная наука, когда она дойдетъ до этой стадіи своего развитія,—говоритъ онъ,— не остановится на отрицательныхъ мѣрахъ; она будетъ изобрѣтать мѣры и приспособленія, которыя не только измѣняютъ сильнѣйшія и опаснѣйшія тенденціи общества въ благодѣтельныя, но, кромѣ того, усилятъ теперь существующіе импульсы и создадутъ новыя». Это, конечно, не предполагаетъ, чтобы можно было увеличивать социальныя силы. Онѣ, какъ и всѣ естественныя силы, неизмѣнны. Увеличеніе же ихъ дѣйствія

производится надлежащимъ разиѣщеніемъ объектовъ дѣйствія, посредствомъ примѣненія извѣстныхъ приспособленій, основанныхъ на знаніи силъ, съ которыми имѣють дѣло. Такова сущность всякаго изобрѣтенія, и принципъ этотъ примѣнимъ къ обществу совершенно такъ же, какъ и къ любой области физическихъ явленій.

Изъ этого краткаго изложенія общихъ соціологическихъ взглядовъ Уорда читатель, вѣроятно, уже понялъ, въ чемъ состоитъ ихъ отличие отъ взглядовъ школы эволюціонистовъ. Это отличие заключается въ той точкѣ зрѣнія, съ которой они и онъ смотрятъ на общественныя явленія и силы, ими управляющія. Эволюціонисты стоятъ на точкѣ зрѣнія статика соціологій или пассивной динамизма; Уордъ признаетъ дальнѣйшее развитіе науки въ соціологію активно-динамическую. Соціальная статика, т. е. теорія соціальныхъ силъ, находящаяся въ статическомъ состояніи, несомнѣнно, существуетъ, но не существуетъ статическаго состоянія общества. А соціальныя силы всегда дѣйствуютъ и общество непрерывно измѣняется совершенно такъ же, какъ непрерывно дѣйствуютъ силы механическія, хотя и существуютъ теоретическіе законы равновѣсія ими. Эволюціонисты, такъ же какъ и Уордъ, признаютъ, что важнѣйшая часть науки соціологій есть соціологія динамическая, т. е. теорія прогресса. Но прогрессъ они признаютъ только генетическій, производимый только естественными силами, или пассивный. Уордъ признаетъ возможнымъ другой прогрессъ—цѣлесообразный или активный—и пробуетъ открыть его законы.

При понятіи о пассивномъ или отрицательномъ прогрессѣ общественныя силы рассматриваются какъ свободно дѣйствующія и подчиненныя только закону эволюціи. Общество пассивно. Прогрессъ отрицателенъ, благодаря отсутствію какой-нибудь силы, видоизмѣняющей и ограничивающей дѣятельность этихъ силъ. Это тотъ же прогрессъ, который происходилъ и происходитъ въ растительномъ, животномъ и неорганическомъ мірахъ.

Активный же или положительный прогрессъ является при приложеніи къ общественнымъ силамъ силы внѣшней и отъ нихъ отличной. Мы должны представить себѣ, что къ неизмѣнному ходу общественныхъ явленій прибавлена новая сила, направляющая эти явленія съ специальными цѣлями. Главное свойство этой силы, отличающее ее отъ другихъ, это — *цель*. Она активна въ силу своего прямаго дѣйствія на общественныя силы и характеръ производимаго ею прогресса положительный, потому что онъ произволенъ и дѣятелемъ его является самъ человекъ.

Пассивный или генетическій процессъ, и теперь существующій въ обществѣ, уже доведенъ, вѣроятно, до своихъ крайнихъ предѣловъ; онъ почти уже истощилъ тѣ ресурсы, которыми располагаетъ среда, въ которой живутъ человѣческія общества. Какъ уже замѣчено, онъ едва-едва достаточенъ, отчасти и совсѣмъ недостаточенъ для простаго уравновѣшенія роста населенія. Необходимо его ускореніе, если для человѣчества желательно не попасть въ волны мировой реакціи и утонуть въ нихъ. Это ускореніе невозможно при дѣйствіи однихъ естественныхъ силъ, безъ

дѣйствія того фактора - интеллекта, о которомъ мы говорили выше, и именно потому, что методы дѣйствія социальныхъ силъ и интеллекта различны. Соціальныя силы дѣйствуютъ прямымъ путемъ и прилагаются, такъ сказать, къ короткому концу рычага, отчего, понятно, тратится много силы и уменьшается скорость. Усиліе, вызываемое ими, усиліе прямое. Оно характеризуетъ всѣ дѣйствія естественнаго, пассивнаго прогресса. Интеллектъ дѣйствуетъ иначе, не прямымъ путемъ; онъ всегда прилагается къ длинному концу рычага, чѣмъ выигрывается сила и получается огромное ускореніе. Характеристическое свойство интеллектуальнаго, цѣлесообразнаго дѣйствія состоитъ въ томъ, что оно вызываетъ непрямые усилія.

Генетическій процессъ, какъ и всякій естественный процессъ, не экономенъ и расточителенъ. Природа и самая лучшая, и самая худшая, потому что самая неэкономная, изъ хозяекъ. Она всегда достигаетъ своихъ цѣлей: жизни, ея поддержанія и ея развитія, но при этомъ она тратитъ слишкомъ много. Для нея безразлично, какое количество сѣмянъ произвести, лишь бы развить хотя бы только растеніе; какое количество дѣтей произвести на свѣтъ, лишь бы вырастить хотя одного до возраста зрѣлости. Телеологическій, активный процессъ, ставящій себѣ задачей цѣль личности и общества—счастье, въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть настолько же экономенъ, насколько расточителенъ прогрессъ генетическій. Онъ бережетъ всякую социальную силу и старается заставить ее дѣйствовать такъ, чтобы изъ ея дѣйствія произошла наибольшая сумма личнаго и общественнаго счастья.

Генетическій процессъ, опять-таки какъ всякій естественный процессъ, постоянно разрушаетъ самъ свои дѣйствія тысячами путей и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онѣ дѣйствуютъ приливами и отливами, акціями и реакціями, опять-таки совершенно такъ же, какъ дѣйствуютъ естественныя силы на естественные объекты. При этомъ происходятъ огромныя траты и матерін, и силъ. Только малая часть результатовъ, достигнутыхъ приливомъ, остается послѣ отлива. Вѣчная борьба партій прогресса и порядка ведетъ обѣ партіи къ губительнымъ крайностямъ. Первая партія постоянно строитъ больше зданій, чѣмъ можетъ занять общество: это — партія вѣчно творящая; вторая есть партія разрушенія, уничтожающая и полезное, и бесполезное. Такимъ образомъ, стоишь ли только прогресса дѣлается огромною. Побѣдить эти различныя препятствія человѣческаго прогресса, остановить эту огромную трату ресурсовъ, избѣжать этихъ космическихъ приливовъ и отливовъ, чрезмѣрной акціи и реакціи, обезпечить рациональное примѣненіе средствъ къ отдаленнымъ цѣлямъ, помѣшать естественнымъ силамъ сталкиваться съ человѣческими чувствами, направить токъ физическихъ явленій на путь человѣческой выгоды,—однимъ словомъ, устроить мирный, безболѣзненный и непрерывный цѣлесообразный прогрессъ,—таковы задачи динамической социологіи или прикладной социальной науки.

Всякая истинная философія должна признать превосходство чувства, какъ

реальной цѣли, къ которой должны быть направлены всѣ усилія общественаго усовершенствованія. Только чувство опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ человѣческая выгода. Интеллектъ есть средство дѣйствія, а чувство—его цѣль. Интеллектъ тоже есть цѣль, какъ вмѣстилище чувства; но хотя умственныя наслажденія и составляютъ все растущую величину въ суммѣ наслажденій человечества, но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ еще теперь и будутъ составлять надолго только малую часть этой суммы. Потому-то для практическихъ цѣлей по необходимости приходится смотрѣть на него не какъ на цѣль, а какъ на средство. Потому-то практическая задача социологiи состоитъ въ *организации чувствъ*, въ контролѣ силъ чувствъ, въ удаленіи всего того, что нарушаетъ ихъ естественное теченіе, и въ увеличеніи того, что ему благоприятствуетъ.

Всякій прогрессъ производится приспособленіемъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на причины прогресса, вѣрно то, что онъ есть результатъ соответствія организма и измѣняющейся среды. Это и есть приспособленіе. Но приспособленіе бываетъ двоякое: пассивное-или консеквентное и активное или провизіональное (предвидящее). Первое есть прогрессъ естественный, а второе—искусственный; результатъ перваго—*ростъ*, а втораго—*мануфактура*, т. е. нѣчто созданное, творческое. При пассивномъ прогрессѣ средства и цѣли близки другъ къ другу; измѣненія производятся безконечно малыми приращеніями—это процессъ дифференцированія. При активномъ приспособленіи, напротивъ, цѣль достигается отдаленными средствами, измѣняющимися посредствомъ предвидѣнія: это—процессъ расчета.

Остановиться на прогрессѣ перваго ряда просто невозможно для человечества, и ученые, доказывающіе, что этотъ прогрессъ единственно возможный, могутъ быть, болѣе опасные враги прогресса, чѣмъ его открытые противники.

«Необходимо,—говоритъ Уордъ,—бороться со взглядами ученыхъ, которые, проникнувъ въ законы дѣятельности природы, полагаютъ, что они нашли ключъ къ тому способу, по которому долженъ работать человекъ. Найдя, что взгляды людей, ищущихъ въ природѣ цѣли, ложны, они заключили, что цѣли нѣтъ и вообще; увидѣвъ, что въ органическомъ мірѣ результаты производятся ритмическими дифференціями, они сдѣлали выводы, что и результаты въ надъ-органическомъ мірѣ должны быть предоставлены тѣмъ же вліяніямъ. Ничего не можетъ быть болѣе ложнаго и вреднаго, чѣмъ подобное заключеніе.

«Если, изучая законы эволюціи, мы должны примѣнять ихъ къ обществу, то лучше бы намъ совсѣмъ не знать этихъ законовъ. Переходя отъ бездѣйствія, обусловливаемаго вѣрой въ дѣятельность супранатуральныхъ агентовъ, къ бездѣйствію, происходящему отъ вѣры въ единовозможную дѣятельность природы, мы ничего не выигрываемъ. Но наука совсѣмъ не учитъ насъ этому. Она учитъ только зависимости всѣхъ ея явленій отъ причинъ, и этотъ законъ служитъ базисомъ для успѣшнаго дѣйствія на природу и для направленія ея силъ на пользу человека».

II.

Послѣ этого краткаго изложенія общихъ социологическихъ взглядовъ Уорда, намъ слѣдуетъ теперь перейти къ его анализу и классификаціи социальныхъ силъ, къ его социогеніи, какъ онъ называетъ этотъ отдѣлъ социологии, къ социальной статикѣ, иначе говоря, на законахъ которой только и можетъ быть построена динамическая часть науки, прикладная социология. Я не могу, по недостатку мѣста, дать полное изложеніе этой части труда Уорда, потому что было бы нелѣпою дерзостью пытаться передать анализъ социальныхъ силъ, изложенный на 12 листахъ убористой печати, на нѣсколькихъ страницахъ журнальной статьи. Этотъ анализъ, блестящій и полный оригинальныхъ и остроумныхъ замѣчаній, однако, по необходимости, часто состоитъ изъ трюизмовъ и общепризнанныхъ и общедоступныхъ положеній. Ни одна стройная система не можетъ обойтись безъ таковыхъ. И оригинальность Уорда заключается не въ анализѣ социальныхъ силъ, а въ самой постановкѣ вопроса о нихъ и ихъ классификаціи и систематическомъ изложеніи. Правда, что и всѣ другіе социологи говорятъ о половомъ инстинктѣ, объ инстинктѣ самосохраненія и пр., какъ о социальныхъ силахъ, но, во-первыхъ, говорятъ они это вскользь, безъ системы, и при этомъ они же называютъ часто общественными силами элементы общества, классы или учрежденія, произведенныя дѣйствіями социальныхъ силъ, наприм., правительство, религію и проч. Когда обыкновенный читатель слышитъ слова: борьба общественныхъ силъ, то въ его умѣ всегда является представленіе о борьбѣ классовъ, да часто и авторы такъ именно понимаютъ эти слова. Поэтому-то требуется прежде всего опредѣлить, что именно Уордъ называетъ социальными силами.

Явленія социологии, также какъ и явленія биологии и психологии, составляютъ примѣръ великаго космическаго закона агрегаціи, который мы замѣчаемъ во всей вселенной. Какъ химическіе агрегаты, составляющіе химическое вещество протоплазмы, соединяются и пересоединяются при образованіи физиологическихъ и потомъ морфологическихъ единицъ, и какъ эти послѣднія далѣе пересоединяются для образованія органическихъ агрегатовъ перваго, втораго и т. д. порядковъ, — такъ и высшіе изъ такихъ органическихъ агрегатовъ, люди, присоединяются для образованія общества. Это составляетъ послѣднюю и высочайшую ступень непрерывнаго ряда космическихъ агрегацій, идущихъ отъ предѣльнаго вещественнаго атома, до общественнаго агрегата. Во всякой области явленій законы, установленіе которыхъ даетъ этой области свойства настоящей науки, зависятъ отъ дѣйствія силъ. И потому анализъ силъ составляетъ первый объектъ изученія всякой науки, въ томъ числѣ, конечно, и социологии. Социальными же силами, по опредѣленію Уорда, можно назвать только естественные стимулы, желанія, чувства, заставляющіе человека дѣйствовать такъ или иначе. Только понимая терминъ «соціальная сила» такимъ образомъ, можно найти основные законы социальной статикѣ. Та-

жизнь образом, социальные силы, т.-е. желанія, имѣют субъективный характеръ и ихъ изученіе, какъ основы социальныхъ явленій, приводитъ социологию въ прямую и непосредственную связь съ биологіей и ея вышею отраслью, психологіей. Непрерывность явленій, требуемая философскимъ мышленіемъ, достигается подобнымъ опредѣленіемъ, и засыпается та пропасть, которая, несмотря на труды антропологической школы, чувствовалась между биологическими и социологическими науками. Объективная сторона вопроса, т.-е. социологическое вліяніе функции, какъ отличное отъ вліянія чувства, отходитъ туда, куда она, собственно говоря, всецѣло и принадлежитъ, т.-е. въ область наукъ биологическихъ, и служитъ только основой, на которой строится социальная статика и пассивная социальная динамика. Между функцией и чувствомъ, между объективною и субъективною стороною вопроса не существуетъ прямого соответствія или существуетъ только то соответствіе, которое создано приспособленіемъ. Можно представить себѣ человѣка, лишеннаго вкусовыхъ ощущеній или полового инстинкта—и послѣдній случай часто наблюдается въ медицинской практикѣ—и, несмотря на требованія организма, которыя остаются неизмѣнными, такіе уроды умрутъ съ голоду или не будутъ производить потомства. Люди ѣдятъ не потому, что необходимо возмѣщеніе тратъ организма, а потому, что они чувствуютъ голодъ, и потому, что чувствуютъ вкусовые удовольствія. Люди любятъ не потому, что,—какъ говорить Шопенгауеръ,—они преступно хотятъ обмануть природу, или не потому, что ихъ влечетъ таинственный инстинктъ продолженія рода, а просто потому, что они ищутъ полового наслажденія. Люди слушаютъ музыку или читаютъ беллетристическія произведенія не потому, что организмъ требуетъ извѣстныхъ возбужденій: чтобы сердце билось посильнѣе, кровообращеніе шло быстрѣе, мозговые клѣточки разлагались и строились живѣе и т. д., а просто потому, что законы эволюціи развили особыя эстетическія, моральныя и умственные чувства, способныя дать наслажденіе. Однимъ словомъ, люди дѣйствуютъ потому, что избѣгаютъ отрицательныхъ чувствованій, приносящихъ страданіе, и ищутъ положительныхъ, приносящихъ наслажденіе. Потому-то социальные силы, законы которыхъ составляютъ социальную статику и пассивную динамику, которыя создали всѣ учрежденія, вѣрованія, обычаи и пр. и законы которыхъ потому и должны быть положены въ основу прикладной социальной науки—это просто чувства.

Эти социальные силы не могутъ быть ни хороши, ни дурны, какъ не могутъ быть ни хороши, ни дурны всякія естественныя силы. Природа въ области человѣческихъ отношеній и общественныхъ явленій не болѣе антропоцентрична, чѣмъ въ другихъ областяхъ физическихъ явленій. Полезны онѣ или вредны для человѣка и общества—это другой вопросъ, и это зависитъ отъ направленія силъ. Въ большинствѣ случаевъ, онѣ полезны и, если иногда и бываютъ вредны, то тому виной недостаточное приспособленіе, вообще обуславливаемое часто физическими процессами, въ томъ числѣ и пассивнымъ генетическимъ процессомъ, который до сихъ поръ

одинъ только и вліяетъ на эволюцію человѣка и общества. Человѣческія чувства часто протестуютъ противъ дѣйствія социальныхъ силъ и онѣ почти всегда правы въ своихъ протестахъ, но для того-то и необходимъ другой, телеологическій, активный прогрессъ, чтобы направить эти неизмѣнныя, неуничтожаемыя и непрерывно дѣйствующія силы на путь человѣческой выгоды. А направлены такимъ образомъ могутъ быть всѣ социальные силы, что доказывается тою суммой добра, которую онѣ всегда приносятъ созданіемъ крупныхъ прогрессивныхъ учреждений. Этимъ положеніемъ, развиваемымъ Уордомъ съ значительною силой и ясностью, онъ напоминаетъ взгляды великаго утописта Фурье, хотя его утвержденіи вполне научны и не имѣютъ въ себѣ ничего фантастическаго.

Такимъ образомъ, первая задача социальной статистики состоитъ, какъ и задача всякой другой науки, въ классификаціи силъ, управляющихъ социальными явленіями, а также и въ классификаціи общественныхъ агрегатовъ, созданныхъ этими силами. Классификаціи всякихъ объектовъ природы въ наукѣ почти всегда бывають сперва искусственными и только при дальнѣйшемъ развитіи науки и лучшемъ изученіи законовъ явленій онѣ создаютъ естественныя классификаціи, основанныя не на одномъ какомъ-либо признакѣ или суммѣ таковыхъ, а на генезисѣ явленій. Такое же развитіе и социологіи. Классификація общественныхъ агрегатовъ Спенсера, хотя и несомнѣнно замѣчательная, и весьма удобная для практическихъ цѣлей, какъ, впрочемъ, были удобны всегда и другія искусственныя классификаціи, несомнѣнно искусственная, такъ какъ она построена на одномъ признакѣ, на развитіи главенства въ обществахъ. Классификація Уорда болѣе приближается къ идеалу естественной классификаціи, такъ какъ она основана на законѣ все увеличивающейся сложности и роста общественныхъ агрегатовъ. Уордъ признаетъ 4 стадіи развитія обществъ:

1) *Стадія уединенная или астархическая*, когда люди жили отдѣльно или небольшими и случайными стадами. Эта стадія гипотетическая, но признать ее можно, такъ какъ нѣкоторыя антропологическія данныя намекають на нее. Человѣкъ при ней только что вышелъ изъ животнаго состоянія. 2) *Принудительный агрегатъ или стадія анархій*. Это общество, элементы котораго совершенно не приспособлены къ социальной жизни. Царствуютъ крайняя свобода и необузданное своеволіе. Въ этой стадіи находятся всѣ низко стоящіе дикари, но она чрезвычайно непрочно и скоро переходитъ въ 3-ю стадію, когда начинается эпоха общественного прогресса, въ стадію *политархическую или національную*, и, наконецъ, 4-я стадія *космополитическая или пантархическая*. Эта стадія чисто-идеальная. Философія ожидаетъ въ будущемъ торжества гуманитарныхъ чувствъ, которыя уничтожатъ всѣ преграды языковъ, національностей, вѣрованій и проч. и соединить всѣ націи въ большой социальный агрегатъ съ единою политической организаціей.

Социальныя силы сообразно ихъ важности для цѣлей природы или объекта природы, т. е. для сохраненія жизни личности и общества, можно раз-

дѣлится на два большихъ отдѣла: существенныя и несущественныя. Первые, это—силы голода и холода, силы самосохраненія, —однимъ словомъ, то, что можно назвать генетическимъ терминомъ: *нужда*, которому, какъ объективный терминъ, соответствуетъ терминъ: *средства существованія*. Это 1) силы *предохранительныя* и 2) силы *воспроизводительныя*. Законы эволюціи настолько приспособили чувства къ функціи, объектъ природы къ объекту человѣка—счастью, что эти чувства, наиболѣе нужныя для объекта природы, производятъ и наиболѣе сильныя интенсивныя и непрерывныя желанія. Чувства эти, какъ положительныя, стремящіяся къ наслажденію, такъ и отрицательныя, избѣгающія страданія, самыя могущественныя въ смыслѣ вліянія на дѣйствія личности, а потому и по своему вліянію на явленія общественнаго агрегата. Дѣйствія предохранительныхъ силъ съ точки зрѣнія прогресса больше, очевиднѣе и разнообразнѣе, чѣмъ дѣйствія воспроизводительныхъ силъ. Дѣйствія первыхъ лежатъ въ основѣ всего матеріальнаго прогресса; ими объясняются учрежденія, богатство, изобрѣтенія, — однимъ словомъ, вся цивилизація. Силы воспроизводительныя, не менѣе могучія, вызываютъ тоже очень интенсивную дѣятельность, но не направляютъ ее къ производству богатства или развитію мысли. Ихъ вліяніе внутреннее, а не внѣшнее, формирующее, а не создающее. Нормальное дѣйствіе перваго отдѣла существенныхъ социальныхъ силъ состоитъ въ организаціи человѣческаго счастья и увеличеніи его посредствомъ удовлетворенія все растущихъ потребностей; дѣйствія втораго отдѣла силъ состоитъ въ разлитіи въ обществѣ смягчающей прелести, безъ которой всѣ наслажденія были бы скучными. Исторія вліяній предохранительныхъ силъ, это—исторія попытокъ борьбы съ природой,—это эпика жизни, а исторія воспроизводительныхъ силъ характеризуется консерватизмомъ и равнодушіемъ къ прогрессу,—это лирика жизни. Общее отличіе этихъ истинныхъ социальныхъ силъ отъ направляющей силы интеллекта состоитъ въ ихъ неизмѣняемости и неспособности къ дифференцированію рядами. Они всегда существуютъ, всегда дѣятельны, всегда одинаково напряжены. Если намъ попадаются препятствія, въ результатѣ получается простая приостановка движенія, сами же силы не уменьшаются. Силы эти, постоянная величина и ихъ движенія однообразны, тогда какъ направляющая сила интеллекта есть величина измѣняемая, способная дифференцироваться и восходящими, и нисходящими рядами. Она способна и къ росту, и къ уменьшенію, и даже къ уничтоженію. Потому она и не есть истинная социальная сила, а сила направляющая.

На дѣйствія предохранительныхъ силъ Уордъ смотритъ не съ точки зрѣнія біологиче или антропологиче, а съ точки зрѣнія соціологической или, какъ онъ говоритъ, соціо-экономической. Сообразно этой точкѣ зрѣнія онъ классифицируетъ предохранительныя силы по ихъ объектамъ дѣйствія и по самимъ дѣятелямъ. Последнихъ онъ дѣлитъ: 1) на производителей собственно и при этомъ онъ анализируетъ производство разныхъ матеріальныхъ объектовъ наслажденія: пищи, одежды, крова и проч., 2) на классы, помо-

гающіе производству, и 3) на классы непродуцительныя, паразиты. Въ основѣ всего этого дѣленія лежитъ, однако, одно и то же начало—начало *пріобрѣтенія*. Потому дѣйствія предохранительныхъ силъ обуславливаютъ всѣ методы пріобрѣтенія.

Общій принципъ дѣйствія всѣхъ истинныхъ социальныхъ силъ, какъ предохранительныхъ, такъ и воспроизводительныхъ, есть принципъ силы. Этотъ принципъ и есть законъ естественной справедливости. Переходъ отъ этого закона силы къ принципамъ гражданской справедливости, создавшій въ своей эволюціи три кодекса: одинъ писанный—гражданскій и два неписанныхъ, но не менѣе сильно дѣйствующихъ на поведеніе человѣка: социальный и этический кодексы,—этотъ переходъ совершился, подъ вліяніемъ интеллекта, тремя подчиненными ему вліяніями, а именно: 1) увеличеніемъ доступности человѣка вліяніямъ симпатіи, 2) увеличеніемъ способности предвидѣть слѣдствія и 3) уменьшеніемъ способности совершать желательныя дѣйствія.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ принципъ, вступающій въ дѣйствіе тотчасъ же, какъ грубая сила оказывается недостаточной для борьбы съ природой, тотчасъ же, какъ начинается развитіе искусства и изобрѣтенія, хотя бы и самыхъ грубыхъ. Этотъ принципъ, замѣняющій принципъ силы и составляющій его видоизмѣненіе, можно назвать общимъ терминомъ: принципъ *обмана*. Какъ бы грубо ни показалось это слово и какъ бы ни шокировало оно умы не философски мыслящихъ людей, слѣдуетъ сказать, что этотъ принципъ есть нормальный принципъ для дѣйствія интеллекта. Всѣ изобрѣтенія, всѣ вообще способы управленія естественными силами, въ томъ числѣ и социальными, въ концѣ-концовъ, приводятся къ этому принципу. Умъ всегда обманываетъ природу, исторгая у ней побѣду надъ ней.

Любопытны замѣчанія Уорда о паразитахъ и ихъ классификаціи:

«Существованіе чисто-паразитическихъ общественныхъ классовъ должно считаться чисто-генетическимъ явленіемъ,—говоритъ онъ.—Это явленіе служитъ просто указателемъ однородности процесса агрегаціи во всѣхъ областяхъ явленій». Съ точки зрѣнія биологической экономіи, протисты и растенія производители, а животныя паразиты. И, однако, послѣднія представляютъ несомнѣнно высшую стадію развитія. Такъ же нужно смотрѣть и на явленія общественнаго паразитизма. Нельзя отрицать, что общественныя паразиты, *если ихъ измѣрять мѣркой природы*, т.-е. способностью къ выживанію, занимаютъ высшее социальное положеніе, чѣмъ производители. Можно съ объективной точки зрѣнія смотрѣть и на общественныхъ паразитовъ такъ же, какъ мы смотримъ на организмы, какъ на цѣль *an und für sich*.

Освобожденные отъ работы производства и распредѣленія, паразиты посвящаютъ всю свою энергію достиженію высшаго личнаго счастья. Но такъ какъ это конечная цѣль всего чувствующаго, то такая дѣятельность ихъ вполне законна, ибо и производители стремятся къ тому же. Но объ-

активная точка зрѣнія вообще недостаточна. Соціологія по преимуществу гуманитарная наука, и соціологъ долженъ неустанно напоминать, что если каждый членъ общества имѣетъ право стремиться къ своему личному счастью, то обязанность общества состоитъ въ регулированіи общественнаго агрегата такимъ образомъ, чтобы помѣшать развитію одного класса на счетъ другаго. Слѣдуетъ избѣгать ошибки, состоящей въ предположеніи, что все существующее въ природѣ по необходимости есть лучшее: Природа столь же мало антропоцентрична въ высшихъ рядахъ явленій, какъ и въ низшихъ.

«Имущественное неравенство, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Уордъ, — съ соціологической точки зрѣнія есть просто результатъ дѣйствій предохранительныхъ силъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ жило человечество. Оно допускаетъ удовлетворительное генетическое объясненіе и съ философской точки зрѣнія оно необходимо. Съ точки зрѣнія объекта природы, оно право, но съ точки зрѣнія цѣли человѣка — оно неоправдываемо. По этическому кодексу природы, признающему, что справедливо все, ведущее къ сохраненію жизни, великая борьба за владѣніе и практична, и полезна, но по этическому кодексу человѣка, признающему зломъ все, причиняющее страданія, она — зло и несправедливость. Съ биологической точки зрѣнія, эта борьба была великимъ благомъ для человѣка, а съ моральной точки зрѣнія — его величайшимъ проклятіемъ».

Телеологическій прогрессъ въ своемъ изысканіи силъ, могущихъ противо-дѣйствовать вреднымъ для счастья человѣческаго, хотя и неизмѣненнымъ постояннымъ дѣйствіямъ предохранительныхъ силъ, можетъ найти три такихъ силы: 1) тѣ же силы другихъ личностей, дѣйствующія въ противоположномъ направленіи, 2) силы умственныхъ и 3) силы симпатіи или альтруистическія. Первые развиваются вышеупомянутыми *притягательными* законодательными мѣрами, причѣмъ за всякимъ покушеніемъ на счастье другихъ слѣдуютъ извѣстныя! послѣдствія, которыя можно предвидѣть и мѣрами *уравновѣшивающими*, дающими каждой личности возможность поставить преграду подобнымъ покушеніямъ. Вторая сила дается *образованіемъ*, уравнивающимъ интеллигентность всѣхъ людей и потому дѣлающимъ невозможнымъ нарушеніе права, происходящее отъ большой хитрости и умственного превосходства. Третья сила есть результатъ высшей умственной и нравственной культуры, усиливающей чувствительность до такой степени, что страданія другихъ дѣйствуютъ на зрителя сильнѣе, чѣмъ дѣйствовало бы удовольствіе, получаемое отъ лишенія другихъ ихъ правъ. Подобная сила — не мнѣе и она непрерывно развивается въ теченіе эволюціи человечества.

Паразитическіе способы приобрѣтенія Уордъ классифицируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) грабежь, 2) воровство, 3) война, 4) правительство, 5) жречество и 6) монополія (въ томъ числѣ и монополія производства или мануфактуры).

Неопытнаго читателя очень можетъ смутить то обстоятельство, что

Уордъ причисляетъ правительство къ паразитнымъ способамъ пріобрѣтенія. Но слѣдуетъ не упускать изъ вида, что въ этой части своего изслѣдованія онъ говоритъ только о способахъ пріобрѣтенія и о генезисѣ правительства, какъ способѣ пріобрѣтенія. Для полноты своей схемы, онъ иначе и не могъ поступить. По его мнѣнію, правительство, подобно большой части человѣческихъ учрежденій, было продуктомъ эгоистическихъ попытокъ сильныхъ и *хитрыхъ* удовлетворить народнымъ требованіямъ. Если мы припомнимъ, что обманъ есть нормальный признакъ всякаго интеллектуальнаго дѣйствія, даже самаго высокаго и наиболѣе направленнаго на благо людей, то прилагательное *хитрый* лишается всего того непріятнаго и неодобрительнаго значенія, которое ему приписывается. Оно становится просто синонимомъ *искусственный*, искусный. А искусство есть воплощеніе всего прогрессивнаго. Когда мы будемъ въ слѣдующей статьѣ говорить о теоріи прогресса Уорда, мы увидимъ, что онъ, признавая, что правительство вообще было непрогрессивнымъ социальнымъ факторомъ, признаетъ, однако, что оно иногда бывало и прогрессивнымъ и что въ будущемъ ему предстоитъ въ извѣстной мѣрѣ сдѣлаться безусловно прогрессивнымъ. Генезисъ же правительства, о которомъ пока только и идетъ рѣчь, былъ не таковъ, чтобы жертвы всякихъ золъ поднялись массой и организовали власть для своей защиты. Наоборотъ, немногіе проникательные люди поняли нужды всѣхъ, выдумали средства къ ихъ удовлетворенію и за то выторговали себѣ богатое вознагражденіе отъ согласной и благодарной общины. Это вознагражденіе соотвѣтствовало успѣху ихъ личныхъ плановъ и въ этомъ-то и состоитъ приспособленіе правительства къ общественнымъ потребностямъ.

Говоря о второмъ отдѣлѣ великихъ существенныхъ социальныхъ силъ, о силахъ воспроизводительныхъ, Уордъ, кромѣ краткихъ замѣчаній о формахъ брачныхъ уставовъ, даетъ очень подробный анализъ социальныхъ половыхъ неравенствъ. Съ замѣчательною логикой и могучимъ негодованіемъ, доходящимъ мѣстами до возвышеннѣйшаго экстаза, говоритъ онъ о попыткахъ социологовъ и біологовъ не только объяснить, что, конечно, вполне законно, но и оправдать на основаніи біологическихъ фактовъ, искусно подтасованныхъ, эти неравенства, побивая ихъ якобы научную аргументацію ихъ же оружіемъ: онъ прямо называетъ ихъ ненаучное поведение и ихъ манеру защиты своихъ рабовладѣльческихъ положеній позоромъ для цивилизаціи. Отъ полнаго уравниенія правъ женщины—не одну только гражданскихъ или политическихъ, но и всякихъ: и моральныхъ, и обычныхъ, и образовательныхъ, онъ ожидаетъ громадныхъ социологическихъ послѣдствій, гораздо болѣе широкихъ и проникающихъ въ общественныя явленія, чѣмъ предполагаютъ обыкновенно защитники эмансипаціи женщинъ. Не имѣя возможности, по недостатку мѣста, слѣдовать за авторомъ въ этомъ подробномъ анализѣ дѣйствія воспроизводительныхъ силъ, я, однако, долженъ сказать нѣсколько словъ объ его остроумной гипотезѣ о генезисѣ половыхъ социальныхъ неравенствъ. Эта гипотеза сс-

стоять въ слѣдующемъ: женщина, благодаря аномаліи своихъ половыхъ функций,—аномаліи, не существующей ни у одного изъ видовъ животныхъ,— въ очень раннюю эпоху эволюціи человѣчества потеряла свою власть надъ половыми явленіями, свой скипетръ полового подбора. Въ человѣчествѣ появилось то аномальное состояніе, что право полового подбора, у всѣхъ животныхъ находящееся въ рукахъ самки, у людей перешло въ руки мужчины. Самцы животныхъ, также какъ и мужчины обладаютъ одинаковымъ, почти непрерывнымъ стремленіемъ къ половому наслажденію, одинаковою страстностью, но самки животныхъ въ этомъ отличаются отъ самокъ человѣка чисто-физически. У людей самцы остались неизмѣнными въ этомъ отношеніи, но самки измѣнились, и въ невыгодную для себя сторону. Это могло произойти только въ силу преобладанія интеллектуальнаго развитія у людей: не у однихъ мужчинъ, какъ это склонны думать біологи, а въ равной степени и у женщинъ. Для мужчины былъ интересъ въ произведеніи той физической аномаліи у женщины, которая повлекла за собой такіа крупныя соціологическія слѣдствія. Онъ не думалъ объ этихъ слѣдствіяхъ, но за то думалъ и непрерывно усиливался добиться вѣрнаго удовлетворенія своихъ стремленій. И онъ, и она обладали всѣми необходимыми средствами: онъ—чтобы добиться цѣли своихъ желаній, она—чтобы подчиниться имъ. У нихъ присутствовала то, чего не было у другихъ видовъ животныхъ,—развитой интеллектъ. Онъ имѣлъ даръ убѣжденія, она была способна понять его, онъ могъ обратиться къ ея воображенію, къ ея чувствамъ, симпатіи, ко всей прелести интимныхъ чувствъ; она обладала и воображеніемъ, и симпатіей, и была склонна къ этимъ таинственнымъ чувствамъ. Наконецъ, онъ могъ пустить въ ходъ угрозу и обѣщаніе награды. Одною она могла бояться, другое умѣла оцѣнить, тогда какъ ни одно животное не могло прибѣгнуть ни къ одному изъ подобныхъ средствъ. Въ результатъ такого процесса, происходившаго на ранней ступени развитія, произошла аномалія половыхъ чувствъ у женщины и потеря ею скипетра полового подбора. Сдѣлавъ женщину, такимъ образомъ, игрушкой и рабой своихъ желаній въ этомъ отношеніи, мужчина постепенно сдѣлалъ ее рабой и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Циклическій характеръ нашей цивилизаціи заставляетъ предположить,—и нѣкоторые факты указываютъ на это,—что въ концѣ процесса это положеніе дѣлъ измѣнится и женщина вернетъ себѣ утраченный скипетръ полового подбора. Тотъ вредъ, который принесъ ей интеллектъ, будетъ и исправленъ тою же великою силой, направляющею истинныя соціальныя силы.

Кромѣ этихъ двухъ большихъ отдѣловъ существенныхъ соціальныхъ силъ, необходимыхъ для достиженія объекта природы и цѣлей человѣка, есть еще силы не существенныя, менѣе важныя, но обладающія тѣми же свойствами истинныхъ соціальныхъ силъ, т.-е. постоянствомъ и однообразіемъ дѣйствія. Ихъ можно классифицировать въ три разряда: 1) силы эстетическія, локализованныя въ органахъ зрѣнія и слуха, 2) силы *эмоцій* и 3) силы интеллектуальныя. Для исторіи человѣческаго прогресса онѣ менѣе

важны, чѣмъ существенныя силы, но онѣ всегда обращали на себя большое вниманіе людей и занимаютъ и теперь первенствующее мѣсто въ системахъ общественной философіи.

Крупныя, поверхностныя событія исторіи, также какъ и эксцентричныя и насильственныя явленія частной жизни, суть результаты дѣйствія одной изъ такихъ силъ. Хотя они и бьютъ въ глаза людей, но ихъ соединенныя дѣйствія ничтожны сравнительно съ слѣдствіями, производимыми спокойными, но могущественными и неустанными дѣйствіями существенныхъ силъ. Несущественныя силы—продукты существенныхъ, необходимые взрывы ихъ напряженной и непрерывной дѣятельности.

Не пытаюсь изложить анализъ несущественныхъ социальныхъ силъ, замѣчу только, что эмоціональныя силы Уордъ подводитъ подъ двѣ рубрики: 1) силы любви (не половой), высшій родъ которыхъ есть филантропія, любовь ко всему сущему, съ ихъ антитезой—силами ненависти, и 2) силы страха, физическія и психологическія, съ ихъ антитезой—силами надежды.

Когда мы говоримъ объ интеллектуальной силѣ, какъ о несущественной социальной силѣ, слѣдуетъ всегда помнить, что въ этомъ случаѣ имѣется въ виду не та направляющая сила ума, о которой мы говорили выше и которая совсѣмъ не есть истинная социальная сила. Только прямыя слѣдствія, вытекающія изъ дѣятельностей, производимыхъ интеллектуальными желаніями и наслажденіями, могутъ считаться истинными динамическими силами общества. Умственная сила есть, собственно говоря, не сила, а *условіе*. Она не двигаетъ, а направляетъ. Не умъ достигъ тѣхъ результатовъ, которые составляютъ цивилизацію и которые, однако, безъ него не были бы достигнуты. Умъ только руководитъ дѣйствіями истинныхъ социальныхъ силъ. Функция ума въ цивилизаціи состоитъ въ охранѣ динамическаго состоянія социальныхъ силъ и въ предупрежденіи ихъ статическаго состоянія. Какъ не психическая сила двигаетъ колеса мельницы и стержень паровика—которыя, однако, не двигались бы безъ присутствія этой силы—двигаетъ ихъ сила тяготѣнія и сила расширенія пара, такъ же не умъ двигаетъ міровою цивилизаціей, а великія и не исчезающія социальныя силы, которыя, однако, безъ руководства ума попали бы въ столкновение съ противоположными силами и пришли бы въ состояніе равновѣсія, именующагося общественнымъ застоємъ. Единственная настоящая двигающая общество интеллектуальная сила состоитъ въ свойственномъ органу ума, такъ же какъ и другимъ органамъ, желаніи дѣйствовать и въ непосредственныхъ результатахъ этой дѣятельности.

Послѣ этого по необходимости бѣгло и, сознаюсь, весьма неудовлетворительнаго изложенія анализа социальныхъ силъ, производящихъ всѣ явленія общества и составляющихъ объектъ науки социальной статистики и пассивной социальной динамики, я перейду къ активной социальной динамикѣ, т.-е. къ прикладной социологіи и къ изложенію теоріи прогресса.

П. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Уголовное правосудіе и адвокатура во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка *).

Въ предшествующемъ очеркѣ мы указали въ общихъ чертахъ значеніе той роли, какая принадлежала адвокатурѣ въ дѣлѣ отправленія правосудія параллельно съ особенностями, которыми отличалось послѣднее въ данную эпоху. Посмотримъ теперь, какъ сама адвокатура понимала свои обязанности.

Въ этомъ отношеніи замѣчательны: постановленіе парижской консультаціи 7 августа 1786 г., процессъ вѣжого Тибо, въ которомъ выступали представителями сторонъ два противоположныхъ типа тогдашней адвокатской дѣятельности и обработка вопроса о существѣ адвокатской задачи въ *Code de l'humanité*, на который мы уже ссылались ранѣе.

I.

«Общественная функція адвоката, — гласитъ постановленіе консультаціи, — обнимаетъ собою три момента: первый — когда сторона обращается къ нему за совѣтомъ, второй — когда мысль его обрабатываетъ средства, указанные стороной, и формируетъ ей возможную защиту, и третій — когда онъ предлагаетъ и то, и другое трибуналу правосудія.

«Адвокатъ — это первый судья стороны, онъ оракулъ и посредникъ во всѣхъ ея начинаніяхъ. Она довѣрчиво отдается его честности и его знаніямъ; она раскрываетъ ему сердце свое; она развиваетъ передъ нимъ свои мысли, свои желанія, свои предположенія. Судья по выбору стороны, онъ долженъ выслушивать ее въ полнѣйшемъ безмолвіи страстей, регулировать ея сужденія, успокоивать ея волненія, направлять ее къ истинѣ, разсѣвать ложь и предубѣжденія, указывать ей опасности, скрываемыя пристрастіемъ, и всѣ послѣдствія ложнаго или неосмотрительнаго шага. Такова священная обязанность того суда по довѣрію, который отправляетъ адвокатъ по отношенію къ сторонѣ. Если вѣряемое ему дѣло неправо, и онъ, забывая авторитетъ своего благороднаго призванія, подчиняется чужой страсти,

*) *Русская Мысль*, кн. X.

льститъ слѣпому негодованію и ободряетъ нехорошія стремленія, то тѣмъ самымъ онъ измѣняетъ и интересамъ, и довѣрію стороны: онъ приготовляетъ себѣ ея ненависть къ тому времени, когда, опомнившись въ своихъ заблужденіяхъ, она получить право упрекать его въ дѣйствіяхъ, разрѣшившихся гибелью ея.

«Во второмъ случаѣ, т.-е. когда адвокатъ обдумываетъ средства и планъ защиты своего кліента, онъ долженъ помнить, что онъ—оно правосудія, что, состоя посредникомъ между нимъ и сторонами, онъ, сверхъ того, призваніемъ своимъ обязанъ охранять сдержанность собственнаго темперамента и въ своихъ сужденіяхъ повиноваться лишь голосу правды и истины.

«Въ третьемъ моментѣ, являясь представителемъ стороны на судѣ,—словомъ или письмомъ, все равно,—онъ долженъ постоянно имѣть передъ глазами то уваженіе, какимъ обязанъ передъ судьей, передъ публикой и передъ благородствомъ своего собственнаго званія.

«Во всѣхъ этихъ трехъ различныхъ стадіяхъ адвокатъ долженъ относиться съ тою же справедливостью къ противной сторонѣ, какъ и къ своей собственной: честь и репутація даруются правомъ естественнымъ, законы также охраняютъ это священное право. Честь—это драгоценнѣйшее право гражданина; она даетъ ему положеніе въ обществѣ и участіе въ благахъ его; лишенный чести, онъ перестаетъ существовать. Жизнь чести дороже жизни естественной; покушеніе на нее равносильно убійству, отнятію у гражданина единственнаго блага, безъ котораго всѣ остальные—ничто. Въ этомъ отношеніи адвокату необходима самая деликатная предусмотрительность. Интересъ защиты можетъ требовать обличенія обстоятельствъ, позорящихъ честь противника, но можетъ и не нуждаться въ томъ; въ последнемъ случаѣ адвокатъ долженъ оставаться нѣмымъ ко всему, что не касается его стороны; въ первомъ—онъ можетъ говорить лишь правду, основанную на доказательствахъ яснѣ дня; только неизбежная необходимость можетъ заставить его нанести ударъ доброй славы ближняго; но если всѣ доказательства факта сводятся къ страшному ослѣпленію стороны, подсказываясь мстью или своекорыстіемъ, если самъ онъ, обсуждая планъ и средства защиты, не устоялъ противъ увлеченія, если дерзнулъ предложить суду и публикѣ позорящія и недоказанныя обстоятельства, то онъ виновенъ въ одномъ изъ величайшихъ посягательствъ.

«Подобно тому, какъ каждый воленъ отвести судью, дѣйствія котораго оказались пристрастными, подлежитъ отводу и адвокатъ, измѣнившій существеннѣйшей обязанности своего назначенія, особенно когда онъ, раздѣляя пристрастіе стороны, становится сообщникомъ или авторомъ клеветы. Неправно будетъ оправдываться онъ тѣмъ, что факты, позорящіе чужую честь, указаны ему стороною, удостовѣрены ея подписью,—разъ они бездоказательны, онъ не долженъ принимать ихъ; поступая обратно, онъ является отвѣтственнымъ, какъ органъ, какъ уста, такъ сказать, клеветы, чѣмъ оскорбляетъ честь своего собственнаго сословія, и нѣтъ средствъ, которыя могли бы оправдать такое поведеніе...

«Издано и подписано въ Парижѣ 7 августа 1786 г. Адвокаты: Себьеръ де-Судрай, Леруа, Гилье де-Бларю, Пиллонъ, де-л'Аверди и Жоржанъ».

Нижеизлагаемый процессъ представляетъ дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ положеній.

II.

IV. Дѣло негоціанта Тибо, оклеветаннаго своею служанкой въ дѣтубійствѣ и ложномъ доносѣ.

Мари Клеро, находившаяся въ услуженіи у негоціанта Тибо, была изблечена въ кражѣ принадлежащаго ему имущества, созналась въ этомъ и была имъ разсчитана. Зная, какое ужасное наказаніе положено закономъ за кражу, совершенную слугою у хозяевъ, Тибо не возбудилъ преслѣдованія, ограничившись отобраніемъ у Клеро похищеннаго ею имущества, между прочимъ, 1000 ливровъ, отысканныхъ въ ея шкатулкѣ. Поощренная такою снисходительностью и слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, Клеро предъявила искъ о присвоеніи, давъ сбивчивыя объясненія о принадлежности ей похищенной у Тибо суммы и утверждай—то, —что послѣдняя составилаь отъ продажи ея вещей, то, что она была присуждена ей въ вознагражденіе отъ одного священника, то, наконецъ, что была подарена знакомымъ матросомъ. Тибо вынужденъ былъ предъявить обвиненіе, и Мари Клеро судъ приговорилъ къ повѣшенію. Одновременно съ апелляціею на такой приговоръ Мари Клеро огласила въ печати позорящія честь Тибо обстоятельство. Извѣтъ былъ составленъ адвокатомъ прекрасно, съ перваго взгляда убѣдительно редактированъ и заключалъ въ себѣ рядъ позорящихъ Тибо обвиненій, а именно: покушеніе на убійство ея, Клеро, за отказъ удовлетворить преступной страсти, умерщвленіе имъ же, Тибо, ребенка, только что рожденнаго дѣвцею Делоне, отцомъ котораго былъ онъ, Тибо, мошенничества по торговлѣ и т. п. Апелляціонная инстанція, отмѣнивъ смертный приговоръ Клеро, оставила ее по обвиненію въ кражѣ въ подозрѣніи, а пасквиль, ею обнародованный, постановила сжечь чрезъ палача, предоставивъ обиженному имъ преслѣдовать клеветниковъ въ особомъ порядкѣ.

Дѣло назначено было къ слушанію въ руанскомъ парламентѣ при громадномъ стеченіи публики. На скамьѣ подсудимыхъ возсѣдалъ адвокатъ N. (отчетъ не называетъ фамиліи, такъ какъ дѣло обращено было къ дослѣдованію); обвинителемъ явился собратъ его по профессіи Тронзонъ дю-Будрай, извѣстный своими блестящими успѣхами въ столичномъ барро. Нижеизлагаемыя пренія сторонъ ознакомятъ читателя съ дальнѣйшими обстоятельствами дѣла.

«Вы, конечно, помните, господа, — говоритъ обвинитель, — тѣ отвратительныя инсинуаціи, которыя появились въ печати одновременно съ апелляціею Клеро и за ея подписью. Вы помните, какъ горячо доказывалось, что эти разоблаченія необходимы защитѣ, что безъ нихъ она погибнетъ, что она не только могла, но и должна была огласить факты

въ печати, что, однимъ словомъ, отъ нихъ зависѣло ея спасеніе. И что же? Объ этихъ столь важныхъ фактахъ дѣвица Клеро во все время продолжительной процедуры не заикнулась ни единымъ словомъ, и вдругъ совершенно неожиданно она не только раскрываетъ ихъ суду, но и печатать ихъ во всеуслышаніе.

«Появляется пасквиль и возбуждаетъ крикъ всеобщаго негодованія. Ужасная, нелѣпая, сумасшедшая исторія дѣтоубійства на языкахъ у всѣхъ. Гдѣ бы ни показался Тибо, толпа кричитъ: «вотъ чудовище, которое сожгло собственнаго ребенка!» Каждый пересказываетъ ужасную сцену, ее слушаютъ и передаютъ во всѣхъ домахъ, на всѣхъ улицахъ, у каждой двери, ее повторяютъ, комментируютъ, но ничего не прибавляютъ, потому что нельзя прибавить что-либо къ картинѣ, изобразившей ее такими красками. Съ рѣдкимъ искусствомъ, съ поразительною реальностью воспроизведена эта сцена въ пасквилѣ; вы видите Мари Клеро тихонько крадущуюся къ замочной скважинѣ, слышите съ нею крикъ несчастнаго ребенка, присутствуете при всѣхъ ужасахъ и перипетіяхъ этой страшнаго драмы. Правда, тамъ не сказано прямо, что жертва по задушеніи была брошена въ каминъ (чѣмъ оправдывается N.), но вы читаете это между строкъ, вы знаете это, вы увѣрены въ томъ и, вслѣдъ за дѣвицею Клеро, вы восклицаете: «несчастное дитя, что случилось съ нимъ!...»

«Что же мудренаго, что общество взволновалось подъ впечатлѣніемъ такъ искусно, такъ жестоко нарисованной предъ нимъ картины. Народъ, народъ въ особенности, доблестный инстинктъ котораго такъ легко восмламеняется при одномъ намекѣ на преступленіе,—народъ, открытое и горюистое состраданіе котораго не знаетъ границъ, разъ предъ нимъ обличается подобное злодѣяніе, — можно ли винить этотъ народъ за то, что, вѣря пасквилю, онъ проявилъ буйство, угрожавшее спокойствію цѣлаго города? Вы помните, госнода, какъ обманутая и разъяренная толпа запрудила всѣ улицы, пробираясь къ дому Тибо, чтобъ разнести его, какъ, вооруженная топорами, готовая къ поджогу, она осыпала проклятіями все семейство Тибо, гоняла его изъ дома въ домъ, разыскивая жертву своего негодованія, какъ угрожала она самому зданію суда, гдѣ слушалось тогда это дѣло, и какъ, наконецъ, была разсѣяна войскомъ, вызваннымъ для прекращенія беспорядковъ.

«И это—лишь слабый обликъ всѣхъ послѣдствій, произведенныхъ пасквилемъ. Въ своемъ приговорѣ, госнода, вы недаромъ назвали его «сблзнительнымъ и зажигательнымъ» и сожженіемъ его отмстили за общественный порядокъ и за частную честь. Но, вѣдь, этимъ дѣло не кончилось: каждый невольно спрашивалъ себя: если кто-нибудь, увлекаясь гѣвномъ, вздумаетъ огласить на погибель гражданина дикіе и жестокіе факты, если отыщется адвокатъ, готовый, вѣря на слово, ихъ напечатать и расточить всѣ средства своего искусства, чтобы заставить публику вѣрить имъ, то найдется ли человѣкъ, увѣренный въ безопасности чести своей?

«Виновникомъ всего этого и моимъ сегодняшнимъ противникомъ яв-

ляется адвокатъ,—человѣкъ, посвятившій себя защитѣ предъ судомъ, вмѣстѣ съ правами гражданъ, и правъ истины. Онъ можетъ ошибаться въ доброкачественности своей защиты, но не можетъ имѣть иного намѣренія, кромѣ того, которое ведетъ къ торжеству истины. Всѣ его мысли, всѣ его чувства, всѣ его усилія должны стремиться къ этой цѣли; его кліентъ, защиту котораго онъ принялъ,—это не какой-нибудь частный собесѣдникъ въ кабинетѣ, это—правда, сама живая правда; ее одну онъ видитъ, ее одну выслушиваетъ, за нее одну сражается. Если онъ защищаетъ сильнаго или богатаго, то, безъ сомнѣнія, онъ покраснѣетъ, найдя въ своемъ сердцѣ большую благосклонность къ подобному кліенту сравнительно съ бѣднымъ и темнымъ гражданиномъ; но если послѣдній, имѣя за собою лишь обманчивую иногда рекомендацію горя или нищеты, руководится злобой или ненавистью, адвокатъ остается холоднымъ и нечувствительнымъ по отношенію къ нему; онъ защищаетъ въ немъ только несчастнаго, но не помогаетъ злодѣю или мстителю, ищущему въ адвокатѣ орудіе своей клеветы; онъ разъединяетъ ихъ, говоритъ за несчастнаго и молчитъ за клеветника. Онъ можетъ иногда, обладая пылкимъ воображеніемъ и живою чувствительностью, увлекаться не только дѣломъ, но и личностью, и, все-таки, тотчасъ же замѣчаетъ свою слабость, сосредоточивается, вспоминаетъ свои обязанности, проникается ими; добродѣтель всегда тамъ, передъ нимъ, какъ изображеніе, въ которомъ онъ всегда ищетъ сходство съ самимъ собой. Въ тиши своего кабинета, этого алтаря правосудія, онъ падаетъ ницъ передъ нею и въ святомъ восторгѣ повторяетъ клятву защищать только ее одну. Очищаясь, такимъ образомъ, отъ чуждыхъ ему чувственныхъ заблужденій, онъ сознаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если однимъ изъ подводныхъ камней его призванія и является иногда неизбежность быть посредникомъ страстей человѣческихъ, то вся грязь, несомая ими, должна оставаться на берегу и не отравлять дальнѣйшаго теченія правосудія, направляемаго лишь истиною и разумомъ.

«И такъ, когда кліентъ, въ неповинность котораго онъ вѣритъ, проситъ обличить факты, кому-либо оскорбительные, онъ, прежде всего, долженъ тщательно удостовѣриться, насколько они полезны дѣлу; и если они не прямо касаются его, несущественны, не обуславливаютъ исходъ его, онъ слѣдуетъ отбросить ихъ. Но этого мало: недостаточно, чтобы факты эти казались ему полезными для дѣла,—надо, чтобы они имѣли въ его глазахъ известную степень правдоподобности, необходимую для убѣжденія въ истинности и доказательности ихъ. Если этого нѣтъ, честный и умный адвокатъ тотчасъ же распознаетъ скрывшуюся въ нихъ клевету; тщетно кліентъ будетъ увѣрять его, что докажетъ факты: онъ знаетъ, какъ легко найти свидѣтелей всякому, того желающему, и, въ качествѣ перваго судьи, отклоняетъ предложеніе.

«И не будь эта сдержанность, эта осмотрительность, этотъ святой страхъ принципами его поведенія, душою дѣла его, адвокатъ явился бы самымъ опаснымъ, самымъ лихимъ врагомъ общества. Почетное право его

печататься безъ цензуры обратилось бы въ жестокое оружіе въ его рукахъ. Честь, честь, драгоцѣннѣйшее достояніе наше, болѣе могущественное надъ сердцами у насъ, нежели у другаго народа, — честь, говорю я, равная и дорогая во всѣхъ классахъ общества, служила бы постоянною мишенью для стрѣлъ злословія. Адвокатъ — оракулъ и покровитель гражданъ — будетъ ихъ пугаломъ; почитатели, проникаясь уваженіемъ при одной встрѣчѣ съ нимъ, разбѣгутся, завидѣвъ его; восхищающіеся усердіемъ, съ которымъ истый адвокатъ посвящаетъ согражданамъ свои силы, свое здоровье, свои бессонныя ночи, всю жизнь свою, содрогнутся при одной мысли о коварной работѣ его, съ ужасомъ ожидая ея результата. Говорящіе, какъ только входитъ онъ: «вотъ защитникъ правды и оклеветаннаго человѣка», скажутъ: «вотъ орудіе клеветы; онъ и сейчасъ обдумываетъ ее, подготовляя чью-либо жертву на закланіе».

«Адвокатъ не можетъ, слѣдовательно, оправдывать поведеніе свое благою цѣлью и ссылаться на внушительные авторитеты гуманизма и общаго блага; ему отвѣтять: «Права этого человѣка, признаваемого вами невиннымъ, не уполномочиваютъ васъ покрывать позоромъ другихъ согражданъ его; защищая одно лицо, не слѣдовало губить другое и повергать въ отчаяніе семью его. Вы думали спасти жертву, которая, быть можетъ, и не была невинна, и загубили двадцать другихъ завѣдомо невинныхъ! Вы оскорбили все общество, вы сдѣлали ненавистнымъ учрежденіе самое благородное, самое уважаемое, самое высокое!»

«Вотъ, милостивые государи, начала, о которыя разбиваются всѣ рачетчаемые въ дѣлѣ софизмы. Опубликованные факты были жестоки, поразительно неправдоподобны и, главнымъ образомъ, посторонни для дѣла. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно было изложить ихъ съ болѣющимъ искусствомъ, съ болѣею убѣдительностью, съ болѣею увлекательностью, и въ этомъ отношеніи талантъ раскваша усугубляетъ ихъ жестокость.

«Однако, эти же самые факты были до возмутительности нелѣпы: отецъ, бросающій въ огонь своего ребенка! Что за сила, что за безуміе истребили въ немъ всякое естественное чувство и внезапно превратили его въ лютаго звѣря? Посмотримъ, чтѣ это была за сила, и попробуемъ объяснить, чтѣ это было за безуміе. Прежде всего, чего ради было Тябо такъ необходимо не только отдѣлаться отъ ребенка, но и скрывать его рожденіе? Вѣдь, онъ не особа, обязанная своимъ положеніемъ къ безупречной чистотѣ нравовъ, не священникъ, наприм., — онъ холостякъ, и богатый, старый холостякъ; строгіе люди осудили бы его, свѣтскіе — посмѣялись, но ни какое-либо пятно, ни какое-либо безчестіе не грозили ему; затѣмъ, не могъ ли онъ, ужъ если непремѣнно желалъ скрыть событіе, отдать ребенка въ воспитательный домъ, помѣстить у благонадежнаго лица и испробовать двадцать тому подобныхъ средствъ избавиться отъ бремени, если вы допускаете таковое для отеческаго сердца? Нѣтъ, онъ предпочитаетъ умертвить ребенка, слышать его крики, бросить въ пламя невинное существо, протягивающее къ нему ручки свои, и превратить его въ пепелъ...

«Это—не все еще. Кромѣ нравственной недопустимости преступленія, существуетъ и физическая невозможность для Клеро явиться его свидѣльницей! Вы этого не знали, г. Н., но должны были знать. Не оставляя ни единого средства просвѣтить правосудіе,—это составляетъ долгъ нашъ,—я былъ на мѣстѣ предполагаемаго преступленія; предварительно удостовѣряясь, что все осталось, какъ и было, на своихъ мѣстахъ, я, провѣряя буквально показаніе Клеро, убѣдился, что въ замочную скважину невозможно было видѣть ужасную сцену въ тѣхъ деталяхъ, которыя воспроизведены въ немъ.»

«Переходимъ къ другому обвиненію. Тибо, говорить пасквиль, обвиняетъ Мари Клеро въ враждѣ съ цѣлью избавиться со смертью ея на эшафотѣ отъ свидѣтеля своихъ злодѣяній. Между тѣмъ, такой приемъ могъ служить самымъ вѣрнымъ средствомъ обнаружить ихъ, тогда какъ, слѣдуя вашему собственному, г. Н., столь щедрому на ужасы воображенію, ему, совершившему уже одно злодѣйство, ничего не стоило бы совершить и другое и разомъ схоронить всѣ концы въ воду.»

«Сама Клеро доказала мнѣ, говорите вы, эти факты, и я могъ, поэтому, опубликовать ихъ. Но, вѣдь, факты эти были преступленія, и преступленія жестокия, и только прокуратура была правоспособна доказывать ихъ; слѣдовательно, факты эти для юрисконсульта были неприемлемы по природѣ своей.»

«Мы приближаемся къ концу тяжелой задачи, которую пришлось намъ преслѣдовать въ настоящемъ процессѣ. Остающаяся часть ея настолько важна, что и ее, при всемъ желаніи, нельзя обойти молчаніемъ.»

«Гуманность!—вотъ слово, которымъ особенно часто злоупотреблялъ г. Н. въ своей защитѣ. «Правосудіе,—говоритъ Малербъ,—*есть истинное благодѣяніе правителей*». Эти, исполненные глубокаго смысла слова одного изъ великихъ людей, составляющихъ гордость нашего вѣка, помогутъ намъ опредѣлить, что такое и истинная гуманность.»

«Гуманность заставляетъ насъ горячо желать счастья себѣ подобнымъ и жертвовать всѣмъ для его достиженія. Это высокое чувство обнимаетъ собою, слѣдовательно, все общество, и истинно-гуманный человѣкъ видитъ въ различныхъ національностяхъ только братьевъ своихъ, неизсякаемое благополучіе которыхъ составляетъ постоянный предметъ думъ и помысловъ его. Въ несчастію, онъ сознаетъ, что стремленія его необычны, что почти каждому въ семъ мірѣ суждено влачить болѣе или менѣе плачевное существованіе. Подчиняясь непреложному закону, доблестный и чувствующій человѣкъ считаетъ, однако, себя обязаннымъ смягчать страданія братьевъ своихъ. Онъ носитъ ихъ въ сердцѣ своемъ, и ихъ скорбный образъ постоянно поддерживаетъ въ немъ стремленіе помогать имъ.»

«Это благородное стремленіе можетъ удовлетворяться двойственнымъ образомъ. Гуманный человѣкъ можетъ быть полезнымъ великому обществу изысканіемъ источниковъ бѣдствій, его удручающихъ, изслѣдованіемъ печальныхъ или полезныхъ предрассудковъ, управляющихъ имъ, указаніемъ»

емъ опасностей страсти, обыкновеннѣйшей причины золь, его мучающихъ, трогательнымъ изображеніемъ добродѣтели, заставляющимъ полюбить ее за себя самоё, сближеніемъ людей узами цивилизаціи, доказательствомъ, что истинный интересъ ихъ исчерпывается взаимною любовью, взаимною помощью, а что ненависть и раздоры никогда не помогаютъ мотивамъ, ихъ порождающимъ, и, наконецъ, обличеніемъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія творцовъ и дѣателей этого раздора и этой ненависти.

«Вотъ какъ смотритъ гражданинъ міра на свои обязанности, и если небо дало ему счастье положеніемъ своимъ непосредственно вліять на общее благо, то посвящаетъ ему и талантъ свой; и знанія свои, и дни, и ночи свои. По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, онъ нѣжно печется о нихъ, утѣшаетъ, просвѣщаетъ, ободряетъ. Несчастные заранѣе знаютъ это; они бѣгутъ къ нему, несутъ ему горе свое, и, подобно Титу, онъ считаетъ потеряннымъ день, въ который не успѣлъ сдѣлать кого-либо счастливымъ.

«Но такая дѣйствующая гуманность, вмѣстѣ съ тѣмъ, и просвѣщенна, и только поэтому—благотворительна. Человѣкъ, проникнутый такимъ высокимъ чувствомъ, не перестаетъ оставаться гуманнымъ, преслѣдуя, напримѣръ, враговъ общаго блага, наказывая ихъ, если обладаетъ честью держать въсы и мечъ правосудія, или открывая ихъ, если имѣетъ честь содѣйствовать ему. Равнымъ образомъ, никогда не воздвигнетъ онъ славы своей на спасеніи преступника или на защитѣ людей низкихъ и подозрительныхъ. Онъ знаетъ, что, вырывая у закона лицо, должествующее принять кару его, онъ готовитъ несчастье тысячъ другихъ. Онъ знаетъ, что спокойствіе, достоиніе, честь, самая жизнь согражданъ его будутъ скомпрометированы такою варварскою гуманностью. Онъ знаетъ, что сотни семействъ потребуютъ у него отчета за зло, причиненное имъ столь плачевною благотворительностью. Зная все это, онъ отождествляется съ закономъ, смотритъ и чувствуетъ за одно съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ заботится о благѣ цѣлаго общества».

Несравненно болѣе блестящая съ внѣшней стороны самозащита адвоката N. уступала только что изложенной рѣчи въ силѣ аргументаціи, въ глубинѣ и искренности чувства и въ убѣждающей вдумчивости. Едва скользя по существу дѣла, сознавая, очевидно, всю неблагодарность представляемой имъ въ этомъ отношеніи почвы, N. распространялся въ квалифікаціи приписываемаго ему дѣянія, въ доводахъ о нарушеніи, якобы, установленнаго для разсмотрѣнія его порядка и о т. п., по мнѣнію его, погрѣшностяхъ въ процессуальной обстановкѣ дѣла. Все это мы опускаемъ въ своемъ изложеніи и остановимся лишь на тѣхъ пунктахъ защиты, которые касаются интересующаго насъ предмета—собственного воззрѣнія тогдашней адвокатуры на сущность и значеніе своихъ прямыхъ обязанностей.

«Милостивые государи! — говорилъ N., — въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которое поставили меня свирѣпые враги мои, бессильные одолѣть меня въ честномъ бою, я вижу передъ собою адвоката, въ искусственной декламациіи призывающаго на голову мою всѣ ужасы безчестія. Я вижу его,

орудіе лжи, принимающимъ изъ нечистыхъ рукъ своихъ кліентовъ клеветническій ножъ, чтобы, улыбаясь, вонзить его въ грудь мою. Могу ли я, сердце котораго разрывается самою бѣшеною злобой, ежеминутно обливаясь кровью подъ наносимыми ему ударами,—могу ли я, господа, говорить передъ вами спокойно? Можетъ ли умъ оставаться холоднымъ, когда горитъ душа? Простите же мнѣ, господа,—о, простите невольно повышенный тонъ моей рѣчи: вѣдь, ее одушевляетъ самое праведное негодованіе.

«Что такое я и что такое мой противникъ въ настоящемъ процессѣ? Безъ преступленія, безъ доказательствъ онъ хотѣлъ погубить свою служанку, и я, господа, безъ интереса, изъ одного челоуѣколюбія спасъ ее. Въ чемъ же вина моя? Въ томъ ли, что предотвратилъ преступленіе Тибо и устранилъ судебную ошибку?

«Какъ же, однако, случилось, что адвокатъ, такъ часто говорившій передъ вами о чести и деликатности, пришедшій сюда сегодня, если вѣрнѣе ему, для того только, чтобы очертить кругъ нашихъ обязанностей, сдѣлался совѣтникомъ, орудіемъ, сообщникомъ челоуѣка, который рѣдко краснѣетъ, и котораго, однако, мы не видимъ здѣсь, милліонера, преступные проски котораго готовы истребить во всѣхъ сердцахъ драгоценныя зародыши доблести!... Развѣ принципы ваши, г. Тронзонъ, выставляемые такъ торжественно, сильны только способностью творить зло и не въ состояніи воздержать васъ отъ его совершенія?

«Г. Тронзонъ объявилъ, что, принимая на себя защиту Тибо, онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду общіе интересы барро. Онъ упрекалъ меня въ нарушеніи ихъ, цитируя инструкціи г. д'Агессо. Я отвѣчаю ему словами того же судьи. Вотъ что говоритъ онъ въ своей рѣчи объ адвокатскихъ обязанностяхъ: «Иные, недостойные имени оратора, торгуютъ своимъ краснорѣчіемъ; славнѣйшее изъ учрежденій они обратили въ жалкаго раба презрѣннѣйшей изъ страстей. Публика оттолкнула эти продажныя души, и потеря состоянія справедливо покарала тѣхъ, кто славу свою промѣнялъ на богатства. Слабые и несчастные,—говоритъ этотъ великій челоуѣкъ,—да найдутъ въ словѣ вашемъ вѣрное убѣжище противъ гнета и насилія; въ опасныхъ случайностяхъ, когда фортуна хочетъ помѣряться силами съ добродѣтелью, покажите ей, что вы не только свободны отъ власти ея, но и главенствуете надъ завоеваніями ея. Не похваляйтесь никогда,—прибавляетъ онъ,—жалкою честью помраченія истины».

Указавъ на нѣсколько противорѣчій въ показаніяхъ Тибо о совершенной якобы у него кражѣ, оспаривая наличность обвиненія въ дѣтубійствѣ и сознавая, все-таки, что «редакторъ записки употребилъ всѣ мѣры, чтобы замаскировать для публики этотъ ужасный фактъ и предоставить слѣдствію обнаружить эту тайну передъ судомъ», Н. снова обратился къ своему противнику, продолжая такъ: «Вамъ не безызвѣстно, господа, насколько жалки эти мелочныя приемы краснорѣчія, подъ которыми обыкновенно кроется ложь или заблужденіе: они нравятся и увлекаютъ въ романъ, но недостойны въ святилищѣ правосудія, въ сферѣ интересовъ пер-

востепенной важности. Истина не нуждается въ помощи искусства, ей не нужны украшенія, она является обнаженною и сіяетъ въ своемъ собственномъ блескѣ. Истошая умъ свой подобными приемами, вы, г. Тронзонъ, силитесь доказать, что нужно уничтожить древнюю и драгоцѣнную свободу вашей профессіи, вы дѣлаете тридцать миль (намекъ на осмотръ мѣстности), чтобы имѣть удовольствіе измучить своего собрата, безкорыстіе котораго если и не служить для васъ примѣромъ, то, по крайней мѣрѣ, обязываетъ васъ къ уваженію; поступайте, чему учать и меня, и васъ учителя наши въ сферѣ защиты кліентовъ,—тѣ учителя, творенія которыхъ чтить барро, которые во всѣ времена служили образцами, которые прославили Грецію и Римъ,—Демосоевъ и Цицеронъ. Послѣдній, выступая противъ Антонія, противъ Катилины, не щадилъ ихъ своими обличеніями; Демосоевъ поступалъ такимъ же образомъ. «Есть законъ,—говоритъ Цицеронъ,—не писанный, а рожденный съ нами; мы не получили его, не прочли, не выучили, а почерпнули, вдохнули, какъ-бы высосали на груди природы,—законъ, касающийся не нравовъ, а существа нашего; онъ повелѣваетъ, этотъ законъ, что когда жизнь наша борется съ насиліемъ, когда ей угрожаетъ нападеніе врага,—всякое средство защитить ее должно быть признано законнымъ». Въ виду такого свидѣтельства знаменитаго оратора, вамъ, господа, должно показаться очень страннымъ, что адвокатъ, вмѣсто того, чтобы преклониться предъ свѣтомъ его, смѣетъ полагать, что я превысилъ предѣлы своей профессиональной компетенціи. Я даже не думаю, господа, чтобы онъ искренно вѣрилъ въ возможность убѣдить васъ въ этомъ. .

«Вы слышали его защиту, слышали эти общія мѣста, наряженные въ пышныя фразы съ цѣлью соблазнить свою аудиторію, видѣли усилія его отождествить интересы гражданъ всѣхъ классовъ и состояній, собравшихся въ ней, съ интересомъ своего кліента. Нѣтъ, сограждане, успокойтесь! Не страшитесь участи Тибо,—вы никогда, безъ факта, безъ доказательствъ, не потребуете, подобно ему, чьей-либо смерти. Согласенъ, что настоящее дѣло представляетъ крупный общественный интересъ, но тотъ лишь, который указывается разумомъ и гуманностью; онъ заключается въ томъ, чтобы богатые и могущественные не пользовались правомъ жизни и смерти надъ неимущими и слабыми, чтобы постыдныя ингриминаціи не уничтожали свободу адвоката, и чтобы не ставился онъ въ жестокую необходимость отталкивать несчастнаго, прибѣгающаго къ защитѣ его въ самой безотложной своей пуждѣ—избѣгнуть смерти и безславія. При современномъ состояніи нравовъ, человѣкъ богатый, не жалѣющий своего золота для удовлетворенія мести, всегда найдетъ поводы къ обвиненію и средства поддержать его. Онъ можетъ доканать адвоката, если только алчетъ гибели его; можетъ исполнить жизнь его горькою скорбью, разорить его, отвращая отъ общественной дѣятельности и заставляя заботиться о своей собственной защитѣ. И адвокатъ заглушитъ въ сердцѣ своемъ всякое состраданіе къ мольбамъ гражданина, просящаго его помощи, разъ противникомъ у него окажется человѣкъ, страшный своими средствами или своимъ кредитомъ.

«Тогда законы, существующіе только для блага угнетенныхъ, станутъ имъ бесполезны; тогда богачи и магнаты безнаказанно будутъ властвовать надъ остальными гражданами, которые никогда не найдутъ себѣ защитника: страхъ удалить отъ нихъ всѣхъ адвокатовъ.

«Скажемъ же, милостивые государи, что въ интересѣ всѣхъ и каждаго, въ интересѣ законовъ и цѣлей, ими поставленныхъ, необходимо, чтобы адвокатъ хранилъ свою независимость и свободу въ защитѣ несчастныхъ, къ ней взывающихъ. «Естественный законъ,—пишетъ Про де-Руае,—говорить человѣку: если ближній твой обвиняется, если покой его, состояніе, честь или жизнь въ опасности,—дай ему защитника; дѣлай другому то, чего желаешь себѣ; законодатель ли, судья ли,—онъ, прежде всего, человѣкъ и никогда не перестанетъ быть имъ. Совѣтъ, подаваемый обвиняемому, не привилегія, а право его, его свободное, естественное право, старѣйшее, нежели всѣ законы человѣческіе. Природа учить человѣка искать свѣта у другихъ, когда ему недостаетъ собственнаго для того, чтобы руководить собою».

«Жила бы до сихъ поръ дѣвица Клеро, еслибъ не имѣла защитника? Въ чемъ же вина моя, господа судьи? Если состраданіе преступно, я виновенъ и сознаюсь въ томъ: я живо чувствую страданія тѣхъ, кого защищаю; мое сердце загорается и воспламеняетъ воображеніе; я отождествляюсь съ несчастными, ищущими моей помощи; ихъ горе—мое горе, и нерѣдко орошаю я его слезами, какихъ не бываетъ у меня для собственнаго. Спрашиваю всѣхъ слушающихъ меня, спрашиваю васъ самихъ, господа судьи: если бы Провидѣніе, препятствуя злымъ намѣреніямъ, привело бы къ вамъ эту несчастную, рѣшили ли бы вы отвергнуть ея мольбы? Не зажгло ли бы сердце ваше, узнавъ, что ей остается жить только три дня? Некогда было играть словами и компоновать фразы, некогда было остерегаться сказать что-либо лишнее объ обвинителѣ, представшемъ на этотъ разъ въ несомнѣнно отвратительныхъ чертахъ, а надо было торопиться, спѣшить высказать все, что было нужно, бояться пропустить что-либо въ этомъ отношеніи, бояться проявить недостаточно силы и энергіи во всемъ томъ, чего требовало спасеніе невинной и уже готовой жертвы. И могъ ли я, угнетаемый могуществомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и соображеній, обязанъ ли былъ я сдерживать свою воспламенную душу, свое взволнованное состраданіе къ несчастной, молившей меня спасти ее въ самую страшную для всякаго живаго созданія минуту?...»

Такъ закончилъ свою самозащиту адвокатъ Н. Слово было снова представлено Тронзону.

«Теперь, господа, когда вы достаточно ознакомились съ сущностью и объемомъ совершоннаго г-номъ Н. дѣянія, со всею глубиной его злоумышленности, настало время напомнить вамъ постановленія нашихъ законовъ, направленныхъ противъ адвокатовъ, столь преступно злоупотребляющихъ прерогативами своего званія, и затѣмъ выяснитъ передъ вами все зло, которое производятъ и могутъ производить столь ужасная клевета.

«Допустимъ на время, что г. N. ограничился пассивною передачей сообщеній своей клиентки, и изслѣдуемъ начала, усвоенныя въ этомъ отношеніи закономъ и юриспруденціею. Подлежитъ ли адвокатъ общей карѣ закона, преслѣдующаго каждаго автора за пасквиль? Можетъ ли онъ подъ смѣшнымъ предлогомъ простой передачи воли своего кліента безнаказанно рвать и язвить любаго изъ гражданъ, слѣдуя капризу своего воображенія и неистовству своей головы? Можетъ ли онъ опорочивать его въ печати на томъ только основаніи, что данныя сообщены ему одною изъ сторонъ? Лишь печальное заблужденіе можетъ почтить такое дѣло именемъ *прерогативы* или *привилегіи* и дать тѣмъ каждому клеветнику полную возможность найти себѣ сообщника въ адвокатскомъ барро. При всей строгости нашей дисциплины, господа, при всѣхъ нашихъ предосторожностяхъ относительно нечестнаго человѣка или развратнаго пера, то и другое проникаютъ иногда и въ нашу среду. И вотъ, разъ подобная частица общественной заразы ускользаетъ отъ взоровъ нашихъ, честнѣйшіе люди оказываются беззащитными для ударовъ злословія или насмѣшки. До какихъ бы предѣловъ ни достигло подобное безобразіе, адвокату достаточно сказать: «сторона сообщила мнѣ эти факты, подписала ихъ,—преслѣдуйте ее, а не меня!»—и онъ поквапался. Что за ужасная, что за смѣшная доктрина!

«Диффамирующій адвокатъ въ тысячу разъ виновнѣе орудующаго имъ кліента. Изъ безвредной, быть можетъ, клеветы онъ дѣлаетъ смертоносную, непоправимую; никакое личное чувство не мѣшаетъ ему; онъ хладнокровно относится къ обстоятельствамъ, трактуемымъ стороною съ предвзватою страстностью; онъ знаетъ и чистоту нашихъ принциповъ, и вкругъ нашихъ обязанностей, важнѣйшая изъ которыхъ повелѣваетъ сдерживать порывы своего кліента, учить его различать дѣло отъ лица, быть не только совѣтникомъ, но и руководителемъ его. Возможно ли, чтобы законъ, преслѣдуя клеветника, шадилъ лицо, дѣлающее гораздо болѣе зла, нарушающее гораздо болѣе обязанностей и не имѣющее за собою смягчающихъ его вину основаній?

«За обыкновеннѣйшія оскорбленія адвокаты подвергались суровымъ взысканіямъ (цитируются нѣсколько судебныхъ приговоровъ); ихъ присуждали къ штрафамъ, къ интердикціи, къ возмѣщенію утытговъ. Можетъ ли сравниться со всѣмъ этимъ пасквиль, давшій поводъ къ разсматриваемому процессу? Къ чести адвокатскаго сословія, онъ единственный въ своемъ родѣ! Невозможно обнять и перечислить всю массу вреда, имъ причиненнаго. Имѣете ли вы понятіе о томъ, г. N.? Знаете ли вы, что, вѣря вамъ, народъ предалъ проклятію имя оклеветаннаго вами, порывался съечь домъ его, искалъ его, чтобы растерзать собственными руками? Знаете ли вы, безсердечный человѣкъ, что вы убили любимаго брата его, что вслѣдъ за нимъ сошла въ могилу сестра его подъ гнетомъ обрушившагося на нихъ горя, а за нею послѣдовалъ и родственникъ, особенно дорогой сердцу его? Отдайте ему ихъ, отдайте,—говорю я,—или получите кару, которая ждетъ того, кто убиваетъ клеветническимъ ножомъ. Я уже говорилъ вамъ, госпо-

да судьи, о неистовствахъ черни,—нужно ли упоминать и о заблужденіяхъ, жертвами которыхъ оказались и окажутся люди просвѣщенные и уважаемые? Коллегія государственныхъ секретарей, къ которой имѣтъ честь принадлежать Тибо, обязала его оправдаться, подъ страхомъ исключенія изъ своей среды. Вотъ до чего можетъ вліять самая вздорная клевета даже на разумныхъ и почтенныхъ людей! Повѣрите ли вы, господа, что пасквиль былъ разосланъ по всей Европѣ, проникъ и въ другое полушаріе по нѣсколькимъ экземпляровъ въ каждомъ товарномъ тюкѣ... Повѣрите ли вы, кромѣ того, что газеты и журналы были запружены не только самыми безпощадными выписками, но и комментаріями, оскорбительными и для васъ даже...

«Вы возстановите честь Тибо, но не отомстите за нее: вы не въ состояніи сдѣлать этого, ваша власть не идетъ такъ далеко. Да и какая сила въ мірѣ сможетъ остановить этотъ живой ножъ, поражающій ежеминутныя жертвы? Невинный страдалецъ одинокъ въ защитѣ своей, а клевета растетъ и множится подъ всевозможными видами и формами. Она шагъ за шагомъ ползетъ за нимъ, то замирая, то озлобляясь вновь. Несчастный, изнемогая въ непосильной борьбѣ, съ отчаяніемъ ищетъ глазами своего невидимаго врага; зоветъ его, проклинаетъ въ горѣ своемъ, но не можетъ ни поймать его, ни избавиться отъ его ударовъ.

«Никогда, милостивые государи, не позволилъ бы я себѣ такъ долго отстаивать частный интересъ, если бы онъ, въ то же время, не былъ и общимъ, общимъ для всѣхъ гражданъ, которые слушаютъ меня здѣсь. Вы, благородные дворяне, поставившіе честь кумиромъ своимъ! Вы, почтенные служители церкви, для которыхъ общественное уваженіе есть вторая награда! Вы, честные негоціанты, считающіе репутацію первымъ залогомъ богатства, мгновенно сокрушаемаго малѣйшимъ на него покушеніемъ! Вы, граждане всѣхъ классовъ и сословіи, дорожащіе, куда бы ни забросила васъ судьба, почтеніемъ своихъ собратій!... Трепещите всѣ за честь вашу и семействъ вашихъ. По одному слову обвиняемаго, заподозрѣннаго въ низкомъ преступленіи, дозволено будетъ обличать васъ въ безчестныхъ или жестокихъ дѣяніяхъ; васъ и присныхъ вашихъ зальютъ отравленными потоками злословія, ваша честь окажется въ зависимости отъ бѣшенства лихаго писаки, который, обманувъ насъ своимъ прошлымъ, добился чести войти въ среду нашу. И вы, судьи, не застрахованы отъ общей для всѣхъ гражданъ опасности; вы—«земные боги», какъ выразился одинъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу, но вы столь же уязвимы для клеветы, какъ и всѣ простые смертные.

«Почтенные сограждане! быть можетъ, васъ испугала въ процессѣ этотъ широкая свобода правъ нашихъ; но будьте справедливы къ намъ, не судите насъ за единичный случай позора,—виѣстѣ и одинаково съ вами мы ненавидимъ его; продолжайте, попрежнему, уважать насъ,—вы заплатите этимъ за труды наши въ потѣ лица. Вѣрьте, что чистая и непорочная доблесть постоянно одушевляетъ насъ; вѣрьте, что честь ваша всегда дорога

намъ; вѣрьте, что, исполняя долгъ свой, противниками или нѣтъ—все равно, мы всегда на стражѣ ея, какъ самые заботливые друзья ваши; вѣрьте, вѣрьте и будьте увѣрены, что не на служеніе злобѣ и клеветѣ, а въ защиту правды и добра будутъ постоянно направлены дарованія наши.

Приговоромъ руанскаго парламента 24 декабря 1788 г. протестъ противъ подсудности дѣла оставленъ безъ послѣдствій, а самое дѣло обращено къ дослѣдованію.

III.

Что было обнаружено этимъ дослѣдованіемъ, неизвѣстно, и въ нашемъ изданіи *Causes célèbres* о вторичномъ разбирательствѣ дѣла свѣдѣній нѣтъ. Дѣйствительно ли Мари Блеро обокрала своего господина, или самъ онъ сочинилъ эту кражу, чтобы такимъ глупымъ и подлымъ путемъ отдѣлаться отъ неприятнаго свидѣтеля; правда ли, что подсмотрѣнное ею преступленіе было совершено,—все это вопросы, хотя и покрытые тайной, но для насъ въ данномъ случаѣ безынтересные. Исходъ личной драмы, разыгравшейся въ далекое время, въ далекой странѣ, намъ теперь безразличенъ. Для насъ важно лишь то, чему драма эта послужила поводомъ: любуясь старинными гобеленами, никто не вспомнить о споротой канвѣ, по которой когда-то вышивались они.

Трудно, поэтому, судить, кто изъ двухъ, такъ горячо состязавшихся адвокатовъ, былъ конкретно правъ въ своемъ дѣлѣ; но несомнѣнно одно, что за *такими* адвокатами легко жилось всякому, кто желалъ искать въ судѣ правды или оградить себя отъ посягательствъ другаго. Оба противника боролись изъ-за драгоценнѣйшихъ благъ человѣческихъ—жизни и чести. Случайная комбинація поставила ихъ антагонистами; но выше этой случайной комбинаціи стоятъ тѣ начала, тѣ истины, подъ общимъ знаменемъ которыхъ бились они: первая—преходяща, послѣдняя—вѣчны; и исторія французской адвокатуры можетъ смѣло украсить ими лѣтописи свои; современный же читатель съумѣетъ выдѣлать ихъ изъ массы личныхъ препирательствъ, задорнаго лиризма, страстныхъ обобщеній и всего того бурнаго и живописнаго хаоса, въ которомъ такъ неуязвимо, такъ побѣдоносно, такими руководящими свѣточами возвышаются онѣ, озаряя и этотъ случайный хаосъ и все то, что стоитъ вокругъ и впереди его.

Мы выбрали этотъ процессъ, какъ чрезвычайно типично и наглядно рисующій передъ нами ту живую, посредствующую роль, которую занимала адвокатура между судомъ, законами и обществомъ. Принципы права и тогдашней адвокатской этики заявляются и дебатировались въ немъ, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ; стороны попеременно обращаются то къ судьямъ, то къ аудиторіи, сближая ихъ, объединяя ихъ интересы, и вы чувствуете, что этимъ связующимъ звеномъ, этимъ живымъ нервомъ была адвокатура. Защищая, кромѣ собственнаго, и общее дѣло, ставя общіе принципы и задачи, она съ интимнѣйшею откровенностью выясняла свои обя-

занности, публично исповѣдовала грѣхи свои и когда, заключая пренія, потребовала у «почтенныхъ согражданъ» вѣры въ себя, въ свою о нихъ заботу, то вѣра эта, навѣрное, была дана тотчасъ же, и не только съ легкимъ сердцемъ, но и съ просвѣтленнымъ умомъ. Эта эпическая простота и прямизна взаимныхъ отношеній, отнюдь не диссонируя съ торжественною авторитетностью суда, сливались съ нимъ въ чарующей гармоніи, и передъ слушателями ея во всю широту свою развертывалось «воспитательное значеніе» гласнаго судопроизводства.

Въ современной разсмотрѣнному процессу прессѣ мы находимъ прихѣры подобнаго душевнаго общенія между судомъ и публикою, имѣвшіе мѣсто и въ стѣнѣ судебного зданія.

Дѣло Катарини Эстинесъ, обвинявшейся въ отцеубійствѣ, дало поводъ къ столь же своеобразному и еще болѣе трогательному эпизоду.

Эта молодая дѣвушка жила вмѣстѣ съ овдовѣвшимъ отцомъ въ пограничномъ съ Испаніей мѣстечкѣ Казо. Отецъ и дочь горячо любили другъ друга, но вторичный бракъ разрушилъ семейное спокойствіе; мачиха скоро забрала въ руки добраго, но слабохарактернаго Эстинеса, поссорила его съ дочерью, а когда Эстинесъ умеръ, взвела на нее обвиненіе въ отравленіи отца. Мѣстный судья Барресъ и товарищъ прокурора Лагенъ были подкуплены вдовою, явились купленные ею же свидѣтели, и Катарина Эстинесъ была приговорена «къ отсѣченію руки и сожженію заживо». Тулузскій парламентъ, куда дѣло поступило по апелляціи, энергически взялся за изслѣдованіе его; члены суда Жаммъ и Риго отправились на мѣсто *), гдѣ и раскрыли всѣ эти злоупотребленія. Послѣ блестящей защиты адвоката Лакруа, заставившаго рыдать всю свою аудиторію, Катарина Эстинесъ, три года отсидѣвшая въ тюрьмѣ, была объявлена невиновною, товарищъ прокурора Лагенъ сосланъ на галеры, судья Барресъ отрѣшенъ отъ должности, съ воспрещеніемъ когда-либо нести общественную службу и въ теченіе 10 лѣтъ проживать въ Казо, оба присуждены къ денежнымъ взысканіямъ въ пользу мѣстъ заключенія, бѣдныхъ прихода и пострадавшей Эстинесъ. Мачиха взята подъ стражу и приговоръ парламента отпечатанъ въ 500 экземплярахъ.

Вскорѣ за тѣмъ на сценѣ тулузскаго театра шла драма *La veuve du Malabar*. Въ одной изъ ложъ публика замѣтила Катарину Эстинесъ, и зала огласилась рукоплесканіями. Эстинесъ заплакала и рукоплесканія удвоились; кто-то узналъ, что судьи Жаммъ и Риго также находятся въ театрѣ; люди скромные, они пытались скрыться, но это оказалось уже невозможнымъ: имена ихъ передавались изъ устъ въ уста; «вотъ они,—кричала растроганная толпа,—которые спасли дни этой страдальцы! Безъ нихъ она погибла бы въ пламени!»—и зала вновь задрожала подъ общимъ взрывомъ восторженныхъ рукоплесканій. Та же овація повторилась въ концѣ

*) „На свой собственный счетъ,—ноясняетъ рецензентъ,—такъ какъ мѣстныя власти отказались платить прогонн“.

5 акта, при видѣ пылающаго костра. Подавленная силою всѣхъ этихъ впечатлѣній, Катарина зарыдала и лишилась чувствъ. «Les larmes couleient alors de tous les yeux,—прибавляетъ *Тулусскій Листокъ* отъ 11 юля 1786 года.—*Quelle jouissance pour les magistrats qui les faisaient réprendre!...»*»).

Живой интересъ и живое сочувствіе, съ какими тогдашнее общество относилось къ дѣлу отправленія правосудія, вовсе не обуславливались пресловутымъ недостаткомъ французской адвокатуры эксплуатировать чувство судей съ цѣлью добиться успѣха въ своей защитѣ. Множество просмотрѣнныхъ нами дѣлъ за данную эпоху чужды подобнаго приѣма. Адвокаты почти всегда сохраняли вѣрность тѣмъ принципамъ своимъ, которые были указаны нами какъ въ постановленіи консультаціи, такъ и въ процессѣ Тибо; они глубоко понимали сами опасность увлеченія чувствомъ, владѣющимъ ихъ кліентами, чтобы не подвергать тому же судъ; да и самъ судъ всѣми мѣрами стремился оградить себя въ этомъ отношеніи: никто и ни по какому дѣлу не могъ явиться непосредственнымъ истцомъ или обвинителемъ; сначала онъ обязывался заявить жалобу прокурорскому надзору, и жалоба эта предлагалась суду, такъ сказать, профильтрированной постороннимъ, свѣжимъ и непредвзятымъ анализомъ. Эта гарантія правосудія, строго соблюдаемая въ высшихъ чисто-судебныхъ инстанціяхъ, нарушалась лишь въ административно-судебныхъ единоличныхъ учрежденіяхъ: мелкіе чины состоящаго при нихъ и жившаго на мѣстахъ прокурорскаго надзора нерѣдко прегрѣшали въ этомъ отношеніи, руководясь связями, кумовствомъ, интригами и т. п.; все это, ко всеобщему скандалу, разоблачалось адвокатами въ высшей инстанціи.

Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что клевета, ложный доносъ и лжесвидѣтельство составляли «злону дня»: въ *Causés célèbres* то и дѣло тракуются эти преступленія. Процессы подобнаго рода поражаютъ легкостью, съ которою удавалось тогда распространять клевету, орудовать доказательствами и тащить къ суду разныхъ «*prévôts de la Marchaussee*» совершенно неповинныхъ людей. Почтенный, наприм., представитель адвокатуры Гоно, адвокатъ при парламентѣ, былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ, долго томился въ заключеніи, борясь съ лжесвидѣтелями, подлогами и яростью доносителя — сосѣдняго помѣщика, у котораго Гоно имѣлъ несчастіе выиграть поземельную тяжбу, пока, наконецъ, путемъ безчисленныхъ жалобъ не добился правды въ высшемъ трибуналѣ, потерявъ за время слѣдствія своего отца, умершаго съ горя, и самъ едва не послѣдовалъ за нимъ отъ заразы въ тюрьмѣ. Въ другомъ случаѣ священникъ, вознегодовавъ на одного изъ своихъ прихожанъ, оклеветалъ его 12-ти лѣтнюю дочь въ кражѣ, а семью — въ поджогахъ; полъ былъ сосланъ на галеры, однако, дѣвочка, благодаря тогдашнимъ тюремнымъ порядкамъ, на всю жизнь осталась нравственною калѣжкой, а ее

*) „Слезн тогда показались на глазахъ у всѣхъ... Сколь блаженни судьи, ихъ называли!...“

родители, которымъ грозилъ эшафотъ, чуть не сошли съ ума. Честные люди должны были бояться клеветы, «трепетать», какъ выражался защитникъ Тибо, и, слѣдовательно, заключительныя слова его пламенной рѣчи, которыя могутъ показаться *намъ* непростительнымъ воздѣйствіемъ на чувство, опирались на факты, обуславливались современнымъ состояніемъ общества и не имѣли ничего общаго съ пустозвонною фразой, риторскимъ подвохомъ или каптаціей судейской совѣсти.

IV.

Code de l'humanité,—въ составленіи котораго участвовали три парламентскихъ адвоката: Делаландъ, Дюранъ де-Мальянъ и Моле, профессоръ права академикъ Бушаръ и судья Чарнеръ,—такъ ставитъ основныя начала адвокатскихъ обязанностей:

«Уже самое слово «advocat», образовавшееся изъ предлога «ad» и глагола «vocare», указываетъ на существо этихъ обязанностей—отвѣчать на призывъ о помощи, а именно: подавать совѣтъ въ дѣлахъ, предлагаемыхъ сторонами, говорить и писать за нихъ, и, такъ какъ въ вопросахъ права, чести, достоинства, въ интересахъ самыхъ дорогихъ и самыхъ важныхъ, очень немногіе могутъ обойтись безъ такой помощи, то, само собою разумѣется, что званіе адвоката даетъ ему положеніе въ обществѣ столь почетное и столь значительное, что въ Римѣ, наприм., въ самую цвѣтущую эпоху республики люди самые высокопоставленные считали особымъ отличіемъ являться защитниками своихъ кліентовъ; они пользовались такими случаями, чтобы проявить свое мужество въ дѣлахъ, гдѣ предстояло возстановлять правду, нарушенную личнымъ произволомъ владыки, или блеснуть своею ученостью и краснорѣчіемъ и тѣмъ завоевать себѣ всеобщее уваженіе въ республикѣ. Въ виду такой тенденціи, обязанности овои римская адвокатура отправляла бесплатно; законъ Цинція запрещалъ даже адвокату принимать отъ кліента подарки; впоследствии, однако, найдено было справедливымъ допустить вознагражденіе, такъ какъ всякая услуга достойна награды, какъ отъ общества, если касается его интересовъ, такъ и отъ частнаго лица, если охраняетъ его права. Поэтому и теперь, когда трудъ адвоката оплачивается и уже не является въ столь пышной обстановкѣ, профессія его, попрежнему, сохраняетъ характеръ почетной функціи, по природѣ своей требующей лучшихъ свойствъ человѣческаго ума и лучшихъ качествъ сердца, такъ какъ прирожденный и безупречный умъ долженъ соединять въ адвокатѣ глубину и вѣрность мышленія съ профессиональнымъ образованіемъ, съ искусствомъ хорошо говорить и хорошо писать, сердце его должно быть искреннимъ и благосклоннымъ къ бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, но оставаться твердымъ и мужественнымъ въ защитѣ правды отъ лжи, безразлично, откуда бы она ни исходила. Съ такими качествами адвокатъ будетъ пользоваться уваженіемъ несравненно высшаго порядка, нежели то, какое отли-

чало римскихъ ораторовъ, обыкновенно стремившихся къ собственному воспрославленію и движимыхъ только тщеславными мотивами личнаго честолюбія.

«Въ виду природы адвокатскихъ обязанностей, такъ разносторонне полезныхъ и необходимыхъ каждому, представляется справедливымъ, чтобы выборъ того или иного адвоката былъ предоставленъ усмотрѣнію желающаго, и чтобы адвокатская среда совмѣщала въ себѣ людей очень способныхъ, очень опытныхъ и разносторонне талантливыхъ для того, чтобы удовлетворить всѣмъ разностороннимъ требованіямъ такого выбора. Съ другой стороны, столь же справедливымъ окажется предоставленіе полной свободы каждому, желающему посвятить себя адвокатской дѣятельности; наконецъ, свобода и независимость послѣдней и отсутствіе какой-либо ограничительной монополіи вправѣ отправлять ее составляютъ въ этомъ отношеніи не менѣе справедливыя требованія.

«Этими общими началами, обусловленными природою функций адвоката, опредѣляются и всѣ детальныя свойства его дѣйствій и обязанностей. Первымъ изъ нихъ является совѣтъ, даваемый по дѣламъ всякаго рода; вторымъ — принятіе на себя ходатайства по дѣлу, если оно представляется правымъ, и прекращенія такового, если при дальнѣйшемъ ходѣ процесса оно окажется неправымъ. Третьею обязанностью адвоката на него, возлагается составленіе записокъ при изслѣдованіи дѣла для того, чтобы такъ или иначе установить требованія стороны, путемъ ли закона, фактически ли доказательствами, данными ли слѣдствія и т. п., и тѣмъ же порядкомъ разрушить или ослабить домогательства противника.

«Всѣ функции адвоката, какъ въ интересахъ правосудія, такъ и въ интересахъ стороны, общи съ обязанностями прокурора въ томъ отношеніи, что тотъ и другой являются представителями сторонъ, свободными отъ присущаго имъ пристрастія. Отсюда—основная задача этихъ функций служить только правосудію и защищать его достойными ему путями. Она обязываетъ адвоката, прежде всего, быть на высотѣ ея требованій, т.-е. не только сознавать себя профессионально-способнымъ ко всѣмъ дѣйствіямъ по защитѣ, консультаціи и веденію дѣлъ вообще, но и предпринимать ихъ лишь при полной способности овладѣть именно даннымъ предметомъ, потому что между нравственною компетенціей адвоката и судьи существуетъ то различіе, что адвокатъ всегда свободенъ въ выборѣ ея субъекта, а судья со вступленія своего въ должность долженъ чувствовать себя готовымъ къ предстоящей дѣятельности во всемъ ея случайномъ, отъ него независимомъ объемѣ.

«Являясь представителями сторонъ, свободными отъ всякаго пристрастія, адвокаты обязаны защищать самое правое дѣло не иначе, какъ самыми правыми средствами, и не только воздерживаться отъ предположеній, вѣроломныхъ приѣмовъ, умопомраченія и т. п., но и не позволять себѣ ни оскорбительныхъ выраженій, ни заносчивости, ни всего того, что можетъ шокировать правосудіе или нарушать приличіе или уваженіе, подбояющія его трибуналу.

«Если адвокатъ обязанъ стоять за правду и защищать ее лишь правыми путями, то, берясь отстаивать и защищать неправое дѣло, онъ становится сообщникомъ неправоты своего кліента. Профессиональная честь обязываетъ адвоката не только стоять за правду и защищать право и истину лишь законными средствами, но и не смотрѣть на свое дѣло лишь съ точки зрѣнія заработка, не входить съ кліентами ни въ какія соглашенія по участию въ долѣ выигрыша, не затягивать дѣла, не являться судьей въ тѣхъ, по которымъ ходатайствовалъ въ качествѣ адвоката, не проявлять алчности, не затруднять кліентовъ высокимъ гонораромъ, а соразмѣрять его съ своимъ трудомъ, со свойствомъ дѣла и съ достоинствомъ довѣрителей.

«Плохихъ адвокатовъ много оттого, что большей ихъ части недостаетъ таланта, а обладающіе имъ берутся за дѣла безъ достаточной научной подготовки, столь необходимой для образованія хорошаго адвоката.

«Римскіе законы—образецъ здраваго смысла и справедливости, но ихъ замарали, извратили и затемнили безчисленные сборники и комментаріи; изъ нихъ понадѣлали сокращенныхъ руководствъ, компиляцій, переполненныхъ промахами и неточностями. Законы и обычаи варваровъ, завладѣвшихъ лучшими провинціями имперіи, еще болѣе затруднили изученіе права; наконецъ, мелочность и шарлатанство правовѣдовъ, стремившихся во что бы то ни стало замутить первоначальную ясность источника, превратили римское законодательство въ такой хаотическій лабиринтъ, что теперь разбираться въ немъ крайне трудно *). Слѣдовательно, если адвокатъ не постарается изучить право по его настоящимъ источникамъ, если онъ недостаточно знакомъ со всѣмъ, касающимся древняго міра, если онъ незнакомъ съ исторіей и нравами римлянъ настолько, чтобы какъ слѣдуетъ проникнуться духомъ и разумомъ ихъ законовъ, если онъ имѣлъ глупость затромоздить свою память длиннѣйшими и бесполезнѣйшими рапсодіями правовѣдовъ, то нельзя надѣяться, чтобы онъ когда-либо оказался на высотѣ своей задачи.

«Не одно и то же — знать *много* или знать *хорошо*; первое приобретается упорнымъ трудолюбіемъ, второе является плодомъ хорошо направленаго ума; лишь вѣрно разсуждая, можно хорошо утилизировать свои познанія; безъ этого—знаніе является бесполезнымъ для того, кто заручился имъ, и вреднымъ тому, на пользу котораго хотять употребить его. Что толку въ многочисленномъ войскѣ, если некому построить его въ боевой порядокъ, что толку въ богатствѣ, если его тратить зря, что толку въ силѣ, если не умѣютъ пользоваться ею? Многочисленное войско будетъ разбито, богатчъ сдѣлается нищимъ и сильнаго одолѣетъ и побѣдитъ слабый.

«Отсюда само собою слѣдуетъ, что адвокату необходимо быть превосходныхъ логикомъ. Одна логика научить его выдѣлять правое отъ неправаго во всякаго рода дѣлахъ, разсуждать всегда вѣрно, строить побѣдо-

*) Опасность, которая такъ близка и нашей кассационной практикѣ.

носныя соображенія и раскрывать хитросплетенія и софизмы своего противника. Нѣкоторые, между прочимъ, Гравина, въ своей рѣчи о характерѣ судебныхъ преній, отводили диалектикѣ крайне назначительную роль, признавая ее умѣстною скорѣе въ школѣ, чѣмъ въ барро. Необходимо различать два вида диалектики: въ одномъ, не задаваясь серьезными цѣлями, она гонится только за словомъ и выражается въ абстрактныхъ и варварскихъ терминахъ. Благодаря невѣжеству и дурному вкусу, она долгое время царствовала въ школахъ; понятно, что она нигуда не годится. Но существуетъ другой ея видъ, подсказанный изощреннымъ разумомъ и приложимый къ предметамъ серьезнаго значенія; такая диалектика украшаетъ рѣчь и является неразлучнымъ спутникомъ истиннаго краснорѣчія. Этотъ послѣдній видъ диалектики безусловно необходимъ хорошему адвокату, какъ это очевидно, наприим., у ораторовъ древняго міра, у Цицерона и прочихъ знаменитостей, трактовавшихъ объ ораторскомъ искусствѣ.

«Весьма многіе аффектацію считаютъ недостаткомъ и упрекаютъ въ томъ лишь того, кто въ нее впадаетъ; между тѣмъ, аффектація не только дѣлаетъ смѣшнымъ адвоката, но много вредитъ и защищаемому имъ дѣлу. Аффектація обыкновенно вызывается стремленіемъ казаться не тѣмъ, чѣмъ это есть, или не должно бы быть на самомъ дѣлѣ. Проявляется она въ безчисленныхъ формахъ: ораторъ аффектируетъ, когда онъ вѣжется болѣе озабоченнымъ группировкою своихъ фразъ и округленіемъ своихъ періодовъ, нежели сущностью своего дѣла, когда онъ терзаетъ себя мелочами и гонится за утонченностью, когда онъ ищетъ блеснуть умомъ тамъ, гдѣ нужны только разумъ и доказательства, когда онъ прибѣгаетъ къ своеобразнымъ и необычнымъ оборотамъ рѣчи, когда онъ хочетъ парадировать суетною эрудиціей или безъ разбору цитируетъ древнихъ и новыхъ, священное и пошлое.

«Въ особенности же адвокату слѣдуетъ избѣгать всякаго повода показаться самодовольнымъ и напыщеннымъ. Онъ долженъ говорить съ прямодушною увѣренностью, но смѣлость его не должна переходить въ зазоръ или нахальство. Онъ всегда обязанъ быть умѣреннымъ, скромнымъ и приличнымъ, и ничто не вредитъ ему такъ жестоко во мнѣніи всѣхъ, его слушающихъ, какъ горделивый и самодовольный тонъ. Прочтите у Овидія рѣчи Аякса и Улисса въ ихъ взаимномъ спорѣ изъ-за Ахиллова оружія. Аяксъ—грубый и заносчивый нахаль, онъ ничего не признаетъ, гордость и самодовольство колеблютъ мысли его; Улиссъ, напротивъ того, ораторъ ловкій, вліятельный, умѣющій покорять сердца, и доводы его торжествуютъ. То же самое часто приходится наблюдать и въ нашихъ судахъ.

«Застѣнчивость—одно изъ лучшихъ доказательствъ сильнаго ума и правильно развитаго сердца; но мы разумѣемъ ту застѣнчивость, которую порождаетъ мудрость, ширина умственнаго кругозора и скромность; такая застѣнчивость въ адвокатѣ—не порокъ, а самое желанное явленіе. Другое дѣло—застѣнчивость, коренищаяся въ прирожденномъ недостаткѣ смѣлости и въ духовной слабости, лишующихъ человѣка свободы въ пользованіи

своими способностями. Если адвоката удручает этот последний болезненный видъ застѣнчивости, ему нечего ждать болѣе и онъ долженъ оставить барро. Чрезмѣрная смѣлость — недостатокъ менѣе противный адвокатской профессіи, нежели подобная застѣнчивость. Силою труда можно побѣдить застѣнчивость, обусловливаемую недостаткомъ навыка или неполнотою воспитанія, но тогда только, когда не является прирожденнымъ порокомъ, — въ этомъ послѣднемъ случаѣ она почти неизлечима.

«Подъ непостоянствомъ адвоката разумѣется легкость, съ которою онъ мѣняетъ свои мнѣнія, сегодня утверждая одно, а завтра — другое. Вызывается оно двумя причинами: или адвокатъ не успѣлъ приобрести всѣхъ необходимыхъ ему знаній, или не умѣютъ толково пользоваться ими. Изученіе геометріи преимущественно предъ другими науками развиваетъ устойчивость ума, мѣшая ему то и дѣло колебаться изъ стороны въ сторону. Адвокату необходимо знать свѣтъ и всесторонне изучить законы. Было время, когда, кое-какъ научившись грамматикѣ и діалектикѣ, прямо принимались за изученіе права. Теперь мы наблюдаемъ нѣчто обратное: расплодилось безконечное множество словарей, журналовъ, руководствъ и сокращеній, способныхъ образовать полуученаго, человѣка, повидимому, просвѣщеннаго, но который, вовсе не обладая основательными и глубокими знаніями, склоненъ постоянно мѣнять свои воззрѣнія. Подобная неполнота истиннаго образованія, соединяясь съ непомернымъ самолюбіемъ, вызываетъ въ адвокатѣ другой, едва ли не менѣе извинительный порокъ — упрямство.

«Жадность происходитъ отъ малаго знакомства съ внутренними благами и чрезмѣрной любви къ внѣшнимъ. Казалось бы, что профессія адвоката, одна изъ почтеннѣйшихъ на свѣтѣ, должна была бы отличаться особеннымъ благородствомъ, особеннымъ безкорыстіемъ; къ несчастію, однако, справедливо, что и ее не пощадили культъ золотаго тельца. Адвокатъ долженъ быть, конечно, вознагражденъ за свои труды, но онъ не можетъ быть торгашомъ; онъ обязанъ защищать даромъ вдову, сироту или бѣдняка, которому нечѣмъ заплатить.

«Здѣсь подымается крайне важный для судебъ правосудія вопросъ: необходимо ли учрежденіе адвокатуры, нельзя ли обойтись безъ него?

«Нельзя не сознаться, что это учрежденіе, въ судебномъ организмѣ, представляетъ не мало опасностей для защищаемыхъ сторонъ. Древніе рано сознали эту истину: адвокатовъ не знали суды Египта; самими сторонамъ воспрещалось судоговореніе; все производство совершалось письменно, и стороны сами вели такимъ порядкомъ процессъ. Учредители такого порядка хорошо знали, что краснорѣчіе адвоката часто вело къ затемненію истины и къ иллюзіи судей; они боялись подвергать ихъ обманчивымъ чарамъ трогательной и страстной декламации; съ цѣлью закрыть передъ ними эту западню, они обязали стороны излагать свои требованія и доводы письменно, предоставивъ имъ въ цѣляхъ устраненія волокиты обмѣниваться возраженіями лишь по одному разу; переписка затѣмъ поступала въ судъ. По предварительномъ совѣщаніи съ судьями председатель

открывалъ засѣданіе, беря въ руку маленькую, осыпанную драгоценными камнями фигурку, висѣвшую на золотой цѣпи, украшавшей его грудь. Фигурка была безъ глазъ,—она у египтянъ изображала истину. По окончаніи суда председатель прикасался символическою фигуркой къ той изъ сторонъ, которая выиграла дѣло.

«Порядки, соблюдаемые въ ареопагѣ, были почти тѣ же, что у египтянъ. Въ первыя времена стороны сами защищали свое дѣло, и краснорѣчіе считалось опаснымъ даромъ, способнымъ изобразить преступленіе въ самыхъ невинныхъ краскахъ. Но въ послѣдствіи прямолинейная строгость ареопага должна была смягчиться: сторонамъ разрѣшили прибѣгать къ помощи ораторовъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе никогда въ своей защитѣ не удалялись отъ сущности дѣла и тщательно избѣгали страстности, воздѣйствія на воображеніе и всего того, что было способно вызвать милосердіе судей. Всякое отступленіе оратора въ этомъ отношеніи влекло за собою лишеніе его слова. Усвоенный ареопагомъ способъ веденія преній давалъ тонъ афинскому барро и всѣмъ прочимъ трибуналамъ. Вотъ отчего вступительная и заключительная части рѣчей Демосоена кажутся намъ черезъ-чуръ простыми и лишенными всякаго украшенія.

«Эти процессуальныя формы хорошо согласовались съ законодательствомъ древнихъ, но вопросъ: можемъ ли мы, въ наше время, обойтись безъ адвокатовъ? Нѣтъ, конечно; и если адвокатура есть зло, то зло неизбежное. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что тяжущіяся стороны будутъ ограничены одною постановкой факта, но, вѣдь, на этой только постановкѣ судьи будутъ основывать свое сужденіе; необходимо, слѣдовательно, чтобы постановка эта выясняла отношенія факта къ праву или закону, безъ знакомства съ которыми дѣло это для стороны невысказано. Въ законодательствѣ ясно, точно и просто, какимъ управлялся древній Египетъ или какое даровано было Кекропсомъ ареопагу, стороны легко освоивались не только съ буквою, но и съ духомъ закона, такъ или иначе рѣшающаго дѣло ихъ; эти законы являлись или непосредственно - естественными, или представляли собою ихъ послѣдовательное развитіе съ постановленіями ясными и приложимыми для каждаго неослѣпленнаго страстью взгляда. Но въ громадномъ скопищѣ томовъ закона, сборниковъ и комментаріевъ, составляющихъ наше дѣйствующее законодательство,—скопищѣ, скорѣе способномъ заставить судей пребывать во мракѣ, нежели учить людей ихъ обязанностямъ, въ которомъ законы такъ рѣдко согласованы другъ съ другомъ, что представляются болѣе дѣломъ случая, нежели просвѣщенной кодификаціи,—въ законодательствѣ, наконецъ, группирующемъ законы въ такомъ порядкѣ, что одна половина ихъ побиваетъ другую,—въ такомъ законодательствѣ, говоримъ мы, мыслимо ли требовать отъ сторонъ постановки факта съ яснымъ отношеніемъ его къ закону, отъ сторонъ, совершенно въ томъ не свѣдущихъ и руководящихся лишь страстью, ихъ всецѣло одушевляющей?

«Но, скажутъ, пожалуй, пусть стороны ставятъ одинъ фактъ, но точно и вѣрно; судьи разберутъ сами, въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ за-

кону. Это было бы превосходно, если бы только позволительно было утѣшаться надеждою, что судьи обладаютъ необходимыми для того свѣдѣніями. Но такъ какъ большинство изъ нихъ понимаетъ въ законахъ столько же, сколько и предстоящія передъ ними стороны, а тѣ, которые ознакомились съ ними поверхностно, нуждаются по мѣрѣ развитія процесса въ томъ, чтобы ихъ имъ напоминали, то является неизбежнымъ вмѣшательство адвокатуры, специально свѣдущей въ вопросѣ и восполняющей недочеты и сторонъ, и суда.

Такимъ образомъ, зло, составляющее сущій бичъ гражданскаго общества, коренится въ законодательствѣ. Упростите его, низведите его до точныхъ непреложныхъ началъ права естественнаго, и безчисленная армія законовѣдовъ исчезнетъ съ лица земли. Грозодите, наоборотъ, законъ на законѣ, и армія эта будетъ разрастаться вмѣстѣ съ ними. Служители закона равны въ этомъ отношеніи съ служителями иныхъ потребностей нашихъ: по мѣрѣ изобрѣтенія новыхъ потребностей приходится отрывать людей, предназначенныхъ въ служенію дѣйствительнымъ потребностямъ, для того, чтобы заставлять ихъ служить потребностямъ воображаемымъ. Достаточно взглянуть на Неаполь, наприм., содержащій не только въ довольствѣ, но и въ роскоши 50,000 такихъ «служителей закона», чтобы всѣми силами возстать противъ системы гражданскаго законодательства, питающей одну половину населенія на счетъ глупостей другой. Для такого великаго зла нужно и сильнодѣйствующее средство, а эти средства вызываютъ опасныя конвульсіи.

Тѣмъ не менѣе, однако, лучше испытать политическому тѣлу подобныя конвульсіи и вылечиться, чѣмъ страдать хроническимъ, медленно, но видимо разрушающимъ его недугомъ. Будемъ говорить правду: великіе врачи тѣла политическаго столько же рѣдки, какъ и искусные медики тѣла человѣческаго» (*Code de l'humanité ou la législation universelle, naturelle, civile et politique*, изд. 1778 г., т. I, стр. 686—693).

Строго до самозабвенія и безпристрастно до самозакланія глядѣла французская адвокатура XVIII в. на свои задачи, мужественно сознавала свои недостатки и откровенно сознавалась въ нихъ. Не побоялась она, собирая обильную дань съ «глупостей человѣческихъ», поставить ребромъ роковой вопросъ: нужна ли она обществу?—и тѣмъ взглянуть въ глаза собственной смерти своей. Вѣрная одной лишь идеѣ прогресса, она указала и путь къ устраненію «пова неизбежнаго зла». Обходя всѣ несомнѣннѣйшія заслуги свои, характеристикѣ которыхъ мы уже отвели достаточное мѣсто, она рѣшила роковой вопросъ положительно лишь на случайной и своеобразной почвѣ современнаго ей законодательства страны, доступнаго только ея труду, поддающагося только ея пониманію и если приложимаго въ судахъ болѣе или менѣе безошибочно, то лишь благодаря ея просвѣщеннымъ указаніямъ, безъ которыхъ судьи, лишившись ея дѣятельной и постоянной помощи, не смогли бы управиться съ своими прямыми обязанностями.

Постоянно имѣя дѣло съ хаотическою кодификаціей, отстаивая въ су-

дахъ вмѣстѣ съ частными интересами своихъ кліентовъ и общіе интересы государства, являясь въ нихъ проводникомъ новыхъ вѣяній, укрощая рьяныхъ прево, свирѣпствовавшихъ въ провинціяхъ, вырывая отъ эшафота не повинныя жертвы судебныхъ ошибокъ и *однимъ словомъ своимъ* останавливая занесенный надъ ними топоръ палача, адвокатская среда внутри себя находила средства прѣтивъ внѣшняго зла, на собственныхъ плечахъ своихъ несла все дѣло отправления правосудія изъ тяжелаго настоящаго въ лучшее будущее и тѣхъ изъ членовъ своихъ, кто падалъ подъ такимъ непосильнымъ бременемъ, сурово, смѣло и открыто выдавала на судъ общественнаго мнѣнія.

Сама и для собственнаго руководства, свободно и самостоятельно, безъ какой бы то ни было чуждой и обязательной инициативы, она выработала образцовый катехизисъ, обширный, глубокий, исполненный горячей любви къ правдѣ и человѣку и до нашихъ дней сохранившій все значеніе свое. Она могла создать все это лишь благодаря полной свободѣ и независимости, которою пользовалось сословіе, и опираясь на общественное мнѣніе, дарившее ему самую глубокія, самую искреннія симпатіи свои; но, прежде чѣмъ явилась эта свобода, прежде чѣмъ сложилось это мнѣніе, *ихъ нужно было завоевать.*

Въ такихъ величавыхъ очертаніяхъ встаютъ передъ нами титаническіе образы первоучителей французской адвокатуры. Они давно сошли со сцены, успокоившись вѣчнымъ сномъ; но и теперь изъ глубины дорогихъ могилъ несетъ къ намъ ихъ могучее слово, оно, попрежнему, будитъ и ободряетъ, попрежнему, звучитъ надеждой и укоромъ.

П. Обинскій.

ГЛАДСТОНЪ.

(Биографическій очеркъ).

Въ 1838 г. какой-то составитель альманаховъ издалъ въ Лондонѣ книжку, озаглавленную: *Сенатъ Великобританіи*. Книжка эта, сдѣлавшаяся въ настоящее время библиографическою рѣдкостью, содержитъ въ себѣ рядъ краткихъ характеристикъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей тогдашней Англіи, и, между прочимъ, мы находимъ въ ней слѣдующій портретъ одного молодого депутата, успѣвшаго уже въ то время, невзирая на свою молодость, занять видное положеніе въ политическомъ мірѣ:

«Наружность его предрасполагаетъ, какъ нельзя болѣе, въ его пользу. Онъ средняго роста и хорошо сложенъ. Лицо его имѣетъ вротное, пріятное и въ высшей степени интеллигентное выраженіе. Взглядъ его ясный и проницательный; нѣтъ ни одного дэнди въ парламентѣ, который не завидовалъ бы его викиколѣпной шапкѣ черныхъ, какъ смоль, кудрей, красиво расположенныхъ вокругъ лба. Черты лица его тонкія и правильныя, а цвѣтъ лица свидѣтельствуетъ о богатомъ запасѣ здоровья. Жесты его, когда онъ говоритъ, разнообразны, но въ нихъ нѣтъ необузданности. Когда онъ встаетъ, чтобы произнести свою рѣчь, онъ обыкновенно закладываетъ руки за спину и переплетаетъ пальцы одной руки съ пальцами другой. Но въ этомъ положеніи онъ остается недолго. Минуту спустя, руки его уже свободно висятъ вдоль туловища, а немного погодя онъ снова закладываетъ ихъ за спину. Продѣлавъ это нѣсколько разъ, онъ принимается размахивать передъ собою въ воздухъ правою рукою, потомъ опускаетъ ее въ карманъ и повторяетъ то же движеніе лѣвою (рукою). Наконецъ, обѣ руки скрещиваются на груди. Во все продолженіе рѣчи лицо его оборачивается то въ ту, то въ другую сторону, причемъ онъ наибольшую долю своего вниманія удѣляетъ той сторонѣ палаты, на которой засѣдаютъ члены собственной его партіи. Палата всегда слушаетъ его съ величайшимъ вниманіемъ и онъ, повидному, пользуется большимъ уваженіемъ среди людей всѣхъ партій. Онъ обладаетъ замѣчательными дѣловыми способностями и доказалъ это блестящимъ образомъ во время пребыванія своего въ

должности товарища министра колоній при недолговременномъ министерствѣ сэра Роберта Пила.

Оригиналу этого портрета въ настоящее время 80 лѣтъ. Отъ великолѣпныхъ кудрей, черныхъ, какъ смоль, осталось лишь нѣсколько сѣдыхъ прядей, тщательно приглаженныхъ на большой головѣ, которая на своемъ вѣку не мало хлопотъ задала лондонскимъ шляпочникамъ, какъ онъ самъ однажды шутя рассказывалъ въ бесѣдѣ съ представлявшейся ему депутаціей его земляковъ-шотландцевъ. Статная фигура нѣсколько сгорбилась, походка сдѣлалась осмотрительнѣе и медленнѣе; но и теперь еще въ немъ можно узнать многія черты портрета, набросаннаго полвѣка тому назадъ. И теперь еще въ черныхъ глазахъ, окруженныхъ мелкими морщинами, загорается иногда прежній огонь; и до сихъ поръ, какъ бы долго ни затянулись пренія, онъ пересидитъ самаго молодого изъ членовъ палаты, если въ концѣ засѣданія предстоитъ голосованіе какого-нибудь важнаго вопроса. Въ ораторскихъ его приѣмахъ сохранились многія изъ привычекъ, усвоенныхъ имъ въ молодости: та же подвижность, то же разнообразіе жестовъ, та же манера обращаться преимущественно къ членамъ собственной партіи, вопреки англійскому парламентскому обычаю, требующему, чтобы ораторъ, произнося свою рѣчь, дѣлалъ видъ, что обращаетъ ее исключительно къ спикеру (президенту палаты). Годы не только не ослабили его энергіи, но придали ей какъ будто еще болѣе огня. Теперь живость его движеній доходитъ порой до необузданности, пренебрегающей всѣми требованіями парламентскаго этикета. Особенно рѣзко бросается это въ глаза, когда онъ говоритъ въ палатѣ общинъ. На публичныхъ митингахъ, гдѣ онъ имѣетъ передъ собою только единомышленниковъ и гдѣ рѣчь его принимаетъ поэтому характеръ монолога, онъ говоритъ сравнительно спокойнѣе. Но обстановка палаты, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ противниками и гдѣ ему приходится порой отражать ожесточенныя нападенія, дѣйствуетъ на него возбуждающимъ образомъ, особенно въ тѣ періоды, когда собственная его партія находится въ оппозиціи. Тутъ каждый нервъ его содрогается страстностью убѣжденія и гнѣвомъ бойца.

Но запросъ, предъявляемый на силы восьмидесятилѣтняго политическаго дѣятеля, не исчерпывается парламентскими битвами. Къ тревоженіямъ этихъ битвъ нужно еще прибавить ту агитаціонную, внѣпарламентскую работу, страдная пора которой настаётъ во время парламентскихъ вакацій или избирательныхъ кампаній. Въ эти періоды народные представители становятся лицомъ къ лицу со страной, отдають избирателямъ отчетъ въ своей дѣятельности во время сессіи и стараются заручиться ихъ поддержкой для дальнѣйшихъ битвъ. И эту внѣпарламентскую работу, играющую такую важную роль въ механизмѣ англійской политической жизни, престарѣлый дѣятель исполняетъ до сихъ поръ съ неутомимостью, успѣвшею войти въ пословицу и удивляющую даже англичанъ, которыхъ по этой части удивить мудрено. Дѣловыя способности, которыми Гладстонъ обращалъ на себя вниманіе въ молодости, сказались и продолжаютъ связываться и въ

всей послѣдующей его дѣятельности. За нимъ давно уже и совершенно заслуженно упрочилась репутація перваго финансиста своего вѣка. Въ чтеніи его рѣчи отличаются трезвостью, сдержанностью, обстоятельностью и почти полнымъ отсутствіемъ того, что французы называютъ «ораторскими движеніями». Цифры, фактическія подробности, ссылки на исторію вопроса, — все это тѣснится въ нихъ въ изобиліи, нѣсколько утомительномъ для читателя, не заинтересованнаго близко тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, но вы невольно удивляетесь той массѣ предварительной работы, которая понадобилась, чтобы овладѣть до такой степени всѣми подробностями предмета, — работы келейной, кропотливой. Но и это еще не все. Политическій дѣятель, стоящій безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ въ центрѣ всѣхъ великихъ историческихъ битвъ своей страны, государственный человекъ, изучившій въ тонкости весь сложный механизмъ управленія и распорядка толково, умѣло и увѣренною рукой всѣми рычагами и двигателями этого механизма, сохраняетъ еще излишекъ силъ, которыя онъ пристраиваетъ, для собственнаго удовольствія, къ различнымъ видамъ побочной дѣятельности. Въ часы досуга онъ занимается литературой и, притомъ, вовсе не какъ простой диллетантъ. Его работы по классической литературѣ, преимущественно о Гомерѣ, доставили ему въ свое время репутацію недюжиннаго эллиниста. Въ періодической прессѣ онъ и до сихъ поръ продолжаетъ принимать серьезное участіе.

Какъ ни удивительна для насъ личность Гладстона, въ западно-европейской жизни она вовсе не представляется совершенно исключительнымъ явленіемъ. На Западѣ психическая личность вообще долговѣчнѣе, чѣмъ у насъ. Объясняется это очень просто: силы нравственныя, какъ и силы физическія, растутъ и вѣрпнуть упражненіемъ. Все, благопріятствующее проявленію энергіи и открывающее способностямъ выходъ въ ту или другую форму практической дѣятельности, увеличиваетъ и сумму этихъ способностей и придаетъ энергіи большую устойчивость. Чѣмъ гостепримнѣе относится данная общественная среда къ возникающимъ въ ней индивидуальнымъ силамъ, чѣмъ больше представляетъ она простора для ихъ производительнаго примѣненія, тѣмъ богаче развивается личность и тѣмъ дальше отодвигается для послѣдней роковой предѣль, за которымъ настаетъ старческое умаленіе и увяданіе. Говорятъ объ усталости отъ чрезмѣрной, лихорадочно напряженной работы. Но чтѣ значитъ эта усталость въ сравненіи съ тѣмъ изнеможеніемъ, которое является въ результатъ празднаго перегоранья силъ, отрѣзанныхъ отъ всякой производительной работы и запертыхъ въ безысходномъ кругѣ внутреннихъ, бесплодныхъ душевныхъ ощущеній? Эти силы, сожигающія сами себя, никого не освѣтять и не согрѣвъ, не могутъ, конечно, служить мѣриломъ той жизнеспособности, которая свойственна человѣческой природѣ, имѣвшей возможность выпрямиться во весь свой естественный ростъ.

Но въ жизни Гладстона есть и другая черта, заслуживающая нашего вниманія и требующая объясненія. Жизнь эта, такъ побѣдоносно сопро-

тивляющаяся до сих пор въліянію годовъ и такъ упорно отказывающаяся спускаться подъ гору, далеко не представляетъ единства и цѣльности. Про Гладстона можно сказать, что онъ въ наиболѣе знаменательные моменты своего политическаго поприща сожигалъ то, чему поклонялся, и поклонялся тому, что сожигалъ. Съ нимъ происходила, только наоборотъ, та «обыкновенная исторія», которая повторяется въ жизни столькихъ великихъ и малыхъ людей. Какъ извѣстно, человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, за исключеніемъ совѣмъ уже безнадежныхъ вырожденъ, проявляетъ смолоду самую живую отзывчивость на всякія прогрессивныя стремленія и пламенѣетъ самыми искренними, хотя и смутными, сочувствіями къ тѣмъ началамъ, въ которыхъ для него воплощаются добро, истина и справедливость. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ зрѣлые годы приносятъ свой отрезвляющій опытъ и практическая жизнь начинаетъ предъявлять свои неутомимые запросы, вся эта нравственная красота молодости быстро исчезаетъ, человѣкъ либо просто роиаетъ по дорогѣ святаго мечтанія юныхъ лѣтъ, какъ ненужное, мѣшающее бремя, либо проникается даже ожесточенною ненавистью ко всему, напоминающему ему эти мечтанія. У Гладстона ходъ этой обыкновенной исторіи былъ какъ разъ обратный, вслѣдствіе чего и самая исторія становится необыкновенной. Если мы возьмемъ Гладстона, какимъ онъ прямо съ университетской скамьи попалъ на скамью палаты общинъ, и Гладстона, какимъ его знаетъ теперь весь цивилизованный міръ, можно подумать, что передъ нами два различныхъ человѣка, стояще на двухъ противоположныхъ полюсахъ. Молодой, двадцатидвухлѣтній депутатъ выступилъ на политическое поприще подъ знаменемъ самаго фанатичнаго торизма и заявлялъ себя непримиримымъ врагомъ всякихъ новшествъ. Теперь восьмидесятилѣтній старецъ настолько опередилъ традиціонные идеалы виговъ и даже нѣкоторыхъ радикаловъ, что тѣ и другіе отказываются слѣдовать за нимъ на пути намѣченныхъ имъ реформъ. Такая жизненная эволюція, сама по себѣ взятая, не есть что-нибудь безпримѣрное; достаточно напомнить хотя бы нашего Бѣлинскаго, который въ своемъ родѣ и на своемъ полѣ дѣятельности прошелъ не меньше, и даже болѣе, разстояніе, чѣмъ Гладстонъ. Но Бѣлинскій былъ однимъ изъ тѣхъ рыцарей духа, у которыхъ вся страстность бойца, вся неподкупность сознанія, вся сила и красота нравственной личности уходятъ на выработку теоретическаго міросозерцанія; натуры этого рода уносятся въ высь, ничему не покорствуя, кромѣ логики собственнаго развитія, ничего не ища, кромѣ истины. Этими рыцарямъ духа, съ беззавѣтною преданностью ищущимъ теоретическую правду, соотвѣтствуютъ въ сферѣ практической дѣятельности тѣ пионеры, которые столь же беззавѣтно, самоотверженно и неподкупно стремятся воплотить въ дѣятельность, если не нынѣшняго, то завтрашняго дня, разъ уже найденную и сознannую правду. Но Гладстонъ не рыцарь духа и не пионеръ. Въ его характерѣ и жизни мы не находимъ и слѣда такой тревоги и напряженности. Въ будущее онъ заглядываетъ ровно настолько, насколько это необходимо

для всякаго дѣятеля, не желающаго кружиться на одномъ мѣстѣ и тупо ушараться противъ неумолимой логики вещей; изъ задачъ, тѣснящихся на порогъ ближайшаго будущаго, онъ выбираетъ лишь тѣ, которыя настоятельно созрѣли, что сами собою вторгаются въ злобу текущаго дня.

Всѣ подробности жизни Гладстона, всѣ автобиографическія признанія его показываютъ намъ, что взгляды его и направленіе его дѣятельности постепенно измѣнялись подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили въ окружающей его средѣ. Эволюція, совершавшаяся въ немъ, была лишь отраженіемъ той, которая за послѣдніе полвѣка такъ глубоко измѣнила Англію добраго стараго времени; это-то обстоятельство и придаетъ особенный интересъ и поучительность біографіи Гладстона.

Уильямъ Гладстонъ родился 29 декабря 1809 г. въ Ливерпулѣ отъ родителей шотландскаго происхожденія. Отецъ его, Джонъ Гладстонъ, былъ сыномъ и внукомъ негоціантовъ и самъ началъ свое поприще въ качествѣ прикащика ливерпульскаго торговаго дома Корри. Смѣтливость, которую онъ выказалъ при закупкѣ хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ, — весьма рискованной операціи, порученной ему хозяевами въ одинъ неурожайный годъ, когда Европѣ грозилъ голодъ, — доставила фирмѣ Корри монополію хлѣбной торговли и положила начало собственному благосостоянію Джона Гладстона. Въ награду за миллионныя барыши, нажитыя благодаря расторопному прикащику, фирма сдѣлала Гладстона своимъ компаньономъ. Послѣ этого дѣла его быстро пошли въ гору. Онъ сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ судохозяевъ Ланкашира, однимъ изъ царьковъ ливерпульской колоніальной торговли, президентомъ Вестъ-Индской компаніи, и, въ придачу ко всѣмъ этимъ благополучіямъ, крупнымъ рабовладѣльцемъ такъ какъ часть его состоянія была помѣщена въ колоніяхъ, гдѣ въ то время невольничество еще процвѣтало. вмѣстѣ съ богатствомъ пришло и политическое вліяніе, и почести. Двери палаты общинъ раскрылись передъ миллионеромъ; какъ торіи, такъ и виги, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались залучить его въ свои ряды. Но Гладстонъ отдалъ предпочтеніе торіямъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Каннинга, тогдашняго вождя консерватизма. Каннингъ выхлопоталъ ему титулъ баронета, т.-е. дворянское достоинство, и онъ, изъ Джона Гладстона просто, превратился въ сэра Джона.

И такъ, миллионеръ-судохозяинъ, новоспеченный баронетъ, протекціонистъ, рабовладѣлецъ и завзятый консерваторъ по всѣмъ вопросамъ, — такова была центральная фигура той домашней среды, въ которой прошли первые годы Уильяма Гладстона. Традиціи этой среды долго тяготѣли надъ нимъ и торійскія связи отца перешли къ сыну по наслѣдству. Вирочемъ, въ домашнемъ воспитаніи молодого Гладстона была одна черта, имѣвшая благоприятное вліяніе на развитіе его ума и характера. Отецъ его, какъ умный выскочка, всѣмъ обязанный самому себѣ, отлично умѣлъ цѣнить тѣ качества личности, которыя придаютъ ей крѣпкій закалъ и вооружаютъ ее для борьбы за существованіе. Эти-то укрѣпляющія стороны

индивидуализма онъ старался развить и въ своемъ сынѣ, приучая его вникать въ вопросы собственнымъ умомъ, не подчиняться предвзятымъ мнѣніямъ, навязываемымъ извнѣ, и сдаваться лишь на свидѣтельство очевидности.

Когда настало время школьнаго обученія, Джонъ Гладстонъ не могъ отказать себѣ въ тщеславномъ удовольствіи послать своего сына въ итонскую школу, гдѣ воспитывались сыновья знатнѣйшихъ фамилій королевства, такъ что одно названіе «воспитанникъ Итона» выдѣляло молодого человека на всю послѣдующую жизнь изъ толпы обыкновенныхъ смертныхъ. Преподаваніе въ итонской школѣ было строго-классическое, въ томъ смыслѣ, что, кромѣ древнихъ языковъ, тамъ ничему не учили; это не мѣшало, однако, итонскимъ педагогамъ учить и древнимъ языкамъ крайне плохо. Воспитательное направленіе школы было строго-клерикальное, въ англиканскомъ духѣ; на хожденіе въ церковь употреблялось по нѣсколькимъ часамъ, не только въ воскресные, но и въ будничные дни; большинство преподавательскаго персонала принадлежало къ англиканскому духовенству. Дисциплина отличалась, въ одно и то же время, и крайнею строгостью, и крайнею распушенностью. Тѣлесныя наказанія были въ большомъ ходу; порка практиковалась за самыя маловажныя отступленія отъ школьныхъ правилъ, причѣмъ педагоги духовнаго званія не пренебрегали примѣнять эту исправительную мѣру собственноручно. Рядомъ съ этимъ школьное начальство смотрѣло сязовъ пальцы на дѣйствительныя безобразія. Богатые воспитанники, родители которыхъ имѣли средства оплачивать ихъ содержаніе на частныхъ квартирахъ, жили у школьныхъ «туторовъ», пользовались у нихъ на дому особыми репетиціями и внѣ классныхъ занятій располагали значительною долей свободы. Рядомъ съ баловнями, своекоштными учениками, существовалъ особый разрядъ школьныхъ паріевъ; эти послѣдніе, такъ называемые «королевскіе стипендіаты», набирались изъ бѣдняковъ, которые, въ отплату за оказанное имъ благодѣяніе, должны были впоследствии отслуживать свой срокъ въ качествѣ учителей въ томъ же Итонѣ. Для нихъ въ зданіи школы былъ устроенъ интернатъ и содержались они на особомъ положеніи; чтобъ отличить ихъ, даже по внѣшнему виду, отъ учениковъ бѣлой кости, для нихъ былъ установленъ особый мундиръ и всякій своекоштный ученикъ считалъ своимъ долгомъ выказывать глубочайшее презрѣніе къ этимъ отверженцамъ. Независимо отъ этого дѣленія на воспитанниковъ черной и бѣлой кости, воспитанники старшихъ классовъ присвоивали себѣ надъ младшими своими товарищами самую тираническую власть. Этого требовалъ обычай фагизма, вообще распространенный въ англійскихъ школахъ, но въ Итонѣ проявлявшійся въ самыхъ уродливыхъ формахъ. Младшій ученикъ становился буквально рабомъ того старшаго ученика, который избиралъ его своимъ «фагомъ». Онъ обязанъ былъ прислуживать ему, исполнять всѣ его приказанія и за каждую провинность подвергался жестокому побоямъ. Жалобы начальству на притѣсненія старшихъ учениковъ считались нарушеніемъ школьнаго кодекса чести и бѣ-

тому фагу оставалось лишь утѣшать себя надеждой, что, съ переходомъ въ старшій классъ, онъ и самъ изъ раба превратится въ тирана.

Очутившись въ этой средѣ избалованныхъ, самодовольныхъ барчуковъ, не обременявшихъ своего ума знаніями, молодой Гладстонъ съужьлъ отстоять свою личность отъ опошляющихъ вліяній товарищества. Онъ уже въ то время мечталъ о политической дѣятельности, о вліяніи на общественное мнѣніе, и забавы его носили слѣды этихъ мечтаній. Такъ, онъ основалъ школьную газету подъ названіемъ *Eton Miscellany* и помѣщалъ въ ней первые свои литературные опыты. Между послѣдними особенно любопытна статья, озаглавленная *Видъ на Лету*. Въ ней высказываются тѣ самые взгляды, которые Гладстонъ впоследствии, уже въ зрѣлыхъ годахъ, развивалъ въ своихъ этюдахъ о Гомерѣ; въ этихъ этюдахъ, надѣлавшихъ въ свое время много шума, онъ доводилъ до парадоксальности пренебреженіе къ толкователямъ произведеній великихъ поэтовъ и отвергалъ огуломъ всякую критику Гомеровою поэзіи, если такая критика ищетъ свою точку отправленія внѣ самаго текста разсматриваемаго произведенія. Въ отроческомъ опытѣ Гладстона, писанномъ въ Итонѣ, проводится та же мысль. Юный авторъ описываетъ, какъ рѣка забвенія поглощаетъ въ своихъ волнахъ безчисленные томы сочиненій. Все это—комментаріи къ твореніямъ Мильтона и Шекспира; оба поэта, задавленные тяжеловѣсными фолиантами своихъ толкователей, задыхаются и издаютъ предсмертный хрипъ. Между тѣмъ, авторы всѣхъ этихъ ученыхъ примѣчаній и толкованій, видя гибель своихъ трудовъ, въ отчаяніи протягиваютъ къ нимъ руки, тщетно стараясь спасти ихъ отъ потопленія.

Въ 1829 г. Гладстонъ окончилъ курсъ въ итонской школѣ и поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Преподаваніе математики и древнихъ языковъ стояло въ то время въ Оксфордскомъ университетѣ очень высоко; но англійскіе университеты, независимо отъ научнаго своего характера, имѣютъ еще и политическую свою физиономію, а политическое направленіе оксфордской молодежи отличалось въ то время крайнимъ консерватизмомъ. Учрежденія англиканской церкви были среди питомцевъ Оксфорда предметомъ самаго еувѣрнаго поклоненія, а политическій символъ вѣры сводился къ тому, что Англія всѣмъ своимъ величіемъ и процвѣтаніемъ обязана лордамъ и епископамъ. Подобно другимъ университетамъ, Оксфордъ имѣлъ свой клубъ для преній, въ которомъ молодые люди собирались для обсужденія различныхъ вопросовъ текущей политики и подготавливались, такимъ образомъ, къ парламентскому поприщу. Въ этомъ-то клубѣ, носившемъ названіе «Oxford Union», Гладстонъ вскорѣ занялъ выдающееся положеніе; въ молодомъ студентѣ уже начиналъ обозначаться ораторъ недюжинной силы, но выступалъ онъ неизмѣнно на защиту самыхъ реакціонныхъ взглядовъ. Когда въ 1830 г. паденіе Карла X возстановило противъ Франціи консервативные элементы всей Европы, Гладстонъ въ одномъ изъ засѣданій студенческаго клуба внесъ предложеніе выразить порицаніе министерству Грея и обвинялъ послѣднее въ «пособничествѣ заго-

ворщикамъ, очевидно, стремящимся къ испроверженію общественнаго порядка».

Позднѣ Гладстонъ, объясняя переворотъ, произшедшій въ его взглядахъ, такъ отзывался объ университетской своей порѣ: «Оксфордъ въ мое время имѣлъ одинъ большой недостатокъ: быть можетъ, я самъ былъ въ томъ виноватъ, но я долженъ сознаться, что въ Оксфордѣ я не научился тому, чему жизнь научила меня впоследствии; я не умѣлъ цѣнить надлежащимъ образомъ значеніе тѣхъ началъ человѣческой свободы, которыя ничѣмъ не могутъ быть упразднены. Въ тѣхъ академическихъ кружкахъ, гдѣ я вращался, слишкомъ часто преобладала склонность смотрѣть на свободу съ какимъ-то ревнивымъ предубѣжденіемъ. Въ настоящее время я отношусь безъ малѣйшаго страха къ тому расширенію правъ, которое представляется мнѣ неминуемымъ въ ближайшемъ будущемъ; напротивъ, я съ радостью привѣтствую это будущее. Я позналъ истинную цѣну человѣческой свободы и если въ чемъ-либо измѣнился, то разгадку этой перемѣны слѣдуетъ искать именно въ послѣднемъ указанномъ мною обстоятельстве».

Какъ бы то ни было, когда въ 1831 г. даровитый студентъ, увѣнчанный всѣми академическими почестями, простился съ университетомъ и вступилъ въ жизнь, ему, казалось, самую судьбой было предназначено сдѣлаться однимъ изъ столповъ консервативной партіи. Недаромъ Маколей охарактеризовалъ тогдашняго Гладстона въ слѣдующихъ словахъ: «Это молодой человѣкъ незапятнанной репутаціи, обладающій въ замѣчательной степени тѣми дарованіями, которыя упрочиваютъ успѣхъ на политическомъ поприщѣ. Онъ восходящая надежда тѣхъ суровыхъ и непреклонныхъ торіевъ, которые такъ неохотно слѣдуютъ за теперешнимъ своимъ вожакомъ; вождь этотъ имъ необходимъ своею опытностью и краснорѣчіемъ, но онъ имъ ненавистенъ своимъ осмотрительнымъ характеромъ и умѣренностью своихъ мнѣній».

Вождь торійской партіи, о которомъ говоритъ Маколей, былъ сэръ Робертъ Пилъ. Впрочемъ, что касается Гладстона, то нельзя сказать, чтобы онъ, даже въ пору самаго яраго своего консерватизма, неохотно слѣдовалъ за Пилемъ. Между ними возникали порой несогласія по частнымъ вопросамъ, но Пилъ такъ высоко цѣнилъ способности своего молодого соперника, что не могъ долго обходиться безъ его содѣйствія. Гладстонъ съ своей стороны питалъ къ Пилю чувства личной привязанности и уваженія, пережившія періодъ ихъ политическаго единомыслія и сказывающіяся и до сихъ поръ въ его отзывахъ объ этомъ государственномъ человѣкѣ.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда въ торійскихъ кружкахъ привѣтствовали въ Гладстонѣ «восходящую надежду» консерватизма, въ этихъ же кружкахъ съ презрѣніемъ отворачивались отъ другаго даровитаго молодого человѣка, пробовавшаго свои силы одновременно и въ литературѣ, и въ политикѣ. То былъ авантюристъ еврейскаго происхожденія, бѣдокуръ, изобразившій, какъ говорили, самого себя въ героѣ одного изъ своихъ романовъ, Вивганѣ Грей; этотъ молодой че-

ловѣкъ былъ въ то время сильно заподозрѣнъ въ ухаживаньи за вигами и въ консервативномъ лагерѣ на него смотрѣли какъ на будущаго вожака всякихъ безпокойныхъ людей. Если бы кто сказалъ въ это время, что презрѣнный авантюристъ и сорви-голова сдѣлается лордомъ Биконсфильдомъ и что за нимъ покорно будутъ слѣдовать самыя родовитыя торіи, между тѣмъ какъ степенный и суровый труженикъ Гладстонъ обманетъ всѣ ихъ надежды,—то такое предсказаніе сочли бы просто за неумѣстную шутку.

И такъ, по выходѣ Гладстона изъ университета, парламентъ представлялся ему естественною ареной, на которой онъ могъ развернуть свои силы. Но, чтобы пробраться на эту арену, ему нужна была посторонняя помощь; такая помощь не замедлила явиться въ лицѣ герцога Нью-Кэстльскаго, торія самой высокой пробы. Въ числѣ многихъ другихъ прекрасныхъ вещей, принадлежавшихъ благородному лорду, находился и Ньюаркскій избирательный округъ, представительствомъ котораго онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію. Въ тѣ годы вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ на избирателей округовъ, гдѣ находились ихъ помѣстья, было, можно сказать, неограниченно. Герцогъ Нью-Кэстльскій предложилъ Гладстону выступить кандидатомъ въ Ньюаркѣ, и Гладстонъ, принявъ это предложеніе, тѣмъ самымъ обязался поддерживать политику непримиримо-консервативнаго отѣнка. Такое обязательство, впрочемъ, совпадало какъ нельзя лучше съ собственнымъ его тогдашнимъ направленіемъ. Рѣчи его къ избирателямъ были лишь повтореніемъ тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ въ оксфордскомъ студенческомъ клубѣ. Такъ же, какъ и въ ту пору, онъ убѣждалъ своихъ слушателей: «Будемъ бодрствовать неутомимо въ борьбѣ съ этимъ слѣпымъ желаніемъ перемѣнъ, которое грозитъ породить, рядомъ съ ничтожною долей пользы, несравненно большую массу вреда! Возстановимъ тѣ единственныя начала, на которыхъ зиждется безопасность церковнаго и государственнаго нашего зданія и политическихъ нашихъ учреждений». Когда кандидатура его увѣнчалась успѣхомъ и передъ нимъ раскрылись двери палаты общинъ, онъ сдержалъ вполне обѣщанія своихъ избирательныхъ рѣчей. Говорилъ онъ рѣдко, но каждый разъ, когда онъ отступалъ отъ обычной своей сдержанности, рѣчь его была направлена противъ какого-нибудь предложенія, въ которомъ онъ усматривалъ «слѣпое и опасное желаніе перемѣнъ». Такъ, первая, такъ называемая «дѣйственная» рѣчь, которую онъ произнесъ въ палатѣ, была произнесена въ защиту колониальныхъ рабовладѣльцевъ отъ обвиненій, падавшихъ на нихъ въ виду усиленной смертности между невольниками. Правда, въ этой рѣчи онъ выступалъ не столько защитникомъ консервативныхъ началъ, сколько защитникомъ своего отца, репутація котораго была косвенно затронута въ этомъ дѣлѣ. Позднѣе, когда рѣчь зашла объ отиѣнѣ невольничества въ колоніяхъ, онъ не высказался прямо ни за, ни противъ, но настаивалъ на необходимости ограничительныхъ условій, требовалъ, чтобы невольники были подвергнуты предварительному испытанію, которое доказало бы ихъ пригодность къ свободѣ, хотѣлъ, чтобы законодательство дѣлало различіе меж-

ду людьми добропорядочными и достойными съ одной стороны и безпутными строптивцами съ другой стороны,—словомъ, пускалъ въ ходъ весь тотъ запасъ общихъ мѣстъ, за которыя въ подобныхъ случаяхъ прячется желаніе свести на нѣтъ необходимую реформу. Немного спустя онъ выступилъ противникомъ предложенія, требовавшаго парламентскаго слѣдствія о вопіющихъ злоупотребленіяхъ, которыми ознаменовались выборы въ Ливерпуль. Когда въ 1834 г. былъ вотированъ законъ, открывавшій доступъ въ университеты молодымъ людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій и отмѣнявшій для студентовъ обязательство предварительнаго признанія такъ называемыхъ 39 статей, т. е. догматовъ англиканской церкви, мы снова находимъ Гладстона въ рядахъ тѣхъ, которые возставали противъ этой реформы во имя непркосновенности англійскаго правовѣрія.

Вскорѣ молодой депутатъ, дававшій консерватизму столько ручательствъ своей фанатичной преданости, успѣлъ занять въ рядахъ своей партіи настолько выдающееся положеніе, что когда въ 1834 году образовался торійскій кабинетъ, съ сэромъ Робертомъ Пилемъ во главѣ, двадцатипятилѣтній Гладстонъ вошелъ въ составъ правительства, сначала въ званіи младшаго лорда казначейства, а позднѣе въ качествѣ товарища министра колоній. Министерство Пиля продержалось недолго; съ паденіемъ его въ 1835 г. Гладстонъ снова возвращается въ ряды торійской оппозиціи и продолжаетъ въ этихъ рядахъ свою неутомимую борьбу противъ всякихъ новшествъ.

Въ 1839 г. вочникаетъ жгучій вопросъ о народномъ образованіи,—жгучій, главнымъ образомъ, потому, что онъ въ то время тѣсно переплетался съ вѣроисповѣдными распрями. До тѣхъ поръ денежная поддержка, оказываемая дѣлу народнаго образованія государствомъ, составляла привилегію школъ, придерживавшихся строго-англиканскаго правовѣрія; рѣчь шла о томъ, чтобы удѣлить и диссидентскимъ школамъ долю участія въ этихъ субсидіяхъ изъ средствъ государственнаго казначейства,—средствъ, въ доставленіи которыхъ государству участвовали и диссиденты, въ качествѣ плательщиковъ податей. Какъ и слѣдовало ожидать, Гладстонъ не преминулъ возстать самымъ энергическимъ образомъ противъ такого еретическаго предложенія. Рѣчь, которую онъ произнесъ по этому случаю въ палатѣ, превзошла всѣ ожиданія его единомышленниковъ и имѣла въ ихъ средѣ громадный успѣхъ. Не довольствуясь этимъ, онъ развилъ главные положенія своей рѣчи въ большомъ двухтомномъ сочиненіи, озаглавленномъ *Государство въ его отношеніяхъ къ церкви*. Авторъ не пожалѣлъ труда, чтобы обставить мысль этого сочиненія всѣми признаками серьезной учености и глубокомыслія. Обиліе фактовъ и историческихъ посылокъ производило самое внушающее впечатлѣніе на умъ читателя; нить безконечныхъ разсужденій извивалась и терялась въ цѣломъ лабиринтѣ отдѣловъ, главъ и параграфовъ. А, впрочемъ, ядро аргументаціи этого сочиненія сводилось къ слѣдующему: «Государство, такъ же, какъ и частное лицо, имѣетъ совѣсть. Оно представляетъ ассоціацію людей, составившуюся по взаимному соглашенію съ тѣмъ, чтобы до-

ставить этихъ людямъ, жившимъ до этого изолированными другъ отъ друга, возможность жить, дѣйствовать и мыслить сообща. Молитва есть одно изъ отправленій этой совокупной жизни. Подобно тому, какъ государство имѣетъ свою армію, свои законы и свои налоги, оно должно имѣть и свое богослуженіе, и свои догматы. Оно глаго бы, оплачивая учителей, насаждающихъ въ молодыя души такія религіозныя ученія, которыя оно считаетъ ложными». Если бы кто выступилъ съ подобными взглядами и подобными доводами въ Англій нашихъ дней, то ни одинъ серьезный публицистъ не сталъ бы доказывать автору несостоятельность его взглядовъ и негодность его аргументаціи. Но пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было не то и противъ книги Гладстона счелъ нужнымъ выступить съ обстоятельнымъ опроверженіемъ такой крупный представитель вигизма, какъ Маколей. Тридцать одинъ годъ спустя самъ Гладстонъ опровергъ еще рѣшительнѣе свою книгу на практикѣ,—церковною реформой въ Ирландіи.

Въ 1841 г. консерваторы торжествовали побѣду. Сэръ Робертъ Пиль снова сталъ во главѣ кабинета, въ который вошелъ и Гладстонъ сначала въ качествѣ вице-президента, потомъ—президента бюро торговли, а позднѣе въ должности министра колоній. Вступая, такимъ образомъ, снова въ составъ торійскаго правительства, Гладстонъ былъ далекъ отъ мысли, что этотъ эпизодъ его публичной дѣятельности сдѣлается для него своего рода дорогою въ Дамаскъ и что именно его руками и руками Пила будетъ опрокинутъ одинъ изъ краеугольныхъ камней старой торійской программы. Пятилѣтній періодъ, въ продолженіе котораго министерство Пила на этотъ разъ оставалось во главѣ управленія, былъ одною изъ самыхъ бурныхъ эпохъ въ новѣйшей исторіи Англій; то были годы знаменитой борьбы за отмену хлѣбныхъ законовъ. Въ этой борьбѣ помѣрялись силами оба правящіе класса Англій, соперничавшіе другъ съ другомъ при равныхъ приблизительно условіяхъ,—аристократія, опиравшаяся на землевладѣніе, и буржуазія, могущество которой имѣло своимъ источникомъ промышленность и торговлю. Хлѣбныя пошлины, ограждавшія интересы землевладѣнія, уже по этому одному не могли быть сочувственны буржуазіи; тутъ дѣло было не въ одномъ соперничествѣ изъ-за политическаго могущества; въ подкладкѣ спора лежали матеріальные интересы. Дороговизна хлѣба по необходимости влекла за собою и болѣе высокую заработную плату, а это ставило англійскую промышленность въ невыгодныя условія конкуренціи на всемірномъ рынкѣ. Кромѣ того, социальный вопросъ этотъ былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ вообще, а англійская буржуазія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитая и вліятельная ея часть, была настолько дальновидна, что не отождествляла своихъ классовыхъ интересовъ съ Данаевыми дарами протекціонизма и понимала, что за подобное искусственное поощреніе, оказываемое той или другой отрасли промышленности, въ концѣ-концовъ, расплачиваются интересы промышленности, взятой въ ея цѣломъ. Такимъ образомъ, становясь подъ знамя фритредерства, англійская буржуазія руководилась лишь собственнымъ классовымъ интересомъ, хорошѣ

понятымъ. Извѣстно, до какихъ, болѣе чѣмъ сомнительныхъ, выводовъ дошла такъ называемая манчестерская школа, когда вздумала обобщить это начало и превратить его въ универсальное средство, обеспечивающее правильность всѣхъ отправленій экономической жизни. Но въ вопросѣ объ отиѣнѣ хлѣбныхъ законовъ интересъ промышленнаго класса въ значительной степени совпадалъ съ интересами всей массы населенія. Агитацию свою среди массы населенія фритредеры повели съ тѣмъ практическимъ смысломъ, съ тою неутомимою энергiей и выдержкой, которыя привиты англичанамъ всей ихъ исторiей и которыя они вносятъ во всякое предпринимаемое ими дѣло. Побѣда, оставшаяся въ этой битвѣ за началомъ свободной торговли, была, безъ сомнѣнiя, подготовлена этою агитацiей, въ которой принималъ участiе весь цвѣтъ либеральной партiи, а, между тѣмъ, — странное дѣло! — въ парламентѣ билль объ отиѣнѣ хлѣбныхъ законовъ былъ проведенъ не либералами, которые на этотъ разъ составляли въ парламентѣ меньшинство, а торiйскимъ министерствомъ, при господствѣ торiйскаго большинства.

Вначалѣ министерство Пилля самымъ рѣшительнымъ образомъ заняло въ этомъ вопросѣ то положенiе, которое ему и подобало занять по всѣмъ традициямъ торизма. Оно стало на сторону землевладѣльческихъ интересовъ и покровительственной политики вообще. Изобрѣтенная Пиллемъ «подвижная лѣстница» таможенныхъ пошлинъ, ревностнымъ сторонникомъ которой былъ и Гладстонъ, была цѣлкомъ приспособлена къ тому, чтобы обогащать землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, движенiе въ странѣ все росло и росло. Можно было предвидѣть, что выборы въ слѣдующiй парламентъ произойдутъ при кликахъ: «дайте намъ дешеваго хлѣба!» — и дадутъ результатъ не въ пользу консерваторовъ. Сама молодая королева при появленiи своемъ въ театрѣ была встрѣчена враждебными демонстрацiями. Въ виду всѣхъ этихъ признаковъ, упорство торiйскаго большинства въ палатѣ общинъ начинаетъ слабѣть. Ряды сторонниковъ министерства мало-по-малу рѣдѣютъ; само министерство, очевидно, поколеблено въ своихъ протекцiонистскихъ воззрѣнiяхъ; въ бюджетѣ, внесенномъ имъ на обсужденiе палаты, и въ составленiи котораго, какъ всѣ знали, Гладстонъ принималъ дѣятельное участiе, были понижены пошлины на 700 статей изъ общаго числа 1,200 статей, подлежащихъ таможенному обложенiю. Наконецъ, при открытiи парламентской сессii 1846 г. тронная рѣчь королевы торжественно возвѣстила о намѣренiи правительства покончить съ хлѣбными законами. Было давно пора. Картофель въ этотъ годъ уродился плохо и странѣ грозилъ голодъ. Пилль и Гладстонъ сознали, такимъ образомъ, всенародно, что ошибались, и что опытъ послѣднихъ лѣтъ, въ связи съ указанiями виѣрпарламентскаго общественного мнѣнiя, заставилъ ихъ измѣнить свой прежнiй взглядъ на дѣло.

Вслѣдъ за отиѣною хлѣбныхъ законовъ министерство Пилля пало. Камнемъ преткновенiя для этого министерства, только что было упрочившаго себя точку опоры въ общественномъ мнѣнiи, послужилъ ирландскiй вопросъ. Пилль и его сотоварищи сочли нужнымъ, въ виду снова обострившагося не-

довольства въ Ирландіи, прибѣгнуть къ тому патентованному средству, которое англійская политика привыкла пускать въ ходъ при каждомъ новомъ приступѣ этой застарѣлой болѣзни, вѣдрившейся въ государственный организмъ Соединеннаго Королевства: въ парламентъ министерствомъ было внесено предложеніе о временной отѣнѣ для Ирландіи нѣкоторыхъ конституціонныхъ гарантій. Собственно въ общественномъ мнѣніи, въ Ирландіи, такое предложеніе, по причинамъ, которыя будутъ пояснены ниже, не могло въ то время вызвать сколько-нибудь энергическаго отпора. Но ирландскіе депутаты, чтобы подорвать мѣру, ненавистную имъ по весьма понятнымъ причинамъ, воспользовались положеніемъ партій въ средѣ самой палаты. Уступчивость Пиза въ дѣлѣ о хлѣбныхъ законахъ вызвала расколъ въ торійскомъ большинствѣ, часть котораго была сильно раздражена противъ министерства за его «измѣну»; съ этими-то недовольными элементами торизма ирландскіе депутаты и вступили въ коалицію, которая низвергла министерство.

Съ паденіемъ кабинета Пиза, Гладстонъ очутился не только «въ правительствѣ», какъ выражаются англичане, но и въ парламента, и въ теченіе нѣкотораго времени вынужденъ былъ держаться въ сторонѣ отъ активной политики. Дѣло въ томъ, что кандидатура его въ Ньюаркскомъ округѣ, какъ припомнитъ читатель, имѣла самый непримиримый консервативный характеръ. Своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ объ отѣнѣ хлѣбныхъ законовъ онъ порвалъ связь съ непримиримыми торіями, а потому, естественнымъ образомъ, долженъ былъ лишиться на будущее время и поддержки ихъ, которой онъ до сихъ поръ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ на выборахъ. Такимъ образомъ, въ теченіе почти всего 1846 г. доступъ въ палату общинъ былъ для него закрытъ, пока, наконецъ, Оксфордскій университетъ не рѣшился избрать бывшаго своего питомца представителемъ своимъ въ палатѣ (въ Англии, какъ извѣстно, университеты пользуются правами особаго парламентскаго представительства). Вернувшись въ палату, Гладстонъ примкнулъ къ небольшой группѣ такъ называемыхъ «пизитовъ», т. е. единомышленниковъ Пиза, которые стояли особнякомъ какъ отъ консерваторовъ, такъ и отъ либераловъ, хотя и не отказывали послѣднимъ въ своей поддержкѣ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ.

Въ 1851 г. Гладстонъ совсѣмъ исчезаетъ изъ палаты общинъ, покидаетъ Англію и ѣдетъ въ Неаполь. Послѣ двадцатилѣтней напряженной дѣятельности желаніе отдохнуть и освѣжиться среди новой обстановки было какъ нельзя болѣе естественно, а гдѣ же и отдохнуть, какъ не въ земномъ раю, про который итальянцы сложили поговорку: «увидѣть Неаполь и потомъ умереть»? Но, увы! то, что Гладстонъ увидѣлъ въ этомъ раю; скорѣе походило на дантовскую преисподнюю.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ клерикальная реакція въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій была въ полномъ разгарѣ. Гарантій, обѣщанныхъ правительствомъ короля Фердинанда въ 1848 г., были фактически упразднены. Все, что выказывало малѣйшее поползновеніе къ оппозиціи, отправлялось въ

тюремъ или въ изгнаніе. Число жертвъ, томившихся въ заточеніи, доходило до 20,000; повсюду воздвигались эшафоты и въ одномъ Неаполѣ было казнено нѣсколько сотъ человѣкъ. Хотя Гладстонъ въ эти годы и самъ далеко еще не вполне отчалилъ отъ консервативнаго берега, все-таки, разстояніе между привычками, понятіями и нравами англійскаго консерватизма и неаполитанскою реакціей было слишкомъ велико, контрастъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы не вызвать въ недавнемъ крайнемъ торіи и теперешнемъ единомышленникѣ Пия сильнаго и тягостнаго ощущенія. Картины общественной дѣйствительности, окружавшей его, заслонили для Гладстона лазурь неаполитанскаго неба и красоты Неаполитанскаго залива, отнявъ у него всякую охоту развлекаться обычными времяпровожденіями туристовъ. Но, какъ натура дѣятельная, онъ не могъ довольствоваться ролью праздно сочувствующаго и праздно негодующаго зрителя. И вотъ онъ принимается за работу. Съ тою же дѣловитостью и обстоятельностью, къ которой приучила его общественная дѣятельность на родинѣ, онъ начинаетъ изучать положеніе дѣлъ въ Неаполѣ. Онъ собираетъ отовсюду матеріалы, проникаетъ въ тюрьмы, бесѣдуетъ съ заточенными, просматриваетъ подлинныя документы процессовъ и знакомится съ порядками неаполитанскаго судопроизводства. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ знаменитый памфлетъ, озаглавленный: *Письма къ лорду Эбердину*. Тонъ этихъ писемъ простъ и чуждъ всякихъ притязаній на эффектъ. Лишь изрѣдка, какъ бы противъ воли автора, прорывается нота негодованія, вообще же онъ болѣе предоставляет говорить фактамъ, которые и сами по себѣ достаточно краснорѣчивы. «Разсчитываютъ, мой дорогой лордъ, — пишетъ Гладстонъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, — что неаполитанская палата депутатовъ въ полномъ своемъ составѣ должна была имѣть 164 члена, представляющихъ 167,000 избирателей. Изъ этого числа 140 депутатовъ явилось въ Неаполь для исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ избраніемъ. И что же? Изъ явившихся депутатовъ 76, т. е. абсолютное большинство, подверглись либо заточенію, либо изгнанію, не считая многихъ другихъ, которые были лишены депутатскаго званія». Участь, о которой говоритъ Гладстонъ, постигала всѣхъ тѣхъ представителей, которые позволяли себѣ говорить въ неаполитанской палатѣ противъ правительственныхъ предложеній. Далѣе слѣдуетъ описаніе ужасныхъ тюремъ, видѣнныхъ авторомъ. Судебные порядки въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій сводились на пустую формальность. Одно обвиненіе пользовалось полною свободой; относительно же защиты примѣнялось правило, изобрѣтенное еще инквизиціей и гласившее, что невинность въ защитѣ не нуждается. Судьи, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста, должны были произносить обвинительные приговоры; оправдательные вердикты, если они и случались, не приводились въ исполненіе и за нихъ только судьямъ приходилось расплачиваться. «Въ Реджіо, — пишетъ Гладстонъ, — нѣсколько подсудимыхъ были оправданы. Тотчасъ же на судей обрушилось возмездіе: весь составъ суда былъ уволенъ». Особенно поразило Гладстона заточеніе такого человѣка, какъ Поэріо. Этотъ патріотъ, бывший министръ, былъ схваченъ по доносу уо-

ловнаго преступника. Гладстонъ посѣтилъ Поэріо въ тюрьмѣ, ознакомился съ документами его процесса и впечатлѣніе, вынесенное изъ всего этого, выразилъ въ слѣдующихъ строкахъ: «По внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, я долженъ сказать, что обвинительный приговоръ надъ такимъ человѣкомъ столь сообразенъ съ законами истины, справедливости, приличія и національнаго здраваго смысла или, вѣрнѣе, представляетъ такое вопіющее нарушеніе всѣхъ этихъ законовъ, какъ если бы у насъ, въ Англіи, подобный же приговоръ былъ произнесенъ надъ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ наиболее знаменитыхъ государственныхъ людей, наприимѣръ, надъ лордомъ Джономъ Росселемъ, лордомъ Лендедоуномъ, Джемсомъ Гремомъ или вами, милордъ».

Впечатлѣніе, произведенное *Письмами къ лорду Эбердину* не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, было громаднымъ. Въ палатѣ общинъ лордъ Пальмерстонъ на сдѣланный ему запросъ подтвердилъ справедливость разоблаченій Гладстона и выразилъ сожалѣніе о томъ, что способы помочь злу, находящіеся во власти англійскаго правительства, по необходимости ограничены. При громкихъ рукоплесканіяхъ палаты онъ продолжалъ: «Да, я долженъ заявить: когда мы видимъ, что англичанинъ, пріѣхавшій въ Неаполь провести зиму, вмѣсто того, чтобы осматривать волканы и древніе города, вырытые изъ земли, посѣщаетъ суды, спускается въ тюрьмы и разспрашиваетъ безчисленное множество жертвъ, съ цѣлью сообщить обо всемъ видѣнномъ общественному мнѣнію, —мы не можемъ не признать, что такое поведеніе дѣлаетъ величайшую честь тому, кто на это способенъ». Въ заключеніе лордъ Пальмерстонъ сообщилъ палатѣ, что разослалъ экземпляры памфлета Гладстона всѣмъ представителямъ Англіи за границей. Напрасно клерикальная итальянская пресса пыталась выставить *Письма къ лорду Эбердину* клеветой; не болѣе удачны были попытки самооправданія и со стороны министра короля Фердинанда, князя Кастельчичало, — нравственное поражение, нанесенное неаполитанскому режиму разоблаченіями Гладстона, было полное.

Бюджетъ 1853 г. послужилъ поводомъ, снова выдвинувшимъ Гладстона на первый планъ въ ряду государственныхъ дѣятелей Англіи. Первоначально бюджетъ этотъ былъ внесенъ на обсужденіе палаты консервативнымъ министерствомъ Дерби и авторомъ его былъ никто иной, какъ будущій лордъ Биконсфильдъ, тогда еще носившій плебейское имя Дизраэли и занимавшій въ консервативномъ кабинетѣ должность канцлера казначейства. Но фантазія и романтическій темпераментъ, который сказывался и въ государственной дѣятельности автора столькихъ политическихъ романовъ, повидимому, плохо уживаются съ такимъ сухимъ, практическимъ дѣломъ, какъ финансы. Бюджетъ Дизраэли былъ лишенъ всякой руководящей мысли и при этомъ до крайности запутанъ. Противъ бюджета Дизраэли выступилъ Гладстонъ; въ своей рѣчи онъ разобралъ бюджетъ по частямъ и не оставилъ на немъ камня на камнѣ. Успѣхъ рѣчи былъ необычайный и послѣ нея можно было предвидѣть, что дни министерства Дерби

сочтены. И точно, голосованіе первыхъ же статей бюджета дало большинство, враждебное министерству. Лордъ Дерби и его сотоварищи вынуждены были уступить мѣсто новому кабинету, во главѣ котораго сталъ лордъ Эбердинъ. Въ выборѣ своего канцлера казначейства новый премьеръ не могъ колебаться; при данныхъ обстоятельствахъ этотъ портфель можно было предложить только Гладстону.

Первый бюджетъ, внесенный Гладстономъ въ 1853 г., былъ настоящимъ событіемъ. Рѣчь, которую онъ при этомъ произнесъ, длилась битыхъ пять часовъ; но, невзирая на то, что члены палаты общинъ также мало пытаются пристрастія къ цифрамъ и вычисленіямъ, какъ и большинство остальныхъ смертныхъ, оратора слушали, затаявъ дыханіе. Въ этой рѣчи восхищались не столько искусствомъ счетчика, сколько талантомъ лектора. Самыя мелкія техническія подробности переплетались у него съ общими историческими и экономическими взглядами. Онъ умѣлъ, такъ сказать, драматизировать свое изложеніе. Мѣстами онъ, какъ будто, нарочно озадачивалъ своихъ слушателей, вычеркивая налоги, общавшіе самый вѣрный доходъ, и, въ то же время, увеличивая безъ того уже не легкое бремя расходовъ новыми статьями. Но вслѣдъ за тѣмъ картина неожиданно мѣнялась: онъ открывалъ новые источники дохода, которыхъ никто и не подозревалъ, и балансъ бюджета восстанавливался. Въ общемъ итогъ, по сведеніи всѣхъ счетовъ, оказался излишекъ доходовъ въ 493,000 ф. ст. (по нынѣшнему курсу около 5.000,000 рублей).

За Гладстономъ, вообще, какъ друзья, такъ и враги его признаютъ, что въ дѣлѣ составленія бюджетовъ онъ не имѣетъ себѣ равнаго между финансистами Европы, обладая какимъ-то чутьемъ дѣйствительности, которое граничитъ почти съ даромъ предвидѣнія. Не надо забывать, что финансовое управленіе находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ общаго направленія политики страны; самыя благія намѣренія, самыя остроумныя комбинаціи, самыя здравыя начала могутъ примѣняться въ области государственнаго хозяйства и приносить въ ней плодъ лишь постольку, поскольку тому не препятствуетъ общее теченіе политической и экономической жизни страны. Такъ, эпоха крымской войны подвергла финансовыя дарованія Гладстона и принципы его финансовой политики тяжкому искусу. Для войны нужны были деньги, а для того, чтобы добыть деньги, приходилось сдѣлать выборъ между двумя источниками: государственнымъ займомъ и увеличеніемъ налоговъ. Что касается займовъ, то Гладстонъ всегда былъ самымъ непримиримымъ ихъ противникомъ; онъ считалъ, что финансовая политика не имѣетъ права приносить будущее въ жертву злобѣ нынѣшняго дня и обязана заботиться о томъ, чтобы не связывать руки завтрашнему дню, не заставлять его расплачиваться за грѣхи настоящаго. Отвращеніе его отъ займовъ было такъ велико, что, въ виду невозможности разрѣшить дилемму иначе, онъ рѣшился даже поступиться на время другимъ принципомъ, требовавшимъ, чтобы податное обложеніе по возможности щадило кошельки бѣднаго люда. Въ

числѣ налоговъ, которые онъ ввелъ или увеличилъ по случаю военного времени, были и весьма непопулярны: такъ, онъ увеличилъ налогъ на солодъ, пошлины на алкоголь, на чай, на сахаръ. Къ чести Гладстона надо, впрочемъ, сказать, что, дѣлая, подъ давленіемъ обстоятельствъ, подобнаго рода уступки, онъ постоянно заботился о томъ, чтобы временно допущенныя мѣры не превращались въ хроническое зло и не сохраняли свою силу долѣе того срока, когда это представлялось безусловно необходимымъ. Такъ, относительно налоговъ, которые были введены по случаю крымской войны, было оговорено, что они должны быть отмѣнены не позже 1860 г.

Каждый новый бюджетъ, предлагаемый Гладстономъ на обсужденіе палаты, содержалъ въ себѣ какую-нибудь новую мѣру, клонившуюся къ облегченію плательщиковъ податей, преимущественно того недостаточнаго класса, на который всего тяжелѣе ложится бремя прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Наилучшею похвалою его финансовой дѣятельности за тотъ періодъ, когда онъ состоялъ канцлеромъ казначейства, можетъ служить та крутая перемѣна, которая произошла, какъ только руководство финансовой и общей политики перешло въ руки его соперника. Министерству лорда Биконсфильда, поглощенному внѣшнею политикою, было, конечно, не до финансовыхъ реформъ; притомъ, государственному казначейству было только впору удовлетворять предъявляемыя къ нему требованія новыхъ и новыхъ кредитовъ. Не прошло и пяти лѣтъ со времени вступленія лорда Биконсфильда въ управленіе, какъ дефицитъ, замѣнившій прежній излишекъ доходовъ, возросъ до 7.000,000 ф. ст. (болѣе 80.000,000 рублей).

Но мы забѣжали впередъ; намъ необходимо вернуться на нѣсколько лѣтъ назадъ, чтобы прослѣдить два послѣдніе и важнѣйшіе фазиса въ жизненной эволюціи Гладстона, — его дѣятельность по избирательной реформѣ и по ирландскому вопросу.

Потребность въ избирательной реформѣ давно давала себя чувствовать въ странѣ. Реформою 1832 г. были, правда, уничтожены злоупотребленія, связанныя съ существованіемъ такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ. Какъ извѣстно, гнилыми мѣстечками назывались такія мѣстности, которыя издавна пользовались правомъ посылать отъ себя представителей въ парламентъ, но въ которыхъ, вслѣдствіе упадка прежняго ихъ значенія, число избирателей стало ничтожно и назначеніе представителей фактически зависѣло отъ мѣстныхъ магнатовъ - землевладѣльцевъ. Такой порядокъ представлялъ тѣмъ большую аномалію, что рядомъ съ этими избирательными округами безъ избирателей обширные и многолюдные округа, процвѣтаніе которыхъ было недавняго происхожденія, не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ. Законъ 1832 г. ввелъ болѣе равномѣрное территориальное распредѣленіе парламентскаго представительства, уничтожилъ несправедливую привилегію землевладѣльческой аристократіи и увеличилъ приблизительно на полмилліона общее число избирателей въ странѣ. Но увеличеніе это было выгодно преимущественно для средняго класса и не коснулось народныхъ слоевъ. Между тѣмъ, общіе успѣхи образованія по-

высшим уровнем политическаго самосознанія въ массахъ, въ особенности среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; высокой избирательный цензъ, устранявшій ихъ почти огуломъ отъ пользованія важнѣйшимъ изъ правъ англійскаго гражданства, ощущался какъ тягостная и ничѣмъ не оправдываемая аномалія. Уже въ 1817 г., по почину майора Картрайта, въ палату общинъ была представлена петиція, требовавшая введенія всеобщей подачи голосовъ и скрѣпленная 1.700,000 подписей. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы движеніе среди рабочихъ все болѣе и болѣе распространяется и порождаетъ многочисленныя ассоціаціи, которыя, группируясь на почвѣ экономическихъ нуждъ трудящагося класса, вскорѣ приходятъ къ сознанию, что для улучшенія экономическаго своего положенія имъ необходимо обезпечить за собою возможность вліять непосредственно на ходъ законодательства. Въ 1836 г. возникла въ Лондонѣ «ассоціація рабочихъ», сдѣлавшаяся колыбелью знаменитаго движенія чартистовъ, а два года спустя упомянутою ассоціаціей были сформулированы главнѣйшіе пункты программы, которая впоследствии была разработана подробнѣе подъ названіемъ «народной хартии». Въ этихъ основныхъ пунктахъ высказывались слѣдующія требованія: отмена избирательнаго ценза, введеніе тайной и всеобщей подачи голосовъ, ежегодное возобновленіе состава парламента, раздѣленіе страны на избирательныя округа по количеству населенія и денежное вознагражденіе депутатамъ. Петиція, съ которою чартисты обратились въ томъ же году въ парламентъ, была отвергнута 235 голосами противъ 46, но движеніе все болѣе и болѣе разрасталось. Въ теченіе слѣдующаго за тѣмъ десятилѣтія оно не разъ порождало бурныя столкновенія въ Южномъ Уэльсѣ, въ Единбургѣ, въ Глазгоу и даже въ самомъ Лондонѣ. О томъ, какъ широко были распространены въ массѣ населенія идеи чартизма, можно судить изъ слѣдующихъ фактовъ: когда въ 1841 г. рѣшено было обратиться въ парламентъ съ новою петиціей, документъ этотъ былъ скрѣпленъ 1.300,000 подписей; подъ другой петиціей-монстръ, доставленной въ парламентъ въ 1848 г., стояло не менѣе 5.760,000 подписей.

Требованіе расширенія избирательнаго права было, въ сущности, лишь выводомъ изъ всѣхъ посылокъ англійскаго политическаго быта. Такъ, по крайней мѣрѣ, ставилъ вопросъ самъ Гладстонъ; защищая избирательную реформу 1884 г., онъ говорилъ: «Все населеніе Великобританіи пользуется свободой слова, печати, ассоціацій, правомъ обращаться къ парламенту съ петиціями. Всѣ эти привилегіи населенія ничего не отнимаютъ у насъ, а, напротивъ, служатъ ручательствомъ нашей безопасности. Я прошу васъ даровать тѣмъ же классамъ населенія высшую привилегію—право подавать голосъ за своего представителя въ парламентъ, и тогда мы, сильные и теперь, какъ нація и какъ государство, сдѣлаемся еще сильнѣе». Но для того, чтобы такая постановка вопроса сдѣлалась возможною въ стѣнахъ парламента, понадобилось не мало времени и усилій. Въ половинѣ XIX столѣтія движеніе въ пользу избирательной реформы, достигавшее такихъ серьезныхъ размѣровъ въ странѣ, замирало у порога парламента. Не толь-

ко въ палатѣ лордовъ, но и въ палатѣ депутатовъ высокій имущественный цензъ, дѣлавшій избирательное право привилегіей состоятельныхъ классовъ, считался однимъ изъ краеугольныхъ камней англійскихъ учреждений; не только консерваторы, но и многіе либералы встрѣчали каждый намекъ на отмену или хотя бы только на пониженіе избирательнаго ценза съ неподдѣльнымъ ужасомъ. Чтобы выставить всю черноту замысловъ, предполагавшихся за подобными попытками, считалось достаточнымъ обезпечить ихъ такими терминами, какъ «демократизація» и «американизація». Въ виду такого настроенія парламентскихъ сферъ, сторонники реформы въ объѣхъ палатахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они рѣшались заводить рѣчь объ этомъ щекотливомъ предметѣ, старались какъ можно болѣе съузить программу своихъ преобразовательныхъ требованій. Всѣ эти предосторожности, однако, не въ состояніи были разсѣять существовавшее предубѣжденіе. Что же касается такихъ личностей, какъ Брайтъ, который ставилъ вопросъ прямо и энергичная агитація котораго внѣ парламента такъ много способствовала конечному успѣху дѣла, то на нихъ даже сторонники реформы въ объѣхъ палатахъ смотрѣли какъ на какихъ-то *enfants terribles*, только вредящихъ дѣлу своею необузданностью. Однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ лорда Джона Росселя послѣ того, какъ онъ рѣшился внести въ палату общинъ законопроектъ объ избирательной реформѣ, заключалось именно въ томъ, что онъ рѣшился на этотъ шагъ подъ влияніемъ Брайта.

Начиная съ 1852 г. вопросъ объ избирательной реформѣ поднимался въ парламентъ нѣсколько разъ, но въ теченіе пятнадцати лѣтъ не приводилъ ни къ какому осязательному результату. Такъ, въ 1852 г. онъ былъ сметенъ съ очереди министерскимъ кризисомъ; въ 1854 г. занята война; въ 1859 г. съ проектомъ избирательной реформы выступило само консервативное министерство, но проектъ его былъ не столько уступкою общественному мнѣнію, сколько попыткою обойти послѣднее: предполагалось, правда, распространить избирательное право на нѣкоторыя категоріи сельскаго населенія, представлявшіяся наиболѣе благонадежными съ консервативной точки зрѣнія, но за то контингентъ городскихъ избирателей еще болѣе суживался. Либеральная оппозиція была совершенно права, когда отвергла проектъ этой лицемѣрной реформы, настаивая на томъ, что избирательная реформа должна быть проведена серьезно и честно, и что провести ее въ этомъ видѣ могутъ только либералы. Однако, послѣ того, какъ министерство лорда Дерби потерпѣло пораженіе на этомъ вопросѣ и выборы слѣдующаго года дали либеральное большинство, въ средѣ этого послѣдняго далеко не оказалось необходимаго единодушія. Проектъ избирательной реформы, внесенный либеральнымъ министерствомъ, встрѣтилъ противодѣйствіе среди самихъ же либераловъ; министерство отстаивало свой проектъ довольно вяло и дѣло умерло изморомъ, не доживъ даже до голосованія. Послѣ этого въ теченіе семи лѣтъ объ избирательной реформѣ въ парламентъ не заводилось серьезной рѣчи. Однимъ изъ вліяній, наиболѣе тормазившихъ разрѣшеніе этого вопроса,

было вліяніе самого главы либеральной партіи, Пальмерстона, который вообще не былъ расположенъ къ широкимъ уступкамъ въ этой области. Къ тому же, и составъ парламента, невзирая на преобладаніе въ немъ либераловъ, очевидно, не благоприятствовалъ новымъ преобразовательнымъ попыткамъ. Но вотъ, въ 1865 г., составъ палаты общинъ обновляется общими выборами, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ умираетъ Пальмерстонъ. Преемникомъ его становится лордъ Джонъ Россель. Онъ—глава министерства и предводитель либеральной партіи въ палатѣ лордовъ; предводителемъ либераловъ въ палатѣ общинъ становится Гладстонъ, который вступилъ въ кабинетъ лорда Росселя канцлеромъ казначейства.

Въ положеніи Гладстона за это время произошла перемѣна, имѣвшая не малое вліяніе на дальнѣйшій его образъ дѣйствій. Какъ припомнитъ читатель, послѣ разрыва его съ крайними торіями, доступъ въ палату общинъ былъ ему снова открытъ избраніемъ Оксфордскаго университета. Представителемъ этого послѣдняго онъ состоялъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, либерализмъ ученой корпораціи далеко не шелъ въ ногу съ развитіемъ взглядовъ самого Гладстона; обстоятельство это, какъ онъ и самъ впоследствии сознался, не позволяло ему вполне слѣдовать голосу собственнаго убѣжденія; сообразуясь съ настроеніемъ своихъ избирателей, онъ сдерживался, изыскивалъ компромиссы, — напрасный трудъ! Бывшая *alma mater* находила, что знаменитый питомецъ и теперешній парламентскій представитель ея слишкомъ далеко уклоняется влево, и вовсе не была расположена слѣдовать за нимъ въ этомъ направленіи. Число голосовъ, подававшихся за Гладстона въ Оксфордѣ, съ каждымъ новымъ выборомъ убывало и, наконецъ, въ 1865 году онъ былъ совсѣмъ забаллотированъ. Консерваторы ликовали, но оказалось, что радость ихъ была совсѣмъ не у мѣста. Оксфордская неудача только развязала Гладстону руки. Манчестерскіе либералы успѣли предложить представительство своего округа отвергнутому кандидату Оксфордскаго университета; въ ихъ глазахъ то самое, за что Гладстонъ былъ забракованъ университетскими избирателями, могло служить только рекомендаціей. Радость, съ которою Гладстонъ, съ своей стороны, привѣтствовалъ эту развязку, выпутавшую его изъ фальшиваго положенія, прорвалась въ слѣдующихъ его словахъ, обращенныхъ къ манчестерскимъ либераламъ: «Наконецъ-то, друзья мои, я являюсь къ вамъ безъ намордника!»

Выборы 1865 г. дали либераламъ большинство въ 70 голосовъ. Это большинство они получили только потому, что страна, желавшая избирательной реформы, ожидала удовлетворенія своихъ требованій отъ либераловъ. Такимъ образомъ, для партіи, восторжествовавшей на выборахъ, получилось своего рода «повелительное полномочіе», отъ условій котораго она не вправѣ была уклоняться. Это понялъ лордъ Джонъ Россель и не замедлилъ выступить съ проектомъ избирательной реформы. На долю Гладстона досталась важная и нелегкая обязанность защищать этотъ проектъ въ палатѣ общинъ. Собственное отношеніе Гладстона къ вопросу объ

избирательной реформѣ было довольно сложное. Съ одной стороны, онъ понималъ всю несостоятельность самаго принципа ценовыхъ ограниченій, оставляющихъ большинство населенія за предѣлами того, что въ странахъ съ представительнымъ правленіемъ принято называть «дегальною страной»; онъ не только не считалъ такое ограниченіе завидною особенностью, присущее англійскимъ учрежденіямъ, но прямо признавалъ его аномаліею, несогласною съ духомъ этихъ учреждений и долженствующею исчезнуть изъ нихъ рано или поздно». Но, какъ противникъ «дальнихъ перспективъ», считавшій нужнымъ приспособляться къ тому, что практически осуществлено при данномъ составѣ парламента, онъ ставилъ программу свою гораздо скромнѣе. Эта сторона его возрѣній всего лучше характеризуется слѣдующимъ его заявленіемъ, не лишеннымъ извѣстной казуистической изворотливости: «Я беру на себя смѣлость утверждать, что каждый человѣкъ, противъ котораго нельзя привести соображеній личной неспособности или политической опасности, имѣетъ нравственное право быть включеннымъ въ сферу конституціонной жизни. Но, само собою разумѣется, высказывая это положеніе, я отнюдь не беру назадъ протестъ, высказанный мною ранѣе противъ всякихъ внезапныхъ, или насильственныхъ, или чрезмѣрныхъ, или опьяняющихъ перемѣнъ».

Законопроектъ министерства Росселя отнюдь не предлагалъ такихъ перемѣнъ, которыя можно бы было назвать «чрезмѣрными» или «опьяняющими». Изъ тѣхъ 400,000 голосовъ, которыхъ предлагаемое имъ пониженіе избирательнаго ценза должно было прибавить къ прежнему миллиону полноправныхъ гражданъ, добрая половина должна была состояться изъ такихъ категорій избирателей, которыя, строго говоря, не могли быть причислены къ рабочему классу; на долю этого послѣдняго пришлось бы не болѣе 200,000 голосовъ, которые вмѣстѣ съ прежними 126,000 рабочихъ, пользовавшимися правами голоса по старому закону, составили бы не болѣе 22% общаго числа всѣхъ избирателей страны. Невзирая на такой умѣренный характеръ предлагаемой реформы, изъ-за нея закипѣла одна изъ самыхъ жаркихъ битвъ, какія когда-либо выдавала палата общинъ, и, что всего удивительнѣе, въ рядахъ самыхъ рьяныхъ противниковъ реформы сражались нѣкоторые депутаты, причислявшіе себя къ либеральной партіи. Вожаками этихъ перебѣжчиковъ были Горсманъ и Лоу.

«Я не домогаюсь,—воскликала Лоу въ одной изъ своихъ филиппикъ противъ Гладстона,—ни единого листка изъ тѣхъ лавровъ, которые, быть можетъ, украсятъ его чело, и не завидую предстоящему его торжеству. Пускай за нимъ остается слава человѣка, отстаивающаго этотъ законопроектъ,—за собой я желаю сохранить ту славу, что я до конца, насколько позволяли мои слабыя силы, противодѣйствовалъ ему».

Противодѣйствіе Лоу и другихъ перебѣжчиковъ изъ либеральнаго лагеря оказалось какъ нельзя болѣе успѣшнымъ. Ихъ голоса, соединившись съ торійскою оппозиціей, образовали большинство, подъ дружнымъ напоромъ котораго палъ проектъ избирательной реформы, а съ нимъ вмѣстѣ пало и либеральное министерство. Замѣчательны заключительныя слова той рѣчи,

которую Гладстонъ завершилъ эту знаменитую парламентскую битву. Обращаясь къ оппозиціи въ ту минуту, когда дѣло было уже очевидно проиграно, онъ воскликнулъ:

«Вы не можете бороться противъ будущаго. Великія социальныя силы, которыя надвигаются во всей своей мощи и всею своею величию, и шествіе которыхъ не можетъ ни на одно мгновение быть остановлено или разстроено шумомъ нашихъ преній,—великія эти силы, говорю я, противъ васъ. Онѣ выстроились на нашей сторонѣ и знамя, которое мы несемъ, въ настоящей битвѣ, хотя ему, быть можетъ, и суждено поникнуть надъ нашими склоненными головами, вскорѣ снова взвѣется; крѣпко обхватятъ его руки соединеннаго народа и оно поведетъ народъ къ побѣдѣ, которая, быть можетъ, и не легко достанется, на которая уже надалеко».

Когда Гладстонъ произносилъ эти слова, онъ едва ли и самъ ожидалъ, что пророчество его сбудется такъ скоро.

На смѣну павшаго министерства Росселя явилось министерство Дерби, въ которомъ мѣсто Гладстона заступилъ Дизраэли. Такимъ образомъ, получалось положеніе, довольно необычайное въ лѣтописяхъ парламентаризма. Консервативная партія, изъ рядовъ которой вышло новое министерство, составляла въ палатѣ меньшинство и не могла служить прочною опорой правительству. Съ другой стороны, либеральное большинство, очутившееся въ оппозиціи, было разрозненно по самому животрепещущему вопросу дня и чувствовало себя парализованнымъ этою разрозненностью. Сторонники избирательной реформы въ палатѣ общинъ составляли не болѣе трехъ четвертей либеральной партіи, слѣдовательно, по отношенію къ общему числу членовъ палаты, были въ меньшинствѣ. Отсюда въ образѣ дѣйствій какъ либераловъ, такъ и консерваторовъ—неувѣренность, непослѣдовательность, отсутствіе опредѣленнаго плана и цѣлый рядъ самыхъ неожиданныхъ превращеній. Министерство лорда Дерби, вступая въ управленіе, было, конечно, озабочено тѣмъ, чтобы свести на нѣтъ избирательную реформу, но еще болѣе оно было озабочено тѣмъ, чтобы удержать за собою власть вопреки шаткости и неправильности своего парламентскаго положенія, какъ министерства партіи, бывшей въ меньшинствѣ. Съ другой стороны, и либеральные заступники реформы, сознавая, что всякая попытка ихъ повернуть дѣло по-своему встрѣтитъ отпоръ со стороны консерваторовъ и либеральныхъ противниковъ реформы, были расположены къ компромиссамъ; они утѣшали себя надеждой, что лишь бы дѣло восторжествовало въ принципѣ, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ, а тамъ сама практика очиститъ реформу отъ внесенныхъ въ нее искаженій, доказавъ ихъ несообразность.

По части несообразностей и искаженій законопроектъ министерства Дерби, дѣйствительно, ничего не оставлялъ желать. Всего курьезнѣе была та статья законопроекта, которая касалась жильцовъ, уплачивавшихъ приходскіе налоги не непосредственно, а чрезъ своихъ домовладѣльцевъ. Надо замѣтить, что приходскіе налоги взымались разомъ за нѣсколько мѣсяцевъ и даже за годъ впередъ. Такой способъ взиманія, конечно, былъ не по силамъ бѣд-

нѣйшимъ плательщикамъ, которые и за собственныя квартиры платили понедѣльно. Приходскія власти находили для себя неудобнымъ вести расчеты съ этою бѣднотой непосредственно и предпочитали имѣть дѣло съ домовладѣльцами; эти послѣдніе получали съ своихъ жильцовъ вмѣстѣ съ квартирною платой и причитающійся съ нихъ приходскій налогъ по частямъ, а сами вносили приходу весь налогъ авансомъ и огуломъ, по количеству имѣвшихся у нихъ въ домѣ квартиръ, независимо отъ того, были ли эти квартиры заняты, или нѣтъ. Въ вознагражденіе за это приходъ дѣлалъ въ ихъ пользу со вносимой ими суммы известную скидку, которая представляла коммиссіонный процентъ, уплачиваемый приходомъ домовладѣльцамъ за посредничество.

Таковъ былъ порядокъ, установившійся издавна и известный подъ названіемъ «сложной системы» (compound system). Эта-то сложная система подала поводъ къ самому странному недоразумѣнію со стороны составителей законопроекта объ избирательной реформѣ; исходя изъ того предположенія, что скидка, дѣлаемая приходомъ при расчетѣ съ домовладѣльцами, дѣлается въ пользу жильцовъ, а не въ пользу домовладѣльцевъ, они ввели въ свой проектъ слѣдующую статью: тѣ изъ жильцовъ, уплачивающихъ приходскіе налоги при посредствѣ домовладѣльцевъ, которые желали получить право избирательнаго голоса, должны были уплатить разность между установленною нормой налога и суммой, которая поступила въ распоряженіе прихода, за вычетомъ упомянутой скидки; другими словами, эти жильцы, уплатившіе съ своей стороны приходскій налогъ полностью, должны были вторично уплачивать разность, представлявшую коммиссіонный процентъ домовладѣльцевъ; для этой бѣднѣйшей категоріи жильцовъ вводился, такимъ образомъ, новый налогъ за пользованіе избирательнымъ правомъ. Напрасно оппозиція доказывала нелѣпость и вопіющую несправедливость такого постановленія. Министерство долгое время не хотѣло сознаться въ грубой своей фактической ошибкѣ относительно сущности дѣловъ, допускаемыхъ «сложною системою»; но и послѣ того, какъ оно вынуждено было согласиться съ толкованіями оппозиціи, оно и слышать не хотѣло объ устраненіи или видоизмѣненіи измышленной имъ статьи. Вазалось, дѣло принимало самый безнадежный оборотъ; но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное и необъяснимое съ перваго взгляда. Одинъ изъ членовъ палаты, нѣкто Годжлинсонъ, личность, до этого ничѣмъ не обращающая на себя вниманіе, предложилъ, чтобы какъ-нибудь покончить споръ, вовсе упразднить «сложную систему» взиманія приходскихъ налоговъ и сравнять въ избирательныхъ правахъ посредственныхъ плательщиковъ этихъ налоговъ съ непосредственными. Слѣдовало ожидать, что предложеніе это будетъ отвергнуто подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Дѣло въ томъ, что по первоначальному законопроекту, внесенному министерствомъ, число городскихъ избирателей должно было увеличиться лишь на 100,000 человекъ; либераламъ удалось выторговать кое-какія уступки, увеличивавшія эту первоначальную цифру еще тысячу на 50;

предложеніе Годжкинсона разомъ создавало контингентъ новыхъ избирателей въ 500,000—600,000 человекъ, такъ какъ именно такова была численность той части городского населенія, которая нанимала квартиры по недѣлю и вносила приходскіе налоги при посредствѣ домовладѣльцевъ. Такое расширеніе избирательнаго права шло гораздо далѣе того, что было желательно для самихъ сторонниковъ реформы, — по крайней мѣрѣ, для большинства ихъ; однако, имъ ничего болѣе не оставалось, какъ присоединиться къ предложенію Годжкинсона; это было, все-таки, лучшее, чѣмъ правительственный законопроектъ съ его предательскими «гарантіями». Но, что всего изумительнѣе, это то, что само министерство ухватилося за сказанное предложеніе, какъ за единственный возможный для него выходъ; Дизраэли въ рѣчи, пропитанной желчью подневольной уступки, заявилъ, что правительство согласно принять предложенную поправку. Вообще конечный результатъ всей этой долгой парламентской битвы представлялъ разительное несоотвѣтствіе съ ея началомъ и теченіемъ. На обсужденіе палаты поступилъ законопроектъ, направленный, въ сущности, *противъ* той реформы, названіе которой было выставлено въ его заголовкѣ; изъ преній палаты вышелъ законъ, осуществлявшій эту реформу въ разнѣрахъ болѣе широкихъ, нежели тѣ, о которыхъ мечтали сами сторонники реформы, за исключеніемъ развѣ такихъ крайнихъ реформаторовъ, какии въ глазахъ большинства палаты былъ Джонъ Брайтъ; и эта-то сравнительно широкая реформа была вотирована большинствомъ, заявившимъ себя систематическою враждебностью всякимъ уступкамъ, — большинствомъ, не перестававшимъ поносить Брайта въ отместку за необходимость дѣлать скръпя сердце то самое, чего желалъ Брайтъ.

Но въ чемъ же заключалась необходимость, навязавшая такую неожиданную развязку? Дѣло въ томъ, что пока въ палатѣ общинъ вопросъ объ избирательной реформѣ захлестывался, какъ казалось, въ мертвую петлю, по всей странѣ агитація лиги избирательной реформы дѣлала свое дѣло. Въ самомъ Лондонѣ собирались митинги, на которыхъ требованіе реформы высказывалось въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ; депутаціи изъ главнѣйшихъ городовъ съѣзжались, чтобъ обсудить планъ общихъ дѣйствій и увѣрить въ своей поддержкѣ сторонниковъ реформы въ палатѣ. Консерваторы, конечно, не скупились на страшныя слова, чтобъ очернить дѣятелей лиги. Такъ, Дизраэли въ одной изъ своихъ рѣчей называлъ ихъ «угрюмыми поджигателями, изрыгающими бунтовскія рѣчи». Но, въ сущности, вся эта консервативная риторика едва ли кѣмъ принималась въ серъезъ. Необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны, высказывавшимся такъ настойчиво и недвусмысленно, все болѣе и болѣе выяснялась для самыхъ завзятыхъ противниковъ реформы. Говоря словами *Edinburgh Review*, «агитація лиги избирательной реформы умѣла въ теченіе цѣлаго года будить вниманіе тѣхъ тугихъ на ухо, которые оставались глухи къ тихому голосу справедливости и великодушія». Но избиратель-

ному закону предстояло еще пройти через горнило верхней палаты. Именитое это собраніе въ то время уже давно успѣло пережить періодъ своего разцвѣта. По свидѣтельству самого Гладстона, который и теперь не принадлежитъ къ числу безусловныхъ принципиальныхъ противниковъ наследственной палаты, «въ стѣнахъ этого учрежденія послѣ тридцатыхъ годовъ все болѣе и болѣе убываетъ число людей, расположенныхъ защищать интересы массы населенія». Въ 1867 г. задача лорда Росселя, какъ предводителя либераловъ въ верхней палатѣ, была не легкая; консерваторы, подъ предводительствомъ лорда Дерби, не оставили почти ни одной изъ статей новаго закона, не попытавъ ее переманить и навестать то, что было проиграно ихъ единомышленниками въ палатѣ общинъ. Но общественное мнѣніе зорко слѣдило за ходомъ дѣла; попытки консерваторовъ такъ и остались попытками, и избирательная реформа осуществилась въ такомъ видѣ, что представляла серьезный шагъ впередъ.

Съ теченіемъ времени, однако, выяснились многіе недостатки закона 1867 г. Расширеніе избирательнаго права, осуществленное имъ, коснулось преимущественно городского населенія. Это различіе, установленное закономъ между городскими и сельскими округами, влекло за собой цѣлый рядъ аномалій. Между тѣмъ, какъ иныя захолустья, бывшія городами только по имени, пользовались политической правоспособностью на сравнительно широкомъ основаніи, обширные промышленные округа, съ развитымъ и многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ, каково, напримѣръ, населеніе каменноугольныхъ бассейновъ, были обречены, такъ сказать, на политическое небытіе только потому, что они официально числились не городами (boroughs), а сельскими округами (counties). Одинъ и тотъ же рабочий то пользовался правомъ избирательнаго голоса, то утрачивалъ его, смотря по мѣсту своего жительства. Бывали примѣры, что заводы и фабрики, вслѣдствіе естественнаго роста даннаго промышленнаго центра, выдвигались за городскую черту; рабочіе этихъ заводовъ и фабрикъ по необходимости должны были переселяться тоже за городъ, и одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы лишить ихъ права голоса. Наконецъ, на такое же политическое небытіе было обречено и большинство сельскаго и земледѣльческаго населенія. Необходимость устранить это ничѣмъ неоправдываемое различіе городскихъ и сельскихъ округовъ и распространить на населеніе послѣднихъ тѣ избирательныя права, которыми уже пользовалось населеніе городовъ, было слишкомъ очевидно и реформа 1884 г. была необходимымъ дополненіемъ къ законодательному акту 1867 г. Честь проведенія новой избирательной реформы на этотъ разъ досталась либеральному министерству Гладстона. Любопытно сравнить тонъ рѣчей, произнесенныхъ Гладстономъ въ защиту законопроекта 1884 г. съ тѣми заявленіями, которыя онъ дѣлалъ во время борьбы за реформу 1867 г. Теперь онъ уже не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ осторожнымъ оговоркамъ и натяжкамъ для обезоруженія своихъ противниковъ; очевидно, почва уже настолько окрѣпла подъ

его ногами, что онъ не боится прямо высказываться на счетъ смысла и тенденціи новаго закона.

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—говорить онъ,—лордъ Россель едва рѣшался высказать, что предлагаемая имъ реформа (т.-е. реформа 1832 г.) увеличить общее число избирателей Соединеннаго Королевства на полмилліона голосовъ. Теперь вопросъ вовсе не въ томъ, чтобы вычислить, велико или мало будетъ приращеніе голосовъ. Я становлюсь на точку зрѣнія болѣе широкаго принципа и утверждаю, что допущеніе способныхъ гражданъ къ избирательному праву, независимо отъ того, много ихъ будетъ или мало,—если ихъ окажется много, то тѣмъ лучше!—увеличиваетъ силу государства... Можно ли сомнѣваться въ томъ, что крестьянское населеніе сельскихъ округовъ состоитъ изъ способныхъ гражданъ и сдѣлаетъ какъ слѣдуетъ воспользоваться своими избирательными правами? Съ своей стороны, я вполне готовъ отстаивать это положеніе. Я считаю, что, вообще говоря, крестьянинъ долженъ быть причисленъ къ разряду искусныхъ работниковъ—не въ какомъ-либо отвлеченномъ, а въ самомъ реальномъ значеніи этого слова. Онъ не прикованъ къ одному какому-нибудь механическому примѣненію своей силы. Онъ долженъ исправлять многообразныя работы и въ томъ числѣ такія, которыя требуютъ отъ него умственной активности. Если у него есть какой-нибудь недостатокъ, то этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ, быть можетъ, слишкомъ легко подчиняется вліянію людей, выше его стоящихъ,—я разумѣю выше по общественному положенію. Но этотъ недостатокъ,—иронически продолжаетъ ораторъ, обращаясь къ консервативной оппозиціи,—вы, конечно, всего менѣе расположены вѣнчать ему въ вину; что же касается насъ, то мы готовы принять крестьянина такимъ, каковъ онъ есть, и сдѣлать для него доступнымъ послѣднее и наивысшее изъ преимуществъ нашихъ учреждений».

Гладстонъ отлично сознавалъ, что и эта новая избирательная реформа, основанная, все-таки, на имущественномъ цензѣ, не представляла собой послѣдняго слова въ дѣлѣ «демократизаціи» англійскихъ учреждений. Онъ не только не считалъ нужнымъ завѣрять своихъ парламенскихъ противниковъ, что не имѣетъ никакихъ болѣе широкихъ и далеко хватающихъ заднихъ мыслей, но даже какъ бы оправдывался передъ общественнымъ мнѣніемъ страны въ неполнотѣ своего законопроекта. По его словамъ, онъ и его сотоварищи «могли бы общими усиліями выработать планъ реформы гораздо болѣе полный и совершенный, но не сдѣлали этого лишь потому, что въ такомъ случаѣ законопроектъ такъ и остался бы законопроектомъ».

Дѣйствительно, новая избирательная реформа, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она была предложена Гладстономъ, чуть было не потерпѣла крушенія вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія, которое она встрѣтила въ палатѣ лордовъ. Но это противодѣйствіе въ свою очередь лишь усилило въ странѣ и безъ того уже существующее недовольство этимъ учрежденіемъ. Во время наступившей парламентской вакаціи повсюду собирались митинги, на которыхъ требовалось упраздненіе верхней палаты, какъ учрежденія, торма-

взягаго всё популярныя и необходимыя реформы. Самъ Гладстонъ не становился рѣшительно на сторону этого требованія и старался вліять умѣряющимъ образомъ на противниковъ верхней палаты, тѣмъ не менѣе, движеніе приняло весьма внушительныя размѣры и обстоятельство это, по видимому, не осталось безъ вліянія на настроеніе лордовъ, сдѣлавъ ихъ болѣе сговорчивыми. Позднею осенью 1884 года новая избирательная реформа была окончательно принята обѣими палатами. Общее значеніе ея всего лучше можетъ быть выражено слѣдующими сравнительными цифровыми данными. Реформа 1832 г., считавшаяся въ свое время новою Magna Charta британскихъ вольностей, прибавила къ прежнему контингенту избирателей нѣсколько менѣе полумилліона голосовъ; законъ 1867 г. увеличилъ число избирателей, въ общей сложности, съ 1.364,000 голосовъ до 3.000,000; къ этимъ тремъ милліонамъ реформа 1884 г. прибавила еще около 2.000,000.

Первые же общіе выборы, которые должны были произойти на основаніи новаго закона, выдвигали на сцену новаго фактора политической жизни — крестьянство, а вліяніе этого фактора, независимо отъ того общаго значенія, которое оно имѣло для будущаго всей страны, должно было прежде всего и наиболѣе ошутительно сказаться въ Ирландіи, съ ея почти сплошь крестьянскою массою населенія. Начиная съ 1884 г. ирландскій вопросъ вступаетъ въ новый и, по всѣмъ видимостямъ, рѣшающій фазисъ своего развитія. Онъ поглощаетъ собою почти все вниманіе министерствъ и законодателей, онъ создалъ новыя партійныя комбинаціи и отзывается прямо или косвенно на всей внутренней политикѣ страны. Мы остановимся на этомъ животрепещущемъ вопросѣ англійской современности. Съ нимъ связанъ послѣдній и наиболѣе знаменательный фазисъ политической жизни Гладстона. Сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ изъ-за отиѣны хлѣбныхъ законовъ разошелся съ торіями, теперь, доживъ до тѣхъ лѣтъ, когда люди туго воспринимаютъ новыя взгляды, Гладстонъ не задумывается порвать изъ-за ирландскаго вопроса и съ значительною частью либеральной партіи, вождемъ которой онъ состоялъ столько лѣтъ. Опытный политическій боецъ, знающій цѣну партійнаго единодушія и партійной дисциплины, не останавливается передъ рискомъ такого раздора и на упреки, которые могутъ быть ему сдѣланы со стороны его единомышленниковъ, заранѣе отвѣчаетъ:

«Партія есть скорѣе орудіе для достиженія великихъ цѣлей, чѣмъ благо само по себѣ. Какъ орудіе, она имѣетъ высокую цѣну; можно даже сказать, ей въ этомъ случаѣ цѣны нѣтъ. Сколько бы ни усмѣхались надъ этимъ иные философы и полужайги,—лишь благодаря партійной организаціи могли осуществиться всё тѣ благіе результаты, которые были достигнуты парламентомъ на пользу страны. Но убѣжденіе выше партіи, и когда убѣжденіе выработалось, это значитъ, что настало время примѣнить его на практикѣ».

Словомъ «убѣжденіе» въ разговорномъ обиходѣ слишкомъ часто поль-

зуются для оправданія всякой блажи, всякой баронской фантази и даже просто всякаго низменнаго расчета, въ угоду которымъ человекъ становится флюгаркой или ренегатомъ; Гладстонъ, во всякомъ случаѣ, человекъ слишкомъ серьезный и слишкомъ мало склонный къ фразерству, чтобы подкладывать подъ это великое слово такой убогой и пошлый смыслъ. Что же могло повліять на его убѣжденіе въ ирландскомъ вопросѣ и заставить его отказаться отъ прежнихъ взглядовъ, которые онъ такъ долго и такъ упорно проводилъ въ своей дѣятельности? Обстоятельства, при которыхъ это произошло, въ высшей степени любопытны и поучительны; но для того, чтобы составить себѣ о нихъ ясное понятіе, намъ необходимо ознакомиться съ сущностью ирландскаго вопроса въ его историческомъ развитіи и современной постановкѣ.

Какъ извѣстно, въ этомъ вопросѣ сливаются два теченія—экономическое, аграрное, представительницей котораго является земельная лига, и націоналистское, выставившее на своемъ знамени Home Rule, т.-е., главнымъ образомъ и прежде всего, обособленіе Ирландіи отъ Англіи, по возможности, полную автономію и возстановленіе ирландскаго парламента, упраздненнаго Питтомъ на рубежѣ XIX столѣтія. Правда, подъ тѣмъ же знаменемъ Home Rule выступаетъ и земельная лига. Термины: «націоналисты», «автономисты», «гомрулеры» употребляются безразлично для обозначенія представителей какъ того, такъ и другаго движенія. Тѣмъ не менѣе, оба эти потока, хотя и слившіеся въ одно русло, сохраняютъ особенности, свойственныя природѣ каждаго изъ нихъ. Для націоналиста чистой воды главное дѣло, если можно такъ выразиться, въ проведеніи *вертикальной* разграничительной черты, которая размежевала бы англійскую расу съ кельтской и позволила бы Зеленому Эрину организовать въ самостоятельное государственное дѣло. Съ другой стороны, для земельной лиги и для массы ирландскаго народа, стоящаго за ней, формула «Ирландія для ирландцевъ» означаетъ, прежде всего и главнымъ образомъ, устраненіе тѣхъ *горизонтальныхъ* преградъ, которыя раздѣляли Ирландію на два общественныя наслоенія: на ландлордовъ, высасывающихъ всѣ соки страны, и на обездоленную и обезземеленную массу фермеровъ и сельскихъ батраковъ. Если чистые націоналисты рѣшились отождествить свое дѣло съ дѣломъ земельной лиги, то только потому, что, наученные опытомъ, поняли, что только этимъ путемъ могутъ обезпечить себѣ необходимую поддержку въ массѣ ирландскаго народа. Если земельная лига поддерживаетъ націоналистовъ въ парламентѣ, то лишь потому, что опытъ и для нея не прошелъ даромъ: съ одной стороны, онъ показалъ, что Гордіевъ узелъ тѣхъ отношеній, которыя исторія затянула между ирландскими земледѣльцами и ландлордами, не можетъ быть распутанъ безъ ослабленія тѣхъ узъ, которыя привязываютъ Ирландію къ болѣе могущественному «острову-сестрѣ». Съ другой стороны, дѣятели этой лиги поняли, что участіе въ законодательной дѣятельности и въ борьбѣ партій на почвѣ существующихъ въ Англіи учреждений—такое орудіе, которымъ они не вправѣ

пренебрегать и должны пользоваться въ интересѣ собственныхъ завѣтныхъ стремленій.

Которое же изъ этихъ двухъ теченій: націоналистское или аграрное— слѣдуетъ считать наиболѣе сильнымъ, глубокимъ и жизненнымъ? Въ наши дни нерѣдко приходится слышать и читать разсужденія, въ которыхъ расовымъ симпатіямъ и антипатіямъ приписывается роль какого-то таинственнаго фатума, создающаго непримиримыя національныя ненависти, неотразимыя національныя тяготѣнія и разъ навсегда предначертанныя историческія миссіи. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ, что зоологическое чувство антипатіи между различными расами, смотря по обстоятельствамъ, то разгорается до вражды, то угасаетъ, уступая мѣсто болѣе человѣчному чувству солидарности на почвѣ сознанныхъ общихъ интересовъ. Примѣръ этого мы видимъ хотя бы на отношеніяхъ, установившихся между тою же Англіей и Шотландіей. Населеніе послѣдней по происхожденію такъ же чуждо англо-саксонской расѣ, какъ и ирландское; въ характерѣ шотландцевъ и въ бытѣ ихъ до сихъ поръ существуетъ множество особенностей, сохраняющихъ за страной и ея обитателями своеобразный отпечатокъ; воспоминанія о самостоятельномъ политическомъ существованіи тамъ гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ Ирландіи, такъ какъ такое существованіе окончилось для Шотландіи лишь въ началѣ XVIII столѣтія. Между тѣмъ, въ Шотландіи мы не видимъ ничего похожаго на ту національную непримиримость, которая вошла въ плоть и кровь Ирландіи. Правда, за последнее время и здѣсь заходитъ рѣчь о преобразованіи мѣстнаго управленія; указываютъ на то, что общегосударственный парламентъ обремененъ массою дѣлъ, которыя могли бы съ большимъ успѣхомъ вѣдаться органами мѣстнаго управленія. Но постановка этого вопроса не выходитъ за предѣлы того, что на парламентскомъ языкѣ называется дѣловыми вопросами, въ отличіе отъ жгучихъ политическихъ распрій, и не воспламеняетъ партійныя страсти, какъ то дѣлаетъ споръ объ ирландскомъ Home Rule. Откуда же такая разница въ проявленіяхъ національнаго чувства по ту и по сю сторону канала Св. Георгія? Отвѣтъ на это даетъ параллель между тѣми условіями, при которыхъ произошло присоединеніе той и другой страны къ Англіи.

Первымъ шагомъ къ сліянію Англіи съ Шотландіей послужила чисто-династическая комбинація, соединившая на головѣ Іакова Стюарта короны обоихъ королевствъ. Со смертію Елизаветы англійскій родъ Тюдоровъ пресѣкся,—оставались лишь боковые его отпрыски по женской линіи. Однимъ изъ такихъ отпрысковъ былъ Іаковъ VI, король шотландскій, прабабка котораго была дочерью Генриха VII англійскаго. Его-то Елизавета и назначила на смертномъ одрѣ своимъ наследникомъ. Англійскій парламентъ утвердилъ это завѣщаніе, и шотландскій король, подъ именемъ Іакова I, сдѣлался, въ то же время, королемъ англійскимъ. Въ теченіе долгаго періода личность короля оставалась единственнымъ связующимъ звеномъ между Англіей и Шотландіей, причемъ даже эта связь не имѣла характера юри-

дического подчинения Шотландии английской короне. В случае, если бы снова возник вопрос о престолонаследии, допускалось, что шотландский парламент иметь право сделать самостоятельный выбор, независимо от решения английского парламента. В деле иностранной политики, правда, значение Шотландии все более ступовывается, так как иностранная политика в то время была изъята от контроля парламента и вопросы ее решались в совете министров под руководством короля. Дело это, таким образом, сосредоточивалось в руках английских государственных людей и Шотландия фактически утратила голос в вопросах мира и войны. Но во всем, касающемся внутреннего управления, она оставалась вполне независимой от Англии, имела свой парламент, своих представителей исполнительной и судебной власти, свои финансы, свое законодательство, отличное от английского. В таком положении оставалось дело вплоть до XVIII столетия, с одним только кратковременным перерывом: при Кромвелле парламента Англии, Шотландии и Ирландии были слиты в один общий парламент, но реставрация восстановила прежний порядок. Между тем, в 1706 г., со смертью королевы Анны, снова возник вопрос о престолонаследии. Английский парламент высказался в пользу ганноверской династии, но в Шотландии сторонники сверженной династии Стюартов были еще многочисленны и существовала серьезная опасность, что выборы шотландского парламента падеть именно на эту династию, олицетворяющую для Шотландии национальные ее традиции. Понятно, какую тревогу подобная возможность должна была возбудить в Англии, где были еще свежи воспоминания борьбы, выдержанной недавно против Иакова II, где внутренняя и внешняя затруднения, создаваемые протесантами Стюартов, то и дело грозили обратить в ничто плоды только что одержанной победы. Под влиянием этих-то опасений в Англии возникает мысль о более тесном слиянии с Шотландией, и этим же тревожным настроением объясняется та уступчивость и предупредительность, с которою переговоры велись с английской стороны. С другой стороны, и в Шотландии существовали весьма важные соображения, говорившие в пользу слияния. Государственная обособленность Шотландии, льстившая национальному ее чувству, имела и обратную свою сторону. Таможенные преграды, которая обособленность эта удерживала между обоими странами, были серьезным препятствием к развитию шотландской промышленности; Шотландия, не участвовавшая в расходах на колониальные предприятия, не имела за то никакого участия и в выгодах, приносимых колониями; эти последние считались исключительно собственностью Англии и шотландцы допускались в них лишь на правах иностранцев. Шотландская буржуазия, сильно пострадавшая от этого времени от неудачных спекуляций, не видела другого средства поправить свои дела, как обратиться к помощи английских капиталистов и английского кредита, а потому и с этой точки зрения представлялось желательным упразднение китайской стѣны, отдѣлявшей Шотландию от болѣе богатой и промышленно болѣе развитой сосѣдки. Къ

соображеніямъ экономическаго свойства присоединялись и политическія: палата общинъ въ англійскомъ парламентѣ пользовалась гораздо болѣе независимымъ и вліятельнымъ положеніемъ, чѣмъ шотландскія представители общинъ, которые даже отдѣльной палаты не составляли и были въ значительной степени подчинены вліянію перовъ и короны; при сліяніи шотландскаго парламента съ англійскимъ, права шотландскаго представительства въ палатѣ общинъ несомнѣнно должны были расширяться. Такимъ образомъ, на встрѣчу англійскому желанію объединенія шли желанія значительной части самихъ шотландцевъ. Переговоры о соединеніи велись въ формѣ соглашенія, свободно обсуждаемаго между двумя равноправными сторонами. Каждый изъ парламентовъ назначилъ отъ себя по тридцати комиссаровъ, которые установили проектъ договора, затѣмъ проектъ этотъ былъ повергнутъ на утвержденіе какъ англійскаго, такъ и шотландскаго парламентовъ. При этомъ, конечно, дѣло не обошлось безъ закулисныхъ интригъ, но, въ общемъ, выгоды, которыми Шотландія вознаграждалась за сдѣланныя ею уступки, были такъ очевидны, что, по замѣчанію историка и извѣстнаго политическаго дѣятеля того времени, Бернета, «лишь желаніе оградить себя во что бы то ни стало отъ опасности новой реставраціи Стюартовъ могло побудить Англію къ принятію договора, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ гораздо болѣе благопріятенъ для Шотландіи». Послѣ того, какъ соглашеніе окончательно состоялось, противники соединенія сдѣлали попытку возбудить возстаніе въ Шотландіи. Недовольство присоединеніемъ и желаніе возстановить на престолѣ національную династію Стюартовъ, безъ сомнѣнія, существовало среди шотландскаго населенія; но, говоря словами того же Бернета, «то было недовольство болѣе теоретическаго свойства, оно не имѣло въ себѣ достаточно жизненной силы, чтобы перейти въ дѣятельное сопротивленіе, а таково уже свойство чело-вѣческой природы, что фактическое благополучіе не могло не смягчить раздраженіе, вытекавшее изъ отвлеченныхъ принциповъ». Дальнѣйшія отношенія между обѣими странами остались вѣрны тѣмъ началамъ, на которыхъ состоялось ихъ сліяніе, и вотъ почему національное чувство, поскольку оно еще существуетъ въ Шотландіи, не находя себѣ пищи въ реальныхъ обидахъ, не вырождается въ соперничество съ Англіей, во вражду къ общему парламенту, и не принимаетъ того бурнаго характера, которымъ отличается борьба изъ-за ирландскаго Home Rule.

Рѣшительный контрастъ съ исторіей англо-шотландскихъ отношеній представляютъ судьбы Ирландіи. Тамъ мы видѣли добровольное соглашеніе, основанное на обоюдныхъ выгодахъ; здѣсь отправною точкой является фактъ завоеванія и всегдашнія отношенія покорившей страны къ покоренной не только не вклоняются къ тому, чтобы изгладить память о первоначальномъ насиліи, но, какъ бы нарочно, оживляютъ эти воспоминапія новыми обидами, не давая прошедшему опочить мирнымъ сномъ забвенія въ архивной пыли и превращая его въ постоянно гложущую злобу дня. Завоеваніе Ирландіи содер-

шилось еще въ XII-мъ столѣтїи, при Генрихѣ II. Согласно средневѣковому обычаю, король роздалъ полководцамъ, участвовавшимъ въ этомъ предпрїятїи, громадныя пространства земли въ покоренной странѣ, на правахъ леннаго владѣнія. Новые владѣльцы, водворившись въ своихъ помѣстьяхъ, продолжали обходиться съ туземнымъ населенїемъ какъ завоеватели. Единственное исключенїе изъ общаго базправнаго положенїя страны представлялъ лишь сѣверо-восточный уголъ Ирландїи, гдѣ вскорѣ послѣ завоеванїя осыло значительное число англїйскихъ выходцевъ и гдѣ, поэтому, уже въ раннюю эпоху была водворена англїйская гражданственность и даже утвержденъ парламентъ на началахъ, заимствованныхъ изъ Magna Charta. Но эти гарантіи становились въ рукахъ англїчанъ лишь новымъ орудїемъ угнетенїя по отношенїю къ туземцамъ. Ирландїя распадалась на двѣ неравныя части. Область, заселенная англїйскими выходцами, носила характерное названїе the Pale, т.-е. пространство, отгороженное частоколомъ; все, что лежало за предѣлами этого частокола, называлось «дикюю Ирландїей». Своеволїе гражданъ привилегированной области надъ безправнымъ населенїемъ остальнаго острова не знало границъ и то и дѣло вызывало смуты среди ирландцевъ.

Проходили годы и вѣка, формы феодальной жизни изнашивались и замѣнялись другими, въ которыхъ постепенно воплощались нныя правовыя начала, но Ирландїя это не приносило никакихъ улучшенїй. Триста лѣтъ спустя послѣ завоеванїя, при Іаковѣ I, исчезаютъ слѣды раздѣленїя Ирландїи на «дикюю» и «отгороженную частоколомъ». Англїйское гражданское управленїе и англїйскїе законы распространены на весь островъ, мѣстные обычаи объявлены утратившими свою силу; въ районъ парламентскихъ учрежденїй входятъ всѣ графства острова. Но, въ то же время, съ цѣлью оградить и усилить въ Ирландїи вліяніе аристократїи и короны, Іаковъ I создалъ множество мелкихъ избирательныхъ округовъ, такъ называемыхъ «карманныхъ мѣстечекъ», населенїе которыхъ пользовалось избирательнымъ правомъ только на бумагѣ, въ дѣйствительности же представительство этихъ округовъ всецѣло зависѣло отъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, состоя сами членами верхней палаты ирландскаго парламента, сажали въ нижнюю палату того же парламента своихъ креатуръ. Впрочемъ, этотъ автономный парламентъ олигарховъ былъ грозною силой только для безправной массы ирландскаго населенїя; по отношенїю же къ королѣ и къ англїйскому парламенту онъ съ самаго начала былъ поставленъ въ подчиненное положенїе. Онъ не могъ иначе собираться, какъ по предварительномъ утвержденїи королемъ всѣхъ законопроектв, которые въ немъ предполагалось разсматривать. Англїйскїй парламентъ не стѣснялся въ извѣстныхъ случаяхъ издавать законы для Ирландїи помимо ирландскаго законодательнаго собранїя, а если мы припомнимъ, что многіе изъ членовъ обѣихъ англїйскихъ палатъ владѣли помѣстьями въ Ирландїи и что всягда мѣра, вырывавшая землю изъ рукъ кореннаго населенїя, усиливала ан-

лѣйское землевладѣніе въ Ирландіи, то для насъ станетъ понятно, какой характеръ должно было имѣть это внимательство англійскаго парламента каждый разъ, какъ онъ считалъ нужнымъ законодательствовать черезъ головы ирландскихъ олигарховъ. Независимо отъ этого, обезземеленіе народа шло и непосредственно путемъ конфискаціи земель, раздававшихся королемъ его приближеннымъ. Словомъ, каковы бы ни были отношенія между ирландскимъ и англійскимъ парламентами, между представительными учрежденіями и короной, всѣ эти факторы государственной жизни, соперничая между собою, по отношенію къ ирландскому народу дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи.

Е. Конрадъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Своимъ чередомъ *).

(Обзоръ мѣстной печати).

III. Самопомощь въ духовномъ сословіи.

I.

Почти одновременно съ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ газетами было сообщено о весьма вѣроятномъ переходѣ въ духовное вѣдомство народныхъ училищъ и о предполагаемомъ преобразованіи ихъ въ церковно-приходскія школы. Такое одновременное осложненіе и расширеніе общественной дѣятельности двухъ сословій, — дворянскаго и духовнаго, — естественно, не могло не сдѣлаться предметомъ вниманія всѣхъ простыхъ смертныхъ и, слѣдовательно, не могло не возбудить въ нихъ желанія, по мѣрѣ возможности, ознакомиться съ общими положеніемъ этихъ сословій, получающихъ въ недалекомъ будущемъ до нѣкоторой степени преимущественное значеніе въ общихъ порядкахъ жизни.

Въ великому сожалѣнію простыхъ смертныхъ, ознакомленіе съ общими положеніемъ нашего первенствующаго сословія при помощи газеты *Гражданинъ*, какъ извѣстно, спеціально посвященной защитѣ и оборонѣ интересовъ этого сословія, не только не выяснило чего-нибудь болѣе важнаго, чѣмъ-то, что мы уже знаемъ о значеніи его въ нашей исторіи, но совершенно затмило это значеніе непрестанными стенаніями исключительно только о его матеріальной безпомощности, тогда какъ реальная дѣйствительность каждый день и на каждомъ шагу доказывала самыми достовѣрными фактами полнѣйшую неправду этихъ воплей и причитаній. Совершенно иной результатъ, ни въ малѣйшей степени не омрачающій сознанія, получился совершенно неожиданно для простаго смертнаго, когда онъ попытался ознакомиться съ положеніемъ другаго, также призываемаго къ общественной дѣятельности сословія, — сословія духовнаго. Несмотря на то, что матеріалы, собранные простымъ смертнымъ, въ цѣляхъ разъясненія интересующаго его вопроса, были по количеству до крайности незначительны, все-таки, съ первой же страницы перваго № *Епархіальныхъ Вѣдомостей* для простаго смерт-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

наго сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что, навѣянный скорбнымъ тономъ *Гражданина*, недоумѣнія о предстоящихъ перспективахъ не имѣютъ никакого основанія по отношенію къ духовному сословію и что положеніе его за послѣдніе годы значительно и во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось самымъ наилучшимъ образомъ. Во свидѣтельство же сазананнаго—нижеслѣдующіе факты.

II.

Остановимся, прежде всего, на коренныхъ измѣненіяхъ положенія духовнаго сословія въ матеріальномъ отношеніи. Въ № 7 (апрѣль) *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* 1888 г. мы находимъ подробный и обстоятельный *Отчетъ о движеніи суммъ эмеритальной кассы духовенства самарской епархіи за 1886 г.* Изъ этого отчета мы узнаемъ, прежде всего, прекрасно организованную систему сборовъ и взносовъ: во-первыхъ, въ *разрядный* (пенсіонный) капиталъ эмеритальной кассы; во-вторыхъ, въ *благотворительный* капиталъ той же кассы и, въ-третьихъ, въ *комитетъ женскаго епархіальнаго училища*.

Въ цѣляхъ этой организаціи каждый уѣздъ раздѣленъ на нѣсколько благочинническихъ округовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ такихъ округовъ 12 (Бузулукскій), а въ иныхъ 3 (Бугульминскій). Взносы въ пенсіонную (разрядную) кассу раздѣляются на пять разрядовъ, сообразно, по-видимому, средствамъ вкладчиковъ и размѣрамъ желаемой ими пенсіи. Всѣхъ участвовавшихъ во взносахъ вкладчиковъ въ 1886 г. было 608, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ духовнаго званія: такъ, въ 3 округѣ Бузулукскаго уѣзда *вдова* свящ. Васильева внесла 15 руб.; въ 5 окр. Самарскаго уѣзда *жена* свящ. Ястребовская внесла 20 р. 70 к.; въ 1-мъ окр. Ставропольскаго уѣзда *жена* псаломщика Цвѣткова внесла 2 р. Эти разрядные взносы вносятся вкладчиками большею частью впередъ за годъ, по полугодіямъ, а иногда вносятся впередъ даже и за нѣсколько лѣтъ, причемъ суммы, вносимыя вкладчиками, далеко не одинаковаго размѣра,—отъ 1 рубля (большею частью псаломщики) до 350 р. (свящ. г. Николаевска, Воздвиженскій), 205 (свящ. Сардинскій Бузулукскаго уѣзда). Но большею частью взносы священниковъ установились отъ 10 руб., дьяконовъ отъ 5 и причетниковъ отъ рубля и выше.

Размѣръ *разряднаго* капитала эмеритальной кассы къ 1 января 1887 г. выражается въ слѣд. цифрахъ:

	Билетами.	Наличными.
Къ 1886 г. оставалось . . .	251,800	17 р. 49 к.
Въ 1886 > поступило . . .	35,550	34,151 > 84 >
> 1886 > израсходовано . .	15,450	34,118 > 28 >
Къ 1 января <i>состоить</i> . . .	271,900	51 > 5 1/2.

Т.-е. *разрядный* капиталъ увеличился въ теченіе одного года на 20,134 руб.

Размѣръ *благотворительнаго* капитала эмеритальной кассы изображенъ въ такомъ видѣ:

	Билетами.	Наличными.
Къ 1886 г. оставалось	21,700	44 р. 86 к.
Въ 1886 > поступило	2,140	2,835 > 96 >
> 1886 > израсходовано . . .	1,230	2,853 > 88 >
Къ 1887 > <i>состоитъ</i>	22,610	26 > 94 >

Т.-е. *благотворительный* капиталъ увеличился безъ малаго на 1,000 р. Общая сумма разряднаго и благотворительнаго капиталовъ въ бумагахъ и наличными — 294,588 руб.

Источники, изъ которыхъ образовался приходъ разряднаго капитала къ 1 января 1887 г., были слѣдующіе: 1) *Пожертвованія отъ 679 церквей*—4,065 р. *), 2) *взносы* въ пенсіонную кассу по пяти разрядамъ—8,250 р., 3) *проценты* съ наличнаго капитала, хранящагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ—13,389 р., 4) списанныхъ съ текущаго счета—8,350, 5) возвращенныхъ съ почты за неявкой—96 р. (всѣ эти цифры показаны наличными), 6) *билетами* кредитныхъ учрежденій *поступило* (три 5% облигаціи 1 восточн. займа, три 5% обл. 2 вост. з., двѣ 5% обл. 3 вост. займа, четыре билета 5% желѣзно-дорожной ренты, одинъ билетъ 5%, 2 внутр. займа, четыре 5% вкладныхъ листа дворянскаго банка) всего 26,100 р., 7) внесено на текущій счетъ 6,450 р.

Расходъ разряднаго капитала кассы образовался изъ слѣдующихъ выдать: 1) на выдачу взносовъ 7 вкладчикамъ, пожелавшимъ взять ихъ на свои нужды—135 р., 2) на выдачу лицамъ, представившимъ излишнее—60 р., 3) на выдачу 13 вкладчикамъ, вышедшимъ за штатъ, и 99 *семействамъ* умершихъ вкладчиковъ *выслуженныхъ* ими пенсій—7,251 р.

Цифра 99 обозначаетъ исключительно *вдовъ* и *сиротъ*, причеиъ наименьшая пенсіонная выдача—5 р. и наибольшая—144. Колебанія въ размѣрахъ пенсіи сообразуются опять же съ продолжительностью и размѣрами взносовъ: *сироты* Софья Грушневецкой—6 р., *сиротамъ* Федоровымъ—90 р., *вдовамъ* (?) Олерской Пелагин—90 р. и т. д. **).

*) Копѣйки отбрасываемъ.

***) Въ № 24 *Таврическихъ Епархіальныхъ Видомостей* помѣщенъ отчетъ о приходѣ и расходѣ за 1887 г. таврическаго духовнаго попечительства. Въ приходѣ, съ остаткомъ отъ 1886 г. и основнымъ капиталомъ, попечительство имѣло къ 1 января 1887 года всего только 23,769 р. Цифра ничтожная по сравненію съ цифрой самарской кассы, но тратило таврическое попечительство на пособия даже больше, чѣмъ самарское, именно: 4,818 р., и хотя число вкладчиковъ, получившихъ пособия, всего 21, но за то каждый изъ нихъ получилъ помощь дѣйствительно существенную: заштатный протоіерей Демьяновъ получилъ 390 р., два священника по 300 р. и затѣиъ семь вдовъ протоіереевъ и священниковъ и одинъ сынъ священника получили также по 300 руб., одна вдова получила 286 р., одинъ священникъ и одна вдова—по 200 р.; одинъ дьячекъ, двѣ вдовы дьяконовъ и одна вдова причетника каждый получили по 150 руб.; затѣиъ по 100 р. получили одинъ дьяконъ и 1 *лишенный дьяконскаго сана* Михаилъ Корень, и, наконецъ, вдова псаломщика получила 97 руб. 97 к., то-есть безъ малаго оиать-такъ 100 руб.

Затѣмъ, въ пунктахъ 5, 6, 7, 9, 10 и 18 перечислены покупки на наличныя деньги всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя поименованы въ рубрикѣ *поступило*. Собственно по части пособій, кромѣ пенсій вдовамъ и сиротамъ, только въ пунктѣ 8 значится: «выдано бѣднымъ ученикамъ семинаріи 300 р.» и затѣмъ идетъ перечисленіе расходовъ на жалованье членамъ комитета, на страхованіе процентныхъ бумагъ и пр.

Источники прихода *благотворительной* кассы были въ 1886 году слѣдующіе: 1) *Пожертвованія* отъ 47 священнослужителей, *удостоенныхъ награжденія* знаками отличія, установленными для духовенства—297 р., 2) взносъ на жалованье членамъ комитета—147 р., 3) проценты съ благотворительнаго капитала, хранящагося въ кредитныхъ учрежденіяхъ (перечислены всякаго рода процентныя бумаги)—1,069 р., 4) списанныхъ съ текущаго счета—660 р., 5) взято изъ *судо-сберегательной кассы* *) 670 р., 6) за 44 расчетныя книжки—2 р. 71 к., 7) за 441 экземпляръ устава кассы—88 р., 8) за двѣ прихода-расходныя книги благочин. совѣта—1 руб., 9) билетами кредитныхъ учрежденій поступило 2,140 р.

Изъ суммъ прихода *израсходовано*: на жалованье членамъ комитета—375 р., письмоводителю—120 р., внесено на текущій счетъ—310 руб., приобретено процентныхъ бумагъ—1,138 р., внесено въ сберегательную кассу 730 р., уплачено за напечатаніе бланковыхъ листовъ благочинническихъ совѣтовъ—22 р., уплачено за *Вѣстникъ Тиражей*—6 р. 25 к., за напечатаніе устава кассы—48 р., за гербовую марку—10 к., списано въ текущій счетъ—560 р., выдано изъ судо-сберегательной кассы—630 р., уплачено за содержаніе воспитанницы епархіальнаго училища А. Ильиной—65 руб. 88 коп.

Помимо взносов въ пенсіонный капиталъ и въ капиталъ кассы благотворительной, самарское духовенство оказываетъ еще широкую поддержку женскому епархіальному училищу. Въ теченіе одного только февраля мѣсяца 1888 г. отъ благочинныхъ поступило 2,199 руб., и если принять во вниманіе, что такая сумма поступила только изъ 9 благочиній, тогда какъ мы знаемъ, что въ самарской епархіи есть уѣзды, имѣющіе по 12 благочиній, то цифру приношеній на содержаніе женскаго епархіальнаго училища можно смѣло опредѣлить въ 20—25,000 р. въ годъ. Организация сборовъ на нужды женскаго епархіальнаго училища разработана также весьма практично. Изъ *церковныхъ суммъ* всѣхъ церквей самарской епархіи на содержаніе училища отчисляется 21%, да къ этому прибавляется обязательный взносъ отъ членовъ каждаго причта. Разница въ размѣрахъ суммы этихъ двухъ взносов весьма значительна: такъ, 21% съ церковныхъ суммъ города Самары, въ теченіе опять же одного только февраля мѣсяца, выразился въ суммѣ 549 руб. Обязательный же взносъ причтовъ далъ женскому епархіальному училищу всего лишь 70 руб. 50 к. Самый меньшій взносъ

*) Существуетъ, повидимому, еще и судо-сберегательная касса, о которой, однако, свидѣній не имѣется.

21% съ церковныхъ суммъ 135 р. (съ благочинія), самый бѣльшій 276, а затѣмъ слѣдуютъ: 239—174—173—168 р.

Вглядываясь въ цѣли, руководящія самарскимъ духовенствомъ при учрежденіи пенсіонныхъ благотворительныхъ кассъ и при правильной организаціи содѣйствія образованію женскаго молодого поколѣнія, мы видимъ въ нихъ два самыхъ опредѣленныхъ желанія: обезпечить старость церковнослужителей, ихъ вдовъ и сиротъ и наилучшимъ образомъ воспитать молодое женское поколѣніе. Въ расходахъ *благотворительной* кассы, не имѣющихъ ничего общаго съ расходами дѣйствительно благотворительными (большею частью расходы канцелярскіе и покупка % бумагъ), мы видимъ только одинъ взносъ, соотвѣтствующій цѣлямъ кассы, именно взносъ 65 р. 88 к. за ученіе воспитанницы А. Ильиной въ епархіальномъ училищѣ, а это несомнѣнно доказываетъ, что содержаніе и ученіе дочерей здравствующихъ нынѣ церковнослужителей не нуждается въ какой бы то ни было благотворительности,—такъ хорошо обставлено женское училище во всѣхъ отношеніяхъ,—и если пришлось уплатить 65 р. за воспитанницу А. Ильину, то, вѣроятно, потому, что она не имѣетъ родителей, и, слѣдовательно, за нее никто не вноситъ ни церковныхъ, ни обязательныхъ взносовъ.

Таковы цѣли, руководящія дѣятелями самарскаго духовенства въ видахъ матеріальнаго обезпеченія существеннѣйшихъ нуждъ духовнаго сословія. Что же касается средствъ и источниковъ, изъ которыхъ эти существенныя нужды удовлетворяются, то несомнѣнно, что первенствующее значеніе въ образованіи почти 300 тысячнаго капитала принадлежитъ *церковнымъ пожертвованіямъ* и 21%, отчисляемому изъ церковныхъ суммъ. Принявъ во вниманіе, что изъ 2,199 р., внесенныхъ въ теченіе февраля въ комитетъ епархіальнаго училища, на долю церковныхъ суммъ причитается 1,811 руб. и смѣло увеличивъ годовой размѣръ и этого рода взноса до 20,000 р. въ годъ, да прибавивъ къ этому 4,065 р. церковныхъ пожертвованій, мы получимъ сумму въ 25 т. р. ежегодно, поступающую въ епархіальные фонды, безвозвратную и безпроцентную, дающую возможность ежегодно увеличивать покупку % бумагъ и, слѣдовательно, ежегодно получать по нимъ все бѣльшее и бѣльшее количество процентовъ. За церковными суммами слѣдуютъ пенсіонные взносы владчиковъ эмеритальной кассы—8,250 руб., возвращающіеся обратно владчикамъ внослѣдствіи съ процентами. А затѣмъ идутъ доходы мелкаго размѣра: 388 р. обязательнаго взноса на училище (въ томъ числѣ 70 р. отъ самарскихъ церквей), наградныхъ—297 руб., взносовъ на жалованье—147 руб. Щедрая помощь церквей, такимъ образомъ, даетъ незыблемое основаніе для прочности учрежденія самопомощи въ духовномъ сословіи.

Но и помимо ея въ *Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* есть указанія еще и на такого рода доходы, объясненія цѣлей которыхъ мы, къ сожалѣнію, не могли себѣ выяснитъ. Такъ, въ № 9 *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* 1888 г. мы читаемъ сообщеніе, извлеченное изъ *Отчета комитета самарскаго епархіальнаго стѣчнаго завода*, такого рода: «Въ теченіе января

и февраля сего 1888 г. поступили отъ священниковъ-смотрителей свѣчныхъ лавочекъ и другихъ лицъ слѣдующія суммы». И затѣмъ переименовано 29 лицъ, отъ которыхъ въ одной только Самарѣ получено 13,868 р. 34 к.

Но въ то время, когда писались эти строки (октябрь), *Киевлянинъ* принесъ слѣдующіе извѣстія: «*Харьковскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ, что при Велико-Будыщенскомъ монастырѣ (въ Полтавѣ), съ разрѣшенія св. синода, устраивается обширный свѣчной заводъ, единственный въ губерніи; онъ будетъ принадлежать полтавскому епархіальному начальству, а всѣ доходы будутъ употреблены на воспитаніе сиротъ духовнаго вѣдомства».

Такимъ образомъ, и этотъ свѣчной доходъ можно полагать назначаемымъ тоже на дѣла благотворительныя.

III.

Ознакомившись съ епархіальными учрежденіями, имѣющими цѣлью матеріальное обезпеченіе старости, вдовства и сиротства духовнаго сословія, ознакомимся теперь также и съ стремленіями духовенства къ самостоятельности и въ нравственномъ отношеніи. Женскія епархіальныя училища могутъ служить наилучшимъ доказательствомъ большаго переворота, происходящаго въ настоящее время въ жизни и положеніи женщины духовнаго сословія, и, притомъ, въ направленіи совершенно противоположномъ тѣмъ желаніямъ,—погрузить женщину образованнаго общества во мракъ невѣжества,—которыя проповѣдуются все тою же газетой *Гражданинъ*. Оказывается, что духовное сословіе стремится именно образованіемъ, широкимъ умственнымъ развитіемъ вывести женщину своего сословія изъ мрака къ свѣту и тѣмъ самымъ освободить ее отъ обязательнаго до настоящаго времени для нея замкнутаго существованія въ скучныхъ интересахъ небольшой группы представителей сельскаго «причта».

Образцомъ самаго полнаго выраженія сущности желаній, руководящихъ духовенствомъ въ системѣ образованія молодаго женскаго поколѣнія, можетъ служить замѣчательная рѣчь, произнесенная г. П. Смирновымъ на торжественномъ актѣ въ таврическомъ (Симферополь) епархіальномъ женскомъ училищѣ 15 іюня 1888 г. и посвященная изслѣдованію *положенія и значенія женщины въ христіанствѣ вообще и въ духовномъ званіи въ частности*. Въ началѣ рѣчи авторъ ея довольно поэтически изображаетъ моментъ разлуки воспитанницъ съ воспитателями и съ училищемъ, въ которомъ онѣ пробыли 6 лѣтъ. «Заведеніе, пріютившее ихъ съ самаго нѣжнаго дѣтства, воспитавшее ихъ до возраста вѣрности, любившее ихъ святою любовью, представляется мнѣ тихою пристанью, въ которой шесть лѣтъ эти путницы жизни, словно птенцы въ тихомъ гнѣздынкѣ, были укрыты отъ бурь и невзгодъ, почти не зная и не слыша, какъ за стѣнами этой пристани реветъ и бушуетъ море житейское... Въ сокровищницы душъ ихъ заботливо влагалось все, что нужно и полезно для нихъ. Отовсюду съ

любовью собиралось для нихъ все, что, по апостолу, есть истинно, что честно, что премудро, что прелюбезно, что доброхвально... И вотъ насталъ день отплытія. Еще нѣсколько времени—и пробьетъ послѣдній звукъ послѣдняго часа. И оттолкнутся отъ нашего берега, и отплывутъ отъ насъ эти такъ сроднившіяся съ нами путницы наши, и начнется для всѣхъ нихъ цѣложизненная борьба съ волнующею стихіей жизни... Посмотрите, какъ плавно, горделиво понесутся иныя изъ нихъ по тихой лазури этого моря! Какъ ярко прорѣжетъ надъ ними сквозь житейскія тучи лучъ земнаго счастья! Какъ разсыплется и заиграетъ онъ вокругъ нихъ золотистыми блестками жизненныхъ удовольствій и радостей! Добрый путь, добрый путь вамъ, дорогія дѣти наши, наши любезныя путницы! Дай Богъ, чтобы эти искорки счастья земнаго не исчезли такъ же внезапно, какъ онѣ появляются вокругъ человѣка! А вонъ и другія, многія. Боже! какъ вѣтры противныя угрожаютъ имъ. Какъ потемнѣло вокругъ нихъ синее море! Какъ волны житейскія, устремляясь на нихъ, такъ и ходятъ, такъ воютъ и воютъ! И мы не можемъ подать имъ помощи. Уже оторвались, отдѣлились отъ сердца нашего эти борющіяся тамъ существа и не услышать они уже нашего голоса!...» (стр. 541).

Высказавъ скорбь о предстоящемъ воспитанницамъ неизвѣстномъ будущемъ, авторъ рѣчи считаетъ необходимымъ въ напутствіе имъ сосредоточить ихъ вниманіе на тѣхъ существенныхъ вопросахъ, которые придется имъ самимъ рѣшать въ предстоящей имъ жизни. «Какой же путь жизни,—спрашиваетъ онъ,—должна указать *женщины* школа, ведшая ее путемъ учебнаго поприща? Особенно, что должна сказать, какой послѣдній завѣтъ выразить своимъ питомицамъ школа наша, школа сословная, духовная, на средства церкви, а, слѣдовательно, и для блага церкви ихъ воспитавшая? Какое направленіе принять *имъ*, женщинамъ, въ морѣ житейскомъ?» И, чтобы опредѣлить современное положеніе женщины и ея обязанности, авторъ дѣлаетъ историческую характеристику положенія женщины въ мірѣ языческомъ и христіанскомъ. Положеніе женщины въ дохристіанскій періодъ исторіи авторъ опредѣляетъ какъ «положеніе рабы, гдѣ она, подавленная животною силой мужа, низводится до положенія женской особи въ животномъ мірѣ». Даже въ Римѣ она была «внѣ всякаго гражданскаго значенія», «непричастная никакой духовной жизни». «*Возстановленіе въ женщины ея человѣческаго достоинства* начинается съ того момента, когда въ скромномъ уголкѣ земли Іудейской, въ Галилеѣ, раздался кроткій и любвеобильный, но потрясающій землю голосъ: *придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы!*»

И все, что авторъ рѣчи говоритъ далѣе въ уясненіе этого великаго момента въ жизни человѣчества, изложено имъ повстинѣ прекрасно и несомнѣнно глубоко прочувствовано.

«Этотъ голосъ, — продолжаетъ онъ, — прежде всего, *шелъ къ сердцу* человѣка, и не отличалъ, этотъ божественный голосъ, въ призывъ *своимъ ни пола, ни возраста, ни состоянія*. Божественныя уста, произносив-

шія его, стремились объединить *человѣчество въ единомъ званіи чадъ Отца Небеснаго*, такъ, чтобы въ духѣ и истинѣ не стало *ни мужескаго пола, ни женскаго*; но «всѣческая и во всѣхъ Христось». «И вотъ среди огромной массы труждающихся и обремененныхъ гнетомъ матеріальной силы древняго міра откликнулась сердцею своимъ на милосердный призывъ и женщина, наиболѣе труждавшаяся и обремененная. И можно сказать, что въ первый разъ со времени паденія именно здѣсь, въ Галилеѣ, совершилось *возстановленіе женщины на степень не только духовнаго равенства съ мужчиной, а даже и превышеніе его области сердечнаго воспріятія животворящей силы новаго божественнаго слова*. «Ни одинъ мудрецъ, ни одинъ законодатель древняго міра не додумался бы до мысли *вести женщину въ кругъ духовныхъ интересовъ человѣческаго бытія*. Но въ Галилеѣ мы уже видимъ женщину, призванную къ «глаголамъ живота», *совершенно наравнѣ съ мужчиною*. Тамъ, въ домѣ Лазаря, мы видимъ женщину, сѣвшую «при ногу Иисусову» слышати слово Его. Тамъ, у самарійскаго колодца, мы слышимъ разъясненіе женщинѣ такихъ истинъ о свойствахъ Бога-Духа и о поклоненіи Ему духомъ, *въ какихъ терялся и недоумывалъ самъ Никодимъ, учитель Израилевъ*. И все это совершается только потому, что глаголы Христовы представляютъ собою *небывалое доселѣ поднятіе духа чловѣка*» (стр. 554—556).

Мы передали только десятую долю изъ того, что сказано авторомъ рѣчи о «возрожденіи чловѣчества въ единомъ званіи чадъ Божіихъ», но читатель видитъ, что и приведеннаго нами весьма достаточно, чтобы достойно оцѣнить широту взглядовъ автора. Продолжая пересказывать историческій ходъ великаго дѣла возстановленія равноправности духовнаго общенія мужчинъ и женщинъ, авторъ говоритъ, что ученіе Христово никогда, однакожъ, не истолковывалось въ смыслѣ участія женщины въ какой-нибудь несвойственной ей области дѣятельности. Признавая въ женщинѣ *полнаго чловѣка*, ни на іоту не отличающагося отъ мужчины въ благодатныхъ правахъ на званіе «храма духа Божія», христіанство ни на іоту же не упускаетъ изъ вида, что женщина есть чловѣкъ иного пола и что, въ силу этихъ естественныхъ своихъ обязанностей, она должна имѣть свое особенное значеніе, не одинаковое съ мужчиной. Всѣ великія женщины-христіанки, дѣйствовавшія на общественномъ поприщѣ, избирали либо дѣятельность просвѣтительную: Марія Магдалина, св. Нина, — либо посвящали свою жизнь заботамъ о людскихъ скорбяхъ, объ облегченіи ихъ и т. д. «Но надъ всѣми великими женами-христіанками, какъ солнце надъ звѣздами, возвысилась и препрославилась *Мать*, держащая Младенца... Въ ея личности естество женское вознесено было превыше небесе-небесъ. Какъ Мать, носившая, питавшая и плакавшая о Сынѣ своемъ по Его чловѣчеству, Она стала высшимъ идеаломъ, подражать которому составило великую обязанность матери-христіанки. Матери Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, св. Августина посвящаютъ свою жизнь воспитанію своихъ дѣтей» (стр. 557—560).

Мать-воспитательница—вотъ идеаль «женщины-христіанки» вообще и, слѣдовательно, идеаль женщины - христіанки современной. Опредѣливъ этотъ идеальный типъ, — *матери-воспитательницы*, — авторъ прямо обращается къ воспитанницамъ школы, и мы увѣрены, что сказанное имъ покажется удивительнымъ и даже почти непонятнымъ для весьма немалого количества хотя и образованныхъ людей, но относящихся къ женщинѣ только съ рутинною внимательностью.

«Допускаемъ, — говоритъ авторъ, — и даже просимъ женщину, и даже всюю душою, всю силу свои полагая, готова помочь ей приобрести себѣ всю силу и всю широту мужскаго образованія; но только тогда женщина будетъ достойна своего высокаго назначенія въ мірѣ, когда, усвоивши всю эту силу и широту мужскаго образованія, мужскаго міросозерцанія, мышленія и взглядовъ, постарается при этомъ сохранить всю неизреченную красоту души своей и понесетъ эту нѣжную, прекрасную душу туда, гдѣ именно такая душа и нужна: на поприще учительницы - матери, въ мало-лѣтнюю нашу школу или къ постели болящаго, — не съ ножомъ хирургическимъ, даже не съ рецептомъ, — но со словомъ участія, съ свѣтлымъ своимъ ликомъ, съ кроткимъ духомъ своимъ, наимоспособнѣйшимъ сливаться въ горѣ съ горемъ ближняго»... «А главнѣе и возвышеннѣе всего является женщина, когда склонится она со святою, просвященною, широко-образованною и проникающею въ будущее думою своею надъ постелькой младенца своего и приметъ на свои ласковыя руки первые шаги его воспитанія и образованія» (стр. 161 и 162).

До сихъ поръ рѣчь г. П. Смирнова была положительно безукоризненна и поучительна въ высшей степени въ разъясненіи какъ христіанской идеи правъ и обязанностей женщины, такъ и идеала ея дѣятельности, какъ *матери-воспитательницы, просвященной и широко образованной*. Но прижѣніе этихъ идеальныхъ и справедливѣйшихъ желаній автора къ условіямъ живой дѣйствительности не отличается въ его рѣчи особенною ясностью. Прежде всего, *современный отецъ* изображенъ какъ нѣчто совершенно чуждое своему дому и какъ бы существо, уже утратившее за вѣщанную христіанствомъ равноправность «духовнаго общенія» съ своею женой. «Занятый служебными занятіями, мужчина, поминутно отрываемый отъ семьи, вовлекается въ самый центръ сложной машины—жизни, такъ сказать, *юсть въ домъ своею*, — *современный отецъ* имѣетъ неизмѣримо меньше возможности пристально и неустанно слѣдить за первоначальнымъ ходомъ тѣлеснаго и духовнаго развитія младенца, нежели сколько имѣетъ возможности въ этомъ мать». «Да и не проникнуть отцу своею отвлеченною душою въ сердечную область жизни ребенка» (стр. 563). «Отецъ—сила *грозящая и связующая* (?), женщина — сила исправляющая и воспитующая».

На первыхъ же порахъ оказывается, что практика жизни прямо идетъ въ разрѣзъ съ духовнымъ единеніемъ мужа и жены; дѣйствительность на каждомъ шагу подтверждаетъ это разъединеніе, объясняющее семейныя

несогласія, непониманіе трудности жизненныхъ заботъ другъ друга, а иногда и вовсе другъ въ другѣ не цѣнимыхъ. Авторъ рѣчи, оставаясь на реальной почвѣ и отстаивая идеаль христіанскаго равенства, долженъ бы былъ поскорбѣть объ условіяхъ, тяготѣющихъ вообще надъ семьей современнаго всеобщаго общества, но онъ, не касаясь семьи всеобщаго, т. е. не касаясь вопроса общественнаго, рѣшаетъ его затѣмъ въ смыслѣ исключительно сословномъ, для чего и понадобилось выдѣлить жену священника въ исключительное положеніе *среди женъ міра* (стр. 571): «Не погрѣшимъ, если скажемъ, что супруга священника, понимая всю высоту таинственнаго посвященія его личности возложеніемъ рукъ епископа и входя религиознымъ духомъ въ полное единеніе съ его душою, можетъ почувствовать и въ себѣ вѣяніе и отблескъ благодати (рукоположенія) въ смыслѣ подготовляющаго и располагающаго души людскія ко всему доброму и спасительному. Слѣдовательно, супруга пастыря, подобно лупѣ, свѣтящей *въ своей мѣрѣ* свѣтомъ, заимствованнымъ отъ солнца, можетъ освѣщать все, что потребуетъ это освѣщеніе»... «А откуда уже, при ея образованности въ строгомъ духѣ православія, въ духѣ серьезной мысли—и открывается для нея новое поприще, поприще возвышеннѣйшее, *недоступное никакой другой женщинѣ*». «Что значить, что 'стоитъ эта совмѣстная просвѣщенная работа, надъ изученіемъ паствы и ея духовными нуждами, не всегда поддающимися *холодному* (опять!) анализу мужчины и съ ббльшею свободой открывающимися проникающему сердцу женщины!» «Для нашего сердечнаго народа его *матушка* — жена священника — какъ много можетъ значить даже только въ томъ случаѣ, если она отъ природы добра и сердечно благородна! Во сколько же разъ будетъ неотразимо ея вліяніе, если она при этомъ еще и религиозно образована? Ея бесѣды, ея указанія, ея сердечно-благодатныя *отпѣты* на вопросы темной, ищущей свѣта души,—все это можетъ ее сдѣлать *такимъ ангеломъ свѣта, съ силою котораго и съ его вліяніемъ на народъ* не посмѣли бы бороться *тѣ духи тьмы*, которые являлись въ среду народа еще недавно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ» (стр. 573).

Намъ кажется, что включеніе въ обязанности жены священника, «матушки», повидимому, даже какой-то политической дѣятельности — требованіе весьма неумѣренное по отношенію къ идеалу матери-воспитательницы. Кромѣ того, намъ кажется также, что возлагать всю многосложность вліяній на народъ исключительно на жену священника — дѣло не вполне справедливое не только по отношенію къ женщинамъ вообще, къ *женамъ міра*, къ матери-воспитательницамъ, но и по отношенію къ женамъ духовныхъ чиновъ низшаго разряда. Жены дьяконовъ и въ особенности причетниковъ, уже совершенно лишены вліянія благодати и несомнѣнно самымъ рѣшительнымъ образомъ устранены съ поприща возвышенной дѣятельности (какъ мы знаемъ, *недоступной никакой другой женщинѣ*, кромѣ жены священника; стр. 572), однако-жь, также несомнѣнно, желали бы быть такими же матерями-воспитательницами, какъ и «матушка», но про

нихъ не сказано, что и онѣ могутъ быть «ангелами свѣта». Такимъ образомъ, и въ однородномъ сословіи не у всѣхъ женщинъ оказываются впереди свѣтлыя перспективы.

Вообще слишкомъ частыя указанія автора на первенствующее значеніе сословія, едва ли соответствующія ученію, чтобы «въ духѣ» истины не стало ни мужскаго пола, ни женскаго пола, но всяческая и во всѣхъ Христось, — иногда принимаютъ въ рѣчи г. П. Смирнова какой-то совершенно неспитичный тонъ. Обращаясь къ воспитанницамъ школы, какъ будущимъ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ, онъ говоритъ такъ: «Говорить ли еще о *вашемъ значеніи* для новой церковно-приходской школы, въ которой *вы можете и должны явиться предъизбранными и безспорными учительницами?*» (стр. 573). Говорить будущимъ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ объ ихъ *безспорныхъ* преимуществахъ предъ всѣми учительницами, принадлежащими къ другимъ сословіямъ, называть ихъ *предъизбранными*, — этого говорить бы не слѣдовало, такъ какъ это, прежде всего, неуваженіе вообще къ труженицамъ на поприщѣ народнаго образованія, а, главное, говорить это — значитъ возбуждать въ душѣ воспитанницъ вредныя для всякаго человѣка побужденія къ самоинѣнію. Напротивъ, г. П. Смирнову, если бы онъ оставался вѣрнымъ сущности христіанскаго ученія, вмѣсто того, чтобы по отношенію къ церковной школѣ ограничиться лишь вопросомъ: «говорить ли?» — и затѣмъ ровно ничего о школѣ не говорить, непремѣнно слѣдовало бы много и много говорить воспитанницамъ, и именно о великомъ дѣлѣ, которое имъ предстоитъ, о *подвижничествѣ*, котораго оно требуетъ, о необходимости пріобрѣтенія ими множества новыхъ знаній, чтобы онѣ изъ *воспитанницъ* могли имѣть право быть *воспитательницами*, да не своихъ только дѣтей, а дѣтей народной массы, принимая ихъ будущность на собственную совѣсть. Вотъ здѣсь-то нужно было бы опять упомянуть о Маріи Магдалинѣ и о Св. Нинѣ, а не облегчать сердечную нѣжность женщины преждевременными внушеніями ей гордости какими-то и почему-то уже *безспорными* ея достоинствами. Все это, на нашъ взглядъ, вовсе не соответствуетъ тѣмъ поистинѣ прекраснымъ очертаніямъ образа женщины-христіанки, которыя г. П. Смирновъ изобразилъ выше.

IV.

Изъ всѣхъ этихъ, очень немногочисленныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ двухъ-трехъ *Мѣмъ Самарскихъ и Таврическихъ Епархіальныхъ Ведомостей*, можно, однако же, видѣть, что духовное сословіе въ настоящее время, во-первыхъ, довольно прочно съумѣло устроить свое матеріальное положеніе и, во-вторыхъ, одушевлено широкими перспективами предстоящаго ему общественнаго значенія. Но и, съ другой стороны, для всего русскаго общества крайне было бы желательно, чтобы и духовное сословіе, принимая въ свои руки такое отвѣтственное предъ всѣмъ русскимъ наро-

домъ дѣло, какъ дѣло *народнаго образованія*, не пренебрегло бы опытомъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ великое дѣло народнаго образованія было существеннѣйшимъ и задушевнѣйшимъ дѣломъ въ теченіе не менѣе трехъ десятковъ лѣтъ.

Въ смыслѣ, такъ сказать, критическаго отношенія къ народнымъ школамъ, существующимъ въ настоящее время, и опредѣленія ихъ достоинствъ и недостатковъ, для того, чтобы при предстоящей школьной реформѣ, воспользовавшись первыми, избѣжать послѣднихъ,—мы бы рекомендовали епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ принять во вниманіе, между прочимъ, мнѣніе о существующихъ школахъ такого компетентнаго лица въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ г. попечитель кievскаго учебнаго округа. Въ *Отчетъ о состояніи народныхъ училищъ за 1887 годъ* вотъ какъ высказывается онъ по важнѣйшему для современнаго общества вопросу:

„Въ настоящее время, несмотря на особенное вниманіе многихъ лицъ, съ каковыми отнесались къ министерскимъ народнымъ училищамъ, чтобы въ ихъ строѣ и направленіи подмѣнить такіа стороны, которыя свидѣтельствовали бы, что министерскія училища не удовлетворяютъ настоящему характеру школъ, я не слышалъ никакихъ неблагоприятныхъ отзывовъ о народныхъ училищахъ вѣреннаго мнѣ округа; не получалъ жалобъ ни отъ священниковъ, наблюдателей въ училищахъ за преподаваніемъ Закона Божія, ни отъ духовной и свѣтской власти о томъ, чтобы учителя мѣшали доброму направленію школьной жизни, чтобы они противорѣчили стремленіямъ и желаніямъ законоучителей училищъ дать школѣ исполнѣ воспитательный характеръ въ духѣ православной церкви и христіанской нравственности. Сужденія о министерскихъ народныхъ училищахъ, касающіяся ихъ руководителей, учащихся, учебныхъ руководствъ, средствъ школы и проч., могли быть высказываемы и верны, и въсь различными лицами, которыя или слишкомъ легко и поверхностно отнеслись къ существующей школѣ, надъ которой десятки лѣтъ работали люди сильнаго ума съ искреннею любовью къ дѣлу и патристическимъ чувствомъ, или дѣлали свои выводы и обобщенія, не справляясь ни съ причинами явленій, ни съ массою фактовъ противоположнаго характера. Всѣ эти взгляды и сужденія подхватывались налету другими, какъ готовые, въ то время, когда былъ составленъ несложный идеалъ церковно-приходской школы. И все вдругъ стало осуждаться повально, и не пощажено ни честнаго труда, ни добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, какъ въ прошлое, такъ и въ настоящее время; осуждены руководства, пособия, даже методъ первоначальнаго обученія грамотѣ, который, кромѣ легчайшаго обученія грамотѣ, ничего не давалъ.

„Все это только воочію подтвердило и доказало ту истину, что у насъ нѣтъ должнаго уваженія къ традиціямъ, которыя вырабатывались въ теченіе долгаго времени опытомъ и усиленнымъ трудомъ многихъ. Но когда приступлено было къ осуществленію идеала церковно-приходской школы тѣми дѣятелями, которые поставлены были лицомъ къ лицу съ самою школою, при обычной ея обстановкѣ, тогда сразу увидѣли, что желать и исполнять желаніе—не одно и то же; что проектъ можетъ остаться назади, какъ мечта, а преждевременное осужденіе дѣятельности другихъ привело лишь къ тому, что намъ самымъ лучшимъ обратиться *за помощью къ тѣмъ, кого осуждаемъ*. Близкое знакомство съ приходскими школами инспекторовъ народныхъ училищъ показало, что церковно-приходская школа въ сравненіи съ министерской тѣмъ и отличается отъ послѣдней, что первая только стремится къ тому, что уже въ значительной степени достигнуто министерскими училищами. Опытъ показываетъ, что лучшія изъ церковно-приходскихъ училищъ тѣ, гдѣ состоятъ учителями обучавшіеся или окончившіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ; лучшей похвалой для этихъ школъ служить то, что эта школа такъ же хороша, какъ и министерская“.

„Во внутренней жизни министерскихъ школъ,—говорится даѣе въ отчетѣ,—нѣтъ и не можетъ быть такихъ элементовъ, которые противорѣчили бы доброму направленію, указанному для церковно-приходскихъ школъ. Приложены всѣ заботы, чтобы во всѣхъ народныхъ училищахъ кіевскаго учебнаго округа было какъ можно больше церковно-религіознаго начала, и для этой цѣли усилено преподаваніе Закона Божія до 6 часовъ въ недѣлю; церковно-славянское чтеніе сдѣлалось обязательнымъ ежедневно. Кроме того, проводниками и охранителями религіозныхъ началъ въ училищахъ служатъ тѣ же священники-законоучители, которые состоятъ законоучителями и въ церковно-приходскихъ школахъ; учителя и учительницы, особенно въ Черниговской и Полтавской губ., въ большинствѣ лица духовнаго сословія (конечно, окончившіе курсъ учительскихъ семинарій м. н. п.), изъ котораго выходятъ, главнымъ образомъ, контингентъ учащихся и для церковно-приходскихъ школъ; учебники не только по Закону Божію, но и по другимъ предметамъ одинаковы. Наконецъ, инспектора народныхъ училищъ единодушно свидѣтельствуютъ, что со стороны сельскаго населенія вездѣ проявляется полное сочувствіе и довѣріе тому направленію, которымъ отличаются въ настоящее время министерскія училища, и что даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ существуютъ церковно-приходскія и министерскія училища, родители предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей въ послѣднія, не говоря уже о томъ, что въ отчетномъ году не мало было случаевъ, когда сельскія общества, при существующей церковно-приходской школѣ, составляли приговоры объ открытіи у нихъ министерскихъ училищъ, а нѣкоторые сельскія общества, хотя имъ было отказано въ пособіи отъ казны, все-таки, ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было открыть училища на собственные средства“.

„Будущее церковно-приходской школы,—говоритъ *Кіевлянинъ*, изъ котораго мы заимствовали мѣтнія г. попечителя о министерскихъ школахъ,—далеко еще не опредѣлилось. Для нея въ послѣднее время начали отпускаться средства изъ государственнаго казначейства, учреждены училищные совѣты, епархіальная власть прилагаетъ усилія, чтобы привлечь сельское духовенство къ школьному дѣлу и возбудить его энергію; но все это пока только попытка, результаты которыхъ скажутся лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы желаемъ полнаго успѣха церковно-приходской школѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловно необходимо *крайне бережное отношеніе* къ нашимъ лучшимъ и уже вполне окрѣпшимъ училищамъ—министерскимъ, на устройство и надлежащую постановку которыхъ затрачено много средствъ и труда“ *).

Мы подчеркнули выраженіе *бережливое отношеніе* къ существующей школѣ, въ видахъ необходимости такихъ же *бережливыхъ*, внимательныхъ отношеній къ церковно-приходскимъ школамъ всѣхъ тѣхъ дѣятелей, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло ихъ организаціи. *Волжскій Вѣстникъ* почти одновременно сообщаетъ изъ разныхъ концовъ Россіи два совершенно однородныхъ извѣстія, касающихся именно этой организаціи, въ видахъ скорого открытія церковно-приходскихъ школъ.

Пресвященный енисейскій, епископъ Тихонъ, *за неимѣніемъ въ своей епархіи мѣстной духовной семинаріи*, ходатайствуетъ предъ св. синодомъ объ открытіи въ Енисейскѣ особаго учебнаго заведенія — причетническаго класса съ педагогическимъ курсомъ. Цѣль учебнаго заведенія—подготовлять такихъ *псаломщиковъ и диаконовъ*, которые могли бы *совмѣщать свои обязанности съ учительскими въ церковно-приходскихъ школахъ*. Поэтому, кромѣ духовноучебнаго курса, въ проектируемую школу вводятся педагогика и дидактика, письмоводство церковное и школьное

*) *Кіевлянинъ*, № 124.

хозяйство, столярное и переплетное мастерства.

Въ Одессѣ уже учреждена въ настоящее время первая школа для псаломщиковъ, которые могли бы *явиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, также учителями церковно-приходскихъ школъ въ епархіи*. Не слишкомъ ли торопливы эти попытки сформировать комплектъ учителей, не снимая, притомъ, съ нихъ дьяконскихъ и причетническихъ обязанностей? Кромѣ того, назначеніе воспитанника семинаріи въ псаломщики уже само по себѣ свидѣтельствуесть о неуспѣхѣ его въ наукахъ, и слѣдовательно ему-то именно и надо много времени, чтобы хоть мало-мальски освоиться съ новымъ, невѣдомымъ ему дѣломъ. Между тѣмъ, едва только учреждающіеся причетническіе или учительскіе классы, не успѣвшіе, какъ говорится, стать еще на ноги,—уже осложняются, новыми несравненно болѣе многосложными нововведеніями по части расширенія, какъ предполагалось, весьма скромной ихъ дѣятельности: такъ, духовное вѣдомство обратилось къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою оказать денежное пособіе на устройство преподаванія сельскаго хозяйства при Тростяницкой церковно-приходской школѣ Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ., а также и въ другихъ *учительскихъ курсахъ и школахъ* духовнаго вѣдомства, гдѣ это окажется возможнымъ... Ходатайство это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: разрѣшено выдавать по 1,200 руб. на каждое заведеніе, въ которомъ окажется возможнымъ преподаваніе сельскаго хозяйства, почему и поручено епархіальнымъ преосвященнымъ обратить вниманіе училищныхъ совѣтовъ *на новую отрасль* обученія въ церковно-приходскихъ школахъ *съ учительскими курсами* (Новости).

Нельзя, конечно, не радоваться такой разносторонней и оживленной дѣятельности при организаціи новой системы народнаго образованія, но нельзя также не обратить вниманія на то, что въ то время, когда широкія мѣропріятія духовнаго вѣдомства еще только начинаются, и, притомъ, постоянно осложняются новыми отраслями обученія, т.-е. находятся еще въ самомъ первоначальномъ видѣ,—ломка не менѣе широко поставленныхъ учреждений по народному образованію прежней системы идетъ уже своимъ, неминуемымъ, чередомъ. Въ засѣданіи вольскаго уѣзднаго земскаго собранія 28 сентября, почетный попечитель учительской семинаріи, гласный Новосильцевъ, отказался отъ ежегодной субсидіи земства этой семинаріи въ 2,000 р., во-первыхъ, потому, что учительская семинарія умѣла такъ добросовѣстно тратить земскія деньги, что у нея въ настоящее время образовался остатокъ въ 16,600 руб. (который семинарія полагала употребить на устройство интерната) и, во-вторыхъ, потому, что «въ настоящее время *учительская семинарія совершенно ненужна для Вольскаго уѣзда*, оканчивающіе въ ней курсъ учителя уже не нужны уѣзду, такъ какъ всѣ земскія школы переданы въ руки духовенства, а курсъ семинаріи не приспособленъ къ приготовленію учителей-псаломщиковъ, потому всѣ окончившіе курсъ разиѣщаются въ другихъ губерніяхъ или вовсе остаются безъ мѣстъ. Земское собраніе постановило поэтому ходатайствовать объ освобожденіи земства отъ напрасной траты средствъ на учительскую семинарію.»

Слишкомъ удаленное, до настоящаго времени, какъ отъ земской, такъ и сельской общественной дѣятельности, духовное сословіе по необходимости и по непрактичности не можетъ иногда не приводить въ смущеніе практическихъ общественныхъ дѣятелей и невольно ставить себя въ неловкое положеніе. На томъ же вольскомъ собраніи 28 сентября было доложено отношеніе вольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, въ которомъ отдѣленіе проситъ увеличить даваемое земствомъ пособіе (земство даетъ церковно-приходскимъ школамъ 5,000 р.), такъ какъ школамъ необходимо приобрести одобренныя и рекомендованныя св. синодомъ книги, огородить отведенные обществомъ земельные участки, посадить фруктовыя деревья, приобрести сѣмянъ и необходимые сельско-хозяйственные и садовые орудія и инструменты, а также нужныя руководства по сельскому хозяйству и садоводству; кромѣ того, нужно увеличить учителямъ жалованье, которое въ настоящее время очень мало. На все это нужны деньги, которыхъ въ рукахъ отдѣленія нѣтъ: кромѣ того, отдѣленіе проситъ разрѣшить его членамъ бесплатный проѣздъ по уѣзду на земскихъ лошадяхъ при обзорѣнн школъ. Вотъ какую массу требованій предъявили люди неопытные въ практической дѣятельности. Люди же долговременнаго опыта дали утвердительный отвѣтъ только на послѣднее требованіе, постановивъ давать лошадей только для поѣздокъ школы, а всѣ прочія требованія оставлены безъ удовлетворенія (*Саратовскій Листокъ*, № 210). Неприятны и такіе случаи, одинъ изъ которыхъ произошелъ также на земскомъ собраніи въ г. Сердобскѣ: «Въ виду того,—сказано въ отчетѣ,—что крестьяне нѣкоторыхъ селеній, гдѣ существуютъ только приходскія школы, вносятъ въ земство на народное образованіе 150 р., коммиссія считаетъ нужнымъ этимъ школамъ оказать пособіе со стороны земства, въ указанномъ размѣрѣ, предоставивъ право распределенія этихъ денегъ члену отъ земства въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ. На это гласный г. Минхъ сообщилъ, что хвалынское земство ассигновало средства на церковныя школы *на извѣстныхъ условіяхъ*. Между тѣмъ, духовное начальство стало распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Такъ же и наши средства могутъ расходоваться. Г. Минха поддержалъ членъ Свиридовъ и собраніе отклонило предложеніе коммиссіи» (*Саратовскій Листокъ*, № 210). Мы не сомнѣваемся, что всѣ такія прискорбныя случайности, какъ послѣдствія малаго знакомства съ широкими размѣрами земскаго дѣла, и со средствами, которыми оно можетъ располагать не въ ущербъ народному благосостоянію, не будутъ оставлены безъ вниманія новыми дѣятелями на новомъ поприщѣ.

Г. Успенскій.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XI.

Въ *Неделе* время отъ времени появляются статьи очень любопытныя для характеристики нашихъ современныхъ умственныхъ теченій. Статьи эти являются въ газетѣ какъ бы набѣгомъ, случайно, входятъ въ нее струей другаго цвѣта и только благодаря гостепрѣимству редакціи выступаютъ на свѣтъ Божій и получаютъ возможность выясняться и разрабатываться на страницахъ органа, имъ не вполне родственнаго.

Однимъ изъ этихъ умственныхъ теченій были «мысли», такъ настойчиво и даже съ нѣкоторымъ озлобленнымъ фанатизмомъ высказывавшіяся въ статьяхъ «о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ».

Вопросъ, казавшійся поконченнымъ, снова, однако, выступаетъ на сцену и на этотъ разъ уже не въ прежней легкой формѣ, скрашенной цвѣтами полемическаго краснорѣчія, а неизбежно устанавливаемый на несокрушимомъ фундаментѣ историческихъ, психологическихъ, философскихъ (вѣроятно, и еще какихъ-нибудь другихъ) основъ.

Статья, о которой рѣчь, напечатана въ 38 № *Недели* и называется *Жалобы на наше время*. Я изложу содержаніе этой статьи въ самомъ сжатомъ видѣ не только для того, чтобы дать возможность ознакомиться съ ея мыслями читателямъ, незнакомымъ съ *Неделей*, но и для того, чтобы быть яснѣе въ послѣдующемъ изложеніи. Мысли и рѣчи автора статьи я обозначу ковычками.

«Жалобы на «наше время» сдѣлались чѣмъ-то неизбежнымъ; они раздаются повсюду, произносятся почти всѣми и наше время оказывается такою «ужасною» эпохой, какой еще никогда не было», — такъ начинается авторъ.

«Въ этихъ жалобахъ нѣтъ ничего новаго, вспомните хотя стихъ Некрасова, относившійся къ его времени: «бывали хуже времена, но не было подлѣй». Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Люди въ рѣдкія эпохи бываютъ довольны настоящимъ; но подобныя эпохи, когда люди бываютъ всецѣло поглощены своимъ настоящимъ, не только крайне рѣдки, онѣ и очень коротки. Вспомните хотя реформаціонное возбужденіе 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Это время часто противопоставляютъ нашему, а, между тѣмъ, въ

дѣйствительности, еще не наступило 19 февраля 1861 г., какъ уже начали раздаваться голоса разочарованія въ «нашемъ времени». Начали, конечно, болѣе прозорливые люди, а потомъ о «нашемъ времени» говорили и всѣ, какъ объ эпохѣ мрачной, давящей, какъ о времени, когда невозможна общеполезная дѣятельность, когда все — и люди, и задачи быстро мельчаютъ, когда и жить тяжело и т. д. Теперь это все какъ будто бы забыто, и пойдите, ну, хотя бы только въ литературѣ 60-хъ годовъ, и вы увидите, что тогдашнее время осыпалось тѣми же самыми жалобами, какъ и настоящее время».

Упрекать автора въ недобросовѣстномъ искаженіи, подборѣ или подтасовкѣ фактовъ нѣтъ, конечно, основанія, потому что иначе онъ лучше хозяйничалъ бы съ собственными мыслями и не посадилъ бы самъ себя въ яму съ первыхъ словъ. Эта яма, въ которой авторъ добросовѣстно усѣлся и не замѣчая того продолжаетъ со дна ея говорить совсѣмъ другое, — двѣ слѣдующія маленькія фразы, которыя, казалось бы, должны были наложить окончательно на уста его печать молчанія, если бы съ энергіей фанатической настойчивости онъ не усиливался доказывать, что для утоленія общей современной общественной жажды Россіи совершенно достаточно того маленькаго стакана воды, изъ котораго онъ самъ пьетъ. Вотъ эти двѣ маленькія фразы: «люди бываютъ довольны своимъ настоящимъ, когда они всецѣло имъ поглощены». Вторую свою мысль авторъ высказываетъ въ отрицательной формѣ: когда явилось въ 60-хъ годахъ разочарованіе, то заговорили объ этомъ времени, какъ о мрачной, давящей эпохѣ, «когда невозможна никакая общеполезная дѣятельность». Иначе сказать — общеполезная дѣятельность «всегда возможна» и если человѣку замазать глиной глаза, уши и ротъ, онъ даже и въ этомъ положеніи можетъ дѣлать что-нибудь полезное. Это совершенно справедливо, но только стоитъ ли объ этомъ толковать, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ говоритъ, что «люди» (значить, общество) бываютъ довольны своимъ настоящимъ, когда они «всецѣло имъ поглощены»?

Не умственной добросовѣстности недостаетъ у автора. Вся бѣда его въ томъ, что онъ носится съ своимъ маленькимъ стаканчикомъ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы доказать, что на свѣтѣ и нѣтъ другой живой воды. Даже его умственный дальтонизмъ происходитъ только отъ того, что въ немъ слишкомъ велика потребность общеполезной дѣятельности (это черта всего нашего современнаго періода, начавшагося съ освобожденія крестьянъ и сдвинувшаго всѣхъ и каждаго съ своего мѣста). Только отъ этого онъ и не анализируетъ явленій и фактовъ, не устанавливаетъ имъ ни очереди, ни порядка, а все, что попадаетъ ему подъ руку, сваливаетъ въ одну кучу и совершенно искренно считаетъ свой способъ доказательствъ неотразимымъ.

А способъ его доказательствъ вотъ какой. Приводитъ онъ васъ на Невскій проспектъ послѣ дождя и, показывая пальцемъ на мостовую, спрашиваетъ: «грязь?» Вы отвѣчаете: «грязь». Затѣмъ онъ ведетъ васъ въ Чебоксары и, показывая на топъ, въ которой завязли коровы и свиньи, спра-

швааетъ: «грязь?» Вы отвѣчаете: «грязь». Потомъ онъ ведетъ васъ на Итальянскій бульваръ въ Парижѣ и, показывая на асфальтъ, только призамазанный грязью, спрашиваетъ: «грязь?» Вы опять отвѣчаете: «грязь». И, свершивъ все это, авторъ съ гордостью говоритъ: «ну, вотъ видите, все это грязь и вездѣ грязь».

Совершенно справедливо, что и золотникъ грязи—«грязь», и пудъ грязи—«грязь», и гора грязи—«грязь». Но только при этомъ способѣ мышленія можно потерять, наконецъ, всякую разницу между золотниками и горами, между Чебоксарами и Парижемъ, между разнообразными и многосложными потребностями общества, которыя всѣ, въ полномъ ихъ объемѣ, нуждаются въ удовлетвореніи, и все свести къ Чебоксарамъ и къ ищанской избѣ. Авторъ, очевидно, нашелъ себѣ умственное удовлетвореніе и дѣло, успокоился на извѣстномъ равновѣсіи и теперь желаетъ надѣть на всѣхъ людей свою собственную голову.

Вся причина недовольства людей своимъ настоящимъ заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, «что, будучи воспитаны предшествующею эпохой, люди большею частью переносятъ и на послѣдующее время тѣ же возрѣнія на задачи времени, которыя были выработаны этою предшествующею эпохой. Иначе говоря, приступая къ оцѣнкѣ нашего времени, мы прилагаемъ ту же мѣрку, которая считалась дѣйствительною и единственною настоящею въ эпоху, въ которую мы росли или подъ вѣяніемъ которой мы развились. Неудивительно.—разсуждаетъ авторъ,—что при такомъ отношеніи къ дѣлу люди рѣдко имѣютъ случай быть довольными своимъ временемъ, и довольство это обуславливается отнюдь не тѣмъ, что въ данное время все обстоитъ ужъ такъ прекрасно, а просто тѣмъ, что люди случайно нашли возможность мѣрить жизнь своею мѣркой и находятъ ее вполне пригодною къ дѣлу. Вотъ, наприм., вторая половина 50-хъ годовъ: неужели это время, когда еще господствовало крѣпостное право, когда народъ былъ поголовно безграмотенъ, когда и среднеучебныя заведенія были рѣдкостью, когда совсѣмъ не было женскаго образованія, когда народная масса не знала, что такое врачебная помощь и т. д., — неужели эта эпоха представляетъ собою время какого-то безпечальнаго житія и общаго благоденствія? А, между тѣмъ, именно въ это время мы видимъ всеобщее ликование интеллигентнаго общества и именно въ это время стали писать статьи, начинающіяся знаменитымъ «въ наше время, когда», за которыми слѣдовали всевозможныя восхваленія «нашему времени». Объясняется эта несообразность именно тѣмъ обстоятельствомъ, что жизнь тогда дѣпилась съ съ точки зрѣнія взглядовъ, воспитанныхъ предшествующимъ временемъ. Въ это послѣднее время нельзя было свободно говорить о самыхъ простыхъ вещахъ, и когда эта возможность явилась, это оказалось необычайно громаднымъ шагомъ впередъ. Ранѣе нельзя было и заикнуться противъ крѣпостнаго права, а тутъ стали подготавливаться къ его отмене и т. д. Словомъ, поводомъ для ликовація явилась масса, и ликование это было законно, но отнюдь не потому, чтобы тогдашняя жизнь такъ ужъ рѣзко отличалась

отъ жизни предшествующей эпохи, а просто потому, что явленія данной эпохи соответствовали мѣркѣ, выработанной предшествующими временемъ и казавшейся тогдашнему поколѣнію вполне дѣйствительною. Наоборотъ, когда явленія жизни оказываются не подходящими къ этой мѣркѣ,—что бываетъ чаще,—является недовольство, раздаются жалобы, фактически вполне справедливыя, но совершенно невѣрныя по тому значенію, которое имъ придается».

Чтобы убѣдить читателя въ вѣрности своего вывода о причинахъ довольства или недовольства человѣчествомъ (вѣдь, конечно, это законъ не для однихъ русскихъ) своимъ настоящимъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующую параллель между шестидесятыми и восьмидесятыми годами: «Совершенно справедливо,—говоритъ онъ (всѣ послѣдующія «справедливо» принадлежать автору),—что литература 60-хъ годовъ говорила въ десять разъ смѣлѣе, чѣмъ литература современная», «справедливо, что въ ту эпоху двери высшаго образованія широко раскрывались для всѣхъ и оно всячески дѣлалось возможно болѣе доступнымъ всемъ и каждому», «справедливо, что всякія своекорыстныя пополюзованія въ 60-е годы должны были прятаться во тьмѣ», «справедливо, что тотъ общественный слой, который выступилъ двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ въ качествѣ носителя передовыхъ идей и гражданскихъ доблестей, теперь представляетъ собою собраніе своекорыстныхъ личностей, живущихъ только для себя», «справедливо, что 25 лѣтъ тому назадъ говорились горячія рѣчи о народномъ благѣ и что теперь такія рѣчи въ томъ же общественномъ слоѣ слышатся гораздо рѣже и ихъ даже начинаютъ конфузиться».

«Но, вѣдь, если справедливо, что 25 лѣтъ тому назадъ печать судила о многомъ смѣлѣе, то не менѣе справедливо, что и количественное, и качественное вліяніе ея было несравненно слабѣе и ея смѣлость, въ сущности, имѣла очень слабое практическое значеніе». «Печать 25 лѣтъ тому назадъ не могла ни касаться такого множества вопросовъ, потому что и вопросы-то эти еще не были поставлены, ни давать такой массы фактическихъ данныхъ для разрѣшенія вопросовъ жизни, ибо данныя эти были тогда еще неизвѣстны». «Преимущества тогдашней печати на жизнь вліяли очень мало, и имѣли больше академическое значеніе, тогда какъ теперь печать оказываетъ громадное вліяніе на жизнь, являясь средствомъ распространенія идей въ огромномъ кругу своихъ читателей, и, несмотря на недостатки свои, въ общемъ распространяемая ею идеи суть идеи гуманныя и прогрессивныя, отчего и вліяніе ея—гуманизирующее». «То же имѣетъ мѣсто и въ области школьнаго образованія». «То же и въ земской дѣятельности. Какіе крупные вопросы поднимались на первыхъ собраніяхъ, какую горячность проявляли ораторы, сколько оживленія было тогда! Теперь сравнительно съ этимъ блескомъ все потускнѣло, пострѣло, измельчало. Но если разсмотрѣть отношеніе того, что говорилось на земскихъ собраніяхъ прежде и теперь, къ дѣлу, вѣдать которое земства призваны, то современность получаетъ чрезвычайное преимущество передъ прошлымъ»... «Общій выводъ,—

заключает авторъ,—тотъ, что для оцѣнки нашего времени необходимо выбрать иную мѣрку, чѣмъ та, которая прилагалась доселѣ. Жалобы на «наше время», повторяемъ, имѣютъ основаніе, но не вѣрно то значеніе, которое имъ дается, и тѣ выводы, которые изъ нихъ дѣлаются».

Авторъ со всѣми своими «справедливо», которыя онъ разложилъ на двѣ кучки, такъ что и въ одной все оказалось справедливо, и въ другой все справедливо, очень похожъ на человѣка, роющагося въ большомъ муравейникѣ, сортирующаго муравьиныя яйца по годамъ и ничего не замѣчающаго, что дѣлается у него надъ головою. Только свою муравейную кучу онъ и видитъ и такъ какъ эта куча его и жилъ онъ всегда только въ своемъ собственномъ муравейникѣ, то онъ и любитъ лишь его и думаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого муравейника.

И, между тѣмъ, авторъ былъ преисполненъ самыхъ благожелательныхъ намѣреній и хотѣлъ высказать очень простую мысль. Ему хотѣлось показать, что теперешнее время посвящено очень почтенной работѣ, на которую и должны быть направлены всеобщія усилія. Работа эта, чисто-практическая, заключается въ устройствѣ земскаго и вообще народнаго хозяйства, школъ, лечебницъ, дорогъ и т. д., т. е. въ удовлетвореніи тѣхъ насущныхъ, практическихъ надобностей, которыми бы удовлетворились непосредственныя и ближайшія нужды народа. А такъ какъ эта работа идетъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ, то ее и нужно признать болѣе плодотворной, существенной и полезной, чѣмъ предшествующую подготовительную работу, имѣвшую преимущественно теоретическій, умственный характеръ.

Подобная спокойная и безхитростная характеристика теперешняго времени была бы даже и справедливой, если бы авторъ ею только и ограничился. Это было бы для него тѣмъ лучше, что, [напримѣръ, въ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ ихъ изданіяхъ г. Абрамова у него имѣлся бы прекрасный примѣръ для подражанія. Г. Абрамовъ весьма искусно и тщательно умѣетъ пользоваться текущимъ статистическимъ матеріаломъ и даетъ всегда очень точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается. Изъ его статей вы узнаете, гдѣ было сколько школъ тогда-то и сколько ихъ теперь, какого типа эти школы, какія, гдѣ и когда дѣлались улучшенія въ школьномъ дѣлѣ; гдѣ, какъ и когда выработывалась земская медицина, въ какой постепенности и какъ устанавливались болѣе правильныя воззрѣнія на ея организацию и т. д. Однимъ словомъ, вы всегда имѣете весьма цѣнный фактическій матеріалъ, который даетъ вамъ точное понятіе о состояніи и постепенномъ ростѣ все расширяющейся практической земской дѣятельности и общественной работы, направленной на удовлетвореніе потребностей низовъ.

И вотъ, если бы авторъ поступилъ такимъ образомъ и далъ бы общую картину факческаго состоянія всего того, что у насъ теперь дѣлается, не однимъ земствомъ, но и правительствомъ (въ особенности министерствомъ государственныхъ имуществъ), а также и частными уси-

лями, принимающими тоже все болѣе и болѣе общественный характеръ, то это былъ бы весьма полезный и почтенный обзоръ нашей практической современности, несомнѣнно поучительный для общественно-практическихъ дѣятелей и людей съ исполнительными способностями, у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо нуждающихся въ практическихъ указаніяхъ, рецептахъ, выставкахъ и вообще въ наглядномъ обученіи.

Вмѣсто этого прямого и простаго отношенія къ тому самому дѣлу, которому авторъ желаетъ служить и быть полезнымъ, онъ съ перваго и до послѣдняго слова все съ кѣмъ-то и съ чѣмъ-то спорить и полемизируетъ, кого-то или что-то желаетъ принизить, опровергнуть и даже уничтожить. Онъ какъ будто и писать-то сѣлъ только для того, чтобы дать выходъ накопившемуся злomu чувству противъ этого кого-то или чего-то.

Вся статья написана противъ идейности и въ пользу практичности. Авторъ топчетъ ногами все предъидущее движеніе мысли и дѣлаетъ это съ какимъ-то непостижимымъ личнымъ озлобленіемъ, точно это движеніе мысли и есть тотъ самый врагъ, который всему мѣшаетъ и котораго, поэтому, нужно унижить, смѣшать съ грязью, уничтожить. Ничего подобнаго этому уродливому, болѣзненному и, во всякомъ случаѣ, ненормальному движенію мысли у насъ до восьмидесятыхъ годовъ еще не появлялось. Теперь же и въ критикѣ, и въ поэзіи, и въ беллетристикѣ, а, наконецъ, и въ публицистикѣ выступаетъ цѣлая фаланга представителей благонамѣреннаго обскурантизма, не признающихъ своей умственной связи съ предъидущимъ временемъ и желающихъ высказать что-то свое собственное. Это просто непогрѣно возвеличенное самолюбивое я, мало-интеллигентное, мало-культурное, мало-образованное, мало-читавшее и очень мало-думавшее, выросшее въ условіяхъ, когда много все этого и получить-то было ему негдѣ. За подобными читателями, конечно, стоитъ цѣлая масса читающей ихъ молодежи, на ихъ урокахъ формирующаяся въ легкомысленную и самолюбивую умственную и нравственную безшабашность. И кого эти «новые люди» хотятъ повалить, уничтожить, чье мѣсто хотятъ они занять? Они хотятъ замѣнить тѣхъ, у кого, поистинѣ, они недостойны даже развязать ремня на погѣ.

Люди сороковыхъ годовъ (съ ниспроверженія которыхъ начали *новые писатели*) кажутся теперь гигантами. И они, дѣйствительно, очень крупныя люди. Сила значенія и ростъ ихъ не въ одномъ ихъ крѣпкомъ умѣ, а въ разносторонности ихъ общаго образованія, въ громадной начитанности, въ обширныхъ познаніяхъ и широко-захватывающихъ гуманныхъ стремленіяхъ. И люди 60-хъ годовъ, вынесшіе на себѣ всю тяжесть умственнаго обновленія той эпохи и разработавшіе всѣ реформы, отличались, кромѣ ума, тоже большими познаніями, начитанностью и широкимъ общимъ образованіемъ. Все это и не могло быть иначе, ибо безъ подобнаго богатаго умственнаго багажа и невозможно было бы разрѣшать такіе крупные и сложные вопросы, какіе были разрѣшены реформами.

Когда заходитъ рѣчь объ образованіи людей 40-хъ годовъ, то, обычно-

венно, въ поясненіе (а, можетъ быть, и для оправданія собственнаго невѣжества) прибавляютъ, что то были бары, выросшіе на сахарныхъ булкахъ и имѣвшіе много празднаго досуга, созданнаго имъ крѣпостнымъ правомъ. Правда тутъ есть, но не все только правда. Бѣлинскій выросъ не на сахарныхъ булкахъ, крѣпостныхъ не имѣлъ и добывалъ себѣ хлѣбъ очень тяжелымъ трудомъ. Люди 60-хъ годовъ, напримѣръ, литературные вожди того времени, выросли тоже не на сахарныхъ булкахъ, тоже не имѣли крѣпостныхъ и жили не въ праздномъ досугѣ, однако, тоже и много знали, и много читали, и хорошо понимали, что свершается передъ ихъ глазами. Значить, не въ сахарныхъ булкахъ и не въ праздномъ досугѣ тутъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ, что толкаетъ людей наполнять свой досугъ плодотворнымъ содержаніемъ.

Мы говоримъ о томъ читателѣ, который хочетъ быть представителемъ идей восьмидесятыхъ годовъ, о томъ читателѣ, который хочетъ владѣть ушами, творить направленіе, который выступилъ въ печати руководящимъ критикомъ, руководящимъ поэтомъ, руководящимъ публицистомъ.

Для этого вождя теперешнее время не закрываетъ ничего. Въ 40-хъ и 60-хъ годахъ всякая заграничная книжка была запретнымъ плодомъ и, однако, все заграничное тогдашними умственными вождями читалось. Умственный свѣтъ шелъ для нихъ съ Запада, откуда онъ и дѣйствительно исходитъ и до сихъ поръ. Теперешняя заграничная печать для подобнаго же читателя-вождя ничего запретнаго не представляетъ, все онъ можетъ и достать, и прочесть, потому что доступъ заграничныхъ изданій при соблюденіи извѣстныхъ условій открытъ свободный. Но самъ-то этотъ исключительный читатель и вождь читать ничего заграничнаго не хочетъ. Въ противоположность умственнымъ вождямъ 40-хъ годовъ, претворявшимъ и разрабатывавшимъ внутри себя идеи и знанія Запада, теперешній вождь является уже самъ по себѣ носителемъ внутренняго свѣта и готовой истины, проповѣдникомъ которой онъ и выступаетъ. Тогдашние люди учились, думали, провѣряли, искали истину; у теперешнихъ же вождей все найдено, провѣрено и установлено и, проталкиваясь впередъ, они машутъ рукою тѣмъ, кто стоитъ за ними, и кричатъ: «идите за нами, мы ужъ васъ приведемъ куда нужно». То-то, господа вожди, приведете ли? Не уведете ли, вѣрнѣе, въ темную дыру, въ которой сами сидите?

Нѣкоторое объясненіе этому странному и узкому движенію мысли, казалось бы, можно искать въ томъ, что въ 40-хъ и 60-хъ годахъ самими условіями тогдашней жизни вызывалась иная умственная работа, чѣмъ нынче. И въ самомъ дѣлѣ, передъ мыслителями 40-хъ годовъ Россія стояла точно дремучій лѣсъ, который надо было освѣтить хоть какимъ-нибудь свѣтомъ, чтобы рассмотреть въ немъ что-нибудь и не заблудиться.

Предъидущая русская умственная жизнь никакимъ свѣточемъ для этого служить не могла и надо было воспользоваться плодами знаній народовъ, которые выступили раньше насъ на путь общественнаго и историческаго сознанія. И вотъ европейскіе философы, историки, публицисты, эконо-

мисты и явились именно тѣмъ свѣтомъ, который помогъ намъ разобраться въ домашнемъ мракѣ, и знанія, которыя мы отъ нихъ получили, послужили основаніемъ для изученія нашей безсознательно развивавшейся общественной.

Всѣ наши ученые, публицисты, критики, беллетристы, всѣ великіе писатели и умственные дѣятели 40-хъ годовъ, доставшіеся намъ по наслѣдству въ 60-хъ и 80-хъ годахъ, всѣ эти умственные дѣятели, положившіе основаніе дальнѣйшему нашему развитію и имена которыхъ навсегда сохранять передовое мѣсто въ исторіи нашей литературы и науки,—всѣ эти сильные и крупные люди создались исключительно наукой и идеями Запада. Теоріи юридическія, историческія, художественныя, критическія, которыми создались существующія у насъ юридическія, историческія, художественныя, критическія, общественныя, экономическія познанія и которыми мы выяснили себѣ явленія русской жизни, всѣ пришли къ намъ изъ университетовъ Европы и достались какъ готовое умственное наслѣдіе отъ западныхъ мыслителей и ученыхъ. А такъ какъ это время по всѣмъ своимъ общественнымъ условіямъ не было временемъ осуществленія теоретическихъ идей, то и понятно, что оно имѣло характеръ исключительно умственный, идейный.

Въ шестидесятые года былъ выдвинутъ на первое мѣсто, какъ основной факторъ общественнаго и государственнаго развитія и благосостоянія, народъ, и вниманіе къ народу оказалось настолько преобладающимъ, что «мужикъ» сталъ, наконецъ, цѣлою журнальною программой. Преобладаніе въ идеѣ народнаго направленія отгѣснило интересы интеллигенціи на второй планъ. Интеллигенція точно забыла сама себя, она какъ бы даже застыдилась, что она интеллигенція, и явился «кающийся дворянинъ», забывшій о своемъ интеллигентномъ происхожденіи и понесшій самъ себя на закланіе. Затѣмъ интеллигенту были приписаны и другіе грѣхи и противъ него возникло цѣлое гоненіе.

Теперь намъ приходится наблюдать явленіе и болѣе прискорбное, когда плоть отъ плоти той самой интеллигенціи, которой создались всѣ реформы и все послѣдующее движеніе мысли,—народившійся новый интеллигентъ,—выступаетъ врагомъ уже не интеллигенціи, а всего интеллигентнаго мышленія и ставитъ ему точку.

Что же такое случилось, чтобы естественный законъ преемственности мысли былъ объявленъ несуществующимъ и «новое литературное поколѣніе» (тоже принятое подъ покровительство *Недѣлей* и о которомъ мнѣ уже приходилось говорить), а теперь и «новое поколѣніе публицистовъ» объявило все предъидущее мышленіе несуществующимъ и провозгласило лишь себя единственнымъ источникомъ истиннаго свѣта? Какъ могло случиться, что идейную ниточку, которая тянулась непрерывно съ Петра В., проходя черезъ золотой вѣкъ Екатерины, первые годы нынѣшняго столѣтія, двадцатые, сороковые, шестидесятые года съ ихъ обновившими всю русскую жизнь реформами, оказалось внезапно необходимымъ перерѣзать и

объявившіяся новый мессія только себя одного призналъ проповѣдникомъ истины, отъ которой должна возникнуть для Россіи новая умственная эра?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ частью *Критико-библиографическій словарь* С. А. Венгерова, въ биографіи извѣстнаго публициста Я. В. Абрамова. «Литературною своею дѣятельностью Абрамовъ примыкаетъ къ той фракціи повѣйшей русской интеллигенціи, — говоритъ *Словарь*, — которая, отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическія, считаетъ основною задачей современной государственной жизни Россіи — энергическую помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморожденнымъ кулачествомъ и быстро нарождающейся, подъ влияніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ Западомъ, буржуазіей русской».

Это направленіе мысли, отодвигающей на второй планъ вопросы общественно-политическіе, есть коренной признакъ писателей и публицистовъ, выступавшихъ въ 80-хъ годахъ. На биографіи г. Абрамова можно даже выслѣдить постепенное развитіе этого направленія и объяснить характеръ всей его публицистской дѣятельности.

Г. Абрамовъ и по времени вполне человекъ 80-хъ годовъ. Онъ родился въ 1858 г., учился сначала дома, потомъ поступилъ въ ставропольскую гимназію, изъ 6-го класса ея перешелъ въ мѣстную духовную семинарію и, кончивъ въ ней курсъ «общеобразовательныхъ наукъ» (ковычки принадлежатъ *Словарю*), поступилъ въ 1877 году въ медико-хирургическую академію. Медицинскаго образованія г. Абрамову, однако, не удалось завершить... Въ декабрь 1880 г. ему было разрѣшено вернуться въ Петербургъ и съ этихъ поръ начинается журнальная дѣятельность молодого писателя».

Журнальная дѣятельность г. Абрамова отличается характерною особенностью. Прежде всего, она замѣчательно плодотворна и энергична. Вторая ея особенность въ той кажущейся безразличности, съ которой г. Абрамовъ принимаетъ участіе во всѣхъ почти безъ исключенія органахъ печати, кромѣ крайней правой. Онъ началъ съ журнала *Слово* въ 1881 году. Съ середины этого же года дѣлается постояннымъ сотрудникомъ *Отеч. Записокъ*. Участвуя въ *Отеч. Запискахъ*, онъ работалъ въ *Устояхъ* и *Дѣлѣ*. Когда *Отеч. Записки* были въ 1884 г. закрыты, г. Абрамовъ вступилъ въ статистическое бюро при петербургской земской управѣ, гдѣ тоже обнаружилъ весьма плодотворную и энергическую дѣятельность. Но съ 1885 г. онъ снова возвращается къ журналистикѣ и участвуетъ въ *Наблюдателѣ*, въ *Дѣтскомъ Читаніи*, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, въ *Недѣлѣ*, въ которой съ того же 1885 г. принимаетъ постоянное участіе и «составляетъ для каждаго № передовыя и отдѣльныя статьи по внутреннимъ и научнымъ вопросамъ». Наконецъ, «неутомимый публицистъ за 6 лѣтъ своей литературной дѣятельности помѣстилъ еще рядъ статей въ *Русскомъ Курьерѣ*, *Московскомъ Телеграфѣ*, *Терекѣ*, *Тифлисскомъ Вѣстникѣ*, *Новомъ Обозрѣніи*, *Экономическомъ Журналѣ* и приготовилъ много объемистыхъ статей для *Живописной Россіи*». Это, конечно, не всѣ изданія,

въ которыхъ участвовалъ г. Абрамовъ, потому что свѣдѣнія отъ него получены *Словаремъ* до 1886 г., а теперь 1889 г.

Кажущаяся безразличность г. Абрамова относительно направленія органовъ печати и та легкость, съ которою онъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ *Отечества*, *Записокъ* становится постояннымъ сотрудникомъ *Недѣли*, журналовъ мало сходныхъ и въ общихъ воззрѣнiяхъ, и въ подробностяхъ, объясняется просто тѣмъ, что «фракція новѣйшей русской интеллигенци», какъ выражается *Словарь*, къ которой принадлежитъ г. Абрамовъ, не придаетъ особеннаго значенiя общественно-политическому движенiю мысли и отодвигаетъ его на второй планъ. Считаая главною, первую своею задачею практическую дѣятельность на помощь народу, «фракція» эта соприкасается своею программой съ программой любого изданiя, не исключая, пожалуй, *Гражданина*, ибо «народъ», «помощь народу», «изученiе положенiя народа» есть общая программа всей русской печати, слѣдовательно, писатели этой фракции могутъ безъ всякихъ упрековъ въ непоследовательности считать себя сотрудниками всей русской печати. Весьма вѣроятно, что они не вступаютъ ни въ *Гражданина*, ни въ *Московскiя Вѣдомости*, но это только доказываетъ, что отодвигаемые ими на второй планъ общественно-политическiе вопросы еще держатъ ихъ подъ своею властью и сохранили надъ ними нѣкоторое традиционное влiянiе.

Понятное движенiе этой «фракци» объясняется весьма просто—ея практичностью и желанiемъ оказать народу существенную ближайшую помощь; но существенная помощь народу не должна бы, казалось, вести къ той страстности, съ какою фракция относится къ недавнему движенiю мысли, изъ котораго она сама вышла и въ которомъ она какъ бы видитъ себѣ помѣху. А непоследовательность эта даетъ себя тотчасъ же знать, какъ только писатели фракции вздумаютъ изъ своихъ практическихъ низовъ подняться хоть на вершокъ въ идейные верхи.

Идейные верхи—область вообще непосильная для писателей фракции (что они и сами чувствуютъ) и какъ только они вздумаютъ въ нее вступить или пуститься въ обобщенiя, возводя себя во всеобщiй русскiй законъ и единственную общественную безошибочность, сейчасъ же сами (и не подозревая того) опредѣляютъ мѣсто, которое они только и могутъ занимать. Пока для оправданiя своей претензи на главенство они выставляли теорiю «свѣтлыхъ явленiй», они обнаруживали только собственную непроницательность, но когда теперь въ статьѣ, по поводу которой я пишу, они вздумали выставить всю свою артиллерию, весь запасъ своей теоретической аргументаци, и дѣлаютъ это съ настойчивостью непостижимаго упрямства, затыкая сами себѣ глаза и уши, то приходится усомниться и въ томъ, чтобы она могла при своемъ теоретическомъ мировоззрѣнiи достигнуть и практически-полезныхъ результатовъ для народа.

Авторъ статьи *Жалобы на наше время* говоритъ, что во всѣ времена люди бывали недовольны своимъ настоящимъ. Это совершенно справедливо и такъ оно и должно быть. Вопросъ не въ этомъ, а вопросъ въ томъ,

что недоволенъ Императора Александра и внутренняя партия была недовольна общественными порядками и приняла цѣлый рядъ преобразовательныхъ мѣръ, противъ которыхъ она и представляла идеаловъ молодости, на которыхъ авторъ, это было осуществлено. Однако, известно, что, немного позже либералы эпохи Александра I довольны своимъ временемъ. Или, останавливаясь, они стали очень недоволенъ авторомъ, можно ли объяснять недовольство и для оцѣнки времени онъ «прилагалъ мѣрку единственною эпоху, когда онъ росъ и подъ вѣяніемъ которой онъ развивался. И Некрасовъ, и вообще люди сороковыхъ годовъ развивались на идеѣ освобожденія народа и, слѣдовательно, когда ихъ идеалъ осуществился, имъ слѣдовало бы быть вполне довольными своимъ временемъ. Ну, а люди шестидесятыхъ годовъ, чему они ликовали во время реформъ? Въдѣ, это было осуществленіе идеаловъ не ихъ, а поколѣнія 40-хъ годовъ. Осуществленія своихъ идеаловъ люди эти и не видѣли. Очевидно, что объясненіе автора, будто бы «жизнь цѣнится съ точки зрѣнія взглядовъ, воспитанныхъ предшествовавшимъ временемъ», совершенно невѣрна.

Довольство или недовольство «нашимъ временемъ», какъ выражается авторъ, зависятъ вовсе не отъ того, осуществились или не осуществились стремленія и желанія молодости того или другаго поколѣнія. Теорія поколѣній больше ничего, какъ фантазія, которой ничего объяснить нельзя. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда осуществился идеалъ людей 40-хъ годовъ, ликовали всѣ безъ различія поколѣній. Никакихъ «поколѣній» тогда не чувствовалось и не замѣчалось, а всѣ «поколѣнія» сливались въ одну воодушевленную группу, принимавшую равное и горячее участіе въ преобразованіяхъ и жившую одною общою надеждою и вѣрой въ наступленіе лучшей поры для общихъ условій существованія. Только эти общія условія существованія и служатъ мѣркой, которой измѣряется всякое данное время, а вовсе не идеалы и желанія поколѣній. Общія же условія, дѣйствующія на подъемъ духа, слагаются изъ фактическаго положенія вещей, создающаго тѣ или другія возможности для развитія общей жизни, и изъ того, насколько эти условія отвѣчаютъ понятіямъ объ общественной справедливости лучшей, наиболее развитой части интеллигенціи.

У насъ подобная роль интеллигенціи должна имѣть наибольшее значеніе, чѣмъ гдѣ-либо, и напрасно авторъ клеветаетъ, будто бы интеллигенція только тогда и бываетъ довольна у насъ, когда осуществляютъ ея личныя стремленія и желанія. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, гдѣ народъ гораздо развитѣе и гдѣ онъ принимаетъ фактическое участіе въ своихъ и общихъ дѣлахъ, роль интеллигенціи совсѣмъ иная. У насъ же, при умственной инертности массы и при ея механическомъ, прозябающемъ существованіи, только интеллигенція и является всегда представительницей и за нужды народа, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, и за нужды народа въ ши-

рокомъ смыслѣ, какъ общей совокупности, къ которой ма эта представительствующая интеллигенція. лежить и са-
 Въ допетровскую эпоху печаловало-ой характеръ, стало дѣломъ
 ство, теперь это печалованіе, при- или иначе осуществлялись въ об-
 интеллигенціи. Всѣ идеи, кото-идалось тѣми или другими реформами,—
 щихъ мѣропріятіяхъ, все источникъ—интеллигенція, т. е. та передова
 всему этому у насъ-рой творилось наше общественное и государственное
 умственная сила интеллигенціи, историческая, неустрашимая и неизбеж-
 сознание. Это-простое и естественное логическое послѣдствіе гражданскаго по-
 лая, ест-который сдѣлала Россія при Петрѣ. Россія стала теперь выра-
 вомъ-а, который сдѣлала Россія при Петрѣ. Россія стала теперь выра-
 латься тремя слоями. Внизу, какъ широкое основаніе, лежалъ инертный
 въ общественно-сознательномъ смыслѣ народный слой, надъ нимъ выси-
 лись дѣятельный, властный правящій слой, сосредоточивавшій въ себѣ всю
 фактическую и исполнительную силу, и, наконецъ, небывалый еще при
 московской Руси новый общественный агентъ—интеллигенція, сознатель-
 ный и высшій идейный руководитель, дававшій всей русской жизни извѣст-
 ное направленіе и наполнявшій ее сознательнымъ идейнымъ содержаніемъ.

Было бы, кажется, точнѣе (и, во всякомъ случаѣ, яснѣе и безпорнѣе)
 замѣнить названіе «интеллигенціи», вызывающее представленіе о чемъ-то
 осязательномъ, опредѣленномъ въ своихъ границахъ и въ формѣ, словомъ,
 имѣющимъ болѣе отвлеченный, общій смыслъ. Не все, что интеллигентно,
 даетъ прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, и
 только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно. Собственно интелли-
 генція есть та неудовимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа,
 которая вырабатываетъ извѣстную идейную руководящую властную силу,
 подчиняющую себѣ всѣ остальные силы. Это умственная атмосфера, обра-
 зующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ тече-
 ній, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно
 атмосфера, которой дышетъ всякій живой человекъ, подобно тому, какъ
 онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы
 свою умственную силу, крѣпость и здоровье, также какъ изъ обыкновен-
 наго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу.

Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она
 не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не
 опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструк-
 ціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ
 своемъ идейномъ творествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той
 дѣйствительности, которой она служить. Это коршій, стоящій у компаса,
 а не у руля, и указывающій, куда плыть, это лоцманъ, слѣдящій за фар-
 ватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели.

И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ боль-
 шихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стра-
 жѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни.

и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ обществѣ.

Возьмемъ хотя освобожденіе крестьянъ. Первымъ извѣстнымъ выразителемъ въ литературѣ идеи освобожденія явился Радищевъ, съ надѣлавшимъ такого переполоха *Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву*. Державинъ, отмѣтивъ въ книгѣ всѣ предосудительныя мѣста, представилъ ее Екатеринѣ II и императрица отправила Радищева въ Илимскій острогъ. Ужь одна строгость этого наказанія и поспѣшность, съ какой Державинъ сдѣлалъ свои замѣтки, служила доказательствомъ, что идея освобожденія начинала носиться въ воздухѣ и проникать въ умы. И идея эта дѣйствительно носилась въ воздухѣ и проникала въ умы, и проникала съ такою энергіей, что при Александрѣ I были освобождены остзейскіе крестьяне. До русскихъ пока дѣло не доходило; но за то тѣмъ энергичнѣе и упорнѣе разрабатывалась эта идея интеллигенціей двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ, пока въ шестидесятыхъ годахъ она не покорила даже самыя неподатливыя умы и не выразилась въ грандіозной реформѣ освобожденія 20-ти миллионнаго населенія.

Или идея гласнаго суда. Она возникла, развилась и достигла своего осуществленія совершенно подобнымъ же путемъ. Это неправда, что нашъ судъ присяжныхъ вышелъ судомъ улицы, какъ это усиливались доказать *Московскія Вѣдомости*. Нѣтъ, это не былъ судъ улицы, это былъ судъ очень впечатлительной общественной совѣсти и тонко развитаго чувства справедливости, которое ставило себя выше временныхъ требованій справедливости условной. Въ Англии, когда за кражу въ одинъ шиллингъ уголовный законъ требовалъ смертной казни, ни одна кража въ шиллингъ не признавалась кражей. И нашъ судъ относился ко многимъ преступленіямъ подобнымъ же образомъ, пытаясь смягчить слишкомъ суровую кару уголовного закона. Кромѣ того, нашъ судъ думалъ вносить поправку и въ тѣ общія отношенія, которыя такъ или иначе, а иногда и съ неотразимою силой, вліяютъ на преступность. И глубокое моральное чувство, съ которымъ нашъ судъ судилъ то, что подлежало его сужденію, не было случайностью и не свалилось внезапно съ неба. Оно создано продолжительною предшествовавшею ему работой мысли и тѣю самою идеей справедливости, которая, наконецъ, осуществилась въ судебной реформѣ. Приговоры нашихъ судовъ были лишь выраженіемъ этой самой идеи, ея неизбѣжнымъ практическимъ выраженіемъ, ея плотью отъ плоти, второю ея половиною.

Или хотя бы программа, выставленная авторомъ статьи въ *Недѣльн* и *франціей*, къ которой онъ принадлежитъ. Вѣдь, вся эта фракція получила свое духовное крещеніе отъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Ими же создано и то практическое движеніе для непосредственной помощи народу, которое эта фракція выдвигаетъ впередъ, какъ собственное изобрѣтеніе.

Такимъ образомъ, наша интеллигенція имѣетъ почти исключительно теоретическое значеніе. Она изслѣдуетъ и наблюдаетъ жизнь во всѣхъ ея

практических проявленіяхъ, нуждахъ и уклоненіяхъ, она расширяетъ область нашихъ познаній объ условіяхъ дѣйствительности и творитъ наше общественное сознаніе. Неуловимая и неосязаемая, но, въ то же время, вездѣсущая и всепроникающая, эта общественно-воспитательная сила властвуетъ надъ умами путемъ свободнаго воздѣйствія, располагая для этого однимъ, единственнымъ средствомъ—печатю.

При особенномъ положеніи нашей интеллигенціи, какъ исключительно умственно-творческой силы, и печать получаетъ у насъ даже особенное значеніе. Въ Европѣ, гдѣ развита политическая жизнь, печать служитъ преимущественно средствомъ для борьбы политическихъ партій. Роль нашей печати совсѣмъ иная—служебно-воспитательная. Наша печать есть, такъ сказать, скрижаль или записъ всего того, что наши творческія умственные силы, наблюдая жизнь во всѣхъ ея общественныхъ подробностяхъ, занесутъ въ нее. Это не больше, какъ открытый для общаго свѣдѣнія отчетъ о результатахъ наблюденій надъ жизнью, которые интеллигенція дѣлаетъ и затѣмъ записываетъ ихъ шагъ за шагомъ, то въ фактическихъ подробностяхъ, то въ общихъ выводахъ. Кто-то разъ спросилъ Гроція, какъ достигнуть мудрости. «Возьми десть чистой бумаги и записывай все, что встрѣишь въ жизни замѣчательнаго»,—отвѣтилъ Гроцій. Ну, вотъ это-то самое и дѣлаетъ наша печать, сознательно или бессознательно, но, тѣмъ не менѣе, являясь единственнымъ открытымъ для всѣхъ источникомъ, изъ котораго каждый можетъ черпать свою общественную мудрость.

Правда, что наша печать не всегда стоитъ на высотѣ своей теоретической задачи, но также правда, что, несмотря на неблагопріятныя условія своего положенія, она стремится занять подобающее ей мѣсто и, наконецъ, еще большая правда, что для печати, которая несетъ такую возможную и нравственно-отвѣтственную служебную и воспитательную обязанность, необходимо находиться въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для ея существованія. Какъ одинъ изъ деликатнѣйшихъ органовъ общественности, печать, какъ и школа, нуждается въ бережливомъ и пестующемъ уходѣ. Слишкомъ чувствительная и впечатлительная, она при малѣйшихъ шероховатостяхъ, а ужъ тѣмъ болѣе при толчкахъ, замыкается, какъ раковина, и не обнаруживаетъ не только своего воспитательнаго вліянія, но перестаетъ выполнять и свою служебную роль.

Если всѣ эти требованія, предъявляемыя къ интеллигенціи и ея органу, печати, вѣрны, то какъ же могло случиться, что одна изъ фракцій этой самой интеллигенціи, въ лицѣ своихъ литературныхъ представителей, обнаруживаетъ худо-скрываемый зубъ не только противъ своихъ интеллигентныхъ предшественниковъ, но и противъ предшествовавшаго интеллигентнаго движенія мысли?

На одну изъ причинъ этого я уже указывалъ. Фракція, о которой рѣчь, въ числѣ своихъ представителей не выставила ни одного сильнаго ума, ни одного писателя съ широкимъ образованіемъ и съ широкими взглядами. Всѣ критики, беллетристы, поэты, публицисты этой фракціи отягчаются

робостью общественной мысли и очень короткими умственными крыльями. Отъ этого она съ большиѣ шумомъ перелетаютъ съ одной муравьиной кучи на другую, но поднята выше въ атмосферу, чтобы увидѣть, какую общую картину представляютъ эти кучи, они не могутъ.

Вторая и, можетъ быть, самая главная причина ихъ низкаго полета заключается въ ихъ, такъ сказать, *хронологическомъ* происхожденіи. Всѣ они родились уже послѣ освобожденія; это—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, и что самое главное, они выросли и воспитались при условіяхъ болѣе суровой дѣйствительности, которая не стояла поперекъ (по крайней мѣрѣ, въ такой степени) воспитанію и развитію дѣятелей 40 и 60-хъ годовъ.

Всѣ писатели этой фракціи, вышедшіе или изъ захудалаго, или изъ разночиннаго быта, чувствуютъ себя какъ бы иною породой людей, съ предъидущею породой, изъ которой выходила прежняя интеллигенція, общаго не имѣющей. Въ сущности, этотъ антагонизмъ не столько умственный, сколько антагонизмъ происхожденія и потому принимающій сословный характеръ, устанавливающій и поддерживающій слоевое дѣленіе и переносящій центръ тяжести сверху внизъ.

Авторъ, о которомъ рѣчь, не дѣлаетъ этого прямо, и тѣмъ это хуже. У него для прямаго слова, очевидно, недостаетъ умственной смѣлости, какую не боялись обнаруживать его предшественники семидесятыхъ годовъ. Но программа его вполне ясна. Она — подголосокъ этихъ предшественниковъ, сознательный или безсознательный, это трудно рѣшить, потому что авторъ какъ-то путается въ словахъ и напускаетъ на себя таинственность, точно онъ хранитъ въ себѣ что-то очень важное, но, по известнымъ ему соображеніямъ, не считаетъ удобнымъ говорить яснѣе. И надо отдать справедливость автору, что онъ говоритъ дѣйствительно таинственно-неясно. Эта таинственная неясность мѣшаетъ, конечно, говорить и за него яснѣе, хотя нисколько не мѣшаетъ установить умственное мѣсто автора и его программу русскаго прогресса.

Уже въ 60-хъ годахъ точно намѣтились два главныхъ направленія и каждое изъ нихъ предлагалось какъ обезпечивающее наиболѣе правильное и вѣрное прогрессивно-поступательное движеніе Россіи. Несмотря на множество мелкихъ теченій, часто неясныхъ, смутныхъ, подчасъ фанатическихъ, отводившихъ слишкомъ много мѣста чувству и даже фантазіи, всѣ эти теченія сводились къ двумъ программамъ: прогресса сверху внизъ и прогресса снизу вверхъ. Программа прогресса сверху внизъ ставила во главѣ его городъ и интеллигенцію, которая должна руководить и держать въ своихъ рукахъ все умственное и общественное развитіе и движеніе. Программа же прогресса снизу вверхъ ставила во главѣ деревню и народъ, какъ единственный источникъ твердаго и незыблагаго общественнаго и политическаго роста Россіи. Фракція эта задалась мыслью служить народу непосредственнымъ практическимъ путемъ и удовлетворять его насущнымъ нуждамъ въ просвѣщеніи и благоустройствѣ простыми ближайшими средствами и энергическимъ трудомъ безъ всякой окраски его въ какой-либо

посторонній цвѣтъ или тенденцію, для практическаго дѣла, но мнѣнію фракціи, не имѣющихъ никакого значенія. Программа эта, несомнѣнно, почтенная и должна привести непременно къ плодотворнымъ результатамъ, потому что подготовить и создать работниковъ дѣла, воспитавшихся въ мысли о непосредственной практической дѣятельности и общественно-служебной исполнительности. Подобныхъ работниковъ у насъ еще мало и въ земствѣ, и въ городскомъ самоуправленіи, и даже въ чиновничествѣ, и наше самоуправленіе сплошь и рядомъ скрипитъ только отъ ихъ недостатка.

Успѣху этой пропаганды должно помочь не только ея вполне легальное направленіе, но и соотвѣтствіе ея стремленій съ общимъ характеромъ дѣятельности правительства, направившейся тоже на удовлетвореніе непосредственныхъ практическихъ нуждъ народа.

Но это, все-таки, только одна сторона дѣла. На пользу народа работать нужно, и работать именно въ томъ направленіи, какое приняла фракція, а затѣмъ остается и еще кое-что, что фракція намѣренно или ненамѣренно желаетъ игнорировать и на что она смотритъ даже съ высокоуміремъ. Это нѣчто есть идейность.

Авторъ дѣлитъ жизнь рѣзкою чертой пополамъ и то, что дѣлалось 25—30 лѣтъ назадъ, называетъ *академическимъ* направленіемъ, *жизнью* же онъ считаетъ исключительно практическую работу. А такъ какъ этой практической работы прибавилось, и школы, больницы, газетъ и хорошихъ дорогъ теперь гораздо больше, чѣмъ ихъ было въ *академическій* періодъ, то онъ и утверждаетъ, что жизни въ настоящее время неизмѣримо больше, чѣмъ ея было тогда.

Жизнь! А что такое жизнь? Что создаетъ жизнь? Движеніе, конечно, жизнь, и чѣмъ его больше, тѣмъ больше и жизни. Но, вѣдь, это вопросъ количества и механическаго труда. Да и точно ли то «количество», на которое только и указываетъ авторъ и котораго дѣйствительно не было 25—30 лѣтъ назадъ, создало народу такую жизнь, которую онъ и видитъ, и чувствуетъ, и ощущаетъ и которою онъ живетъ теперь неизмѣримо полнѣе, богаче и дышетъ полною грудью? Сомнительно! Этой жизни, которую такъ тщательно перечисляетъ авторъ по пальцамъ, не настолько прибавилось для народа, чтобы она зашевелила его и сдвинула съ мѣста.

Жизни прибавилось только для среднихъ, исполнительныхъ интеллигентныхъ способностей, для людей той фракціи, которой ея представители указываютъ новый практическій легальный путь дѣятельности, для молодыхъ силъ, ищущихъ приложенія, но не знающихъ куда ихъ приложить. Очевидно, что фракція лишь прикрывается народомъ и жизнью считаетъ только то, что можетъ удовлетворить людей среднихъ, исполнительныхъ способностей и составляющихъ или группирующихся около ея.

Переносъ центръ тяжести времени на себя и создавая программу для новаго пракческаго поведенія, фракція удалось меньше всего разрѣшить общій вопросъ, который она думала разрѣшить въ лицѣ автора статьи, возмѣвшаго не совсѣмъ удачное желаніе подняться на высоту общихъ

идей и разъяснить, въ чемъ собственно заключается жизнь и когда ея бываетъ больше.

Да, дѣйствительно, тогда ли жизнь, когда архитекторы разбиваютъ мѣсто для новой постройки, выработываютъ ея идею, составляютъ планы, смѣты, проекты, чертежи, или когда придутъ каменщики и плотники, и начнутъ строить домъ? Тогда ли было больше жизни, когда тоже небольшая фракція людей 40-хъ годовъ, поднявшись на высоту общихъ идей, освѣщала русскія умственные дебри и проводила идеи освобожденія въ общество; когда потомъ фракція другихъ людей осуществляла эти идеи и создала новое движеніе общественной мысли, или когда на смѣну имъ пришли опять новые люди и сказали, что идеи вздоръ и что жизнь лишь въ одной практической работѣ? Тогда ли жизнь, когда идейно воодушевленные и энергичнѣе работники мысли заставляютъ человѣческую душу звучать всѣми ея струнами и издавать полные аккорды, когда этотъ приподнятый резонансъ создаетъ цѣлую плеяду писателей 40-хъ годовъ и дополняющую ее плеяду публицистовъ эпохи освобожденія, или когда на смѣну имъ является «новое литературное поколѣніе», заявляющее, что ему сказать нечего, что оно ждетъ, когда на него снизойдетъ вдохновеніе, и когда публицисты того же времени провозглашаютъ теорію опорожненнаго нутра?

И опорожненное нутро, отодвигающее идеи на второй планъ, не можетъ создать ничего, кромѣ филистерства и идеала мѣщанскаго счастья. Конечно, мѣщанская изба съ тремя свѣтленькими окошечками, съ занавѣсками и цвѣтущими бальзаминами—то же идеаль, но только идеаль благоустройства Сарептской колоніи. Для такой страны, какъ Россія, нужно что-нибудь и пошире, хотя бы ужъ по одному тому, что передъ нашею сложною жизнью лежатъ слишкомъ громадныя задачи и внутренняго, и международнаго содержанія, которыхъ однимъ сарептскимъ благоустройствомъ не разрѣшишь.

Публицисты «новаго поколѣнія», поднявшіе теперь (и именно теперь) голосъ противъ интеллигентнаго, *академическаго*, т.-е., по ихъ мнѣнію, бесплоднаго движенія мысли, поступаютъ пока безтактно и не умно; но разъ вставъ на эту наклонную плоскость, они быстро допишутся и до *Гражданина*, если не найдутъ въ себѣ примиренія между идейностью и практичностью, если будутъ превращать ихъ въ какія-то двѣ враждебности, а не въ одну общую гармоническую, а потому и могучую творческую силу. Вѣдь, только въ этомъ и заключается наше теперешнее общественное безсиліе.

Н. Ш.

ИНОСТРАННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

Въ прошломъ октябрѣ въ Вашингтонѣ торжественно открылись засѣданія представителей американскихъ государствъ. Какъ мы уже сообщали, дѣло идетъ объ установленіи общихъ для всей Америки торгово-промышленныхъ правилъ. Знаменитое изреченіе Монровъ: *Америка для американцевъ* приобретаетъ все большее и большее значеніе въ умѣлыхъ рукахъ практическихъ сѣверо-американцевъ, которые втягиваютъ въ область политики, руководимой этимъ началомъ, остальные американскія республики. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стремятся къ тому, чтобы установить тѣсныя политическія сношенія между всѣми государствами ихъ материка. Естественно, что главная роль должна при этомъ выпасть на вашингтонское правительство. Его нравственный авторитетъ можетъ содѣйствовать установленію мира и благоденствія на югѣ Америки, гдѣ до сихъ поръ были такъ часты революціи, междуусобныя войны и кровопролитныя столкновенія между отдѣльными государствами. Имѣется въ виду, кромѣ того, введеніе общей монетной единицы (серебряной) и такого таможеннаго тарифа, который ограждалъ бы американскіе товары отъ соперничества европейскихъ. Последнее стремленіе должно, разумѣется, пойти на пользу, прежде и больше всего, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. До настоящаго времени европейскіе товары имѣютъ широкое распространеніе въ южной Америкѣ.

Сѣверо-американцы давно и настойчиво стремятся къ указаннымъ цѣлямъ. Тѣ предложенія, которыя мы привели, были сформулированы нѣсколько лѣтъ тому назадъ сенаторомъ Фреемъ. Конгрессъ предполагалось созвать въ Вашингтонѣ еще въ 1886 году. Сомнительно, однако, чтобы Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ удалось достигнуть полнаго торжества своихъ стремленій и приобрести гегемонію надъ континентомъ. Латинская Америка не такъ легко поддается давленію первенствующей республики, интересы которой не всегда соотвѣтствуютъ интересамъ другихъ американскихъ государствъ. Вотъ цифровыя данныя, относящіяся къ познѣйшему времени, свидѣтельствующія, какъ было бы выгодно сѣверо-американцамъ, еслибъ таможенныя пошлины помогли имъ вытѣснить европейскіе товары. Соединенные Штаты получаютъ товаровъ:

Изъ Бразиліи	на 53.700,000	долларовъ
> Мексики	> 17.330,000	>
> Венесуэлы	> 14.051,000	>

Они продають:

Въ Бразилію	на 7.064,000	доллар.
> Мексику	> 9.242,000	>
> Венесуэлу	> 3.008,000	доллар.

Торговля съ остальными американскими государствами менѣе значительна. Вывозъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ превышаетъ ввозъ только въ Аргентинскую республику (вывозъ туда на 6.099,000 долл., привозъ отсюда на 5.902,000), въ Гаити (4.323,000 и 2.919,000), въ Колумбію (4.923,000 и 4.393,000) и въ Перу (865,000 и 330,000). Въ виду того, что представители средней и южной Америки едва ли согласятся, ради доктрины Монроэ, пожертвовать существенными выгодами свободной торговли съ передовыми странами европейскаго Запада, намъ кажутся преувеличенными тѣ опасенія, съ которыми смотрятъ на вашингтонскій конгрессъ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, въ стремленіи обезпечить мирное развитіе труда и гражданской свободы на громадномъ американскомъ материкѣ, хотя бы и въ нѣкоторый ущербъ европейской торговлѣ, нельзя не видѣть успѣха народнаго самосознанія. Мы упоминали уже, что въ единственномъ монархически - управляемомъ государствѣ Америки, въ Бразиліи, сильно развивается демократическое движеніе. Республиканская партія такъ усилилась, что начинаетъ серьезно угрожать существованію этой конституціонной монархіи. Весьма знаменательнымъ признакомъ въ этомъ отношеніи является рѣчь, которую держалъ въ Пернамбуко зять императора Донъ-Педро (сынъ герцога Немурскаго): онъ заявилъ, что императоръ и всѣ члены царствующаго дома готовы оставить Бразилію, если такова будетъ свободно и законно выраженная воля народа. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу, что члены орлеанскаго дома не прочь вступить въ союзъ съ плебисцитомъ не только во Франціи, но и по ту сторону Атлантическаго океана*).

Еъ гегемоніи въ Европѣ стремится, какъ извѣстно, Германія; но тутъ мы имѣемъ дѣло съ тяжелою рукой милитаризма, которымъ совершенно не заражены Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Все новыя вооруженія, все новыя налоги печально отзываются на благосостояніи нѣмецкаго народа. Какъ только возобновились засѣданія имперскаго парламента, правительство внесло требованія новыхъ смѣтныхъ назначеній на армію и на флотъ. Князь Бисмаркъ настойчиво стремится создать для Германіи обширныя колоніи; императоръ Вильгельмъ желаетъ, чтобы нѣмецкій флотъ сталъ первокласснымъ. Франція неустанно совершенствуетъ свою военную организацію. Гогенцоллернская имперія не хочетъ уступить въ этомъ отношеніи своей побѣжденной сосѣдкѣ. Германское общественное мнѣніе на-

*) Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Бразиліи провозглашена республика.

чинает все громче и серьезнѣе высказываться противъ политики желѣза и крови; въ Италиі также растетъ недовольство тою ролью, какую играетъ эта страна въ тройственномъ союзѣ. Тяготятся подчиненностью Германіи и австрійскіе славяне; но крѣпкая цѣпь бюрократіи и милитаризма сковываетъ проявленія истинныхъ народныхъ стремленій, и императоръ Вильгельмъ II усердно путешествуетъ, укрѣпляя династическія связи и договорныя соглашенія то съ Англіей, то съ Италіей, то съ Турціей. Появленіе этого государя въ Константинополѣ составляетъ немаловажное событіе, съ международной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что все, что можетъ выиграть Германія изъ поѣздки Вильгельма II на поклонъ къ повелителю правовѣрныхъ, все это должно послужить во вредъ нашему отечеству. Если Турція и не вступитъ въ тройственный союзъ, то, все-таки, можно предполагать, что ее перетянутъ въ сторону нѣмецкихъ и мадьярскихъ интересовъ, потому что этимъ дано будетъ султану обезпеченіе въ сохраненіи существующаго порядка вещей. Самою надежною опорой противъ нѣмецкихъ посягательствъ является прочное сближеніе Россіи и Франціи,—съ этимъ согласна почти вся наша печать, при всемъ различіи ея политическихъ воззрѣній. Истинные русскіе и французскіе народные интересы могутъ быть легко согласованы съ не менѣе законными потребностями другихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи мы еще разъ сошлемся на тотъ мирный и вполне благоприятный для насъ переворотъ, который совершается въ свободномъ общественномъ мнѣніи Сербіи. Въ выходящихъ за предѣлами Россіи польскихъ газетахъ мы также съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ статьи съ примирительными по отношенію къ нашему отечеству стремленіями.

Враждою къ Россіи проникнуты, къ величайшему сожалѣнію, въ настоящее время почти всѣ классы нѣмецкаго общества. Было время, когда наше правительство пользовалось особенною благосклонностью князя Бисмарка, который охотно выставлялъ Россію хранительницею всѣхъ реакціонныхъ завѣтовъ, врагомъ всякой народной самодѣятельности. Тогда политическіе противники имперскаго канцлера имѣли основаніе видѣть въ русскомъ народѣ угрозу для мира и свободы Европы. Теперь независимый образъ дѣйствій въ международныхъ вопросахъ, твердое устраненіе всѣхъ льстивыхъ предложеній и спокойное отношеніе къ полузамаскированнымъ угрозамъ лишили наше правительство официальной благосклонности на берегахъ Шпре. Предубѣжденія иного рода, ко вреду для Россіи и Германіи, остаются еще въ силѣ. Между тѣмъ, германское общественное мнѣніе могло бы убѣдиться въ искреннемъ миролюбіи русскаго правительства, а то сочувствіе, съ которымъ у насъ встрѣчаются успѣхи нѣмецкаго народа въ дѣлѣ просвѣщенія, благосостоянія и политическаго воспитанія, могли бы доказать германцамъ, что въ насъ нѣтъ слѣпой расовой ненависти къ нимъ. Ненависть эта, быть можетъ, и существуетъ кое-гдѣ въ русскомъ обществѣ, когда въ *тѣмнѣ* мыслятъ черты жесткаго и высокомернаго *управителя* печальной эпохи крѣпостнаго права или современнаго

наглаго представителя прусскаго милитаризма. Но за то нѣмецъ и нѣмецкая земля отмѣчены съ необыкновенною симпатіей у многихъ изъ нашихъ писателей. Мы много учились и учимся у нѣмцевъ и философіи, и наукѣ, а теперь учимся тому, какъ не надо управлять народомъ. Германское правительство внесло, напримѣръ, въ рейхстагъ законопроектъ противъ социалистовъ, въ которомъ чрезвычайныя мѣры спеціального закона вводятся въ общій порядокъ и администраціи предоставляется очень широкая произвольная власть въ борьбѣ съ социаль-демократическою партіей. Въ парламентѣ раздались противъ законопроекта весьма вѣскія возраженія со стороны социалистовъ, что само собою разумѣется и со стороны свободомыслящихъ и партіи центра. Депутатъ Мункель (свободомыслящій) *) замѣтилъ, что мѣры, которыя защищаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ (Герр-фуртъ), можно назвать продуктами страха, между тѣмъ, ничто такъ не увеличиваетъ обаянія идеи или партіи, какъ увѣренность ея сторонниковъ, что ее боятся. Кн. Бисмаркъ говорилъ въ рейхстагѣ о храбрости нѣмцевъ, не боящихся никого, кромѣ Бога; между тѣмъ, поступки правительства стоятъ въ противорѣчій съ этими словами, какъ будто храбрость приберегается для большихъ праздниковъ. «Съ исключительными мѣрами,—продолжалъ Мункель,—вы достигли лишь того, что никто изъ противниковъ социалистовъ не рѣшается публично выступать противъ нихъ. Во-первыхъ, это теперь угнетенная партія; во-вторыхъ, стѣбитъ кому-нибудь изъ насъ на публичномъ собраніи возражать нашимъ противникамъ, какъ полицейскій офицеръ готовится зажать имъ ротъ. При такихъ условіяхъ нельзя честно бороться».

«Министръ не обидится на меня,—говорилъ далѣе свободомыслящій депутатъ,—если я ему скажу, что его слова о необходимой самооборонѣ государства—громкая фраза, сказанная за отсутствіемъ серьезныхъ аргументовъ. Наоборотъ, если мы, въ борьбѣ съ цѣлою партіей, насчитывающей сотни тысячъ приверженцевъ, отступаемъ отъ почвы общаго права, то кто намъ даетъ право жаловаться, если и они, социаль-демократы, въ необходимой самооборонѣ оставляютъ почву законности? Говорятъ, что и въ Римѣ существовали исключительные законы; да, но *videant consules* декретировалось не на 11 лѣтъ и еще менѣе римляне способны были увѣковѣчить подобныя порядки. Какое право имѣетъ какая-либо партія утверждать, что только она—опора и охрана государства? Эпитетъ имперскаго врага примѣнялся у насъ не къ одному Бебелю, и кто знаетъ, какая участь грозитъ въ будущемъ самому Беннигсену, если онъ позволитъ себѣ вольнодумствовать? Я вижу пока только одно послѣдствіе исключительнаго закона: до 1878 г. у насъ не было нѣмецкаго слова для выраженія французскаго понятія *agent provocateur*. Съ тѣхъ поръ эта порода у насъ размножилась, и у насъ есть теперь нѣмецкое слово *Lockspitzel*. Выводъ, къ которому я прихожу, тотъ, что рейхстагъ не можетъ одобрить такого гру-

*) Цитируемъ по *Русскимъ Видомостямъ*, № 300.

баго нарушенія права, какое заключается въ правительственномъ предложеніи. Всякія поправки будутъ бесполезны и излишни».

Трудно сказать, будетъ ли принятъ правительственный законопроектъ парламентомъ. Кромѣ консерваторовъ, за него подадутъ голосъ, вѣроятно, національ-либералы и, быть можетъ, часть партіи центра, дѣйствующаго на этотъ разъ недружно. Едва ли надо прибавлять, что подобныя мѣропріятія не въ состояніи создать симпатій князю Бисмарку въ русскомъ обществѣ.

Но и на этотъ разъ, конечно, мы можемъ указать и на въ высшей степени отрадныя движенія, которыя возникаютъ, расширяются и крѣпнутъ въ Германіи. Въ концѣ сентября въ Эрфуртѣ происходило пятнадцатое общее собраніе *Всеобщаго нѣмецкаго женскаго союза* (15. *Naupf-vergshmlung des Allgemeinen Deutschen Frauenvereins*). На этомъ собраніи Елена Ланге (изъ Берлина) представила обширный и очень дѣльный докладъ о нравственномъ значеніи того стремленія женщинъ къ образованію и общественной дѣятельности, которое постепенно охватываетъ весь образованный міръ. Женщина подымается до индивидуальности, до сознанія въ себѣ свободной личности. Елена Ланге съ полнымъ основаніемъ отвергала опасенія, которыя высказываются въ Германіи близорукими противниками женскаго образованія и лицемерными защитниками семьи, будто послѣдняя пострадаетъ, если исчезнетъ женское невѣжество. Не менѣе интересенъ былъ докладъ г-жи Гольдшмидтъ (изъ Лейпцига). Рядомъ убѣдительныхъ соображеній и неотразимыхъ фактовъ она доказывала необходимость высшаго женскаго образованія и тѣ неисчислимыя благодѣтельныя послѣдствія, которыя должны произойти отъ предоставленія женщинамъ правъ медицинской практики и преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая высшихъ.

Принимая въ расчетъ особенности нѣмецкаго народнаго характера, можно предположить, что движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія и пріобрѣтенія женщинами такихъ же правъ, какими пользуются въ Германіи мужчины, будетъ развиваться медленно, но неуклонно. Германія и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ общественныхъ вопросахъ, значительно отстала отъ Великобританіи. Очень интересныя свѣдѣнія о борьбѣ въ Англіи за политическія права женщины сообщилъ въ соединенномъ засѣданіи пяти французскихъ академій графъ Франквилль *). Часто говорятъ, — напомнилъ остроумный академикъ, — что величайшимъ англійскимъ королемъ была королева. Между тѣмъ, женщины до сихъ поръ въ странѣ, гдѣ болѣе полувѣка опять царствуетъ женщина, не могутъ ни избираться, ни даже принимать участіе въ избраніи депутатовъ въ парламентъ. Это не мѣшало имъ, конечно, играть издавна крупную роль въ борьбѣ политическихъ партій, въ разныхъ закулисныхъ интригахъ, отъ которыхъ зависѣла иной разъ судьба очень важныхъ для государства вопросовъ. Франквилль привелъ изъ

*) Передаемъ по отчету газеты *Paris* (26 octobre 1889).

вѣстное мнѣніе Милля, съ которымъ этотъ знаменитый мыслитель, 20 мая 1867 года, выступилъ въ великобританскомъ парламентѣ на защиту женскихъ правъ. Доказательства Д.-С. Милля опровергнуть не представлялось возможности, и палата отдѣлалась тогда шутивнымъ замѣчаніемъ президента, что нельзя себѣ представить Корделію или Офелію членомъ парламента или муниципальнаго совѣта.

Въ 1869 году, однако, Яковъ Брайтъ, братъ знаменитаго государственнаго челоуѣка, добился того, что при разсмотрѣніи одного муниципальнаго закона была введена статья, дозволяющая участвовать на выборахъ лицамъ обоого пола. Это было потому истолковано судами въ ограничительномъ смыслѣ: они допускали участіе въ муниципальных выборахъ незамужнихъ плательщицъ податей. Въ 1875 году сторонники женскихъ правъ въ парламентѣ возобновили предложеніе Д.-С. Милля. Они и на этотъ разъ потерпѣли пораженіе, но большинство противъ нихъ было только въ тридцать пять голосовъ. 17 февраля 1886 г. палата общинъ приняла законопроектъ, предоставляющій женщинамъ участвовать въ избраніи депутатовъ въ парламентъ; но эта палата была распущена, прежде чѣмъ законопроектъ прошелъ черезъ палату лордовъ. Другіе вопросы, крайне важные и жгучіе, отодвинули разрѣшеніе вопроса объ уравненіи женскихъ политическихъ правъ съ правами мужчинъ.

Франквилль предвидитъ торжество новой идеи, но не сочувствуетъ этому, вѣроятно, близкому въ Англій торжеству. Врагамъ женской равноправности во имя семейнаго начала мы можемъ указать, что это начало сильно страдаетъ именно въ странахъ, гдѣ у женщины мало правъ, гдѣ она получаетъ недостаточное образованіе. Такъ, французская семья далеко ниже семьи англійской и американской.

Ненормальные семейныя отношенія давно уже вызвали въ Франціи движеніе въ пользу общественнаго вмѣшательства противъ злоупотребленій родительскою властью. 24 іюля нынѣшняго года утвержденъ законъ о покровительствѣ дѣтямъ, съ которыми дурно обращаются или которыя признаны нравственно покинутыми. Въ октябрѣ французскій министръ юстиціи разослалъ прокурорамъ республики циркуляръ, имѣющій цѣлью приведеніе въ исполненіе закона 24 іюля. Министръ предписываетъ, конечно, осторожность въ вопросахъ такого рода, какъ опредѣленіе отношеній родителей къ дѣтямъ; но, въ то же время, настаиваетъ на строгомъ соблюденіи закона, который долженъ спасать дѣтей отъ гибельныхъ послѣдствій пьянства и другихъ пороковъ родителей. Въ иностранномъ обозрѣніи нѣтъ ни возможности, ни надобности сообщать подробности о новомъ французскомъ законѣ. Мы указываемъ на него только какъ на признакъ все возрастающихъ заботъ современнаго государства объ обезпеченіи за челоуѣкомъ нормальныхъ условий личнаго и общественнаго развитія.

Побѣда надъ соединенными силами буланжизма и реакціи: можетъ дать французской республикѣ возможность осуществить многія изъ тѣхъ экономическихъ, финансовыхъ и административныхъ реформъ, которыхъ давно

уже требуютъ лучшіе представители политической мысли. Составъ новаго республиканскаго большинства не опредѣлился еще съ достаточною отчетливостью, хотя благоприятнымъ въ этомъ отношеніи признакомъ и является избраніе Флоре президентомъ палаты. Если республиканцы останутся сплоченными во всѣхъ существенно важныхъ вопросахъ, то ихъ положеніе упрочится въ теченіе предстоящаго законодательнаго періода.

Республика благополучно пережила критическій возрастъ, за который не переходило ни одно французское правительство послѣ первой революціи, и главная опасность ей грозитъ со стороны той вліятельной республиканской фракціи, которая является представительницею буржуазныхъ интересовъ. Программа этой фракціи заключается въ томъ, чтобъ охранять выгоды и преимущества крупнаго капитала и пойти на уступки притязаніямъ римско-католической церкви. Главою республиканцевъ такого направленія является извѣстный финансовый дѣятель Леонъ Сэ. Его рѣчь на обѣдѣ сотрудниковъ *Journal des Débats* возбудила оживленные толки и вызвала рѣзкіе и исполнѣ основательные отзывы со стороны лучшихъ республиканскихъ газетъ. Въ немалому нашему изумленію, петербургская газета *Новости* выступила рѣшительною защитницей программы Леона Сэ. *Новости* *) говорятъ, что взгляды Леона Сэ представляются имъ «наиболѣе соотвѣтствующими стремленіямъ большинства французовъ и потому еще, что они составляютъ, по нашему мнѣнію, единственно возможное практическое рѣшеніе вопроса. Ни французскіе консерваторы, стремящіеся низвергнуть установленный государственный строй, ни крайнія политическія партіи, дѣйствующія въ союзѣ съ г. Буланже или самостоятельно добивающіяся утопій, не могутъ рассчитывать на успѣхъ въ современной Франціи. Будущность принадлежитъ той либеральной партіи, стремленіямъ которой дано такое краснорѣчивое выраженіе въ рѣчи г. Леона Сэ».

Не видимъ ни малѣйшаго основанія для страннаго предположенія, будто буржуазныя идеи Леона Сэ соотвѣтствуютъ желаніямъ большинства французскаго народа. Въ интересахъ этого народа, напримѣръ, такая податная система, которая брала бы съ гражданина налогъ въ строгомъ соотвѣствіи съ его имущественными средствами. Идеаль демократическаго податнаго устройства—подоходный налогъ. Между тѣмъ, Леонъ Сэ рѣшительно высказался противъ дальнѣйшаго увеличенія и преобразованія въ указанномъ смыслѣ прямыхъ налоговъ. Государственный контроль за биржевыми сдѣлками, государственное ограниченіе банковыхъ и банкирскихъ операцій, направленныхъ къ обогащенію группы ловкихъ капиталистовъ, также встрѣчаютъ противника въ вождѣ той партіи, которой *Новости* желаютъ господствующаго положенія. Леонъ Сэ, кромѣ того, открыто заявилъ, что онъ постарается внести измѣненіе въ военный законъ, и измѣненіе это такого рода, что сочувствовать ему довольно странно. Всеобщая воинская повинность составляетъ необходимое и справедливое требованіе современной воен-

*) № 800.

ной организаціи. Льготы въ данномъ случаѣ должны допускаться только съ большою осторожностью, а совершенное изъятіе отъ военной службы можетъ обуславливаться лишь исключительными обстоятельствами. Леонъ Сэ, въ угоду папскому престолу, желаетъ, чтобы семинаристы были совершенно освобождены отъ воинской повинности. Франція переполнена римско-католическимъ духовенствомъ, монахи составляютъ сущее обремененіе для населенія, а Леонъ Сэ заботится о правильномъ *попомени* рядовъ этого духовенства, обуреваемого политическими стремленіями! Не понимаемъ, съ какой стати *Новости* взяли подъ свою защиту программу Леона Сэ и сбиваютъ этимъ съ толку наше общественное мнѣніе.

В. Г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Вопросы уголовной антропологии и парижскій уголовно-антропологическій конгрессъ.

Достоинo и жизнeрадoстнo празднoвала умствeннo-бoгатoдарeннaя Францiя своeу всемирную выставку, которая вызвала и широко развила явленiе какъ бы паломничества въ одинъ изъ наиболѣе интеллектуальныхъ центровъ мiра—Парижъ. По счастливой мысли, она обставила эту роскошную выставку, представлявшую истинное торжество всѣхъ отраслей мирнаго производительнаго труда, цѣлымъ рядомъ международныхъ конгрессовъ почти по всѣмъ областямъ теоретической и прикладной научной мысли. Въ этомъ отношенiи перiодъ выставки представлялъ собою нѣчто еще совершенно небывалое. Представители различныхъ національностей впервые собрались въ Парижъ для общей работы по многимъ такимъ научно - общественнымъ вопросамъ, которые еще никогда прежде не были поставлены на почву международного обсуждения (укажу для примѣра на конгрессъ общественного призрѣнiя, который, какъ показываетъ недавно полученное мною извѣщенiе, превратился въ постоянное международное общество для изученiя вопросовъ общественного призрѣнiя и для организации послѣдующихъ конгрессовъ). Поэтому мы видѣли здѣсь какъ бы дружную семью народовъ (къ сожалѣнiю, только нѣмцы почти отсутствовали), представители которыхъ мирно обсуждали всѣ свои общечеловѣческiе общественные вопросы и тѣмъ самымъ представляли рѣзкiй контрастъ съ современными политическими отношенiями европейскихъ народовъ. Если въ этихъ послѣднихъ мы видимъ дѣйствующими еще дикiе, некультурные инстинкты — переживанiя отъ далекой старины, то на конгрессахъ, какъ бы по противоположенiю, мы видѣли передъ собою разумныя отношенiя цивилизованнаго человечества, которое, проникнувшись уваженiемъ къ человѣческой личности, независимо отъ ея национальности, бережно относится къ интересамъ всѣхъ своихъ сочленовъ. Въ этомъ отношенiи выставка съ ея конгрессами, стаявшая громадное количество людей со всѣхъ концовъ мiра, окажетъ, думается намъ, очень хорошее и благотворное влiянiе на умы.

Конечно, не всѣ конгрессы имѣли желанный успѣхъ. Для удачи даже въ

Парижъ такого количества конгрессовъ, изъ которыхъ многіе происходили одновременно, а всё—на сравнительно небольшомъ пространствѣ времени, нужно слишкомъ много условій. Но уже важно то, что эти конгрессы были, что они впервые состоялись и положили основаніе дальнѣйшимъ такимъ же конгрессамъ.

Международные конгрессы, какъ и конгрессы вообще, не двигаютъ и не могутъ двигать теоретическую и прикладную науку впередъ. Двигаютъ ее отдѣльныя лица, любящія свое дѣло, горячо преданныя ему и носящія въ себѣ искру научнаго свѣта. Конгрессы же вообще и международные въ частности только сводятъ дѣятелей научной мысли, способствуютъ ихъ взаимному пониманію, устанавливаютъ между ними живыя личныя связи и общенія, которыя въ свою очередь способствуютъ болѣе плодотворной совместной работѣ, направленной на исканіе истины и путей къ общему благу и пользѣ. Съ другой стороны, научные конгрессы вообще и международные въ частности оказываютъ значительное посредствующее вліяніе на большую публику и, какъ болѣе импонирующія явленія, въ значительной мѣрѣ способствуютъ проведенію научныхъ взглядовъ въ жизнь и ихъ возможно] полному разъясненію въ массахъ общества. Всѣми этими своими сторонами международные научные конгрессы призваны играть весьма важную роль въ умственно-нравственной жизни современныхъ образованныхъ человѣческихъ обществъ и способствовать привитію къ нимъ дѣятельныхъ и научно-обоснованныхъ идей братства, добра и правды.

Изъ множества парижскихъ международныхъ конгрессовъ я посвящу настоящій обзоръ лишь одному, въ которомъ мнѣ приходилось принимать личное участіе. Я говорю о второмъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ.

Заканчивая свой предшествующій научный обзоръ, я писалъ, между прочимъ, слѣдующее о такомъ же конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Римѣ: «Какъ ни важны были результаты этого перваго международного уголовно-антропологическаго конгресса, тѣмъ не менѣе, они были только началомъ успѣховъ. Дальнѣйшіе мы увидимъ вскорѣ на предстоящемъ въ будущемъ 1889 г. парижскомъ международномъ конгрессѣ уголовной антропологии, который несомнѣнно еще полнѣе охватитъ вопросъ». Это предвидѣніе оправдалось, и конгрессъ имѣлъ большой успѣхъ. Почти всё образованная страна прислала (официально или неофициально) своихъ ученыхъ представителей. Преобладали, конечно, медики, но много было и юристовъ теоретиковъ и практиковъ изъ среды университета, магистратуры и адвокатуры. Особенно много юристовъ прислала Италия. Были также представители и другихъ профессій, наприм., педагоги. Не мало было крупныхъ научныхъ именъ. Таковы имена Ломброзо, Молешота, Бенедикта, Маньяна, Люиса, Русселя, Бруарделя, Лакасана и др.

Отъ такого соединенія представителей различныхъ профессій полнота и широта воззрѣній, конечно, только выигрывали. Вопросъ о человѣческой преступности не есть вопросъ исключительно юридическій или антропологическій. Онъ представляетъ собою широкій и многосторонній обществен-

ный вопрос, захватывающий всю исторію человѣческихъ учреждений и всю сферу нравственныхъ явленій. Поэтому для его всесторонняго изученія необходима совмѣстная работа различныхъ специалистовъ, изъ которыхъ каждый отдѣляетъ свою особую сторону. Парижскій конгрессъ своимъ составомъ въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ этому требованію и привносилъ въ обсужденіе вопроса о человѣческой преступности разностороннія точки зрѣнія.

Французы рѣшительно преобладали. Въ этомъ отношеніи парижскій конгрессъ значительно отличался отъ конгресса римскаго, гдѣ большинство всѣхъ членовъ принадлежало Италиі. А, между тѣмъ, въ новѣйшее время уголовная антропологія возникла и развилась преимущественно въ Италиі, благодаря работамъ проф. Ломброзо и его учениковъ. Поэтому для конгресса и его успѣховъ было очень важно, что не на сторонѣ Италиі былъ перевѣсъ въ числѣ членовъ. Итальянцы, какъ новаторы, можетъ быть, нѣсколько и склонны къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ, а, главное, легко могутъ быть заподозрѣны въ нихъ. Французы же,—конечно, говоря вообще,—до сихъ поръ сравнительно мало принимали участія въ разработкѣ уголовной антропологіи, а потому, какъ и представители другихъ національностей, скорѣе были склонны къ строгой критикѣ, сомнѣніямъ и недоувѣрью.

На конгрессъ новая школа явилась съ значительнымъ научнымъ богатомъ. Это не было только еще возникающее научное направленіе, а, напротивъ, направленіе, оказавшее уже сравнительно значительное вліяніе на общественные взгляды,—направленіе, много поработавшее, кое-что уже сдѣлавшее и имѣющее за собой свое научное прошлое и, притомъ, не только въ трудахъ отдѣльныхъ ученыхъ, но и въ соединенныхъ усиліяхъ цѣлаго международнаго конгресса—римскаго. «Уголовная антропологія числитъ за собою большія заслуги: она углубила вопросъ о человѣческой отвѣтственности». «Труды итальянской школы хорошо приняты во Франціи. Эта школа оказала великія услуги и примѣнила къ изслѣдованію вполнѣ вѣрные методы. Знакомясь съ ея прошлыми трудами, невольно изумляешься величинѣ уже сдѣланнаго въ сравнительно столь короткій срокъ». Такими словами встрѣчали и привѣтствовали въ Парижѣ открытіе засѣданій 2-го уголовно-антропологическаго конгресса французскій министръ юстиціи и деканъ парижскаго медицинскаго факультета, проф. Бруардель. Посмотримъ же, что сдѣлалъ конгрессъ.

Въ числѣ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, былъ вопросъ о существованіи особаго «преступнаго типа», отмѣченнаго и особыми анатомическими признаками. По этому поводу въ отчетѣ одного изъ нашихъ ежедневныхъ изданій (*Русскія Вѣдомости*) проскользнула крайне странная упрекъ конгрессу, зачѣмъ онъ не опредѣлялъ напередъ «на научномъ основаніи, что такое преступленіе» и «кого называть преступникомъ», результатомъ чего, будто бы, и были «путаница и недоразумѣнія». Удивительное обвиненіе! Отыскивать и давать указанное опредѣленіе

не было рѣшительно никакой нужды; оно уже готово исполнѣ. Понятіе преступникъ есть понятіе юридическое и по своему характеру—условное. Преступникъ, это—тотъ, кто нарушилъ уголовный законъ. Иного опредѣленія нѣтъ и быть не можетъ, и его исполнѣ достаточно. Хотя въ средѣ такъ называемыхъ честныхъ людей и встрѣчаются люди, сходные по своимъ особенностямъ съ преступниками, но они не могутъ быть названы ими. Они могутъ быть названы людьми предрасположенными къ преступленію, людьми порочными, дурными и проч., но никакъ не преступниками. Какъ бы ни измѣнялось понятіе о преступленіи по временамъ, мѣстамъ и народамъ,—на что указываетъ составитель отчета,—тѣмъ не менѣе, эти измѣненія не могутъ ни сдѣлать, ни расширить понятія о преступникѣ для каждаго даннаго времени. Если измѣняются общественные «взгляды на преступленіе», вліяющіе на кодексъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо измѣняются и условія совершенія того или другаго дѣйствія, ставшаго или переставшаго быть преступнымъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо измѣняются и качества, нужныя для его совершенія, измѣняются соединенныя съ этимъ совершеніемъ ощущенія и чувства дѣятеля, что и составляетъ самое главное въ вопросѣ о преступности. Говоря это, я имѣю въ виду исключительно общій уголовный кодексъ и не касаюсь тѣхъ случаевъ, когда государство, въ противность существующимъ правамъ и воззрѣніямъ, объявляетъ то или иное дѣйствіе преступнымъ. Но и тогда одно—уже ставшее извѣстнымъ запрещеніе въ большей или меньшей мѣрѣ, но, все-таки, вліяетъ на измѣненіе общественнаго отношенія къ запрещенному дѣянію. Потому уголовная антропология поступила вполне правильно, оставивъ въ сторонѣ опредѣленія и, въ то же время, задавшись вопросомъ, почему только нарушители уголовного кодекса, въ противность всѣмъ остальнымъ, пренебрегаютъ запретами закона и, рискуя своимъ положеніемъ и судьбой, совершаютъ запретныя дѣянія, и не наталкиваютъ ли ихъ на этотъ крайне опасный для нихъ путь, въ числѣ прочихъ причинъ, также и какія-либо имъ свойственныя особенности ихъ психо-физической организаціи? При обсужденіи этого вопроса въ такой общей его формѣ конгрессъ, какъ намъ казалось, былъ вполне единодушенъ и далъ только одно утвердительное рѣшеніе. Различіе мнѣній обнаружилось лишь по отношенію къ вопросу о существованіи внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ преступности и особаго, *обусловливаемого ими*, «преступнаго типа».

Еще отецъ уголовной антропологии, знаменитый Галль, пытался отыскать и потомъ думалъ, что нашелъ, между прочимъ, и внѣшніе анатомическіе признаки преступности. Изучивъ строеніе и функціи нервной системы и сосредоточивъ въ мозгу, какъ большой федераціи, всѣ органы психической жизни, что составляетъ одну изъ его величайшихъ заслугъ, Галль сталъ отыскивать на поверхности мозга и его внѣшней оболочкѣ—черепѣ—отдѣльныя органы для различныхъ весьма сложныхъ душевныхъ движеній и по ихъ большому или меньшему развитію заключать къ степени развитія этихъ послѣднихъ. Геніальныя основныя мысли Галля сохранились и

послужили исходною точкой для дальнѣйшаго развитія науки. Что же касается судьбы его ученія въ цѣломъ, то она достаточно извѣстна: его открытія не выдержали ударовъ критики и сошли со сцены. Едва ли я ошибусь, если скажу, что одной изъ причинъ его промаховъ было и то, что многократно наблюдавшееся имъ сосуществованіе тѣхъ или иныхъ психо-физическихъ особенностей онъ принималъ за причинную связь между ними, не уяснивъ предварительно механизмъ ихъ возможнаго взаимодействія.

Подобно Галлю, проф. Ломброзо пытался и пытается найти и изучить вѣншіе анатомическіе признаки преступника. При этомъ онъ не слѣдуетъ примѣру своего ближайшаго предшественника, французскаго ученаго Проспера Денизъ, который изучалъ не преступника вообще, а различныя разновидности преступниковъ, и изучалъ ихъ преимущественно со стороны ихъ психики. Напротивъ, Ломброзо съ самаго начала сталъ изучать преступника вообще, какъ особую разновидность человѣческаго рода, и, повидимому, подчинился при этомъ вліянію классическаго сочиненія *Parent-Dachetel*: «De la prostitution dans la ville de Paris», которымъ онъ широко пользовался. Авторъ послѣдняго также изучалъ проституттокъ вообще. Но онъ имѣлъ передъ собою особую, однородную профессиональную группу, объединяемую единствомъ промысла, и, притомъ, промысла, выполняемаго при помощи одной изъ важнѣйшихъ органическихъ функций, оказывающей самое рѣшительное вліяніе на всю душевную жизнь человѣка. Не то по отношенію къ преступникамъ, которые представляютъ значительныя различія во всѣхъ отношеніяхъ. Воръ, убійца, нищій-бродяга, изнасилователь и пр.—это все различныя фигуры, представляющія собою и различныя психологическіе типы. А они-то и были смѣшаны въ одно общее цѣлое подъ именемъ преступнаго человѣка въ первыхъ изданіяхъ сочиненія проф. Ломброзо. Какъ же поступалъ онъ при этомъ? Онъ искалъ и изучалъ послѣдовательно одну за другой различныя анатомическія и физиологическія особенности у различныхъ преступниковъ и выводилъ для каждой изъ нихъ процентное отношеніе. Затѣмъ дѣлалъ то же самое и по отношенію къ такъ называемымъ честнымъ людямъ, взятымъ безъ разбора, а потомъ сравнивалъ другъ съ другомъ соответствующія процентныя отношенія двухъ имъ установленныхъ противоположныхъ группъ. Оказывалось, что признаки аномальности и регресса значительно чаще встрѣчаются у преступниковъ, нежели у такъ называемыхъ честныхъ людей.

Таковъ начальный приемъ. Но очевидно, что, употребляя его, проф. Ломброзо допускаетъ крупную погрѣшность въ самомъ основаніи. Въ первой группѣ—группѣ преступниковъ—онъ беретъ завѣдомо только однѣ болѣе или менѣе недостаточныя, порочныя и неуравновѣшенныя натуры жизненныхъ незадачниковъ, попавшихъ въ мѣсто заключенія, тогда какъ во второй—въ группѣ такъ называемыхъ честныхъ людей—имъ берутся преимущественно болѣе или менѣе сильныя и сравнительно хорошо организованныя натуры успѣвающихъ въ жизни людей, среди которыхъ, впрочемъ, встрѣчаются, какъ учить опытъ, и недостаточныя натуры, не впавшія,

однако, въ преступленіе по тѣмъ или другимъ причинамъ. Эти послѣднія, очевидно, должны понижать качественную сторону второй группы. Онѣ-то, вѣроятно, главнымъ образомъ, и дають регрессивные признаки въ этой группѣ. А потому, если бы въ ней оставить только натуры послѣдней категоріи и сравнить ихъ, какъ болѣе однородныя и соизмѣримыя, съ натурами первой группы,—группы преступниковъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, получились бы почти одинаковыя процентныя отношенія сходныхъ регрессивныхъ признаковъ. Тогда и оказалось бы, что обѣ группы, изъ которыхъ одна состоитъ изъ людей преступившихъ уголовный законъ, а другая изъ людей его никогда не нарушавшихъ, представляютъ почти въ равной мѣрѣ и сходные признаки регресса. А если такъ, то очевидно, что эти послѣдніе не суть признаки особаго преступнаго типа, а признаки чего-то другаго, именно различныхъ видовъ вырожденій и недостаточностей организаци, которые, при извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ окружающей обстановки, иногда и наталкиваютъ человѣка на преступленіе и дѣлають для него невозможной борьбу въ легальныхъ формахъ, въ которыхъ борются другіе.

Все это вполне подтверждается и собственными изслѣдованіями проф. Ломброзо, изъ которыхъ видно, что иногда и тяжкіе преступники не представляютъ сколько-нибудь рѣзко выраженныхъ внѣшнихъ признаковъ преступности и, наоборотъ, люди, не совершившіе преступленій, представляютъ ихъ. Между тѣмъ, эти признаки, изъ которыхъ одни находились у однихъ преступниковъ, а другіе у другихъ, и дали основаніе для построения особаго «преступнаго типа», при установленіи котораго Ломброзо въ значительной мѣрѣ повторилъ и указанную уже мною ошибку Галля, которая и вызвала рядъ бесполезныхъ работъ, явившихся, повидимому, скорѣе балластомъ въ наукѣ, вродѣ работъ о формѣ носовъ и цвѣтѣ волосъ у преступниковъ по сравненію съ «честными людьми». Не спорю, можетъ, когда-нибудь эти работы и окажутся имѣющими какое-либо значеніе, но только въ далекомъ будущемъ. Теперь же онѣ скорѣе обременяють науку и загромождаютъ научный путь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая существованіе особаго преступнаго типа, Ломброзо значительно сѣзнилъ вопросъ о преступности. Если преступники представляютъ собою обособленный спеціальнѣйшій типъ съ его наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ «прирожденнаго преступника», то и вопросъ о народженіи и условіяхъ развитія этого типа въ значительной мѣрѣ является вопросомъ частнымъ, не представляющимъ общаго захватывающаго интереса. Тогда мы имѣемъ дѣло съ сравнительно незначительною группой людей, съ одной изъ неособенно многочисленныхъ разновидностей человѣческаго рода.

Въ иномъ видѣ представляется тотъ же самый вопросъ въ постановкѣ гениальнаго Мореля, которому, какъ психіатру, приходилось сопрягаться, въ числѣ другихъ вопросовъ, и съ вопросомъ о человѣческой преступности. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ широкую, хотя и мрачную, картину «фи-

зическихъ, умственныхъ и нравственныхъ вырожденій человѣческой породы» подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, каковы, напримѣръ, бѣдность, нищета, пьянство, дурныя условія труда, воспитанія и проч. въ теченіе жизни поколѣній. Эти различныя вырожденія, закрѣпляемая наслѣдственностью, и создаютъ самые различныя психо-физическіе типы странныхъ, недостаточныхъ, порочныхъ и дурныхъ людей, которые, вслѣдствіе этихъ особенностей своей психо-физической организаціи, предрасположены къ совершенію всевозможныхъ странностей, чудачествъ, а также и дурныхъ, порочныхъ и даже преступныхъ дѣйствій. Какъ болѣе или менѣе совершенныя организаціи, вслѣдствіе этого совершенства, на опредѣленныя внѣшнія воздѣйствія даютъ и болѣе или менѣе совершенныя реакціи, т. е. совершаютъ болѣе или менѣе хорошіе поступки, такъ точно и недостаточныя психо-физическія организаціи, вслѣдствіе своей недостаточности, на сходныя воздѣйствія отвѣчаютъ крайне дурными реакціями или, иначе говоря, дурными, порочными и преступными дѣяніями.

Въ этомъ видѣ вопросъ отличается широтою, ясностью соотношенія причинъ и слѣдствій и обосновывается на неизмѣримой массѣ повсюду наблюдаемыхъ фактовъ. Видѣть съ тѣмъ, онъ приобретаетъ и захватывающій общій интересъ, представляя собою только другую сторону, сторону органическую или психо-физическую надъ всѣми теперь тяготящего и всѣхъ интересующаго великаго соціального вопроса. Экопомистъ изучаетъ его въ формѣ вопроса о крайне неравномѣрномъ распредѣленіи, объ экономической обездоленности и пр., а криминалистъ-антропологъ и психіатръ изучаютъ его въ формѣ вопроса о физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ вырожденіяхъ и порчахъ породы, передающихся по наслѣдству и проявляющихся во внѣ въ дурныхъ, антисоціальныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ. Теперь еще одно замѣчаніе. Наблюдая и изучая постепенное развитіе преступности, и, притомъ, въ производящихъ ее факторахъ, нельзя найти такіа неблагоприятно вліяющія условія окружающей обстановки, которыя исключительно свойственны только жизни преступника и которыя могутъ способствовать образованію какого-то «особаго преступнаго типа», отмѣченнаго анатомическими признаками. Ничто въ этой жизни не спеціально настолько, не исключая самыхъ чувствъ, сопровождающихъ преступленіе, особенно если принять во вниманіе и наслѣдственное прошлое, среди котораго закладываются первыя основы психической личности. Подъ вліяніемъ сходныхъ условій живетъ множество людей, живутъ даже цѣлыя общественныя слои, обреченные на всякія жизненныя невзгоды: на непосильный трудъ на дурное, недостаточное питаніе, на плохое дыханіе, на заброшенное, дурное воспитаніе и пр., — однимъ словомъ, на условія жизни, способствующія не органическому развѣту и преуспѣянію, а, напротивъ, органической порчѣ и оскуднѣнію, результатами котораго, въ числѣ прочихъ, является и преступленіе.

Говоря все это, я далекъ, однако, отъ мысли хотя сколько-нибудь умалять несомнѣнную и неумирающую заслугу проф. Ломброзо, который явился

могучимъ иниціаторомъ. Отъ него, главнымъ образомъ, и ведетъ свое начало энергическое современное движеніе, направленное на изученіе преступленія и преступника на почвѣ опыта и наблюденія. Чтобы правильно оцѣнить его великую заслугу, достаточно вспомнить, чѣмъ была наука о преступленіи и преступникѣ до него и чѣмъ она становится теперь. Прежде она была почти исключительно умозрительною наукою и сводомъ произвольныхъ мнѣній различныхъ авторовъ, плодомъ ихъ кабинетныхъ измышленій, стоявшихъ вдали отъ дѣйствительности и обязательно изучавшихся только на юридическихъ факультетахъ. Теперь же она хотя еще и зарождающаяся, но полная жизни наука, обладающая точными методами, представляющая собою захватывающій общій интересъ и сосредоточенная на изученіи наиболѣе животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ, — наука, опирающаяся на множество другихъ точныхъ наукъ. Это поистинѣ «естественная исторія преступленія и преступности». Конечно, проф. Ломброзо допустилъ въ своемъ трудѣ не мало весьма значительныхъ промаховъ и ошибокъ. Но не ошибается и не увлекается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и кто идетъ избитымъ путемъ. Тотъ же, кто ищетъ новые пути, кто разрабатываетъ новый громадный матеріалъ и обосновываетъ новыя вѣтви науки, тотъ поневолѣ ошибается и часто дѣлаетъ поспѣшные выводы. Самъ проф. Ломброзо призналъ на конгрессѣ, что онъ сдѣлалъ не мало ошибокъ и многое преувеличивалъ.

Ломброзо обвиняютъ, какъ это дѣлаетъ и авторъ отчета *Русскихъ Вѣдомостей*, что онъ будто бы игнорируетъ всѣ факторы преступности и признаетъ лишь одинъ изъ нихъ — органическій. Но такое обвиненіе—плодъ крайне страннаго недоразумѣнія и незнакомства съ его работами. Всякій, читавшій во второмъ изданіи его *Преступнаго челоѣтика* отдѣлъ, озаглавленный *Терапія преступленія*, и другое его сочиненіе—*Sull'incremento del delitto in Italia*, въ которомъ такъ много говорится о социальныхъ условіяхъ, понимаетъ, конечно, и не можетъ не понимать, что Ломброзо не отрицалъ и не могъ отрицать рѣшающее значеніе социального фактора. До сихъ поръ органическій факторъ былъ наименѣ изученъ и ему-то, не отрицая значенія всѣхъ другихъ факторовъ, главнымъ образомъ, и посвятивъ всѣ свои силы проф. Ломброзо, обращая при его изученіи вниманіе на всѣ мелочи. Но развѣ можетъ быть поставлено въ вину ученому, что онъ занялся изученіемъ не всѣхъ сторонъ вопроса, а лишь только одной изъ нихъ? Пусть недодѣланное додѣлаютъ другіе.

Однимъ изъ рѣшительныхъ противниковъ ученія объ особомъ «преступномъ типѣ» явился на конгрессѣ проф. Манувриѣ, который коснулся только анатомической стороны вопроса. По его собственнымъ словамъ, его докладъ имѣлъ цѣлью подвергнуть критикѣ существующія работы и вызвать новыя изслѣдованія, въ которыхъ были бы избѣгнуты ошибки, совершенныя до сихъ поръ. Оговорившись въ началѣ этого доклада и въ своей рѣчи на конгрессѣ, что «тѣсное и неразрывное соотношеніе между физиологіей, включая психологію и анатомію, вѣ всякаго спора, исключая какъ со сто-

роны невѣжественныхъ метафизиковъ», и что онъ вполне согласенъ съ ученіемъ о зависимости характера отъ организаціи, проф. Манувріе замѣтилъ, что между нимъ и Ломброзо есть существенное различіе въ томъ, что онъ не придаетъ столь рѣшающаго значенія анатомическимъ признакамъ и полагаетъ, что люди, представляющіе признаки такъ называемаго преступнаго типа, подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія, могутъ сдѣлаться хорошими людьми и наоборотъ. Слѣдомъ за тѣмъ онъ подвергъ довольно рѣзкой критикѣ точность и достоинство работъ, сдѣланныхъ съ цѣлью установленія внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ этого типа. При этомъ онъ заявилъ въ своей рѣчи, что до сихъ поръ можно сказать лишь одно, что въ среднемъ у преступниковъ встрѣчается болѣе аномалій, нежели у такъ называемыхъ честныхъ людей.

Докладъ и рѣчь проф. Манувріе распадаются на двѣ части: одна была посвящена критикѣ уже сдѣланныхъ работъ о преступномъ типѣ, а другая заключала въ себѣ общія соображенія, которыя долженъ имѣть въ виду каждый изслѣдователь преступниковъ. Въ первой изъ нихъ было много дѣйствительно мѣткихъ замѣчаній. Найдены ли до сихъ поръ какой-либо анатомическій признакъ, могущій характеризовать исключительно преступниковъ или ту или другую категорію ихъ? На этотъ вопросъ проф. Манувріе отвѣчаетъ отрицательно. «Можно считать, — говоритъ онъ, — болѣе или менѣе неблагоприятнымъ въ отношеніи склонности къ преступленію существованіе такого-то признака или такой-то совокупности ихъ, но нельзя допускать, что эти признаки суть спеціальныя для преступниковъ». Далѣе онъ совершенно справедливо указываетъ, что нельзя отыскать такихъ спеціальныхъ признаковъ уже вслѣдствіе того, что противоположная, столь смѣшанная группа такъ называемыхъ «честныхъ людей» включаетъ не мало людей вырождающихся, грубыхъ и порочныхъ. «Многочисленны, — говоритъ онъ, — честные люди, способные стать преступниками или нравственно не лучшіе самыхъ худшихъ каторжниковъ». Онъ указываетъ также на крайнюю недостаточность наблюденій въ произведенныхъ работахъ, на то, что измѣренія дѣлались различными изслѣдователями и, притомъ, различными и иногда весьма несовершенными способами, почему они часто и представляются несоизмѣрными, и что, наконецъ, для образованія «преступнаго типа» брались и соединялись вмѣстѣ признаки, встрѣчаемые у различныхъ преступниковъ. Но такимъ ли способомъ, — спрашиваетъ онъ, — устанавливается типъ? По его мнѣнію, также не существуетъ одного общаго типа преступника, какъ не существуетъ и одного общаго типа уродливаго или «патологическаго» челоуѣка; существуютъ только различные типы уродствъ.

Не менѣе вѣрно и замѣчаніе Манувріе, что при антропологическомъ изученіи преступника нѣтъ надобности вводить сложный социальный элементъ — преступности и честности, а предварительно необходимо, вмѣстѣ съ соответствующимъ анатомическимъ анализомъ, вести и психологическій анализъ достоинствъ и недостатковъ, болѣзненныхъ и нормальныхъ влече-

ній вообще и только уже затѣмъ указывать, какъ тѣ или другія неблагопріятныя особенности могли и должны были отражаться въ общественной дѣятельности человѣка.

Но если критическія замѣчанія Манувріе вызываютъ полное согласіе, то нельзя сказать того же о его общихъ руководящихъ соображеніяхъ. Одна изъ его основныхъ мыслей слѣдующая. «Одинъ и тотъ же индивидуумъ, — говоритъ онъ, — можетъ дѣйствовать тысячею различныхъ способовъ, соотвѣтственно различію воздѣйствій, которымъ онъ подвергается, не измѣняясь вслѣдствіе того ни физиологически, ни анатомически и не переставая всегда дѣйствовать соотвѣтственно своей конструкціи». Отсюда выводъ очевиденъ: преступникъ не долженъ представлять поэтому физиологическихъ и анатомическихъ измѣненій. Но въ этой своей общей формѣ утверженіе Манувріе положительно невѣрно. Ничто въ мірѣ, а, слѣдовательно, и человѣческія дѣйствія, не проходитъ безслѣдно, а, напротивъ, заносится въ книгу жизни. Опытъ учитъ насъ, что каждый органъ, каждый мускулъ и части его отъ дѣятельности или бездѣлья болѣе или менѣе измѣняются въ своей конституціи. Эти измѣненія совершаются постепенно, независимо, но на значительныхъ промежуткахъ времени они рѣзко бросаются въ глаза. Между тѣмъ, всѣ поступки человѣка представляютъ собою только различныя комбинаціи элементарныхъ дѣйствій, а потому и различія въ его дѣятельности неизбѣжно измѣняютъ его организмъ какъ анатомически, такъ и физиологически. Сверхъ того, повторяющіяся дѣятельности вызываютъ и повторяющіяся различныя комбинаціи простѣйшихъ дѣйствій и тѣмъ самымъ создаютъ устойчивыя ассоціаціи какъ игры различныхъ нервовъ и нервныхъ центровъ, такъ и мускуловъ, что представляетъ собою важныя конституціональныя измѣненія сложнаго механизма—организма человѣка. Въ психической сферѣ тѣ же дѣятельности отражаются въ формѣ различныхъ ощущеній и чувствованій, которыя, сопровождаясь, какъ мы видѣли, и матеріальными измѣненіями, не проходятъ безслѣдно для жизни души. Сохраняющіеся органическіе слѣды, различнымъ образомъ ассоціированные какъ другъ съ другомъ, такъ и съ душевными волненіями, при сходныхъ воздѣйствіяхъ сами собой, независимо отъ желанія и воли дѣятеля, пробуждаются и всплываютъ изъ органической глубины и являются важными факторами въ опредѣленіи дѣятельности. Особенно это нужно сказать о душевныхъ волненіяхъ. На этомъ и основывается непреложная власть прошлаго человѣка надъ его настоящимъ. Поэтому мы можемъ сказать, что различныя жизненныя дѣятельности постоянно и постепенно измѣняютъ организмъ и сегодня онъ уже не тотъ, какимъ былъ еще вчера. Этотъ измѣненный организмъ въ свою очередь, какъ это всего лучше доказываетъ наслѣдственность настроенія, вызывающая наслѣдственную склонность къ самоубійству, передается нисходящимъ поколѣніямъ, что и даетъ основаніе хорошо извѣстнымъ каждому семейнымъ типамъ. Правда, эти постепенно вырабатываемыя отличія не всегда

поддаются анатомическому и физиологическому констатированію и описанію, но, тѣмъ же менѣе, они ясно проявляются въ психической области.

Такъ же мало можно согласиться и съ другимъ общимъ положеніемъ Манувріе. «Нужно быть чрезмѣрнымъ оптимистомъ и поклонникомъ-энтузіастомъ нормальнаго человѣчества,—говоритъ онъ,—чтобы думать, что аномально желать собственности другаго, а желая стараться присвоить ее». «Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, — прибавляетъ онъ далѣе, — что многія физиологическія особенности, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть достоинствами или недостатками». Отсюда общіе выводы: 1) «не только преступленіе не соединяется необходимо съ аномальными или неблагоприятными физиологическими особенностями, но оно еще можетъ быть вызвано, при равныхъ прочихъ условіяхъ, дѣйствительными достоинствами и задерживаемо дѣйствительными недостатками», и 2) «обыкновенныя преступленія вовсе не предполагаютъ съ необходимостью болѣзненныя или аномальныя физиологическія состоянія».

Здѣсь нельзя не замѣтить, что эти выводы обосновываются на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. Преступленія совершаются не при посредствѣ одной какой-либо особенности человѣка, а при посредствѣ всей совокупности ихъ: его настроенія, его чувства, мыслей и проч. Въ преступленіи весь человѣкъ, всѣ стороны его принимаютъ въ немъ участіе, и оно является результатомъ совмѣстной ихъ дѣятельности. Полное расчлененіе и выдѣленіе здѣсь невозможно. Поэтому если та или другая особенность, наполняющая человѣка на преступленіе, разсматриваемая отвлеченно и изолированно, и можетъ быть названа достоинствомъ, то въ соединеніи съ другими особенностями даннаго человѣка она является или порокомъ, или недостаткомъ, или только опасною и невыгодною способностью, наприм., смѣтливый умъ, но не просто смѣтливый умъ, а умъ, являющійся на служеніе самымъ дурнымъ и антисоціальнымъ чувствамъ, питающійся ими и получающій изъ нихъ свое конкретное содержаніе.

Сверхъ того, нужно замѣтить, что совершеніе дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ, сопряжено съ такими неблагоприятными общественными послѣдствіями, что рѣшиться на послѣднія или игнорировать ихъ могутъ лишь въ томъ или другомъ отношеніи недостаточныя и порочныя натуры, вслѣдствіе того не имѣющія возможности бороться въ установленныхъ легальныхъ формахъ. Конечно, громадное большинство этихъ натуръ не суть больныя натуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но несомнѣнно, что онѣ недостаточныя и порочныя натуры—продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса. Вѣдь, и идиоты, со всѣми ихъ умственными и нравственными недостатками, а также и различныя нравственные вырожденія не суть больныя въ строгомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, это дурныя, неприспособленные механизмы или, по выраженію Мореля, несчастныя и порочныя организаціи.

Все это, повидимому, ясно понимало большинство говорившихъ по вопросу. Возражая противъ существованія особаго анатомически отлѣчен-

наго «преступнаго типа» и въ особенности противъ возможности дѣлать напередъ какія-либо опредѣленія и предсказанія на основаніи указанныхъ признаковъ или основывать на нихъ сужденія о виновности, всѣ они, въ то же время, признавали, что преступники, говоря вообще, принадлежать къ низшимъ недостаточнымъ типамъ. Такъ, проф. Бенедиктъ, выступавшій противъ ученія объ «особыхъ анатомическихъ признакахъ преступности», признавалъ важною заслугой уголовной антропологіи то, что она изучаетъ преступленіе, какъ естественное явленіе, и видитъ въ преступникѣ низшее существо, а въ его преступленіи результатъ дурной организаціи, а не его свободной воли. Альфонсъ Бертильонъ, завѣдующій бюро антропометрическихъ измѣреній при префектурѣ полиціи и потому имѣющій случай ежегодно видѣть громадное количество преступниковъ, замѣтилъ во время своей конференціи, что у преступниковъ наблюдаются внѣшніе признаки, но они не представляютъ собою специфическіе признаки «преступнаго типа», а признаки вырожденія и низшаго развитія, которое препятствуетъ имъ обладателямъ успѣшно бороться за свое существованіе. Точно также и проф. Лаксанъ утверждалъ на конгрессѣ, что у преступниковъ значительно чаще встрѣчаются признаки вырожденія и что они представляютъ собою низшія существа, большею частью выходящія изъ дурно-обставленныхъ классовъ общества. Послѣдніе, вслѣдствіе неблагоприятныхъ жизненныхъ условій, въ значительной мѣрѣ вырождаются и потому отмѣчаются неблагоприятными органическими особенностями. Тотъ же взглядъ, въ сущности, развивалъ и проф. Мошеть, который при этомъ указывалъ на безчисленность незамѣтныхъ переходныхъ ступеней отъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ къ болѣе развитымъ и совершеннымъ людямъ. Поэтому Гарофало въ значительной мѣрѣ основательно замѣтилъ, что въ общемъ битва выиграна, такъ какъ всѣ признають существованіе органическаго предрасположенія къ преступленію.

Основываясь на фактахъ, смѣю думать, что я имѣлъ на своей сторонѣ согласіе значительной части членовъ конгресса, когда въ своей рѣчи развивъ по отношенію къ преступникамъ ученіе Мореля о «несчастныхъ и порочныхъ» организаціяхъ, сформировавшихся подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ окружающихъ условій въ теченіе одного или нѣсколькихъ поколѣній и, вслѣдствіе своихъ особенностей, болѣе или менѣе предрасположенныхъ къ преступленію вообще и къ различнымъ его видамъ въ частности. При этомъ я указалъ, что каждая организація вовсе не остается всегда сама себѣ равною величиной, а, напротивъ, претерпѣваетъ постоянныя, болѣе или менѣе рѣзко выраженные колебанія и измѣненія, и что вытекающія отсюда временныя дурныя органическія состоянія, часто совершенно преобразующія чловѣка, могутъ иногда играть роль устойчиво-порочной организаціи въ совершеніи преступленія. Сверхъ того, я указалъ еще, что органическая предрасположенность есть одинъ изъ факторовъ преступленія, но не единственный. Необходимы еще и внѣшнія условія, наталкивающія

предрасположенныя природы на преступления. «Имѣй я ренту», — поясняетъ знаменитый Лемеръ на судѣ, — я бы, конечно, не былъ здѣсь».

Таковы были пренія по вопросу о существованіи особаго «преступнаго типа». Резюмируя ихъ, проф. Ферри справедливо замѣтилъ, что въ вопросѣ о преступленіи одни изъ говорившихъ видѣли преимущественно органическую сторону, а другіе социальную, и при этомъ всѣ были и правы, и неправы, потому что одну изъ сторонъ выдавали за цѣлое. Преступленіе есть явленіе сложное, обусловливаемое антропологическими, физическими и социальными факторами, относительное значеніе которыхъ въ каждомъ преступленіи измѣняется.

Въ близкой связи съ вопросомъ о «преступномъ типѣ» стоялъ вопросъ, возбужденный докладомъ Гарофало объ опредѣленіи при помощи уголовной антропологии того класса, къ которому принадлежитъ виновный. Я коснусь этого доклада только потому, что онъ имѣетъ и практической характеръ. Въ немъ Гарофало замѣчаетъ, что анатомическіе признаки недостаточны в сами по себѣ могутъ давать лишь указанія, а потому ихъ необходимо дополнять имѣющими гораздо большее значеніе признаками психологическими, — нравственною фигурой преступника, которая знакомитъ насъ съ психическими аномаліями послѣдняго. Исходя изъ этого взгляда, онъ предлагаетъ установить различные классы преступниковъ на общемъ основаніи признаковъ антропологическихъ, наприм., фізіогноміи, формы черепа и пр., и признаковъ психологическихъ, причѣмъ онъ признаетъ и существованіе преступниковъ прирожденныхъ и несправимыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рекомендуетъ и настаиваетъ на необходимости опредѣленія законодательнымъ путемъ особыхъ способовъ воздѣйствія (*traitement spéciale*), особыхъ наказаній для каждаго изъ устанавливаемыхъ классовъ и, такимъ образомъ, ставить наказаніе въ зависимости отъ общей классификаціи преступниковъ, напередъ производимой по ихъ психо-физическимъ признакамъ.

Такое въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе доклада Гарофало. Нельзя, конечно, не признать, что психологическіе признаки имѣютъ первенствующее значеніе. Пока еще это единственно доступные намъ признаки. Признаки же анатомическіе, какъ, наприм., форма черепа, развитіе челюстей и проч., представляютъ собой только возможный матеріалъ для будущаго. Мы можемъ наблюдать, наприм., что тотъ или другой внѣшній признакъ чаще встрѣчается у такихъ-то или иныхъ людей, но еще не можемъ установить яснаго причиннаго ихъ соотношенія съ различными психическими особенностями человѣка. А пока этого не сдѣлано, до тѣхъ поръ передъ нами одинъ голый фактъ, значеніе котораго еще неизвѣстно намъ. Единственно, на что это признаки указываютъ — на органической регрессъ и низшій уровень органическаго развитія вообще.

Но хотя психическіе признаки и психическій обликъ человѣка имѣютъ преимущественное и громадное значеніе, тѣмъ не менѣе, устанавливаемые Гарофало на ихъ основаніи классы преступниковъ не могутъ и не должны служить основаніемъ для установленія законодательнымъ путемъ различій

въ наказаніяхъ. Кладя въ основаніе качественнаго и количественнаго различія репрессивныхъ мѣръ не преступленіе, а самого преступника съ его нравственными особенностями, Гарофало, конечно, дѣлаетъ большой шагъ впередъ, какъ это и замѣтилъ проф. Бенедиктъ на конгрессѣ. Но онъ тутъ же, какъ мнѣ кажется, и портитъ его и подпадаетъ подъ вліяніе отживающихъ традицій, которыя приурочиваютъ особенности наказаній не къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣятеля, а къ напередъ устанавливаемымъ категоріямъ. Общія психо-физическіе типы преступнаго люда, основанные на тщательномъ изученіи явленій живой дѣйствительности, несомнѣнно могутъ и будутъ имѣть весьма важное значеніе для лицъ, близко соприкасающихся и воздѣйствующихъ на преступниковъ. Они могутъ и будутъ служить для нихъ, какъ научныя данныя, руководною нитью при изученіи ими порученныхъ имъ индивидуальныхъ преступниковъ и при выборѣ ими соответствующихъ средствъ воздѣйствія. Но они не могутъ и не должны служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какими-то напередъ опредѣленными карательными категоріями. Тѣмъ болѣе они не должны служить основаніемъ ни для какихъ предсказаній объ уголовной несправимости, въ которую, кстати сказать, лично я и не вѣрую. При этомъ я, разумѣется, вовсе не имѣю въ виду передѣлку взрослога дурнаго человѣка въ человѣка хорошаго, а лишь улучшение преступника на сравнительно незначительную величину уголовного исправленія.

Докладъ Гарофало не подвергся подробному обсужденію, но конгрессъ, согласно его предложенію, избралъ комиссію для изученія классовъ преступниковъ.

Въ близкомъ соотношеніи съ вопросомъ объ особомъ «преступномъ типѣ» стоялъ и другой вопросъ, обсуждавшійся конгрессомъ, докладчиками по которому были д-ръ Таверни и талантливый д-ръ Маньянъ. Это вопросъ о дѣтствѣ преступниковъ въ соотношеніи съ естественнымъ предрасположеніемъ къ преступленію.

Основываясь на многихъ личныхъ наблюденіяхъ, д-ръ Таверни указалъ, что у нѣкоторыхъ дѣтей существуетъ особаго рода прирожденный недостатокъ способности къ воспитанію, даваемому какъ семьей, такъ и государствомъ, что и составляетъ основаніе ихъ прирожденного предрасположенія къ преступленію. Эти натуры, къ счастью, не особенно часто встрѣчающіяся въ народѣ, онъ рассматриваетъ какъ натуры, находящіяся въ дисгармоніи съ нѣкоторыми требованіями современной цивилизаціи, вследствие ограниченности ихъ физической способности приспособляться къ нимъ. Наша современная цивилизація, по мнѣнію Таверни, превосходитъ естественныя способности многихъ индивидуумовъ, которые поэтому и оказываются неприспособленными къ ней. «Многія лица, рассматриваемыя у насъ юридически какъ преступники, — замѣчаетъ онъ, — были бы рассматриваемы какъ честные люди, если бы они жили среди условій, болѣе похожихъ на первичныя условія начальныхъ эпохъ цивилизаціи».

Здѣсь д-ръ Таверни затрогиваетъ, дѣйствительно, чрезвычайно важный

вопросъ о minimum'ѣ необходимой приспособленности психо-физической личности къ условіямъ окружающаго ее общества, которымъ выясняется весьма многое въ генезисѣ преступленія. Minimum этотъ измѣняется по временамъ и народамъ, по классамъ общества, а также и по жизненнымъ положеніямъ, такъ что неприспособленный къ однимъ могъ бы оказаться вполне приспособленнымъ къ другимъ. Сведемъ это на болѣе конкретный примѣръ и возьмемъ вялую, медлительную организацію, съ слабымъ пульсомъ жизни, въ которой всѣ процессы, какъ физическіе, такъ и психическіе, совершаются крайне медленно. Такія оскудѣлыя организаціи встрѣчаются не особенно рѣдко и, конечно, не могутъ быть причислены къ больнымъ. Если подобно организованная личность явится на свѣтъ обезпеченной или воспитаніемъ будетъ приспособлена къ хорошо оплачиваемымъ отраслямъ труда, то она окажется достаточно приспособленной къ предстоящей ей жизненной борьбѣ и, вѣроятно, не будетъ натолкнута на путь преступленія. Напротивъ, предположимъ теперь, что такая же личность, вслѣдствіе условій рожденія, явится на свѣтъ безъ всякихъ наслѣдственныхъ придатковъ и даннымъ ей воспитаніемъ будетъ приспособлена только къ крайне скудно оплачиваемымъ отраслямъ труда, которыя требуютъ болшей быстроты производства для добыванія достаточныхъ средствъ для сколько-нибудь сноснаго существованія. Что же будетъ тогда? Понятно, что такая вялая организація съ самаго начала будетъ поставлена въ крайне неблагоприятныя условія существованія, которыя будутъ способствовать ея дальнѣйшей порчѣ и ея физическому и нравственному оскудѣнію. Постоянная нужда, постоянные жизненные толчки и невзгоды, обуславливаемыя органическими особенностями, неудовлетворенность въ потребностяхъ и влеченіяхъ, зависть при видѣ благосостоянія другихъ, непосильный для нея, а потому и раздражающій трудъ, недостатокъ времени для умственнаго развитія, непріятныя настроенія, перспективы безпросвѣтнаго будущаго и т. д., — все это и многое другое скоро и легко подготовитъ почву, а если къ этому присоединятся еще, наприм., трудныя обязательства содержанія семьи, да ея невзгоды, то легко натолкнетъ и на преступленіе. Конечно, въ этомъ послѣднемъ могутъ проявиться и многія другія неблагоприятныя особенности человѣка, наприм., недостатокъ хорошихъ устойчивыхъ правилъ, недостаточная чувствительность къ общественному порицанію и проч., и проч. Но всѣ эти особенности вовсе не таковы, чтобы быть рѣшительно несомнѣстными съ положеніемъ непроступнаго человѣка и не имѣть въ данномъ случаѣ принадлежить первенствующая роль. Онѣ только облегчили совершеніе преступленія, главные корни котораго кроются въ органической оскудѣлости и въ проистекающихъ отъ нея слѣдствіяхъ. Другая, болѣе одаренная и сильная организація, какъ мы это и видимъ постоянно въ дѣйствительности, и при этихъ условіяхъ могла бы продолжать борьбу въ законенныхъ формахъ и выйти изъ нея побѣдительницею. Но и сама органическая оскудѣлость не есть еще, какъ мы видѣли, абсолютная неприспособленность; она лишь неприспособленность относительная, неприспособлен-

ность при данномъ жизненномъ положеніи и въ рукахъ общества устранять такую непригодность путемъ улучшенія прекорныхъ жизненныхъ положеній, требующихъ большаго избытка силъ.

Второй докладчикъ, д-ръ Маньянъ, отъѣнилъ другую сторону вопроса. Свою конференцію въ госпиталѣ S-te Ann'y онъ началъ слѣдующимъ обращеніемъ къ проф. Ломброзо: «Съ тѣхъ поръ, какъ вы признали,—сказалъ онъ,—что прирожденный преступникъ есть существо патологическое, вырождающееся, между нами существуетъ полное согласіе». Этими немногими словами онъ вполне опредѣлилъ основной характеръ своихъ воззрѣній. Задавшись вопросомъ объ особенностяхъ дѣтства преступниковъ, Маньянъ рѣшительно отвергъ атавизмъ и уподобленіе преступника дикарю, запоздало явившемуся среди цивилизованнаго общества. По его мнѣнію, нормальный человѣкъ по природѣ не предрасположенъ къ преступленію. Онъ становится случайнымъ или привычнымъ преступникомъ вслѣдствіе страсти или дурнаго воспитанія, вліяніе котораго очень замѣтно у дѣтей, особенно принадлежащихъ къ категоріи дѣтей заброшенныхъ. Но здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что это мнѣніе д-ра Маньяна должно быть принято съ большими ограниченіями. Мы уже видѣли на только что приведенномъ примѣрѣ, на какіе элементы во многихъ случаяхъ разлагается понятіе предрасположенія къ преступленію,—на недостаточность и неблагоприятныя особенности психо-физической организаціи, которыя, не будучи болѣзнями въ тѣсномъ смыслѣ слова, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы ея порочностями и которыя, при нѣкоторыхъ жизненныхъ положеніяхъ, дѣлають для индивидуума, особенно вытекающими изъ нихъ слѣдствіями, крайне затруднительною борьбу за существованіе въ установленныхъ формахъ и тѣмъ самымъ предрасполагають его къ преступленію. Можно сказать вообще, что если характеръ человѣка обуславливается особенностями организаціи, то и характеръ, приводящій его къ преступленію, обуславливается ими же. Послѣ этого замѣчанія пойдѣмъ далѣе.

На ряду съ первою категоріей лицъ, совершающихъ преступленія подвліяніемъ страсти или дурнаго воспитанія, существуетъ, по мнѣнію Маньяна, и другая: это—категорія людей, которые, вслѣдствіе вліянія закона наследственности, приносятъ въ самихъ себѣ не естественное предрасположеніе къ преступленію, а патологическія тары и органическое вырожденіе. Послѣднее вноситъ разстройство въ ихъ мозговыя функціи, причѣмъ иногда направляющіе и задерживающіе центры оказываются неспособными сдерживать чрезмѣрно-возбужденныя аппетиты и инстинкты, а иногда сами эти центры ослабляются и потому не могутъ вносить болѣе долгаго равновѣсія.

Вырождающіеся наследственники уже являютя на свѣтъ съ печатью ихъ происхожденія. Психическія клеймы проявляются у нихъ съ началомъ ихъ психической жизни. Съ 4 или 5 лѣтъ у нихъ иногда наблюдаются уже одержанія, импульсивности, нравственныя и интеллектуальныя аномаліи и извращенія инстинктовъ. Соотвѣтственно различіямъ въ лока-

лизации функциональных разстройствъ, они представляютъ самые разнообразныя типы, которые образуютъ рядъ неудовимыхъ переходовъ отъ различныхъ идиотовъ—существъ вполне рефлекторныхъ и вегетативныхъ—до различно одаренныхъ высшихъ вырождающихся. Послѣдніе часто проявляютъ выдающіеся таланты, но, на ряду съ ними, проявляютъ и крайнюю неуравновѣшенность инстинктовъ, аппетитовъ и нравственныхъ качествъ. И замѣчательно, что иногда такія нравственныя уродства сопровождаются едва лишь уловимыми измѣненіями во внѣшнихъ формахъ тѣла, а иногда не наблюдается даже и вовсе никакихъ слѣдовъ физическихъ стигматъ.

Свое изложеніе какъ въ докладѣ, такъ и на конференціи Маньянтъ иллюстрировалъ многими чрезвычайно интересными клиническими наблюденіями. Вотъ одно изъ нихъ. Нѣкто Жоржета И... дѣвочка 12 лѣтъ. Она происходитъ отъ отца пьяницы и человѣка буйнаго; ея мать слабоумна. Сама она представляетъ собою типъ нравственно помѣшанной (*moral insanity*) съ многочисленными нравственными извращеніями: извращенія половыя, влеченія къ самоубійству и убійству, влеченіе къ кражамъ и пьянству. Внѣшняя же ея наружность имѣетъ пріятное выраженіе и не представляетъ стигматъ. Въ школѣ она не подчинялась никакой дисциплинѣ и съ трудомъ выучилась читать и писать. Съ 5-ти лѣтняго возраста она стала предаваться взаимному онанизму съ своими сотоварищами, а впослѣдствіи заманивала мужчинъ, давала имъ деньги и подчинялась всѣмъ ихъ фантазіямъ. Даже ея мать не была обезпечена отъ ея сладострастія и она дѣлала ей самыя дурныя предложенія.

Изъ числа вопросовъ практическаго характера, обсуждавшихся на конгрессѣ, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ былъ вопросъ, затронутый вторымъ докладомъ проф. Манувріе—о мѣстѣ уголовной антропологии. По его мнѣнію, уголовная антропология представляетъ собою одну изъ вѣтвей естественной исторіи человѣка. Она должна разрабатываться въ примѣненіи къ уголовному праву и должна служить ему свѣточемъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, она была еще только въ зачаточномъ состояніи, а потому и издаваемый ею свѣтъ былъ пока сравнительно не великъ.

Но преступный человѣкъ,—замѣтилъ докладчикъ,—представляетъ собою не большій интересъ, нежели человѣкъ, не совершавшій преступленій, а потому, если существуетъ уголовная антропология, то тѣмъ болѣе должна существовать юридическая антропология вообще, одну изъ вѣтвей которой и составляетъ антропология уголовная. Съ другой стороны, на ряду съ юридическою антропологіей должны разрабатываться и другія отрасли прикладной антропологии, какъ-то: антропология нравственности, антропология воспитанія, а впослѣдствіи и антропология политическая.

Таковы главныя положенія доклада проф. Манувріе. Нельзя не признать,—думается мнѣ,—что въ немъ проводится и развивается весьма плодотворная и важная мысль,—мысль о необходимости болѣе правильной постановки въ разработкѣ и преподаваніи общественныхъ наукъ вообще и юридическихъ въ частности. Всѣ эти науки имѣютъ въ основѣ своей че-

ловѣка въ различныхъ проявленіяхъ его физической и умственно-нравственной дѣятельности. Возьмемъ для примѣра уголовное право, которое не представляетъ собою въ этомъ отношеніи никакого исключенія въ ряду другихъ юридическихъ наукъ. Какъ наука прикладная, оно изучаетъ наилучшія средства для низведенія преступленій до возможнаго ихъ мінімумъа. Но въ преступленіи и его генезисѣ весь человѣкъ со всѣми особенностями его духовной жизни. Очевидно, поэтому, что точное изученіе дѣйствительнаго преступника во всемъ разнообразіи его разновидностей, и, притомъ, въ примѣненіи къ задачамъ уголовного права, и должно лежать въ основѣ этого послѣдняго. Только при такомъ условіи и могутъ получаться плодотворные результаты.

То же нужно сказать и о другихъ общественно-юридическихъ наукахъ, объектомъ которыхъ является все тотъ же человѣкъ, только изучаемый съ другихъ сторонъ своей дѣятельности и въ другихъ своихъ общественныхъ разновидностяхъ. Этимъ вполне и оправдывается мысль проф. Манувріе, что необходимо существованіе и преподаваніе различныхъ отдѣловъ антропологии и что необходима разработка ея въ примѣненіи къ различнымъ жизненнымъ цѣлямъ, иначе говоря, необходима разработка прикладныхъ антропологій. А, между тѣмъ, что мы видимъ въ дѣйствительности? Общественно-юридическія науки разрабатываются и преподаются независимо отъ ихъ основы—науки о человѣкѣ. Послѣдняя какъ бы предполагается извѣстной всѣмъ изучающимъ эти науки. Но такъ ли это? Возьмемъ фактъ дѣйствительности и онъ всего лучше отвѣтитъ намъ на нашъ вопросъ. Обратимся опять къ уголовному праву и спросимъ, что знаетъ занимающійся уголовнымъ правомъ, въ его теперешней классической формѣ, о генезисѣ преступленія и о дѣйствительныхъ преступникахъ—объектахъ его изученія? Что знаетъ онъ о тѣхъ болѣе или менѣе устойчивыхъ или преходящихъ особенностяхъ психо-физической организаціи, которыя, при данныхъ условіяхъ общественной жизни и создаваемыхъ ими жизненныхъ положеніяхъ, предрасполагаютъ къ преступленію вообще и различнымъ его видамъ въ частности? О нихъ изъ уголовного права, какъ изучается оно теперь, онъ не узнаетъ ровно ничего. Ничего не узнаетъ онъ и изъ его какихъ-либо вспомогательныхъ отдѣловъ. Теперешнее уголовное право, трактующее, между тѣмъ, о субъективной сторонѣ преступленія, не знаетъ дѣйствительнаго преступника въ условіяхъ его постепенной подготовки и развитія. На основаніи его данныхъ всѣ преступники представляются какими-то отвлеченными, всегда другъ другу и самимъ себѣ равными величинами, всегда вполне похожими и на всѣхъ прочихъ людей, о которыхъ поэтому легко судить по своему внутреннему опыту. Крупная ошибка. Тщательное наблюденіе и опытъ, напротивъ, учатъ насъ, что дѣйствительные преступники представляютъ, во-первыхъ, крайнее психическое разнообразіе, а, во-вторыхъ, что многіе изъ нихъ въ своихъ психическихъ особенностяхъ значительно отячаются даже отъ обыкновенныхъ среднихъ людей и что поэтому объ особенностяхъ большинства изъ нихъ вовсе нельзя судить на ос-

нованіи собственнаго внутренняго міра изслѣдователя. Для примѣра остановимся хотя бы на одной только психической особенности.

Исходя отъ своего внутренняго опыта, занимающійся изученіемъ уголовного права въ его классической формѣ представляетъ себѣ каждаго преступника, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не идетъ о преступленіи, совершенномъ вполне опрометчиво или подъ вліяніемъ аффекта, какъ чловека, у котораго сначала появился такъ называемый «злой умыселъ», сопровождавшійся оцѣнкой и предвѣдѣніемъ послѣдствій и даже отвѣтственности. Затѣмъ этотъ умыселъ, усиливаясь болѣе или менѣе быстро, дошелъ до степени рѣшимости и, наконецъ, перешелъ въ актъ «злой воли»—данное преступное дѣяніе. И дѣйствительно, будь этимъ совершителемъ самъ занимающійся уголовнымъ правомъ, то процессъ у него, можетъ быть, и пошелъ бы именно этимъ путемъ и, слѣдовательно, его внутренній опытъ не обманулъ бы его анализомъ. Но такъ ли бываетъ всегда? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Тщательное изученіе показываетъ намъ, что даже основная способность мышленія, а, слѣдовательно, и умственной жизни,—быстрота воспроизведенія представленій, быстрота ихъ хода чрезвычайно разнится какъ по различію временныхъ органическихъ состояній у одного и того же лица, такъ и по отдѣльнымъ индивидуумамъ,—разнится на столько, что дѣлаетъ почти несоизмѣримою умственную жизнь послѣднихъ. Въ то время, какъ у однихъ въ минуту появляется до 140, а, можетъ быть, и болѣе представленій, у другихъ не появляется ихъ и 15. Какъ низко падаетъ этотъ минимумъ, мы еще точно не знаемъ, потому что наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи оскудѣлыя разновидности хорошо еще не изслѣдованы. Мы знаемъ только, что вмѣстѣ съ истощеніемъ организма, какъ временнымъ, такъ и болѣе постояннымъ, идетъ и паденіе быстроты воспроизведенія представленій, которая, какъ показываютъ клиническіе случаи, можетъ доходить иногда до полнаго прекращенія возможности всякаго мышленія. Посмотримъ же теперь, каковы послѣдствія варіацій только одной этой основной способности мышленія, на которую, однако, при оцѣнкѣ преступленія не обращаютъ обыкновенно почти ни малѣйшаго вниманія. Послѣдствія эти видѣть не трудно. У одного, при появленіи по тому или другому поводу первичной мысли о совершеніи какого-либо преступленія, въ очень короткій періодъ времени воспроизводится много ассоциированныхъ представленій о различныхъ дурныхъ и непріятныхъ нравственныхъ и юридическихъ слѣдствіяхъ задумываемаго дѣянія,—представленій, всегда связанныхъ съ различными чувствованіями и душевными волненіями. Такимъ образомъ, у него въ короткій промежутокъ времени совершается многосторонняя работа и будетъ произведена болѣе или менѣе полная оцѣнка, многіе элементы которой могутъ вліять и дѣйствительно вліяютъ задерживающимъ и подавляющимъ образомъ на приливы возбужденія, обыкновенно соединяющагося съ представленіемъ о пріятности, напримѣръ, того или другаго обладанія. Не то въ другомъ случаѣ,—въ случаѣ дѣятельности крайне оскудѣлыхъ и дряблыхъ организацій. Мыслительная дѣятель-

ность, придающая осмысленность и разумность послѣдующимъ поступкамъ, и, притомъ, осмысленность и разумность тѣмъ большія, чѣмъ она интензивнѣе, у нихъ совершается иначе. Вслѣдствіе медлительнаго теченія представленій, въ большинствѣ случаевъ, они бывають органически не въ состояніи руководствоваться сколько-нибудь широкимъ предвѣдніемъ будущихъ слѣдствій своихъ дѣяній, ихъ всестороннею оцѣнкой съ ея задерживающими вліяніями. Вслѣдствіе этого, ихъ кругозоръ каждаго даннаго времени представляется крайне бѣднымъ и узкимъ и ихъ дѣятельность въ значительной мѣрѣ приобретаетъ инстинктивный характеръ и вовсе не сопровождается тѣмъ сколько-нибудь сложнымъ внутреннимъ процессомъ, который, между тѣмъ, часто предполагается у нихъ, при обсужденіи ихъ поступковъ. Прежде нежели успѣвають возникнуть у нихъ задерживающія контрастирующія представленія и связанныя съ ними чувствованія, возбужденіе, соединенное съ представленіемъ о различныхъ пріятныхъ обладаніяхъ, успѣваетъ уже достигнуть сравнительно значительной степени и безъ разсужденія, какъ бы машинально, опредѣляетъ ихъ къ дѣятельности.

Я привелъ въ примѣръ одну изъ элементарныхъ психо-физическихъ особенностей, но то же нужно сказать и о всѣхъ остальныхъ, какъ основныхъ, такъ и второстепенныхъ. Понятно поэтому, насколько важно, чтобы въ основѣ общественныхъ наукъ вообще и юридическихъ въ частности, поскольку въ нихъ дѣло касается особенностей человѣка и вліянія послѣднихъ, лежало не самонаблюденіе и внутренней опытъ авторовъ, а тщательное изученіе дѣйствительнаго человѣка въ его многочисленныхъ разновидностяхъ и въ многоразличныхъ дѣйствительныхъ условіяхъ его развитія. Понятно также, насколько важно, между прочимъ, и значительное измѣненіе въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ, обсужденіемъ котораго, по почину доклада проф. Манувріе, и занялся конгрессъ. При этомъ проф. Лакасанъ совершенно справедливо замѣтилъ, что юристы и медики, сходясь на однихъ и тѣхъ же вопросахъ, обыкновенно плохо понимаютъ другъ друга, потому что привычные приемы мышленія у нихъ различны: одни дѣйствуютъ преимущественно дедукціей, а другіе индукціей; одни исходятъ отъ опыта и наблюденія, а другіе отъ непровѣренныхъ общихъ положеній. У медиковъ есть аудиторіи, лабораторіи, аппараты, инструменты и клиники, тогда какъ у юристовъ только аудиторіи и библіотеки. Вредное неравенство, влекущее за собой неблагопріятныя общевидныя слѣдствія, для устраненія которыхъ необходимо, чтобы и на юридическихъ факультетахъ было введено преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ, принадлежащихъ къ отдѣлу естествовѣднія, въ объемѣ и въ примѣненіи къ потребностямъ обществовѣднія. Желательно, чтобы и студентовъ-юристовъ профессоръ могъ вести въ азили для душевно-больныхъ и въ тюрьмы и тамъ знакомить ихъ съ явленіями дѣйствительности и съ точными способами ихъ изслѣдованія, отъ чего правосудіе, конечно, только выиграетъ бы.

Въ основнымъ мыслятъ Манувріе и Лакасана горячо присоединился и

проф. Молешотъ, а также и проф. Бруардель. По мнѣнію перваго, въ наше время, когда естествознаніе вообще и естествознаніе человѣка въ частности сдѣлало такіе успѣхи и когда ихъ точные методы, дающіе блестящіе результаты, такъ развились, антропологія должна стать основою всѣхъ общественныхъ наукъ. Теперь уже, по мнѣнію проф. Молешота, нельзя быть истинно образованнымъ человѣкомъ безъ обширныхъ знаній о человѣкѣ. Но, предлагая введеніе преподаванія антропологіи на всѣхъ факультетахъ, онъ нѣсколько разошелся съ Манувріе и, вмѣсто юридической антропологіи, о которой говорилъ послѣдній, предложилъ преподаваніе общей антропологіи. При этомъ, повидимому, произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Проф. Манувріе говорилъ о прикладныхъ антропологіяхъ, предполагающихъ и знаніе антропологіи общей. Онъ говорилъ не только о разработкѣ прикладной юридической антропологіи, но и о разработкѣ антропологіи нравственности, антропологіи воспитанія и пр. А это представляетъ значительный шагъ впередъ, благодаря которому на ряду съ чистою наукой и на ея основаніи ставится и разработка науки прикладной въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ, порождаемыхъ потребностями жизни.

Замѣчательно, что мысль о необходимости измѣненій въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ и о введеніи въ него преподаванія антропологіи была настолько обща всѣмъ членамъ конгресса, что противъ нея не послышалось ни одного возраженія. Даже говорившіе юристы, напримѣръ, Тордъ, вполне присоединились къ ней. Поэтому конгрессъ безъ труда вотировалъ мнѣніе о необходимости преподаванія на юридическихъ факультетахъ судебной медицины, а также и антропологіи съ ея отдѣлами, которая, сверхъ того, должна преподаваться, по мнѣнію конгресса, и на всѣхъ остальныхъ факультетахъ.

Здѣсь не безынтересно отмѣтить также отношеніе къ новымъ теченіямъ директора французской тюремной администраціи—Эрбета. Обсуждая вопросъ о необходимости измѣненій въ характерѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, конгрессъ высказалъ пожеланіе, чтобы тюрьмы были открыты для посѣщеній ихъ профессорами со студентами, какъ это уже практикуется нѣкоторыми въ Италіи, и чтобы тѣла осужденныхъ предоставлялись для изученія. Пожеланія эти, высказанныя въ отсутствіи Эрбета, были потомъ повторены ему, какъ представителю высшей тюремной администраціи. Отвѣчая на поставленный ему вопросъ, онъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, въ принципѣ наука должна быть возможно болѣе свободна, потому что цѣль ея—отысканіе истины, и что онъ лично является всегда однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ этой возможно болѣе свободы. Но въ тюрьмѣ интересы изслѣдованія могутъ сталкиваться иногда съ интересами и правами заключенныхъ, а потому, входя въ нее, необходимо подвергаться нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ ней надо беречься нарушить права караемыхъ, которые особенно чувствительны къ этому, а также и права ихъ редственниковъ. Въ заключенныхъ нельзя видѣть только предметъ изученія; въ нихъ надо видѣть и людей, отбывающихъ наказаніе, которые

хотя и ограничены въ своихъ правахъ, но которые не утратили ихъ въполнѣ. Ни одного заключеннаго нельзя разсматривать какъ неисправимаго; напротивъ, надо всегда допускать возможность исправленія. Поэтому, хотя посѣщенія тюремъ лицами, изучающими преступниковъ, всегда могутъ быть допущены, но съ нѣкоторыми неизбѣжными ограниченіями. Получившіе разрѣшеніе должны быть подготовлены къ изслѣдованіямъ и должны тщательно остерегаться нарушать права и чувства заключенныхъ и возбуждать подозрѣнія въ простомъ любопытствѣ.

Вскрытія и изученіе тѣлъ умершихъ также не могутъ встрѣтить препятствій, пока этихъ тѣлъ не требуютъ родственники, имѣющіе на нихъ право. Если же такія требованія будутъ предъявлены, тѣла должны быть отданы семьямъ. Не то по отношенію къ опытамъ оживленія казенныхъ. Последніе, по мнѣнію Эрбета, не должны имѣть мѣста, потому что и предубѣжденія публики не могутъ быть въполнѣ игнорируемы.

Такъ примирялъ представитель французской тюремной администраціи требованія возможно широкаго научнаго изслѣдованія дѣйствительнаго преступника, какимъ его знаетъ тюрьма, съ требованіями тюремнаго порядка и уваженія чувствъ и правъ заключенныхъ, и, надо признать, примирялъ ихъ весьма удачно. Конгрессъ, согласившись съ доводами директора, благодарилъ его за правильное отношеніе къ научному изслѣдованію.

Другимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ практическаго характера, обсуждавшимся на конгрессѣ, былъ вопросъ, возбужденный крайне интереснымъ докладомъ др-а Семалиа объ условномъ осужденіи и условномъ освобожденіи.

До сихъ поръ общество въ своей борьбѣ съ преступленіемъ руководилось, по словамъ доклада, преимущественно идеями отищенія и устрашенія и имѣло въ виду только преступное дѣяніе, а личность самого преступника оставляло въ тѣни. Поэтому оно и удовлетворялось примѣненіемъ напередъ строго опредѣленныхъ постановленій уголовного кодекса. Въ настоящее время совершается переворотъ. На первый планъ выступаетъ личность самого преступника и преступленіе изучается какъ естественное явленіе, которое можно предупреждать, изучая его въ его соціальныхъ и индивидуальныхъ факторахъ. Отсюда вытекаютъ два положенія: 1) Если наказаніе не составляетъ главнаго объекта репрессивной системы, то для чего продолжать его, когда оно перестаетъ способствовать исправленію преступника? На этой мысли основывается условное освобожденіе. 2) Если жарательный режимъ направленъ къ возбужденію въ сердцѣ преступника чувствъ, временно заглушенныхъ, или къ порожденію ихъ вновь, то зачѣмъ примѣненіе наказанія, когда нравственное вліяніе достигнуто однимъ фактомъ осужденія? На этой мысли основывается условное осужденіе. Эти два на видъ весьма неважныя положенія на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ задатки радикальной реформы, которая стремится дать первенство суду надъ личностью передъ судомъ надъ ея дѣйствіями.

Можно предвидѣть ходъ развитія болѣзни, когда она изслѣдована, можно предвидѣть вліяніе лѣкарствъ, но нельзя опредѣлить напередъ часъ выздо-

рвления ранѣе того, какъ этотъ часъ насталъ. То же нужно сказать и о наказаніи. На какихъ, въ самомъ дѣлѣ, твердыхъ основаніяхъ можно опредѣлить напередъ, что данный преступникъ долженъ быть наказанъ именно столькими-то годами заключенія? Напротивъ, наказаніе всегда должно быть соразмѣряемо съ природою преступника, со степенью его развращенія и должно быть продолжаемо до его достаточнаго измѣненія, для чего, очевидно, необходимо условное заключеніе, т.-е. заключеніе, не опредѣляемое напередъ въ своей длительности и могущее продолжаться до исправленія осуждаемаго. Только при такомъ условіи и будетъ организовано дѣйствительно исправительное воспитаніе.

Заканчивая свой докладъ, докладчикъ замѣтилъ, что указанная реформа требуетъ и распространенія соответствующаго образованія, котораго теперь недостаетъ и при которомъ тюрьма, подъ эгидою науки, сдѣлается клиническимъ полемъ.

Здѣсь не безынтересно замѣтить, что сходные взгляды высказаны и международнымъ союзомъ уголовного права (Union Internationale de Droit Pénal), который въ своихъ принципахъ представляетъ, въ сущности, весьма крупную уступку антропологической школѣ. Эти взгляды высказаны какъ въ его статутѣ, такъ и на первомъ съѣздѣ его членовъ, имѣвшемъ мѣсто въ августѣ этого года въ Брюсселѣ и состоявшемъ изъ юристовъ.

По поводу доклада д-ра Семая я съ своей стороны высказалъ мысль о желательности передать, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тюремномъ заключеніи, опредѣленіе качественной и количественной стороны наказанія въ руки тюремной администраціи. Суду, который обстоятельно не изучаетъ и не можетъ изучать преступника, въ этихъ случаяхъ должно принадлежать лишь опредѣленіе того, совершено ли преступленіе и должны ли быть обвиняемый наказанъ за него. Все остальное должно уже зависеть отъ повседневно наблюдающей и изучающей преступника тюремной администраціи, подобно тому, какъ это существуетъ для госпиталей. Какъ должна быть организована тюремная администрація для такихъ рѣшеній и какими гарантіями она должна быть обставлена? — вопросъ другой, котораго я не коснулся. Впрочемъ, я высказалъ эту мысль лишь вскользь и не придавалъ ей формы предложенія, потому что хорошо понималъ, что для такой реформы время не пріспѣло еще и что традиціи скоро не измѣнятся.

Таковы были главные вопросы, затронутые парижскимъ уголовно-антропологическимъ конгрессомъ. Конечно, этотъ конгрессъ не далъ, да и не могъ дать какихъ-либо новыхъ неожиданныхъ рѣшеній. За то онъ ясно показалъ, что вопросъ о человѣческой преступности, тѣсно связанный съ болѣе общимъ вопросомъ о человѣческой обездоленности и вырожденіяхъ, изъ области метафизическихъ кабинетныхъ построеній, въ которой онъ такъ долго и бесплодно пребывалъ, перешелъ уже въ область точной науки и сосредоточилъ на себѣ вниманіе множества ученыхъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ образованнаго міра. Уже одинъ этотъ фактъ имѣетъ большое значеніе. Точная наука, занявшись изученіемъ явленій человѣческой преступ-

ности въ ихъ генезисѣ, не замедлитъ вскрыть передъ всѣми непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій и освѣтитъ темную область долгихъ чело-вѣческихъ страданій, тяжелаго горя, заброшенности, часто вынужденной развращенности и несчастія. При этомъ она укажетъ, конечно, гдѣ и въ чемъ кроются истинныя и глубокія причины чело-вѣческой порочности и преступности и каковы дѣйствительныя средства для борьбы съ ними. Этимъ самымъ она внесетъ значительную долю примиренія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и впишетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ въ обществовѣдѣніе. Начало этой главы, впрочемъ, уже вписано, и вписано при изученіи сосѣдней области, заселенной «двоюродными братьями» преступниковъ—душевно-больными, исторія которыхъ представляется для насъ крайне поучительною во всѣхъ отношеніяхъ.

Изъ сочиненій авторовъ начала этого вѣка мы узнаемъ, что вовсе не далеко отъ насъ то время, когда душевно-больные находились въ ужасномъ положеніи. Они смѣшивались съ преступниками, сажались и ковались цѣпями, подвергались всевозможнымъ лишеніямъ и самому жестокому обращенію, которое одно считалось достаточнымъ средствомъ укрощенія. Въ ихъ болѣзняхъ многіе видѣли результаты свободно-вольныхъ грѣховъ и источникъ ихъ разстройствъ часто искали исключительно въ духовной области. Но вотъ началось болѣе тщательное и всестороннее научное изученіе. И что же? Все преобразилось и тьма просвѣтлѣла. На мѣсто жестокости стало состраданіе, на мѣсто тяжелыхъ лишеній—разумный уходъ и забота, причемъ на первый планъ выдвинулись органическія разстройства и особенности больныхъ, образовавшіяся и слагавшіяся подъ вліяніемъ цѣлой массы неблагоприятныхъ условій предшествующей жизни, и не только жизни индивидуальной, но и родовой, противъ которыхъ и рекомендуются соотвѣтствующія мѣры. Прежде всего—широкія мѣры предупрежденія, входящія въ область душевной и тѣлесной гигиены, а затѣмъ и разумныя лечебныя средства. Когда все это, благодаря усиліямъ науки, свершилось, тогда исчезло многое множество ни на что и никому ненужныхъ страданій, которыя тяжело угнетали и безъ того угнетенныхъ судьбой. Обнаружились и сравнительно многочисленныя случаи излеченій и серьезныхъ улучшеній. Проиграло ли отъ того общество въ своей безопасности? Нисколько: оно ограждено больше прежняго. На это намъ могутъ замѣтить, что обѣ области не тождественны. Но мы и сами далеки отъ мысли утверждать нѣчто подобное. Мы говоримъ только, что онѣ родственны и требуютъ хотя далеко не одинаковыхъ, но въ значительной мѣрѣ однородныхъ мѣръ. И надо надѣяться, что теперь уже не далеко то время, когда и въ области чело-вѣческой преступности, какъ прежде въ области душевныхъ болѣзней, постепенно совершится уже начавшійся переворотъ въ общественныхъ взглядахъ, когда на первый планъ выступятъ широкія мѣры предупрежденія, направленныя на уничтоженіе источниковъ чело-вѣческой преступности, а на ряду съ ними выступятъ и мѣры исключительно разумнаго исправленія.

Дмитрій Дриль.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый выигрышный заемъ.—Облегченіи заемщикамъ дворянскаго банка.—Новыя ходатайства въ пользу дворянства.—Вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное ведомство.—Дворянство и земство по отношенію къ народной школѣ.—Дѣло объ обвалѣ дома на Кузнецкомъ мосту.—А. С. Лашкевичъ †.—А. Д. Градовскій †.—VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Во главѣ обзора, посвященнаго послѣднему мѣсяцу, необходимо поставить новый выигрышный заемъ и новыя правила относительно ссудъ, выдаваемыхъ и уже выданныхъ ранѣе дворянскими банками. Успѣхъ займа съ выигрышами, хотя и выпускаемаго по цѣнѣ 215 за 100, не могъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ успѣхъ подобнаго займа гарантируется уже состояніемъ рынка и не экономическими соображеніями публики, но увлеченіемъ, призракомъ выигрыша. Такъ, всякая лотерея и всякая игра въ общемъ безусловно невыгодны, а, между тѣмъ, находятъ охотниковъ въ нихъ участвовать. Нежеланіе рассчитывать на подобное увлеченіе и препятствовало въ теченіе 23 лѣтъ выпуску новаго лотерейнаго займа, несмотря на затруднительные для финансовъ моменты, бывшіе въ этотъ періодъ времени, несмотря даже на настоятельную нужду въ новыхъ средствахъ, какая оказывалась во время войны.

Успѣхъ выигрышнаго займа не имѣетъ финансоваго значенія, которое можетъ представлять лишь удачная реализація займовъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Въ послѣднее время восточные займы, приносящіе 5%, стоятъ на полфиннигъ ниже пари, а, между тѣмъ, толпа осаждаетъ банки и почти съ бою захватываетъ новые закладные листы дворянскаго банка, которые будутъ давать 2½%. Очевидно, что успѣхъ относится не къ кредиту, но исключительно къ лотереѣ. Выпускъ сопровождался еще второстепенными условіями, которыя усилили успѣхъ. Первымъ изъ нихъ была выгодность выпускной цѣны листовъ сравнительно съ биржевою цѣной прежнихъ билетовъ. Въ то время, какъ прежніе два выигрышные займа стояли по 258 и 235½, новый выпущенъ по 215 за сто. Вслѣдъ за этимъ выпускомъ, прежніе выигрышные билеты упали—первый на 15 р. 60 к., второй на 5¼ р. (куплены на биржѣ по 242 р. 40 к. и по 230 р.); отсюда можно предположить, что приобретатели дворянскихъ закладныхъ

листовъ получать биржевой преміи около 15 р. Но и эта премія не будетъ имѣть финансоваго значенія, такъ какъ реализируютъ ее только спекуляторы, подписавшіеся для продажи, публика же остается при бумагѣ, приносящей $2\frac{1}{2}$ процента.

Отиѣтимъ мимоходомъ относительно - сильное паденіе 1-го выигрышнаго займа: появленіе третьяго такого же займа, очевидно, заставило цѣну перваго приблизиться къ цѣвѣ втораго. Большая разница, бывшая между прежними цѣнами, объяснялась отчасти большимъ числомъ билетовъ 1-го займа, уже попавшихъ въ тиражи, нѣсколько болѣе выгодными условіями, а отчасти, вѣроятно, болѣе прочнымъ съ самаго начала помѣщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, первое преимущество теперь оспариваютъ у 1-го займа дворянскіе закладные листы, которыхъ выпущено только на 80 милл. р., между тѣмъ какъ перваго займа и теперь осталось еще въ обращеніи на 85 мил. р. Выигрышный дворянскій заемъ приравненъ въ условіяхъ погашенія и тиража ко 2-му изъ двухъ прежнихъ.

Другая выгода для подписчиковъ на новый заемъ и представлялась именно въ этомъ ограниченіи ихъ выпуска — числомъ меньшимъ, чѣмъ обращеніе каждаго изъ прежнихъ выигрышныхъ займовъ, что на первые годы, хотя и незначительно, усиливаетъ вѣроятность выигрыша. Наконецъ, первый тиражъ погашенія для выигрышныхъ закладныхъ листовъ отложенъ до 1896 года, такъ что пріобрѣтатели въ теченіе 6 лѣтъ освобождены отъ издержки на страхованіе. За то въ 1896 году, когда количество прежнихъ выигрышныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, уменьшится, а для закладныхъ листовъ начнется тиражъ, они лишатся первоначальныхъ своихъ преимуществъ. Прочія условія новаго выигрышнаго займа тѣ же, что и займа 1866 года.

При совершенной несомнѣнности успѣха новаго выпуска, кажется слишкомъ высокою та коммисіонная премія въ $2\frac{1}{2}$ милл. руб., которая была предоставлена банкирамъ. Непонятно даже, для чего тутъ требовать содѣйствія частныхъ банковъ, когда несомнѣнно, что и при подпискѣ исключительно въ одномъ банкѣ государственномъ и его конторахъ оказалась бы необходимой разверстка. Для доставленія же мелкимъ капиталистамъ болѣе легкаго доступа къ подпискѣ, гораздо лучше было допустить ее въ уѣздныхъ казначействахъ. Если уже признано необходимымъ содѣйствіе частныхъ банковъ, то почему же только трехъ петербургскихъ, пріобрѣтшихъ какъ бы вообще привилегію по реализаціи займовъ? Такая привилегія, естественно, содѣйствуетъ высокой цѣнѣ акцій тѣхъ банковъ. Такъ, на этотъ разъ, какъ только петербургская биржа узнала о займѣ и о посредничествѣ въ немъ трехъ частныхъ банковъ, то цѣны ихъ акцій поднялись съ 655 до 678, съ 542 до 562 и съ 707 до 723, — повышеніе, составившее отъ 10 до 23 рублей!

При этомъ случаѣ нельзя не остановиться еще на одной частности: ее представляетъ крайняя проникательность биржи. Еще дней за 10 до объявленія о займѣ билеты выигрышныхъ займовъ стали падать и это

объяснялось именно слухомъ о предстоящемъ выпускѣ новаго лотерейнаго займа для оказанія пособія должникамъ дворянскаго банка. Такъ какъ мы заговорили о биржѣ, то упомянемъ еще, что выпускъ новаго займа произвелъ подъемъ курса нашего рубля въ Берлинѣ, вслѣдствіе явившейся тамъ потребности въ русскихъ деньгахъ для подписки; на нашихъ же биржахъ новый заемъ вызвалъ паденіе не только прежнихъ выигрышныхъ билетовъ, но и фондовъ вообще, такъ какъ явилась общая наклонность къ продажѣ бумагъ, приносящихъ 5%, для приобрѣтенія бумагъ, которыя будутъ давать $2\frac{1}{3}\%$.

Третья, наконецъ, выгода и удобство для подписчиковъ на новый заемъ заключались въ маломъ размѣрѣ залога (12 р. 50 к. изъ суммы 215 р.) и въ допущеніи къ участию въ майскомъ тиражѣ выигрышей тѣхъ подписчиковъ съ разсрочкою, которые внесутъ изъ 215 р. всего 80 руб., причѣмъ платежи разсрочены по 4%. Здѣсь государственный банкъ какъ бы воспользовался тою операціей, какую практикуютъ банкирскія конторы, т.-е. продажей выигрышныхъ билетовъ въ разсрочку съ малымъ первоначальнымъ взносомъ, но съ правами выигрыша, а также съ удержаніемъ перваго взноса въ случаѣ непоступленія остальныхъ.

И такъ, вообще, надо признать, что всѣ условія были придуманы съ дѣйствительно биржевою находчивостью для того, чтобы успѣхъ новаго займа былъ блестящій. Но, собственно говоря, нѣтъ особой пользы отъ технической ловкости при комбинаціи выпуска. Въ Петербургѣ, въ первый же день, въ банкѣ государственномъ и трехъ привилегированныхъ частныхъ подписка превзошла 1100 милліоновъ рублей. Въ общемъ же она превысила двойную противъ этой цифру. Пользы отъ этого, все-таки, нѣтъ никакой, кромѣ наружнаго блеска, который опять-таки не можетъ имѣть особаго значенія, такъ какъ дѣло идетъ о лотереѣ. Напротивъ, громадное и бесполезное передвиженіе капиталовъ приноситъ выгоду только банкирамъ, а въ публикѣ лишь возбуждаетъ вредную игорную горячку. Если бы залогъ былъ опредѣленъ въ 40 р., а сумма взносовъ для участія въ первомъ тиражѣ—95 р., то заемъ все равно бы удался, хотя блеска въ результатѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и горячки среди публики было бы менѣе. Между тѣмъ, сдѣлано было такъ, что изъ пяти взносовъ четыре опредѣлены въ 40 руб. каждый (первый—со включеніемъ залога), кромѣ взноса 1 мая, который назначенъ въ 55 р. Такимъ образомъ, все благопріятствовало тому, чтобы люди съ малыми сбереженіями не приобрѣтали себѣ просто листы по 215 р., оплаченные впередъ, но рассчитывали на участіе въ тиражахъ перваго года двумя или тремя листами, съ тѣмъ, чтобы окончателно оставить себѣ изъ нихъ одинъ. Легко было бы привести расчетъ въ доказательство, что такой мелкій капиталистъ, если имѣетъ въ рукахъ 255 руб. и черезъ полтора года можетъ доплатить еще 40 руб., то, благодаря правиламъ о разсрочкѣ и участіи въ выигрышахъ, онъ можетъ участвовать въ первыхъ двухъ тиражахъ тремя листами, сохранивъ затѣмъ себѣ одинъ на третій тиражъ и послѣдующіе. Такая операція весьма заманчива, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы-

годна въ окончательномъ результатѣ только для банкировъ. Вотъ почему въ облегченіяхъ, оказанныхъ для подобной мелкой спекуляціи на выигрыши, нельзя видѣть пользы.

Обратимся теперь къ значенію этого займа по той особой цѣли, для которой онъ предназначенъ. Высочайшій указъ 12 октября упоминаетъ о заслугахъ дворянства и о «новомъ служеніи государству въ мѣстномъ управленіи», какое на него возложено недавно обнародованнымъ закономъ 12 іюня о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Затѣмъ, ссылаясь на испытываемыя значительною частью помѣстнаго дворянства хозяйственными затрудненія, указъ излагаетъ тѣ облегченія, какія будутъ предоставлены дворянскимъ банкомъ его нынѣшнимъ и будущимъ заемщикамъ, при помощи выпущеннаго нынѣ займа. Въ заключеніе, въ указѣ предписывается не допускать накопленія недоимокъ банку болѣе предѣловъ, указанныхъ въ положеніи о банкѣ и въ новыхъ правилахъ о взысканіи съ неисправныхъ его заемщиковъ.

Изложимъ теперь вводимыя для заемщиковъ-дворянъ облегченія. Уплачиваемый ими доселѣ интересъ въ размѣрѣ 5% понижается до 4½, причемъ сроки самыхъ займовъ удлинятся на 3 года и 1 мѣсяць для платящихъ въ погашеніе ½ процента въ годъ и 1 годъ 9 мѣсяцевъ для платящихъ въ погашеніе 1 процентъ. Ссуды, которыя доселѣ выдавались заемщикамъ залладными листами, причемъ терялись 2 рубля на реализацію тѣхъ листовъ, впредь будутъ выдаваться наличными деньгами въ полномъ размѣрѣ, а прежнимъ заемщикамъ банка, для уравненія, назначается бонификація въ 2 процента съ номинальной суммы выданной имъ ссуды, то-есть по 2 р. на каждые 100 рублей. Эта бонификація не выдается на руки, но обращается въ уплату, во-первыхъ, по срочному платежу на 1 ноября текущаго года (по каждому имѣнію отдѣльно), а затѣмъ — по всѣмъ недоимкамъ по то же число. Далѣе, если этихъ 2% окажется недостаточно для покрытія недоимокъ, то вся остальная часть послѣднихъ не взыскивается ни въ настоящее время, ни въ теченіе всего срока ссуды, т.-е. въ 38 лѣтъ или 51 годъ, но отсрочивается и приписывается къ капитальному долгу безъ всякихъ процентовъ, — до конца срока займа. По истеченіи же этого срока, заемъ продолжается на все время, необходимое для поступленія этихъ недоимокъ, съ уплатой ихъ въ размѣрѣ прежнихъ полугодовыхъ платежей.

Наконецъ, самое взысканіе по новой неисправности обставлено въ правилахъ еще нѣкоторыми льготами. Въ особомъ «положеніи» о расчетахъ за прежнее время сказано, что новыя правила о взысканіи (утвержденные 26 іюня нынѣшняго года, но только теперь опубликованныя) будутъ прижизнены «со всею строгостью» только къ тѣмъ заемщикамъ, которые окажутся неисправными начиная съ 1 мая 1890 года. По этимъ правиламъ, банку еще предоставляется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, давать отсрочку на продажу имѣнія на 3 мѣсяца или совсѣмъ отиѣнять эту продажу, если она уже назначена, но недоимка не превышаетъ полугодоваго платежа. Во вся-

комъ же случаѣ, заложенное имѣніе можетъ быть продаваемо, съ согласіемъ владѣльца, по частямъ. При продажѣ имѣнія потомственному дворянину, на него переводится ссуда на весь ея срокъ; но если приобретателемъ имѣнія съ торговъ будетъ не дворянинъ, то онъ обязанъ уплатить банку весь долгъ въ опредѣленный правилами двухнедѣльный или мѣсячный срокъ.

Всѣ эти облегченія составляютъ въ совокупности нѣчто весьма существенное. Прежде всего, дворянскій банкъ прямо даритъ всѣмъ своимъ исправнымъ и неисправнымъ заемщикамъ по 2 рубля съ 100 полученной ими ссуды. Со времени открытія дѣйствія банковъ дворянскаго и крестьянскаго по 1 число истекшаго мѣсяца дворянскимъ банкомъ было выдано ссудъ на 216.529,300 рублей, а крестьянскимъ, несмотря на болѣе продолжительное его существованіе, только на четверть предшествующей суммы, а именно—на 57.124,675 рублей. Уступка въ $\frac{1}{2}$ процента дворянамъ составитъ нѣсколько болѣе 1 милліона рублей въ годъ. Отчего бы не сдѣлать такой же уступки заемщикамъ крестьянскаго банка, что потребовало бы примѣрно четверть милліона и даже менѣе, если бы нѣсколько продлить срокъ займовъ крестьянъ, то-есть сдѣлать въ ихъ пользу такую же конверсію, какая была сдѣлана для государственнаго казначейства, по его займамъ, а въ настоящее время сдѣлана въ пользу заемщиковъ дворянскаго банка?

Но самое крупное облегченіе для послѣднихъ составляетъ, безъ сомнѣнія, сложеніе въ настоящемъ накопившихся недоимокъ и перенесеніе ихъ на отдаленное время, даже на цѣлые полвѣка, если ссуда дана годъ тому назадъ. Теперь говорятъ, что заемщики ожидали безусловнаго сложенія невнесенныхъ ими платежей, а, между тѣмъ, сдѣлано такъ, что имъ же самимъ придется когда-нибудь внести эти платежи. Но дѣло въ томъ, что недоимки, вѣдь, не причисляются просто къ капитальному долгу, что уже само составляло бы безпримѣрное облегченіе: онъ переносится на конецъ всего времени займа—безъ процентовъ, а въ теченіе 22 лѣтъ одни проценты въ размѣрѣ $4\frac{1}{2}$ на сто покрыли бы весь капиталъ недоимки. И такъ, это собственно не причисленіе недоимки къ капитальной суммѣ, но именно сложеніе недоимки въ настоящемъ. Правда, что послѣ конца ссуды, лѣтъ черезъ 40 или 50, недоимки будутъ взыскиваемы въ размѣрѣ прежнихъ полугодовыхъ платежей. Но это занесено въ правила, очевидно, уже только для соблюденія принципа, для избѣжанія такой прямой постановки, что банкъ прощаетъ недоимку должникамъ. Что будетъ черезъ 40 и 50 лѣтъ—неизвѣстно. На такіе сроки люди строятъ на свой счетъ дома на арендованной землѣ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи срока строенія безвозмездно переходили къ собственнику земли. Неизвѣстно, каково будетъ хозяйственное положеніе заемщиковъ дворянскаго банка черезъ нѣсколько десятилѣтій и будетъ ли достаточный поводъ въ то время окончательно сложить съ нихъ недоимки, накопленные прежними владѣльцами полвѣка назадъ. Пока извѣстно лишь одно, именно, что всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ взятія ссудъ нынѣшними владѣльцами пришлось уже освобождать ихъ отъ бремени недоимокъ.

Какъ велика въ настоящее время общая сумма недоимокъ дворянскому банку — неизвѣстно. Но самый выпускъ займа свидѣтельствуетъ, что ихъ размѣры должны доходить до нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Выпуская 800 тысячъ выигрышныхъ закладныхъ листовъ по 215 рублей и уплачивая банкирамъ за комиссію $2\frac{1}{2}$ милліона, банкъ получить въ результатѣ 169 $\frac{1}{2}$ м. р. Прибавляя же сюда проценты, внесенные впередъ покупателями въ разсрочку, можно принять сумму въ 170 м. р. Часть этой суммы, примѣрно $21\frac{1}{2}$ м. р., вѣроятно, придется употребить на составленіе особаго фонда въ 5% бумагахъ того же дворянскаго банка, изъ нынѣ принадлежащихъ банку государственному, для возмѣщенія процентами этого фонда того полупроцента, который дворянскій банкъ, обязанный платить 5% по выпущеннымъ невыигрышнымъ закладнымъ листамъ, долженъ будетъ принять на свой счетъ, такъ какъ заемщики будутъ ему платить уже только $4\frac{1}{2}$ %. Такъ какъ бонификація 2-хъ процентовъ на всю сумму выданныхъ сеудъ обращается въ зачетъ недоимокъ и перваго срочнаго платежа, то нѣтъ причины считать отдѣльно потребнаго на нее расхода, составляющаго 4 $\frac{1}{2}$ м. р. Этотъ расходъ входитъ въ сумму пожертвованія банка на снятіе недоимокъ.

Изъ 148 милліоновъ, сверхъ капитализаціи по 5% расходовъ на проценты, погашеніе въ 36 лѣтъ и ежегодные выигрыши, останутся еще нѣсколько милліоновъ (какъ говорятъ, 3 мил. р.), чтобы покрыть это пожертвованіе банка по сложенію недоимокъ.

Въ сравненіи съ этимъ облегченіемъ для неисправныхъ плательщиковъ, даже и самое пониженіе процента составляетъ второстепенное дѣло. Дворянскій банкъ, какъ государственный, могъ бы, конечно, найти эти нѣсколько милліоновъ въ бюджетѣ и безъ выпуска выигрышнаго займа. Въ яномъ положеніи находится земельный банкъ общественный. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣла петербургскаго городского кредитнаго общества пришли въ разстройство по неисправности платежей заемщиковъ, министерство финансовъ, правда, дало свое согласіе на облегченіе ихъ, но только въ видѣ продленія срока займовъ. О сложеніи недоимокъ, конечно, не было и рѣчи, но и переходъ заемщиковъ на удлинненный срокъ былъ обусловленъ такъ, что для того, чтобы воспользоваться уменьшеніемъ платежей на погашеніе, они обязаны были прежде цѣлкомъ внести всю накопившуюся недоимку. Такимъ образомъ, помощь была оказана только тѣмъ, кто нуждался въ ней менѣе, а остальные были ликвидированы. Объяснялось это обстоятельство такимъ соображеніемъ, что тѣ домовладѣльцы, которые не въ состояніи внести недоимку, не могутъ поправить своихъ дѣлъ и уменьшеніемъ будущихъ платежей, а, стало быть, лучше очистить положеніе, пустивъ ихъ дома въ продажу. Въ результатѣ оказались значительныя потери для банка, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на продаваемые въ большомъ числѣ дома. Съ неисправными заемщиками дворянскаго банка поступлено съ истинною снисходительностью. Остается только пожелать, чтобы тѣ хозяйства, которыя при размѣрѣ интереса съ 5 на 100 пришли въ

разстройство и накопили недоимки, кореннымъ образомъ улучшились отъ уступки полтинника на каждые 100 руб. платежа въ годъ и не накопили новыхъ недоимокъ.

Впрочемъ, именно дворянскій банкъ, которому нынѣ было разрѣшено прибѣгнуть къ столь чрезвычайному средству, какъ внутренній заемъ, для помощи помѣстному дворянству, самъ собралъ недавно нѣкоторыя, весьма поучительныя свѣдѣнія о состояніи хозяйства у его заемщиковъ. Въслѣдствіе приглашенія банка заемщикамъ, онъ получилъ также свѣдѣнія относительно нѣсколькихъ сотъ заложенныхъ въ немъ имѣній. И вотъ изъ этихъ-то данныхъ добываются слѣдующія среднія цифры: 1 голова рабочего скота приходится на 25 десятинъ усадебной земли, 1 голова крупнаго скота на 8, дес. и 1 голова скота мелкаго на 4 дес. Въ Тульской губерніи приходится 1 плугъ на 74 дес., одна соха на 62 дес., одна телега на 45½ дес.; сельско-хозяйственныхъ же машинъ разнаго рода приходится по 1 каждая рода на сотни десятинъ. Въ виду такихъ цифръ, падаютъ всѣ разсужденія объ экономическомъ преимуществѣ крупнаго сельскаго хозяйства передъ мелкимъ.

Если бы въ самомъ дѣлѣ принять, что владѣльцы-дворяне держатъ только по одной рабочей лошади на 25 дес. удобной земли и по одной коровѣ на 9 десятинъ, то пришлось бы признать, что какъ и уваживаніе, такъ и обработка земли у владѣльцевъ-дворянъ гораздо хуже, чѣмъ у крестьянъ. Понятно, однако, что въ однихъ имѣніяхъ приведенныя относительныя цифры должны быть удвоены, въ иныхъ, быть можетъ, утроены—по той причинѣ, что удобная для пахоты земля не вся распахивается или частью сдается, или обрабатывается исполу крестьянскимъ инвентаремъ. Наиболее краснорѣчивая, однако, средняя цифра та, которая выражаетъ отношеніе крупнаго скота къ землѣ. Если даже принять, что только меньшая половина удобной земли обсеивается, то и въ такомъ случаѣ надо признать, что крупное хозяйство ведется у насъ крайне непроизводительно.

Неудивительно при этомъ и накопленіе недоимокъ. А недоимки крупнаго землевладѣнія замѣчаются не только въ платежахъ земельнымъ банкамъ, но и въ земскихъ сборахъ, и представляютъ собой странный диссонансъ съ возростаніемъ претензій. На недавней сессіи екатеринославскаго дворянскаго собранія разсматривался вопросъ о взиманіи дворянскаго сбора съ земель, продаваемыхъ дворянами и переходящихъ въ руки не-дворянъ. Рѣчь была объ особомъ сборѣ, который екатеринославское дворянство установило (по попятій съ десятины на 15 лѣтъ) на воспитаніе дѣтей нуждающихся дворянъ. Ясно, что къ распространенію этого, какъ и всякаго иного сословнаго сбора на земли, составляющія собственность лицъ иныхъ сословій, нѣтъ никакого юридическаго основанія. Замѣтимъ при этомъ, что дворянскія учрежденія привлекаютъ, безъ указанія на то въ законѣ, къ платежу дворянскихъ сборовъ дома, принадлежащіе въ городахъ дворянамъ, хотя бы эти домовладѣльцы принадлежали даже къ дворянству иныхъ

губерній. Между тѣмъ, всякій дворянскій налогъ, по самому своему юридическому происхожденію, есть налогъ съ личности, сборъ съ людей, принадлежащихъ къ извѣстому сословію и пользующихся его правами. Немыслимо платить налогъ въ пользу учрежденій такихъ обществъ, къ которымъ самъ не принадлежишь. Что, затѣмъ, этотъ налогъ, личный по своей сущности, раскладывается на земли, даннымъ лицамъ принадлежащія, это сущности его нисколько не измѣняетъ: такъ какъ онъ служитъ для нуждъ данной мѣстной корпораціи, то и можетъ быть взимаемъ правильно только съ такихъ лицъ, которыя къ той корпораціи принадлежатъ и не чужды нуждъ ея.

Если же допустить, что такая-то земля, бывшая во владѣніи дворянина, остается «дворянскою землею» и по переводѣ въ другія руки, и обязана сословнымъ платежомъ именно какъ дворянская земля, кому бы она ни принадлежала, то это значило бы видѣть въ имѣніяхъ всѣхъ нашихъ дворянъ такъ называемыя въ Пруссіи «рыцарскія вотчины» (Rittergüter). Между тѣмъ, нашему законодательству извѣстны «заповѣдныя имѣнія» (майораты), но совершенно неизвѣстенъ институтъ «дворянской земли». Министерство юстиціи, рассмотрѣвъ претензію екатеринославскаго дворянства, не признало ея основательности, и вотъ въ настоящее время дворянство разсматривало это дѣло снова. И что же оказалось? Оказалось, что и по прежнимъ-то дворянскимъ сборамъ состоятъ въ недоимкѣ 70 процентовъ, т. е. почти $\frac{3}{4}$ годового оклада! И такъ, въ то самое время, когда притязанія дворянства растутъ, дѣйствительность показываетъ, что и ближайшими-то своими, корпоративными интересами и дѣлами дворянство небрежетъ.

Изъ тѣхъ же сужденій, бывшихъ на сессіи, оказалось, что земля быстро уходитъ изъ рукъ дворянъ, такъ что если покупатели ея не будутъ обязаны платить упомянутый особый сборъ, то могутъ не оправдаться благотворительные, хотя и сословные только, расчеты относительно производства пособій на воспитаніе. Вотъ почему екатеринославское дворянство, все-таки, рѣшило, что слѣдуетъ взимать сборъ съ имѣній, переходящихъ къ лицамъ иныхъ сословій, но взимать его, при продажѣ, сразу за 15 лѣтъ. Положимъ, сумма сбора въ 1 коп. съ десятины не велика. Но тѣмъ проще, казалось бы, самимъ наличнымъ въ настоящее время дворянамъ-земле-владѣльцамъ уплатить его за 15 лѣтъ впередъ. Тогда не представлялось бы нужды облагать имъ лица другихъ сословій, да и предполагаемыя пособія были бы вѣрнѣе обеспечены. Между тѣмъ, насчетъ недоимокъ не было и теперь рѣшено ничего, и выходитъ, что съ лицъ другихъ сословій, покупающихъ земли у дворянъ, полагается взимать сборъ за 15 лѣтъ впередъ, а съ самихъ дворянъ и всѣ-то сословные сборы за текущіе годы останутся на три четверти въ недоимкѣ. Будущіе воспитанники дворянства могутъ только желать, чтобы по возможности большая часть земли уходила изъ рукъ дворянъ, такъ какъ только это и можетъ обезпечить прочность выдачъ пособій.

Тѣмъ не менѣе, облегченія, дарованныя заемщикамъ дворянскаго банка,

при помощи новаго займа (котораго мысль, какъ сообщаетъ *Гражданинъ*, принадлежала А. А. Абазѣ, но ближайшая обработка въ смыслѣ блестящаго биржеваго успѣха несомнѣнно вышла изъ министерства финансовъ) столь велики, что послѣдствіемъ не могутъ не быть дальнѣйшія требованія и иллюзіи со стороны дворянскаго землевладѣнія. Такъ, та же газета теперь уже высказываетъ мнѣніе, что такъ какъ заемщикамъ дворянскаго банка помощь была оказана такъ легко и просто, то слѣдовало бы оказать такую же помощь и дворянамъ-заемщикамъ взаимнаго поземельнаго кредита. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, эти заемщики, не хуже заемщиковъ того банка, принадлежать къ помѣстному дворянству; справедливо ли, чтобы они оставались «закованные желѣзными цѣпями въ темницѣ золотого банка и, какъ грѣшникъ въ евангельской притчѣ, вопіющій изъ ада къ Аврааму, слышали ужасное слово о пропасти, раздѣляющей ихъ отъ заемщиковъ дворянскаго банка?»

Но если бы удовлетворить и это требованіе такъ же «легко и просто», а именно—посредствомъ новаго выигрышнаго займа, а то и еще проже—посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, которые не платятъ и двухъ процентовъ, представляя собой заемъ еще болѣе дешевый, то, все-таки, и тогда не всѣ желанія дворянства были бы удовлетворены. Желанія эти, естественно, возрастали и еще будутъ возрастать. Такъ, харьковское губернское дворянское собраніе въ нынѣшней сессіи, не внявъ голоосу г. Гордѣенко, высказавшаго, что «дворянство не должно стремиться къ исключительнымъ правамъ и сословнымъ привилегіямъ», съ восторгомъ (по отзыву газетъ) и единогласно приняло предложеніе г. Капниста—ходатайствовать объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній выше извѣстнаго размѣра, который можетъ доставить безбѣдное существованіе семьямъ дворянъ; затѣмъ объ освобожденіи дворянъ отъ пошлины при переходѣ имѣній по наслѣдству и при куплѣ-продажѣ между дворянами, объ охраненіи дворянскихъ имѣній отъ перехода въ руки другихъ сословій—такими же законами, какіе существуютъ для охраненія крестьянской земельной собственности; наконецъ, о запрещеніи продавать имѣнія дворянъ за долги, съ тѣмъ, чтобы имѣнія несостоятельныхъ дворянъ поступали въ вѣдѣніе опекунскаго совѣта. Что-нибудь изъ двухъ: или харьковское дворянство поголовно убѣждено, что никому изъ его членовъ не придется дѣлать долговъ, ни продавать имѣнія, въ такомъ случаѣ, не о чемъ и ходатайствовать; или же, предвидя такую возможность, оно хочетъ ее устроить такъ, чтобы дворянамъ никто не давалъ въ долгъ и чтобы имѣнія они могли бы продавать только сосѣдямъ, за полцѣны. Не понимаемъ также, какіе законы, охраняющіе неприкосновенность крестьянской земли, могли бы быть примѣнены къ дворянскимъ имѣніямъ? Если здѣсь разумѣется земля общинная, то, вѣдь, она не составляетъ собственности лицъ, ею пользующихся; всякая же иная крестьянская земля вовсе не неотчуждаема въ руки другихъ сословій.

Очевидно, мы находимся въ новой фазѣ «ходатайствъ». Нѣсколько лѣтъ прошли въ ходатайствахъ разныхъ фабрикантовъ объ оказаніи имъ прави-

тельственной помощи въ видѣ мѣръ частью покровительственныхъ. Теперь пошли въ ходъ ходатайства дворянскія. Замѣчательно, однако, какъ мало эти послѣднія, по существу своему, отличаются отъ первыхъ.

Кстати, по поводу ходатайствъ. *Московскія Вѣдомости* выступили съ статьями противъ незаконныхъ будто бы ходатайствъ земскихъ собраний и городскихъ думъ объ оставленіи въ силѣ и на прежнихъ основаніяхъ нашихъ мировыхъ учреждений. *Русскія Вѣдомости* съ большимъ знаніемъ дѣла и съ полнѣйшею доказательностью опровергнули мнѣніе *Моск. Вѣд.* Приведемъ слѣдующую справку, которая устраняетъ всякія сомнѣнія и колебанія въ этомъ отношеніи. Рекомендуемъ дѣятелямъ нашего земскаго и городского самоуправления прочесть слѣдующее разъясненіе правительствующаго сената: «Правительствующій сенатъ призналъ, что вообще къ постановленіямъ земскихъ собраний о представленіи правительству ходатайствъ начальникомъ губерніи не можетъ быть примѣняема ст. 7 пол. о земскихъ учр., такъ какъ по смыслу сей статьи земскія учрежденія не могутъ лишь дѣлать распоряженія и постановлять опредѣленія по такимъ дѣламъ, кои закономъ отнесены къ обязанности правительственныхъ, сословныхъ или общественныхъ властей и учреждений; представленіе же правительству ходатайствъ не относится къ числу дѣлъ, возложенныхъ исключительно на помянутыя власти или учрежденія, а составляетъ по закону (пол., ст. 2, п. 12) одно изъ правъ земскихъ собраний. Такимъ образомъ, постановленіе уѣзднаго земскаго собранія о принесеніи правительству ходатайства, какъ фактъ, независимо отъ содержанія ходатайства, не можетъ быть признано незаконнымъ; рассмотрѣніе же существа каждаго ходатайства земства и опредѣленія, насколько предметъ этого ходатайства относится къ кругу дѣлъ, земству ввѣренныхъ, и соотвѣтствуетъ ли выражаемое земствомъ желаніе общимъ государственнымъ пользамъ, относится къ обязанности не губернскаго начальства, а тѣхъ высшихъ правительственныхъ лицъ и учреждений, къ коимъ обращено самое ходатайство» (цитируемъ по сборнику узаконеній, относящихся до земскихъ учреждений, г. Андогскаго, изд. 2-е, стр. 7).

Вслѣдъ за изданіемъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ, духовнымъ вѣдомствомъ было разъяснено, что эти школы имѣютъ быть устраиваемы преимущественно въ такихъ сельскихъ приходахъ, гдѣ не имѣется народныхъ школъ свѣтскихъ. Такимъ образомъ, починъ духовенства въ народномъ образованіи представлялся какъ бы дополненіемъ къ дѣятельности земства и учебнаго вѣдомства въ начальномъ обученіи. Ивѣстно также, что впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ возбуждался, по инициативѣ епархіальной, вопросъ о передачѣ земскихъ школъ духовенству и что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земства дѣйствительно послѣдовали этому приглашенію. Въ настоящее время газеты сообщаютъ изъ нѣкоторыхъ губерній о распространяющемся слухѣ, будто предстоитъ законодательная мѣра въ смыслѣ обязательной передачи всѣхъ начальныхъ школъ вообще въ духовное вѣ-

домство, или, иными словами, о превращеніи земскихъ школъ въ церковно-приходскія.

Замѣтимъ, что слухъ этотъ передавался въ газетахъ еще и въ истекшемъ мѣсяцѣ, несмотря на то, что незадолго передъ тѣмъ, а именно въ сентябрѣ, онъ былъ опровергнутъ органомъ петербургской духовной академіи *Церковнымъ Вѣстникомъ*. Между тѣмъ, опроверженіе это было изложено въ тонѣ довольно положительномъ. Признавая въ принципѣ желательность, чтобы «начальное народное образованіе было исключительно сосредоточено въ рукахъ приходскаго духовенства», *Церковный Вѣстникъ* признавала осуществленіе этого возможнымъ лишь при наличности очень многихъ условій. Оставляя въ сторонѣ условія нравственныя, какъ-то: полное усвоеніе приходскимъ духовенствомъ педагогическихъ задачъ и общее рвеніе къ устройству школъ приходскихъ, ибо отсутствіе или наличность такихъ условій зависать отъ взгляда, который можетъ измѣниться и въ недалекое время, остановимся на тѣхъ требованіяхъ, которыя, несомнѣнно, могутъ явиться не скоро. Сюда относятся упомянутыя духовною газетою условія, чтобы «дѣло начальнаго народнаго образованія не только не подавило духовенства своею невообразимою тяжестью, не отразилось бы невыгодно на другихъ сторонахъ церковно-приходской дѣятельности духовенства, но чтобы народная школа въ рукахъ духовенства развивалась, процвѣтала и приносила достойный и желательный плодъ; для подготовки всего этого пужно и много времени, и много матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Безъ этого же, — разсуждалъ *Церковный Вѣстникъ*, — едва ли простая бумажная передача школъ изъ одного вѣдомства въ другое принесетъ пользу; скорѣе даже это можетъ отразиться невыгодно какъ на школьномъ дѣлѣ, такъ и на его руководителяхъ». Духовный органъ даже относилъ тотъ слухъ къ «нечистому источнику», желанію повредить въ обществѣ церковной школѣ, «и безъ того не пользующейся въ немъ особыми симпатіями».

Несмотря на опроверженіе столь рѣшительное, оказывается, однако, что слухъ ходитъ попрежнему и въ истекшемъ мѣсяцѣ вновь служить предметомъ разсужденій въ печати. Бн. Друцкой-Соколинскій въ статьѣ, помѣщенной въ *Гражданинѣ*, упоминая о томъ же слухѣ, указываетъ на циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, изданный въ декабрѣ прошлаго года, съ изложеніемъ правилъ, преподанныхъ св. синодомъ епархіальнымъ начальствамъ въ разъясненіе недоразумѣній, могущихъ возникнуть при передачѣ училищъ, содержимыхъ на средства земства, въ духовное вѣдомство, а также для выраженія взглядовъ этого вѣдомства на условія, при которыхъ возможно и желательно единеніе земства и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Понятно, что такое единеніе могло бы выразиться на дѣлѣ лишь въ томъ, что земство давало бы матеріальныя средства на начальныя школы, превращенныя въ церковно-приходскія.

Укажемъ еще на опубликованный въ прошломъ мѣсяцѣ синодальный указъ, который можетъ какъ бы содѣйствовать укрѣпленію слуха, оче-

видно, ошибочнаго, такъ какъ онъ былъ положительно опровергнутъ въ изданіи вполне компетентномъ. Указъ этотъ вводитъ преподаваніе вельскаго хозяйства въ церковно-приходскихъ школахъ и курсахъ, съ цѣлью образованія для церковно-приходскихъ школъ также учителей, «которые могли бы сообщать народу не только первоначальную грамотность, но и распространять въ немъ полезныя сельско-хозяйственныя знанія». Такъ какъ одновременно министерствомъ государственныхъ имуществъ уже исходатайствовано отъ казны по 1,200 рублей на каждое духовное заведеніе, гдѣ сельское хозяйство будетъ преподаваться, то этими шагами духовное вѣдомство какъ бы обгоняетъ земство. Дѣйствительно, въ земствѣ еще только замѣчаются начатки въ смыслѣ сельско-хозяйственного подготовленія учителей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земства ходатайствовали о введеніи сельскаго хозяйства въ курсъ учительскихъ семинарій; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земства посылаютъ народныхъ учителей на лѣтніе мѣсяцы въ спеціальныя заведенія для изученія огородничества и пчеловодства. Наконецъ, въ московской и еще нѣкоторыхъ губерніяхъ заведены при нѣкоторыхъ народныхъ школахъ сады и питомники, но такія школы имѣются пока только десятками.

Разсматривая вопросъ о превращеніи земскихъ школъ въ церковно-приходскія, *Неделя* считаетъ самый слухъ объ этомъ невѣроятнымъ. Затѣмъ газета замѣчаетъ, что такая мѣра не могла бы быть вызвана и «такъ называемымъ недоверіемъ къ земству», потому что земство въ школьномъ дѣлѣ играетъ только пассивную роль, такъ что недоверіе относилось бы не къ земству, а къ тому вѣдомству, которому подчинены земскія школы. Доказывая, что учебное вѣдомство ничѣмъ не заслужило этого недоверія, газета прибавляетъ, что само духовенство, въ массѣ, менѣе всего расположено къ принятію возлагаемой на него обязанности, что доказывается его равнодушіемъ къ церковно-приходскимъ школамъ, — равнодушіемъ, вызывавшимъ неоднократно грозныя обличенія, вродѣ извѣстнаго обличенія новороссійскаго архіепископа.

Соображенія такого рода, несомнѣнно, доказываютъ, что земская школа, вѣроятно бы, не выиграла отъ превращенія ея въ церковно-приходскую, но едва ли они, сами по себѣ, достаточны для того, чтобы признавать упомянутый слухъ невѣроятнымъ.

Въ своей статьѣ въ *Гражданинѣ* кн. Друцкой-Соколинскій выдвигаетъ, въ защиту самостоятельности земской школы и противъ осуществленія того же слуха, аргументъ новый, который не лишенъ спеціальнаго значенія. «Сочувствуя вполне церковно-приходскимъ школамъ и ихъ преуспѣванію, — говоритъ авторъ, — я долженъ, тѣмъ не менѣе, сказать, что организація ихъ устраняетъ отъ дѣла народнаго просвѣщенія дворянскій элементъ, въ рукахъ котораго до сихъ поръ было и есть руководство этимъ дѣломъ». Затѣмъ приводится слѣдующее сопоставленіе: губернскій и уѣздный училищныя совѣты находятся подъ предѣдательствомъ предводителей дворянства; ни одно начальное училище въ уѣздѣ не можетъ быть открыто безъ разрѣшенія предводителя дворянства; наконецъ, земскіе члены въ училищ-

ныхъ совѣтахъ, по большей части, дворяне; между тѣмъ, школы церковно-приходскія поставлены особнякомъ и вѣдаются исключительно духовнымъ вѣдомствомъ, которое учредило свои училищныя совѣты подъ предсѣдательствомъ священниковъ и вообще организацію, вполне независимую отъ вліянія предводителей.

И такъ, къ самому слуху, котораго онъ невѣроятнымъ не считаетъ, кн. Друцкой отнесся совѣмъ иначе и, пожалуй, практичнѣе, чѣмъ *Неделя*. Но онъ сходится съ этою газетою во взглядѣ на предпочтительность самостоятельнаго существованія свѣтской начальной школы. Онъ напоминаетъ, что церковныя школы—вещь не новая, что онѣ существовали давно, хотя болѣе въ отчетахъ, чѣмъ въ дѣйствительности, и что неуспѣхъ ихъ въ деревняхъ былъ понятенъ влѣдствіе обремененія священниковъ исполненіемъ требъ. Тотъ же авторъ провозглашаетъ въ *Гражданинѣ* несомнѣнную истину, говоря: «во всякомъ случаѣ, достовѣрно одно, что первоначальное образованіе получило въ провинціи прочную организацію и жизнь только со времени учрежденія нынѣ существующихъ училищныхъ совѣтовъ и врядъ ли полезно было бы для дѣла народнаго просвѣщенія уничтожать ихъ».

Очевидность заставляетъ согласиться съ этимъ заключеніемъ, хотя авторъ и конфискуетъ, такъ сказать, всю признаваемую имъ заслугу въ пользу однихъ предводителей дворянства. Онъ видитъ въ устраненіи предводителей отъ надзора за церковно-приходскими школами—«недовѣріе къ помѣстному дворянству въ его старинной мѣстной службѣ» и спрашиваетъ: «чѣмъ заслужило дворянство таковое недовѣріе къ себѣ?» Приводя этотъ вѣскій, по времени, аргументъ автора, который самъ состоитъ предводителемъ, мы сдѣлаемъ лишь небольшое возраженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣстное дворянство играло и играетъ весьма дѣятельную роль въ земствѣ и что изъ всѣхъ участвующихъ въ земствѣ сословій, въ общей совокупности, дворянамъ принадлежитъ наибольшая доля заслуги въ достигнутыхъ земствомъ успѣхахъ. Отсюда же слѣдуетъ выводъ, что большинство упрековъ и заподозрѣваній всякаго рода, какими осыпаетъ земство ретроградная печать, должны быть отнесены на долю того же дворянства. Но, все-таки, заслуга принадлежитъ дворянамъ и лицамъ другихъ сословій, дѣйствовавшимъ въ земствѣ, которое создало у насъ дѣло начального образованія на свои средства, а не специально—дворянскимъ учрежденіямъ. Собственно эти сословныя учрежденія не выказали у насъ, въ чисто-русскихъ губерніяхъ, никакой силы въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и уѣзднаго хозяйства и управленія. Учрежденіе «о губерніяхъ» и крѣпостное право дѣлали дворянство, какъ корпорацію, всеильнымъ въ уѣздѣ. Исправники и члены разныхъ судовъ избирались дворянствомъ, судьбы большинства населенія находились непосредственно въ его рукахъ. Не было никакой нужды въ учрежденіи училищныхъ совѣтовъ для того, чтобы дворянство, какъ корпорація, въ свое время позаботилось о народной школѣ, хотя бы въ видѣ приходской, и сдѣлало для нея хоть столько, сколько сдѣлало дворян-

ство острѣе, пользуясь тѣмъ же учрежденіемъ «о губерніяхъ», хотя и безъ крѣпостнаго права.

Оказалось, однако, что лишь войдя въ составъ земства и дѣйствуя совместно съ другими сословіями, дворянство наше проявило свою дѣятельность на пользу народнаго образованія, — проявило эту дѣятельность не какъ корпорация, но какъ наиболѣе образованный и дѣятельный членъ земской, все-сословной семьи. И это замѣчаніе относится не только къ дѣлу школьному: можно сказать вообще, что земскій элементъ оживилъ наше дворянство, вызвалъ его къ реальной и полезной мѣстной дѣятельности, — заслуга, которой мы никогда и не думали отрицать. Но это обстоятельство представляетъ собой не только заслугу, а также и поученіе. Оно должно бы предохранять дворянство отъ увлеченій узкими сословными идеалами. Идеаль сословный, исключительный, самъ по себѣ противенъ работѣ на пользу общую, а, между тѣмъ, только этою именно работой можетъ быть приобретаемо общественное значеніе и вліяніе.

Но если дворянамъ, какъ наиболѣе вліятельному и образованному элементу въ земствѣ, принадлежитъ несомнѣнно заслуга и въ народно-школьномъ дѣлѣ, то создано оно было, все-таки, учрежденіями земскими. Когда эти учрежденія открылись, то народныя школы были не только малочисленны, но и похожи болѣе на школки грамотности, чѣмъ на нынѣшнія земскія школы. Совершенно не существовало особаго состава народныхъ учителей: преподаваніе въ школахъ было неподготовленное, случайное и временное. Земскія учрежденія создали учительскія семинаріи, создали сословіе сельскихъ учительницъ, назначали преподавателямъ добавочныя оклады, организовали общественно-крестьянскія пожертвованія на школу, усилили ихъ пожертвованіями изъ своихъ средствъ, которыхъ сумма въ настоящее время составляетъ около 7 милліоновъ рублей въ годъ, т.-е. значительно превышаетъ расходъ на тотъ же предметъ со стороны учебнаго вѣдомства, и въ общемъ произвели то, что число народныхъ школъ въ земскихъ губерніяхъ умножилось въ нѣсколько разъ, а число учениковъ въ нихъ — въ нѣсколько десятковъ разъ противъ прежняго, дореформеннаго времени.

Результатомъ было такое поднятіе грамотности въ народѣ, что процентъ грамотныхъ въ числѣ новобранцевъ съ 11 возросъ до 25 для всей Россіи, а для земскихъ губерній еще болѣе значительно. Сверхъ того, благодаря усиліямъ земскихъ учрежденій, народная школа изъ первобытной школки грамотности превратилась въ правильное училище съ 3-хъ и даже 5-ти лѣтнимъ курсомъ (двухклассныя школы) и съ курсомъ, въ который входятъ грамматика, свѣдѣнія изъ исторіи, географіи, естествознанія, полное изученіе катихизиса и священной исторіи, вмѣсто одного изученія молитвъ и самыхъ краткихъ понятій о вѣрѣ, какъ было въ школахъ дореформенныхъ. Наконецъ, и самый вопросъ о непреслѣдованіи, но признаніи сельскихъ школокъ грамотности, существующихъ неофициально и безъ утвержденной программы, но весьма похожихъ на тѣ, каковы были въ боль-

шинствѣ народныхъ школы дореформеннаго времени, возбужденъ быть тѣ же земскими учрежденіями.

Мы съ самаго изданія положенія о церковныхъ школахъ относимся къ нимъ сочувственно, какъ къ новымъ питомникамъ народного образованія. Въ Россіи для него столько еще остается сдѣлать, что однѣ школы не могутъ мѣшать другимъ. Совершенно естественно желать, чтобы духовенство съ своей стороны содѣйствовало дѣлу начальныхъ училищъ. Но къ этому оно и нынѣ уже призвано въ трехъ видахъ: въ преподаваніи религіи въ школахъ свѣтскихъ, въ непосредственномъ веденіи школъ приходскихъ и, наконецъ, въ надзорѣ за школами грамотности, которыя поставлены подъ наблюденіе приходскаго духовенства. Уже одна эта послѣдняя дѣятельность, если только надзоръ имѣетъ быть дѣйствительнымъ, поглотитъ все время, свободное отъ обязанностей церковныхъ. Что же касается превращенія школъ земскихъ въ церковныя, то слишкомъ очевидно, что такая мѣра нанесла бы сильный ударъ дальнѣйшему распространенію образованія въ народѣ.

Предполагая даже, что всѣ существующія земскія школы продолжали бы пользоваться пособіями отъ земства, закрылись бы земскія учительскія семинаріи и доступъ сельскихъ учительницъ (которымъ министерство просвѣщенія выдаетъ свидѣтельство на это званіе по экзамену) въ школы, такъ какъ въ училищахъ церковныхъ преподаютъ только духовныя лица, псаломщицы и воспитанницы духовныхъ женскихъ училищъ, если принадлежать къ семьямъ приходскаго причта. Но, сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что средства, ассигновавшіяся земствомъ на народныя школы, постоянно и довольно быстро увеличивались; въ 1885 году (послѣдній извѣстный итогъ) совокупность этихъ средствъ превышала почти въ 7 разъ итоги первоначальнаго назначенія. И вотъ, невозможно же ожидать, чтобы такое возростаніе средствъ продолжалось и въ будущемъ послѣ устранинія земства отъ народной школы.

Положимъ, и такой доводъ, какъ прямой интересъ дѣла образованія, можетъ казаться неубѣдительнымъ инымъ мыслителямъ, какъ, наприм., авторамъ нѣкоторыхъ статей въ *Гражданинѣ* (мнѣніе, высказанное кн. Друкинымъ, явилось въ газетѣ совсѣмъ особнякомъ). Но, къ счастью, люди, для которыхъ, по народному выраженію, законъ не писанъ, не призваны и писать законовъ. Законъ же существующій предоставляетъ земству право заботиться о народномъ образованіи, и земство воспользовалось этимъ правомъ съ безконечно большимъ успѣхомъ, чѣмъ духовенство и дворянскія учрежденія въ дореформенное время.

Ровно черезъ годъ послѣ катастрофы 11 октября на Кузнецкомъ мосту разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ дѣло по обвиненію членовъ строительной комиссіи и техниковъ. Дѣло это весьма поучительное. Домъ на Кузнецкомъ мосту былъ завѣнанъ московскому купеческому обществу К. А. Поповымъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ этого дома обра-

щались на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ кущовъ и вообще исключительно на благотворительныя дѣла. Въ апрѣлѣ прошлаго года собраніе выборныхъ рѣшило сломать старый домъ и на его мѣсто построить новый, и дѣло это было поручено комиссіи изъ 7 членовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, за отказомъ двоихъ, осталось 5, а именно: гг. Больчугинъ (предсѣдатель), Щаповъ, Бѣлкинъ, Берниковъ и Кузнецовъ. Комиссія пригласила для производства постройки архитектора Каминскаго, а ему придала въ помощники, для ближайшаго наблюденія за работами, но не спрашивая согласія Каминскаго, инженера Попова. Каминскій полагалъ выстроить домъ въ два года, но комиссія въ іюнѣ (въ отсутствіе г. Бѣлкина) рѣшила вести работы такъ, чтобы выстроить домъ въ одинъ годъ, и для этого вывести стѣны еще передъ наступленіемъ зимы. Архитекторъ утверждаетъ, что ему объ этомъ намѣреніи не было сообщено, а узналъ онъ о немъ только отъ знакомыхъ. Далѣе: Каминскій началъ постройку съ тѣмъ, чтобы въ домѣ было водяное отопленіе, а комиссія, впоследствии, рѣшила устроить отопленіе паровое, для котораго потребовалось пробивать стѣны съ прокладкой въ нихъ каналовъ и круглыхъ трубъ. Специально для устройства этого отопленія былъ приглашенъ, также безъ согласія Каминскаго, вольный инженеръ Книпперъ. Тотъ поставилъ своего десятника Краузе, который дѣлалъ, что хотѣлъ, вмѣшиваясь даже въ производство каменныхъ работъ.

Наиболѣе близкое участіе въ постройкѣ принимали: членъ комиссіи Берниковъ, часто посѣщавшій работы, инженеры Поповъ и Книпперъ. Комиссія заготовляла матеріалъ. Часть этого матеріала оказалась доброкачественною, а другая часть—негодною. Но, несмотря на то, что Каминскій забраковалъ кирпичъ, поставленный Шмелевымъ, комиссія употребила въ дѣло до 100 тысячъ забракованнаго кирпича. При крайней спѣшности работъ, цементъ не успѣвалъ твердѣть, особенно по наступленіи температуры въ 2—5° Цельсія, какая отмѣчена за прошлагодній октябрь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ. Уже послѣ несчастія, изъ уцѣлѣвшей стѣны можно было рукою вынимать кирпичи. При скверномъ кирпичѣ и неокрѣпшемъ цементѣ пробивались стѣны для устройства каналовъ и проведенія трубъ, и производившій эту работу г. Книпперъ показываетъ, что онъ забоялся только о ней и не считалъ себя обязаннымъ входить въ остальное. Тамъ, гдѣ архитекторъ хотѣлъ поставить столбъ чугунный, поставили кирпичный, пустой внутри. Словомъ, дѣло велось такъ, что сами рабочіе боялись за прочность постройки и нѣкоторые изъ нихъ ушли, прямо ссылаясь на опасность. По отзыву экспертовъ, участвовавшихъ въ производствѣ предварительнаго дознанія, и экспертовъ, вызванныхъ на судъ прокуратурой, стѣны могли рухнуть отъ одного сотрясенія при ѣздѣ по улицѣ или отъ удара въ нихъ. Прокладка трубъ, да еще съ уклонами, по отзыву экспертовъ, была только послѣднимъ толчкомъ.

Въ результатъ этого толчка, произошло слѣдующее: 11 октября прошлаго года, во время производства работъ, обрушились одна наружная и одна внутренняя стѣны зданія, выведенныя уже до третьяго этажа, съ

карнизомъ включительно, причемъ 9 рабочихъ убито на мѣстѣ, 2 умерли отъ увѣчья и 11 получили «болѣе или менѣе тяжкія поврежденія». Съ этимъ фактомъ сопоставимъ тотчасъ же приговоръ суда: члены строительной комиссіи: Кольчугинъ, Шаповъ и Кузнецовъ приговорены къ строгому выговору, а Берниковъ—къ аресту при тюрьмѣ на 6 недѣль; архитекторъ Каминскій—къ аресту на военной гауптвахтѣ также на 6 недѣль, инженеръ Поповъ—къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, и техникъ Книперъ—къ полицейскому аресту на 2 недѣли.

И такъ, наиболѣе строго осужденъ Поповъ, къ Каминскому же самъ прокуроръ относился мягко, замѣчая, что обвиненный и самъ, какъ честный человѣкъ, долженъ желать понести наказаніе, такъ какъ дѣло причинило такое бѣдствіе.

Слѣдующая затѣмъ мѣра наказанія падаетъ на члена комиссіи Берникова. Несомнѣнно, что гг. Берниковъ и Поповъ и должны нести главную отвѣтственность за случившееся, такъ какъ г. Поповъ непосредственно производилъ работы, а г. Берниковъ распоряжался ими. Всѣ ошибки, выражаясь мягко, при веденіи работъ, прежде чѣмъ кому-либо, были извѣстны г. Попову и въ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣнія, чтобы онъ протестовалъ противъ которой либо изъ нихъ. Что касается приѣмки и употребленія негоднаго матеріала, то есть свѣдѣніе, что г. Берниковъ признавалъ возраженія г. Каминскаго неосновательными. Прокуроръ требовалъ обвинительнаго приговора, какъ во имя справедливости, такъ и потому, что «онъ будетъ и благодѣтелемъ: онъ заставитъ сторителей, если ужъ въ нихъ молчить чувство гражданского долга, хоть подъ страхомъ наказанія дорожить человѣческой жизнью». Но можетъ ли опасеніе шестинедѣльнаго ареста, хотя бы и «при тюрьмѣ», внушить въ самомъ дѣлѣ страхъ такимъ строителямъ, въ которыхъ молчить чувство гражданского долга и которыхъ не удерживаетъ отъ употребленія негоднаго матеріала мысль объ опасности для жизни рабочихъ и будущихъ жильцовъ возводимаго зданія? Г. Поповъ, который разсчитывался за шмелевскій кирпичъ, состоитъ техникомъ и при постройкѣ Верхнихъ рядовъ, а г. Кольчугинъ, предсѣдательствовавшій въ той комиссіи, которая принимала этотъ матеріалъ, состоитъ предсѣдателемъ и въ правленіи Верхнихъ рядовъ, и въ обоихъ случаяхъ онъ же пригласилъ г. Попова къ участію въ работахъ. Г. Кольчугинъ въ настоящемъ случаѣ отдѣлялся только выговоромъ.

Правда, прокуроръ, ожидая, что обвинительный приговоръ внушитъ строителямъ уваженіе къ человѣческой жизни—подъ «страхомъ», требовалъ для обвиненныхъ наказанія нѣсколько болѣе строгаго: для гг. Кольчугина и Берникова наравнѣ—ареста отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, для гг. Попова и Каминскаго тюремнаго заключенія отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Болѣе чувствительнаго наказанія нельзя было и требовать, такъ какъ обвиняемые судились не за злоупотребленія, но за упущенія по должности и неосторожность, имѣвшія гибельныя послѣдствія. Но если судебный приговоръ долженъ быть «благодѣтелемъ» и внушить страхъ строителямъ вообще, то,

вѣдь, нельзя не принять въ соображеніе, что несчастія на работахъ происходятъ не только отъ оплошности и неосторожности строителей, какъ въ данномъ случаѣ, но еще чаще—отъ прямыхъ злоупотребленій, отъ употребленія негодныхъ матеріаловъ съ корыстною цѣлью. И вотъ, такимъ-то строителямъ нынѣшній приговоръ не внушитъ никакого страха. Что значить для лица, принимающаго негодный кирпичъ, просидѣть подѣ арестомъ 6 недѣль, а хотя бы и 3 мѣсяца, если при этомъ двѣ-три постройки изъ негоднаго матеріала дадутъ ему возможность сдѣлать состояніе? Не всѣ же постройки изъ недоброкачественнаго матеріала валятся до окончанія, какъ домъ купеческаго общества. Большая часть тавихъ строеній переживутъ самихъ распорядителей, строителей и подрядчиковъ. Вѣдь, никто бы и не сталъ употреблять дурной матеріалъ съ выгодой для себя, если бы зналъ навѣрное, что зданіе разрушится до окончанія работъ. Это можетъ случиться одинъ разъ на 10 северныхъ построекъ; и одинъ разъ могутъ и просидѣть 6 недѣль, заручившись экономіею съ десяти построекъ.

Замѣчательно, что не было и рѣчи о привлеченіи къ дѣлу г. Шмелева, поставщика негоднаго кирпича. Дѣйствительно, что ему до того, куда употребляютъ его кирпичъ? Онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ готовить кирпичъ изъ дурно мятой и дурно обожженной глины, выигрывая на топливѣ и на работѣ столько, что можетъ дѣлать на поставкѣ большія уступки. Это—дѣло коммерческое. Онъ знаетъ, что распорядители работъ охотно берутъ такой кирпичъ, а надзирающіе за работами охотно его допускаютъ. Но почему они это дѣлаютъ и на что они такой кирпичъ употребляютъ—поставщику нѣтъ дѣла. Можетъ быть, они покупаютъ кирпичъ худаго качества для утрамбовки дорожекъ въ паркахъ; во всякомъ случаѣ, вѣдь, онъ не принуждаетъ никого брать у себя кирпичъ; значить, его дѣло—сторона. Такъ разсуждаетъ поставщикъ, да, вѣроятно, и не онъ одинъ, такъ какъ мы видимъ же, что г. Шмелевъ никакой отвѣтственности подвергнуть не былъ. Между тѣмъ, торговца, у котораго нашли пудъ масла, смѣшаннаго съ саломъ, привлекаютъ къ отвѣтственности, хотя онъ, ровно настолько же, какъ и поставщикъ негоднаго кирпича, никого не принуждаетъ покупать непременно у себя, и настолько же не знаетъ, на что именно нужно то масло; можетъ быть, его покупаютъ для смазки. Хотя «смазка»-то обыкновенно и бываетъ скорѣе при поставкахъ дурнаго кирпича.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія и положеніе того изъ подсудимыхъ, къ которому сама прокуратура считала справедливымъ отнестись съ уваженіемъ, несмотря на требованіе и для него кары. Архитекторъ Каминскій возражалъ противъ сокращенія срока работъ и противъ всѣхъ допущенныхъ комиссіею неправильностей; хотя ближайшее завѣдываніе работами принадлежало г. Попову, однако, и г. Каминскій прекрасно знаетъ, что дѣлается, такъ какъ именно по его указанію найдены пробки въ стѣнахъ, задѣланныя Книпперомъ. И, между тѣмъ, архитекторъ возражалъ только устно, но не на письмѣ, и не отказывался отъ работъ, хотя въ дѣлѣ и есть свѣ-

дѣніе о собственномъ его отзывѣ, что изъ этого добра не будетъ. Чѣмъ же объяснить такое потаканіе со стороны архитектора? Ничѣмъ, кромѣ другаго его же отзыва, имѣющагося въ дѣлѣ: когда помощникъ г. Каминскаго, г. Колосовъ, совѣтовалъ ему нотаріально отказаться отъ постройки, то г. Каминскій отвѣчалъ: «это неудобно, я 10 лѣтъ работаю на купеческое общество и не хочу ссориться съ нимъ». Хотя архитекторъ и говорилъ, что «не будетъ добра», однако, если бы онъ навѣрное зналъ, что стѣны сваятся до окончанія постройки, то, конечно бы, отъ нея отказался. Если онъ этого не сдѣлалъ, «чтобы не ссориться» съ гг. Берниковымъ и Вольчугинымъ, то поступилъ такъ, думая, что авось сойдетъ. Но допустимъ, что «сошла бы» съ рукъ постройка, что домъ не провалился бы даже и 10—20 лѣтъ. Каково, однако, было бы жить въ домѣ, построенномъ на половину изъ сквернаго кирпича, да еще такъ, что кирпичи вынимались изъ стѣнъ рукою, когда уже былъ выведенъ карнизъ надъ третьимъ этажомъ? Поспѣшная, плохая постройка въ сырое и холодное время сдѣлала бы домъ на все время его существованія рассадникомъ болѣзней и причиною, навѣрное, не одиннадцати только смертей, которыя причинило его благовременное крушеніе. Вотъ что было бы вслѣдствіе нежеланія г. Каминскаго ссориться съ г. Берниковымъ, который, между тѣмъ, говорилъ подрядчику Крашенинникову, возражавшему противъ приемовъ постройки: «Не твое дѣло; когда кончится работа, то убытковъ тебѣ не будетъ, а за несчастіе не ты отвѣтишь,—на это у насъ есть архитекторъ и техникъ». И такъ, г. Берниковъ предвидѣлъ, что хотя за кирпичъ рассчитывался онъ самъ, но отвѣтственность, въ худшемъ случаѣ, падеть на архитектора, а не на него.

Говорятъ: наказаніе вышло легкое по той причинѣ, что, въ сущности, виноватаго нѣтъ, виновато—«многочначіе», допущенное при постройкѣ. Это очень мило. Значить, при какой-либо будущей постройкѣ возможно будетъ распорядителямъ и строителямъ наживаться на матеріалахъ, на заработной цѣнѣ, на чемъ угодно, лишь бы устроить дѣло такъ, чтобы налицо было многочначіе, и тогда виновнымъ никто и не окажется. Какое намъ дѣло до того, было много- или единоначаліе? Справедливость и общественная безопасность требуютъ, чтобы всѣ способствовавшіе опасной или угрожающей здоровью постройкѣ подвергались такимъ карамъ, которыя положены за злоупотребленія по должности или по исполненію обязательствъ, производимыхъ съ корыстною цѣлью. Весьма трудно бываетъ доказать, какая именно причина побуждала подрядчика ставить, а приемщиковъ принимать недоброкачественный матеріалъ, чѣмъ именно побуждался къ молчанію и къ соучастію въ неправильностяхъ архитекторъ—прямой производитель работъ. Очень можетъ быть, что причинами были только благодушіе, взаимное довѣріе; но чувства эти не могли отвратить безусловно-неизбѣжныхъ гибельныхъ результатовъ скверной постройки жилого дома. Исполнявшимъ ее техникамъ могла быть воспрещена практика на нѣкоторое время или навсегда, заведеніе, приготавливающее недоброкачественный кирпичъ, могло

быть закрыто, лица, такъ дурно оправдавшія общественное довѣріе, могли быть лишены судомъ права занимать должности. И если существующіе законы недостаточны для наложенія взысканій, которыя бы въ самомъ дѣлѣ могли заставить строителей хотя бы «подъ страхомъ» дорожить жизнью рабочихъ и здоровьемъ нѣсколькихъ поколѣній жильцовъ, то слѣдовало бы издать спеціальнѣйшій законъ объ отвѣтственности строителей.

Въ Кіевѣ скончался редакторъ почтеннаго изданія, о которомъ намъ приходится часто говорить въ «Библиографическомъ отдѣлѣ», — *Кіевской Старины*, А. С. Лашкевичъ. Съ глубокою симпатіей относилась *Русская Мысль* къ дѣятельности А. С. Лашкевича, посвященной интересамъ науки и малорусскаго народа. Теперь, послѣ безвременной кончины Лашкевича, мы можемъ только пожелать, чтобы *Кіевская Старина* надолго и почетно пережила своего редактора, попрежнему, съ любовью и знаніемъ дѣла работавшая вопросы малорусской исторіи.

Въ Петербургѣ скончался знаменитый профессоръ государственнаго права, Александръ Дмитріевичъ Градовскій. Тяжкая болѣзнь недавно принудила его оставить кафедру, которую онъ занималъ съ такою честью, съ такою пользою для многихъ поколѣній студентовъ. Покойный А. Д. Градовскій былъ не только выдающимся ученымъ, но и весьма талантливымъ публицистомъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, въ нѣсколькихъ изданіяхъ, онъ энергично и умѣло, опираясь на глубокое знакомство съ родною исторіей, защищалъ основныя начала земскаго самоуправления. Ученая и публицистическая дѣятельность петербургскаго профессора настолько значительна, что заслуживаетъ подробной оцѣнки, которую *Русская Мысль* и постарается представить въ будущемъ году.

Распорядительный комитетъ высочайше разрѣшеннаго VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ (съ 28 декабря с. г. по 7 января 1890 г.) доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что правленія желѣзныхъ дорогъ предоставили гг. иногороднимъ членамъ будущаго съѣзда нижеслѣдующія льготы:

Безплатный обратный проѣздъ:

Николаевская, с.-петербурго-варшавская и московско-нижегородская — по 22 февраля; московско-курская, курско-харьково-азовская, муромская, ливенская, харьково-николаевская, екатерининская, тамбово-саратовская, рязанско-моршанская, полѣсская, закавказская, псковско-рижская, ржево-виземская, сѣдлецъ-малгинская, брестъ-холмская, новоторжская, самаро-уфимская и уральская — по 15 января; новгородская, динабургско-витебская, митавская, рыбнско-бологовская — по 25 января; лозово-севастопольская, ряжско-виземская, козлово-воронежско-ростовская, балтійская, орловско-витебская — по 1 февраля; московско-брестская, моршанско-сызранская, закавказская, фатовская, московско-ярославская, грязе-царицынская, оренбургская, либаво-роменская, закаспійская — по 7 февраля.

50% скидки при возвращеніи со съезда:

Юго-западные желѣзныя дороги: брестская, бресто-грязевская, одесская и бендеро-галацкая.

50% скидки при отправленіи на съездъ:

Варшавско-вѣнская и варшавско-бромбергская.

50% скидки въ оба конца:

Московско-ризанская жел. дорога и черноморско-дунайское пароходство.

25% скидки въ оба конца:

Бурско-киевская желѣзная дорога.

Право пользованія этими льготами обусловлено предъявленіемъ на станціяхъ отправленія особаго удостовѣренія отъ распорядительнаго комитета VIII съезда, который и обращается по этому къ лицамъ, желающимъ принять участіе въ съездѣ, въ качествѣ членовъ, съ покорнѣйшею просьбой *озаботиться заблаговременно присылкой своихъ заявленій*, во всякомъ случаѣ, не позже 15 ноября, чтобы требуемыя удостовѣренія могли своевременно быть имъ высланы. Къ заявленію о желаніи быть членомъ съезда, адресуемому въ университетъ, на имя дѣлопроизводителя распорядительнаго комитета, профессора В. В. Докучаева, прилагается: а) трехрублевый членскій взносъ, б) точный адресъ и с) сообщается, удовлетворяетъ ли данное лицо 3 пункту *) «основаній съезда».

О квартирныхъ льготахъ будетъ опубликовано отдѣльно.

*) Членомъ съезда можетъ быть всякій, кто научно занимается естествознаніемъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Разладъ*, драма В. А. Крылова; *Водоворотъ*, драма И. В. Шпагинскаго. — Театръ г-жи Абрамовой: *Гришница*, драма А. И. Пальма; *Матап*, комедія С. Н. Тернигорева; *Золотая рыбка*, комедія И. А. Салова и И. Г. Ге; *Мечты и жизнь*, драма г-жи Домашевской; *Троллодитъ*, комедія гг. Тарновскаго и Матернъ. — Театръ г-жи Горевой: *Пережати-поле*, комедія г. Гнѣдича.

Два мѣсяца прошло съ начала театральнаго сезона, а погоня театровъ за зрителями уже принесла плоды самыя неудобоваримыя и какъ разъ такія, какихъ и слѣдовало ожидать. Надѣлали театровъ, не принимая въ расчетъ ни наличности литературно-драматическихъ и артистическихъ силъ, ни даже числа обывателей, имѣющихъ досугъ и средства посѣщать театры. Наша драматическая литература послѣднихъ лѣтъ стояла такъ невысоко, что не въ силахъ была удовлетворить спроса двухъ сценъ. Правда, она дала нѣсколько, — очень немногое, — пьесъ, дѣлавшихъ сборы, но не дала ни одного истинно-художественнаго произведенія, которое можно было бы поставить близко къ самымъ слабымъ пьесамъ Островскаго. Пьесы нынѣшняго репертуара держались и держатся на сценѣ, главнымъ образомъ, если не исключительно, игрою немногихъ артистовъ, а никакъ не своими внутренними достоинствами, никакъ не за свое содержаніе, почти совершенно лишенное всякаго общественнаго значенія. Провѣрить это и доказать не трудно: стоять на афишѣ имѣна извѣстныхъ артистовъ, и Малый театръ полонъ; нѣтъ этихъ именъ на афишѣ — въ театрѣ пустыня; съ знаменитостями пьеса дѣлала превосходные сборы, безъ знаменитостей — ее съ репертуара снимаютъ. Публика идетъ смотрѣть не пьесы, а игру знаменитостей, не обращая вниманія на то, что ихъ дорогія силы тратятся на пустяки. Совсѣмъ не тратить ихъ столь непроизводительно нельзя, конечно, такъ какъ нельзя пробавляться одними хорошими старыми пьесами; но и безъ толку трепать — тоже дѣло неподходящее, какъ, съ другой стороны, неподходящее дѣло обставлять хорошія пьесы несоответствующими силами, когда въ наличности имѣется ихъ непочатый запасъ въ лицѣ молодежи, жалующейя, не безъ основанія, что ей не даютъ хода. Почему не даютъ — мы не знаемъ, да намъ и дѣлать нѣтъ до неизвѣстныхъ намъ причинъ, остающихся для публики «закули-

ными». Но мы знаемъ, напримѣръ, что *Борисъ Годуновъ* Пушкина шелъ на сценѣ Малаго театра съ г-жею Ермоловой-Кречетовой въ роли Маринны Мнишекъ и съ г-жею Щепкиной въ роли царевича Федора. Вдаваться въ оцѣнку талантовъ этихъ двухъ артистовъ мы не станемъ; московской публикѣ онѣ хорошо извѣстны, и публика, какъ мы слышали, не особенно рьяно стремилась въ этотъ вечеръ смотрѣть *Бориса Годунова*. Мы привели одинъ примѣръ, но могли бы указать и еще на замѣну М. Н. Ермоловой г-жею Ермоловой-Кречетовой въ *Последней волѣ* и на нѣкоторыя другія пьесы, въ которыхъ можно было бы давать роли молодымъ артистамъ съ пользою для нихъ и для самаго дѣла. Привлекать публику въ театръ можно не одними только новыми пьесами, но и постановкою старыхъ пьесъ,—разумѣется, выдающихся,—новыми силами. Положимъ, Малый театръ существуетъ не на проспектальные сборы, не имѣетъ надобности руководствоваться преимущественно денежными соображеніями, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не долженъ ими руководствоваться. Но это служить только къ подрѣпленію нашего мнѣнія о необходимости давать молодымъ артистамъ возможность развивать и выказывать свои сценическія дарованія. Казенный театръ не частная антреприза, которой нѣтъ дѣла до будущаго. Г. Коршъ, г-жи Абрамова и Горева и всѣ иные живутъ только настоящимъ, не зная, будутъ ли они антрепренерами въ слѣдующемъ году и убѣжденные лишь въ томъ, что—была бы сцена, а актеры будутъ. У этихъ сценъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а, слѣдовательно, нѣтъ и традицій, хранить которыя онѣ были бы обязаны. Не то нашъ Малый театръ и его труппа. Тутъ есть славное прошлое, ко многому обязывающія традиціи, есть и будущее, подготовить которое достойно традиціямъ есть нравственный долгъ дѣятелей настоящаго. Высшее управленіе театрално-артистическимъ дѣломъ отлично сознаетъ это и не щадитъ ни усилий, ни матеріальныхъ средствъ для обезпеченія будущности первыхъ, образцовыхъ сценъ Россіи; оно привлекаетъ на службу лучшихъ учениковъ и ученицъ частныхъ драматическихъ школъ; не возлагающа особенно большихъ упованій на эти школы, оно заводитъ свою собственную драматическую школу на очень широкихъ началахъ, охотно принимаетъ всякаго, успѣвшаго заявить свой талантъ на частныхъ сценахъ, даетъ, наконецъ, пенсіи заслуженнымъ артистамъ, выдающихся награждаетъ, сверхъ того, бенефисами. Большаго, полагаемъ, никто не вправе требовать отъ высшаго учрежденія, въ вѣдѣніи котораго состоятъ наши казенные театры. И это высшее учрежденіе можетъ требовать, а публика—настоятельно желать, чтобы исполнительные органы не только раздѣляли виды правящаго учрежденія на возможно большее развитіе театрално-драматическаго дѣла, но и способствовали бы всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами его преуспѣянію въ настоящемъ и въ будущемъ. На самоѣ дѣлѣ, къ чему послужить и школа съ прекрасною программой, и приглашенія на службу лучшихъ учениковъ, ученицъ, артистовъ и артистокъ, если выслужившіе пенсію будутъ играть мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей и подростковъ въ то вре-

мя, какъ молодежь обречена изображать народъ, гостей и всякихъ безсловесныхъ, въ которыхъ съ успѣхомъ и съ пользою для себя могутъ фигурировать воспитанники и воспитанницы театральнаго училища? Молодые актеры и актрисы жаждутъ играть, и не слѣдуетъ имъ отказывать въ этомъ, не должно заставлять ихъ изнывать «въ народѣ» и тѣмъ убивать въ нихъ энергію и способности. Мы знаемъ, что изъ актрисъ, принятыхъ годъ тому назадъ, нѣкоторыя совсѣмъ не появлялись на сценѣ, другія появлялись разъ, много два, лишь для того, чтобы сказать нѣсколько ничего незначащихъ словъ. А, между тѣмъ, весьма возможно и правдоподобно, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть таланты, иначе не были бы онѣ лучшими ученицами той школы, гдѣ обучались, и не было бы основанія принимать ихъ на казенную сцену. Допустимъ, что первые выходы той или другой «новенькой» оказались бы не совсѣмъ удачными, и это еще ничего не значитъ и ничего не доказываетъ, такъ какъ не всѣ же актрисы начинали свою сценическую карьеру такъ, какъ начала ее Г. Н. Федотова, а нѣкоторыя изъ давно служащихъ много лѣтъ упорно появляются въ очень отвѣтственныхъ роляхъ, безъ промаха убивая каждую, за которую берутся. Предположимъ, наконецъ, что та или другая начинающая актриса въ двухъ и трехъ роляхъ оказалась совершенною бездарностью, тогда и она сама, и управление театральное, и публика такъ ужъ и будутъ знать, что такая-то для сцены не годится и подлежитъ отчисленію въ разрядъ безсловесныхъ. Тогда не будетъ ни жалобъ, ни нареканій на управление и на «старшихъ»,—что «намъ, дескать, хода не даютъ». Теперь же такія жалобы представляются не безосновательными. Мы отлично знаемъ, что молодого актера и начинающую актрису легко можно «провалить»,—стоитъ дать неподходящую роль или выпустить новичка въ «провальной» обстановкѣ. Тутъ все дѣло въ томъ, что къ театральной молодежи, какъ и къ школьной, должно относиться искренно, правдиво и съ любовью; ее поддерживать необходимо, ободрять, вверхъ тянуть всевозможными средствами, даже «выучкою», тамъ, гдѣ это можно. Напрасно иногда большіе артисты и артистки смотрятъ на молодыхъ силы съ опасеніемъ, какъ бы молодежь ихъ не догнала и какъ бы ихъ мѣсть не заняла. Напрасно такое опасеніе уже потому, что—все равно—наступитъ время, когда волей-неволей придется уступить свои мѣста молодымъ, и, притомъ, такимъ молодымъ, которые пробьются впередъ собственными силами. Что они пробьются, въ томъ сомнѣнія быть не можетъ, весь вопросъ въ томъ, многимъ ли удастся это. Чѣмъ меньшему числу это выпадаетъ на долю, тѣмъ хуже для сцены, для искусства и для тѣхъ, по чьей винѣ и нежеланію это сдѣлалось. А хуже большимъ артистамъ вотъ почему: сойдутъ они со сцены, и слѣда отъ нихъ не останется, новыя имена заставятъ забыть старыя, которыя могли бы жить неизмѣримо дольше, если бы съ ними были связаны новыя имена, подобно тому, какъ славное имя Г. Н. Федотовой навсегда остается связаннымъ съ славнымъ именемъ И. В. Самарина. Быть знаменитостью въ свое время очень лестно; но еще болѣе

привлекательно, должно быть, передать свое имя потомству въ качествѣ прославленнаго учителя знаменитостей. Во всякой профессіи имена учителей неразрывно связываются съ громкими именами учениковъ, — въ музыкѣ, въ живописи, въ ваяніи, и учителя благородно озабочены тѣмъ, чтобы ихъ искусство не погибло съ ними, а передавалось бы преемственно и развивалось бы все блестяще въ ихъ ученикахъ. Нѣтъ этого теперь только у насъ въ сценическомъ искусствѣ. Время самородковъ у насъ на исходѣ не потому, чтобы самородковъ не появлялось вновь, но потому, что самородки замѣтно перестаютъ удовлетворять возрастающимъ требованіямъ публики, не довольствующейся уже порывами непосредственности. Что толку для насъ въ томъ, что какой-нибудь неумѣлый пѣвецъ беретъ такую неправдоподобную ноту, отъ которой поперхнулся бы самъ покойный Тамберлигъ? Такого пѣвца мы слушать не пойдемъ и въ оперу его не примутъ; первымъ дѣломъ отъ него потребуютъ умѣнья пѣть. Такого же же умѣнья владѣть голосомъ, лицомъ и жестомъ мы требуемъ и отъ драматическаго артиста, а дается это только выучкою даже очень большому прирожденному таланту. При отсутствіи таланта, разумѣется, никакая выучка не сдѣлаетъ человѣка крупнымъ артистомъ. Да не одними «крупными» существуетъ сцена и держится на известной высотѣ драматическое искусство, не менѣе сложное, чѣмъ оркестровая музыка. Помимо исполненія первыхъ ролей выдающимися артистами, необходимъ еще ансамбль, который на всѣхъ нашихъ сценахъ, не исключая казенной, оставляетъ желать еще очень многого. Настоящаго же ансамбля, — оркестроваго, — уже нѣтъ никакой возможности ничѣмъ достигнуть, кромя отличной выучки молодыхъ артистовъ не въ школахъ только, но и на сценѣ, — и не на выходныхъ роляхъ, а на серьезныхъ. Напомнимъ читателямъ, какъ этимъ именно отличнымъ ансамблемъ, превосходною выучкою брали мейнингенцы.

Исключительное господство первыхъ артистокъ и артистовъ сильно и далеко не благоприятно вліяетъ на самое драматическое творчество, часто превращаетъ его въ писательство по заказу. Авторы вынуждены приурочивать известныя роли, а съ тѣмъ вмѣстѣ, иногда и все произведеніе къ средствамъ знаменитостей, безъ которыхъ невозможенъ успѣхъ пьесы на сценѣ. Вслѣдствіе этого, мы наблюдаемъ такое явленіе: пока наши знаменитости были молоды, пьесы сочинялись съ молодыми героинями и героями; проходятъ года, и въ пьесахъ получаютъ преобладаніе героини «бальзаковского» возраста и герои съ просѣдою. Пройдутъ еще года — и что же станется тогда со сценой Малаго театра, если теперь же не озаботиться очень дѣятельно будущностью труппы? У всѣхъ на глазахъ участь, постигшая комедію *Много шума изъ ничего*, когда Г. Н. Федотова сочла нужнымъ отказаться отъ участія въ ней. А, вѣдь, это Шекспировская пьеса. Та же участь ждетъ цѣлый рядъ пьесъ, чуть не весь репертуаръ, когда г-жи Федотова и Ермолова поставлены будутъ въ тяжелую, но неизбѣжную, необходимость послѣдовательно отказываться то отъ одной, то отъ другой роли, а вслѣдъ за ними вынуждены будутъ сдѣлать то же гг. Горевъ, Ленскій,

и Южинъ. И теперь уже довольно странно видѣть г. Южина мальчикомъ въ юнкерскомъ мундирчикѣ въ драмѣ *Волжъ* и М. Н. Ермолову въ роли дѣвочки-подростка въ *Арказановыхъ*. Проявилась на сценѣ г-жа Лешковская, артистка съ несомнѣннымъ талантомъ, размѣры котораго мы пока не беремся опредѣлить, главнымъ образомъ, потому, что это тоже до нѣкоторой степени самородокъ. Очень можетъ быть, что это—бриллиантъ самой чистой воды, но далеко не достаточно отшлифованный выучкою, безъ которой, какъ мы сказали и настаиваемъ на томъ, нельзя теперь занять перваго мѣста на первой русской сценѣ. Г-жѣ Лешковской учиться надо, много работать. Захочетъ ли она учиться, увлеченная успѣхомъ? Хватитъ ли у нея силы и дарованія правильно работать надъ собою безъ добраго руководства? И, наконецъ, дадутъ ли ей возможность работать правильно? Была у г-жи Лешковской прекрасная роль въ драмѣ г. Федотова *Шимонскій замокъ*. Главную роль въ пьесѣ играла М. Н. Ермолова и нѣса давала хорошіе сборы. Послѣ двухъ-трехъ представленій роль г-жи Ермоловой была передана,—мы не знаемъ почему и для чего,—г-жѣ Черновой-Бларамбергъ. Замѣнить собою г-жу Ермолову въ такой роли какой бы то ни было артисткѣ въ высшей степени трудно... Пьеса продолжала давать хорошіе сборы. Тогда роли Боннивары, которую игралъ г. Лепскій, и герцога, которую игралъ г. Южинъ, были переданы актерамъ, для этой роли неподходящимъ. Театръ опустѣлъ, пьесу перестали давать, и хорошо сдѣлали. Что же, однако, должны означать передачи этихъ капитальныхъ въ пьесѣ ролей? Чѣмъ это можетъ быть основательно мотивировано? Для публики, для автора, для г-жъ Черновой-Бларамбергъ и Лешковской такія замѣны совсѣмъ не безразличны. Нѣтъ на свѣтѣ такой пьесы, которую нельзя бы было подобными замѣнами препроводить въ архивъ. Авторъ пишетъ нѣсу въ расчетъ на извѣстныя силы, способныя дать сценическую жизнь его произведенію; г-жи Лешковская и Чернова-Бларамбергъ полагаютъ много труда въ увѣренности, что трудъ не пропадетъ. И вдругъ, по «обстоятельствамъ, не зависящимъ» отъ автора и артистокъ, пропадаетъ цѣликомъ вся пьеса. Такія «независящія обстоятельства» отнюдь не могутъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ на артистовъ, желающихъ работать надъ развитіемъ своихъ сценическихъ дарованій. А всѣ тѣ, кому дорого искусство, вправдѣ настоятельно желать, чтобы «обстоятельства» такой категоріи не имѣли мѣста на первой русской сценѣ. Люди, истинно любящіе искусство и высоко цѣнящіе сцену Малаго театра, въ случаѣ повторенія подобныхъ казусовъ, могутъ усмотрѣть въ нихъ не простую случайность и ошибку, могутъ придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ, неблагоприятнымъ для тѣхъ, чьими дѣйствіями обуславливаются такія непонятныя замѣны, однихъ артистовъ другими въ главныхъ роляхъ. Это, вѣдь, совсѣмъ не то, о чемъ мы говорили выше, указывая на необходимость «давать ходъ» молодымъ артистамъ; это—какъ разъ обратное тому, что желательно. Насъ могутъ спросить: что же, однако, вамъ желательное и что нежелательное? Вотъ что: желательно, чтобы,—не въ нынѣшній сезонъ, а въ будущій,

положимъ, — г-жа Лешковская сыграла роль Дездемоны, и нежелательно, чтобы при этомъ роль Отелло была отдана на изувеченіе. Желательно, чтобы молодыхъ артистокъ и артистовъ вводили, такъ сказать, въ репертуаръ, обставляя ихъ очень сильною поддержкой, и не губили бы у нихъ ролей стнтяіемъ поддержки. Желательно, чтобы къ «молодымъ» относились съ любовью и благорасположенною осмотрительностью, и нежелательно, чтобы въ міръ художественнаго и прекраснаго имѣли какое-либо значеніе чувства совѣсьмъ непрекрасныя...

Есть еще на нашей сценѣ очень молодая, очень симпатичная артистка, г-жа Панова, единственная изъ начинающихъ, въ которой видна хорошая выучка, до нѣкоторой степени заслоняющая пока природное, еще неокрѣпшее дарованіе, могущее, какъ намъ сдается, при благоприятныхъ условіяхъ, вырасти въ крупную величину. Намъ говорили, что ея сценическимъ воспитаніемъ руководить г-жа Медвѣдева. Если это правда, то мы можемъ лишь порадоваться за г-жу Панову и выразить наше глубокое сочувствіе высоко-чтимой заслуженной артисткѣ, никогда въ жизни не измѣнявшей великимъ завѣтамъ искусства. До сихъ поръ мы видимъ, что г-жу Панову ведетъ добрая рука тѣмъ настоящимъ путемъ, которымъ слѣдовало бы вести всякаго начинающаго артиста. Будемъ надѣяться, что рука эта не оставитъ молодую артистку на произволъ неожиданныхъ случайностей, что эта рука достаточно сильна для того, чтобы оградить г-жу Панову отъ необходимости играть роль Софьи, когда окажется нужнымъ, надъ комедіей Грибоѣдова продѣлать такіе же эксперименты, каковымъ подверглась драма *Въ Шильонскомъ замкѣ*. Затѣмъ, мы не можемъ указать ни на кого изъ молодыхъ артистокъ, какъ на подающихъ сколько-нибудь серьезныя надежды, — однѣхъ намъ еще не сочли нужнымъ показать, другія, которыхъ мы видѣли, успѣха не имѣли. На мужской половинѣ труппы дѣло обстоитъ совѣсьмъ плохо; приходится ждать выпуска изъ театральнаго училища, а пока—только уповать.

Новыя пьесы сыплются передъ московскою публикой въ изумительномъ обиліи, но достоинствами своими далеко не способствуютъ развитію драматическихъ талантовъ и часто ставятъ даже самыхъ опытныхъ артистовъ въ большое затрудненіе. Передъ зрителемъ, — невольникомъ, конечно, обреченнымъ обязательно смотрѣть всѣ новинки нынѣшняго репертуара, — онѣ мелькаютъ, какъ сочетанія цвѣтныхъ стеклушекъ въ калейдоскопѣ, и способны довести здороваго человека до нервнаго расстройства. Публика, идущая въ театръ для собственнаго удовольствія и ради отдыха отъ обычныхъ своихъ занятій, остается еще вѣрна Малому театру и замѣтно охладила къ частнымъ театрамъ. Туда ее уже не привлекаютъ ни новыя пьесы, ни роскошныя постановки, ни бенефисы по цѣнамъ «обыкновеннымъ». Не идетъ же публика, очень просто, потому, что таковой въ наличности не обрѣтается у насъ въ количествѣ, могущемъ ежедневно наполнять четыре драматическихъ театра. Мы думаемъ, что если бы всѣ московскіе театры одѣлать даровыми, то къ концу первой же недѣли они оказались бы на

половину пустыми. А тут приходится за свои деньги, и даже довольно большія, часовъ пять сряду смотрѣть убійственное пересыпаніе изъ пустого въ порожнее, до котораго одни наши драматурги своимъ умомъ додумались, другіе—добрались посредствомъ заимствованія у людей или посредствомъ перевода вещей, для русской публики непригодныхъ. Весьма понятно, что каждый составитель новой пьесы, — сочинители почти совсѣмъ перевались, — стремится показать свое издѣліе въ наилучшемъ видѣ, т. е. на сценѣ Малаго театра; тамъ всякую пустяковину раздѣляютъ такъ артистически, что многіе зрители подумаютъ, будто въ самомъ дѣлѣ авторъ смастерилъ что-то хорошее; туда публика ходитъ, а потому и процентное вознагражденіе автору даетъ куши, совершенно несоразмѣрные съ достоинствомъ произведенія. Поэтому Малый театръ стоитъ въ условіяхъ особенно благопріятныхъ для отбора себѣ лучшихъ пьесъ новѣйшаго изготовленія. Каковъ же долженъ быть уровень современнаго драматическаго творчества, если передъ этою образцовою сценою, стоящей въ исключительно благопріятномъ положеніи, «есть отъ чего въ отчаянныя придти...»?

Въ октябрѣ мѣсяцѣ были поставлены въ Маломъ театрѣ двѣ новыхъ пьесы извѣстныхъ и опытныхъ драматурговъ: *Разладъ*, четырехъактная драма В. А. Крылова, и *Водоворотъ*, пятиактная драма И. В. Шпагинскаго. Названія громкія, эффектныя и многообъщающія. *Разладъ*... Что за разладъ? Какой разладъ?... Въ нашемъ обществѣ, на самомъ дѣлѣ, кое-что серьезно разладилось: слово не ладитъ съ дѣломъ, мысль идетъ въ разладъ и съ словомъ, и съ дѣломъ; идеи—сами по себѣ, все остальное—само по себѣ; идеалы (тамъ, гдѣ они уцѣлѣли)—на одной сторонѣ, цѣли жизни—на другой, между ними—либо пропасть, либо разладъ, доходящій до «ножеваго рѣзанья». Между старшимъ, младшимъ и подроставшимъ поколѣніями—разладъ: кое-гдѣ мелькаетъ еще что-то, уцѣлѣвшее отъ эпохи сороковыхъ годовъ, тамъ свѣтятся остатки шестидесятыхъ, тутъ бродитъ нѣчто, поднятое въ восьмидесятыхъ годахъ, а дальше уже чувствуется наступательное движеніе чего-то неизвѣстнаго, но несомнѣнно—иного и небывалаго,—чего-то, рожденнаго разладомъ и изъ начала въ самомъ себѣ носящаго разладъ,—разладъ между товарищами и сверстниками, между братьями и между сестрами. Г. Крыловъ хотѣлъ, повидимому, изобразить въ своей пьесѣ лишь разладъ въ тѣсной сферѣ семьи, ту рознь, которая существуетъ въ очень многихъ русскихъ семьяхъ и по милости которой старшее поколѣніе страдаетъ отъ младшаго, младшее—отъ старшаго, и оба они нерѣдко дѣлаютъ другъ другу жизнь невыносимою. Такой сюжетъ, хотя и сведенный въ тѣсную домашнюю рамку, представляетъ, тѣмъ не менѣе, большой интересъ. Самъ по себѣ онъ не новъ, конечно, и не былъ новостью даже въ то время, когда Тургеневъ писалъ романъ *Отцы и дѣти*. Съ тѣхъ поръ положеніе не улучшилось. То обостряясь, то смягчаясь, подъ влияніемъ разнообразныхъ причинъ, разладъ между родителями и дѣтьми сдѣлался нашимъ хроническимъ недугомъ. Отъ чего же происходитъ такой, чуть не повальный, недугъ? Гдѣ и въ чемъ коренятся его основ-

ныя причины? Вопросы эти въ высшей степени важны и не разъ поднимались въ нашей литературѣ, но всегда разрабатывались болѣе или менѣе односторонне, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ взыскать всю вину или на отцовъ, или на дѣтей, не касаясь очень существеннаго въ дѣлѣ обстоятельства, а именно—того, что «отцы и дѣти» живутъ въ обществѣ, возлагающемъ на тѣхъ и другихъ обязательства, часто совершенно невыполнимыя безъ ущерба для обоюднаго довѣрія и уваженія. Ну, а тамъ, гдѣ нѣтъ довѣрія, не можетъ быть и уваженія; гдѣ нѣтъ обоюднаго уваженія, тамъ немислимо согласіе, и въ этомъ одномъ уже заключаются безчисленные поводы къ розни, разладу и ненавистничеству. Вотъ въ какомъ направленіи должны быть, по нашему мнѣнію, предприняты изысканія тѣми, кто хочетъ представить настоящую картину семейнаго разлада и способствовать раскрытію истинныхъ его причинъ. Ничего подобнаго наши драматурги знать не хотятъ; въ комедіяхъ они—анекдотисты, въ драмахъ—хроникеры разной уголовщины. Дальше частнаго случая они не идутъ, до обобщенія дотянуться не могутъ, да нерѣдко и въ выборѣ частныхъ случаевъ обнаруживаютъ чисто-французскую склонность къ курьезамъ и монстрамъ.

Въ *Разладѣ* г. Крылова изображена семья, находящаяся въ весьма исключительномъ положеніи. Она состоитъ изъ отца, Андрея Петровича Зарѣченскаго (г. Рыбакова), богатаго петербургскаго чиновника вдовца, изъ двоихъ дѣтей: сына Федора (г. Южинъ), дочери Софьи (г-жа Уманецъ-Райская) и воспитанницы Вѣры Сердюковой (г-жа Лешковская), съ малыхъ лѣтъ живущей въ домѣ Зарѣченскихъ. Зарѣченскій-отецъ богатъ, но богатство это у него не наследственное и не имъ нажито; онъ получилъ его по завѣщанію жены и въ разговорахъ съ дѣтьми признаетъ все состояніе принадлежащимъ, по праву, дѣтямъ, себя же считаетъ чѣмъ-то въ родѣ пожизненнаго владѣльца. Тутъ, съ перваго же раза, чувствуется натяжка и искусственность въ построеніи имущественныхъ отношеній между членами семьи Зарѣченскихъ. Дѣло усложняется рѣдкою случайностью, присутствіемъ въ домѣ воспитанницы, молодой, бѣдной дѣвушки, живущей на положеніи родной дочери, выросшей въ большой роскоши и не имѣющей никакихъ правъ на какую-либо долю въ состояніи своихъ благодѣтелей. Въ довершенію подбора случайностей, оба Зарѣченскіе, сынъ и отецъ, безъ ума влюблены въ одну и ту же дѣвушку, въ воспитанницу Вѣру. Прежде чѣмъ продолжать рѣчь о пьесѣ г. Крылова, я предложу читателямъ вопросы: 1) видѣли ли вы такую семью? 2) какъ вы полагаете, много ли найдется въ Россіи семей въ подобномъ положеніи? и 3) какое отношеніе къ вопросу о семейномъ разладѣ могутъ имѣть событія, разыгравшіяся при столь рѣдкостномъ стеченіи случайностей? Мы думаемъ, что, приблизительно, такое же отношеніе, какое имѣютъ рожденія женщинами троенъ къ вопросу о приростѣ населенія. Обычное теченіе довольно заурядной жизни въ домѣ Зарѣченскихъ нарушается не внутреннимъ разладомъ между отцомъ и дѣтьми, а опять-таки дѣлается рядомъ чисто-случайныхъ обстоя-

тельствъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ полученіе старикомъ Зарѣченскимъ должности губернатора. Въ изображенной авторомъ семьѣ мы не видимъ нравственныхъ причинъ разлада, обусловливаемыхъ различіемъ міровоззрѣній, убѣжденій и пониманія цѣлей жизни; тутъ нѣтъ и быть не можетъ розни изъ-за идеаловъ уже потому, что ни о какихъ идеалахъ нѣтъ и поминна. Отецъ—благополучный чиновникъ, счастливъ тѣмъ, что добился помпадурства, и ничуть не возмущенъ средствами, которыми это сдѣлано. Сынъ—благополучный шалопай, который непременно попадетъ въ свое время либо въ помпадуры, либо на скамью подсудимыхъ. Дочь—барышня, посвятившая все свое досужество на уловленіе въ мужа богатаго и глупаго шалопая Андросова (г. Гаринъ). Воспитанница Вѣры—такая же точно барышня и занимается тѣмъ же самымъ; только сортомъ она повыше, поумнѣе и честолюбивѣе, и жертвою ловитвы избираетъ своего воспитателя богача-помпадура. Нелады между названными сестрами происходятъ изъ-за «жениха» Андросова, ухаживающаго за обѣими дѣвками. Настоящій же разладъ начинается лишь съ той минуты, когда старикъ Зарѣченскій объявляетъ о своемъ рѣшеніи жениться на воспитанницѣ. Дочь требуетъ отъ отца выдѣла части состоянія своей матери; сынъ требуетъ, чтобы отецъ отказался отъ дѣвушки, на которой онъ самъ хочетъ жениться. Отецъ не соглашается ни имѣніе отдать, ни отказаться отъ прекрасной будущей помпадурши, которая даже мѣсто ему доставила своимъ ловкимъ кокетствомъ съ престарѣлымъ сановникомъ, барономъ Беренсомъ. Исторія кончается тѣмъ, что молодой Зарѣченскій пробирается ночью въ комнату Вѣры и застрѣливаетъ ее изъ пистолета. О томъ, что стрѣльба будетъ, публика оповѣщается спозаранку, уже въ первомъ актѣ, гдѣ Федоръ, ни къ селу, ни къ городу, заявляетъ, что постоянно носить въ карманѣ револьверъ. А такъ какъ на афишѣ имѣется судебный слѣдователь, то можно догадаться, что молодой человекъ не себя будетъ разстрѣливать, а барышню. Тутъ опять, по милости цѣлаго ряда случайностей, подозрѣніе въ убійствѣ падаетъ на родную сестру Вѣры, Марью Александровну Сердюкову (г-жа Федотова), добродѣтельную провинціальную дѣвицу, выпущенную съ армянкомъ сельской учительницы и неизвѣстно зачѣмъ выписанную Вѣрой въ Петербургъ. Въ послѣднемъ актѣ выясняется, конечно, что нужна эта особа совсѣмъ не Вѣрѣ, а г. Крылову, во-первыхъ, для «подозрѣнія», во-вторыхъ, для произнесенія обличительно-добродѣтельныхъ фразъ о превосходствѣ провинціальной нравственности передъ петербургскою. Смысла въ этой предикѣ не особенно много, но она кажется автору настолько забористой, что Федоръ Зарѣченскій ею тронуть и объявляетъ публично слѣдователю: «Убійца я!» Бартина и занавѣсъ. И такъ, весь «сыръ-боръ горѣлъ» не изъ-за какой-либо принципиальной и нравственной розни въ семьѣ Зарѣченскихъ, а изъ-за хорошенькой воспитанницы-кокетки. Не будь ея въ домѣ, ничего бы и не было; не влюбись въ нее на старости лѣтъ помпадуръ Зарѣченскій, опять ничего бы не было, и если бы въ нее влюбился одинъ изъ Зарѣченскихъ, тоже не было бы никакого «разлада». Всѣ

устроились бы преблагополучно, каждый въ мѣру своей дрянности. И, наконецъ, если бы въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ не существовало совсѣмъ никакихъ поводовъ къ семейному разладу и о такомъ помяна бы никогда не было, если бы отцы и дѣти жили въ непрестанномъ согласіи и въ умиленномъ единомысліи, то, — при случайностяхъ, придуманныхъ г. Крыловымъ, — могла бы разыгратъя точно такая же драма. А, стало быть, къ вопросу о семейномъ разладѣ, какъ явленію общественному, драма г. Крылова не имѣетъ никакого отношенія. Она есть ничто иное, какъ воспроизведеніе въ лицахъ чрезвычайно рѣдкаго въ дѣйствительной жизни частнаго случая, приведшаго къ уголовницѣ. Разсужденія добродѣтельной учительницы Марьи Сердюковой о высокой нравственности въ провинціи и о растлѣніи нравовъ въ Петербургѣ вызываютъ лишь улыбку у тѣхъ, кто знаетъ провинцію и деревню, гдѣ семейный разладъ, не сдерживаемый требованіями общественныхъ приличій, оказывается явленіемъ, неизмѣримо больше распространеннымъ и проявляющимся въ возмутительно-грубыхъ формахъ. Мы считаемъ личности старшей Сердюковой и Кузьмы Петровича Зарѣченскаго (г. Макшеевъ) совсѣмъ неудавшимися, невѣрно задуманными и слабо обработанными. Первая безъ ясно опредѣленной цѣли топчется на сценѣ и изрекаетъ болѣе чѣмъ странныя сентенціи, вродѣ того, что въ теперешнемъ семейномъ разладѣ виноваты люди «шестидесятыхъ годовъ», «разрушавшіе, по мнѣнію провинціальной учительницы, любовь, дружбу и вѣру въ Бога...» Кузьма Зарѣченскій, человекъ «шестидесятыхъ годовъ», изображенъ въ нѣсколько смѣхотворномъ видѣ, смахивающемъ на незлую каррикатуру.

Пьеса разыграна очень хорошо. Исключеніе приходится сдѣлать лишь относительно г. Гарина, впадающаго въ шаржъ при исполненіи роли милліонера Андросова. Г. Южинъ превосходно провелъ роль молодаго Зарѣченскаго, мастерски изобразилъ постепенное разрастаніе страсти, доведшей его до убійства невѣсты отца. Г-жа Лешковская съумѣла сдѣлать живое лицо изъ крайне трудной и неясной роли Вѣры Сердюковой; искренностью тона артистка умудрилась сгладить, а мѣстами и совершенно скрыть, неестественность нѣкоторыхъ положеній, въ которыя авторъ ставитъ свою героиню. Особенную опасность для исполнительницы представляетъ сцена втораго акта, гдѣ Вѣра доводитъ старика Зарѣченскаго до того, что онъ дѣлаетъ ей предложеніе. Тутъ каждое движеніе, малѣйшій оттѣнокъ голоса чрезвычайно важны и требуютъ очень большой тонкости. Сцену эту г-жа Лешковская провела безукоризненно. Она и г-жа Уманецъ - Райская были настоящими героинями вечера.

Г. Шпажинскій далъ своей драмѣ названіе *Водоворотъ*. Положимъ, — «какое хочешь имя дай», — въ сущности, это все равно и дѣло не въ названіи. Но, все-таки, лучше было бы и съ содержаніемъ пьесъ болѣе сообразно, если бы пьеса г. Шпажинскаго называлась *Разладъ*, а пьеса г. Крылова называлась бы *Водоворотъ*. Мы говоримъ это отнюдь не шутя: въ драмѣ г. Крылова бѣдная деревенская дѣвочка, попавшая въ богатую об-

становку высшего бюрократического общества Петербурга, очутилась на самом дѣлѣ въ своего рода «водоворотѣ», который ее закружилъ, завертѣлъ и погубилъ. Въ драмѣ же г. Шпажинскаго нѣтъ никакого «водоворота», а есть настоящій, подлинный «разладъ». По дурной привычкѣ нашихъ драматурговъ, слишкомъ поддавшихся вліянію французской современной литературы, г. Шпажинскій представилъ намъ такой же исключительный и рѣдкостный случай, какъ и г. Крыловъ, и сдѣлалъ это совершенно напрасно; безъ курьеза дѣло обошлось бы много лучше, драма осталась бы драмой и зритель не былъ бы возмущенъ поступками той женщины, которую авторъ хотѣлъ выставить образцомъ семейныхъ добродѣтелей. Женщина эта, Нина Борисовна Крушевская (г-жа Федотова)—любящая жена, нѣжная мать, заботливая хозяйка; въ трудныя минуты жизни она поддерживаетъ своего слабохарактернаго мужа (г. Горевъ); она умная, сердечная, милая женщина,—однимъ словомъ, идеалъ жены-семьянки. Крушевскій вполне цѣнитъ ея высокія достоинства, любить ее и глубоко уважаетъ. На бѣду, онъ встрѣчаетъ молодую, красивую вдову, Варвару Александровну Повѣтову (г-жа Ермолова), и влюбляется въ нее безъ ума — безъ памяти. Молодая вдова влюбляется въ него, возникаетъ довольно обычный и нерѣдкій въ жизни поводъ къ разладу въ семьѣ Крушевскихъ. Жена случайно узнаетъ о невѣрности мужа. Онъ ничего отрицать не можетъ, улыка налицо—портретъ Повѣтовой съ ея собственноручною надписью, удостоверяющей ихъ отношенія. Нина Борисовна въ отчаяніи, но ей жаль мужа; она знаетъ, что безъ ея поддержки, безъ ея заботъ этотъ слабый человекъ неминуемо погибнетъ. И она соглашается въ глубинѣ своей любящей души затаить оскорбленіе и горе, остаться жить съ мужемъ, любящимъ другую женщину, ради его благополучія. Такимъ образомъ, до известной степени устранено проявленіе разлада въ острой формѣ. Въ дѣйствительной жизни такъ бываетъ. Но, во-первыхъ, мы, зрители, предпочли бы, чтобы оскорбленная супруга рѣшилась на столь тяжелую жертву для блага дѣтей, а не для «удобствъ» тряпичнаго супруга; во-вторыхъ, мы убѣждены, что, съ устраненіемъ острой формы, «разладъ» не можетъ прекратиться и долженъ получить характеръ хроническаго недуга, который неминуемо истерзаетъ обоихъ супруговъ. Въ этомъ-то именно и заключается мотивъ интимной драмы, доводящей людей до послѣднихъ крайностей, до такого состоянія, при которомъ долше «такъ жить нельзя» и является необходимость «покончить»... Какъ покончить—это уже частный вопросъ и рѣшеніе его зависитъ отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, отъ обстоятельствъ и, наконецъ, въ литературномъ произведеніи — отъ личнаго мнѣнія автора относительно возможныхъ выходовъ изъ невыносимаго положенія. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что такая драма должна кончиться убійствомъ или самоубійствомъ, или непремѣнно какимъ-либо инымъ умираниемъ. Возможно то, другое и третье, возможны еще и другіе исходы семейной драмы: это, — повторяемъ, — дѣло авторовъ. Г. Шпажинскій предпочелъ не разрѣшать вопросъ, а усложнить. Въ его пьесѣ добро-

дѣтельная супруга мало того что соглашается няньчиться съ дряннымъ мужемъ, она принимаетъ на себя еще очень странную роль покровительницы его амуровъ съ молодою вдовою; она пытается устроить какой-то «тройственный союзъ», долженствующій осчастливить ея Оедю. Происходить нѣчто необыкновенно противное, чему и названія нельзя прискатъ пристойнаго. Добродѣтельная жена дѣлается услужливою посредницей между мужемъ и его любовницей. Крушевскій ссорится съ любовницей и рыдаетъ въ истерикахъ. Жена убажаетъ его, это не дѣйствуетъ; тогда она ѣдетъ къ любовницѣ мужа и умоляетъ ее пожаловать къ ней въ домъ утѣшать Оеденьку. И молодая вдова, повидимому, умная, образованная и недурная женщина, не отворачивается отъ такого... посредничества, а прославляетъ добродѣтели «образцовой» супруги. Вдова Повѣтова соглашается ѣхать утѣшать любовника. Да что же это такое? Кто здѣсь всѣхъ хуже: мужъ, рыдающій въ объятіяхъ жены о томъ, что его прогнала любовница; жена, утѣшающая мужа тѣмъ способомъ, какимъ это дѣлаетъ Крушевская, или вдова, соглашающаяся утѣшать при такихъ условіяхъ? Хорошо, нечего сказать, и другъ Крушевскихъ, докторъ Брусенцевъ (г. Рыбаковъ), который видитъ все это и продолжаетъ восхищаться добродѣтелями Нины Борисовны. И такъ, драма кончена, г. Шпажинскимъ найденъ и указанъ добродѣтельнымъ женамъ способъ выйти изъ тяжелаго положенія и сугубо осчастливить мужей, увлекающихся молодыми вдовами и дѣвками. Все, что дальше слѣдуетъ, не имѣетъ уже никакого значенія, ибо представляетъ собою совершенно частный случай, являющійся результатомъ психическаго расстройства Оеденьки Крушевскаго. На первый разъ онъ остался очень доволенъ и—долго ли, коротко ли—пречудесно утѣшался. Но душевная болѣзнь взяла свое: ему уже мало угодливости двухъ унижающихся передъ нимъ женщинъ,—онъ хочетъ, чтобы все общество, весь міръ разыгрывали въ его амуряхъ такую же роль, какую взяла на себя его супруга. Къ вдовѣ Повѣтовой прѣзжають гости, онъ ихъ разгоняетъ потому, что вдова не должна никакъ заниматься, кромѣ его уныло-скучной особы. Свои отношенія къ вдовѣ онъ выставляетъ на-показъ всему свѣту, срамитъ ее гдѣ и какъ только можно срамитъ женщину, преслѣдуетъ ее всюду, за городомъ, на гуляньяхъ, на пикникахъ, публично дѣлаетъ возмутительныя сцены ревности. Дѣло доходить до того, что, въ предупрежденіе драки, докторъ объявляетъ его, при большомъ обществѣ, психически-больнымъ. Крушевскій несомнѣнно спятилъ съ ума; его слѣдовало бы давно отправить въ психіатрическую лечебницу. Вотъ о чемъ надлежало позаботиться доброй женѣ и другу доктору. Въмѣсто того, Нина Борисовна опять пришла къ вдовѣ просить ее... просить... ну, о томъ же самомъ, о чемъ прежде просила. И вдова опять согласилась... Вся исторія кончается самоубійствомъ Крушевскаго въ квартирѣ вдовы.

Мы не разъ говорили, что убійства и самоубійства, изображаемыя въ драмахъ, могутъ быть лишь тогда допускаемы, когда авторомъ предварительно выяснено до полной очевидности и обставлено достаточными причинами

такое душевное состояніе дѣйствующаго лица, которое неминуемо ведетъ къ роковой развязкѣ. При этомъ мы, разумѣется, имѣли въ виду здороваго человѣка, а не патологическій субъектъ, какимъ оказывается герой драмы г. Шпажинскаго. Что Крушевскій застрѣлился—это чистѣйшая случайность, результатъ минутнаго аффекта упоминаяго. Если бы Крушевскій застрѣлилъ вдову, это было бы одинаково правдоподобно и одинаково безумно, какъ его самоубійство, или какое-нибудь другое убійство, хотя бы, на примѣръ, того барина, который вступился за Повѣтову на пикникѣ въ то время, когда Крушевскій неистовствовалъ. Для иллюстраціи его помѣшательства это было бы, пожалуй, даже лучше. Только публикѣ-то что же за дѣло до сумасшедшихъ? Вся критика въ одинъ голосъ говоритъ и повторяетъ: не надо намъ патологіи на сценѣ, не надо намъ драматическихъ иллюстрацій клиническихъ случаевъ! И все напрасно, нѣкоторые драматурги упорно продолжаютъ давать намъ, вмѣсто изображенія «борьбы, тревоги, столкновеній личности съ обществомъ и его моралью», образчики психіатрической казуистики. Въ самой публикѣ уже замѣчается нѣкоторый протестъ противъ такого писательства, чему служитъ доказательствомъ, что драма г. Шпажинскаго «успѣха не имѣла», — какъ отозвались о ней всѣ газетные рецензенты. Отъ провала ее спасаетъ превосходная игра артистовъ, въ особенности г. Горева, неподражаемо исполняющаго роль Крушевскаго. Г-жи Медвѣдева, Федотова, Ермолова совершенно отуманиваютъ зрителя своею чудною игрой. Умомъ чувствуешь всѣ недостатки пьесы, сознаешь, что нѣтъ тутъ никакой драмы, нѣтъ ничего трогательнаго, что тамъ и сямъ прорывается кое-что, по существу своему, очень смѣхотворное; а онѣ своею интерпретаціей то бьютъ васъ по нервамъ, то, настроивши ихъ въ извѣстномъ тонѣ, разыгрываютъ на нихъ поразительныя своею нѣжностью мелодіи, способныя самаго крѣпкаго человѣка довести до слезъ. И, все-таки, пьеса «успѣха не имѣла»...

Въ театрѣ г-жи Абрамовой, для бенефиса М. М. Глѣбовой, была дана четырехъактная драма А. И. Пальма *Грѣшница*, опять-таки уголовно-патологическаго содержанія. Написана она дѣтъ пять или шесть тому назадъ, была напечатана въ *Русскомъ Богатствѣ*, — если намъ не измѣняетъ память, — и въ Москвѣ не была играна. Въ основѣ пьесы лежитъ, — какъ говорили въ свое время, — истинное событіе: убійство въ Петербургѣ одного ростовщика-дисконтера молодымъ человѣкомъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ къ его женѣ. Молодая женщина была заподозрѣна въ соучастіи и пособничествѣ убійцѣ, но судомъ она оправдана, получила, на основаніи духовнаго завѣщанія, большое состояніе, накопленное мужемъ, а убійца приговоренъ къ каторгѣ. Пьеса начинается съ момента оправданія вдовы Алчеева (г-жа Глѣбова). Родные и знакомые отшатнулись отъ нея, оправдательный вердиктъ не могъ вполне обълить ее въ глазахъ общества. Влюбленный въ Алчееву графъ Столыгинъ (г. Биселевскій) уговариваетъ ее ѣхать въ ссылку за несчастнымъ, доведеннымъ любовью къ ней до преступленія. Но молодая женщина «жить» хочетъ, въ вихрѣ жизни забыть

все, перенесенное ею въ супружествѣ съ любимымъ, терпимымъ мужемъ, — все, выстраданное въ продолженіе процесса. Она уѣзжаетъ въ чужіе края съ своимъ домашнимъ врачомъ, Шифманомъ (г. Роцинъ-Инсаровъ). Никакія развлечения не дали ей, однако, успокоенія и забвенія; за границей она стосковалась по родинѣ и вернулась подъ именемъ Петровской, ея дѣвичьей фамиліей. Въ Кисловодскѣ Петровская нашла, наконецъ, то, что одно могло скрасить ея жизнь: она полюбила молодого козачьяго офицера Замовьева (г. Соловцовъ), жениха Дунечки Хопровой (г-жа Лачинова), дочери козачьяго полковника. Замовьевъ влюбился въ красавицу-вдову и рѣзко отказался отъ невѣсты на пикникѣ, на который явилась Алчеева. Пріѣхавшій въ Кисловодскъ графъ Столыгинъ тутъ же публично разсказалъ всю ея исторію и въ глаза высказалъ ей горькую правду. Алчеева бросилась было къ Замовьеву; тотъ оттолкнулъ ее, какъ обманщицу и интригантку. Еще разъ все общество отшатнулось отъ «грѣшницы». При ней остался врачъ Шифманъ и, воспользовавшись нервнымъ потрясеніемъ своей пациентки, женился на ней. Въ послѣднемъ актѣ Алчеева совершенно расстроена; мужъ-врачъ исподоволь моритъ ее. Являются графъ Столыгинъ и родные Алчеевой, начавшіе дѣло о незаконности брака Шифмана съ женщиной, находившейся въ умственно-ненормальномъ состояніи. Докладываютъ о пріѣздѣ судебного слѣдователя. Яркое воспоминаніе о прежнемъ процессѣ приводитъ тихую больную въ такой ужасъ, что она теряетъ послѣднюю искру сознанія и сходитъ окончательно съ ума. Пьеса кажется намъ нѣсколько устарѣлою и, кромѣ того, въ ней есть длинноты и повторенія, замедляющія дѣйствіе. Въ ней необходимо сдѣлать кое-какія сокращенія. Разыграна она была прекрасно и съ достаточнымъ ансамблемъ. Г. Роцинъ-Инсаровъ былъ очень хорошъ въ роли Шифмана, проходима-врача, осторожно и ловко подбирающагося къ карману гапризной, нервной барыни. Въ этой роли, чуть-чуть увлекшись, можно было сдѣлать мелодраматическаго злодѣя или гаденкаго мерзавца. Въ исполненіи г. Роцина-Инсарова это живое лицо, почти заурядный человекъ и тѣмъ самымъ — типическій образецъ извѣстнаго сорта домашнихъ врачей, опутывающихъ богатыхъ баловницъ, отъ бездѣлья нянчающихся съ своими нервами и, всего чаще, съ воображаемыми недугами. Г-жа Глѣбова въ первыхъ двухъ актахъ недостаточно отгѣнила ту дѣйствительную нервность, тотъ тревожный элементъ въ психическомъ состояніи Алчеевой, которые заставляютъ ее бѣжать въ погоню за неопредѣлимымъ для нея самой, но страстно желаемымъ душевнымъ равновѣсіемъ, нарушеннымъ страшною катастрофой. За то въ концѣ третьяго акта высокоталантливая артистка мастерски передаетъ состояніе женщины въ моментъ полнаго нравственнаго крушенія. Въ четвертомъ актѣ, при видѣ жалкой приниженности, потери воли, способности къ сопротивленію и какъ бы утраты собственной личности, — отъ игры г-жи Глѣбовой становится за человека страшно: «до чего созданье Божье довели...» Переходъ отъ тихаго помѣшательства къ совершенному безумію охватываетъ зрителя настоящимъ ужасомъ.

С. Н. Терпигоревъ—писатель, известный подъ именемъ Сергѣя Атавы больше, чѣмъ подъ своей настоящей фамиліей,—выступилъ на поприще драматурга съ двухъактною комедіей «въ деревнѣ» *Матаи*, поставленной на сценѣ театра г-жи Абрамовой. Сюжетъ пьесы таковъ: у молодыхъ супруговъ Тарбѣевыхъ (г. Рошинъ-Инсаровъ и г-жа Синельникова) гоститъ шамаптеща, княгиня Кильдякова (г-жа Медвѣдева), старая барыня, неперестающая вздыхать о блаженныхъ временахъ вѣрноподданнаго права и злиться на новые порядки, на мужиковъ и на прислугу за то, что они теперь вольные. Въ отсутствіе зятя она вѣдливается въ его хозяйство и все перепутываетъ. Вернувшійся Тарбѣевъ вѣжливо проситъ тещу не распоряжаться въ его имѣніи. Происходитъ непріятная сцена съ тещею и съ женой, упреки, нестыдные слова со стороны дамъ, истерики, — настояшій кавардакъ, отъ котораго Тарбѣевъ теряетъ голову. Приѣзжаетъ дядя Тарбѣева, Башинскій (г. Киселевскій), и совѣтуетъ племяннику не входить съ тещей въ пререканія, а взвалить на нее все хозяйство, для вида, конечно, довести старуху до того, чтобы она «надорвалась». Во второмъ актѣ старая барыня изнемогаетъ подъ гнетомъ непривычнаго для нея дѣла и упрашиваетъ, чтобы ее отпустили къ другой дочери. Этимъ вся исторія и кончается. По существу, «комедія въ деревнѣ»—довольно забавный пустякъ, и отиѣчаемъ мы ее лишь потому, что это первый дебютъ очень талантливаго писателя въ качествѣ драматурга.

Въ бенефисъ г. Киселевскаго шла трехъактная комедія *Золотая рыбка*, передѣланная изъ разсказа И. А. Салова самимъ авторомъ при сотрудничествѣ И. Г. Ге. Эта крайне незамысловатая, но пресмѣшная вещица, по видимому, понравилась публикѣ, почти совершенно отвыкшей, благодаря современнымъ драматургамъ, отъ простаго и добраго смѣха въ театрѣ. Точно въ жизни-то недостаточно горькаго, что намъ и въ видѣ «развлеченія» постоянно преподносятъ человѣческія страданія, хотя, по большей части, плохо сочиненныя, но, тѣмъ не менѣе, нагоняющія мрачное расположеніе духа. На самомъ дѣлѣ публика рада-радешенька, когда ей дадутъ хоть немного, хоть надъ пустяками весело посмѣяться, душу отвести отъ стонъ и выстрѣловъ, отъ скрежета зубоваго и разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ «съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей». Къ такой-то категоріи пьесъ, способныхъ дать отдыхъ постоянно взбудораженнымъ нервамъ, принадлежитъ комедія г. Гиѣдяча *Перекати-поле*, поставленная въ театрѣ г. Горевой и очень недурно разыгранная передъ пустою залой. Въ одной изъ московскихъ газетъ мы прочли, что на первомъ представленіи этой пьесы было платныхъ посѣтителей *одиннадцать* человѣкъ! Сколько было всѣхъ зрителей, мы не считали, но намъ показалось, что ихъ было отъ полтора-раста до двухсотъ, быть можетъ. Стало быть, эти были впущены бесплатно и, стало быть, большаго числа не нашлось охотниковъ идти въ театръ и даромъ... Сдѣлать изъ этого надлежащій выводъ предоставляемъ антрепренерамъ театровъ.

Перечислить всѣ, просыпавшіяся передъ нами за этотъ мѣсяцъ, пьесы

мы рѣшительно не можемъ и вынуждены ограничиваться лишь тѣми, которыя почему-либо обращаютъ на себя вниманіе публики или печати. Въ числу такихъ принадлежитъ драма г-жи Домашевской *Мечты и жизни*. Содержаніе ея таково: за молодую дѣвушку сватается женихъ, она его любитъ, собирается за него замужъ, вопреки желанію матери, одѣвается уже ѣхать къ вѣнцу; но тутъ мать признается дочери въ томъ, что женихъ былъ ея любовникомъ. Съ дочерью дѣлается обморокъ, потомъ нервная горячка. Дѣвушка, однако, выздоравливаетъ и примиряетъ отца съ матерью. Тѣмъ дѣло и кончается. Въ печати, настороженной многими «заимствованіями» безъ обозначенія этого на афишахъ,—что подходитъ очень близко къ плагиату,—былъ произведенъ «розыскъ», приведшій къ обвиненію г-жи Домашевской въ плагиатъ. Основательности обвиненія мы не провѣряли, главнымъ образомъ, потому, что такой сюжетъ, несомнѣнно, «заимствованъ» изъ французской литературы, а никакъ не изъ русской жизни, и обработанъ онъ г-жею Домашевской на французскій ладъ, съ трескучими французскими эффектами, нисколько не подходящими къ нашей дѣйствительности и къ вкусамъ русской публики. Такихъ пьесъ не слѣдовало бы ни заимствовать, ни сочинять, ни передѣлывать, какъ не слѣдуетъ переносить на русскую сцену комедій вродѣ *La petite marquise*, передѣланной гг. Тарновскимъ и Матернъ въ *Тромодима*. Тутъ дѣло идетъ о разводѣ между супругами и, притомъ, съ такими подробностями, относящимися къ устройству поводовъ для развода, при наличности которыхъ дѣла въ судахъ разбираются «при закрытыхъ дверяхъ». Хорошо бы сдѣлали наши драматурги, если бы воздержались отъ доклада подобныхъ дѣлъ публикѣ, да еще *in extempso*, при открытомъ занавѣсѣ.

Ан.

Замѣтка pro domo sua.

Въ октябрьской книгѣ *Историческаго Вѣстника* я прочелъ изложе-
ніе моего научно - литературнаго обзора, напечатаннаго въ *Athenaeum*'ъ
(July 6, 1889), — изложене, удивившее меня и тономъ, и содержаніемъ.
Не имѣя чести быть извѣстнымъ г. обозрѣвателю, я, повидимому, могъ бы
разсчитывать на совершенно равнодушное ко мнѣ отношеніе съ его сто-
роны. Но оказалось, что эта самая моя неизвѣстность вывела изъ себя
г. обозрѣвателя, вознегодовавшаго на меня, прежде всего, за то, что, не
будучи «русскимъ писателемъ тридцатыхъ годовъ Александромъ Петрови-
чемъ Милюковымъ», ни даже его сыномъ, такъ какъ по справкѣ г. обо-
зрѣвателя «у Ал. Петр. нѣтъ сыновей», и, слѣдовательно, «принадлежа
только по фамиліи къ историкамъ литературы», я осмѣлился писать о рус-
ской литературѣ въ англійскомъ журналѣ. Г. обозрѣватель вознамѣрился
затѣмъ наказать меня достойнымъ образомъ за эту дерзость, но въ пылу
своего критическаго гнѣва забылъ, что первое условіе успѣшности напа-
денія состоитъ въ правильномъ пониманіи и передачѣ того, на что напа-
даешь. Со всею подобающею скромностью я сдѣлалъ поправки къ его изло-
женію, назавшіяся мнѣ необходимыми, и отправилъ въ редакцію *Историческаго*
Вѣстника. Получивъ отъ редакціи отказъ помѣстить ихъ, я принужденъ при-
бѣгнуть къ посредству *Русской Мысли*. Вѣроятно, изъ читателей *Русск.*
Мысли только весьма немногіе замѣтили нападеніе на меня *И. В.*, но и
передъ этими немногими я не считаю возможнымъ остаться въ томъ костюмѣ,
въ какой нарядилъ меня г. обозрѣватель *Историческаго Вѣстника*. Я не
буду, впрочемъ, приводить здѣсь по пунктамъ мои возраженія, какъ думалъ
сдѣлать передъ читателями *Истор. Вѣстн.*; ограничусь утвержденіемъ,
что изложеніе, сдѣланное г. обозрѣвателемъ, недобросовѣстно и невѣже-
ственно, и постараюсь доказать это утвержденіе нѣсколькими примѣрами.

Съ самаго начала г. обозрѣватель обвиняетъ меня, что, излагая біо-
графическія свѣдѣнія о Салтыковѣ, я дѣлаю «не мало ошибокъ». Далѣе
приводятся два примѣра: въ одномъ я готовъ признать не ошибку, а не-
точность: именно я говорилъ о первой повѣсти Салтыкова, явившейся съ
ею именемъ (я разумѣлъ: не псевдонимомъ), а надо было бы сказать: съ

его инициалами. Но вторая моя ошибка изумительна: я «показываю неверно годъ запрещенія *Отечественныхъ Записокъ*. Зачѣмъ не сказалъ г. обозрѣватель своимъ читателямъ, что я назвалъ 1884 годъ,—годъ всѣмъ памятный? Не имѣю ли я права считать это обвиненіе недобросовѣстнымъ, потому что о незнаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи? Перечисливъ эти мои мнимыя ошибки, г. обозрѣватель прибавляетъ глухо: «и другія». Въ доказательство, что это обвиненіе не недобросовѣстно, приглашаю его объяснить, какія именно.

Другой примѣръ. Г. обозрѣватель излагаетъ мое мнѣніе о г. Короленко: «Два послѣднихъ разсказа г. Короленко также очень слабы». Изъ контекста ясно, что тутъ передается именно *мое* мнѣніе. А вотъ мои дѣйствительныя слова: «Короленко подарилъ литературу двумя прелестными (*charming*) разсказами: *Ночью* и *Съ двухъ сторонъ* etc.». Какъ назвать подобную передачу чужихъ мнѣній?

Теперь приведу примѣръ *нестыжественнаго* обращенія г. обозрѣвателя съ моимъ текстомъ. Собственно, я могъ бы выписать тутъ почти сплошь все изложеніе, представляющее одно непрерывное искаженіе и непониманіе моихъ словъ и мнѣній. Но тогда мнѣ пришлось бы выписать сплошь и всю англійскую статью. Ограничусь нѣсколькими примѣрами. По мнѣнію г. обозрѣвателя, я утверждаю, что «наши философы больше говорятъ о доктринахъ западной философіи, а не изучаютъ ее такъ, какъ изучали славянофилы Шеллинга и Гегеля». Смѣю увѣрить его, что такой огульный отзывъ я счелъ бы немотивированною дерзостью въ первой половинѣ и совершеннымъ незнаніемъ того, какъ изучало свои источники большинство славянофиловъ,—во второй половинѣ. У меня сказано совсѣмъ другое, именно: «Если результаты (метафизическихъ построеній на русской почвѣ) не соответствуютъ возбужденнымъ ожиданіямъ, то это, вѣроятно, объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что наши философы не находятъ въ современныхъ философскихъ ученіяхъ Запада такой сильной поддержки, какую Шеллингъ и Гегель давали нашимъ старымъ славянофиламъ». Далѣе, по изложенію г. обозрѣвателя выходитъ, что я характеризую ученіе Л. Толстаго какъ «странную смѣсь буддизма съ мистицизмомъ», и я готовъ удивляться вмѣстѣ съ читателемъ, что же «страннаго» въ этой смѣси, повидимому, столь естественной? Не дѣлая дальнѣйшихъ выписокъ, ограничусь утвержденіемъ, что моя «смѣсь» состоитъ изъ болѣе разнородныхъ элементовъ. Выходитъ затѣмъ, что я критикую заднимъ числомъ теорію г. Успенскаго о власти земли, тогда какъ я только отмѣчаю отношеніе къ ней части читателей г. Успенскаго; выходитъ, что я «сожалѣю» о переходѣ Гл. Успенскаго отъ беллетристики къ публицистикѣ, тогда какъ я опять только констатирую фактъ, удерживаясь отъ нравоученій по адресу г. Успенскаго; точно также мало склоненъ я подавать совѣты г. Чехову, котораго, по пересказу г. обозрѣвателя, я будто бы «упрекаю въ томъ, что онъ отъ разсказовъ обратился къ драмѣ»; я просто указываю недостатки его первой драмы *Ивановъ*, видные, вѣроятно, не одному мнѣ,

и не предрѣшаю, разумѣется, вопроса объ успѣхѣ его будущихъ произведеній. Наконецъ, выходитъ у г. обозрѣвателя, что я не указываю католическихъ тенденцій Влад. Соловьева, тогда какъ я прямо говорю объ *«актѣ національнаго самоотреченія»*, необходимо, по мнѣнію этого писателя, для сліянія церквей.

Я былъ бы, впрочемъ, несправедливъ къ г. обозрѣвателю, если бы рядомъ съ этими доказательствами недобросовѣстности и непониманія не остановился на смягчающихъ его вину обстоятельствахъ. Такими смягчающими обстоятельствами въ моихъ глазахъ служатъ: 1) его очевидное неумѣнье выразить не только чужую, но и свою собственную мысль, и 2) его вѣроятное незнакомство или плохое знакомство съ англійскимъ языкомъ.

Въ доказательство перваго приведу нѣсколько фразъ. «Въ началѣ его (Салтыкова) карьеры, — пересказываетъ меня г. обозрѣватель, — молодежь упрекала его за несочувствіе новымъ вѣяніямъ, а подъ старость реакціонеры находили его сочиненія фривольными. *Высказавъ это мнѣніе, критикъ (т.-е. я) самъ же и опровергаетъ его*». Приглашаю г. обозрѣвателя объяснить, какой смыслъ можетъ имѣть подчеркнутая фраза: *«самъ же»*, — я могу опровергать, очевидно, лишь «свое же» мнѣніе; но раньше никакого собственного моего мнѣнія не излагается, ибо это, вѣдь, *не я* считаю сочиненія Салтыкова фривольными и несочувственными новымъ вѣяніямъ. Или другая фраза: «если и согласиться съ мнѣніемъ г. Милюкова, что въ Россіи нувеллистъ достигаетъ успѣха только тогда, когда обращается въ публициста, *все-таки*, слѣдуетъ сознаться, что послѣднія публицистическія произведенія г. Успенскаго далеко ниже его первыхъ рассказовъ въ литературномъ отношеніи». Во-первыхъ, я никогда не говорилъ, что «нувеллистъ» достигаетъ успѣха *только* тогда etc., а говорилъ только объ условіяхъ *наибольшей популярности* въ Россіи; во-вторыхъ, если бы я это и говорилъ, что значитъ это *«все-таки»*? Какая связь между успѣхомъ произведенія и его цѣнностью «въ литературномъ отношеніи»? Развѣ первое утвержденіе мѣшаетъ второму или второе первому?

Что г. обозрѣватель, повидимому, не силенъ въ англійскомъ языкѣ, въ этомъ меня убѣждаетъ не только то, что онъ обошелъ всѣ трудныя для передачи мѣста и понялъ превратно тѣ, которыя передалъ, но также и прямыя ошибки перевода. Въ одномъ мѣстѣ слово «hence» онъ передалъ словомъ «но», т.-е. союзъ винословный—противительнымъ, отчего и получилась слѣдующая бессмыслица: «общій выводъ (мой о Салтыковѣ) тотъ, что С. не былъ ни энтузіастомъ, ни доктринеромъ, *но* и не видѣлъ въ идеалахъ современной ему молодежи панацеи отъ всѣхъ золъ». Г. обозрѣватель не понялъ, что тутъ нѣтъ никакого «но», что мое собственное «но» слѣдуетъ далѣе, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ моего «общаго вывода», столь безжалостно обрубленнаго г. обозрѣвателемъ. Въ другомъ мѣстѣ слово «nevertheless» онъ перевелъ *впрочемъ*—тамъ, гдѣ оно значило «а между тѣмъ», и опять спуталъ развитіе мысли. Въ третьемъ случаѣ онъ нашелъ у меня

сообщение о *двух* сборниках въ память Гаршина, тогда какъ я говорилъ объ *одномъ*, а о другомъ умолчалъ. Въ четвертомъ мѣстѣ, наоборотъ, онъ два факта, отдѣльно рассказанные, превратилъ въ одинъ, и вышло, что «пренія о свободѣ воли въ московскомъ психологическомъ обществѣ...шли на юбилей Шопенгауера». Въ пятомъ случаѣ, онъ мой «актъ національнаго самоотреченія» превратилъ въ «самоотверженное стремленіе» къ воссоединенію церкви и получилъ возможность упрекать меня въ игнорированіи католическихъ тенденцій Влад. Соловьева. Однимъ словомъ, трудно было на трехъ страничкахъ сдѣлать больше ошибокъ, чѣмъ сдѣлано г. обозрѣвателемъ. Чѣмъ вызванъ былъ полемическій жаръ г. обозрѣвателя, для меня остается необъяснимымъ. Но фактъ налицо: г. обозрѣвателю хочется критиковать меня во что бы то ни стало. Самыя естественныя, самыя невинныя мои фразы подвергаются его недоброжелательному перетолкованію. Я выразился о проф. Троицкомъ, какъ о «старомъ послѣдователѣ англійской школы», — «не совсѣмъ основательно», прибавляетъ г. обозрѣватель, не давая, однако же, болѣе основательнаго опредѣленія; я говорю, что книга г. Бузескула о Периклѣ не уступаетъ книгѣ Шмицта; г. обозрѣватель передаетъ: «критикъ на первое мѣсто ставитъ *биографію* Перикла Бузескула (*sic*), въ которой нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ того, что она лучше книги Шмицта». Если бы г. обозрѣватель зналъ положеніе книги Шмицта въ литературѣ о Периклѣ, онъ, вѣроятно, скорѣе упрекнулъ бы меня въ томъ, что, дѣлая это сравненіе, я нахожу у г. Бузескула черезъ-чуръ много «особеннаго»; я и не требую, чтобы г. обозрѣватель зналъ литературу о Периклѣ, но привелъ этотъ случай, какъ образецъ развязности полемическихъ приемовъ обозрѣвателя, который не стѣсняется оспаривать мое мнѣніе даже тогда, когда отъ меня же въ первый разъ узнаетъ о предметѣ моей оцѣнки. Болѣе, кажется, мнѣ прибавлять къ этому нечего *).

П. Милоковъ.

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить одну корректорскую ошибку англійскаго текста, которая могла бы дать нищу критикѣ г. обозрѣвателя: на 19 строкѣ перваго столбца 27 стр. стоитъ слово „nobility“, вмѣсто „the feeling of shame“.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1889 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Археологія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги и учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, октябрь.—„Русскій Вѣстникъ“, августъ—октябрь.—„Вопросы философіи и психологіи“, кн. I.—„Кіевская Старина“, май—октябрь.—„Библиографъ“.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ М. Н. Загоскина.—„Каррикатуры любви“. С. Сутугина.—„Разказы“ Д. Болконскаго.—„Родные звуки“.—„Фаустъ“. Гёте.—„Медея“. Еврипида.

Сочиненія М. Н. Загоскина. Семь томовъ. Спб., 1888 г. Цѣна 16 рублей. 14 іюля нынѣшняго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія Михаила Николаевича Загоскина (онъ скончался въ іюлѣ 1852 года). Въ свое время этотъ писатель пользовался громкою и въ значительной мѣрѣ заслуженною славой. Его *Юрій Милославскій* обошелъ всю грамотную Россію, много читались и другіе его историческіе романы. Теперь сочиненія Загоскина, даже лучшія изъ нихъ, во многомъ устарѣли. *Юрій Милославскій* съ интересомъ прочтется въ настоящее время скорѣе дѣтьми, чѣмъ взрослыми людьми. Драматическія сочиненія Загоскина также безвозвратно сошли со сцены. Но въ его произведеніяхъ изображены любопытныя черты быта и нравовъ, самый разказъ ведется нерѣдко живо, талантливо и не безъ юмора. Біографическій очеркъ, съ котораго начинается первый томъ *Сочиненій*, рисуетъ намъ Загоскина въ очень симпатичныхъ краскахъ. Любопытны указанія, приводимыя въ біографическомъ очеркѣ, о литературныхъ спорахъ въ первыя десятилѣтія нашего вѣка. Личныя выходки и мелочныя придириги играли тогда едва ли не главную роль. Въ подобнаго рода полемикахъ нерѣдко участвовалъ и Загоскинъ. По замѣчанію составителя біографіи автора *Мирошева*, Грибоѣдовъ правильно оцѣнилъ тогдашнюю полемику въ слѣдующихъ стихахъ:

Одинъ напишетъ вадоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глулѣе“.

По сочиненіямъ Загоскина можно судить о ростѣ нашего общества. Въ 1829 году, когда вышелъ *Юрій Милославскій*, читатели пришли въ совершенное восхищеніе. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, мало было людей, которые не раздѣляли этого восхищенія. Жуковскій писалъ За-

юскину, что романъ доставилъ ему особенное удовольствіе. Онъ прочелъ *Юрія Милославскаго* сразу, не отрываясь. Пушкинъ, вручая этотъ романъ своей сестрѣ, сказалъ: „Да будетъ эта прелесть твоею настольною книгой“. Такое значеніе *Юрій Милославскій*, конечно, давно уже утратилъ.

Изданы сочиненія Загоскина очень хорошо. Къ первому тому приложенъ отличный, гравированный въ Лейпцигѣ на стали портретъ Михаила Николаевича.

Каррикатуры любви. Сергѣя Сутугина. Спб., 1889 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р. Заглавіе показалось намъ интереснымъ и многообѣщающимъ. Въ дѣйствительности, самая настоящая, искренняя и пламенная любовь нерѣдко проявляется въ извращенномъ и каррикатурномъ видѣ, и, притомъ, всякая любовь—между влюбленными, между супругами и даже любовь родителей къ дѣтямъ. Старая поговорка гласитъ: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“. Стоитъ только любящему или влюбленному переступить такой шагъ, и его чувство, какъ бы серьезно оно ни было по существу своему, получить въ глазахъ посторонняго зрителя болѣе или менѣе забавныя формы, могущія перейти въ совершенную карриатуру любви. Было бы весьма недлиннымъ прослѣдить и отмѣтить хотя нѣкоторые случаи такихъ проявленій чувствъ, которыми важное превращается въ комическое, святое—въ смѣхотворное. Этого мы ждали отъ книжки г. Сутугина съ заманчивымъ заглавіемъ и вполнѣ разочаровались, прочитавши помѣщенные въ ней пять коротенькихъ очерковъ. Самый большой изъ нихъ, озаглавленный *Дневникъ дѣвушки*, сопровождается предисловіемъ автора и нѣкоторымъ его послѣсловіемъ, въ которыхъ г. Сутугинъ высказываетъ глубокую увѣренность въ необыкновенной трогательности своего повѣствованія. Мы же находимъ этотъ *Дневникъ* необыкновенно скучнымъ и рѣшительно недоумѣваемъ, для чего онъ напечатанъ и какой дѣвушка можетъ быть приписанъ такой дневникъ. Приведемъ маленький отрывокъ изъ него: „...Мнѣ было ужасно стыдно и неловко; домой вернуться я не могла, да, притомъ же, онъ меня видѣлъ. Я не перешла на другую сторону и не открывала зонтика, хотя дождь шелъ порядочный. На мосту онъ (дождь?) подошелъ ко мѣ и сказалъ, чтобы я открыла зонтикъ, оттого что я совсѣмъ промокла. Онъ (кто онъ? зонтикъ?) мнѣ еще что-то сказалъ, но я не слыхала, что именно, потому что въ это время къ нему подѣхалъ какой-то господинъ небольшого роста, подозвавъ его къ себѣ и повелъ его въ ресторанъ. Я прошла мимо нихъ и видѣла, какъ они сидѣли за столомъ. На обратномъ пути я ихъ не видѣла; строятно, они уже уѣхали. Я пришла домой...“ Окрываемъ наудачу въ другомъ мѣстѣ: „Сегодня мнѣ *попало* отъ мамы, что я такъ поздно домой пришла... Сегодня у меня лѣвый бокъ невыносимо болитъ. Я думаю, что *отъ кареты*, когда Алексѣй меня сжималъ въ своихъ объятіяхъ, мнѣ *бланжетка* ужасно давила грудь. Вечеромъ я еле дышала...“ Кто же „дѣвушка“, пишущая этотъ „дневникъ“: горничная, портниха, прачка,—авторъ этого не объясняетъ, но, по всѣмъ признакамъ, пишущая дневникъ принадлежитъ къ среднему кругу людей образованныхъ, чему, однако же, не соответствуютъ ни тонъ, ни языкъ ея писанія. Мы могли бы думать, что это просто неудачная поддѣлка автора подъ писательство молодой, плохо образованной дѣвицы, если бы, отерывши опять наудачу, не прочли нижеслѣдующаго обрацника сочинительства самого г. Сутугина: „Всѣ его мысли при женитбѣ на Жениной подругѣ—Катѣ, что, хотя онъ ея не любитъ, онъ все же дол-

женъ на ней жениться, такъ какъ она его любитъ, и что вообще это, должно быть, предопредѣленіе высшаго существа, что такъ должно быть и потому это хорошо, мысли, навѣянная невысказанной словами флософіей большихъ романовъ графа Толстаго, какъ онѣ легко и сразу разбились, какъ легко онѣ уступили мѣсто другимъ мыслямъ, что это было, все-таки, ошибка, а должно было быть совсѣмъ другое—его жизнь съ Женей Кармалиной. Какъ онъ можетъ себя утѣшать, что онъ теперь не ошибается, считая за настоящія свои чувства къ Женѣ, когда и прежде почти осызала рука предопредѣленія, указующая на слѣдующую его свадьбу и жизни съ Катей“. Поняли, читатель? Мы, хоть убейте, ничего не понимаемъ. И вотъ такимъ-то удивительнымъ языкомъ написана почти сплошь вся книжка г. Сутугина. Ни о какихъ *Карриатурахъ любви* въ ней нѣтъ и помина.

Разсказы Д. Болконскаго. Москва, 1890 г. Ц. 75 к. Фамилія г. Болконскаго намъ никогда не встрѣчалась въ печати, и мы вправѣ предполагать, что авторъ лежащихъ передъ нами разсказовъ только что начинаеть свою литературную карьеру. Если онъ молодой человѣкъ, то начало—очень недурно. *Разсказы* написаны хорошимъ языкомъ, просто, непритязательно; въ нихъ видны наблюдательность и добрыя чувства, проглядываетъ талантъ. Четыре разсказа, помѣщенные въ этой книжкѣ, передають не событія, а извѣстное настроеніе человѣка въ данный моментъ его жизни, это—маленькіе психологическіе этюды. Въ первомъ разсказѣ, озаглавленномъ *Встрѣча*, очень живо и тонко изображено внутреннее состояніе юноши, только что пустившагося въ писательство, при встрѣчѣ съ литературною знаменитостью. Въ очеркѣ *Случай* разсказывается, какъ одинъ слабохарактерный господинъ задумалъ разводиться съ женою, очень хорошею женщиной, и потомъ раздумалъ это дѣлать, подъ вліяніемъ добраго товарища. Въ разсказѣ *Сутки* авторъ ярко описываетъ всѣ тревоги, переживаемыя любящимъ мужемъ въ ожиданіи появленія на свѣтъ перваго ребенка своей жены. Послѣдній разсказъ *Похороны* даетъ тяжелую картину семьи мелкаго чиновника, у котораго умираеть жена, оставляя на рукахъ мужа двоихъ сиротокъ. Искренность автора сильно подкупаетъ читателя въ пользу г. Болконскаго. Только... не слѣдовало бы за книжку въ 85 крошечныхъ страничекъ назначать такую несообразно-высокую цѣну.

Родные звуки, сборникъ стихотвореній писателей - самоучекъ. Выпускъ первый. Москва, 1889 г. Ц. 50 к. Съ первой же строки слышатся „родные звуки“ въ словахъ „писатели - самоучки“. Только у насъ на Руси и встрѣчаются механики - самоучки, изобрѣтатели - самоучки, даже самоучки-врачи; о самоучкахъ - ремесленникахъ и говорить нечего,—имъ счета нѣтъ. Насъ не удивишь никакимъ „самоучкой“. Но мы, все-таки, не совсѣмъ ясно понимаемъ, что должны обозначать слова „писатель-самоучка“. Школы, выпускающія несамоучекъ, есть всякія, только нѣтъ такой, гдѣ бы обучали „писательству“. Какъ же поимать выставленныя на оберткѣ книжки слова „самоучки“? Вѣдь, гдѣ же яибудь да учились авторы собранныхъ тутъ стихотвореній? И, наконецъ, что это за титулъ „самоучка“ для писателя? Какое дѣло публикѣ до того, какъ и гдѣ обучался тотъ или другой писатель,—у дьячка, въ приходскомъ училищѣ или въ университетѣ, или своимъ умомъ, безъ посторонней помощи „произшелъ грамоту“? Гдѣ бы кто ни обучался, для писательства, прежде всего, нуженъ талантъ. Образованіе способствуетъ, конечно, развитію таланта; но таланта замѣнить не можетъ. Отрекомендовываясь „самоучками“, авторы лежащихъ пе-

редъ нами стиховъ хотѣли сказать, вѣроятно, что они не прошли ни высшей, ни средней школы. Это ужъ ихъ дѣло и до насъ ничуть не касается. Достоинство литературнаго произведенія оцѣнивается совершенно независимо отъ образовательнаго ценза писателя. Самоучкою, т.-е. самообразованіемъ, можно достигнуть очень солидныхъ знаній: Бокль, напримѣръ, былъ самоучка. Если же кто выставляетъ свой титулъ „самоучки“ для оправданія своего плохаго сочинительства и для снисканія снисхожденія, то онъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ весьма неосновательно: плохо написанное не станетъ отъ того лучше, что авторъ не смогъ безъ посторонней помощи выучиться писать какъ слѣдуетъ: не выучился, такъ и не берись за неподходящее дѣло, а взялся, такъ дѣлай его хорошо; дурно сдѣлаешь, не взыщи,—такъ и скажутъ, что дурно написалъ. Что же касается стихотворцевъ, напечатавшихъ свои произведенія въ книжкѣ *Родные звуки*, то ихъ стихи не лучше и не хуже множества стихотвореній, иногда печатающихся въ журналахъ, по большей же части выбрасываемыхъ редакторами подпольемъ въ корзину. Главный недостатокъ, общій почти всѣмъ стихотвореніямъ, собраннымъ въ этой книжкѣ, заключается въ отсутствіи оригинальности и самобытности; почти всѣ они оказываются подражаніями болѣе или менѣе извѣстнымъ поэтамъ, отчасти, просто, перифразами чужихъ произведеній.

Фаустъ, трагедія Гёте. Переводъ Н. Голованова. Москва, 1889 г. Изд. А. А. Карцева. Цѣна 1 рубль. Переводчикъ ограничился пока переводомъ первой части *Фауста*. Переводъ сдѣланъ хорошими стихами, и въ немъ видно пониманіе г. Головановымъ подлинника и умѣнье найти въ русскомъ языкѣ выраженія и обороты, соответствующіе мысли автора. Г. Головановъ не такъ дословно переводитъ трагедію великаго поэта и мыслителя, какъ это дѣлалъ А. А. Фетъ; но въ переводѣ молодого писателя точно и вразумительно переданъ смыслъ подлинника. Дѣло не обошлось, однако же, безъ существенныхъ промаховъ въ такомъ родѣ, напримѣръ: Валентинъ, смертельно раненый, говоритъ Маргаритѣ:

„Тебѣ не обходить наложь,
Тебѣ вѣнца не надѣвать,
Тебѣ повязкой кружевной
Среди подругъ не щеголять“...

Въ подлинникѣ нѣтъ ни „наложь“, ни „вѣнца“, по той простой причинѣ, что у католиковъ вѣнцовъ не надѣваютъ и вокругъ аналога не водятъ. Напрасно г. Головановъ присочинилъ это; Гёте можно только переводить и отнюдь нельзя дополнять и присочинять за него отъ себя, хотя бы и незначительныя фразы, а ужъ тѣмъ болѣе такія совершенно несообразныя съ дѣйствительностью. Нельзя говорить по-русски: „сама, однако“, не *стало*тъ твачами“ (стр. 77), или: „и чѣмъ противнѣе *стаетъ*“ (стр. 172). Слѣдуетъ избѣгать такихъ стиховъ:

„Тамъ вамъ разумокъ промунтровать,
Въ колодки разумъ замнуровать“... (стр. 77),

когда можно сказать: „тамъ вашъ разумокъ“... Вообще же, г. Головановъ прекрасно владѣетъ стихомъ и, повидимому, одаренъ поэтическимъ талантомъ. Нашъ добрый совѣтъ молодому переводчику—какъ можно тщательнѣе отдѣлывать свои произведенія и строго держаться оригинала.

Меденя, драма Еврипида. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. (Дешевая Библиотека). Цѣна 30 коп. Маленькая книжка эта, послѣ краткаго введенія (I—XVI стр.), гдѣ говорится объ устройствѣ театра у древнихъ грековъ и излагается біографія Еврипида и мнѣзъ

объ Аргонавтахъ, заключаетъ въ себѣ прозаическій переводъ трагедіи (1—48 стр.) и объяснительныя примѣчанія къ нему (49—56). Переводъ сдѣланъ довольно правильнымъ языкомъ, но авторъ, желая приблизить его къ разговорному, впасть въ другую крайность и сдѣлалъ его нѣскольکو вульгарнымъ: по крайней мѣрѣ, употребленіе такихъ словъ, какъ „пакость, подличать, подлець, мерзавецъ“ и т. д., при переводѣ подобнаго произведенія не можетъ быть допущено. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ переводчикъ не понялъ греческаго текста. Укажемъ нѣсколько такихъ ошибокъ.

Въ 561 ст. Язонъ говоритъ, что „бѣднаго всякій другъ оставляетъ“. Г. Алексѣевъ перевелъ это мѣсто совершенно неправильно: „нѣтъ друзей, его всѣ сторонятся“ (т.-е. того, у кого нѣтъ друзей). Еще хуже переведенъ ст. 565 и сл. Язонъ, въ оправданіе себѣ, хочетъ сказать, что онъ женится на царской дочери для того, чтобъ будущія отъ нея дѣти помогали его прежнимъ дѣтямъ отъ Медеи. Въ переводѣ эта мысль передана совершенно наоборотъ и безъ всякаго смысла: „мнѣ же они (=дѣти) нужны, чтобы мои теперешнія дѣти помогали будущимъ“ (ошибка произошла здѣсь отъ того, что г. Алексѣевъ, позабывъ конструкцію глагола *opesai*, соединилъ его съ дат. п.). Далѣе, въ разговорѣ своемъ съ Медеей, Эгей рассказываетъ, что онъ получилъ непонятное предсказаніе отъ Апполона. На вопросъ ея, можно ли ей узнать, въ чемъ оно заключается, Эгей отвѣчаетъ (ст. 677): „конечно, тѣмъ болѣе, что для разгадки его нуженъ именно умный человѣкъ“. Изъ этого комплимента въ переводѣ г. Алексѣева вышло оскорбленіе: „Ну, разумѣется, но разгадать его можетъ только умный человѣкъ“. Такъ же превратно переданы слова Язона, съ которыми онъ обращается къ хорѣ женщинъ, послѣ того какъ Медея убила своихъ дѣтей (ст. 1298 и сл.): „Женщины,—говоритъ онъ у г. Алексѣева,—вы *стояли* возлѣ этого дворца,—не знаете, здѣсь ли еще ужасная преступница Медея, или *собирается бѣжаты*?“ Въ подлинникѣ находимъ совсѣмъ другое: вмѣсто „стояли“, надо сказать „*стоитте*“, а вмѣсто „собирается бѣжаты“, надо „уже убѣжала“.

Встрѣчается не мало и другихъ ошибокъ и недосмотровъ, которые портятъ удовлетворительный въ общемъ переводъ.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. А. Н. Пыпина.—„Сочиненія“ В. Д. Спасовича.

Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. А. Н. Пыпина. Изданіе 2-е. Спб., 1889 г. Цѣна 3 руб. 50 к. Первое изданіе превосходнаго труда А. Н. Пыпина давно уже разошлось. Авторъ внесъ въ него теперь значительныя дополненія и измѣненія въ подробностяхъ. Наибольше переработана глава о Пушкинѣ. Цѣль книги—„отмѣтить собственно общественную сторону тогдашняго литературнаго движенія, потому что, какъ строго ни были исключаемы надзоромъ общественныя вопросы изъ тогдашней литературы, они въ ней неудержимо пробивались и угадывались читателями“. Г. Пыпинъ останавливается преимущественно на людяхъ сороковыхъ годовъ, съ которыми связаны лучшія стремленія нашего времени. „Ихъ историческая судьба,—прибавляетъ почтенный ученый,—пусть послужитъ ободряющимъ примѣромъ для тѣхъ, кого смущаютъ трудности настоящаго“.

Въ нашей рецензіи мы можемъ только указать на богатство содержанія книги г. Пыпина. Обрисовавши романтизмъ Жуковского, авторъ даетъ обширную характеристику Пушкина, оцѣнивая различные взгляды на великаго поэта. Третья глава посвящена *официальной народности*, четвертая—проявленіямъ скептицизма (Чаадаевъ). Затѣмъ А. Н. Пыпинъ изображаетъ развитіе научныхъ изслѣдованій народности. Страницы, отведенныя характеристикѣ славянофильства, отличаются и безпристрастіемъ, и глубокимъ знаніемъ дѣла. Слѣдующая (VIII) глава занята характеристикой Гоголя, девятая—Бѣлинскаго.

Для исторіи нашего литературно-общественнаго развитія въ николаевское время *Характеристики литературы нашего мѣстной г. Пыпина* являются незамѣнимымъ пособіемъ. Нельзя достаточно рекомендовать эту книгу, которая отличается въ высокой степени тщательнымъ изученіемъ предмета и бодрою мыслью. Свѣтлѣе на душѣ становится, когда читаешь подобныя сочиненія. „Насъ отдѣляетъ,—говоритъ г. Пыпинъ,—отъ литературныхъ школъ сороковыхъ годовъ цѣлый періодъ новаго развитія, въ которомъ совершилось много важныхъ событій, общественныхъ и литературныхъ; теперь привыкли считать описываемое нами время давнимъ прошлымъ, которое мы далеко опередили; но, какъ ни важны многія изъ совершившихся переменъ, въ сущности, наше время, по своему содержанію, еще не такъ далеко ушло отъ этого давняго прошедшаго и не исполнило тѣхъ задачъ, которыя это прошедшее ставило нашему общественному развитію и литературѣ. Не будемъ говорить о тѣхъ понятіяхъ гражданской жизни, которыя были уже прочно усвоены лучшими людьми той эпохи и которыя до сихъ поръ еще не были признаны нашимъ временемъ и не получили мѣста въ учрежденіяхъ. Вопросъ образованія, хотя самимъ обществомъ было положено не мало прекрасныхъ намѣреній и дѣйствительнаго труда для его разъясненій, все еще находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ умахъ и нравахъ общества, и въ самыхъ учрежденіяхъ не существуетъ то понятіе, безъ котораго немислимы серьезные успѣхи въ образованіи,—понятіе о свободѣ научнаго изслѣдованія“.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ I и II. Спб., 1889 г. Въ собраніе сочиненій г. Спасовича войдутъ почти всѣ его произведенія, кромѣ *Учебника уголовнаго права* (1863 годъ), отдѣльно изданной книги *Жизнь и политика маркиза Велѣпольскаго* и исторіи польской литературы (во второмъ томѣ *Исторіи славянскихъ литературъ* А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича). Два вышедшія тома заняты критико-литературными статьями. Изъ нихъ характеристики Сырокомли, Матушевича и Поля, напечатанные первоначально по-польски, на русскомъ языкѣ являются только въ собраніи сочиненій высокодаровитаго критика и юриста. Весьма интересны статьи о Гамлетѣ и о Байронѣ. Онѣ блещутъ умомъ и тонкимъ анализомъ. Насъ менѣе удовлетворяютъ статьи о Пушкинѣ и Лермонтовѣ. О нихъ *Русская Мысль* давала своевременно отзывъ, когда этюды эти были напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы*. Оба тома *Сочиненій* В. Д. Спасовича читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Съ нѣкоторыми мнѣніями автора трудно согласиться (онъ считаетъ, напримѣръ, *Новую Элоизу* важнѣйшимъ изъ произведеній Руссо); но въ каждомъ изъ такихъ мнѣній многое возбуждаетъ самое серьезное вниманіе. Намъ кажется, что труды г. Спасовича характеризуются, со стороны ихъ общественнаго значенія, слѣдующими словами, которыми кончается статья о *Владиславѣ Сырокомлѣ* (Кондратовичъ): „Цѣлыхъ два материка, какими оказались традиція съ одной

стороны и новыя стремленія — съ другой, представились нашимъ глазамъ еще болѣе взаимно отдаленными, какъ будто шире разлилось разъединяющее ихъ море. А, все-таки, работать надъ сближеніемъ ихъ необходимо и мостъ съ одного на другой строить должно, но только болѣе постепенно, систематично и прочно“. Съ нашей точки зрѣнія, г. Спасовичъ не всегда правильно опредѣляетъ, куда надо строить мостъ; по свою долю этой работы онъ исполняетъ, во всякомъ случаѣ, мастерски.

Къ первому тому литературныхъ очерковъ и портретовъ приложенъ портретъ автора.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени“. Д. Г. Льюиса.—
„Духъ и тѣло“. Хэксъ-Тюка.

Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ Д. Г. Льюиса. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко. Спб., 1889 г. Отмѣтимъ совершенно особенный характеръ *Исторіи философіи* Льюиса. Льюисъ—позитивистъ и это владеть особенную печать на его историко-философскія изслѣдованія. По его мнѣнію, философія (разумѣется, умозрительная) потеряла всякое значеніе въ Европѣ. Цѣль его книги доказать, что философія больше уже не можетъ существовать. „Философія была величайшею родоначальницей науки. Она освободила благороднѣйшую часть человѣка отъ господства скотской апатіи и безпомощнаго невѣжества, питала его умъ высокими стремленіями, требовала отъ него великихъ усилій, давала ему великую жажду знанія, облагородившую его жизнь, и сдѣлала его способнымъ увеличить его существованіе и счастье. Сдѣлавъ это, ея роль сыграна. Нашъ интересъ къ ней есть только историческій интересъ. Цѣль этой исторіи—показать, каемъ образомъ и почему интересъ къ философіи сдѣлался только историческимъ интересомъ. Въ этой цѣли находится дѣйствительная оригинальность настоящаго сочиненія. До сихъ поръ еще не было исторіи философіи, которая была бы написана человѣкомъ, окончательно извѣрившимся въ возможность метафизической достовѣрности“ (стр. 26). Выходя изъ такой цѣли, авторъ подвергаетъ критикѣ каждую систему. „Мое изложеніе,—говоритъ Льюисъ,—постоянно сливается съ критикой. Таковъ способъ изложенія оказался необходимымъ въ виду того, что моею цѣлью было доказать, что никакая метафизическая система не имѣетъ въ самой себѣ принципа жизненности, и что если ни одна не утвердилась прочно въ наукѣ, то потому только, что не заслужила этого. Вслѣдствіе такой задачи, мнѣ приходилось каждый разъ приводить заключительный выводъ, къ которому я приходилъ при изученіи метафизическихъ задачъ“. Такая задача дѣлаетъ самое изложеніе и содержаніе исторіи односторонней. Такъ, у него совсѣмъ не разсматриваются философскія теоріи Востока, изъ исторіи среднихъ вѣковъ излагаются системы только нѣсколькихъ философовъ. Эта же задача приводитъ его къ нѣкоторымъ одностороннимъ сближеніямъ между философскими системами, уважанія на преемственность нѣкоторыхъ системъ натянута, особенно въ до-сократовской философіи. Но, несмотря на эти односторонности, книга Льюиса является классическимъ произведеніемъ въ историко-философской литературѣ и признана таковой даже въ богатой историко-философскими трудами германской литературѣ. Такое положе-

ніе она завоевала своимъ необычайно яснымъ, живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ, дѣлающимъ ее доступной для всякаго читателя даже не имѣющаго специальной философской подготовки.

Что касается русскаго перевода г. Чуйко, то нельзя не замѣтить, то онъ сдѣланъ довольно небрежно. Часто встрѣчаются промахи, затрудняющіе пониманіе излагаемаго авторомъ, въ особенности въ началѣ книги. Наприм., на стр. 19: „Философъ долженъ, прежде всего, доказать, что существуетъ полное совпаденіе между природой и ея интуитивнымъ разумомъ“, вмѣсто *eo*. Стр. 24: „Нашъ опытъ ограниченъ послѣдствіями и явленіями“, вм. „послѣдовательностями“. Стр. 37: „Всѣ вещи берутъ начало отъ него (т.-е. отъ воздуха), всѣ вещи *разрушаются въ воздухѣ*“, вм. „обращаются въ воздухъ“. Стр. 43: „Но человѣческій умъ такъ трудно отрѣшается отъ своихъ собственныхъ абстракцій и рассматриваетъ ихъ только какъ абстракціи“, вм. „чтобы рассматривать“ и т. д. Попробуйте понять такую фразу. Стр. 9: „Презрѣніе къ метафизическимъ умозрѣніямъ прошлыхъ вѣковъ есть *послѣднее* (?) чувство, которое мною никогда не будетъ одобрено, хотя я убѣжденъ, что всѣ эти умозрѣнія являются плодомъ заблужденія“; или, стр. 16: „Мы бы не открыли ни одного острова, если бы не выступали въ море съ пѣлью дойти до заката солнца“ (?). Можно было бы также привести много примѣровъ извращенія русскаго языка вродѣ приведеннаго выше: „сдѣлавъ это, роль ея сыграна“ и пр. Нельзя не поставить въ упрекъ также и того, что книга изобилуетъ опечатками; цитаты, въ особенности греческія, исказены до неузнаваемости.

Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Хэкъ-Тюка. Переводъ П. Викторова. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1888 г. Объ отношеніи душевной дѣятельности къ тѣлесной писалось очень много, въ особенности часто вопросъ этотъ рассматривался съ точки зрѣнія чисто - философской; но насчитывается большое количество сочиненій, трактующихъ этотъ вопросъ и съ *научной* точки зрѣнія. Авторы этихъ послѣднихъ всегда стремились доказать зависимость *душевной* дѣятельности отъ тѣлесныхъ отправленій. Въ сочиненіи же Хэкъ-Тюка доказательства ведутся, такъ сказать, съ другой стороны, а именно онъ указываетъ на зависимость *тѣлесныхъ* отправленій отъ душевныхъ. „Мы намѣрены доказать,—говоритъ авторъ во вступленіи,—ту часто допускаемую, слишкомъ часто забываемую и еще чаще не признаваемую истину, что духъ, заключающій въ себѣ сознаніе, чувство и волю, производитъ огромное то благоприятное, то вредное вліяніе на тѣло, съ которымъ связанъ,—на тѣло, т.-е. на ощущенія, движенія и органическія функціи. Мы будемъ говорить о чувствительности специальной и общей, но единственно съ точки зрѣнія вліянія, производимаго на него сознаніемъ, чувствомъ и волей“.

Въ четвертой части рассматривается вопросъ, имѣющій и практическое значеніе, именно вліяніе духа на тѣло при леченіи болѣзней.

Книга Хэкъ-Тюка по богатству фактическаго матеріала представляетъ интересъ для всякаго, имѣющаго какое-либо соприкосновеніе съ вопросомъ о связи душевныхъ и тѣлесныхъ отправленій.

АРХЕОЛОГИЯ.

„Русскія древности въ памятникахъ искусства“. Гр. Толстаго и Н. Кондакова.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый (второе издание): классическія древности южной Россіи. Выпускъ второй: древности скиео-сарматскія. Превосходное издание гр. Толстаго и Н. Кондакова пользуется заслуженнымъ успѣхомъ, какъ видно уже изъ того, что первый выпускъ его менѣе чѣмъ въ годъ выдержалъ второе издание. Сами издатели считаютъ основною задачей изданія — массу рисунковъ и снимковъ, предлагаемыхъ публикѣ за чрезвычайно дешовую цѣну (1 р. за выпускъ); текстъ же имѣетъ въ изданіи значеніе служебное. Первая задача выполнена безупречно, и критикѣ остается развѣ только пожелать, чтобы выборъ предметовъ для изображеній не ограничивался сокровищами Эрмитажа, а дѣлался бы и изъ другихъ археологическихъ собраній. Но нужно прибавить, что только для послѣдующихъ выпусковъ другія собранія могутъ дать нѣчто заслуживающее вниманія даже при эрмитажныхъ коллекціяхъ. За то критика не можетъ не высказать пожеланія, чтобы на текстъ обращено было издателями больше вниманія, чѣмъ это видно въ двухъ вышедшихъ выпускахъ. Издатели, очевидно, имѣютъ цѣлью дать только популярное изложеніе, не вдаваясь въ ученые изслѣдованія и сообщая только ихъ результаты. Но намъ кажется, что, во-первыхъ, и эта цѣль могла бы быть лучше достигнута и что, во-вторыхъ, эта цѣль врядъ ли можетъ остаться исключительною цѣлью изданія. Если бы существовала исторія русскаго искусства, ее, конечно, оставалось бы только популяризировать. Но исторія русскаго искусства должна еще быть создана, и изданію гр. Толстаго и г. Кондакова поневолѣ придется участвовать въ этомъ созданіи: вотъ почему, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ издателямъ воздержаться отъ изслѣдовательской роли. Съ другой стороны, кругъ читателей этого изданія по самому существу дѣла такой, что вполне допускаетъ при общедоступности изложенія не жертвовать и научностью. Пока дѣло шло о популяризаціи эпохи классическаго искусства греческихъ черноморскихъ колоній, — эпохи лучше изслѣдованной, — можно было не замѣчать внутренняго противорѣчія разныхъ задачъ разбираемаго изданія, но уже во второмъ выпускѣ это противорѣчіе становится весьма замѣтнымъ. Литература о Скиеи все еще довольно велика сравнительно съ литературой археологическихъ изслѣдованій остальныхъ частей Россіи; но уже тутъ встрѣчаемъ ученые контрroversы относительно самыхъ основныхъ вопросовъ: объ этнографіи и топографіи Скиеи необходимо говорить и въ популярномъ изложеніи, и нельзя говорить только о несомнѣнномъ, необходимо выбирать и среди спорнаго. Издатели всю первую половину (82 стр. изъ 160) втораго выпуска составили изъ непрерывныхъ почти цитатъ древнихъ авторовъ о скиеяхъ и сарматахъ: мысль счастливая — дать читателямъ самый матеріалъ спорныхъ мнѣній; но тогда надо дать и средства разобраться въ этомъ матеріалѣ: какая польза для читателя прочесть Геродотовское мѣсто о скиескомъ четырехугольникѣ, изложенное хотя и неясно, но съ очевидною склонностью къ одному изъ его толкованій и, притомъ, не зная даже о самомъ существованіи спора по поводу этого мѣста; или какая польза читать на восьми страницахъ подлинный рассказъ Геродота о походѣ Дарія, когда затѣмъ въ двухъ строчкахъ рѣшается мимоходомъ самый существенный вопросъ: какъ далеко

зашель, дѣйствительно, Дарій въ Скию? Мимоходомъ говорится и объ пранствѣ сарматовъ и объ ошибкахъ Бруна, а это самыя важныя темы скиео-сарматской литературы: надо было изложить подробнѣе результаты работъ Мюлленгофа, Юркевича, Всева Миллера; надо было обстоятельнѣе разобратъ вопросы скиеоской топографіи. Вторая половина текста посвящена разсказу о раскопкахъ въ южной Россіи; изложены результаты раскопокъ Куль-обской гробницы, Александропольскаго, Геремесовскихъ, Краснокутскаго, Чертомлыцкаго, Семибратнаго и др. кургановъ. Если первая часть даетъ слишкомъ мало свѣдѣній обыкновенному читателю, то вторая въ интересахъ того же читателя могла бы быть сокращена: подробный перечень всѣхъ найденныхъ при каждой изъ раскопокъ вещей врядъ ли можетъ имѣть общій интересъ. Кончается книга тѣмъ, что должно бы было составлять главное ея содержаніе: описаніемъ и классификаціей характеристикѣйшихъ изъ найденныхъ вещей. Вся эта часть занимаетъ всего 20 страничекъ (135 — 155), изъ которыхъ только 7 (148—155) относятся собственно къ варварскому искусству; здѣсь встрѣчаемъ попытку прослѣдить на памятникахъ постепенный ходъ выработки варварскаго стиля; но, благодаря чрезмѣрной краткости изложенія, и эти семь страничекъ, для которыхъ собственно и написана вся книга, пропадутъ для многихъ читателей. Можетъ быть, такое странное распредѣленіе изложенія, скрадывающее какъ разъ то, что составляетъ центральный интересъ, и выдвигающее впередъ неинтересныя и утомительныя для большинства подробности и цитаты, объясняется мнѣніемъ издателей, что „сводить въ одно цѣлое памятники скиеоской древности было бы преждевременно“. Но обойтись безъ такого сведенія невозможно; популяризовать науку — не значить сообщать одни матеріалы въ ожиданіи будущаго вывода, а значить знакомить публику съ выводомъ, который при современномъ состояніи изученія представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Такимъ образомъ, мы опять возвращаемся къ мнѣнію, что въ интересахъ самой популярности изданіе гг. Толстаго и г. Кондакова должно было бы болѣе вводить читателя въ современное состояніе научнаго изученія, не отступая даже передъ дальнѣйшимъ развитіемъ въ самомъ этомъ изданіи текущей изслѣдовательской работы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen“ von A. von Miaskowski.

Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen. Vorträge, Referate und Gutachten von Augustus von Miaskowski. 1889. Книга проф. Мясковскаго представляетъ сборникъ статей, написанныхъ авторомъ въ періодъ между 1880 и 1888 гг. Какъ видно изъ заглавія, предметомъ собранныхъ лекцій, докладовъ и отзывовъ служатъ текущіе и спорные вопросы поземельной политики; оглавленіе же показываетъ, что рѣчь идетъ преимущественно и почти исключительно о Германіи, которой отведено 11 статей изъ 12. Обращаясь въ предисловіи къ Гансену, которому посвящена книга, проф. Мясковскій говоритъ, что имъ руководило стремленіе „удерживать теорію въ связи съ жизнью, ея измѣняющимися явленіями и требованіями“, и дѣйствительно, сборникъ статей нѣмецкаго профессора касается самыхъ живучихъ и настоятельныхъ вопросовъ дня, — вопросовъ, которые вызываютъ въ наукѣ наиболѣе крупныя и коренныя разногласія, въ жизни — самую горячую и оже-

сточенную борьбу интересовъ и партій. Если бы не повторенія, неизбежныя при собраніи докладовъ, читанныхъ при различныхъ аудиторіяхъ и посвященныхъ вопросамъ одной и той же категоріи, статьи, вошедшія въ книгу Мясковского, могли бы, за исключеніемъ двухъ, составить отдѣльныя главы дѣльнаго изслѣдованія о послѣдствіяхъ сельскохозяйственномъ кризисѣ въ Германіи, его причинахъ и способахъ борьбы противъ него. Таковъ въ немногихъ словахъ главнѣйшій предметъ изслѣдованія Мясковского.

Но, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію разсужденій и выводовъ, которые содержатся въ книгѣ, посмотримъ, какова общая точка зрѣнія ея автора, какъ онъ самъ характеризуетъ ее въ своихъ статьяхъ и докладахъ.

Опредѣляя основные принципы своихъ убѣжденій въ рефератѣ, читанномъ въ 1882 г. въ собраніи общества социальной политики по вопросу о распредѣленіи поземельной собственности и реформѣ наследственнаго права въ Германіи, Мясковский сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Всѣ мы твердо держимся приобрѣтеній нашей культуры и ея экономического краеугольнаго камня—частной собственности и личной свободы, но мы желали бы сдѣлать эти приобрѣтенія доступными все большому и большому кругу лицъ и такимъ путемъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить пронасть, отдѣляющую имущіе классы отъ неимущихъ“. Сохраненіе основныхъ устоевъ современной организаціи народнаго хозяйства составляетъ для Мясковского первое условіе при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ; онъ расходится съ воззрѣніемъ „тѣхъ пессимистовъ, которые считаютъ существующія экономическія и социальныя отношенія настолько безнадежными, что, по ихъ мнѣнію, можно помочь дѣлу только путемъ полного измѣненія существующаго порядка вещей, въ особенности же при помощи замѣны частной собственности на землю коллективною“. Съ другой стороны, Мясковский не согласенъ и съ „тѣми квиетистическими оптимистами, которые кладутъ руки въ карманъ и хотятъ, какъ говоритъ русская поговорка, ждать у моря погоды“. Отвергая крайности, авторъ примыкаетъ къ среднему воззрѣнію и, оставаясь на почвѣ существующихъ отношеній, является сторонникомъ государственнаго вмѣшательства и законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ уравниванію интересовъ классовыхъ и личныхъ согласно общественному.

Эта точка зрѣнія, характеризуемая умѣренностью и одинаково враждебная фритредерству и социализму, проходитъ черезъ всю книгу, отъ первой страницы до послѣдней, и авторъ твердо держится ея во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, основывая на ней объясненіе причинъ изслѣдуемыхъ имъ явленій и предложеніе мѣръ, которыя, по его мнѣнію, могутъ явиться средствомъ борьбы съ существующими бѣдствіями.

Въ какомъ же видѣ представляется автору съ этой точки зрѣнія тяжелый кризисъ, поразившій германское земледѣліе въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и въ чемъ онъ видитъ исходъ изъ существующихъ затрудненій?

Въ статьѣ *Современное положеніе германскаго земледѣлія* (1883 г.) мы находимъ сжатую исторію кризисовъ, которымъ подвергалось сельское хозяйство въ Германіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія. Переживъ по наступленіи мира послѣ наполеоновскихъ войнъ тяжелое время, вызванное паденіемъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты и сокращеніемъ сбыта въ Англію, благодаря хлѣбнымъ законамъ 1815 г., германское земледѣліе вступило въ періодъ процвѣтанія, продолжавшагося до се-

редины 70-х годовъ. Съ этого времени снова начался упадокъ, длившійся непрерывно въ теченіе слишкомъ цѣлаго десятилѣтія. Основною причиною этого кризиса Мясковскій считаетъ тѣ измѣненія, которыя съ половины текущаго столѣтія начали проявляться въ характерѣ международной торговли и сущность которыхъ заключается въ томъ, что въ страны Западной Европы стали ввозиться не только продукты, не произведенныя въ нихъ или недостающіе имъ, а также и такіе, въ которыхъ не ощущалось недостатка, но которые доставлялись изъ-за границы по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ производились дома. Для сельскаго хозяйства имѣлъ, разумѣется, опредѣляющее значеніе ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые въ началѣ 80-хъ годовъ стали наводнять всемірный рынокъ. Въ то время, какъ въ 1850 г. было привезено въ Лондонъ для продажи 16.203,312 центнеровъ пшеницы, въ 1870 году количество послѣдней достигло 30.901,229, а въ 1885 г.—61.489,864 центн. Россія, Сѣверная Америка и Индія выбрасывали на международный рынокъ съ каждымъ годомъ все большее и большее количество зерноваго хлѣба, хотя въ возрастаніи экспорта эти страны участвовали далеко не въ равной мѣрѣ. Тогда какъ вывозъ Индіи увеличился съ 3,910 тоннъ въ 1870 г. до 109,778 въ 1880 и 1.113,167 въ 1887 г., количество пшеницы, вывезенной изъ Сѣв. Америки, спустилось съ 99.572,329 бушелей, экспортированныхъ въ 1880 году, до 41.655,653 въ 1883, повысилось только въ 1885 году до 52.382,587. На ряду съ увеличеніемъ ввоза падали цѣны, и если принять среднюю цѣну на главные виды хлѣба въ періодъ 1847—67 гг. за 100, въ 1868—72 цѣны стояли на 109, въ 1873—74 на 117, въ 1875—77 на 110, въ 1878—80 на 93, а съ 1881—85 на 89 и ниже. Это паденіе цѣнъ и составляетъ главнѣйшую причину сельско-хозяйственнаго кризиса, тяготящаго надъ Германіей и характеризуемаго Мясковскимъ какъ „состояніе упавшей и падающей поземельной ренты“.

Кризисъ засталъ германскаго хозяина совершенно неподготовленнымъ; земли, приобрѣтенныя въ періодъ повышавшейся ренты, были куплены, въ надеждѣ на дальнѣйшее повышение, по слишкомъ высокой цѣнѣ и отягчены непомерными долгами; привычки, составившіяся въ эпоху благоденствія, мѣшали землевладѣльцу приоровить свой образъ жизни къ новымъ условіямъ; кредитныя учрежденія не отвѣчали потребностямъ сельскаго населенія; наконецъ, недостатокъ знанія и инициативы содѣйствовалъ увеличенію задолженности и упадку менѣе счастливо обставленныхъ хозяевъ. Результатомъ такого положенія явилось паденіе слабѣйшихъ хозяйствъ, и если многія изъ нихъ еще держатся на поверхности, то, безъ сомнѣнія, еще многимъ предстоитъ выбыть изъ рядовъ, такъ что послѣдствія настоящаго кризиса явятся въ полномъ цѣлѣ только въ будущемъ.

Не останавливаясь на множествѣ интересныхъ подробностей, которыя содержитъ статья о современномъ положеніи германскаго земледѣлія, обратимся къ реферату, прочитанному Мясковскимъ въ февралѣ 1883 г. въ прусской коллегіи сельской экономіи по вопросу о положеніи крестьянства въ Пруссіи. Основаніемъ этого реферата послужили данныя, добытыя разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ предшествовавшемъ году по инициативѣ министерства земледѣлія. Изъ сообщенія референта мы видимъ, что на ряду съ острыми кризисомъ, отмѣченнымъ въ изложенной нами статьѣ о германскомъ земледѣліи, въ области послѣдняго совершается другой процессъ, медленно, но неустанно подтачивающій существующее распредѣленіе поземельной собственности въ

Пруссіи. Процессъ этотъ носить двойную форму. „Съ одной стороны,— говоритъ Мясковскій,— крестьянское землевладѣніе, этотъ прочнѣйшій опорный пунктъ нашего общественнаго порядка въ странѣ, распадается на участки малоземельныхъ и бобылей... И съ только что изображеннымъ процессомъ связывается другой, состоящій въ томъ, что крестьянское землевладѣніе непосредственно или косвенно, послѣ своего раздробленія, поглощается среднимъ и крупнымъ“. Въ подтвержденіе своего положенія Мясковскій приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ фактовъ изъ отчетовъ, на которыхъ основанъ его рефератъ. Оказывается, наприм., что въ послѣднее время въ Средней Силезіи, въ округѣ Прекулау, 75% общаго числа участковъ, ускользнувшихъ изъ рукъ крестьянъ, были присоединены къ дворянскимъ имѣніямъ; въ округѣ Сольдемъ то же число выразилось въ 60%, въ Познани поглощены крупнымъ землевладѣніемъ 2,832 крестьянскихъ двора съ площадью земли въ 178,233 моргена. Благодаря этому процессу, крестьянское землевладѣніе въ Пруссіи теряетъ почву далеко не въ незначительномъ размѣрѣ. Такъ, наприм., въ Силезіи въ періодъ между 1850 и 1880 гг. исчезло 4,923 крестьянскихъ участка съ площадью въ 194,855 гектаровъ, въ Познани въ періодъ между 1859 и 1880, т.-е. въ 21 годъ, исчезло 8,396 или 17,54% общаго числа крестьянскихъ участковъ.

Въ статьѣ о распредѣленіи поземельной собственности и реформѣ наследственнаго права въ Германіи Мясковскій распространяетъ эти выводы относительно Пруссіи на всю имперію и, считая въ общемъ существующее въ послѣдней распредѣленіе поземельной собственности нормальнымъ, признаетъ, что „если только не обманываютъ всѣ указанія“, въ этомъ нормальномъ распредѣленіи въ послѣднія десятилѣтія усиливается съ каждымъ годомъ процессъ, выражающійся въ увеличеніи, съ одной стороны, очень крупныхъ, съ другой—слишкомъ мелкихъ владѣній, въ обоихъ случаяхъ на счетъ средняго землевладѣнія“.

Общія причины этого явленія Мясковскій относитъ къ размноженію сельскаго населенія и необыкновенному возрастанію движимаго капитала. Первая изъ этихъ причинъ ведетъ къ дробленію участковъ путемъ дѣленія по наследству, вторая превращаетъ поземельную собственность въ предметъ спекуляціи, такой же, какъ цѣнные бумаги, которыя покупаютъ для того, чтобы продать ихъ съ прибылью. Но рядомъ съ этими причинами дѣйствуютъ и всѣ тѣ, которыя Мясковскій приписываетъ кризисъ, обрушившійся на сельское хозяйство въ Германіи съ половины 70-хъ годовъ: задолженность, слабое развитіе и несовершенство кредитныхъ учреждений и т. п.

Но по даннымъ самого же Мясковскаго видно, что дѣло идетъ, въ сущности, не объ одномъ и томъ же явленіи, хотя во многомъ причины, вызывающія ихъ, одинаковы. Въ то время, какъ кризисъ свирѣпствуетъ только въ теченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ, разрушеніе крестьянскаго землевладѣнія длится непрерывно съ середины нынѣшняго столѣтія. Очевидно, второе изъ указанныхъ явленій, если и ускоряется первымъ и обостряется имъ, все же коренится глубже его и связано съ болѣе общою причиною.

Эту причину на ряду съ размноженіемъ населенія Мясковскій видитъ въ характерѣ дѣйствующаго наследственнаго права и на реформу послѣдняго онъ возлагаетъ самыя крупныя надежды. Мы не будемъ останавливаться на содержаніи трехъ статей, изъ которыхъ двѣ цѣлкомъ посвящены этому вопросу, а одно отчасти, и скажемъ только, что цѣль предлагаемой реформы сводится къ усиленію принципа нераздѣль-

ности крестьянскихъ участковъ. На ряду съ этою основною мѣрой Масковскій предлагаетъ и многія другія, и, прежде всего, упорядоченіе сельско-хозяйственнаго кредита, борьбу съ ростовщичествомъ, развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ, употребленіе государственныхъ имѣній на поддержку обезземеленнаго крестьянства, наконецъ, распространеніе знаний въ сельскомъ населеніи и возбужденіе въ немъ инициативы. Перечисленные предложенія авторъ развиваетъ въ цѣломъ рядѣ статей, полныхъ научнаго и практическаго интереса, а въ двухъ докладахъ, посвященныхъ одинъ биметаллизму, другой покровительственнымъ пошлинамъ на иностранный хлѣбъ, оспаривается цѣлесообразность этихъ двухъ излюбленныхъ дѣтищъ представителей крупнаго землевладѣнія.

Если прибавить къ сказанному, что, кромѣ перечисленныхъ предметовъ, авторъ затрогиваетъ еще два вопроса, не имѣющихъ отношенія къ германскому кризису, но заслуживающихъ полнаго вниманія,—вопросъ о землевладѣніи въ Швейцарскихъ Альпахъ и борьбѣ съ алкоголизмомъ при помощи реформы питейнаго аяциза,—едва ли нужно говорить о томъ, что сборникъ Масковского имѣетъ право на серьезное вниманіе всѣхъ интересующихся вопросами землевладѣнія и сельскаго хозяйства.

Не имѣя возможности хотя кратко остановиться на всѣхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ книгѣ германскаго профессора, мы отмѣтили лишь основную идею и характеръ его изслѣдованія и, прежде чѣмъ закончить нашу рецензію, вернемся еще разъ къ основнымъ положеніямъ автора.

Подтверждая новыми данными заключенія, къ которымъ уже раньше приходили многіе изслѣдователи поземельнаго вопроса, Масковскій неоднократно высказываетъ въ своей книгѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что необходимо употребить самыя энергичныя мѣры для поддержанія германскаго земледѣлія вообще, но, въ особенности и прежде всего, для защиты крестьянства отъ разоренія и гибели. Эта основная мысль, что охраненіе массы народа противъ обезземеленія составляетъ первостепенную задачу законодательства, заслуживаетъ полнаго и безусловнаго сочувствія. Несомнѣнно также, что большинство тѣхъ мѣръ, которыя предлагаетъ Масковскій, могутъ послужить на пользу крестьянству. Но затрогивается ли сущность вопроса тѣми разъясненіями и предложеніями, которыя дѣлаетъ авторъ разбираемаго сборника? Факты, приведенные Масковскимъ, указываютъ на существованіе двойкаго рода явленій. Одни изъ нихъ заключаются въ томъ, что всякое удешевленіе производства въ какой-либо странѣ, производящей въ значительныхъ размѣрахъ хлѣбъ и имѣющей возможность отправлять его на всемірный рынокъ, и всякій крупный урожай въ такой странѣ, вмѣсто того, чтобы являться благодѣяніемъ для человѣчества, неизмѣнно сопровождаются бѣдствіями и нерѣдко гибелью многихъ тысячъ людей; обиліе хлѣба несетъ голодъ, дешевизна пици влечетъ разореніе. Явленія другой категоріи сводятся къ тому, что естественное размноженіе населенія при надѣленіи всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства подростящаго поколѣнія ведетъ, съ одной стороны, къ чрезмѣрному дробленію поземельной собственности, съ другой—къ соединенію слишкомъ большаго количества земли въ однихъ рукахъ. Масковскій признаетъ ненормальность этихъ явленій, но какими же мѣрами предлагаетъ онъ бороться со зломъ? Указывая цѣлый рядъ средствъ противъ послѣдствія кризиса, авторъ книги какъ бы признаетъ неизбежность самаго явленія и не предлагаетъ ничего существеннаго для предупрежде-

нія возможности наступленія самаго факта, потому что ни одна изъ предлагаемыхъ имъ мѣръ не уничтожаетъ и даже не уменьшаетъ зависимости сельскаго хозяйства отъ рынка; то же самое можно сказать и относительно борьбы съ процессомъ обезземеленія крестьянства. Если бы даже въ данный моментъ реформа наследственнаго права въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее Мясковскій, упорядочила поземельныя отношенія, то, несомнѣнно, непрѣмнымъ послѣдствіемъ ея въ ближайшемъ будущемъ было бы увеличеніе безземельнаго пролетариата; въ ту категорію попадали бы всѣ члены семейства, кромѣ одного, а этотъ одинъ съ увеличеніемъ интензивности культуры и усовершенствованіемъ сельско-хозяйственной техники имѣлъ бы въ своихъ рукахъ больше земли, чѣмъ нужно было бы для удовлетворенія его потребности. Гдѣ же рѣшеніе задачи? Мясковскій, по нашему мнѣнію, оставляетъ ее нерѣшенной и даже не приближается къ ея рѣшенію, хотя факты, которые онъ приводитъ, сами говорятъ за то, что эта задача существуетъ и рано или поздно должна быть рѣшена, но, быть можетъ, въ иномъ направленіи, чѣмъ думалъ авторъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Русское уголовное судопроизводство“. Д. Г. Тальберга.— „Взаимное сдѣйствіе государствъ въ производствѣ сдѣйствій по дѣламъ уголовнымъ“. И. Ивановскаго.

Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ Д. Г. Тальберга. Томъ первый. 1889 г. Ц. 2 р. Первую попытку дать полное и научное изложеніе отечественнаго уголовно-судебнаго права сдѣлалъ въ 1884 г. петербургскій профессоръ И. Я. Фойницкій, къ сожалѣнію, остановившійся на полдорогѣ; вторую составляетъ изданіе настоящаго *Пособія*, продолженія котораго мы будемъ ждать съ нетерпѣніемъ. Цѣль *Пособія*, по словамъ самого автора, удовлетворить потребностямъ студенчества, почему онъ и „старался быть по возможности краткимъ и избѣгать излишнихъ подробностей, чтобы не затруднять ими усвоенія общихъ элементарныхъ понятій теоріи уголовного процесса“ (предисловіе). Эта задача выполнена почтеннымъ ученымъ прекрасно: сжатое, удобопонятное изложеніе, хорошій языкъ, вездѣ, что называется, „последнее слово науки“— вотъ отличительныя свойства новаго произведенія.

По содержанію своему первый томъ *Пособія* распадается на *введеніе* и *судоустройство*. *Введеніе* заключаетъ въ себѣ четыре главы съ слѣдующими заглавіями: 1) понятіе уголовного процесса, цѣль и положеніе его въ системѣ права, теорія процесса и литература; 2) основныя начала уголовного процесса въ его историческомъ развитіи; 3) историческое развитіе и общія начала дѣйствующаго уголовного процесса въ Россіи и 4) источники уголовного процесса и судебное примѣненіе уголовно-процессуальныхъ законовъ. *Судопроизводство* посвящено ученію о судебной власти вообще, о замѣщеніи судебныхъ должностей и прочихъ условіяхъ судебной службы, о внутреннемъ устройствѣ и отношеніяхъ судебныхъ установленій, о системѣ уголовныхъ судовъ, о подсудности и, наконецъ, о прокуратурѣ и адвокатурѣ. Въ началѣ каждой главы указаны лучшія и новѣйшія произведенія литературы, трактующія о данномъ предметѣ, во всемъ трудѣ чувствуется умѣнье автора приводить огромный матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, въ строго-научную систему и выбирать изъ него наиболѣе существенное. Интересно отношеніе кievскаго профессора къ судебнымъ

уставамъ и новелламъ къ нимъ. Стоя на высотѣ призванія истиннаго ученаго, онъ говоритъ, что всякое посягательство на основныя положенія этихъ уставовъ „несомнѣнно свидѣтельствуютъ о попятномъ движеніи общественной мысли и упадкѣ правосудія въ странѣ“ (стр. 83). Относясь же трезво къ разнымъ нововведеніямъ послѣдняго времени, почтенный авторъ высказывается такъ, напримѣръ: 1) закрытіе дверей судебн. засѣданія для публики по усмотрѣнію суда (ст. 620³) или распоряженію министра юстиціи (ст. 621¹) сильно подрываютъ принципъ публичности со всѣми его благодѣтельными послѣдствіями для правосудія (стр. 100); 2) судьи должны лишь въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгать къ позволительному теперь и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (съ закона 4 марта 1888 г.) заочному разбирательству, какъ существенному нарушенію начала непосредственности (стр. 105); 3) увольненіе несмѣняемаго судьи по инициативѣ министра юстиціи высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ сената и перемѣщеніе его въ томъ же порядкѣ на равную судейскую должность въ другую мѣстность (зак. 20 мая 1885 г.) вносить непримиримое противорѣчіе въ постановленія дѣйствующаго законодательства о несмѣняемости судей, равно какъ 4) и право лицъ прокурорскаго надзора предлагать на обсужденіе суда о замѣченныхъ ими упущеніяхъ (тотъ же законъ) судебныхъ мѣстъ нарушаетъ самостоятельное положеніе магистратуры относительно прокуратуры въ смыслѣ усиленія власти послѣдней (стр. 178). Весьма и весьма жаль только, что авторъ совсѣмъ проходитъ молчаніемъ законы 7, 9 и 12 іюля 1889 года, хотя они и изданы, если не ошибаемся, раньше появленія въ печати *Пособія*, а касаясь закона 28 апрѣля 1887 г., ограничивается бѣглымъ замѣчаніемъ о могущихъ быть практическихъ затрудненіяхъ, вслѣдствіе обязательнаго требованія отъ присяжныхъ засѣдателей грамотности (стр. 222). И такъ, уважаемый ученый—поклонникъ уставовъ 20 ноября; но это не мѣшаетъ ему видѣть и ихъ частныя (не принципіальныя) недостатки. Къ числу таковыхъ относятся, напримѣръ, приведеніе къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей передъ каждымъ дѣломъ (стр. 231), недопущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи (стр. 300). Впрочемъ, хотѣлось бы видѣть больше такихъ указаній. Наприм., почтенный профессоръ, говоря, что стороны въ сѣздѣ мировыхъ судей не вызываются (§ 59), могъ бы указать на ненормальность этого порядка и въ подтвержденіе сего привести подобный случай: успокоенный оправдательнымъ приговоромъ мирового судьи, обвиняемый въ самоуправствѣ можетъ узнать, что осужденъ сѣздомъ на 3 мѣсяца ареста, узнать тогда, когда обвинительный приговоръ войдетъ уже въ законную силу и у него не будетъ возможности оправдаться. Подчеркнемъ въ заключеніе совсѣмъ непонятный для насъ пробѣлъ *Пособія*: въ немъ нѣтъ ни одного слова о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ будто ихъ и не существуетъ, а, между тѣмъ, о нихъ имѣются постановленія и въ учр. суд. уст. (ст. 354, 406¹⁷), они имѣютъ свои комитеты, какъ присяжные повѣренные со-вѣты, они и не малочисленны (за 1887 г., наприм., въ Москвѣ на 253 пр. пов. приходилось помощниковъ 141).

Не распространяясь далѣе о достоинствахъ и недостаткахъ разбираемаго произведенія, мы закончимъ пожеланіемъ автору продолжать начатый трудъ, прекрасный, какъ пособіе для студентовъ, и далеко не лишній въ нашей бѣдной систематическими сочиненіями литературѣ по уголовно-процессуальному праву, несмотря на то, что въ *Пособіи* нѣкоторые вопросы и разобраны для такого автора нѣсколько поверхностно.

Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ. Исслѣдованіе И. Ивановскаго, привдоц. Новороссійскаго университета. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к. Жизнь давно уже указала на необходимость упорядоченія отношеній государствъ другъ къ другу въ области управленія ими уголовного правосудія, и давно уже государства и въ своихъ законахъ, и въ международныхъ договорахъ стали опредѣлять подсудность уголовныхъ дѣлъ, задрѣвающихся интересъ двухъ странъ, стали обезпечивать судебную защиту своимъ подданнымъ за границею и иностранцамъ у себя, условливались между собою насчетъ выдачи преступниковъ, значенія чужеземныхъ судебныхъ приговоровъ и т. п. Наука не осталась равнодушною къ этимъ международнымъ отношеніямъ и по многимъ изъ нихъ (о выдачѣ преступниковъ, наприм.) имѣется даже довольно обширная литература. Но до сихъ поръ нѣкоторые вопросы о взаимной помощи государствъ въ уголовно-правовой ихъ дѣятельности остались еще мало разслѣдованными и къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежитъ и интересный въ высшей степени вопросъ объ исполненія судебныхъ порученій иностраннаго суда по производству уголовныхъ слѣдствій. Этотъ пробѣлъ и заданъ пополнить нашъ авторъ. Работа стоила ему не малаго труда; онъ долженъ былъ познакомиться съ массою международныхъ договоровъ, судопроизводственныхъ и иныхъ законовъ разныхъ государствъ, долженъ былъ имѣть въ виду и общія сочиненія, и монографіи по международному и уголовному праву (всего въ рукахъ было 153 источника). Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно упрекнуть разбираемое сочиненіе въ извѣстной поверхностности, но этотъ недостатокъ, думается, надо огнести на счетъ трудности задачи, принятой на себя одесскимъ ученымъ.

Все сочиненіе распадается на двѣ части—историческую и критико-догматическую. Первая намѣчаетъ начальный пунктъ (XVII в.) исторіи содѣйствія государствъ другъ другу въ производствѣ же слѣдствій и выясняетъ причины столь поздняго появленія такого содѣйствія (отсутствіе сознанія солидарности интересовъ въ борьбѣ съ преступленіями при неразвитости международнаго общенія, характеръ уголовныхъ доказательствъ, особый взглядъ на интересы и проч.). Здѣсь же излагается исторія постепеннаго развитія означеннаго института на основаніи международныхъ договоровъ и законодательныхъ постановленій отдѣльныхъ странъ. Сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе по поводу одного положенія автора: онъ говоритъ, что постановленія о выдачѣ вмѣстѣ съ преступникомъ унесенныхъ имъ вещей, добытыхъ преступленіемъ, являются первымъ зародышемъ (стр. 17) судебной помощи иностранной державѣ въ производствѣ слѣдствій, такъ какъ краденое *можетъ* служить вещественнымъ доказательствомъ. Аргументація нѣсколько слаба: похищенное не было *conditio sine qua non* суда и приговора, да и возвращеніе краденаго могло служить другимъ цѣлямъ, наприм., удовлетворенію потерпѣвшаго, отобранію въ извѣстныхъ случаяхъ въ фискъ.

Въ критико-догматическомъ обзорѣ, прежде всего, устанавливается положеніе, что безъ международнаго договора у государствъ нѣтъ и юридической обязанности исполнять взаимныя судебныя порученія; затѣмъ объясняется значеніе этихъ договоровъ и дѣйствующихъ въ странахъ законовъ и административныхъ распоряженій. Далѣе указывается достоинство и недостатки дипломатической передачи судебного порученія и непосредственныхъ сношеній между судами, послѣ чего авторъ касается формы и языка судебного порученія, исполненія и отказа въ

исполненія такого порученія. Изъ отдѣльныхъ видовъ судебныхъ порученій подвергаются разбору: 1) допросъ свидѣтелей по порученію иностраннаго суда и личная явка ихъ въ этотъ судъ; 2) присылка заключенныхъ изъ одного государства въ другое для очныхъ ставокъ на дачи показаній въ качествѣ свидѣтели; 3) пересылка разныхъ документовъ, вещественныхъ доказательствъ и производство другихъ слѣдственныхъ дѣйствій (домоваго обыска, наприм.) и 4) сообщеніе судебныхъ актовъ лицамъ, участвующимъ въ процессѣ. Заканчивается сочиненіе отвѣтомъ на вопросъ, кто несетъ издержки по исполненію судебныхъ порученій.

Затрогиваемые въ книгѣ вопросы разрѣшаются авторомъ ея весьма удачно, съ очевиднымъ знаніемъ литературы и большою обдуманностью. Сочиненіе читается легко и съ интересомъ и содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ подробностей. Вотъ почему и нельзя не привѣтствовать появленія такой монографіи и не пожелать почтенному автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ его научныхъ трудахъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Основы химіи“. Д. Менделѣева. — „Два лондонскихъ чтенія“. Его же. — „Русская физико-математическая библиографія“ В. В. Бобынина.

Основы химіи. Д. Менделѣева. 5-е изданіе. Спб., 1889 г. Первое изданіе *Основъ химіи* вышло въ 1870 г. „Сочиненіе это, — по словамъ автора, — написано для ознакомленія начинающихъ не только съ наблюденіями, опытами и законами химіи, но и съ возрѣніями этой науки на неизмѣнную сущность измѣняющагося вещества“. „Кромѣ того, — говоритъ онъ далѣе, — мнѣ желательно было показать въ элементарномъ изложеніи химіи осязательную пользу приложенія періодическаго закона, явившагося передо мной въ своей цѣлости именно въ 1869 г.“. Периодическому закону, легшему въ основу классификаціи элементовъ и подтвердившемуся дальнѣйшими изслѣдованіями многихъ химиковъ, подчинено все изложеніе этой книги.

Пятое изданіе и съ внѣшней, и съ внутренней стороны во многомъ отличается отъ предшествовавшихъ. Что касается внѣшности изданія, то въ этомъ отношеніи оно лучше прежнихъ, такъ какъ все то, что доступно для начинающихъ, напечатано крупнымъ шрифтомъ, тѣ же подробности, которыя представляютъ большой интересъ для всѣхъ занимающихся химіей и доступны только послѣ изученія основнаго текста книги, помѣщены въ выноскахъ. Нужно прибавить при этомъ, что эти выноски составляютъ большую часть книги. Это изданіе отличается еще и тѣмъ, что въ немъ помѣщены портреты 12-ти умершихъ, но бессмертныхъ основателей современныхъ химическихъ знаній (Лавуазье, Дальтона, Бертолле, Гей-Люссака, Деви, Жерара, Грема, Дюма, Кирхгофа, Велера, С. Клеръ - Девиля и Митчерлиха). Что касается содержанія книги, то оно является совершенно переработаннымъ сравнительно съ прежними, хотя, по словамъ автора, онъ не измѣнилъ ни одной существенной черты начальнаго труда. Изъ дополненій, помѣщенныхъ въ этомъ трудѣ, отмѣтимъ: 1) ученіе о химическихъ равновѣсіяхъ, вѣроятно, болѣе полно, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ; 2) глава о растворахъ дополнена результатами новѣйшихъ изслѣдованій самого автора, а также Ванъ-Гоффа и др.; 3) фактическія свѣдѣнія объ элементахъ пополнены многими новыми подробностями. Чтобы дать воз-

возможность читателямъ *Основы химии* слѣдить за накопляющимися новыми свѣдѣніями объ элементахъ, пр. Менделѣевъ предполагаетъ, время отъ времени, выпускать добавленія къ этому сочиненію.

Два лондонскихъ чтенія профессора Менделѣева. Выпускъ I. Спб., 1889 г. Въ этомъ выпускѣ помѣщены лекціи, читанныя проф. Менделѣевымъ весной нынѣшняго года въ Англии, одна — въ Лондонскомъ Королевскомъ институтѣ (Royal institution) 19 (31 мая), другая — Фарадеевское чтеніе въ англійскомъ химическомъ обществѣ 23 мая (4 июня).

Въ первой лекціи проф. Менделѣевъ дѣлаетъ попытку приложенія къ химіи третьяго закона Ньютона („дѣйствіе всегда сопровождается противодѣйствіемъ и съ нимъ равно“). Основываясь на этомъ законѣ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что „всякія двѣ части атомовъ, образующихъ частицу, между собой эквивалентны и могутъ другъ друга замѣнять въ иныхъ частицахъ, или, имѣя способность удерживать другъ друга, атомы или ихъ комплексы обладаютъ способностью замѣщать другъ друга“. Называя это послѣдствіе очевидной аксіомой — принципомъ замѣщеній, проф. Менделѣевъ прилагаетъ этотъ принципъ къ объясненію углеродистыхъ соединеній.

Второе чтеніе (Фарадеевское) посвящено изложенію періодической законности химическихъ элементовъ. Изложивъ въ началѣ чтенія тѣ выводы относительно періодической законности, которые были изложены имъ 20 лѣтъ тому назадъ (1869), пр. Менделѣевъ далѣе указываетъ на тѣ изслѣдованія, которыя подтвердили эту законность, затѣмъ на то значеніе, которое она имѣетъ для науки, и т. д. Не имѣя возможности въ рецензіи подробно излагать содержаніе этихъ чтеній, отсылаемъ всѣхъ интересующихся успѣхами химіи къ самимъ чтеніямъ проф. Менделѣева.

Русская физико-математическая библиографія. Указатель книгъ и статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Составилъ В. В. Бобынинъ. Томъ первый, выпускъ второй — 1726—1745 г. Москва, 1889 г. Цѣна 1 рубль. Предпринятое редакторомъ журнала *Физико-математическія науки* г. Бобынинымъ изданіе, если будетъ только доведено до конца, представитъ собою полную исторію постепеннаго развитія въ Россіи физико-математическихъ знаній. Появившіеся до сихъ поръ два выпуска заключаютъ въ себѣ обширный и весьма интересный матеріалъ. Собственно второй выпускъ обнимаетъ собою періодъ возникновенія и первоначальнаго развитія научной журналистики. Въ концѣ книги приложенъ систематическій указатель статей и книгъ, напечатанныхъ за указанный промежутокъ времени. Больше всего печаталось по математикѣ и преимущественно на латинскомъ языкѣ. Много статей по аналитической геометріи, астрономіи, интегральному исчисленію, по практической и теоретической механикѣ, затѣмъ по физикѣ и по физической географіи, — менѣе по другимъ отдѣламъ математики. Встрѣчаются также статьи по артиллеріи, фортификаціи, геодезіи, варіаціонному исполненію, метеорологіи, мореплаванію и пр. Есть даже статьи по технологіи (напр., „объ особенной и къ погашенію огня въ пожарные случаи весьма полезной машинѣ“). Въ качествѣ авторовъ по всѣмъ этимъ наукамъ выступаютъ по преимуществу все одни и тѣ же лица, знаменитые ученые иностранцы и первые академики только что зародившейся академіи наукъ: Леонардъ Эйлеръ, братья Даниилъ и Іоаннъ Бернулли, Георгъ Вольфгангъ Крафтъ, Яковъ

Германнъ, Делиль, Фридрихъ Христофъ Майеръ, Христианъ Гольдбахъ, Лейтманъ, Бюльфингеръ и нѣкоторые другіе. Многія изъ статей и книгъ переведены на русскій языкъ. О чемъ же писали всѣ эти почтенные люди? Писали они о многомъ, если не обо всемъ. О лунѣ и лунныхъ пятнахъ, о Камчаткѣ, Каллифорніи и разныхъ другихъ земляхъ, о черемисахъ и мордвѣ, о духовномъ завѣщаніи кита скаго богдыхана, о погребальныхъ обрядахъ калмыковъ, „о сысканіи долготы всякаго мѣста на земли“, о часахъ и разныхъ машинахъ, о молніи и громѣ „о необычайной службѣ прошлой зимы“, о сѣверномъ сіяніи, вѣтрахъ, дождѣ и росѣ, „о перунахъ или громовыхъ стрѣлахъ“, „о инструментахъ, къ познанію погодъ принадлежащихъ“, „о перпетуо-мобилѣ“, объ алхиміи, о рудокопной наукѣ, о разныхъ способахъ произведенія огня изъ тѣла, о разныхъ физическихъ приборахъ, о дѣлительныхъ видахъ и о многомъ-многомъ другомъ, не считая статей и книгъ по чистой математикѣ. Содержаніе каждаго сочиненія изложено сжато и ясно.

Очень много за указанный періодъ времени издано разнаго рода календарей. Всѣ они, конечно, довольно похожи другъ на друга. Календарь, напр., на 1726 годъ представляетъ собою 100-е изданіе отъ начала книгопечатанія. На заглавномъ листѣ изображенъ видъ приморскаго города, а въ текстѣ нѣсколько гравюръ (4 времени года въ видѣ женщинъ, изображеніе рудомета *) и предстоящихъ лунныхъ затмѣній). Содержаніе календаря обыкновенное: списокъ именъ, святцы, фазы луны, восходъ и заходъ солнца, о временахъ года и т. п. Затѣмъ въ приложеніи рядъ статей „о здравіи и болѣзняхъ“, „о войнѣ и мірскихъ дѣлахъ“, о плодородіи, о сѣяніи и сажденіи, „избраніе знаковъ и время, пригодныхъ къ употребленію лѣсарства, кровопусканію жѣльному и рожечному“ и т. п.

Прогностикъ на 12 мѣсяцевъ заключается стихотвореніемъ:

Теченіемъ и свѣтомъ различнымъ плавити
Понудити не могутъ, могутъ преклонити
Того для віну звѣздамъ ту не прічитаешь,
Кто своихъ злыхъ склонностей не обуздаешь.
Разумъ и добродѣтель звѣздами владеть,
Глушество и зло преклонность сего не содѣетъ.

Русская физико-математическая библиографія г. Бобынина весьма полезное изданіе и было бы крайне желательно видѣть его законченнымъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О нѣкоторыхъ сторонахъ культуры сахарной свеклы въ связи съ нынѣшнимъ состояніемъ свеклосахарной промышленности въ Россіи“. А. Зайкевича.—„Отношеніе проростающихъ сѣмянъ къ почвенной водѣ“. С. Боданова.—„Очеркъ хлопководства въ Закавказьи“. Н. П. Таратинова.—„Общедоступное практическое руководство къ огородничеству“. А. Аеркиевой.

О нѣкоторыхъ сторонахъ культуры сахарной свеклы въ связи съ нынѣшнимъ состояніемъ свеклосахарной промышленности въ Россіи. Изслѣдованіе А. Зайкевича. Харьковъ, 1889 г. Работа г. Зайкевича (преподающаго агрономію въ Харьковскомъ университетѣ) основана на рядѣ опытовъ, продолжавшихся съ 1879 по 1887 годъ въ нѣ-

*) Человѣкъ, части тѣла котораго соединены линіями съ тѣми или другимъ изъ окружающихъ его знаковъ зодіака. Въ календаряхъ изданія академіи наукъ подъ этими линіями подписывались нѣмецкія слова gut (хорошо), mit (посредственно) и bos (худо), въ календарѣ 1787 г. съ переводомъ ихъ на русскій языкъ.

сколькихъ южнорусскихъ хозяйствахъ. Опыты касались отношенія фосфорнокислыхъ удобреній къ сахарной свеклѣ и къ слѣдовавшимъ за свеклою культурамъ, подбора сѣменной свеклы, измѣнчивости и выбора сортовъ и, наконецъ, сохраненія сѣменной свеклы. Изъ пятнадцати опытовъ, относившихся къ фосфорнокислымъ удобреніямъ, авторъ выводитъ общій выводъ о благопріятномъ вліяніи фосфатовъ на качество свеклы, но, въ то же время, онъ считаетъ еще невыясненными условія наиболѣе выгоднаго примѣненія и дѣйствія фосфорнокислыхъ удобреній при культурѣ сахарной свеклы. Не менѣе существеннымъ улучшеніемъ культуры свеклы авторъ признаетъ подборъ сѣменниковъ, а изъ различныхъ способовъ подбора отдаетъ, повидимому, предпочтеніе употребленію соляныхъ растворовъ, какъ указателей удѣльнаго вѣса корней. Изъ различныхъ сортовъ свеклы г. Зайкевичъ обращаетъ вниманіе на Клейвакулебенъ и на улучшенный бѣлый сортъ Вильморена. При выборѣ сорта рекомендуется оцѣнивать степень сохраненія листьевъ на корняхъ до поздней осени. Способъ храненія сѣменныхъ корней съ листьями признанъ очень выгоднымъ по увеличенію сахаристости и доброкачественности ворней, но, къ сожалѣнію, не произведено параллельныхъ опытовъ съ другими способами храненія.

Общіе вопросы о современномъ состояніи русской свеклосахарной промышленности затронуты г. Зайкевичемъ только слегка. Отношеніе его къ экспорту сахара нѣсколько противорѣчиво, хотя, въ концѣ концовъ, онъ высказывается въ пользу желательности усиленнаго экспорта.

Въ примѣчаніи на стр. 118 цитируются по Толпыгину данныя о качествѣ свеклы, переработанной на заводахъ разныхъ губерній въ 1881 г.; намъ непонятно, почему авторъ не воспользовался такими же данными за послѣдующіе годы, опубликованными въ изданіяхъ департамента неокладныхъ сборовъ.

Съ внѣшней стороны изслѣдованіе г. Зайкевича издано весьма изящно, хотя корректурная часть страдаетъ значительною неряшливостью.

Большаго сочувствія заслуживаетъ заключительное пожеланіе автора о цѣлесообразной организаціи сельско-хозяйственныхъ опытовъ въ русскихъ частныхъ хозяйствахъ.

Отношеніе проростающихъ сѣмянъ къ почвенной водѣ. Опытное изслѣдованіе С. Богданова, приватъ-доцента Императорскаго университета Св. Владиміра. Кіевъ, 1889 г. Авторъ справедливо считаетъ вопросъ о роли воды въ полевоомъ хозяйствѣ однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ русскаго сельскаго хозяйства. При изслѣдованіи этого вопроса авторъ выбралъ путь лабораторныхъ экспериментовъ и въ прошломъ году еще напечаталъ работу о потребности проростающихъ сѣмянъ въ водѣ. Въ новомъ изслѣдованіи г. Богдановъ приводитъ опредѣленія наибольшей гигроскопичности почвъ, рассматриваетъ предѣлы доступности почвенной влаги для проростающихъ сѣмянъ, движеніе воды въ почвахъ, районъ дѣйствія разбухающихъ сѣмянъ на почвенную влагу, отношеніе проростающихъ сѣмянъ къ минимальному содержанію влаги и къ испаренію и отчасти еще затрагиваетъ вопросы о намачиваніи и о разбуханіи сѣмянъ.

Выводы г. Богданова резюмированы довольно пространно въ 20 заключительныхъ положеніяхъ. Слишкомъ абсолютная форма нѣкоторыхъ выводовъ заставляетъ желать, чтобы они были провѣрены инымъ путемъ, или если путемъ такихъ же экспериментовъ, то съ болѣшимъ числомъ сѣмянъ, чѣмъ въ работахъ г. Богданова; къ такимъ выводамъ относится, напримѣръ, соотвѣтствіе наименьшаго количества почвенной

влаги, доступной для проростающих сѣмянъ съ удвоенною наибольшею гигроскопичностью почвы; сюда же принадлежит абсолютное численное опредѣленіе (величиною $5\frac{1}{2}$ миллиметровъ) для наибольшаго разстоянія, на которомъ проростающія сѣмена могутъ вліять на почвенную влагу.

Намачиваніе сѣмянъ (столь распространенное въ нашихъ свекловичныхъ хозяйствахъ) авторъ считаетъ мѣрою, уже лишившеюся для настоящаго времени важнаго практическаго значенія.

Укатываніе почвы рекомендуется, главнымъ образомъ, при посѣвѣ очень мелкихъ сѣмянъ въ быстро высыхающемъ слоѣ. Заслуживаетъ вниманія оригинальный взглядъ автора на ложку посѣвовъ, какъ на мѣру для обезпеченія проростающихъ сѣмянъ влагою.

Очеркъ хлопководства въ Закавказьи. Н. П. Таратынова. Тифлисъ, 1889 г. Хлопокъ составлялъ и составляетъ весьма видную статью привоза товаровъ въ Россію: въ 1887 году, когда общая цѣнность привоза не достигла 400 миллионъ рублей, хлопчатой бумаги было привезено въ Россію болѣе чѣмъ на 100 миллионъ рублей. Понятно сказывающееся уже довольно давно стремленіе русскихъ промышленниковъ получать хлопокъ внутри имперіи. Брошюра г. Таратынова, описывающая культуру хлопчатника за Кавказомъ, показываетъ, что еще не скоро русскіе фабриканты дождутся достаточныхъ количествъ доброкачественнаго русскаго сырья. Технические приемы крестьянскаго хлопководства въ Закавказьи еще весьма несовершенны, опыты съ выпискою иностранныхъ сѣмянъ по большей части оканчивались неудачей, продуты хлопчатника утилизировуются далеко не вполне. Авторъ, жившій въ Америкѣ съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ хлопководствомъ, рекомендуетъ рядъ мѣръ для улучшенія закавказской культуры хлопчатника. Мѣры эти названы въ заключительныхъ выводахъ, которые, къ сожалѣнію, составлены нѣсколько торопливо: наприм., рекомендуется выписывать сѣмена „изъ Тенесси, Виргиніи“; лишь справка съ текстомъ можетъ обнаружить, что дѣло идетъ о наиболѣе сѣверныхъ штатахъ Америки, какъ-то: изъ *Тенесси, Виргиніи*“; лишь справка съ текстомъ можетъ обнаружить, что дѣло идетъ о наиболѣе сѣверныхъ частяхъ промышленнаго хлопководства. Выраженіе „правильныхъ и частая сѣмя урожаевъ“ должно быть признано совершенно неудачнымъ.

Общедоступное практическое руководство къ огородничеству, приуроченное къ средствамъ и хозяйству крестьянъ. Е. Аверкиевой. Спб., 1889 г. Цѣна 35 коп. *Руководство* г-жи Аверкиевой получило отъ вольнаго экономическаго общества премію Грачева и напечатано по распоряженію общества. Въ редактированіи книжки принималъ участіе г. Шилкинъ.

Хотя самая книжка приспособлена (не вездѣ удачно) къ нуждамъ и пониманію грамотныхъ крестьянъ, предисловіе, судя по языку, назначается для интеллигенціи, могущей руководить крестьянскимъ хозяйствомъ. Главное вниманіе отведено воздѣлыванію капусты и огурцовъ, которые дѣйствительно представляютъ собою важнѣйшія статьи современнаго русскаго огородничества. Въ предварительныхъ общихъ свѣдѣніяхъ слишкомъ мало мѣста отведено важному вопросу объ обработкѣ земли. Принимая во вниманіе крайнюю трудность составленія руководствъ, вполне доступныхъ для каждаго грамотнаго человѣка, читатель поневолѣ долженъ быть снисходителенъ къ стилистической сторонѣ руководства, которое, впрочемъ, вообще написано довольно простымъ языкомъ.

Въ примѣчаніи на стр. 2 значится, что подѣ „наѣкомыи“ въ кни-

ѣ разумѣются „бабочки, жуки, букашки, мухи, мошки, тля (вошь), пауки, гусеницы, земляные черви и тому подобныя твари“. Любой крестьянскій мальчикъ, обучавшійся въ земской школѣ, удивится отношенію пауковъ и дождевыхъ червей къ насѣкомымъ; и мы недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось такое странное и неправильное, хотя бы и сокращенное, словоупотребленіе.

М Е Д И Ц И Н А.

„Планы и способы санитарныхъ изслѣдованій“. Проф. Ир. Свворцова. — „Наши зубы, ихъ роль и значеніе въ дѣлѣ правильной функціи всего организма“. В. Е. Нурма. — „Письма крестьянина изъ Саратовской губ. на родину о скотской чумѣ“.

Планы и способы санитарныхъ изслѣдованій. Проф. Ир. Свворцова. Харьковъ, 1889 г. Заключая въ себѣ изложеніе плановъ и общепотребительныхъ способовъ санитарныхъ изслѣдованій, книга проф. Харьковскаго университета Ир. Свворцова представляетъ второй отдѣлъ издавнаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Курса практической гигиены*. Она снабжена 62 рисунками въ текстѣ, а въ отдѣльномъ приложеніи помѣщены: краткій указатель литературы, образцы карточекъ для собиранія статистическихъ данныхъ, таблица статистическихъ диаграммъ, классификація и номенклатура причинъ смерти вообще и болѣзней въ частности, масса справочныхъ таблицъ, необходимыхъ при гигиеническихъ работахъ, а также двѣ программы для санитарныхъ описаній, принятыя въ московскомъ земствѣ.

Текстъ книги раздѣленъ на пять главъ, не считая введенія, въ которомъ авторъ излагаетъ свои взгляды на необходимость обратить вниманіе на объединеніе плановъ санитарно-практическихъ изслѣдованій, какъ было указано проф. Свворцовымъ въ его докладѣ на 3-мъ съѣздѣ русскихъ врачей въ Петербургѣ. Первая глава посвящена изслѣдованію *особи* (описательная и измѣрительная часть), вторая—изслѣдованію *общества* (описательная и счетная или статистическая часть). Эти двѣ главы образуютъ первый *раздѣлъ*, обнимающій способы и планы изслѣдованія физическихъ особей и обществъ, причемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ книги, излагается самый планъ изслѣдованія. Второй раздѣлъ (способы и планы изслѣдованія условий человѣческаго быта) заключаетъ въ себѣ остальные три главы, а именно: 1) *естественныя внѣшнія условия* быта (изслѣдованіе мѣстности и почвы, биологическія, географическія и геологическія данныя, метеорологическія изслѣдованія); 2) *искусственныя внѣшнія условия* человѣческаго быта (жилище, отопленіе, освѣщеніе, вентиляція, изслѣдованіе воздуха, одежды и проч.); 3) *предметы внутренняго потребленія* (вода, съѣстные припасы и напитки, изслѣдованіе состава пищи, ея усвояемости и достаточности). Свой трудъ, который можетъ быть полезенъ при изученіи санитарныхъ условий нашей общественной и спеціально народной жизни, авторъ посвящаетъ „всѣмъ радѣющимъ о здоровьи русскаго народа и земскимъ врачамъ въ особенности“. Въ интересахъ возможно болѣе широкаго распространенія санитарныхъ изслѣдованій, въ книгѣ излагаются, преимущественно, наиболѣе простые, дешевые и общепотребительные способы. Не останавливаясь на частностяхъ спеціального изложенія, что было бы въ данномъ случаѣ едва ли умѣстно, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе лишь на принципиальныя взгляды проф. Свворцова относительно того, въ какомъ направленіи должны вестись санитарныя

ислѣдованія, которымъ подлежатъ: 1) самъ человѣкъ во всевозможныхъ состоянiяхъ своей жизни и при всевозможныхъ условiяхъ своего быта; 2) состоянiя и условiя его быта въ государственной, общественной, семейной или личной его формѣ. Руководясь исходнымъ пунктомъ санитарныхъ изслѣдованiй—„опредѣленiемъ, что и какъ влияетъ на здоровье и продолжительность жизни людей“, проф. Скворцовъ предлагаетъ чрезвычайно широкую программу, которая можетъ быть выполнена даже для крохотной территорiи лишь совокупными усилиями многихъ изслѣдователей по различнымъ специальностямъ. Такъ, человѣкъ, какъ *особь*, долженъ быть подвергнутъ, прежде всего, антропологическому изслѣдованiю, охватывающему всѣ наиболѣе характерные признаки того или другаго (полнаго или неполнаго) развитiя, того или другаго состоянiя питанiя всего тѣла и отдѣльныхъ его частей, причемъ рекомендуется также собирать и анамнестическiя данныя о предкахъ, о родственникахъ вообще, о самомъ изслѣдуемомъ субъектѣ: какъ онъ жилъ и развивался, чѣмъ занимался, какiя болѣзни перенесъ и т. п. Это антропологическое изслѣдованiе, обнимающее извѣстное количество особей, дастъ возможность изучить „коллективнаго“ человѣка или общество людей. Затѣмъ слѣдуетъ санитарно-статистическое изслѣдованiе или демографическое (составъ и движенiе населенiя, смертность и болѣзненность). Не менѣе подробна программа внѣшнихъ естественныхъ и искусственныхъ (культурныхъ) условiй человѣческаго быта, но, въ особенности, обширный планъ предлагается авторомъ для изслѣдованiя внутренняго или „дѣятельнаго“ быта. Такъ, занятiя изучаются въ троякомъ направленiи: по способамъ дѣйствiя (добыванiе или обработка того или другаго матеріала), по количеству и распредѣленiю работы во времени, по экономической или хозяйственной оцѣнкѣ дѣйствiя или работы подъ видомъ различныхъ способовъ вознагражденiя (денежнаго, продуктами труда, задѣльной, срочной и т. д.), наконецъ, по влиянiю на здоровье и продолжительность жизни рабочихъ. Притомъ, по всѣмъ этимъ пунктамъ рекомендуется раздѣлять рабочихъ по полу, возрасту, качеству труда, экономическому положенiю (хозяева и наемники). При изученiи семейнаго быта необходимо собрать данныя: по хозяйственной состоятельности (роспись прихода и расхода денегъ и продуктовъ по всѣмъ житейскимъ потребностямъ), о нравахъ, обычаяхъ и всякаго рода приемахъ при всевозможныхъ случаяхъ семейной жизни, имѣющихъ какое-либо отношенiе къ здоровью людей, объ уходѣ за жильемъ, одеждой, собственнымъ тѣломъ и специально объ уходѣ за дѣтьми и вообще о домашнемъ ихъ воспитанiи.

Что касается изслѣдованiя общественнаго быта, то заѣсь одно лишь перечисленiе можетъ навести уныніе, въ особенности, если изслѣдователь не имѣетъ въ своемъ распоряженiи готовыхъ данныхъ, какъ и бываетъ всегда при громадномъ большинствѣ случаевъ. Именно, изслѣдователю предлагается опредѣлить, въ чемъ и какъ выражаются для данной территорiи: 1) *общественное развитiе* (школы и вообще всякаго рода воспитательныя и образовательныя учрежденiя и заведенiя, а также типографiя, литографiя, книжная торговля, мѣстная печать, иногородняя и иностранная печать по ея качеству и количеству); 2) общественная *предприимчивость* (состоянiе промышленности и торговли съ вспомогательными учрежденiями—кредитными и др.); 3) общественная *безопасность* (полицейскiй и санитарный надзоръ, мѣста заключенiя, несчастные случаи и пр.); 4) общественная *предусмотрительность* (страховыя, сберегательныя учрежденiя); 5) общественная *благодѣ-*

тельность (лечебницы, больницы, богадѣльни, пріюты, воспитательные дома, общества для пособія нуждающимся всякаго рода); 6) общественная *нравственность* (свойства и количество преступленій, пьянство по количеству и качеству употребляемыхъ спиртныхъ напитковъ, по числу задержанныхъ за пьянство лицъ); 7) общественныя *развлеченія* (гулянья, народныя игры, театры и т. д.); 8) общественная *чистоплотность* (содержаніе поселеній, общественныя бани, прачечныя, дезинфекціонныя камеры и пр.); 9) общественная *заботливость о продовольствіи* (общественныя бойни, рынки, рестораны, трактиры, дешевыя кухни, народныя столовыя и пр.); 10) общественная *заботливость о жилищахъ* (гостиницы, казармы, рабочія колоніи и пр.); 11) общественная *заботливость о путяхъ и способахъ сообщенія* (развитіе извозничьяго промысла, конно-железныхъ, шоссеиныхъ и другихъ дорогъ, судоходства въ чертѣ изслѣдуемаго поселенія и т. д.); 12) мѣстные типическіе общественныя *нравы и обычаи* (обыкновенный образъ жизни большинства населенія по буднямъ и праздничнымъ днямъ, мѣстные праздники, отношенія половъ, знахарство, моды и пр.). Этими отдѣлами санитарное изслѣдованіе еще не исчерпывается, но въ началѣ или въ концѣ его долженъ быть изложенъ *историческій обзоръ* быта изслѣдуемаго населенія: измѣненія мѣстности (загрязненіе и обмеленіе рѣкъ, осушеніе болотъ, уничтоженіе лѣса, разведеніе садовъ и пр.); измѣненія въ составѣ, движеніи и самомъ количествѣ населенія; измѣненія въ состояніи промышленности, торговли, путей сообщенія и т. д. Къ этому еще нужно добавить *частныя* планы антропологическаго, демографическаго, гео-топографическаго, метеорологическаго, медико-топографическаго и собственно гигиеническаго изслѣдованія. Едва ли большимъ утѣшеніемъ можетъ служить заключительное замѣчаніе автора, что „какъ при составленіи, такъ особенно при исполненіи всякаго рода плановъ изслѣдованія съ санитарными цѣлями, никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида этихъ послѣднихъ, чтобы безъ нужды не усложнять и не затруднять работы“. Такъ, наприм., различныя стороны общественнаго быта, указанныя выше, могутъ быть охарактеризованы только числомъ соответственныхъ учреждений, количествомъ грамотныхъ, учащихся, рабочихъ, вкладчиковъ и т. п., величиной производства и торговыхъ оборотовъ вообще и т. д., „не входя при этомъ въ дальнѣйшія подробности, свойственныя чисто-экономическимъ, педагогическимъ и другимъ цѣлямъ“. Легко сказать—руководствоваться санитарными цѣлями; но для рѣшенія этого вопроса необходимо, все-таки, имѣть готовныя данныя, обработать, сгруппировать, придать имъ наиболѣе наглядный видъ, рисунки, однако, послѣ цѣлаго ряда сопоставленій и вычисленій не придти ни къ какому опредѣленному выводу. Возможность выбраться изъ лабиринта, въ которомъ неопытный изслѣдователь теряется, не различая иногда „дереьевъ и лѣса“, заключается лишь въ совмѣстномъ изслѣдованіи вопросовъ общественнаго или народнаго быта по различнымъ специальностямъ, причемъ и самыя программы должны быть выработаны въ такомъ видѣ, чтобы одинъ специалистъ взаимно дополнялъ опытность и навыки другаго при собираніи и обработкѣ соответственныхъ данныхъ. При существующей же разрозненности отдѣльныхъ отраслей общественныхъ знаній проектъ объединенія плановъ и способовъ санитарныхъ изслѣдованій, предлагаемый проф. Скворцовымъ, можетъ вызвать недоумѣніе у многихъ, хотя руководствоваться его указаніями при специальномъ изученіи данной мѣстности вполне

было бы возможно, если только исследователь сумѣетъ отличить наиболѣе важные признаки отъ менѣе существенныхъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга проф. Свворцова при всей своей полнотѣ грѣшитъ чрезвычайнымъ дробленіемъ отдѣльных областей санитарныхъ изслѣдованій, причѣмъ не всегда рѣзко разграничиваются вопросы чисто-гигіеническіе и тѣ данныя, которыя всецѣло относятся къ области соціальной гигиены и являются слишкомъ сложными и недоступными для отдѣльных изслѣдователей. Авторъ вообще полагаетъ, что „санитарное изслѣдованіе будетъ тѣмъ практически полезнѣе, чѣмъ болѣе оно будетъ соотвѣтствовать непосредственной дѣятельности, что необходимо требуетъ *возможно большей дробности областей изслѣдованія*, не переходящей, впрочемъ, извѣстныхъ границъ, за которыми изслѣдованіе теряетъ уже общественное значеніе, становясь чисто-личнымъ (!?) дѣломъ“. Эта послѣдняя оговорка слишкомъ мало понятна, такъ какъ, очевидно, и для самого автора эти „извѣстныя границы“ дробности изслѣдованія являются весьма условными. Какъ бы то ни было, стремленіе проф. Свворцова расширить и объединить планы практическихъ санитарныхъ изслѣдованій, въ виду разнообразности приѣмовъ, которыми въ настоящее время приходится руководиться отдѣльнымъ изслѣдователямъ, заслуживаетъ глубокой симпатіи. Слѣдовало бы только, какъ намъ кажется, при изложеніи имѣть въ виду программы упрощенныхъ, доступныхъ всѣмъ изслѣдованій и болѣе сложныхъ и возможныхъ полныхъ изслѣдованій, для которыхъ требуется болѣе большой запасъ времени и силъ, а равно наличность вспомогательныхъ данныхъ.

Наши зубы, ихъ роль и значеніе въ дѣлѣ правильной функціи всего организма. В. Е. Нурика. Одесса, 1889 г. Ц. 40 к. Цѣль этой небольшой брошюры сводится къ тому, чтобы въ популярной формѣ возбудить въ публикѣ сознаніе крайней необходимости не только леченія, въ самомъ раннемъ періодѣ, подвергшихся порчѣ зубовъ, но, главнымъ образомъ, предохраненія ихъ отъ порчи путемъ ежедневнаго ухода и заботливости. Изложеніе носитъ компилятивный характеръ, причѣмъ авторъ, сообщивъ вкратцѣ свѣдѣнія о зубахъ и главныхъ условіяхъ ихъ порчи, описываетъ наиболѣе часто встрѣчаемыя заболѣванія ихъ: костоѣду и сущность пломбированія, воспаленіе зубной мякоти, отложеніе „зубнаго“ камня, а равно простѣйшіе способы правильнаго ухода за зубами въ цѣлахъ ихъ сохраненія какъ въ натуральномъ видѣ, такъ и за вставными. Совѣты автора вполне заслуживаютъ вниманія, а потому указанная популярная брошюра можетъ оказать большую услугу тѣмъ, кто прочтетъ ее съ намѣреніемъ не забыть прочитаннаго.

Письма крестьянина изъ Саратовской губерніи на родину, въ деревню Раззориху, Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ., о скотской чумѣ. Вятка, 1889 г. Авторъ брошюры, ветеринарный врачъ въ г. Нолвинскѣ Влад. Толстуховъ, въ пяти коротенькихъ письмахъ отъ лица крестьянина Петра Добросмысла, преподаетъ наставленія, какъ распознавать проявленіе чумы рогатаго скота, описываетъ условія ея распространенія и мѣры, необходимыя для превращенія этой страшной въ крестьянскомъ хозяйствѣ болѣзни. Брошюра написана примѣнительно къ простонародному способу выраженій, но насколько она будетъ убѣдительна для крестьянъ — трудно сказать, ибо, помимо хорошихъ книжекъ, нуженъ въ подобныхъ случаяхъ добрый примѣръ и цѣлесообразная ветеринарная организація.

ДѢТСКІЯ КНИГИ И УЧЕБНИКИ.

„Наша бібліотека“. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. — „Новые иллюстрированные рассказы для дѣтей средняго и старшаго возраста“. З. Н. Булаковой и В. А. Даниловой. — „Двѣ собачки“. В. Буша. — „Вороненокъ“. Ею же. — „Рассказы для дѣтей изъ области искусствъ и промышленности“. Изд. Е. Гербека. — „Въ добрый часъ!“ В. П. Андреевской. — „Олины затѣи“. Ея же. — „Русское слогудареніе“. Г. Шарловскаго. — „О благозвучіи русскаго языка“. Ею же. — „Русскій языкъ“. К. Θ. Петрова. — „Систематическій сборникъ грамматическихъ задачъ“. Н. М. Ерошество. — „Подробный атласъ Россійской имперіи“. А. Илчина.

Наша бібліотека. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. «Разными дорогами». Повѣсть А. В. Круглова. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 5 отдѣльными картинами и 23 политипажами въ текстѣ. Спб., 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.—Наша бібліотека. Рассказы для дѣтей Н. Т. Вучетича. Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ. Спб., 1889 г. Ц. 3 р. 50 к. Подъ общимъ заглавіемъ *Наша бібліотека* книжнымъ магазиномъ Вольфа предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ. Серія этихъ книгъ должна, по намѣренію издателей, отличаться прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ и роскошною внѣшностью. О первыхъ выпускахъ *Нашей бібліотеки*, вышедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ не привелось высказаться. Теперь кстати упомянемъ про нихъ, что они были далеко не удачны: *Норвежскія сказки Асбьерсена* въ переводѣ покойной С. М. Макаровой не подходятъ для дѣтскаго чтенія по своей грубоватости, а повѣсть г. Ранцова: *Бѣлая мязя или открытія Коли на берегу Чернаго моря*—представляетъ собою просто какую-то невообразимо-нелѣпую чепуху. Было, впрочемъ, два выпуска сносныхъ, а именно: *Сборникъ басенъ Крылова, Хеммицера, Измайлова и Дмитріева* и *Давидъ Копперфильдъ* Дикенса (изданіе для юношества). Судя уже по одному перечню заглавій книгъ, составляющихъ *Нашу бібліотеку*, можно замѣтить, что издатели ея не преслѣдуютъ какой-либо ясно опредѣленной цѣли и печатаютъ что Господь на душу положитъ: выборъ книгъ случайный, въ виду не имѣется тотъ или другой дѣтскій возрастъ, исполнители также разные—даже русскіе рядомъ съ иностранцами, даже какой-то г. Ранцевъ рядомъ съ Диккенсомъ, разнообразенъ также и самый родъ произведеній—басни, повѣсти, сказки, романы... Словомъ, почему эти книги, не имѣя между собою ничего общаго, должны составлять одну общую серію—является совершенно непонятнымъ; по всей вѣроятности, книжный магазинъ Вольфа руководится здѣсь соображеніями чисто-коммерческаго характера, какъ это съ нимъ обыкновенно и бываетъ во всѣхъ его издательскихъ предпріятіяхъ.

Однако, въ отдѣльности нѣкоторыя книги *Нашей бібліотеки* недурны. Хороши и два новые ея выпуска, особенно рассказы г. Вучетича, изъ которыхъ два (*Митина нива* и *Красный фонарь*) удостоены фрѣбелевской преміи. Въ его книгѣ семь рассказовъ; лучшіе изъ нихъ: *Красный фонарь*, *Кустари*, *Бейсакай*. Въ первомъ рассказано про геройскій поступокъ желѣзно-дорожнаго сторожа, спасшаго поѣздъ отъ крушенія, во второмъ—описанъ бытъ кустарей въ селѣ Павловѣ, а въ третьемъ—авторъ съ замѣчательною теплотой вспоминаетъ о татаринѣ-музыкантѣ, посѣщавшемъ въ дѣтствѣ автора домъ его родителей и заставлявшаго дѣтей невольно заслушиваться его незатѣйливыхъ пѣсенъ. Рассказы *Митина нива*, *На льдинѣ* и *Утенокъ* нѣсколько испорчены излишнимъ мелодраматизмомъ; не будь его, они были бы безуворизнен-

ны. Немалое достоинство рассказов г. Вучетича заключается въ ихъ прекрасномъ изложеніи: авторъ замѣчательно владѣетъ слогомъ; его описанія и характеристика красивы, ярки, выпуклы; рассказы дышутъ жизнью и полны движенія, несмотря на то, что по фабулѣ всѣ они очень несложны. Мы искренно желаемъ, чтобы книга г. Вучетича получила наибольшее распространеніе.

Большая повѣсть г. Круглова *Разными дорогами* недурна. Она производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, и юнымъ читателямъ принесетъ пользу. Изображены въ ней двѣ сестры—Елена и Татьяна Вантурины: первая—сосредоточенная и серьезная дѣвушка, съ хорошими, честными стремленіями, проницательная искреннимъ желаніемъ приносить пользу ближнимъ, вторая—легкомысленная вострушка, мечтающая о балахъ и въѣздахъ, веселая и маловпечатлительная. Еленѣ удается осуществить свои стремленія: окончивъ свое ученіе, она остается жить въ усадьбѣ у матери и вся отдается дѣлу народной школы. Татьяна же уѣзжаетъ къ теткѣ, богатой аристократкѣ, Лапуновой, гдѣ и остается жить. Однако, современемъ и въ ея характерѣ происходитъ переворотъ: она выходитъ замужъ за человѣка серьезнаго и образованнаго, замѣтившаго въ ней склонность къ сценѣ, и подъ его вліяніемъ работаетъ надъ развитіемъ своего таланта, а современемъ становится извѣстною артисткой.

Мы посоветовали бы автору самому работать надъ собою. Ему все не слѣдуетъ работать такъ спѣшно и обильно, какъ онъ это дѣлаетъ теперь. Повѣсть его была бы гораздо лучше, если бы она была тщательнѣе продумана и съ внѣшней стороны болѣе отдѣлана. Въ ней нерѣдко попадаются погрѣшности противъ житейской правды и очень часто неловкости языка, неприятно рѣжущія слухъ читателя, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ приводимыхъ ниже примѣровъ. Въ повѣсти г. Круглова аристократъ-помѣщикъ Вантуринъ обучался въ уѣздномъ училищѣ... Дѣло неслыханное для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ бытомъ нашихъ помѣщиковъ во времена крѣпостнаго права. У г. Круглова яликъ управляется рулемъ, между тѣмъ какъ яликъ, это—такой родъ лодки, который вовсе не имѣетъ руля. А какой иногда смѣшной языкъ бываетъ въ повѣсти г. Круглова:

Глаза ея увлажнились, но она сжорнула слезы...

Зубы ея были миндалевидны (?).

— Съ вареньемъ, мамочка?—*притурнула* глазки Таня.

— Что?—*уронила* Нина.

— На мѣсто, mesdames!—*сонно* онъ всегда.

Это приемъ новѣйшихъ беллетристовъ („— Какъ вы думаете?“— *подскочила* она.— „Мнѣ все равно!“— *почесался* онъ) такъ мѣтко осмѣяны Тургеневымъ въ *Нови*, что, казалось бы, навсегда долженъ былъ лишиться мѣста въ дальнѣйшихъ ихъ произведеніяхъ, однако, оказывается, что знаменитый завѣтъ И. С. Тургенева, обращенный къ молодымъ писателямъ о томъ, какъ слѣдуетъ беречь родной языкъ, пока еще остается чуждъ многимъ изъ нихъ.

Новые иллюстрированные рассказы для дѣтей средняго и старшаго возраста. З. Н. Булгаковой и В. А. Даниловой. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. Это все рассказы компилятивные, заимствованные у разныхъ иностранныхъ авторовъ—Эберса, Дюма-сына, Захеръ-Мазоха, Делэна. Единственный оригинальный рассказъ г-жи Даниловой (*Крестникъ смерти*) такъ слабъ, что его можно въ счетъ не ставить. Что же касается компилятивныхъ, то они недурны, особенно сказка *Этогого счастье* (по Дюма-сыну) и рассказъ *Маленькій герой* (по Захеръ-Мазоху). Мальчикъ,

жизненный товарищами Эзопомъ за свое уродство, представляетъ идеаль нравственности, ума, благородства и, будучи раньше нелюбимъ всѣми, въ концѣ-концовъ, пріобрѣтаетъ общія симпатіи. Въ *Маленькомъ вероѣ* дается картинка, набросанная, повидимому, съ натуры, очень живо и правдиво: мальчикъ погибаетъ въ борьбѣ съ волкомъ, отъ котораго онъ защищаетъ застигнутыхъ имъ врасплохъ товарищей. Сказка *Счастливый несчастливцевъ* страдает растянутостью и фантастичность ея черезъ-чуръ тяжеловѣсна; въ разсказѣ *Маленькій савояръ* излишествуютъ счастливыя случайности, разрешающія разные затрудненія „по щучьему велѣнью“. Снабжающіе собою эту книжку рисунки извѣстныхъ художниковъ мало украшаютъ ее; большинство изъ нихъ представляетъ собою невѣроятную мазню.

Двѣ собачки. Разсказъ въ стихахъ и рисункахъ В. Буша. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Спб. Ц. 75 к.—Вороненокъ. Разсказъ въ стихахъ и рисункахъ В. Буша. Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія. Спб. Ц. 75 к. Есть люди и поступки, о которыхъ въ порядочномъ обществѣ не принято говорить. Точно также бываютъ такія изданія, о которыхъ въ журналѣ, себя уважающемъ и старающемся быть чистоплотнымъ, не слѣдовало бы вовсе говорить, если бы на немъ же не лежало обязанности предупредить и предостерегать читающее общество отъ заблужденій, могущихъ послужить ему во вредъ. Долгомъ своимъ считаемъ сдѣлать такое предостереженіе относительно двухъ лежащихъ передъ нами книжонокъ. Нѣчто позорное, небывалое представляютъ онѣ собою: никакой *Стенка - расстрепка* не сравнится съ ними въ безобразіи. Это — сплошной скандалъ отъ первой до послѣдней строки, отъ перваго до послѣдняго рисунка. Пошлый фарсъ соединился въ нихъ съ грязною карриатурой и идутъ рука объ руку на растлѣніе дѣтской мысли и чистаго чувства. Великій грѣхъ берутъ на душу гг. издатели, держащіе выпускать и продавать эту постыдную и развращающую дѣтей мерзость. Пусть она въ Германіи выдерживается по десятку изданій: нѣмецкій юморъ грубъ и тяжелъ, и нѣмцевъ насмѣшить очень нетрудно; но въ русской литературѣ такія книги представляютъ аномалію, которую необходимо искоренять.

Разсказы для дѣтей изъ области искусствъ и промышленности. Съ картинками. Изданіе Елизаветы Гербекъ. М., 1889 г. Ц. 1 р. 25 к. Объ искусствахъ въ этой книжечкѣ нѣтъ ни слова. Изъ области промышленности въ ней, дѣйствительно, есть очерки, собранные кое-какъ, безъ всякой системы. Вотъ перечень очерковъ: *Корабли, Фаянсъ и фарфоръ, Каменный уголь, Сукно, Стекло, Искусственная бусы и дроби, Шелкъ*. Написаны они толково и дѣтямъ доступно, въ видѣ діалоговъ отца или матери съ сыномъ или дочерью. Если бы не эта дѣланная, шаблонная форма, они не мало выиграли бы.

Въ добрый часъ! Разсказы для дѣвочекъ отъ 9 до 12 лѣтъ. В. П. Андреевской. Спб. Изданіе Ф. А. Битепажа. Ц. 2 р.—Олины затѣи. Разсказы для дѣвочекъ отъ 6 до 10 лѣтъ. В. П. Андреевской. Спб. Изданіе книгопродавца Ф. А. Битепажа. Ц. 2 р. Г-жа Андреевская, о которой намъ случалось уже бесѣдовать съ читателями, продолжаетъ усердно писать дѣтскіе разсказы и повѣсти, а г. Битепажъ продолжаетъ усердно издавать ихъ. И затѣмъ это они оба стараются?—неизвѣстно и непонятно. Г-жа Андреевская не имѣетъ никакихъ данныхъ, чтобы г. Битепажъ трудился надъ изданіемъ ея произведеній. Авторъ этотъ обладаетъ микроскопическимъ кругозоромъ: всѣ дѣти раздѣляются у него на добрыхъ и злыхъ, а, слѣдовательно, и

темы его рассказовъ весьма разнообразны, только около добрыхъ и злыхъ дѣтей и вертятся. Пишетъ г-жа Андреевская тѣмъ дѣланнѣмъ, бездѣйствѣннѣмъ языкомъ, которымъ пишутъ только бездарности: прочитаешь повѣсть и мгновенно ее забудешь; такъ въ ней все гладко, ровно, пустынно, что ничѣмъ она не можетъ зацѣпить читателя. Право, намъ сдается, что происхождение этихъ повѣстей чисто-ремесленное, на что указываютъ и рисунки, взятые, очевидно, изъ нѣмецкихъ книгъ: не присочинены ли эти рассказы къ готовымъ рисункамъ? Не смѣя утверждать этого, мы, однако, считаемъ наше предположеніе не безосновательнымъ. Во всякомъ случаѣ, ошибаемся ли мы или нѣтъ, книги г-жи Андреевской не заслуживаютъ прочтенія.

Русское слогуудареніе (обстоятельныя розысканія и выводы о законахъ ударенія). Выпуски 1-й, 2-й и 3-й. I. Шарловскаго. — О благозвучіи русскаго языка. Его же. 1884, 85 и 89 г. Изд. 1-й — 3-й вып. и О благозвучіи русскаго языка въ Воронежѣ, вып. 2-й въ Кіевѣ. Цѣна 65 коп., 1 руб., 1 руб. 25 коп. Задача г. Шарловскаго опредѣляется тѣмъ мѣстомъ его введенія, въ которомъ онъ говоритъ: „Чтобы содѣйствовать сколько-нибудь русской просодіи въ практическомъ ея примѣненіи, мы изложимъ здѣсь (т. е. въ трехъ выпускахъ *Русскаго слогуударенія*) то, что намъ удалось собрать по словарю Даля и разработать примѣнительно къ слогуударенію“ (см. *Введеніе*, стр. V). Въ томъ же введеніи г. Шарловскій находитъ замѣчательнымъ, „что одна изъ самыхъ существенныхъ частей грамматики — просодія, при многократныхъ передѣлкахъ стараго на новый ладъ, совсѣмъ улетучилась изъ новѣйшихъ учебниковъ“ (*Введеніе*, стр. II), и нѣсколько ниже онъ прибавляетъ, что „новѣйшіе грамматисты должны бы были не только не исключать изъ грамматики то, что уже приобрѣло право гражданства, но и дополнить ее тѣмъ матеріаломъ, котораго не было въ рукахъ нашихъ филологовъ, Востокова и Греча, и которымъ мы обладаемъ въ настоящее время“ (*Введеніе*, стр. IV и V). Такимъ образомъ, ясно, что г. Шарловскому хочется, чтобы русская просодія попала такъ или иначе въ русскую грамматику и стала „достояніемъ всего общества“ (*Введеніе*, стр. IV). Подобное желаніе, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго сочувствія, такъ какъ основательное знаніе русскаго языка зависитъ въ значительной степени отъ знанія его просодіи. Но если желаніе это почтенно, можетъ ли оно быть легко исполнимымъ? Къ сожалѣнію, въ ближайшемъ будущемъ едва ли, г. Шарловскій и самъ признаетъ въ введеніи „малую разработку русской просодіи“ нашими филологами (*Введеніе*, стр. V). Но этого мало: на стр. 45 перваго выпуска ему приходится совсѣмъ опредѣленно высказываться на этотъ счетъ. „Прослѣдя въ исторической послѣдовательности, — говоритъ онъ, — всю литературу русскаго языкознанія, начиная съ Максима-Грека до нашихъ дней, мы пришли къ тому грустному убѣжденію, что если и вообще наша грамматическая наука мало сдѣлала успѣховъ, то еще менѣе та ея часть, которою мы здѣсь занимаемся. Даже и то, что мы находимъ у тѣхъ нашихъ филологовъ (Шавскаго и Востокова), которые болѣе другихъ обратили вниманіе на важное значеніе ударенія, собственно состоитъ изъ отрывочныхъ замѣчаній, вовсе не представляющихъ тѣхъ данныхъ, *по которымъ можно бы было придти къ какимъ-либо практическимъ выводамъ или научнымъ обобщеніямъ*“. Понятно, что если по отношенію къ русской просодіи существуетъ еще очень мало практическихъ выводовъ или научныхъ обоб-

щений, то такую русскую просодію поза и нельзя вводить въ грамматику, такъ какъ грамматика есть схема извѣстныхъ законовъ языка.

Изъ сказаннаго ясно, что на изслѣдованіе г. Шарловскаго слѣдуетъ смотрѣть только какъ на попытку внести свѣтъ въ вопросы русскаго слогаударенія и приблизить ихъ къ научной постановкѣ. Съ такой точки зрѣнія вышеозначенное изслѣдованіе ярляется очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу языкознанія, такъ какъ въ немъ столько же остроумныхъ наблюденій и тонкихъ замѣчаній, сколько самаго упорнаго и добросовѣстнаго труда. Всякій, кто внимательно прочтаетъ и продумаетъ изслѣдованіе г. Шарловскаго, обогатится весьма многими полезными свѣдѣніями: онъ найдетъ тутъ довольно полный взглядъ на происхожденіе, природу и роль ударенія, на отношеніе его къ той или иной буквѣ, той или иной части слова, и получить надлежащее понятіе о благозвучіи русскаго языка, которому г. Шарловскій посвятилъ особую брошюру.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ въ образцахъ. Составилъ Конст. Фед. Петровъ. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Спб., 1889 г. Въ 4-мъ изданіи своего синтаксиса г. Петровъ „рѣшилъ, — какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ этому изданію, — соединить все, что могло бы войти въ практическій курсъ синтаксиса“; благодаря такому соединенію, для него нѣтъ больше необходимости въ составленіи нѣсколькихъ курсовъ синтаксиса для различныхъ возрастовъ. Такимъ образомъ, каждому, кто возьмется преподавать по 4-му изданію синтаксиса г. Петрова, придется самому распредѣлить матеріалъ этого учебника на число частей, соответствующихъ числу возрастовъ. Въ этомъ, можетъ быть, есть своего рода неудобство; однако, легко помириться съ этимъ неудобствомъ въ виду тѣхъ несомнѣнныхъ достоинствъ, которыми отличается вышеозначенный учебникъ. Мы говоримъ о взглядѣ на дѣло преподаванія роднаго языка, которому г. Петровъ остается вѣренъ цѣлыя 10 лѣтъ (см. *Предисл.*). Сущность этого взгляда заключается въ томъ, что „въ руководствѣ синтаксиса не примѣры должны быть поддѣланы подъ правила грамматики, а правила бы вытекали изъ примѣровъ“ (*Предисл.*). Иначе, какъ съ сочувствіемъ, нельзя отнести къ подобной точкѣ зрѣнія, такъ какъ именно въ ней заключается условіе наглядности при обученіи, и г. Петровъ на протяженіи всего синтаксиса проводитъ наглядный методъ обученія. Что касается правилъ, выводимыхъ изъ примѣровъ, то они выражены столько же толково, сколько полно и понятно (стр. 20 и 21). Интересна также попытка облегчить обучающимся пониманіе отношенія между именемъ существительнымъ и подлежащимъ, глаголомъ и сказуемымъ и т. д. (стр. 36, 38 и проч.). Самые примѣры г. Петрова не сочинены имъ самимъ, а взяты изъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей и поэтовъ, что дѣлаетъ ихъ живыми и выразительными.

Систематическій сборникъ грамматическихъ задачъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Этимологія и синтаксисъ. Курсъ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, а также низшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Н. М. Ерошенко. Кишиневъ, 1889 г. Цѣна 35 к. Кромѣ развитія „въ ученикѣ способности рѣшать самостоятельно какъ письменныя, такъ и устныя грамматическія задачи“, *Сборникъ грамматическихъ задачъ* „имѣетъ цѣлью возможно тверже закрѣпить въ памяти учащагося всѣ правила изъ учебника по грамматикѣ“ (см. *Предисл.*). Относительно самыхъ

грамматических задач г. Ерошенко заявляет, что значение ихъ „считается современною педагогическою весьма полезнымъ, развивающимъ элементомъ въ учебномъ дѣлѣ“ (*Предисл.*). Интересно было бы знать, о какой это современной педагогикѣ говорить г. Ерошенко? Но допустимъ, однако, что есть такая современная педагогика; спрашивается, что сказать о возможно болѣе твердомъ закрѣпленіи въ памяти учащагося всѣхъ правилъ изъ учебника по грамматикѣ? Зачѣмъ нужно это закрѣпленіе? Для упражненія памяти? Но неужели же нѣтъ иныхъ средствъ для этой цѣли, кромѣ тѣхъ фокусовъ, которые г. Ерошенко называетъ „грамматическими задачами“? Впрочемъ, г. Ерошенко кажется, вѣроятно, что его задачи нужны не для упражненія памяти, а для грамматическихъ правилъ; но грамматическія правила существуютъ не сами по себѣ: они служатъ тому или иному примѣненію, между тѣмъ, изъ фокусовъ г. Ерошенко едва ли можетъ получиться что-нибудь, кромѣ фокусовъ. Что касается замѣчанія г. Ерошенко, основаннаго на его опытѣ, что грамматическія задачи „крайне интересуютъ учащихся“ (*Предисл.*), то вполнѣ, довѣряя ему, мы оставляемъ за собой право допускать и совсѣмъ противоположный опытъ.

Переходимъ теперь отъ цѣлей *Сборника* къ его средствамъ. Какъ уже сказано выше, сборникъ представляетъ изъ себя рядъ фокусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, приглашеніе *составить* 5, 6, 10 такихъ или иныхъ словъ, составить такое-то количество предложеній, причѣмъ дополненіями при нихъ должны быть непременно слова: *къ брату* или *на урокъ* и проч., далѣе, „придумать дѣепричастіе страдательнаго залога и составить при помощи подлежащаго *ученикъ* предложеніе“ (стр. 21),— что все это, какъ не фокусы? Любопытно, что г. Ерошенко вездѣ приглашаетъ учениковъ *составить* то или иное слово, что совершенно непонятно. Если бы ученику предлагалось привести въ примѣръ какое-либо слово, противъ этого едва ли было бы возможно что-нибудь возразить; но г. Ерошенко заставляетъ *составлять* слово. Впрочемъ, г. Ерошенко вообще очень неосторожно обращается со словами. Что, напримѣръ, онъ хотѣлъ сказать на стр. 5-й своимъ предложеніемъ: „Разберите *по частямъ предложенія* басню *Лисица и виноградъ*“? Въ общемъ нашъ выводъ о сборникѣ сводится къ тому, что ему, вѣроятно, не принадлежитъ блестящей будущности.

Подробный атласъ Россійской имперіи. А. Ильина. Выпускъ IX. Въ девятомъ выпускѣ этого отличнаго изданія поѣщены: карта Могилевской губерніи (15 верстъ въ англійскомъ дюймѣ), дорожная карта Привислянскаго края (масштабъ: 24 въ дюймѣ), карты Радомской и Петроковской губерній (10 верстъ въ дюймѣ), карты распреѣленія земель по угольямъ въ Европейской Россіи и карты распреѣленія посѣвовъ хлѣбовъ, льна и т. п. въ Европейской же Россіи. Всѣ эти карты исполнены отчетливо и могутъ служить хорошимъ пособіемъ при преподаваніи.

КАЛЕНДАРИ.

„Царь-колоколъ“. Изд. Э. Э. Гиппиуса. — „Календарь Сѣверозападнаго края на 1890 г.“ Изд. М. Запольскаго.

Царь-колоколъ. Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1890 годъ. Изданіе Э. Э. Гиппиуса. Москва. Цѣна 60 коп. По издѣству и полнотѣ содержанія календарю *Царь-колоколъ* принадлежитъ

первое мѣсто среди изданій этого рода. На каждый мѣсяцъ имѣется прекрасная виньетка въ цѣлую страницу, характерно иллюстрирующая главные моменты даннаго времени. Десять виньетокъ нарисованы художникомъ А. В. Вишневымъ, двѣ сняты съ картинъ Ф. Липса. Бойки и красивыя композиціи г. Вишневаго больше подходятъ къ дѣлу, чѣмъ одинокія фигурки дѣвочекъ, приуроченныя г. Липсомъ къ маю и іюлю мѣсяцамъ. Сами по себѣ, эти дѣвочки хороши, но это не виньетки, и онѣ являются какъ бы диссонансомъ между сложными иллюстраціями другихъ мѣсяцевъ. Кромѣ того, въ календарѣ помѣщено двадцать снимковъ съ разныхъ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и множество полиптишей, изображающихъ военныя сцены былыхъ временъ, при статьѣ *Православное воинство*. Очень интересенъ въ календарѣ отдѣлъ историко-общественныхъ воспоминаній, подъ заглавіемъ *Былое*. Въ немъ перечисляются выдающіяся событія государственной и общественной жизни, происходившія „четверть вѣка назадъ“, „полвѣка“, „сто лѣтъ“ и „двѣсти лѣтъ назадъ“. Составителемъ этихъ историческихъ справокъ обращено особенное вниманіе на литературу и искусство, на ихъ успѣхи и утраты, на выдающіяся произведенія, на дѣятельность знаменитыхъ писателей, художниковъ и артистовъ. Выборъ для календаря статьи: *Искусство, какъ средство для украшенія жилища*, иллюстрированной многими полиптишами, мы находимъ довольно неудачнымъ. Хотя авторъ и говоритъ въ началѣ статьи, что для устройства „изящной“ обстановки жилища „вовсе не нужно быть богатымъ“; но съ этимъ едва ли можно согласиться. О богатствѣ и бѣдности каждый имѣетъ, впрочемъ, свое особенное представленіе: то, что одному кажется чуть не нищенствомъ, можетъ почитаться другимъ за достатокъ, третьимъ—за богатство. И сущность дѣла, въ данномъ случаѣ, не въ этомъ, а въ томъ, что названная статья никому не нужна. Кто имѣетъ средства „украшать“ свое жилище, тотъ не станетъ руководствоваться указаніями календаря, какъ это сдѣлать; имѣющій же средства малыя или ограниченныя не станетъ совѣмъ украшать свою квартиру такъ, какъ трактуетъ объ этомъ календарь *Царь-колоколъ*. Трактуетъ же онъ объ этомъ не безъ нѣкоторой наивности,—напримѣръ, въ указанной статьѣ говорится: „Слѣдуетъ помнить, что полъ есть *плоскость* (подчеркнуто въ подлинникѣ), предназначенная для того, чтобы по ней было удобно и пріятно ходить“. Мы думаемъ, что много лучше поступилъ бы издатель, если бы преподалъ намъ добрые совѣты, какъ сдѣлать жилища болѣе здоровыми, какъ бороться противъ сырости и холода, какими пользоваться печами и нагрѣвательными аппаратами съ наименьшимъ вредомъ для здоровья и для кармана. Весьма полезная статья *О питаніи дѣтскаго возраста* грѣшить, по нашему мнѣнію, большою краткостью: предметъ настолько важенъ, что для него можно было бы пожертвовать двумя лишними страницами, которыя имѣлись въ распоряженіи издателя, но заняты никому ненужными изображеніями „приспособленій для извлеченія изъ земли царь-колокола“. Разсказъ же объ этомъ событіи довольно интересенъ. Въ заключеніе напечатано *Общедоступное изложеніе новаго закона о земскихъ начальникахъ*. Къ календарю приложено много объявленій разныхъ торговыхъ фирмъ съ прекрасными иллюстраціями. Между ними заслуживаетъ вниманія объявленіе дроздиста Р. Кёлера (стр. 125), озаглавленное: *Руководство для публики къ пользованію товарами аптекарскихъ магазиновъ*. Помнится намъ, что это перепечатка брошюры, изданной магазиномъ Р. Кёлера и К^о въ Москвѣ; но отъ этого отнюдь не умень-

шается польза, которую может принести публикѣ, особенно провинціальной, это *Руководство-реклама*. Отзывъ нашъ мы закончимъ добрымъ совѣтомъ почтенному издателю — поменьше увлекаться баталическими сюжетами и предметами роскоши и давать намъ побольше общепользныхъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому въ повседневной жизни.

Календарь Сѣверозападнаго края на 1890 годъ, издаваемый подъ редакціей М. Запольскаго. Москва. Цѣна 30 коп. Мы всегда съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ признаки развитія провинціальной печати, направленной къ изслѣдованію и изученію какого-либо края нашего обширнаго отечества. Лежащій передъ нами *Календарь* отпечатанъ въ Москвѣ, но, очевидно, составленъ онъ въ провинціи, и предисловіе къ нему помѣчено: „Кіевъ, 6 сентября“, — почему мы смѣло причисляемъ его къ провинціальнымъ изданіямъ. Календарь составленъ очень хорошо; въ немъ значительное мѣсто отведено исторіи и статистикѣ Сѣверозападнаго края и Бѣлорусси, — таковы интересныя статьи: *Литовскій митрополитъ Іосифъ Семашко*, *О курганатахъ Минской губерніи*, *Очерки по исторіи Бѣлорусси*, *Статистика племеннаго состава народонаселенія Сѣверозападнаго края* и др. Къ календарю приложены *Библиографическій отчетъ* о книгахъ, относящихся къ тому же краю. Общекалендарныя свѣдѣнія составлены дѣльно и полно. Весьма обстоятельна и полезна статья г. Волошкевича: *Пчелы и пчеловодство*. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о статьѣ Н. А.—вича *Гигіена одежды*. Написана ова, по нашему мнѣнію, далеко не вразумительно; въ ней много лишніхъ разсужденій и не достаточно положительныхъ указаній, есть и совсѣмъ ненужныя фразы, въ такомъ родѣ: „Она (одежда) оказываетъ давленіе, если слишкомъ узка или плохо снята“. Кто же этого не знаетъ? Наставленія къ сниманію мѣрки для обуви мы совсѣмъ не поняли и недоумѣваемъ, для чего это написано. Если для сапожниковъ, то они, вѣроятно, безъ календаря знаютъ, какъ снимать мѣрки; если же для заказчиковъ, то они не могутъ заставить сапожниковъ снимать мѣрки по указаніямъ г. А.—вича... Въ наставленіи къ употребленію разныхъ домашнихъ врачевныхъ средствъ встрѣчаются такія фразы: „Уксусная кислота (употребляется) наружно для мацерации роговыхъ образований“. Мы опасаемся, что для многихъ слово „мацерация“ окажется непонятнымъ, да и другія указанія этой статейки оставляютъ желать болѣе важности. Такимъ свѣдѣніямъ въ календаряхъ мы придаемъ очень важное значеніе, такъ какъ ими приходится пользоваться людямъ, не имѣющимъ возможности призвать врача и нерѣдко вынужденнымъ замѣнять врача въ деревенской глуши. А въ такомъ видѣ, въ какомъ эти свѣдѣнія помѣщены въ лежащемъ передъ нами *Календарь*, они никому не нужны.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, августъ — октябрь. — „Вопросы философіи и психологіи“, кн. I. — „Кіевская Старина“, май — октябрь. — „Библиографъ“.

Вѣстникъ Европы, октябрь. Оригинальная беллетристика октябрьской книжки *Вѣстника Европы* ограничивается окончаніемъ разсказа г - жи Дмитріевой: *Доброволецъ*. Наше предположеніе не оправдалось: доброволецемъ оказался юноша, не игравшій ни въ первой, ни во второй части разсказа выдающейся роли. Онъ отправляется въ Сербію, и тамъ его убиваютъ. Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ одинъ

женятся, другіе умирають. Г. Дмитріева отмѣтила любопытное и въ основѣ очень симпатичное движеніе молодежи въ нашемъ захолустѣ въ знанію и правдѣ; но изображеніе вышло какое-то путанное, не оставляющее удовлетворительнаго впечатлѣнія.

Весьма интересна статья А. Н. Пыпина: *Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова (Современникъ 1863—64 гг.)*. „При жизни,—говоритъ г. Пыпинъ,—Салтыковъ, какъ всякій писатель, затрогивающій чувствительныя и больныя струны времени, возбуждалъ и самыя горячія сочувствія въ тѣхъ, кто находить у него высказанными свои задушевные мысли, и настоящую ненависть—въ тѣхъ, для кого онъ являлся суровымъ обличителемъ; но не много было писателей, которые возбуждали бы въ обществѣ эти противоположныя чувства въ такой степени“. Г. Пыпинъ указываетъ на то, что сочиненія Салтыкова нельзя разсматривать только съ эстетической точки зрѣнія, что знаменитый писатель былъ публицистомъ удивительнаго ума и пронизательности. Мысль объ общественномъ благѣ, скорбь и негодованіе, какими его наполняло зрѣлище всякихъ „нарушеній самаго основнаго общественнаго интереса, составляютъ существенную черту, проходящую черезъ все содержаніе его произведеній отъ начала и до конца“.

Г. Пыпинъ приводитъ выдержки изъ публицистическихъ статей М. Е. Салтыкова, которыя появлялись въ *Современникѣ* то подъ разными псевдонимами, то безъ подписи. Для опредѣленія міровоззрѣнія покойнаго сатирика эти статьи очень важны. Кромѣ того, онѣ далеко не утратили своего публицистическаго значенія, такъ какъ писались по поводу разныхъ злобъ дня, изъ которыхъ многія остаются и для насъ тѣми же злобами. Мы не станемъ передавать содержаніе фельетоновъ и полемическихъ статей М. Е. Салтыкова и отсылаемъ читателей къ статьѣ г. Пыпина. Отмѣтимъ только, что противъ этой статьи ополчились *Московскія Вѣдомости*. Газета утверждаетъ что „у насъ есть еще ученые, которые въ теченіе двадцати пяти лѣтъ не только ничего не забыли и ничему не научились, но даже не замѣтили, что съ 1863 года прошло четверть вѣка, что много воды утекло и что мы дорого заплатили за уроки, отрезвившіе насъ отъ вѣяній начала шестидесятихъ годовъ“. Такое мнѣніе интересно для нашихъ читателей лишь потому, что однимъ изъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ руководителей названныхъ вѣдній былъ *Русскій Вѣстникъ*. Столь строгое осужденіе этого изданія нынѣшними *Московскими Вѣдомостями* является черною неблагодарностью.

Московскія Вѣдомости доказываютъ, что между печатнымъ доносомъ и обличеніемъ нѣтъ никакого различія, что первымъ именемъ либераламъ называютъ всякое консервативное обличеніе. Къ сожалѣнію, мы можемъ только мимоходомъ указать на неправильность мнѣнія *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы согласны съ тѣмъ, что было бы въ высшей степени желательно изгнать изъ нашей журналистики обвиненія въ недобросовѣстности, въ доносахъ и т. п. Но какъ это сдѣлать? Единственное средство, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы придать русской повременной печати больше независимости, чтобы законообезпечить ея положеніе. Если газета вступаетъ въ полемику и ея консервативный противникъ пускаетъ въ ходъ такіе намеки и соображенія, которые могутъ вызвать разрѣшеніе полемики совсѣмъ не литературными авторитетами, то данная газета вправе жаловаться, а ея противнику, по меньшей мѣрѣ, нечѣмъ гордиться. Его приемъ и называется печатнымъ доносомъ. Конечно, каждый истинный консерваторъ, какъ

покойный И. С. Аксаковъ, больше всего и желаетъ свободы слова, которая придаетъ ему полноту нравственнаго вліянія.

Небезынтересныя свѣдѣнія сообщаются въ статьѣ г. Шенрока: *Н. В. Гоголь и Вѣльгорскій въ ихъ перепискѣ* (1839—1849 гг.). Несмотря на то, что скоро минетъ сорокъ лѣтъ со дня смерти великаго писателя, его личность, его отношенія къ окружающимъ людямъ не выяснены еще въ достаточной степени. Статья г. Шенрока бросаетъ свѣтъ на довольно важный эпизодъ въ жизни творца *Мертвыхъ душъ*, который одно время мечталъ о женитьбѣ на графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Вѣльгорской. Впослѣдствіи, послѣ смерти Гоголя, Анна Михайловна вышла за князя А. И. Шаховскаго.

Въ заключеніе упомянемъ еще о небольшой статьѣ г. Стоянова, которая раскрываетъ, какъ много ненормальнаго въ земельныхъ порядкахъ Батумскаго побережья. Авторъ справедливо указываетъ, что для казны и для всего края была бы очень полезна разработка небольшихъ земельныхъ участковъ. Нежелательны только большіе участки въ однѣхъ рукахъ.

Русскій Вѣстникъ, августъ—октябрь. Въ августовской и сентябрьской книжкахъ *Русскаго Вѣстника* напечатана интересная статья Н. П. Семенова: *Депутаты второго призыва* (изъ исторіи крестьянскаго дѣла). Авторъ, на основаніи неизданнаго матеріала, рисуетъ намъ дѣятельность редакціонныхъ комиссій въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, когда происходили совѣщанія комиссій съ членами, избранными губернскими комитетами. Н. П. Семеновъ подробно сообщаетъ тѣ пренія, которыя велись на совѣщаніяхъ и касались многообразныхъ подробностей великаго дѣла освобожденія крестьянъ съ землею. Мы видимъ тутъ борьбу мнѣній и интересовъ, которая нерѣдко достигала значительной степени напряженности. Въ совѣщаніяхъ съ депутатами кievскаго генераль-губернатора особенно выдающуюся и очень симпатичную роль игралъ Самаринъ. Ему пришлось выдержать дружный натискъ ревнителей исключительно дворянскихъ интересовъ. Въ то время, какъ знаменитый публицистъ приводилъ цифровыя данныя, точныя указанія на законоположенія и вѣскія соображенія, предсѣдатель графъ Панинъ неоднократно прерывалъ его замѣчаніями, что Самаринъ „входитъ въ общія мѣста“. Депутаты кievскаго генераль-губернаторства всячески старались урѣзать имущественныя права освобожденныхъ крестьянъ. Ихъ вождельніа требовали, чтобы крестьянскія общества наряжали людей по числу душъ для прислуги. Понятно, что Юрій Федоровичъ Самаринъ находилъ это и подобныя требованія несправедливыми. Когда князь Черкасскій началъ говорить „о недостойномъ происхожденіи барщиннаго труда и пользованія имъ“, то его перебилъ Шостафовскій, таращанскій уѣздный предводитель дворянства. Въ совѣщаніяхъ съ депутатами виленскаго генераль-губернаторства первое мѣсто занималъ князь Черкасскій. Бесѣда велась, въ значительной части, на французскомъ языкѣ. Князь Черкасскій принужденъ былъ спрашивать графа Тызенгауза, плохо знавшаго по-русски: „Quelle est la quantité des односелья dans le gouvernement de Kowno?“ Само собою разумѣется, что со стороны представителей крупной собственности слышались нападенія на общинное устройство. Въ совѣщаніи съ депутатами Земли Войска Донскаго и съ самарскими отвѣчали депутатамъ Петръ Семеновъ и Самаринъ. Иной разъ бесѣда принимала довольно странный характеръ. Такъ, на вопросъ князя Черкаскаго донскимъ депутатамъ: „Какія причины увеличивали у васъ благосостояніе народонаселенія?“—

Калиновскій отвѣтилъ: „Оно увеличилось со время восьмой ревизіи“. Послѣ засѣданія, отведеннаго совѣщанію съ донскими депутатами, Тарновскій, одинъ изъ чиновниковъ комиссіи, сказалъ Гирсу (также членъ комиссіи): „Ей-Богу, премилѣйшій народъ эти донцы. Никакихъ такихъ у нихъ не было превыспреннихъ фразъ, ни грандъ-культуръ, ни патримоніальной юрисдикціи, ни феодальнаго устройства, — ничего такого. Имъ говорятъ: крестьянамъ мало земли; они говорятъ: на-те, берите“.

Весьма интересенъ споръ Обухова, самарскаго депутата, съ его со товарищемъ по самарскому губернскому комитету, Ю. Θ. Самаринимъ. Обуховъ раздѣлялъ, между прочимъ, мнѣніе о необходимости отобрать помѣщикамъ у крестьянъ права на содержаніе мельницъ, базаровъ и т. п.

Если статьи г. Семенова (онѣ еще не кончены) освѣщаютъ подробности работъ по освобожденію крестьянъ и представляютъ большой историческій интересъ, то статья К. П. Побѣдоносцева, напечатанная въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* *), посвящена одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современнаго землевладѣнія. Авторъ вооружается противъ *отвлеченнаго начала равенства*, овладѣвшаго умами со времени французской революціи. Введеніе этого начала въ законодательство повело, по мнѣнію К. П. Побѣдоносцева, къ развитію пролетариата и паденію семьи. Намъ кажется, что не отвлеченное начало равенства вызвало эти поистинѣ бѣдственныя результаты, а примѣненіе къ земельнымъ отношеніямъ принципа *laissez faire*. Законодательство признало безусловно частную собственность на землю, и земля стала или чрезмѣрно дробиться, или чрезмѣрно сосредоточиваться. У насъ, къ счастью, губительному развитію такого порядка вещей въ значительной степени воспрепятствовало общинное землевладѣніе.

К. П. Побѣдоносцевъ указываетъ на необходимость законодательныхъ мѣръ, ограждающихъ мелкую поземельную собственность. „Тѣмъ прочіе, — говоритъ онъ, — благосостояніе народа и государства, чѣмъ болѣе въ немъ распредѣлено земли между мелкими владѣльцами, имѣющими и охраняющими дѣльное свое хозяйство; напротивъ того, благосостояніе народа разрушается, когда преобладающая сила въ народной экономіи принадлежитъ крупному капиталу, привлекающему къ себѣ и малыя доли частныхъ капиталовъ, и мелкіе поземельные участки для хищнической эксплуатаціи земель. Увеличеніе большихъ дачъ на счетъ мелкой собственности можетъ оказаться пагубнымъ для государства. *Latifundia perdidere Italiam*“.

Естественно, что такіе рѣчи должны были произвести непріятное впечатлѣніе въ лагерѣ нашихъ охранителей. Редакція *Русскаго Вѣстника* въ примѣчаніи къ статьѣ о недѣлимыхъ семейныхъ участкахъ старается увѣрить читателей, что К. П. Побѣдоносцевъ стоитъ за недѣлимые семейные участки *среднепомѣстнаго дворянства*; но статья говоритъ прямо о мелкомъ землевладѣніи, о *нормальномъ размѣрѣ хозяйственной дачи съ усадьбою*, о крестьянскомъ землевладѣніи. Правда, К. П. Побѣдоносцевъ прибавляетъ, что „не одно лишь крестьянское землевладѣніе имѣетъ нужду въ законѣ, охраняющемъ его отъ разложенія“. Но вотъ что говоритъ ученый авторъ о крупномъ и среднемъ нашемъ землевладѣніи: „Къ несчастью, учрежденіе дворянскаго банка, направленное, по основной мысли своей, къ поддержанію хозяйства и къ охраненію имѣній отъ продажи посредствомъ кредита, на дѣлѣ едва

*) Семейные участки. Объ этой статьѣ уже упоминалось въ *Иностранномъ обозрѣніи* нашего журнала (*Русская Мысль*, кн. X).

ли не привело къ противоположной цѣли, доставя многимъ несостоятельнымъ или осудѣлымъ новый удобный способъ задолжать безъ расчета на погашение долга изъ доходовъ имѣнія“.

Небезынтересна небольшая статья А. Д. Галахова: *Михаилъ Петровичъ Погодинъ*. Студенты того времени, когда учился Погодинъ, „интересовались не исключительно своимъ предметомъ, но охотно посѣщали лекціи и другихъ факультетовъ“. Русская словесность была тогда предметомъ „общедобрымъ, обязательнымъ, необходимымъ“. Тогдашніе университетскіе порядки давали въ этомъ отношеніи достаточный просторъ студентамъ. Студентъ Погодинъ въ теченіе цѣлаго года не пропустилъ ни одной лекціи. „Такое точное исполненіе обязанности,—говоритъ устами г. Галахова *Русскій Вѣстникъ*,—вовсе не похоже на чисто-формальное отношеніе къ дѣлу многихъ тогдашнихъ студентовъ, отличавшихся качествами Молчалина: умѣренностью и аккуратностью, т.-е. аккуратнымъ сидѣніемъ на скамьѣ, чтобы профессора убѣждались въ ихъ постоянномъ посѣщеніи университета и умѣренныхъ знаніяхъ, какъ это обнаруживалось на репетиціяхъ и экзаменахъ“. Боги Элады! Что скажутъ объ этомъ *Московскія Вѣдомости*?

Г. Галаховъ говоритъ, что сотоварищи Погодина по *Московскому Вѣстнику* уступали ему во многомъ по важнѣйшимъ тогда вопросамъ. Въ числѣ ихъ было крѣпостное право. „Сознавалось ими вредное его дѣйствіе на душевладѣльцевъ и желалось полной его отмѣны; но какъ сознаніе, такъ и желаніе, въ большинствѣ случаевъ, не отличались такою силою и ясностью, какъ у Погодина“.

Спеціальныи духъ *Русскаго Вѣстника* обнаруживается въ статьѣ г. Ц. Б—ва: *Изъ исторіи русской литературы 60-хъ годовъ*. Авторъ говоритъ, что „для движенія того времени уже наступила исторія, и можно обозрѣвать это время болѣе безпристрастно и спокойно“. Конечно, это было бы въ высшей степени желательно; но намъ думается, что не настала еще пора для свободной, нелицеприятной оцѣнки дѣятелей и идей шестидесятихъ годовъ. Съ одной стороны, вопросы, которые тогда раздѣляли русское общество на враждебные лагери, и теперь играютъ подобную же роль. Съ другой стороны, правильное освѣщеніе великой преобразовательной эпохи встрѣчаетъ препятствія въ озлобленномъ отношеніи къ этой эпохѣ со стороны реакціонныхъ общественныхъ группъ. Г. Н. Б—въ повторяетъ извѣстныя и неправильныя нападенія на Чернышевскаго и Добролюбова и усиленно старается доказать, что движеніе шестидесятихъ годовъ вовсе не было такъ единодушно и искренно“, какъ можно было бы предполагать, и вовсе не имѣло такого значенія даже въ глазахъ самихъ его дѣятелей“. Перваго не стоило и доказывать. Не только существовали различныя теченія въ передовой общественно-литературной мысли шестидесятихъ годовъ, но иной разъ теченія эти сталкивались рѣзко, враждебно, даже грубо. Второго своего утвержденія авторъ статьи не доказалъ, да и не могъ доказать. Выдающіеся дѣятели въ нашей публицистической литературѣ начала царствованія Императора Александра II были по большей части людьми брѣвковой воли и несокрушимыхъ убѣжденій. Г. Н. Б—въ рассказываетъ намъ исторію отношенія Салтыкова къ Некрасову, когда Михаилъ Евграфовичъ работалъ въ *Современникѣ*, и къ *Русскому Слову*. Но изъ этой „исторіи“ оказывается лишь то, что послѣдній журналъ расходился по многимъ вопросамъ съ Салтыковымъ, это—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, изъ статьи *Русскаго Вѣстника* вытекаетъ еще одно заключеніе, для либеральной печати давнымъ-давно извѣстное: Михаилъ Евграфовичъ

Салтыковъ былъ не только удивительнымъ талантомъ, но и необыкновенно умнымъ и проницательнымъ публицистомъ.

Изъ беллетристическихъ произведеній въ *Русскомъ Вѣстникѣ* продолжаютъ *Тамара Бендавидъ* г. Крестовскаго и достигшая уже мау-сайлова вѣка *Молодежь* г. Орловскаго. Есть еще пустынный рассказъ г-жи Крестовской: *Немудреные*, въ которомъ повѣствуется, какъ дочь „небольшаго чиновника“ не сдѣлалась пѣвицей, несмотря на удивительный голосъ, а вышла очень благополучно замужъ за богатаго купца. Заключаетъ свой рассказъ авторъ такими словами: „что же, невольно подумалось мнѣ, можетъ быть, она и права,—еще Богъ вѣсть, что дала бы Настенькѣ ея артистическая карьера, а теперь она, по крайней мѣрѣ, счастлива и довольна“... Изъ безцвѣтнаго произведенія другаго заключенія, дѣйствительно, и сдѣлать невозможно.

Съ октябрьской книжки *Русскаго Вѣстника* начаты очень интересные путевые очерки Е. Л. Маркова: *Въ странѣ фараоновъ*. Въ этой же книжкѣ напечатано красивое стихотвореніе А. Н. Майкова, которое мы и приведемъ:

Вчера — и въ самый мигъ разлуки—
Я вдругъ обмолвился стихомъ...
Исчезли слезы, стихли муки
И точно солнечнымъ лучомъ
И близъ и даль озолотило...
О, не вини меня, мой другъ!
Въянецъ свой творческая сила
Куется лишь изъ душевныхъ мукъ!
Глубокимъ выхваченъ онъ горемъ
Изъ вѣдръ души заповѣднхъ—
Какъ жемчугъ, выброшенный моремъ
Подъ грохотъ бури,—этотъ стихъ!

Вопросы философіи и психологіи, *жн. I*. Первая книга новаго повремениаго изданія, редакторомъ котораго (при участіи избраннаго московскимъ психологическимъ обществомъ комитета) является профессоръ Гротъ, составлена интересно и разнообразно. Вступительная редакціонная статья говоритъ о значеніи философіи. Ближайшая и самая насущная потребность современнаго человѣчества, — говорится въ этой статьѣ, — „состоитъ именно въ томъ, чтобы приобрѣсти, — на почвѣ всесторонней философской критики данныхъ науки и при участіи особой творческой работы мысли, имѣющей въ основаніи своемъ законы логики, — такое ученіе о жизни, которое бы дало человѣку вновь болѣе ясныя и прочныя начала для его нравственной дѣятельности, чѣмъ какими оно обладаетъ въ настоящую минуту“. Страницы новаго журнала открыты для мыслителей всѣхъ направленій. Редакція *Вопросовъ философіи и психологіи* имѣетъ въ виду сдѣлать свое изданіе доступнымъ для всего образованнаго общества.

Искренне желаемъ успѣха первому серьезно поставленному у насъ философскому журналу. Въ первой же книгѣ его мы встрѣчаемъ труды писателей, принадлежащихъ къ разнымъ и отчасти противоположнымъ теченіямъ мысли, напримѣръ, В. С. Соловьева и В. В. Лесевича. Первый изъ названныхъ философовъ напечаталъ въ *Вопросахъ философіи и психологіи* обширную статью *Красота въ природѣ*. Разбирать ее въ настоящее время мы не станемъ и отмѣтимъ только два положенія, которыя развиваются въ этомъ талантливо написанномъ очеркѣ. „Настоящая теорія прекраснаго, — говоритъ г. Соловьевъ, — есть та, которая имѣетъ въ виду собственную сущность красоты во всѣхъ ея явле-

ниях, как простых, так и сложных". Въ этомъ утвержденіи слышится, конечно, убѣжденный метафизикъ. Г. Соловьевъ считаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне справедливымъ требованіе, по которому „эстетически-прекрасное должно вести къ реальному улучшенію дѣйствительности“.

Г. Лесевичъ сообщаетъ любопытныя данныя о религиозной свободѣ по эдиктамъ царя Асоки Великаго. Эдикты эти начертаны на камняхъ по всей сѣверной Индіи. „Царь Пійадаси,—говорится въ одномъ изъ нихъ,—любимый богами, желаетъ, чтобы всѣ секты жили свободно повсемѣстно“. Г. Лесевичъ полагаетъ, что „выставленная въ эдиктахъ идея сущности религии, устраняющая догматическую разногласицу и ритуальную пестроту и схватывающая это общее нѣчто, которое присуще вѣроученію всѣхъ сектъ и которое, по мысли Асоки, все уходитъ въ преслѣдованіе нравственнаго идеала, содержитъ въ зернѣ ту самую идею, которая въ формѣ сказки о трехъ кольцахъ, съ XIV, а, можетъ быть, и съ XIII вѣка переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и, наконецъ, въ *Натанъ* Лессинга получаетъ свое наивысшее, совершеннѣйшее выраженіе.

Въ той же первой книгѣ *Вопросовъ философіи и психологіи* напечатана статья князя С. Трубецкаго: *О природѣ челоувеческаго сознанія* и профессора Козлова: *Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествознанія*. Размышленія эти вызваны книгою базельскаго профессора Бунге (*Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie*), вышедшею болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.

Г. Козлова привело въ чрезвычайное удовольствіе слѣдующее заявленіе базельскаго химика: „Чѣмъ глубже, многостороннѣе и основательнѣе стараемся мы изучить явленія жизни, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что явленія, которыя мы считаемъ возможнымъ объяснить физически и химически, гораздо сложнѣе по своей природѣ и пока рѣшительно не поддаются никакому механическому объясненію“. Мы замѣтимъ на это, что *голоса*, гораздо болѣе авторитетны въ области естествознанія, утверждать иное, да и Бунге говорить лишь о настоящемъ моментѣ въ развитіи наукъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принимать во вниманіе общее теченіе точной научной мысли, рѣшительно враждебное метафизикѣ, а не мнѣнія того или другаго ученаго, иной разъ склоняющагося на сторону спиритизма и тому подобныхъ бредней. Объ успѣхахъ опытной психологіи свидѣтельствуетъ въ библиографическомъ отдѣлѣ *Вопросовъ философіи и психологіи* рецензія о книгѣ Бони о внутреннихъ ощущеніяхъ (*Beimnis: „Les sensations internes“*) и критическія замѣтки о второмъ изданіи *Элементовъ психологіи* Фехнера и о философскомъ журналѣ Вундта (*Philosophische Studien*).

Укажемъ на интересную работу князя Трубецкаго *О природѣ челоувеческаго сознанія*. Мы не раздѣляемъ его воззрѣній, но не можемъ не отдать справедливости учености и талантливости автора, задавашагося вопросомъ чрезвычайной важности: „Доступна ли истина личному познанію челоувѣка, и если да, то лично ли самое его сознаніе вообще?“ Кн. Трубецкой полагаетъ, что „челоувѣческое сознаніе не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функція челоувѣческаго рода“. Авторъ думаетъ, что это сознаніе „не есть только отвлеченный терминъ для обозначенія многихъ индивидуальныхъ сознаний, но что это живой и конкретный, универсальный процессъ“.

Изъ приведенныхъ указаній читатель можетъ видѣть, что главное мѣсто въ первой книгѣ *Вопросовъ философіи и психологіи* отведено трудамъ мыслителей-метафизиковъ, что и понятно, такъ какъ это направ-

леніе мысли до сихъ поръ преобладаетъ на филозофскихъ кафедрахъ нашихъ университетовъ, а въ университетовъ у насъ мало людей, работающихъ въ области философскихъ вопросовъ. Прибавимъ въ заключеніе, что хроника новаго журнала посвящена отчетамъ о психологическомъ съѣздѣ въ Парижѣ (проф. Грота) и о психіатрическомъ съѣздѣ тамъ же (доктора С. Корсакова).

Кіевская Старина, май—октябрь. Работы спеціального характера, попрежнему, составляютъ главный интересъ *Кіевской Старины*. Назовемъ въ ряду ихъ, прежде всего, очень интересное изслѣдованіе проф. О. И. Успенскаго: *Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.* Мы цѣнимъ въ этой работѣ отдѣльныя сопоставленія и мысли, основная же мысль автора о широкой сферѣ византійскаго вліянія на сѣверномъ берегу Чернаго моря кажется намъ ученымъ увлеченіемъ; трудно допустить, чтобы во время Константина Багрянороднаго можно было забыть, когда укрѣпленъ Саркель, и еще труднѣе предположить, чтобы Саркель былъ когла - нибудь византійскою крѣпостью; переносить же мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха на Донъ, значить, по нашему мнѣнію, затемнять и тотъ свѣтъ, который началъ брѣжить въ этомъ трудномъ вопросѣ послѣ изслѣдованія проф. Васильевскаго.

Проф. И. И. Малышевскій напечаталъ двѣ статьи по вопросу о „происхожденіи русской великой княгини Ольги“. Дѣло въ томъ, что арх. Леонидъ нашелъ лѣтописный отрывокъ, по его мнѣнію, конца XV в., въ которомъ, между другими вариантами, есть свѣдѣніе о болгарскомъ происхожденіи Ольги. Проф. Малышевскій въ первой статьѣ очень обстоятельно показалъ, какой мутный источникъ представляетъ этотъ вновь найденный отрывокъ. Но во второй статьѣ онъ вдался черезъ-чуръ уже въ хитрыя предположенія относительно причинъ Игорева брака и происхожденія невѣсты: онъ догадывается не только о томъ, что Ольга родственница Олега, что она выдана замужъ до совершеннолѣтія, но и о томъ, что въ это время она „обнаруживала задатки прекрасныхъ качествъ“. Арх. Леонидъ въ отвѣтъ своему критику (октябрь) призналъ, что въ преданіи объ Ольгѣ „Плесковъ“ разумѣтся не болгарскій, а русскій; но, въ то же время, остался при мнѣніи, что Ольга—болгарка, и въ довершеніе всего вывелъ ее не изъ Болгаріи, а отъ какихъ-то „тмутараканскихъ или азовско-черноморскихъ“ болгаръ, извѣстныхъ одному автору; на послѣднюю мысль навела арх. Леонида цитата XVII в., приведенная для курьеза его критикомъ, и предварительно „исправленная“ о. Леонидомъ, вѣроятно, по правиламъ „высшей критики“ (именно, вмѣсто очевидно негѣпой фразы: „женись князь Игорь Рюриковичъ въ Плесковѣ, поя за себя княжну Ольгу дщерь Тмутаркана, князя Подовецкаго“, о. Леонидъ восстанавливаетъ „первоначальное“ чтеніе: „женись etc... въ Тмутарканѣ, поя за себя княжну Ольгу, дщерь князя тмутарканскаго“). Весь этотъ ученый споръ такъ и отзывается приемами историографіи прошлаго столѣтія.

Г. Багалъй напечаталъ изслѣдованіе: *Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры*. Авторъ, попрежнему, думаетъ, что написать историческое изслѣдованіе—значить сдѣлать выписки изъ всѣхъ книгъ, относящихся къ предмету, и расположить эти выписки въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ. Работа эта выполнена имъ съ прежнимъ успѣхомъ. Къ исторіи колонизаціи же относится дѣльная работа М. И. Лидѣва: *Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ*; авторъ подробно слѣдитъ за временемъ появленія въ Стародубѣ пер-

вѣхъ раскольниковъ, за заселеніемъ ими слободъ и за ростомъ раскольниковъ населенія въ теченіе XVIII в. Весьма интересна статья Валеріана Боржковскаго, который по личнымъ наблюденіямъ рассказываетъ быть „лирниковъ“; къ статьѣ приложено 16 отчасти ненапечатанныхъ, отчасти представляющихъ любопытные варианты (*Конюченко, Панцына*) пѣсенъ изъ репертуара лирниковъ и, кромѣ того, словарь лирницкаго языка, до сихъ поръ почти неизвѣстнаго. По напечатаннымъ пѣснямъ составлена статья М. К. Васильева: *Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ*.

Воспоминанія М. К. Чалаго продолжаютъ въ разбираемыхъ книжкахъ; очень живо изображена новгородъ - сѣверская гимназія въ годы директорства Тимковскаго и Батаровскаго (авторъ учился въ ней въ 1833—1840 годахъ); воспоминанія прерываются пока на началѣ студенческой жизни Чалаго (въ Кіевскомъ университетѣ).

Въ началѣ текущаго мѣсяца *Кіевская Старина* понесла тяжелую утрату: 1 ноября скончался ея новый редакторъ, Александръ Степановичъ Лашкевичъ. Въ короткое время своего редакторства покойный успѣлъ поставить *Кіевскую Старину* на ряду съ лучшими нашими историческими журналами; *Кіевская Старина* дала рядъ капитальныхъ изслѣдованій и матеріаловъ для южнорусской исторіи и языка, завела чрезвычайно обстоятельный и полный библиографическій отдѣлъ, наконецъ, давала мѣсто мало русской беллетристикѣ и знакомила читателей съ произведеніями современной славянской литературы; не гоняясь за потребностью, издатель со смѣлостью, рѣдкой въ его положеніи, давалъ мѣсто въ журналѣ серьезнымъ ученымъ изслѣдованіямъ. Какъ мы знаемъ изъ газетъ, покойному приходилось постоянно бороться съ дефицитомъ, но мы увѣрены, что въ наше время серьезный историческій журналъ можетъ быть поддержанъ читающею публикой и что при болѣе продолжительномъ редакторствѣ А. С. Лашкевичу удалось бы, наконецъ, побѣдить равнодушіе публики. Будемъ надѣяться, что теперь, когда главное сдѣлано, предпріятіе не будетъ брошено на полдорогѣ и что найдутся продолжатели, которые доведутъ его до полного успѣха, до котораго не суждено было дожить покойному А. С. Лашкевичу.

Библиографъ. Вѣстникъ литературы, науки и искусства. Периодическія изданія по библиографіи никогда не пользовались въ Россіи значительнымъ и продолжительнымъ успѣхомъ. Недавно въ *Русской Старинѣ* напечатанъ интересный историческій очеркъ, изъ котораго можно заключить, какъ до настоящаго времени еще не велика была у русскаго общества потребность въ такого рода изданіяхъ. Первымъ изъ периодическихъ изданій, посвященныхъ специально библиографіи, были *Библиографическіе Листы* академика Кеппена. Выходили они въ 1825 и 1826 годахъ, но на 43-мъ выпускѣ превратились. Затѣмъ не было ни одного периодическаго изданія по библиографіи въ теченіе 32 лѣтъ; наконецъ, въ 1858 г. возникли въ Москвѣ подъ редакціей А. Н. Аванасьева *Библиографическія Записки* и выходили въ теченіе трехъ лѣтъ, а именно въ 1858, 1859 и 1861 годахъ (съ перерывомъ, длившимся весь 1860 годъ). Всего вышло 64 выпуска *Библиографическихъ Записокъ*. Какъ этотъ журналъ, такъ и журналъ Кеппена стали теперь библиографическою рѣдкостью; но въ свое время они успѣха не имѣли, что видно уже изъ того, что, напримѣръ, *Библиографическіе Листы* Кеппена были обезпечены подпискою лишь на 153 экземпляра, распредѣлившихся всего-на-всего на троихъ абонентовъ: на 100 экземпляровъ подписалось министерство народнаго просвѣщенія, на 13—кіевская ду-

ховная академія, да на 40 экземпляровъ — Э. А. Толстой. Не имѣли успѣха оба эти журнала, несмотря на то, что они вполне отвѣчали требованіямъ науки: отдѣлъ узко-практическій, чисто-справочный, стоялъ въ нихъ на второстепенномъ мѣстѣ; но главныя задачи ихъ редакцій были строго-научныя: *Библиографическіе Листы*, кромѣ обширнаго библиографическаго обзорѣнія вышедшихъ въ 1825 г. книгъ и періодическихъ изданій, съ подробными ихъ описаніями и критическими замѣчаніями, содержатъ въ себѣ хронологическую роспись первопечатнымъ славянскимъ книгамъ, статьи археологическія, филологическія, этнографическія, статистическія, составленныя частью самимъ Кеппеномъ, частью другими учеными съ А. Х. Востоковымъ во главѣ; *Библиографическія Записки* Аванасева по программѣ еще обширнѣе и разнообразнѣе: въ составъ ея входили: описаніе рѣдкихъ книгъ и замѣчательныхъ рукописей, описаніе старопечатныхъ книгъ, свѣдѣнія объ изданныхъ и неизданныхъ мемуарахъ, біографіи русскихъ писателей, извѣстія объ иностранныхъ сочиненіяхъ, свѣдѣнія о библиотекахъ, книгохранилищахъ, книжной торговлѣ, книгопечатаніи. Словомъ, главную задачу обоихъ этихъ изданій составляли розысканія и изслѣдованія въ области историко-литературной, почему и сами журналы эти имѣли характеръ, главнымъ образомъ, научный.

Существовавшія послѣ нихъ библиографическія изданія отличаются уже характеромъ болѣе практическимъ, чѣмъ ученымъ, служа органами книжно-торговыхъ фирмъ. Съ 1860 по 1867 годъ издавался въ Петербургѣ книжно-торговою фирмой Н. Сеньковского *Книжный Вѣстникъ*. Съ 1872 по 1878 годъ при главномъ управленіи по дѣламъ печати выходилъ спеціальныи его органъ *Указатель по дѣламъ печати*, отданный въ арендное содержаніе нѣсколькимъ книгопродавцамъ, въ 1879 и 1880 г. въ Москвѣ профессорами Миллеромъ и Ковалевскимъ издавалось *Критическое Обзорѣніе*, съ 1879 по 1882 г. существовалъ въ Петербургѣ же журналъ *Россійская Библиографія* книгопродавца Эмиля Гартге и, наконецъ, въ настоящее время, начиная съ 1884 г., издается при обществѣ книгопродавцевъ и издателей *Книжный Вѣстникъ*.

Совершенно инымъ характеромъ отличается издаваемый съ 1885 г. г. Лисовскимъ журналъ *Библиографъ*. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ изданіямъ, которыя преслѣдуютъ цѣли, главнымъ образомъ, научныя, а не торговыя. Правда, есть въ немъ также отдѣлъ справочный, но онъ, какъ и въ журналахъ Кеппена и Аванасева, занимаетъ въ *Библиографѣ* второстепенное мѣсто и, кромѣ того, ведется такъ систематично, что несомнѣнно имѣетъ библиографическое значеніе. Редакція *Библиографа* вполне основательно называетъ его „полною библиографическою лѣтописью“: заключаетъ онъ въ себѣ полный каталогъ новыхъ книгъ, расположенный по отдѣламъ, въ систематическомъ порядкѣ. Затѣмъ въ этомъ отдѣлѣ находится указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; въ немъ указывается содержаніе всѣхъ энциклопедическихъ журналовъ, а также такихъ, которые вполне или преимущественно посвящены исторіи и исторіи литературы; изъ остальныхъ журналовъ включаются въ этотъ указатель лишь тѣ, которыя получаютъ редакціей. Затѣмъ слѣдуютъ *roszica*, т.-е. списокъ иностранныхъ произведеній о Россіи (въ № 7 — 8 прошлаго года приложены составленныя г. Межевымъ *roszica* за 1887 г.). Наконецъ, въ справочный отдѣлъ *Библиографа* входятъ свѣдѣнія о главныхъ распоряженіяхъ правительства по дѣламъ печати.

Въ началѣ существованія журнала второй, т.-е. справочный, отдѣлъ

его занимать, повидимому, большее вниманіе редакціи *Библиографа*, чѣмъ первый отдѣлъ, о которомъ слѣдуетъ сказать правду, что онъ въ первые два года существованія журнала былъ довольно бѣденъ. Теперь, когда новый журналъ значительно развился къ лучшему и сдѣлался вполнѣ солиднымъ историко-литературнымъ изданіемъ, можно эту скудость объяснить отчасти осторожностью редактора, которому, конечно, не безызвѣстно неустойчивое положеніе у насъ библиографическихъ изданій вообще и которому не безопасно было сразу расширять размѣры и содержаніе своего журнала; отчасти же объяснимъ это тѣмъ, что литературныя силы, работающія въ области исторіи и библиографіи, не успѣли еще применить къ народившемуся изданію. Но за послѣдніе годы, особенно начиная съ прошлаго, въ *Библиографѣ* постоянно работаютъ лица, пользующіяся громкою извѣстностью благодаря своимъ литературнымъ и ученымъ трудамъ: встрѣчаются имена такихъ библиографовъ, какъ гг. Межовъ, Губерти, Языковъ, такихъ ученыхъ, какъ профессора Бестужевъ-Рюминъ, Замысловскій, Карѣевъ, Шмурло, адъюнктъ Л. Н. Майковъ, г. Кобяко и друг. Теперь ужъ первый, т.-е. историческій и историко-литературный, отдѣлъ преобладаетъ въ журналѣ какъ по объему, такъ и богатствомъ содержанія. Много дѣльныхъ, цѣнныхъ статей и замѣтокъ помѣщено въ немъ за послѣднее время.

Единственное, чего мы можемъ пожелать этому почтенному органу, это—чтобы онъ и на будущее время продолжалъ развиваться и богатѣть содержаніемъ такъ же, какъ развивался въ первые годы своего существованія. Будемъ надѣяться, что у нашего общества потребность въ подобномъ изданіи возросла къ настоящему времени настолько, что разъткой журналъ ведется умѣло и добросовѣстно, то и прочное положеніе его въ будущемъ обезпечено.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книжн.

	Стр.
Веллетристика: „Сочиненія“ <i>М. Н. Залюкина</i> . — „Карриатуры любви“.	
<i>С. Сутулкина</i> . — „Разсказы“ <i>Д. Болконскаго</i> . — „Родные звуки“.— „Фаустъ“.	
<i>Гёте</i> . — „Медея“. <i>Еврипида</i>	467
Критика и публицистика: „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“.	
<i>А. Н. Пыжина</i> . — „Сочиненія“ <i>В. Д. Спасовича</i>	471
Философія и психологія: „Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени“.	
<i>Д. Г. Льюиса</i> . — „Духъ и тѣло“.	478
Археологія: „Русскія древности въ памятникахъ искусства“.	
<i>Гр. И. Толстаго</i> и <i>Н. Кондакова</i>	475
Политическая экономія: „Agriculturpolitische Zeit-und Streitfragen“	
von <i>A. Miazkowski</i>	476
Юридическія книги: „Русское уголовное судопроизводство“.	
<i>Д. Г. Тальберга</i> . — „Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ стѣдствій по дѣламъ уголовнымъ“.	481
<i>И. Ивановскаго</i>	
Естествознаніе: „Основы химіи“.	
<i>Д. Менделѣева</i> . — „Два лондонскихъ чтенія“.	
<i>Его же</i> . — „Русская физико-математическая библіографія“.	484
<i>В. В. Бобылина</i>	
Сельское хозяйство: „О нѣкоторыхъ сторонахъ культуры сахарной свеклы въ связи съ нынѣшнимъ состояніемъ свеклосахарной промышленности въ Россіи“.	
<i>А. Зайкевича</i> . — „Отношеніе проростающихъ сѣмянъ къ почвенной водѣ“.	
<i>С. Боданова</i> . — „Очеркъ хлопководства въ Закавказьи“.	
<i>Н. П. Таратынова</i> . — „Общедоступное практическое руководство къ огородничеству“.	486
<i>А. Аверкіевой</i>	
Медицина: „Планы и способы санитарныхъ изслѣдованій“.	
<i>Проф. Ир. Скворцова</i> . — „Наши зубы, ихъ роль и значеніе въ дѣлѣ правильной функціи всего организма“.	
<i>В. Е. Нурка</i> . — „Письма крестьянина изъ Саратовской губ. на родину о скотской чумѣ“	489
Дѣтскія книги и учебники: „Наша бібліотека“.	
<i>Изд. товарищества М. О. Вольфа</i> . — „Новые иллюстрированныя разсказы для дѣтей средняго и старшаго возраста“.	
<i>З. Н. Булкаковой</i> и <i>В. Д. Дамиловой</i> . — „Двѣ собачки“.	
<i>В. Буша</i> . — „Вороненокъ“.	
<i>Его же</i> . — „Разсказы для дѣтей изъ области искусствъ и промышленности“.	
<i>Изд. Е. Гербека</i> . — „Въ добрый часъ!“	
<i>В. П. Андреевской</i> . — „Олины затѣя“.	
<i>Ея же</i> . — „Русское слогуудареніе“.	
<i>І. Шарловскаго</i> . — „О благозвучіи русскаго языка“.	
<i>Его же</i> . — „Русскій языкъ“.	
<i>К. Θ. Петрова</i> . — „Систематическій сборникъ грамматическихъ задачъ“.	
<i>Н. М. Ерошенко</i> . — „Подробный атласъ Россійской имперіи“.	492
<i>А. Илчина</i>	
Календари: „Царь-колоколъ“.	
<i>Изд. Э. Э. Гиппиуса</i> . — „Календарь Сѣверо-западнаго края на 1890 г.“	498
<i>Изд. М. Запольскаго</i>	

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, августъ—октябрь. — „Вопросы философіи и психологіи“, кн. I. — „Кіевская Старина“, май—октябрь. — „Библіографъ“	500
--	-----

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о въ Москвѣ.

Товарищество предприняло рядъ иллюстрированныхъ изда- ній классическихъ произведеній.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ:

(Складъ; Москва, Никольская, д. Чижовыхъ).

Джонатанъ Свифтъ. ПУТЕШЕСТВІЯ ЛЕМЬЮЗЛА ГУАЛИВЕРА ПО РАЗ-НЫМЪ ОУДАЛЕННЫМЪ СТРАНАМЪ СВѢТА. Но- вый полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ биографіей Свифта и примѣчаніями, составленными по Хооке- суортсту, Шеридану, Вальтеръ-Скотту, Теккерею и др., со многими рисун- ками въ текстѣ, сдѣланными въ Лондонѣ. Часть I. Цѣна 2 руб. 40 коп. Часть II. Цѣна 2 руб. Пересылка каждой части за 2 фуп.

Тысяча одна ночь. АРАБСКІЯ СМАЗКИ. Томъ I. Новый полный пере- водъ Ю. Дюпелъмайеръ, съ 226 рисунками въ текстѣ М. 1889 г. Цѣна 3 р. 5 к.; на велен. бум. 3 р. 50 к. За роскошный переплетъ прибавляется 1 руб. Перес. за 3 ф. Второй томъ Цѣна 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. При 2-мъ томѣ томѣ приложена статья академика профессора А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія. Все изданіе будетъ въ III томахъ.

Даніель Де Фо. ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ЮРИСКАГО МОРЯКА, РАЗСКАЗАННЫЯ ИМЪ СА- МИМЪ. Новый полный переводъ съ англ. П. Канчаловскаго. Съ 100 рис. 2 т. Ц. 4 р., въ роск. пер. 5 р. Перес. за 3 ф. Издатели просятъ не смѣшивать вышеозначенныхъ трехъ изданій съ безчисленными передѣлками, не имѣющими, кромѣ фабулы, ничего об- щаго съ оригиналами этихъ классическихъ произведеній, появляющихся въ полномъ переводѣ въ первый разъ.

Альбомы картинъ: ВЫПУСКЪ I-Й. Копія съ картинъ русскихъ ху- выпускъ II-Й. дожинокъ. Каждый выпускъ со- стоять изъ шести картинъ, прекрасно испол- ненныхъ хромолитографически въ такой же обложкѣ. Цѣна выпуску 5 руб., пересылка каждаго выпуска за 3 ф. по расстоянію.

Джонъ Морлей. ВОЛЬТЕРЪ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профессора А. Кирпичникова. Цѣна 2 р. Перес. за 2 ф.

Джонъ Тиндаль. ТЕПЛОТА, РАЗСМАТРИВАЕМАЯ КАКЪ ОСОБЫЙ РОДЪ ДВИЖЕНІЯ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профес. А. Шникова, съ 120 рис. въ текстѣ. Изда- ніе 2-е. Цѣна 3 руб. 75 коп. Перес. за 2 ф.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Тысяча одна ночь. Томъ третій (последній).

Боккачіо ДЕККАМЕРОНЪ. (Десять дней.) Полный переводъ съ итальянскаго подъ редакціей и съ примѣчаніями Академика Профессора Алек- сандра Н. Веселовскаго, 2 тома.

Монгомери. СИНІЯ ВУАЛЬ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англійскаго С. Л. Федоровичъ, съ 10 роскошными рисунк. Цѣ- на въ роскошной папкѣ 1 руб. 50 коп.

Ея-же. ЕГО НЕ ПОНЯЛИ. Повѣсти для дѣтей старшаго возраста.

Жанъ-Жакъ Руссо. ЮЛІЯ ИЛИ НОВАЯ ЭЛОИЗА. ил Письма двухъ влюб- ленныхъ, живущихъ у подошвы Альпъ.

КНИЖНЫЙ

МАГАЗИНЪ

Н. Ф Е Н У и К^о.

СПБ., Невскій пр., д. 40. | МОСКВА, Петровскія Торговыя лавы, 17.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ МЕЖДУ ПРОЧИМИ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Альбрехтъ, В.** Практическое руководство къ изученію шахматной игры. 2 части. Ц. 2 р. 60 к.
- Влюмбергъ, Я.** Приложение алгебры къ геометріи. Для средне-учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Ц. 40 к.
- Учебникъ элементарной геометріи. Для средне-учебныхъ заведеній. Ц. 1 р.
- Ворхсеніусъ, Е.** Представители реального романа во Франціи въ XVII столѣтіи. Ц. 60 к
- Врандесъ, Г.** (пер. Э. Ватсонъ). Новая вѣяніи. Литературные портреты и критическіе очерки съ приложеніемъ автобіографіи Г. Врандеса и его характеристикъ. Ц. 2 р.
- Велковъ, С.** Уроки рисованія для мальшъ дѣтей съ методическими указаніями для матерей и воспитателей. Съ 36 табл. рис. и 4 транспарантами. Ц. 75 к.
- Ворокецкій, А.** Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ 3-й. Европа. Съ рис. Ц. 40 к.
- Гаммерлингъ, Р.** (пер. Н. Эйфертъ). Агасферъ въ Римѣ. Стихоть. въ 6 пѣсняхъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Гердъ, А.** Учебникъ географіи. Для средн.-уч. зав. ч. IV. Европа. Ц. 75 к.
- Горбатовъ, П.** Физическія условія химическихъ явленій. Ц. 25 к.
- Готорнъ, Н.** Книга чудесъ. Разсказы для дѣтей изъ міеологіи. Съ рис., 2 т. Ц. 1 р. 50 к.
- Грэхэмъ, Г. Ж. Ж.** Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. Съ порт. Руссо. Перев. съ англійскаго. Ц. 1 р.
- Диккенсъ, Ч.** (пер. съ англ.). Барнаби Роджъ. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.
- Загоскинъ, М.** Сочиненія. Съ биограф. и портретомъ автора. 7 т. Ц. 16 р.
- Игнатовъ, Н.** Справочная книга для родителей и воспитателей на 1889—90 учебный годъ. Ц. 2 р.
- Даланъ, М.** (Пер. съ франц. О. Кочетова). Рисованіе углемъ. Ц. 20 к.
- Майнъ-Ридъ.** Огненная земля. Романъ. (Путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ.) Съ 24 рис. Ріу. Ц. 1 р.
- Машштейнъ, С.** Матеріалы для усвоенія греческой этимологіи и ключъ къ нимъ. Ц. 1 р.
- Менделѣевъ, Д.** Основы химіи. Съ рис. и портрет. Изданіе 5-е. Ц. 5 р.
- Немировичъ-Данченко, В.** Счастье Ивана Непомнящихъ. Ц. 5 р.
- Овсянниковъ, Н.** Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Ц. 50 к.
- Пушкиновскій, А.** Географія Россійской Имперіи. Изд. 3-е, исправл. Ц. 1 р.
- Рише, Ш.** (Пер. съ франц. съ прим. П. Астафьева.) Опытъ общей психологіи. Ц. 1 р. 50 к.
- Самойловъ, В.** Практическій курсъ начальной грамматики русскаго языка съ приложеніемъ примѣровъ и статей для письменныхъ и устныхъ упражненій. Посobie, указанное главнымъ управленіемъ в.-у. заведеній въ приемныхъ требованіяхъ отъ поступающихъ въ I классъ кадетскихъ корпусовъ. 2-е испр. изд. Ц. 20 к.
- Соколовъ, В.** Прошлое и настоящее земли. Геологическіе очерки. Ц. 50 к.
- Стивенсонъ, Р.** Островъ сокровищъ. Романъ. Съ 26 рис. Ріу. Ц. 1 р.
- Стоянинъ, В.** Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
- Тавилдаровъ, Н.** проф. Химическая технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. 2 т. I. Общая часть. Крахмальное производство. Свеклосахарное и рафинадное производства. Съ 40 табл. полиграфическихъ. II. Пивоваренное производство. Винокуренное производство и очищеніе сирого спирта. Съ 36 табл. пол. Ц. 8 р.
- Тепловъ, В.** Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе. Императорскою академіею наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отзыва. Ц. 3 р.
- Теляковскій, А.** Справочная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, содержащая въ себѣ: законы 12 іюля 1889 г. и 38 къ нимъ приложеній. Ц. 1 р. 50 к.
- Шаниръ, О.** Безъ любви. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 р.
- Шинило, П.** Опытъ практической химіи. Часть неорганическая. Металлоиды. Съ приложеніемъ чертежа. Ц. 50 к.
- Шурьевъ, В.** (Дрангель). Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к.

Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Въ петербургскомъ магазинѣ приемъ подписки на русскіе и иностранные журналы по цѣнамъ редакцій.

ВЫШЕЛЪ ВЪ МОСКВѢ И ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО—
для имѣющихъ первыя 5 РАСПРОДАННЫХЪ изданій автора:
7-й ТОМЪ (5-го изданія)
сочиненій Г. П. Данилевскаго (410 стр.)

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ

(ПУГАЧОВЩИНА),

романъ, въ 3 ч., **Имянины прабабушки**, рассказъ,
и пр. Спб., 1889 г. Цѣна 2 р., перес. за 2 ф. Обычная
уступка книгопр. и библиотекамъ. Складъ изданія: Спб., типо-
графія Стасюлевича, и въ конторѣ журнала „Русская Мысль“
(Москва). Выписывающіе отъ автора (Спб., Невскій, д. 69—1,
кв. 3) за пересылку ничего не платятъ.

ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

„ДОНЪ-ЖУАНА“

(БАЙРОНА).

Переводъ П. А. Козлова.

Съ предисловіемъ В. П. Буренина, примѣ-
чаніями П. И. Вейнберга и извлеченіями изъ
отзывовъ печати.

Цѣна за 2 тома 4 рубля.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Васильевскій
Остр., 2-я Линія, № 7, книжный складъ Ста-
слюевича.

	Стр.
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	172
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Вопросы уголовной антропологіи и парижскій уголовно-антропологическій конгрессъ.—Д. А. Дриля.	180
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый выигрышный заемъ.—Облегченія заемщикамъ дворянскаго банка.—Новыя ходатайства въ пользу дворянства.—Вопросъ о передачѣ земскихъ школъ въ духовное вѣдомство.—Дворянство и земство по отношенію къ народной школѣ.—Дѣло объ обвалѣ дома на Бузнецкомъ мосту.—А. С. Лашкевичъ †.—А. Д. Градовскій †.—VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.	204
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Разладъ</i> , драма В. А. Брылова; <i>Водоворотъ</i> , драма И. В. Шпажипскаго.—Театръ г-жи Абрамовой: <i>Грѣшница</i> , драма А. И. Пальма; <i>Матап</i> , комедія С. Н. Тернигорева; <i>Золотая рыбка</i> , комедія И. А. Салова и И. Г. Ге; <i>Мечты и жизнь</i> , драма г-жи Домашевской; <i>Троглодитъ</i> , комедія гг. Тарновскаго и Матернъ.—Театръ г-жи Горевой: <i>Перекаши-поле</i> , комедія г. Гнѣдича.—Ан.	225
XIX. ЗАМѢТКА PRO DOMO SUA.—П. Н. Миллюкова.	241
XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философіи и психологія.—Археологія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги и учебники.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», октябрь.—«Русскій Вѣстникъ», августъ—октябрь.—«Вопросы философіи и психологія», кн. I.—«Біевская Старина», май—октябрь.—«Библиографъ».	467

При этой книгѣ прилагаются объявленія: отъ редакціи «Недѣли»—для
всѣхъ подписчиковъ и отъ книжнаго и музыкальнаго магазина Вл. Г.

Горька—за исключеніемъ петербургскихъ.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условия подписки на 1890 годъ:

(одиннадцатый годъ издания).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 рубля.

Клиентопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго вземшляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леоптьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ДАВРОВЪ.

01

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

JUN 20 1949

LIBRARY USE MAR 20 '86

OCT 15 1959

LIBRARY USE MAY 8 '86

REC'D LD

JAN 28 1959

12-3 PM '87

REC'D LD OCT 4

INTERLIBRARY LOAN

APR 4 1950

UNIV. OF CALIF., BERK.

REC. INTR.

MAY

1980

LD 21-100m-7,'39 (402s)